

Серия: Записки дряхлого супермена

Игорь Н. Бекман

ВЕРХОЯНСКАЯ САГА

или

КАНИКУЛЫ В АДУ

или

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Часть 1.

Одиночество бегуна на дальнюю дистанцию.

От автора

Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдёт, как с белых яблонь дым.

Одну из стен нашего дома в подмосковном посёлке Клязьма украшала картина "Всё прошлом" Василия Максимова, на которой старая барыня сидя в кресле у флигеля предаётся воспоминаниям о своей бурной молодости. Мой отец после восьмидесяти коротал время на диване, прокручивая в уме калейдоскоп картин прошлой жизни. Теперь и я сижу на даче в беседке в шезлонге, сложив ноги на табурет и положив компьютер на пузо. Лорнета, бархатной тальмы и спаниеля у меня нет, но цветы есть: как в детстве – золотые шары и мальвы. Барской усадьбы с колоннами давно нет, но сруб ещё стоит.

Былое требует: запиши, запиши. Записки Дряхлого Супермена. Конечно дряхлого, но всё же супермена, супермена, но дряхлого, увы. Барона, но русского барона, Мюнхгаузена из Подмосковья, профессора смежных наук.

В. Максимов. Всё в прошлом.

А, собственно, что я помню? Реальность или мечты о ней? Лена, Яна, Адыча, Туастах, Батагай, Кестёр, оловянные рудники, заключённые и надзиратели, ссыльные и "химики", старые коммунисты, комсомольцы, стилиаги, масоны, тунеядцы, диссиденты, власовцы, бандиты всех мастей, бандеровцы, чекисты, кулаки, якуты, тунгусы, чукчи,

бичи и геологи, охотники и рыбаки, дамы с различной степенью эротикала, лесотундра, собаки, лошади, звери-птицы северные явно были и, скорее всего, и сейчас они есть. Гномов, Синильги, тёток-киллеров, учёных-кочегаров не было и нет. А удалось ли подбить глухаря, трахнуть зазевавшуюся тёлку, изготовить напалм и взорвать им врагов, посетить компьютерное царство – не ясно. Было или не было? Установить решительно невозможно.

Есть материя, и есть сознание. Что первично? Существует реальность или лишь впечатление о ней? Виденье мимолетное. Калейдоскоп призраков. То ли реальность, то ли фантастика. Пустыни, оазисы, миражи висят в восходящих потоках.

Идеализм и материализм в одном флаконе.

Осень супермена.

Василий Блаженный, Иван Грозный, ушлый калачник. Мы знаем их деяния. Но насколько точно? Установить нельзя. Да и ненужно...

Записки "Бдения и странствия барона Кастыля" – труд обширный. Как никак, а 21 экспедиция, походы, командировки...

Здесь – отчёт о первой экспедиции, Яно-Адычанской экспедиции ИМГРЭ, одобренный якутскими байками.

Школьное сочинение на тему "Как я провёл лето" или "Каникулы в аду".

Конгломерат юношеских и старческих фантазий. Прыщавого юнца и профессора.

Интересен лишь ему самому.

И то – не очень.

Сказал себе я: "Брось писать". Но руки сами просятся.

Не верь, не бойся и пиши.

*В жизни всегда есть место подвигу.
Надо только быть подальше от этого места.*

Закон Мерфи

У Альберта Камю в "Чум'е" один герой много лет пишет роман. Когда он умирает, несколько томов черновика заполнены вариантами первой фразы. Я тоже этим сначала увлёкся, потом бросил.

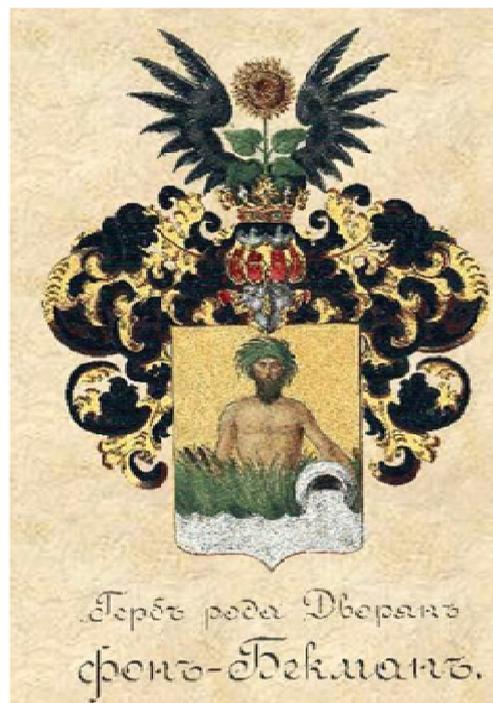
Поэтому начинаю без затей.

Сдал я оборудование в грузовой порт Шереметьева, и через неделю наша маленькая Яно-Адычанская экспедиция от ИМГРЭ (Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов) вылетела на свиданье с рекой Яна, её притоком Адычей и окружающими их горками (Верхоянский хребет, горная страна Черского и одинокая гора Кёстёр). Нас трое: начальница – Анастасия Семёновна, 48 лет, древняя старуха по моим тогдашним ощущениям, рабочий Анатолий 37 лет – старик просто (по паспорту он был Герман, но так себя никогда не называл, учитывая недавнюю войну с немцами) и я – 19-ти летний студент химфака МГУ, перешедший на третий курс. Направлялись в северо-восточный угол Якутии, в бассейн рек Яна, Адыча, Туастах, в поселки Батагай, Бетенкёс. Маршрут по разрушенным лагерям и ещё работающим оловянным рудникам, по тайге, тундре, лесотундре, горам, болотам и ледникам. Знакомство с местной флорой и фауной, с аборигенами, с ссыльными и геологами, начальниками всех мастей и бандитами.

Даёшь адреналин!

Прощай Клязьма

*Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости – прощай,
Прости – прощай...*

Гербы Бекманов: слева – немецкий, справа – русский. Родоначальники нашей фамилии (русских Бекманов) – норманны-викинги, скандинавы и остзейские бароны. Впервые фамилия Бекман возникает в 1241 в связи с бароном von Beckmann - крестоносцем из области Вестфалия (сейчас земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия), участником "крестового похода детей". Российской империей герб пожалован 8.03.1797 Петру фон Бекману, почтмейстеру Курляндского герцогства (Курземе, Латвия) императором священной Римской империи – Францем II. Описание герба: *В золотом щите, выходящий из зелёного тростника на серебряной волнообразной оконечности дикий человек, с зелёным венком на голове, обхватывающий левою рукою полуопрокинутую серебряную урну с выливающейся водою. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: два чёрных орлиных крыла, между ними золотой подсолнечник с зелёными стеблем и листьями. Намёт: чёрный с золотом.*

Праздничный день 2.05.1961 для меня и моей семьи оказался революционным. Революция, как катастрофа.

В этот день закончилась эпоха жизни мелкопоместной дворянской семьи в мире социализма, с чадами-домочадцами, прислугой и приживалками, собаками, кошками и кроликами, с садом-огородом, химической лабораторией и школьными друзьями-подругами. Нас выселили из древнего дома, возвышавшемся на большом, заросшем соснами участке в славном посёлке Клязьма, что по Ярославской дороге в 27 км (тогда!) от Москвы. Прожили мы тут 20 лет, включая войну, тихой патриархальной жизнью, далёкой от строительства коммунизма. Теперь нас переселяли в Люберцы, куда-то на окраину, в городскую квартиру в стандартной хрущёвке.

Посмотрел я последний раз на гербы нашего рода, баронов фон Бекманов, висящих в тяжёлых рамках по обе стороны задней стенки печки-голландки напротив моей постели, погрузил семейство (старые мать и отец, сестра Лена, племянница Татьяна и овчарка Гера) в крытую полуторку, кинул туда несколько чемоданов и махнул рукой.

Меня ждала Якутия. В конце концов Африку и Индию завоевывали не английские беспризорники, а английские лорды. Так почему бы комсомольцу со стажем и потомственному (13-е поколение) дворянину, барону (разбойнику?) не завоевать Сибирь? Правда, говорят, она уже захвачена Московией. Так то – страной, а теперь будет мной!

Поклонился родному дому, в котором осталась часть души (и огромное количество древнего барахла, старинных книг на чердаке, химической посуды, веществ и реактивов, и многих других семейных ценностей), корабельным соснам, саду. Вдохнул и пошёл со своими двумя рюкзаками на станцию.

*Когда воротимся мы в Портленд, нас примет родина в объятия,
Да только в Портленд воротиться нам не придётся никогда.*

*Лёгко на подъём, когда ждут там или надоело здесь.
Когда вернусь, всегда не знаю.*

Начало

Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага.

Лао-Цзы

Правильно говорит Старый мудрец» (он же «Старый младенец»). Жутко умным мужик был: 3000 лет тому назад сказанул, а до сих пор все помнят. Не даром был старым ребенком, рождённым под сливовым деревом, после того как мать носила в утробе 81 год. И на свет появился не как все, а из её бедра, уже седым - готовый старик.

Сам бы я до этой истины не допёр.

Однако, первый шаг сделал. Дошёл до платформы Клязьма. Дальше – на электричке. О ней древние мудрецы никак не высказывались.

Электричка оказалась полупустой, что большая редкость, обычно она переполнена. Пушкинская, видать. Сел на пустую лавку и пригорюнился.

Судьба нас гонит вдаль от дома...

Какого чёрта?! Убегаю от политического преследования, от мордобоя, от кредиторов, от домашнего деспотизма? Может я промотал имение, как Лев Толстой и его герой Д.А.Оленин? Может меня выгнали со 2-го курса МГУ? Мне нужно зарабатывать на жизнь? Я большой любитель путешествий и не способен дома сидеть? Бегу от несчастной любви? Или охочусь за ней? Хочу адреналина? Нет, нет и нет!

Мое любимое местопребывание – на диване с книжкой и телевизором. С некоторым отрывом на химические экзерсисы и сопутствующие им взрывы. Ходил я за земляничкой на местные опушки, да за маслятами в сосновые посадки. Но не более того! На волков, медведей, тем более на львов и тигров не охотился. Вальдшнепа от куропатки не отличу. Примус-корогаз-керосинку раскопечгарю, а костра под дождем не разожгу. По крайней мере никогда не пробовал. Я – поздний ребенок, мальчик, семья во мне души не чает, ни дня без нянь, домработниц, и заботливых без меру тёток, сестры и кузин. Барчук я! Самый настоящий. Правда и Дмитрий Андреич Оленин из "Казачков" тот ещё кадр в

Питере был. А ничего юнкером служил, воевал на Кавказе, охотился. Кроме несчастной любви к прекрасной казачке – никаких проблем. Может и я любовью отделаюсь? Куда меня несёт? Ведь мог бы потаскать книги в библиотеке химфака, потом с мамой смотаться в Сочи к её двоюродному брату, покупаться в море, на озере Рица прохладиться. Да и в Клязьме я нужен: семейство переезжает, кто-то должен вещи таскать, мебель двигать.

Поехали, сказал попугай, когда кошка за хвост потащила.

Желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит.

Только где эта Судьба? Как-то её не видно. Идея пришла сама собой, никто не насиловал (наоборот, умоляли остаться). Сам мотался по Москве, в поисках экспедиции куда подальше (а куда дальше – на Аляску?!), оформился рабочим.

Назвался груздем – полезай в кузов.

Бросаю всё: друзей и подруг, больше их никогда не увижу. Не только не увижу, но и знать об их судьбах ничего не буду. Пять минут назад они все умерли для меня. От московской квартиры до Клязьмы максимум час пути, а за рулём автомобиля ещё меньше. Но я никогда не пройду по улицам посёлка, не посмотрю на свой старый дом. С таким же успехом я мог бы жить в Австралии или на Марсе.

Ребёнок вырос и свалил. Как Д'артаньян.

Да что грустить о прошлом! О будущем думать надо. Впереди одни опасности: от дедовщины в собственном отряде до сибирских бандитов, и от лошадей (коня одного я видел на ВДНХ, чем пока и ограничился) до хищных зверей. Горы, ледники, тайга, тундра, бурные реки с ледяной водой, враждебные народы. Погибну за понюшку табака...

Жалко себя. Хотелось плакать.

У Оленина хоть Ванюша был трусоват, но все же было с кем дело иметь. А я один. Дон Кихот без Санчо Пансы, и Донжуан без Лепорелло. Хоть и много разных личностей рядом будет. А всё равно - один. На всю жизнь.

Великий человек подобен орлу: чем выше он взлетел, тем меньше доступен взору; за свое величие он наказан душевным одиночеством.

Вспомнил, что я всё же химик, могут стать опасным, за себя постою – это точно. Слегка успокоился.

Однако, Москва 3-тья, пора на выход.

Человек может сделать великим путь, которым идёт, но путь не может сделать человека великим. Сказал Конфуций.

Проверим тезис на практике.

Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,

Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.

От чистого истока в прекрасное далёко,

В прекрасное далёко я начинаю путь...

Я клянусь, что стану чище и добрее.

Может быть, может быть... Особенно, если это далёко окажется прекрасным, и не будет ко мне жестоким.

Прощай Москва

Прощай, родная моя,

Дорога снова вдаль зовёт меня.

В Москве встретился с тремя подругами по курсу, мы взяли такси и покатали по улице Горького в Шереметьево. По дороге болтали на актуальные темы, про зачёты по матану, аналитической химии, да истории партии. Им ещё предстояло сдать экзамены. А я всё! Я сдал досрочно, не ахти как, но сдал.

Сдадим наши посредственные знания на хорошо и отлично!

Свободен!
*Наступает минута прощания,
 Ты глядишь мне тревожно в глаза,
 И ловлю я родное дыхание,
 А вдали уже дышит гроза.*

Так, под марш "Прощанье Славянки", звучащем у меня где-то внутри, простился с подругами, сдал свой огромный рюкзак в багаж. Рюкзак, кстати, настоящий, яровский. Объёмистый мешок армейской защитной окраски с боковыми шнуровками, позволяющими регулировать объём, с ляжками, закрепленными с помощью металлических рамок на веревочной тетиве охватывающей горловину рюкзака. Удобен тем, что в него можно кидать всё подряд, с любой набивкой он идеально прилегает к спине. Набит рюкзак основательно (еле в дверь проходит): ружьё двуствольное, патроны к нему, немецкий штык, финки-кинжалы, толовая пашка, канистра спирта (во времена были, вот когда была настоящая свобода – вози, что хочешь, теракты организуй). Налегке пошёл по лётному полю к самолету. Походка землепроходца, за спиной очередной (не слишком большой) рюкзак, всё покрыто плащ-палаткой, без рукавов, но с разрезами для рук. Шёл мужик, бывалый геолог, как-никак 19 лет, позади год работы рабочим-художником, целина, 2 курса МГУ (химфак). И интенсивное, с нежного возраста, занятие химией (мирной и не очень).

*Мы отравим весь мир меркаптаном,
 Будут трупами ямы полны,
 Запах смерти взлетит к Марсианам,
 К обитателям бледной Луны.
 Обольем города толуолом,
 Подожжём мы их с разных сторон,
 Все живое отравим фенолом,
 Хлором вытравим зелень лесов.
 Недовольных, – туда им дорога, –
 Мы засунем живьем в формалин,
 Но их будет не так уж и много –
 Остальных передошлет зарин.
 Мы вулканы забьем динамитом,
 Разорвём на куски шар земной!
 Во Вселенной, залитой ипритом,
 Будет мир, тишина и покой...
 И цианистый калий спокойно,
 Всыплем мы в Мировой океан,
 Твое право – ты либо покойник,
 Либо химик и вдребезги пьян!
 И тогда в прорезиненных масках
 С этанолом в дрожащих руках,
 Мы закружимся в бешеной пляске
 На руинах, могилах, гробах...
 Все выше, и выше, и выше
 Летит рыжий бром к небесам,
 И кто этим бромом подышит –
 Отправится следом и сам.*

Ну, Бог даст, обойдётся без садизма, но если что пойдёт не так... реакция себя ждать не заставит.

Сейчас я не химик, я – коллектор (так записано в трудовой книжке), т.е. почти геолог. С неплохой зарплатой, между прочим, в 2,5 раза выше стандартной – полярная надбавка. Это вам не стипендия и не родительский взнос. Можно и разбогатеть...

Коллектор – лицо, которое собирает, заносит в опись и хранит какие-либо образцы.

На мне – новые ботинки. Настоящие туристские, на толстой подошве, с мощным рельефом, чтоб не скользили. Немного не по ноге, но ничего – разойдутся. Брюки, куртка – всё геологического вида, с эмблемой гор и скрещенных молотков.

Костюмчик новенький, колёсики со скрипом...

Была нервная дрожь – признак перелома судьбы.

Москва - Якутск

Великий сказал: умей жить в пути

Никогда я не летал, и самолёт видел только в небе. Пустое! Опыт – дело наживное.

На регистрацию выстроились две очереди. Кто-то мне объяснил, что большинство людей – правши и интуитивно принимают правую сторону. Поэтому встал в левую. Теория подтвердилась экспериментом: в левой очереди народу было меньше, и продвинулся я быстро.

Ил-18 оказался большим самолётом, на сотню пассажиров. Четыре двигателя с длинными лопастями. Тяжёлая на вид штука, явно тяжелее воздуха. Утюг! А как утюг может летать?! Не может он летать. Однако летает. Чудеса...

Самолёт ИЛ-18.

Места у нашей команды оказались разными, пораскидало по салону, плотно набитому пассажирами. Так что развлекал себя я сам.

Пассажиры плащи-куртки снимали, забросили их и сумки-авоськи-баулы на полки. Я свой рюкзак засунул под кресло. На всякий случай, чтоб под рукой был. Там кастет и палка с гирей на цепочке (оружие гуситов). Начнётся драка, будет, чем отмахиваться. Мог бы пистолет прихватить, но его заранее отправили багажом. Да стрелять тут опасно – дырку в корпусе пробьёшь, воздух выйдет, чем дышать будем? Геологический молоток прислонил к стенке (оружие ближнего боя).

Место мне досталось прекрасное – у окна. Можно наблюдать жизнь снаружи (погрузка багажа) и внутри. В спинке кресла размещался проспект «Летайте аэрофлотом». Интересно, а чем ещё летать? И пакет из плотной бумаги не ясного предназначения (потом выяснилось – что б было куда блевать). Поиграл с раздвижным столиком, не сразу, но освоил. Над головой – разные кнопки (трогать не стал, последствия не ясны) и трубочка, из которой сильно дуло, сначала направил её на соседку, потом прикрутил, дуть перестало. У меня интерес к окружающей среде, как у Почемучки. Был такой мальчик Алёша Почемучка в рассказах Бориса Жидкова. У него свои приключения, а у меня свои.

Однако, суесться не стоит. Сел я на место и затих.

Раздали конфеты-сосалки, и показали, как надевать спас-жилет и как грамотно нырять, если сядем на воду. Интересно, как это получится? Немного помечтал. Занимательно. Только где в Сибири такие водные пространства, чтобы аэроплану было, где искупаться? А плавать он умеет?

Двигатели взревели, самолёт ускорился, слегка вдавило в кресло, затрясло. Прыжок! И летим! Лес, дачные поселки, речка – всё под нами. Начали пробивать облака, какое-то время шли в сплошном тумане и, вдруг, оказались в синем небе, рядом с огромным, аномально ярким солнцем. Впечатляет!

На табло появилось: отстегнуть ремни, курить и расслабиться. Самолёт шёл плавно, лишь изредка дрожал и проваливался в воздушные ямы. Пакеты мало кому понадобились, хотя страдальцы нашлись. Стюардессы покатали тележку с яствами. Еда обильна: салатик, курочка, пирожное, чай-кофе. Но главное – апельсин! Каждому раздали по одному большому апельсину. Прямо из Марокко! Я вообще-то уже едал апельсины, но

лишь пару раз. На столике всё не помещалось, непрерывно что-то падало и проливалось. В конце концов, мой кусок хлеба, обильно смазанный маслом, вывернулся из рук и приземлился на живот сидевшей рядом дамы. Та возмутилась. Однако через три минуты вылила кофе мне на первый раз надетые брюки-энцефалитки. Боевая ничья!

Пока жизнь складывалась удачно.

Попытался заснуть, но ничего не вышло: то ноги девать некуда, то голова отваливается. Полез в рюкзак. Там, помимо орудий для мордобоя, была книга: Голсуорси «Сага о Форсайтов». Четыре тома! Вынул первый («Собственник») и стал читать.

Тем, кто удостаивался приглашения на семейные торжества Форсайтов, являлось очаровательное и поучительное зрелище: представленная во всём блеске семья, принадлежащая к верхушке английской буржуазии. Если же кто-нибудь из этих счастливых обладал даром психологического анализа (талантом, который не имеет денежной ценности и поэтому не пользуется вниманием со стороны Форсайтов), глазам его открывалась картина, не только восхитительная сама по себе, но и разъясняющая одну из тёмных проблем человечества. Иными словами, сборище этой семьи, — ни одна ветвь которой не чувствовала расположения к другой, между любыми тремя членами которой не было ничего заслуживающего названия симпатии, — помогло внимательному наблюдателю уловить признаки той загадочной, несокрушимой живучести, которая превращает семью в такое мощное звено общественной жизни, в такое точное воспроизведение целого общества в миниатюре. Этому наблюдателю представлялась возможность прозреть туманные пути развития общества, уяснить себе кое-что о патриархальном быте, о передвижениях первобытных орд, о величии и падении народов. Он уподоблялся тому, кто, следя за ростом молодого деревца, живучесть и обособленное положение которого помогли ему уцелеть там, где погибли сотни других растений, менее стойких, менее сильных и выносливых, в один прекрасный день видит его в самый разгар цветения, покрытым густой, сочной листвой и почти отталкивающим в своей пышности.

Тягомотина та ещё, словоблудие великого романиста. Зачем я взял это произведение искусства с собой? Меня интересует жизнь английской буржуазии конца 19-го века? Нет! Деяния разбойника, сколотившего состояние, которое теперь транжирят бездарные дети-внуки? Нет! Проблемы мужа, которому не даёт жена? Нет! Проблемы Маньки, что всю жизнь любила Ваньку, а жила с Петром? Нет! Ни содержание, ни форма, ни язык, ничего не привлекает. Но я исправно таскал все четыре тома по тайге-тундре, извлекая из вод болот-рек, куда заносил их мой конь, читал в палатках-юртах, или просто на валежнике, отбиваясь от комаров. Зачем? Не знаю!

Усталость брала свое, стал засыпать. Какие-то видения возникали и исчезали. То я бродил по дебрям уссурийского края со своим Дерсу Узала, то по земле Императора Николая II (теперь Северная земля) с Ушаковым, Урванцевым и белыми медведями, месторождения олова открывая, то в Центральной Африке был я Ливингстоном, был врачом, миссионером, теологом и топографом, боролся с работорговлей под девизом «Христианство, торговля и цивилизация», открывал озеро Тангайника в Конго (Самое длинное в мире пресноводное озеро и одно из самых глубоких), водопад Виктория на реке Замбези. Именно я подрался со львом и тот откусил мне левую руку, так что стрелять из ружья стало неловко. Ко мне на помощь пришёл журналист-авантюрист Стэнли. Но мне не повезло. Умер я от геморроя.

Моторы гудели, напевая какую-то мелодию. Постепенно я стал узнавать. Варшавянка!

*Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.*

Потом шла какая-то перебивка, но снова и снова:

*На бой кровавый,
Святой и правый*

Марш, марш вперед,

Рабочий народ.

На бой, конечно, на бой. Надеюсь, правый. Святым он точно не будет, а кровавым может быть. Хотя не хочется. Был я до поступления в МГУ рабочим, но за рабочее дело бороться не берусь. Да что оно значит это рабочее дело? Мужики боролись за лучший мир, пух и перья летели. И до чего доборолось?! До крепостного права. О всех народах голова у меня не болит, с самим бы собой справиться. А вот свобода мне нужна, не обязательно святая, но свобода – в смысле воля-вольная. Надоело пребывать в рабстве в этой тухлой Москве.

Послушал я эту мелодию дюжину раз и отключился. Приснился мне алмазный король Сисиль Родс (основатель двух Родезий).

Может и мне что основать?! Так, между делом...

Самолёт садился в Омске, Новосибирске и, наконец, в Красноярске. Пересадка! Нас выпустили в дождливую ночь с ветерком холодным. Комфорт кончился. Зал был переполнен народом и душен. Приткнуться негде. Я залез на буфет, где на высоте двух метров заночевал без всякого удовольствия. Утром буфетчица согнала меня с крыши своего рабочего места, но бутербродом с колбасой угостила: я ведь убрался без скандала.

Где-то днём мы погрузились в Ил-14 и, задрвав хвост, рванули в Якутск. Двухмоторный поршневым самолёт, способный летать и на одном двигателе, и садиться на грунтовые аэродромы, имел 14 посадочных места. Мы их и заполнили.

На ИЛ-18 мы до Красноярска 6 часов летели, вроде всю Россию промахнули, казалось бы, пора прибыть в конечный пункт. Но куда там! Натужно гудят моторы, земля плывёт под нами, но не кончается: час, пятый, десятый, день, ночь, снова день, а мы всё летим и летим. Внизу огромные реки, видать, и так широкие, но сейчас по случаю половодья и ледяных заторов – особенно. Озёра, тайга и болота, болота, болота. Иногда –

горы. И ни огонька. В смысле фонарей. Огонь-то как раз бывал – горит тайга, неизвестно кем подожжённая. Позади сотни, тысячи километров ни жилья, ни людей нет!

Самолёт ИЛ-14.

Да ребята. Не понять немцу-чеху что такое Россия, никогда не понять...

Трясло и потряхивало, но сносно. Спать особо не мешало. Но над реками: Ангара, Тунгуска, Вилюй, Лена восходили воздушные потоки: нас то задирали в гору, то кидали вниз. Тут тошнить стало многих,

а затем и рвать. Довольно активно – дело заразительное, особенно, когда запашок идёт по салону. Я ничего такого отрицательного не чувствовал, спутники мои от лёгкого казённого завтрака (очень лёгкого – с ИЛ-18 не сравнишь) отказались, так что покушал за троих.

Прогулялся в сортир в хвосте самолёта, а потом в кабине постоял за спиной лётчиков. Вид хороший и интересно, как управляют – один рулит, другой на газ жмёт. По радио конфиденциально пришло важное известие: в Олёкму завезли спирт-питьевой. Продукт ценный и в это время в этих краях редкий. Мне с непривычки было странно, что в магазинах здесь спирт, а не водка. Но мне объяснили – чего в такую даль воду возить? И то правда...

Лётчики возрадовались и мы вошли в пике, хотя никакой Олёкмы в расписании не значилось. Сели, пассажиров выгнали в аэропорт – сарай длинный, обыкновенный – чтобы не возмущались и не стукнули, кому не надо. А ещё говорят, что в СССР нет места частной инициативе, нет места бизнесу. Есть, есть место, и ещё какое!

Полетели дальше, вошли в ночь, я задремал. Не долго. Раздались крики, кто-то толкнул мою соседку, та – меня. Продрал глаза. Со стороны хвоста пролетела тётка и плюхнулась на своё место. За ней последовала частично раздетая (или полуодетая?) деваха с мощными телесами, навалилась на тётку и впилась зубами ей в плечо. Та завизжала. Стюардесса, пара пассажиров и подоспевший из сортира парень не без борьбы, но расцепили дам. Драки, конечно, должны быть. Нельзя без них. Но мужиков, а не фурий!

Как мне объяснили, парень с девахой, пользуясь полумраком, проникли в сортир, где занялись сексом. Тётка их как-то обнаружила и призвала экипаж освободить туалет. Ну, девка и возмутилась. А вы бы нет?! Но только, как они смогли осуществить половой акт технически? Я один в этом карцере еле поместился, хотел рубашку поменять и не смог, места не хватило. А тут вдвоём! Ребята-акробаты, наверно в йоге сильны...

Проснулся я вовремя. За бортом – прекрасный пейзаж. Ленские столбы. То ли замки, то ли люди стоят каменным строем.

*Они стоят над Леною-рекой
Охранниками вечного покоя,
Застывшим строем, каменной толпой,
Недвижной монолитностью немою.*

Впечатляет! Вот бы где побродить.

Падая в ямы и выбираясь из них, самолёт шёл низко над Леной, повторяя её изгибы. На берегу - скалы (выветренные известняки).

Ленские столбы: говорят, большее впечатление производит только Гранд-Каньон в США.

Ленские столбы хорошо смотрятся на закате.

Возвращаясь из сортира, обнаружил в проходе на полу лежащих пассажиров. Не только лётчики обзавелись в Олёкме спиртом питьевым. Кому-то тяжело стало в кресле, пришлось сползти. Переступать через них было сложно, тем более, что некоторые были возбуждены и активны, цепляли прохожего и интересовались: ты меня уважаешь?

Жизнь на борту бьёт ключом, а мы всё летим и летим. По-над Леной, петляем вместе с рекой. К вечеру на левом её берегу, довольно далеко от русла, увидели огни Якутска. Город большой – под четверть миллиона жителей, треть населения всей Якутии. Кстати местные его зовут Дьокуускай, не знаю, чтобы это значило.

Якут и Саха

*Хомойобун баҕа санаам туолбатыттан,
Угус алҕас быһыыбыттан,
Истинтэн-истин доҕотторум албын-келдьун
Уонна сымыйа тылларыттан.*

Раз уж я в Якутии и собираюсь общаться с якутами, то пора выучить якутский язык (с ходу невозможно – английский учу десятый год и без толку), или хотя бы узнать как переводится Якутия и якут. Обратился в Большой Советской Энциклопедии. Не помогло. Сходил к соседям по Клязьме, к татарам чистой воды. Те, не моргнув глазом, сообщили, что *yakut* – это рубин или яхонт. Понятно, то и другое – корунд (рубин – это красный корунд, Al_2O_3). Но только причём здесь Якутия? Там, что везде рубины?! Сомневаюсь! Видавшая виды домработница предположила, что *я* – это местоимение, а *кут* – душа. Якут говорит: я – душа. Красиво, но не реалистично.

В Красноярске, ожидая рейс, узнал у геолога, что когда русские землепроходцы спросили у эвенков, кто живет дальше на восток, те ответили – якуты. Ибо по-тюркски (алтайская группа языков: турецкий, монгольский, якутский, азербайджанский, узбекский, казахский, киргизский) *jaka* «край, ворот, граница, берег». Поэтому якуты – окраинные жители. Вот это уже похоже на правду. Однако якуты не согласились, что они – окраинные жители, за ними много кто живет: коряки, чукчи... Поэтому себя они называют Саха, т.е. человек (тут странно то, что горы-кигиляхи переводят как горы – человеки). Видимо, саха – человек по национальности якут.

Так я решил для себя и больше к этому не возвращался. Хотя один знаток уверял меня, что саха – щедрый, великодушный. Возможно...

А вот чем отличаются друг от друга тунгусы и эвенки, почему их так зовут, не понимаю до сих пор.

Якутск

*Красотою своею пленила она меня,
Долина Туймаада, народа Саха земля.*

Благополучно сели. Дождь – не самое главное. Главное – самолёт встал в центре огромной и глубокой лужи. Как он её нашёл на полностью бетонированной площади, в значительной степени покрытой снегом, – не ясно, но нашёл. Людей спустили в неё по шаткой приставной лестнице, а личные вещи стали выкидывать из люка. Кто поспоровистей, утопая по колено в воде, ловил в воздухе свои чемоданы-баулы. Вот из люка вылетел рюкзак. "Мой" – рюхнул Штирлиц. Как Яшин бросился я, вздымая волны, на воздушный перехват: там ведь фотоаппарат, теодолит, оружие и много чего ещё хрупкого, но полезного. И я поймал его! К сожалению, весил он пуда два и успел за время полёта со второго этажа превратить большую часть своей потенциальной энергии в кинетическую. Устоять на ногах не удалось. К счастью, я упал на спину, где у меня был рюкзак малый, и большой почти не промок. Чего нельзя сказать обо мне...

Мокрые, грязные подтащились мы к аэропорту. Там нам открылась местная достопримечательность – туалет общественный. Он стоял на высоких столбах (впрочем, как везде на вечной мерзлоте). В кабинки надо было забираться по лестнице. Прикол в том, что столбы эти когда-то были обиты досками, но теперь истлели и опали. Поэтому внизу наблюдались две кучи дурно пахнущего гавна на которое сверху падали и лились продукты жизнедеятельности посетителей.

«Ничего хорошего из меня не вышло» – это надпись внутри.

На дверях снаружи, чтобы не дай Бог кто не попутал, висели вывески: на одной - *man, mann, messieur*, на другой – *woman, frau, madame*. Русским и якутским языками тут явно никто не владел. Да и не надо! Тут Международный Аэропорт! По нужде в сортир лишь иностранцы ходят. Нам не обязательно, мы как-нибудь у столба.

Говорят в Якутске -40° – обычное дело.

*Я не знаю, как у вас,
А у нас в Якутии
Тем скорей бананы зреют,
Чем морозы лютее.*

Но не в эту пору. Сейчас днём чуть ниже нуля, к ночи подмораживает. Снегу довольно много, хотя и не везде. С крыш свисают сосульки.

Единственная в Якутске гостиница "Тайга" переполнена, поэтому пошли в дом приезжих для лётчиков. Он был недалеко, но нечто, напоминавшее улицу, сильно петляло, лишая перспективы. Дома на ней были, но в основном имели место пустые пространства, огороженные заборами, иногда поваленными и разрушенными, но всегда отороченные колючей проволокой. Встречались смотровые вышки, на которых, впрочем, никого не было. Надо полагать тюрьмы-лагеря, или их аналог. Действующие, но без экстремизма. Работяг было довольно много, что-то они строили. В каждой зоне 2–3 человека, сидели на заборе верхом, материли прохожих, громко обсуждали качества дам, не забывая выпрашивать сигареты: *Брось закурить, паскуда!*

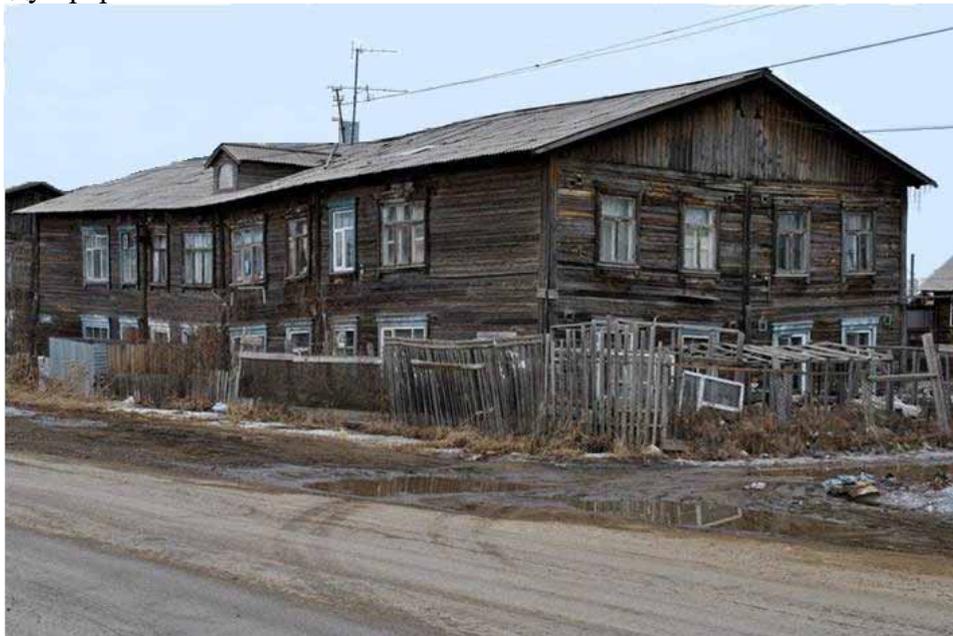
Гостиница оказалась большим деревянным домом, довольно потрёпанным снаружи, но внутри с претензией на роскошь. Ковры, кожаные кресла и люстры присутствовали. Бросил вещи на свободную койку и прошёл в гостиную – кают-компанию, надо полагать. В ней, как в песне, исполненной недавно в МГУ тогда ещё сухопутным Александром Городницким:

*Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.
Бродит за ангарами северная вьюга,
В маленькой гостинице пусто и темно*

Вьюги за окном нет, но что-то там завывает.

Здесь же, как в песне, уютно и тепло.

Титан приглашал к чаю, кружка, правда, на цепи, что неудобно, но надёжно. Подумаешь! У меня есть своя, большая и алюминиевая. Налил кипяточка, отхлебнул, слегка обжётся. Появились и владельцы кожаных курток, экипаж ЛИ-2, который должен перенести нас в Батагай. С ними – плиточный чай, кусковой сахар. Торшер на золотой ножке склонил меня к продолжению чтения первого тома Саги о Форсайтах. Экипаж (без дам) лениво вёл неспешный разговор. Я ждал рассказов о героических буднях полярных лётчиков, или хотя бы о бабах, но мужики обсуждали геморрой, и способы борьбы с ним. Тема, видать, актуальна. Как я теперь понимаю, дальше бы пошёл разговор о простатите. Но беседу прервали.

Гостиница для лётчиков снаружи выглядит непрезентабельно.

Штурман запел. Как положено. Как описал поэт:

*Командир со штурманом мотив припомнят старый,
Голову рукою подопрёт второй пилот.
Подтянувши струны старенькой гитары,
Следом бортмеханик им тихо подпоёт.*

Чудеса! Но именно так и было. Даже мотив был старым. Я даже знал, кто его приспособил к словам Леонида Трахтенберга, пропавшего без вести в 43-ем:

*Ты просишь писать тебе часто и много,
Но редки и коротки письма мои,
К тебе от меня не простая дорога,
И много писать мне мешают бои.
Но враг недалеко. И спим мы недолго.
Нас будит работа родных батарей.
У писем моих непростая дорога,
И ты не проси их ходить поскорей.*

Кончить не удалось. С грохотом распахнулась дверь, и возникла слегка пузатая фигура с мордой начальственного вида:

– Всем привет!

– Испортил песню!

(«Эх... испортил песню... дурак!» – сказал Сатин. Мы это так и восприняли, чай все в школе пьесу «На дне» проходили).

– Песня – только начало, сейчас испорчу настроение, а может и жизнь. А дамы где? Возникли две молодые худые и высокие женщины, стюардессы.

- Разбор полётов. Давненько не виделись. Сильно вы потрудились? Подвиги какие?
- Да, не было, подвигов, слава богу. Летаем, людей возим.
- Людей? А почему салон гавном воняет?
- Это не гавно.
- А что?
- Это – навоз!
- Интересно! А как он попал в салон самолета? Или у вас там конюшня?
- Так лошадей перевозили.
- Ещё интересней. Они по тапу взошли, потом ползли по пластунски? Им ведь в салоне не встать. Пристёгивались? Разрешил кто?
- Начальник алмазной партии просил. Работать надо.
- А броситься головой в колодец он не просил? Жаль! Я не спрашиваю, кто просил, хочу услышать, кто разрешил. Сначала про навоз давайте.
- Три мерина. Мы их связали, положили на бок, на трап постелили доски, затянули коняг лебёдкой. Так и летели. Обосрались они со страху. Делов-то. Животные ведь. Но мы палубу вымыли.
- Похоже не до конца. Амбре знатный. Командир! Нескромный вопрос: ты устав читал?
- Читал.
- Там сказано, что в пассажирском самолете вместо людей нужно лошадей возить?
- Не помню.
- Так я тебе сообщу: лошадей возить запрещено, равно как верблюдов и слонов. Не придурайся. Ответишь. Это раз. Теперь два. В Анадырь вы полрейса летели с открытой дверью. Пошто так?
- Пассажир сидел себе, сидел. Тихо и мирно!, – начала объяснять стюардесса – но только оторвались, он как вскочит: «Домой хочу» и распахнул дверь, так что чудом не вылетел, кстати, вместе со мной, я его в воздухе ловила. А дверь мне не закрыть, сопротивление большое, самолет-то летит. Весь экипаж помогал. Еле справились. Никто не пострадал!
- А с Тикси, что вышло?
- С какой такой Тикси?
- Командир, ты ваньку не валяй. Прекрасно знаешь, на тебя много телег счастливые пассажиры накатали. Читаю: «Я, такой-то, такой-то, такого-то числа, находился на борту самолета ЛИ-2, совершавшем рейс Хатанга-Тикси. Так. Далее: Сразу после взлета, экипаж устроил пьянку, опустошив ящик вермута, перевозимого для оленеводов, после чего занялся сексом, причём как со стюардессами, так и с пассажирками. В ходе рейса кабина была пуста и заперта на ключ. Экипаж с подругами находился в хвосте самолёта, за грудой багажа. Аэроплан летел сам собой.
- Ну и что? Автопилот же!
- А то, что в должностной инструкции не сказано, что основное дело экипажа – секс в полёте. Там другие операции прописаны. К тому же вы проскочили Тикси, ушли в Ледовитый океан, потом спохватились, вернулись, а солярка у вас кончилась. Чудом дотянули.
- Ну, затянули, да дотянули.
- Вот за это – вон из партии и под суд!
- Начальник постучал кулачками о стол, оторвался от стула и удалился.
- Во! Испугал ежа голой жопой! А порядка хочешь – на Запад линияй, там все – рабы осознанной необходимости. Мы тут – свободные люди, летаем, как хотим, садимся куда хотим и когда хотим, возим, кого хотим. И делаем, что хотим. Никто нам не указ. Свобода – есть Свобода!
- Да, пусть поищет дураков, которые за гроши на гробах летать будут. Может вот завтра в хребтик врежемся, кого распекать будешь?!

– Да, – подумалось мне, – это не геморрой обсуждать, интереснее стало. Только последняя фраза огорчает, лететь-то мне, а мне врезаться во что-то, пусть даже в хребтик, не хочется.

Пошёл в койку переваривать впечатления. Риск растёт.

А с сексом у них что-то аномальное. Аборигены этим делом только в воздухе занимаются, или везде?

Расстроенные мужики всю ночь квасили.

Все пропьём, гармонию оставим

Утром почистил зубы пустой щёткой (дома пасту забыл), бриться не стал, потащил свои немалые рюкзаки в аэропорт, готовиться к отлёту.

Начали поиск своего борга на Батагай. Его не было. Исчез! С концами! Никто не видел, никто не слышал. Нашли попутчиков, те в грустях бродили по сараю. Пардон! По международному порту. По расписанию – вылет в 11-00, сейчас – полдень, а мы – ни в одном глазу. Руководство не в курсе. Разошлись широким фронтом по лётному полю и нашли! Где-то в сторонке, опираясь на хвост, стоял Ли-2 – бывший Дуглас – прототип его DC-3 каждый знает. Летает он у нас (в полярной авиации) с 1939 года. И там был человек. Живой! Он пояснил, что именно этот борт пойдёт на Батагай, если командир найдётся. А остальной экипаж есть – сидит в буфете. Главного же нет – может приболел, может напился, а может с бабой какой. Имеет он право на личную жизнь в свободной стране? Имеет! Человек он надёжный, ответственный, если жив – будет тут. Возможно – сегодня. И действительно, часа через четыре командир был на месте. Стали прогревать моторы. Запросили погоду. Её не дали. Экипаж есть, погоды нет.

Как с утра стал туман, так он продолжал закрывать все окрестности.

Снова ночь нелётная, даже для луны.

Днём, стало быть, для солнца.

Прочь тоску гоните вы, выпитые фляги,

Ты, метеослужба, нам счастья нагадай.

Служба гаданием себя не утрудила. После полудня рейс перенесли на завтра, и мы отправились осматривать Якутск. В туман и слякоть.

Нельзя сказать, что мы многое увидели, но всё же...

Люди приветливы, охотно объясняют дорогу. Якутов не много, но встречаются. Надписи на магазинах в основном на русском, но и на якутском есть (алфавит наш). По причине вечной мерзлоты, многие трубопроводы идут поверх земли, укутаны утеплителем, обиты досками. Через них специальные лесенки. Город чистый, переполненных как в Москве помоек нет. А туалетный запах присутствовал. Довольно густой. Говорят, из-за него Лена ушла от города.

Якутск расположен в равнинной местности, в долине реки Лена. На территории города много пойменных озёр и стариц, крупнейшими из которых являются: Сайсары, Тёплое, Талое, Хатынг-Юрях, Сергелях. Берега песчаные, на отмелях поросшие тростником. Левый коренной берег Лены обрывается в долину Туймаады крутым задернованным уступом, высотой 100 метров, покрытым степной растительностью. Со стороны города эти обрывы напоминают горную цепь, но в действительности представляют собой кромку слабо всхолмленной равнины, покрытой сосново-лиственничной тайгой. Один из боковых отрогов этого обрыва, имеющий острую вершину — гора Чочур Муран. Центральная часть Якутска отделена от русла реки Лены широкой травянистой равниной — «Зелёным лугом», которая представляет собой пойму реки Лена и затопляется в половодье. Лишь к речному порту Якутска подходит одна из проток Лены, превращённая в затон для речного порта.

В Якутске есть каменные дома, некоторые даже в четыре этажа, но преобладает деревянная застройка с рубленными домами, четырёхскатными или ломанными крышами, с многочисленными, но небольшими окнами с наличниками на фасаде. Дымят трубы. Улицы, похоже, асфальтированы, но утверждать нельзя – везде снег, где-то утрамбованный, где-то нет. Весна чувствовалась – снег потяжелел и потемнел. На крышах его уже не было. Бежали ручьи.

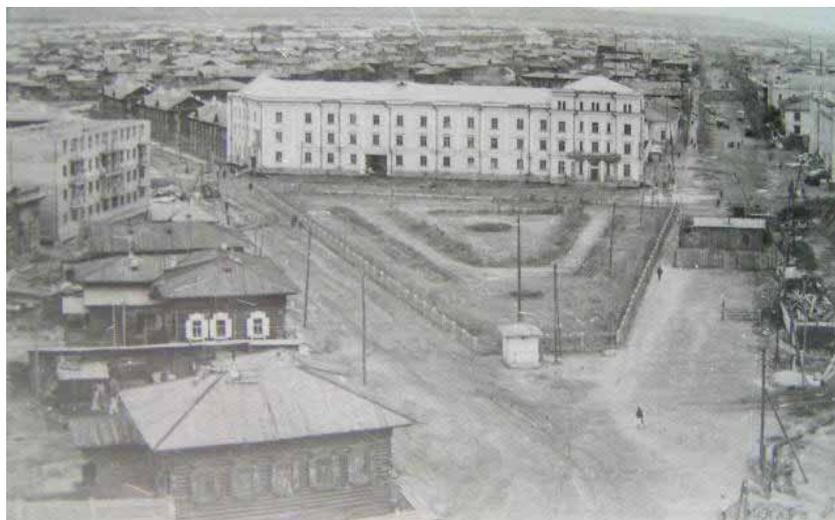
Туман скрывал окрестности. Однажды он приподнялся и стал виден собор, по-видимому, каменный и многоглавый, колокольня и деревянная дозорная башня. На какой-то момент стали ясно видны все детали, но сразу стали мерцать, искажаться и быстро скрылись во мгле.

А были ли они вообще?!

Якутск демонстрировал себя сквозь туман.

Из реальности – многочисленные лотки с мороженной рыбой. В проволочных корзинах стояли на хвостах здоровые рыбины, по виду существенно разные, с названиями незнакомыми: чир, щекур, муксур и с пояснением – подлётка. Пресноводная рыба из местных рек и озёр.

Якутск, площадь Ленина (1961).

На многочисленных прилавках на хвостах стояла рыба, в глянце из льда.

Полюбовались мы на это дело, покупать ничего не стали, в единственный в городе ресторан Северный не пошли, вернулись в гостиницу.

Воспитательница

Как добры, внимательны

Наши воспитатели!

В шестидесятые годы хрущёвской оттепели в

кругах интеллигенции Якутска было модно отдавать детей на воспитание в группу, руководимую Зоей Алексеевной. Умела она прививать подрастающему поколению основы нравственности. С каждым отработывала навыки освоения наук, искусства, культуры. Популярность Зои Алексеевны была велика, и к ней выстраивались очереди. Хотя все знали, что в молодости она служила в одном немецком концлагере, ставила

медицинские опыты на детях, пыталась их. От расстрела её спасла беременность.

Всю жизнь она была неравнодушна к детям...

Как говорит якутская пословица:
*Внутри пёстрое насекомое, а в
наружности - божья свеча.*

**На ужин подали строганину из
рыбы.**

Строганина

Зимы бояться нет причины.

Уж не далёк весны приход.

И вкусный праздник строганины

Сегодня празднует народ.

На этот раз в кают-компании собралось много народа, мы, лётчики и кто-то местный, по виду – геологи. В основном – европейского вида, но четверть – азиатского (якута от тунгуса я тогда ещё отличить не мог). Хозяйка гостиницы с двумя помощницами, представляющими собой всю смесь кровей северных народов, накрыли ужин. Не ахти что, конечно, но *для голодного вкусна и дикая репа, для жаждущего сладка и вода*. Однако, была и изюминка – строганина из рыбы. Её готовили прямо за столом. Острым ножом срезали тонкой стружкой ошкуренную замороженную рыбу. И тут же съедали. Попутный тест на национальную принадлежность: считавшие себя якутами строгали к себе, а считавшие себя русскими – от себя. Продукт необычайно вкусный – тает во рту. Кто-то предупредил, что есть сырой речную рыбу нельзя – вся она заражена чем-то опасным для человека. Но успокоили: эту выдерживали при -40°C , и всё вредное сдохло. Строганину просто так не едят: к ней полагается мокало, сухое (смесь соли с перцем) или мокрое (аджика). У нас было сухое мокало. Мы макали стружку в мокало и ели, облизываясь.

Запивали спиртом, кто разбавляя, кто нет. Посмеивались над дядькой непонятной национальности, но явным мусульманином.

– Пить вам нельзя!

– Мухаммед вино запретил. Про спирт-водку в Коране ничего не сказано. Так что, ничего не нарушаю, однако.

Логично!

После ужина разбились на группки, общего разговора не получилось. До меня доходили отдельные фразы.

Как обычно, перемалывали косточки начальству, особенно вчерашнему, из-за которого общий запой случился. Обсуждали какие-то местные проблемы, мне не интересные.

Один лысый и бородатый геолог рассказал забавную историю, как развозил деньги по партиям при большой вероятности ограбления. Он принял меры безопасности. Жена ему сшила бюстгальтер, куда он и поместил деньги. Ходить неудобно, но помогло. Нападали не раз и кошельки отбирали, даже если они были в сапоге. Но осмотреть бюстгальтер никто не додумался.

В углу травил байки потрёпанный жизнью душа компании. Запомнилась якутская сказка.

Якутская сказка «Почему зима длиннее, а лето короче»*Долгая зима, вьюга-кутерьма,**В сердце лёд.*

Закончив сотворение мира, Бог спросил человека:

— Что мне сделать длиннее — лето или зиму?

Человек на это ответил:

— Спроси у моих друзей коня и быка. Пусть будет так, как они скажут.

Первым спросил бог коня:

— Ты бы как хотел, чтобы зима была длиннее лета или лето длиннее зимы?

— Я бы хотел, — ответил конь, — чтобы лето было длинным, а то зимой очень мерзнут мои копыта.

Тогда бог спросил быка:

— А ты что скажешь: что для тебя удлинить и что укоротить?

Бык ответил:

Лучше бы удлинить зиму, у меня в летнюю жару мокнет нос.

Вот так: человек ушёл от ответственности, бог удовлетворил капризы быка, а мы мучаемся.

Дела алмазные*Я верно болен: на сердце туман,**Мне скучно все, и люди, и рассказы,**Мне снятся королевские алмазы**И весь в крови широкий ятаган*

На некотором подобии журнального столика лежал русско-якутский и якутско-русский словарь. Полистал его, узнал ценную информацию, что говорят якуты на якутском языке тюркской группы алтайской семьи (по-турецки что ли?!). Бросилась в глаза странная странность: транскрипция слов часто включала латинские и греческие (!) буквы: например, прадед – *хат эһэ*, *кырдьагас эһэ*; муж дочери брата – *кутутт*; жена старшего брата мужа – *саһас*. Интересно, зачем это? Как это произносить прикажете? Тогда не понял, и сейчас не знаю. К тому же оказалось, что титульная нация – не якуты, а саха.

Одно якутское слово всё же запомнил: жена – *ойох*. Действительно, *ойох*: и ой и ох одновременно.

Расположившись в креслах, три товарища обсуждали открытие золотых приисков Бодайбо (в частности роль и судьбу Тарабукина, артель которого в 1923 в верховьях ручья Орто-соле заложила прииск Незаметный, давший начало золотодобыче на Алдане), нравы золотоискателей, воровство золота с государственных приисков, роль женщин в этом деле. Забавна история перевозки одной тёткой ножа во влагилице (расскажу как-нибудь, если к слову придётся). Помянули геологов, массово репрессированных в 37-м году. Под занавес возник и общий разговор: об якутских алмазах. Пожалуй, самое важное геологическое открытие в России в 20-ом веке. В этом году начнут промышленную добычу алмазов на трубке «Мир». За алмазы дали Ленинскую премию, но, по мнению присутствующих, – не тем. История поисков интересна.

Тем более, что алмазы и золото счастья не приносят.

Удача*Да ладно - потерял алмаз в опилках,**Ну ладно - что на финише другой,**Да ладно - потащили на носилках, -**Скажи ещё спасибо, что живой!*

Преподаю я в Университете с того дня, как его окончил, т.е. почти 60 лет. Читаю лекции, веду семинары, практикумы, учу, просвещаю и воспитываю. Естественно,

интересен мне коэффициент моего полезного (не исключено, что оно таковым и является) действия. Превратились ли мои знания в открытия и созидания моих учеников? И чем дольше живу, чем больше у меня учеников и чем большее количество их достигло званий докторов-профессоров и высоких должностей, тем с большей грустью убеждаюсь в мизерности этой величины: КПД стремится к нулю.

Впрочем, не только у меня. Да, иногда знания полезны, но большие открытия делают дилетанты. Ибо на первом месте его величество – случай (везение), а уж потом всё остальное (книги, статьи, учителя и т.п., да и труд, как таковой).

Возьмём, к примеру, открытие алмазной в 1955 трубки «Мир», что в Якутии в бассейне Вилюя. Река эта – левый приток Лены, гораздо севернее Якутска. В каком-то смысле нам тоже туда: сначала вместе север (курс на Тикси), потом врозь: за алмазами налево, а за оловом – направо.

Это открытие вывело СССР на второе место в мире по добыче алмазов. На трубке в вечной мерзлоте выкопали не малую ямку, дыра глубиной 525 м и диаметром 1,2 км (что теперь с ней делать спрашивается). Рядом вырос г. Мирный (40000 жителей). За годы разработки открытым (карьерным) способом из месторождения добыто алмазов на 17 млрд\$. К 2013 рудник добыл 2,151 миллиона карат алмазов. Самый крупный найденный здесь в 1981 (самый большой из найденных в России) весит 342,5 карата (более 68 г) и называется «XXVI съезд КПСС».

Вопрос, что с этого получили первооткрыватели не интересен в наших реалиях. Ясно, что миллиардерами они не стали.

Но кто эти первооткрыватели? Известные учёные международного уровня, владеющие глубокими знаниями геологических процессов, приводящих к зарождению алмазов и определяющих их судьбу, замечательные поисковики, вооружённые самыми передовыми методами поиска, геофизики, к примеру, менеджеры, способные организовать грамотные интенсивные поиски?

Нет, нет и нет!

Трубку «Мир» открыл отряд, состоящий из трёх человек: Хабардин Юрий Иванович – прораб-геолог, Елагина Екатерина Николаевна – прораб-геолог (довольно долго ходила с геологами, но геологом не была) и Авдеенко Владимир Петрович – старший коллектор.

Кто эти люди?

Хабардин окончил курсы коллекторов, а как-то потом после своего звёздного часа (свидетельств этому в Интернете нет) заочный геологический факультет Иркутского университета. Так что геологического образования на момент открытия у него не было вовсе. Сам он из г. Киренска, что на Лене. Хотел стать мореходом, но провалил экзамен по арифметике. Он как-то помог Григорию Файнштейну закатить бочку в кузов машины и тот повлёк его с собой искать алмазы. Был он опытным таёжником. Знал, что есть такая порода как кимберлит, в которой бывают алмазы, и что она голубая. Но не более того.

Елагина во время войны училась 1,5 года в Институте иностранных языков. Тем её образование и кончилось. Работала в партии своей сестры – геолога, где научилась мыть шлихи.

Авдеенко – паренёк, геологическое образование – сын геолога. Боксёр хилой наружности. Отцом направлен в тайгу на перевоспитание.

Вот эти с позволения сказать геологии искали и искали месторождения алмазов, но ничего не нашли. Отдельные алмазы попадались, а месторождения нет. Хабардин взял ружьё пошёл подстрелить что-то на ужин. Увидел высокую листовницу, корни которой обнажил оползень. Меж её корней лиса прорыла глубокую нору. Выброшенная земля была голубой. Так была открыта трубка «Мир» первое в СССР промышленное месторождение алмазов.

Дали телеграмму «Закурили трубку мира, табак отличный», сочинённую хитрою Елагиной, чтобы обмануть американскую разведку и коллег-соперников.

И понеслось.

Елагиной дали почётную грамоту и уволили, Авдеенко исчез, Кинд, начальнице партии, поставившую их на верный след, дали значок и уволили, Хабардин получил Ленинскую премию и орден Ленина. Его именем назван посёлок Хабардино, есть и лог Хабардина.

Лисе даже спасибо не сказали. Хотя именно она выполнила основные земляные работы. Хуже того – дом-нору уничтожили и саму чуть не прибили.

Каждому своё...

Так зачем все науки: геология, геофизика, геохимия, все теории происхождения земных процессов, методики и теории??!

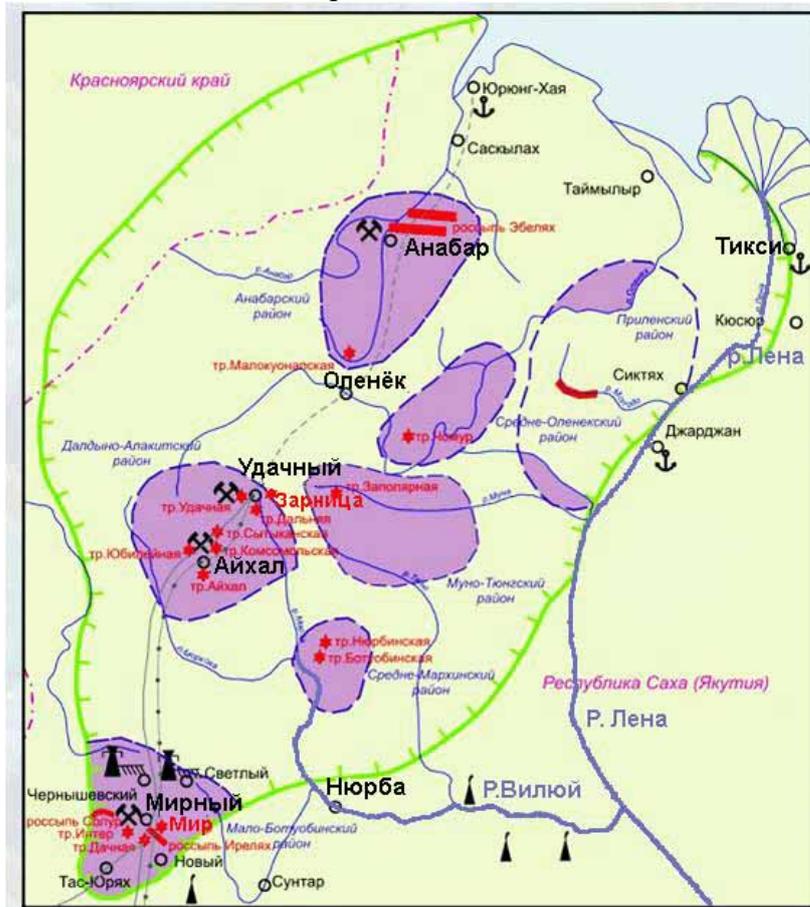
Нужна Удача!

А Хабардин? Как его судьба сложилась? Он-то хоть стал миллионером?

Науке это не известно. Книжку "Путь к алмазной трубке" он написал, кто-то его видел в Харькове, кажется он что-то преподавал в местном университете. Когда умер (да и умер ли?!), где похоронен – никто не знает, никому дела нет.

Sic transit gloria mundi.

До Вилюя Хабардин работал с Файнштейном на Нижней Тунгуске. Говорят, тогда он развлекался тем, что залезал на пятидесятиметровую лиственницу, а потом совершал оттуда головокружительный двухминутный спуск на одних руках, так что человеку со стороны (девице) казалось, что падает камнем. Он переплывал вплавь бурные реки, которые не решались форсировать даже на лодках опытные плотовщики, ходил один на один с рогатиной на медведя, участвовал в знаменитом штурме самого грозного и непроходимого вилюйского порога Улахан-Хана. Путешественник и искатель приключений. Можно сказать – авантюрист.

Расположение основных месторождений алмазов в Якутии

...Сидим зимой в зимнике, раскопегариваем буржуйку. Градиент температур: выше пояса жарко, ниже – холодно. Хабардин долго кутается в ватнике. На ватнике – значок

лауреата Ленинской премии. Наконец, снимает ватник, отбрасывает его в сторону, но значок перевешивает на свитер. По мере роста температуры в окружающей среде, снимает свитер и перемещает значок на рубашу и, окончательно, утверждает его на майке. Так и сидит: в ватных штанах, валенках, в майке и со значком.

Как-то пили мы какой-то антифриз, и отвалили. Утром просыпаемся: нет значка. Исчез! Трагедия, однако. Организовали глобальный поиск. Задача осложнялась тем, что за вековую историю пол в зимнике был покрыт слоем шелухи кедровых орехов толщиной 15–20 см. Мы перебрали его весь. И нашли значок!

Мораль алмазной байки: за всю мою довольно длинную жизнь, ни у меня, ни у моих учеников лисьей норы не нашлось. А жаль!

*На земле драгоценной и скудной
я стою, покорителей внук,
где замёрзшие слёзы якутов
превратились в алмазы от мук.*

Так рассуждали мы в тот вечер. Не совсем справедливо, однако.

Изложу более реалистичную версию, глядя из 21-го века.

Трубка Мир и другие местонахождения минералов Якутии и прилегающих территорий. Обратите внимание на Кёстёр - мы в нём еще побываем.

Алмазные анекдоты

*В этом мире — ни слов, ни сути,
В этом мире — ни слёз ни крови!
А уж наши с тобою судьбы
Не играют и вовсе роли!*

Поиск алмазов в Восточной Сибири начали в 1947. Маршруты шли в бассейне Нижней Тунгуски. Условия работы были трудными. Не было самого необходимого. Карты составлялись у костра со слов проводников, на них были намечены лишь самые крупные реки, да устья наиболее крупных притоков, а дальше речки были обозначены пунктиром, а пространство между крупными реками было совершенно чистым — «не исследовано». Не было раций, пологов, репудина и прочих жидкостей и мазей от комаров. Всё лето геологи бродили по тайге. Ни один отряд алмазов не нашёл. Зима в камералке прошла в отработке собранного материала. Пришли к выводу, что если алмазы на

сибирской платформе есть, то работы следует поставить на той реке, которая дренирует большинство типов пород, слагающих платформу. Такой рекой был Вилюй.

На 1948 работы на Вилюе запроектированы Министерством геологии не были. Но на слёте стахановцев в порядке социалистического обязательства Тунгусская экспедиция обязалась провести работы на Вилюе. И провела их. По инициативе М.М. Одинцова Амакинская экспедиция (амака – медведь) провела внеплановые поиски алмазов в Якутии. Эти работы выполнялись Вилюйской поисковой партией № 128, возглавляемой Г.Х. Файнштейном. Отряд Файнштейна был небольшим: начальник отряда, коллектор Ю.Хабардин, минералог А. Тимофеева и рабочие. За лето они, то на оленях, то на плотах, а иногда и пешком проделали огромный путь. На их пути встречались пожары, от которых не было видно солнца, допекала жара и комары. В сентябре этот маршрут был закончен. Алмазов не нашли. М.М.Одинцов предложил вести работы на среднем течении Вилюя. Ведь если Вилюй размывает какие-то алмазоносные породы, то искать алмазы следует в среднем течении, так как в верхнем течении река изобилует порогами – т.е. обладает условиями, неблагоприятными для накопления галечного материала. Был выбран участок на отрезке от устья реки Малая Ботуобия до Хадана. И вот в январе 1949 теперь уже на законных основаниях (были отпущены деньги) была организована партия под руководством Г.Х. Файнштейна. Зимой все грузы и основной состав партии были заброшены на реку Чону. К началу ледохода на месте были построены 3-х и пятитонные лодки и плоты. И вслед за льдом вся эта эскадра двинулась вниз по течению. Это стало возможным благодаря тому, что вода ещё не успела упасть. По совету якутов, перед порогом все плоты перевязали по-новому и расположили бревна не вдоль, а перпендикулярно течению. На крутых волнах плоты, где остались лишь необходимые для переправы люди, лишь изгибались. Остальной народ обошёл порог по берегу. Всего за 10 дней эта флотилия прошла 1000 км и переместила людей и 30 тонн груза. Весь состав партии был разбит на четыре отряда, которые двигались друг за другом. Впереди маршрутами шёл Файнштейн с коллектором и выбирал участки для опробования, намечая места для проходки канав. Следом плыл отряд горняков – они проходили канавы и перерабатывали пробы. Затем на плотах с импровизированной установкой двигались обогатители. И, наконец, завершали экспедицию рентгенологи, просматривая концентрат. Сначала обогащали галечники террас, но в них ничего не было. Тогда Г.Х. Файнштейн решил использовать опыт золотоискателей и выбрал косу на Вилюе в 6 км выше поселка Крестях, сразу же за порогом одноименной реки. Ее назвали «Соколиной». И вот 7.08.1949 был найден первый алмаз. Срочно М.М.Одинцову в Иркутск ушла телеграмма: «Подох 1 олень». Затем в течение недели были найдены еще 3 алмаза. Реакции не последовало, ибо Одинцова в Иркутске не было. Зато телеграмма попала в руки хозяйственников. Подобные телеграммы шли с Вилюя одна за другой, счёт мертвых оленей пошёл на десятки (найден россыпь алмазов). В ответ была послана телеграмма: «Примите срочные меры по сохранению оленей, ответственность лежит на вас».

Разведчик алмазов.

Находки первых алмазов на косе «Соколиной» – начало великой алмазной эпопеи открытия Якутской алмазоносной провинции.

С первым алмазом не обошлось без приключений. Когда его пришёл посмотреть Файнштейн, и минералог доставала находку из пакета трясущимися от волнения руками, алмаз как бы выпрыгнул из пакетика и упал. Срочно была подана команда «не двигаться, а только смотреть». Весь пол сантиметр за сантиметром был осмотрен, но алмаза не было. Собрались было сжечь зимник, чтобы поискать в пепле. Но после долгих поисков алмаз

всё же нашли. Потерять его было просто: размер найденного при обогащении 280 кубометров галечника камня был 1x1x1,2 мм а весил всего 5 мг!

Вряд ли кто будет спорить, что самым важным геологическим открытием 20-го века в России и, пожалуй, самым неожиданным явилось обнаружение месторождений алмазов в восточной Сибири, в Якутии. Причём не только, технических, но и ювелирных, и не только в россыпях (как на Урале), но и в кимберлитовых трубках, уходящих в глубь земли на два и более километра. И, что важно, с огромными запасами. Россия прочно заняла второе место в мире (после ЮАР) по добыче и продаже алмазов. За 50 лет на месторождениях Якутии добыто 265 тонн алмазов.

Интересный вопрос: кто открыл эти месторождения? Кто наладил добычу и накопал в безлюдной тайге и вечной мерзлоте гигантские карьеры? И что они получили за это? Деньги, славу, власть? Стали они миллиардерами, или миллионерами, на худой конец? Названы их именами города, улицы, прииски; поставлены им памятники?

Бегло бросим взгляд на список геологов – участников проекта: Г.Х. Файнштейн, Н. Гринштейн, И. Шофман, Н.В. Кинд, Н.Н. Сарсадских, Я.Л. Стахевич, Р.К. Юркевич...

Не так подробно, Господи!

Алмазы Якутии.

Для наших патриотов список выглядит как-то так....некомфортно. Особенно, если учесть, что основные открытия (кимберлитовые трубки Мир и Зарница) сделали Григорий Хаимович Файнштейн и Нелли Гринцевич (по мужу Лариса Попугаева). В последнем случае вообще беда: мало того, что еврейка, что дочь врага народа, которой запрещено было работать в совершенно секретном направлении – поиске алмазов, а она работала, да так, что нашла первую в СССР кимберлитовую трубку, причём открытие сделала по передовой методике (а не по удаче), по которой потом было открыто 1000 трубок, тогда как до этого ни одной не попадалось, так ещё и баба!

Приглядимся к первооткрывателям подробнее. Начнём с Файнштейна.

Г. Х. Файнштейн (1.05.1914 – 22.06.2000) "отец сибирских алмазов" – кандидат наук, главный геолог, опытный путешественник, прошедший огонь, воду и медные трубы, лауреат Ленинской премии, кавалер Ордена Ленина; человек, обнаруживший первый алмаз на Вилюе. Автор мемуаров "За нами встают города". Именно его воспитанник, Хабардин, который собственно только от него и получил какое-то геологическое образование, оказался в нужное время в нужном месте и обнаружил трубку "Мир" – основное месторождение алмазов в СССР. Будучи районным геологом Амакинской экспедиции Г. Х. Файнштейн в 1955, как член комиссии официально принял трубку "Мир", как месторождение алмазов.

Файнштейн – личность колоритная, человек шумный и восторженный, поэт к тому же. Вот как описывает один геофизик явление Файнштейна народу:

"Мы направились с Наташей на почту и по пути повстречались с появившимся за это время незнакомцем, который своей внешностью привёл нас в состояние такого обалдения, что не догадались даже поздороваться.

В облике и в одежде всё у него выглядело театрально-карнавальным. Из обрывков рассказов приезжающих с Виллюя предположили, что это знаменитый Григорий Хаимович Файнштейн. Однако всё, что говорилось про его внешность, померкло по сравнению с увиденным собственными глазами... Поражало нелепое сочетание таёжного наряда с деталями, претендующими на цивилизованную одежду горожанина. Яркая ковбойка броских красноватых тонов заправлялась в непомерной ширины шаровары-клеши, на каждую штанину которых требовалось по меньшей мере с десяток метров материи. Такие шаровары старатели надевали только на время промывки шлихов и тем спасались от комаров, но невероятная ширина штанин цеплялась в тайге за каждую ветку и для работы геолога не годилась. Подпоясывались они широким кушаком, к которому был подцеплен огромный кривой нож для свежевания шкуры медведя – в посёлке бессмысленный и опасный. Эти-то шаровары и заставляли усомниться в правильности предположения, что перед вами геолог, но лихо надвинутая набекрень фуражка упраздненной геологической формы служила верным подтверждением. Полевую куртку заменял костюмный пиджак со сверкающим на лацкане университетским значком и поощрительным знаком "МинГео", для здешних мест весьма необычными.

Экстравагантность одежды меркла при взгляде на саму личность! К волосам никогда, казалось, не прикасались ни гребень, ни ножницы, делая их счастливого обладателя похожим на одичавшего на необитаемом острове героя Жюль Верна Аэртона. Под фуражкой с наброшенным накомарником виднелись смолисточёрные густые волосы. Лохматая грива наподобие вороньего гнезда прикрывала узкий лоб, плавно переходя в столь же густую курчавишную бороду, опускающуюся до пояса. Казалось, волосы росли отовсюду – из бровей, ноздрей, ушей, даже из глаз. Колоритный незнакомец задержал на нас мимолетный взгляд и с неопределенным кивком головы проследовал мимо. Недоуменно-глуповатое выражение на наших лицах не вызывало у него усмешки. Ошеломлённые, мы окаменели, забыв даже, куда направлялись, провожая остановившимся взглядом удалявшегося незнакомца и недоумевая, кем же он мог быть – актёром ли в костюме ушкуйника петровских времен либо вожаким цыганского табора, позаимствовавшего у зазевавшегося горожанина пиджак с отличительными знаками...

А поразмыслив, порешили: разгуливать по поселку с университетским значком и охотничьим ножом у пояса, предметами тут совершенно бесполезными, мог только Герой Виллюя. По достоинству оценили колоритную фигуру и, высказав на почте недоумение, встретили смех почтовых работников, посчитавших за шутку не узнать Файнштейна, каждому, по их мнению, известного по всей Сибири. Возвращаясь с почты, опять с ним повстречались, поспешив поздороваться и представиться. Он шумно выражал радость, расплываясь в улыбке, и долго тряс нам руки, поспешив осведомиться, удобно ли устроились. Узнав про наши затруднения, не раздумывая, предложил в распоряжение свой дом. С большой признательностью приняли предложение и, не мешкая, перебрались под надежный кров. Какие бы потом ни складывались

отношения, но та искренняя признательность сохраняется и по сию пору. Зимой Г. Х. Файнштейн приезжал в Москву подстриженный и побритый, утративший всё великолепие своей колоритной внешности. За один только полевой сезон борода отрасли до пояса не могла, а волосы редели, и бывшее великолепие больше уже не достигалось".

Иркутский геолог Файнштейн родился в Бурятии. Работал сельским учителем, трактористом. С 1934 г. свою трудовую судьбу связал с геологией. Великую Отечественную войну прошел рядовым красноармейцем, командиром танка, командиром взвода, роты, заместителем командира батальона.

Григорий Хаимович Файнштейн.

В 1948 руководимая им Виллюйская алмазо-поисковая партия Тунгусской экспедиции вышла на реку Виллюй и

начала поиски алмазов в Якутии. 26.08.1949 на р. Вилюй на косе Соколиной у пос. Крестях был найден первый якутский алмаз. Получил Ленинскую премию, что было не просто в эпоху борьбы с безродным космополитизмом и с низкопоклонством перед Западом.

Что интересно с точки зрения роли теории в практике? Все достижения его базировались на неверной теории о коренных источниках алмазов. Он считал, что они вымываются из траппов (*трапп* – *континентальная магма, излияние базальта, кимберлитов, щелочных пород*), которых много в верховьях Вилюя, которые есть на его левых притоках, но которых нет на правых притоках. Правые притоки он объявил бесперспективными. Но! Он сам побывал на правых притоках, потом послал туда Хабардина, который в первый заход ничего не нашёл, но в следующий раз открыл-таки трубку "Мир". А на левых притоках Вилюя затем было обнаружено множество месторождений (прав был искатель), но связаны они не с траппами, а с кимберлитовыми трубками.

Не зря Файнштейн грезил левыми притоками, правда, по неверной теории.

Так что ребята, верная теория – большое подспорье экспериментатору, но если ваши идеи никакого отношения к действительности не имеют, а интуиции хватает, то есть шанс сделать великое открытие и без неё, и даже при дурной модели!

Умер Файнштейн в Иркутске на 87-ом году жизни, в последние годы из-за болезни горла не мог говорить.

Ходят слухи, что умер в нищете. Охотно верю.

Ну, хорошо, мужик с правильной, или неправильной идеологией, но что-то сделал. Что смог. До сих пор последствия расхлёбываем, и будем расхлёбывать ещё долго.

А что благодарные потомки? Как подвиг увековечили?

Набираем в Интернете "Файнштейн", читаем:

"Алмазный вор Гришка"

Сухопутная трубка "мир" очень даже не маленькая. Алмазный вор Гришка, ежу лесному ясно, нашёл трубку "мир" и июль-август её спокойно окучивал, никому из коллег-геологов о ней особо не докладывая... Файнштейн ничего не сделал для открытия сухопутной трубки "Мир", а наоборот, всячески скрывал инфу о ней. Так как был материально заинтересован. Вряд ли он жил как все советские граждане – на одну зарплату, и когда я прочитал, что он якобы умер в 2000 году "в нищете" – я в это, извините, не верю. Так не бывает – быть у воды и не напиться... А сколько алмазов Иреляха Гришка стырил за сезон – считайте сами, у него таких сезонов было очень много, каждый год... Геолог же, известный советский алмазник, Файнштейн Г.Х., секретный израильский агент, набив за весенний сезон карманы и рюкзак алмазами Иреляха, для своих заграничных израильских друзей, благополучно уехал из Слюдякара в Иркутск.

Первооткрыватель первого коренного месторождения алмазов в Якутии - трубки "Зарница" Л. А. Попугаева и Ф. А. Беликов (1954).

Тут у нас уже не Григорий Хаимович, а Гришка. Ну, а как ещё отца сибирских алмазов называть?! Понятно, что он одновременно и вор и секретный израильский агент (кем же ему ещё быть?). Во, небось, обогатился, зараза.

Конечно сейчас Интернет – пространство свободы, особенно для подлецов-мерзавцев. Понятно, что других по себе судишь. Уж я б не лоханулся! Да и как о себе иначе напомнить, если ты любитель открытий, а не то что алмазы, глину для печки сыскать не можешь? Правильно: обосри титана! Герострат

сарай построить не мог, а сжёг великий храм Артемиды, и вот! – слава на две тысячи лет.

Впрочем, мелка сволочь российская.

Да не о ней речь.

Так как обстоят дела с памятью о Файнштейне? Назвали в честь него город, улицу, трубку, рудник, алмаз. Памятник где поставили?

Ага! Сейчас...

Время не настало, и не настанет никогда.

Участники трёпа расстроили меня. Всё же я уважал теорию и вообще законы мироздания. Хотел потом их проповедовать зелёной молодежи. А мне тут доказывают, что особо париться не надо. Пошёл, побродил, споткнулся о корень, нос о кимберлит расшиб – тут тебе и трубка, алмазами полная.

Загрустил я на много лет, но потом решил подробней ознакомиться с алмазной историей. И оказалось, что наврали мужики в гостинице Якутска. Не так всё было. Наука свою роль всё же сыграла.

Но что б она делала без тёток?!

Известно, что пиво создают хмель и солод. Брожение идёт себе не торопясь. А брось в бочку изюминку – дно вышибет. Так и в деле сибирских алмазов. Мужики планомерно трудились, промывали драгами все речные косы, появились тётки и всё пошло кувырком. Недаром раньше их на фрегат моряки не пускали...

Л.А. Попугаева (Неля Гринцевич).

Мужики мыть шлихи не любили: сыро, холодно и комары кусают. Доверяли они это дело дамам. Вот одна из них мыла-мыла в лотке (тазу) эту глину и привлекли её красивые красные камешки-кристаллы вроде как рубины, но не рубины. Наталья Николаевна Сарсадских (энергичная и мужественная женщина) была не только минералогом, но ещё и женой. А что делает жена, обнаружив интересное и непонятное в составе минерального состава тяжёлой фракции (шлиха) речных наносов Якутии? Правильно! Она пристаёт к мужу. А кто наш муж? Муж – минералог Александр Александрович Кухаренко, доцент (потом профессор) Ленинградского университета. Он определил, что эти рубиновые зёрна – минерал пироп (силикат из группы гранатов), спутник африканских алмазов. А если он спутник африканских алмазов, то почему бы ему не стать спутником и сибирских алмазов? Алмаз – гость в шлихах редкий, кимберлит встречается чаще, но тоже редко, а пиропы – вот они – много их, они прекрасно видны, лупы не надо (да её в поле и нет, кстати). Пироп – спутник алмаза, по нему и надо искать коренные месторождения. Так, на основе знаний и науки родилась методика, по которой в Якутии были обнаружено 1000 кимберлитовых трубок (правда из них промышленное значение имеют только 12). А методика, которой придерживался Файнштейн и вся Авакинская экспедиция – поиск алмазов по алмазам – оказалась бесперспективной.

Наталья решила проверить гипотезу на деле, но была беременна, зимой рожала и в поле ехать не могла. Поэтому она отправила в Сибирь свою сотрудницу и подругу Ларису Анатольевну Попугаеву. Та, будучи мамашей двухлетней дочери, ехать не хотела, но общими усилиями её уговорили. Она и поехала: за славой на Голгофу!

Алмаз в кимберлите.

Попугаева – это мимикрия. В детстве её

звали Неля Гринцевич. Неля, потому что, если читать справа налево (как это и принято у евреев), то получится Ленин. Так её назвал отец, большевик-коммунист, активный участник гражданской войны, затем секретарь одесского обкома партии. В 1937 его, естественно, расстреляли свои, и Неля стала дочерью врага народа.

Мать (искусствовед) увезла её вместе с малолетней сестрой в Ленинград к своим родителям. Неля в канун войны с отличием окончила школу и поступила на геологический факультет ЛГУ. В 1941 она отправилась добровольцем на фронт. Как младший сержант была назначена заместителем командира зенитного орудия, располагавшегося на крыше московского многоэтажного дома. Зима стояла суровая, и длительное пребывание в лютую стужу под открытым небом сыграло с ней злую шутку. Неля застудила голову и до конца своих дней мучилась от внезапных приступов страшной головной боли. С началом приступа она смертельно бледнела, под провалившимися глазами появлялись чернильно-чёрные круги, захватывающие половину щеки. Изнуряющие приступы иной раз продолжались по несколько часов, выматывая и принося полный упадок сил.

Ленинградский университет закончила в 1950 по кафедре минералогии. Одновременно с учебой три года трудилась прорабом-геологом в разных экспедициях Северо-Западного геологического управления. Будучи старше однокашниц, пройдя войну и армию, одна из всех студенток на курсе курила. Хрупкая, невысокая, с большими голубыми глазами, с длинными красивыми косами, уложенными венцом вокруг головы. Открытая и весёлая, немного бесшабашная (“заводная, жизнерадостная, решительная”). Уже в 1950 её работа на севере Иркутской области была связана с алмазной тематикой. В летний сезон 1951 — в экспедиции на Приполярном Урале. В 1952 Лариса Гринцевич стала Попугаевой: вышла замуж, родила дочь; муж Виктор много лет преподавал сопромат в ЛИСИ, был там проректором вечернего и заочного отделений.

"При всей нежной и трепетной девичьей внешности Неля прошла суровую школу жизни. Говорила она грубым, прокурненным голосом, не выпуская из рук дымившуюся папиросу "Беломор", шокируя этим незнакомых людей. Очень уж не вязался её низкий, грубый голос со всем нежным и хрупким обликом. Неля Гринцевич, которая вскоре превратилась в Ларису Анатольевну Попугаеву обладала высокими нравственными качествами и до последнего своего часа оставалась удивительно добрым и отзывчивым человеком, не способным равнодушно проходить мимо чужой беды и умевшим искренне радоваться, когда к кому-то приходила удача."

Она со своим рабочим Фёдором Алексеевичем Беликовым направилась в бассейн реки Далдын (левый приток реки Мархи, которая, в свою очередь, является левым притоком Вилюя), где прошлым летом нашла алмаз и множество пиропов. На 1954-й год полевые работы в партии Сарсадских не намечались. Поэтому Центральная экспедиция не смогла полностью выделить деньги на отряд Попугаевой. Часть расходов взяла на себя Амакинская экспедиция, что потом привело к крупным неприятностям для Ларисы.

Они быстро вышли на пиропы. Однако потребовалось ещё около двух месяцев труда, — прежде чем пришёл желанный результат! Кисти рук — в ледяной воде. Ведь это район вечной мерзлоты, как раз на Полярном круге. Все приходилось тащить на себе и в резиновой лодке на бечевке вверх по реке: палатки, продукты и прочее. Пробы брали через каждые 500 метров. В день продвигались не более чем на два километра. Наконец пиропы «ушли» в сторону от Далдына по ручью Дьяха. Однако эти красные зёрна продолжали попадаться и выше по течению Далдына. Попугаева и Беликов миновали Дьяху, обследовали несколько километров следующего ручья. Пиропы упустили, коренную их породу не нашли и вернулись на Далдын. Теперь они углубились в долину Дьяхи. Если в начале работы для отыскания пиропов требовалось до трёх ведер песка, то теперь было достаточно двух — трёх горстей. Километров через пять ручей потерялся в болоте. Обошли его. Пиропов за ним не было. Они вернулись и стали перемещаться вверх по склону у ручья. Пробы подпочвенной рыхлой породы носили вниз для промывки. 21.08.1954 выбрались на слабохолмистое плоскогорье с редколесьем из невысокой лиственницы и ольхи. Продвинулись не более чем на два километра от ручья. К обеду

пошёл дождь. Беликов разжёл костер. Лариса села, отвернула пласт дерна, и неожиданно вскочила и схватила лупу: «Федюня, смотри! Голубая земля, и вся в пиропах!». Это были разрушенные с поверхности кимберлиты, знаменитая ныне трубка "Зарница".

Это не только первый кимберлит Сибири или СССР, это вообще первый образец кимберлита, найденный за пределами ЮАР.

Надо сказать, что немногие способны применить методику Попугаевой на практике. Она просто ложилась на землю и, отворачивая дёрн, высматривала пиропы. Месторождение было открыто «животным способом». Руки у неё были в ссадинах, колени сбиты. В качестве заявочного столба Беликов затесал стоявшую на трубке листовенницу. Рядом под кучкой камней Лариса оставила в консервной банке записку, в которой высказала надежду на то, что найдено месторождение алмазов. Бумажка эта чудом сохранилась и находится в местном музее. Выкапывая по профилям через правильные промежутки, в соответствии с требованиями горной разведки, неглубокие ямы («закопушки»), они выявили контур трубки, оказавшийся почти круглым, чуть больше пятисот метров в диаметре. Нанесли трубку на карту. Найти в безбрежном заболоченном крае под слоем земли, торфа и мха «пяточок» в полкилометра – это о чём-то говорит.

Так она была в красных лыжных шароварах! В этом всё дело.

Затем Попугаева и Беликов сплавились до поселка Шелогонцы на реке Мархе, где имелась люминесцентная установка, в лучах которой алмазы светятся. В привезённых пробах обнаружилось пять алмазных кристаллов. Она уверилась, что нашла кимберлиты. Лариса ожидала в Нюрбе "шампанское, цветы, фанфары, овации". Однако руководство Амакинской экспедиции встретило её холодно: первая трубка оказалась обнаруженной вражеской экспедицией. Причём найдена молодой женщиной, которую трудно было воспринимать всерьёз – гастролёрша очередная. В конце сентября 1954 в Нюрбу съехались геологи-алмазники (~100) человек, и состоялось совещание, подводившее итоги выполненных работ и намечавшее дальнейшие действия. Попугаева сделала свой «сенсационный» доклад. Пироповый метод, ничтожный по стоимости, определил дальнейшие открытия. Название «Зарница» (данное не ею, а Гневушевым в Нюрбе) чрезвычайно точно отражает суть её достижения. Оно действительно озарило то, где и как искать алмазы. Это был «момент истины».

За что её и побили. И враги и свои.

Руководство Амакинской экспедиции не могло пережить, что лавры открытия уплыли от них. Начиная то совещание, главный её инженер «с твёрдостью в голосе» объявил о находке кимберлита Амакинской экспедицией. Зал «взорвался от оваций». У них была зацепка: потраченные на отряд Попугаевой деньги частично из их бюджета. Решение совещания сформулировали так, что все заслуги оказывались принадлежавшими им: и пироповый метод поисков, и открытие «Зарницы». Теперь оставалось только вынудить Попугаеву переоформиться в Амакинскую экспедицию для того, чтобы это открытие окончательно стало заслугой Нюрбы. Улестить её ничем не могли. Славой? Слава уже была при ней. В Ленинграде была семья Ларисы, желанная для неё возможность поступить в аспирантуру. Альтернатива – жизнь в забытой богом Нюрбе – жизнь при якутских морозах в сборном щитовом домике без удобств. Её начали брать измором. Под предлогом секретности отобрали в спецотдел образцы и прочие полевые материалы. Ведь вся работа в этой сфере шла в большой тайне. Впервые объявили об открытии месторождений алмазов в Якутии лишь на XX съезде КПСС в 1956. Улететь из Нюрбы она не могла. Начальник Амакинской экспедиции М.Н. Бондаренко (он был родственником и другом министра геологии П.Я. Антропова и в своих действиях особо не стеснялся) лично разрешал полёты самолётом. Других путей оттуда не было. Попугаеву посадили под домашний арест. Условием возвращения полевых материалов поставили её переход в местную экспедицию. Ларису начали шантажировать тем, что обвинят в разглашении секретов (зачем она всё рассказала "чужим" геологам) и в краже алмазов. Пригрозили, что она разделит участь отца и никогда больше не увидит дочь. На неё орали,

оскорбляли, стучали кулаком по столу. Причём всё происходило за закрытыми дверями кабинетов начальства. Она уходила оттуда «с дрожащими руками и застывшим страданием в глазах». Плакала целыми днями. Один геолог нарисовал её с покрасневшим от слёз носом и назвал свой шарж: «Пиропонос». Она сопротивлялась полтора месяца. Её довели до истерики. Наконец, по словам Беликова, «Попугаева поняла, что никуда не денется из Нюрбы, пока не напишет заявление» (о переходе туда на работу). В середине ноября 1954 она задним числом, что является противозаконным, написала такое заявление. Добившись своего, Бондаренко выпустил Попугаеву.

Она летела торжествуя – методика победила. Это было действительно так: уже в следующем году обнаружили два района промышленных коренных алмазов в Якутии (северный и южный), нашли крупнейшие по запасам их месторождения, в том числе трубки "Мир" и "Удачная". То-то дома обрадуются!

Однако, в Ленинграде не обрадовались. Наоборот.

В Центральной экспедиции её встретили неприязненно, в грубых выражениях обвинили в непорядочности. Она «ревела: меня заставили!». Никто не стал вникать в мотивы её поступка. Как можно было предать врагам (а то, что геологи Амакинской экспедиции – враги, никто не сомневался). Какие, к чёрту, интересы страны?! Сарсадских, автор методики и бывшая подруга, объявила её предательницей, заявила: "или я или она". Стол Ларисы выставили в коридор, с ней перестали разговаривать. Под гнётом

молчаливого осуждения со стороны ленинградских геологов она стала нервной, взвинченной. Она уволилась и из Амакинской экспедиции и из Центральной. Больше алмазами не занималась, работала то младшим научным сотрудником, то старшим, то опять младшим. В 1970 выступила в Горном институте с обобщающим докладом по своим работам и стала кандидатом наук.

Памятник Попугаевой в

Удачном.

Она страдала гипертонией наиболее тяжёлой 3-й степени. Три с половиной месяца в зиму 1974-75 провела в больнице. Умерла скоропостижно после окончания рабочего дня 19.09.1977, рухнув на углу Лахтинской улицы и Большого проспекта Петроградской стороны. Аневризма аорты.

Итак, Ленинскую премию не дали, наградили орденом Ленина, вручили диплом и значок «Первооткрывателя месторождения». Один алмаз весом в 29,4 карата (12 мм в поперечнике) назван в её честь. Улицы в «алмазных городах» Удачном и Айхале носят её имя. В Удачном открыт памятник Ларисе Попугаевой. Много это или мало?

А вспомнил бы кто Нелю Гринцевич? Вы как думаете?

Автору методики, по которой были открыты (и ещё будут открыты) все алмазные месторождения СССР и России, Н.Н. Сарсадских Ленинской премии тоже не дали, наградили орденом Трудового Красного Знамени, после чего о ней постарались забыть. Но тётка – энергичная долгожительница (прожила 97 лет) – в конце концов привлекла к себе внимание: в 1990 (только через 36 лет после открытия, когда ей исполнилось 84 года) Сарсадских вручили диплом и знак первооткрывателя месторождения. Алмазу весом 72,85 карата было присвоено имя «Наталья Сарсадских». В 1994 ей было выдано удостоверение «Почётного гражданина г. Удачный», а в 2005 (в 90 лет!) ей присвоили звание заслуженного геолога Республики Саха (Якутия).

Да, в России жить надо долго.

Ну, началось.

А что Федор Беликов – рабочий (промывальщик), оконтуривший трубку Зарница и накопавший первые алмазы? Первооткрыватель трубки был деликатным человеком, всегда невозмутимым, вызывал симпатию, его все звали Федюней. Он являлся одновременно рабочим, коллектором, телохранителем. Его не забыли – дали премию в два месячных оклада. Всю жизнь он прожил в коммунальной квартире на Васильевском

острове, в одной комнате, и, будучи пенсионером, работал шофером на мусоровозке. Пьяница сосед, бывший милицейский капитан, терроризировал его и его жену. Он умер 4.01.1995.

Карьер в Мирном.

Вернёмся к истории трубки "Мир". Посмотрим, почему наши вечерние байки в Якутске противоречат действительности. Вспомним Николая Андреевича Бобкова, выпускника Ленинградского горного института, начальника

партии 139 направленной на изучение кристаллографии виллойских алмазов. В конце сентября 1952 в Иркутске на совещании в Управлении АмГРЭ, Бобков выступил с докладом о распространении алмазов на Вилюе. Свой доклад он построил на наглядной схеме – диаграмме, где ясно было видно, что пик количества найденных на Вилюе алмазов приходится на район Сюльдюкара, до и после которого наблюдается их уменьшение вплоть до полного исчезновения. Значит, именно где-то рядом с Сюльдюкаром находится коренное месторождение алмазов, которое и "сорит" ими по Вилюю. Бобков указал на реки Малую и Большую Ботуобии как на самый перспективный участок для поиска коренного месторождения алмазов и тем самым поставил под сомнение господствующую в то время среди геологов-алмазников гипотезу о связи алмазов с траппами и о бесперспективности правых притоков Вилюя. После доклада

слушатели стали кричать на докладчика: "Мальчишка!", "Смеет указывать!", "Мы тут работали!", "Не успел приехать, а учит!". А Бобков стоял и улыбался, держа в руках указку, пытаясь несколько раз что-то возразить, но ему не дали.

Бобков был человеком действия. Собрался со своим отрядом на Малую Ботуюбию, виллюйский приток. Но сначала переправился через Виллюю чтобы в посёлке Сюльдюкар познакомиться с новым начальником партии. Разговор с С.М. Журавлёвым получился долгим, затянувшимся до вечера. К вечеру выючные сумы были подготовлены, и Наталия Кинд с Арсением Пакратовым приплыли в посёлок поблагодарить Журавлёва. А от него уже все трое отправились к лодке, очень довольные, что всё так удачно складывалось, без лишних проволочек. По пути зазвали их в дом радиста, который устроил обед, плавно перешедший в ужин. Помимо хозяина и его измученной ежегодными родами жены, остались только лётчик да здешний геолог Юрий Кудрявый. Подвыпившая компания обрадовалась появлению свежих людей, и, узнав, что разговор с Журавлёвым прошёл удачно, провозгласили тост за успешный маршрут. Нацедили остатки из опустевшей бутылки, однако Наташа, которая хорошо помнила о прошлогоднем срыве Бобкова после мизерных доз злополучного "дамского напитка", незаметно ополовинила содержимое его кружки. Но для него и оставшегося количества оказалось многовато...

Собравшиеся тут люди были очень разными, объединяющей стала актуальная тогда военная тема, все мужчины, кроме Юрия Кудрявого, были фронтовиками. Для Николая же Андреевича тема эта была болезненной. Впервые после плена почувствовал он себя Солдатом и Гражданином, когда оказался в армии Рокоссовского, которого

боготворил. Кто-то из бывших фронтовиков задел честь его кумира неосторожной фразой – мол, Рокоссовский сам был уголовником и в армию к себе набирал одних уголовников. Сказанное разрушило благостное настроение, и едва не вспыхнула драка. Разгоряченный Бобков выскочил из-за стола с горящим взором. На ходу набросил на плечи телогрейку и, что-то прокричав, стремительно выбежал из дома. Направился в сторону реки и растворился в кромешной темноте дождливой осенней ночи. Наташа почувствовала неладное, и они с Арсением устремились следом, призывая его подождать, но он, не отвечая, ускорял под их крики шаги и, судя по хрусту гальки под сапогами, побежал. Слышно было, как споткнулся о лодку, затем последовал всплеск воды, и наступила зловещая тишина...

Все произошло настолько неожиданно и стремительно, что когда они, обезумев от ужаса, прибежали к радисту звать на помощь, их слова были восприняты как розыгрыш. Тотчас же оповестили Журавлёва, оперативно организовавшего поиски. Остановлена была работа ночной смены на драге, работавшей напротив обогатительной фабрики. Всю ночь люди плавали по Виллюю с горящими факелами, баграми пытались добраться до дна, но продолжавшиеся дожди ускорили осенний паводок. Виллюю стал бурлив и глубок, сердито накатывая высокие волны на берега. Не помогли и забрасываемые утром сети.

Тело его через три дня выудил на спиннинг одинокий рыбак в 50 км ниже по течению Виллюя.

Как известно, прошедшие войну люди возвращаются к мирной жизни с искалеченной психикой. Н.А. Бобков не был ни шизофреником, ни алкоголиком, но он долгое время находился в немецком плену в концлагерях ужесточенного режима, да и у нас проходил проверку в столь же режимных лагерях, калечивших нервную систему. Потому даже мизерные дозы алкоголя возбуждали его, способствуя возникновению

непредсказуемых эмоциональных поступков. А тут ещё в свой последний полевой сезон мучился он от обострившейся и изнуряющей организм язвы желудка.

В Сьюльдюкаре не было таких "баб", ради которых стоило бы затевать пьяные драки, не было и бурных возлияний. К подвыпившей и уже осоловевшей компании присоединились усталые, голодные геологи, обрадованные возможностью избавиться от необходимости готовить пищу на костре. Дальнейшее происходило нелепо, обыденно и до обидного просто, без вмешательства каких-то там надуманных потусторонних сил!

Наверное, никто никогда не узнает об истинных причинах, побудивших Бобкова броситься в холодные воды могучего Вилюя (впрочем, никто и не видел, как он в них бросился). Его неожиданная смерть породила много слухов и домыслов. Рассматриваются три версии этого события - самоубийство, несчастный случай и убийство.

"От чего мы пишем кровью на песке? Наши письма не нужны природе".

На то, что правые притоки Вилюя, могут быть алмазоносными, первым указал Н.А.Бобков. Разобраться с этим решила Наталия Владимировна Кинд, геолог, кандидат (потом доктор) наук.

Алмаз Горняк.

После гибели Бобкова отряд Кинд (Наташа, Арсений и проводник) направился намеченным им маршрутом по Малой Ботуобии. Журавлев снял для них со строительства лошадей и порекомендовал опытного проводника. Кратчайшим путём повёл он их через тайгу, срезая речные излучины. К вечеру встали они лагерем в пятидесяти километрах выше устья Малой Ботуобии. Пока Арсений Панкратов разжигал костёр и ставил палатки, Наталья Владимировна решила наудачу промыть из русла реки шлик и посмотреть состав руслового материала. Она достала обыкновенную эмалированную миску, и пошла к реке. И случилось чудо! Ещё не успела Наташа промыть пробу, как на дне что-то сверкнуло. Среди тёмно-серых мелких песчинок лежал маленький прозрачный алмаз величиной со спичечную головку. Это произошло 8.09.1953, в Натальин день. Продолжать дальше маршрут не имело смысла. Можно было со спокойной душой возвращаться обратно, так как главная цель была достигнута: Малая Ботуобия оказалось алмазоносной, подтвердив правильность прогноза Н.А. Бобкова. Кинд крупно повезло: найти в двух пригоршнях песка алмаз – невероятно! Узнав о находке алмаза на Малой Ботуобии, некоторые геологи отнеслись очень недоверчиво к этому сообщению, а Файнштейн даже заявил, что алмаз там оказался случайно, его, мол, принесла туда в клюве птичка. Никому ранее не доводилось находить алмазов при промывке шлихов, да ещё при столь ничтожном количестве взятой породы: эмалированная миска, не вмещавшая даже необходимого для промывки шлихов количества взятой пробы, делала это чрезвычайное событие беспрецедентным! Малейшие сколы и какие-либо другие изъяны на кристаллике отсутствовали, давая основание полагать, что путь, проделанный им, не был дальним.

Этой находкой устанавливалась алмазоносность ранее признанного бесперспективным правого вилюйского притока, на несколько лет закрытого для проведения поисков. Открытие богатой Малоботуобинской провинции – важное событие. В отчёте за 1953 год Н.В. Кинд дала детальное описание геологического строения нижнего течения р. М. Ботуобия и написала: "В 1954 необходимо провести мелкообъёмное опробование вышерасположенных участков долины. Это опробование не только поможет решить чисто практические задачи, оно будет иметь большое значение и для выяснения областей сноса алмазов в р. М. Ботуобия и поможет подойти к решению вопроса о коренных источниках вилюйских алмазов". Первым важность этой рекомендации оценил начальник партии №128 С.М.Журавлёв, который уже в зимний сезон 1953/54 направил отряд горняков на М. Ботуобию, который в тяжёлых условиях суровой якутской зимы

взял там крупную пробу галечников, откуда было извлечено 69 кристаллов алмаза. Ботуобия "переплюнула" сразу все вилюйские россыпи алмазов. Стало ясно, что геологи стоят на пороге долгожданного открытия.

Весной 1955 геолог Н. В. Кинд, будучи начальником тематической партии №132, составила прогнозную карту, где были обозначены два предполагаемых ею места нахождения коренных алмазов в бассейне р. Малой Ботуобии (на одном из них летом 1955 была открыта знаменитая кимберлитовая трубка „Мир“, на другом, спустя годы, геофизики открыли кимберлитовую трубку "Интернациональная"). Копии она отдала сотрудникам — выехавшим первыми к месту полевых работ. Уже через три дня после высадки в тайге, 13.06.1955, прорабы Е.Н. Елагина и Ю. Хабардин нашли кимберлиты из трубки "Мир".

Теперь и славе и наградах. Предсказать не трудно. Н.А. Кинд (так же как Елагина) была тут же уволена. Больше алмазами она никогда не занималась – разрабатывала радиуглеродный метод определения возраста геологических пород. Никто никогда не упоминал о её роли в открытии века. Не только Ленинскую премию не дали, вообще никак не поощрили. Потом как-то дали значок первооткрывателя.

О Наталье Кинд и её роли в рождении и судьбе Мирного его жители узнали впервые в 1974, когда в праздничной программе по случаю юбилея города была показана сделанная местным тележурналистом запись выступления Кинд и Елагиной. В 81-м по инициативе редактора одной из якутских газет, С.П.Сальниковой, городское начальство пригласило Кинд, оплатив её проезд, в Мирный, и она участвовала в вечере, посвященном встрече геологов — первооткрывателей якутских алмазов. После этого она ещё дважды посещала Мирный.

Н.А. Кинд была замужем за советским историком И.Д.Рожанским, у пары была дочь Надежда. Родители Кинд и Рожанского были профессорами Петербургского политехнического института. В академическом пос. Лесное завязалась их дружба с крупными учеными А. Иоффе, А. Александровым, С. Вавиловым, Н. Семеновым, И. Виноградовым. Своей подруге Наталья Владимировна как-то сказала *“Среди моих друзей, оказывается, девять лауреатов Нобелевской премии”*. Имя Кинд получило

международную известность. Раньше многих своих коллег она стала выезжать за рубеж. Этому способствовало всё: брак с И.Д. Рожанским (в те годы сотрудником ЮНЕСКО), год, проведённый с семьёй в Париже (1962—1963), свободное владение европейскими языками. Коллег поражала масса собранных ею новых геологических данных, подкупали красноречие и убеждённость, талант вести острую, но доброжелательную дискуссию.

Н.А.Кинд.

Вместе с мужем постоянно принимала у себя дома представителей интеллектуальной элиты страны того времени, дружила со многими участниками диссидентского движения, поддерживала их. Известно, что Кинд в числе прочих подписала телеграмму протеста против осуждения «тунеядца» И.А. Бродского. Кинд была в числе первых читателей «Архипелага ГУЛАГ», помогала переправить рукописи А.И. Солженицына за границу. Связывала её дружба и с А.А. Ахматовой — именно в доме Кинд и Рожанского был впервые записан на плёнку голос Ахматовой, читающей новые стихи, поэму «Реквием», главы из «Поэмы без героя. Именно благодаря Кинд на Запад были переданы и там изданы «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова.

Ну, а что благодарные потомки?

Лезем в Интернет и читаем: "Кинд Наталья Владимировна, походная кличка "ГЛАВЛЕПЕШКА". Возможно **отравила** Бобкова, который нашёл на Иреляхе трубку "Мир". Кинд Н.В. возможно работала на французские спецслужбы".

Ясно, сколько гнид по России ползает?

Ещё одну алмазную женщину вспомнить надо.

Екатерина Николаевна Елагина родилась 13.04.1926 в Москве в старинной дворянской семье. В сентябре 1941 г. уехала на Урал — её двоюродная сестра работала там геологом в Чизменской геологической партии. Екатерина Николаевна начала работать в этой же партии осадчицей. В декабре 1943 возвратилась в Москву и поступила в Московский институт иностранных языков. Проучившись полтора года, в 1946 бросила учёбу и начала работать в алмазных экспедициях. В 1951 её пригласили на работу в Амакинскую экспедицию, где она работала вместе с геологом Н.В.Кинд, первой доказавшей алмазность р. Виллой. 13.06.1955 открыла кимберлитовую трубку Мир. После рождения сына в 1956 Екатерина Николаевна надолго отошла от работы в геологоразведочных партиях, занималась семьёй. В 1960 у неё родилась дочь. В 1961–1968 гг. жила в Якутске, куда её муж, профессор И.И. Тучков, был приглашён на высокую руководящую должность. Вернувшись в Москву, она некоторое время работала сотрудником Совета рудообразования АН СССР.

Умерла в возрасте 85 лет. Оставила интересные мемуары о людях, открывших месторождения якутских алмазов.

Вот как она описывает открытие трубки Мир.

На следующий день не стали тратить время на приготовление горячей пищи, напились чаю с остатками лепёшек, каждый прихватил по промывочному лотку, рабочие взяли кайла и лопаты, и все пятеро отправились вверх по логу. То был обычный таежный ложок, ничем не привлекающий внимания. По склонам поднималась плотная стена тонкоствольных листовенниц, русло заполняли колючие кустарники — ерники, под ними хлопало кочковатое болото, а в тальвеге весело журчал весенний ручеек. И все-таки лог был особенным, ведь выше его впадения в Иреляхе пропадали пиропы — спутники алмазов. Медленно продвигались вверх по логу, считая шаги и промывая через каждые сто метров шлихи, в которых встречались единичные зёрна пиропов. Они были единственной

ниточкой, способной привести к кимберлитам, и, уповая на пиропы, надлежало установить, откуда же они поступали в лог.

Якутские пиропы.

Каждое зернышко радостно приветствовалось, приводя рабочих в недоумение, с чего бы так будоражили нас единичные зёрна, которых в реке полным-полно... Трудно было идти по логу, ноги соскальзывали с тряских кочек и погружались в холодную жижу, колючие ветви царапали лица и руки,

но мы ничего не замечали, не останавливались на перекуры, не разговаривали, приковав все внимание к пиропам. Днем стало нестерпимо жарко и появились жуткие комары.

Но пуще комаров раздражение возникало из-за исчезновения пиропов. В рельефе ничего не менялось, прежним оставался и состав руслового материала, а радовавшие глаз красные капельки куда-то пропали... В середине дня Юрий углядел в своем лотке алмаз, разительно отличавшийся от найденных на берегу нечеткостью формы и желтоватыми натеками. Но то был самый настоящий алмаз, он поднимал начинавший было угасать энтузиазм и придавал новые силы.

На протяжении двенадцати часов продирались мы сквозь кустарники, не прекращая взятого с утра темпа и неотступно промывая илихи под комментарии неугомонного Сорафима (Жуков – рабочий отряда). Ближе к верховьям водоток иссякал, много времени уходило на поиски воды, но промытые илихи оказывались пустыми. Пиропы безнадежно пропали, а мы не могли доискаться до причин их исчезновения. Добрались до верховьев лога, он разветвлялся на два небольших отвершка и в каждом промыли пробы. Закончили считать шаги, повернули обратно, пробивая по пути маленькие закопушки и выборочно промывая из них илихи. Истекал уже тринадцатый час непрерывной работы, а мы по-прежнему оставались в неведении, откуда же пиропы поступали в лог...

Наконец, смертельно усталые, опустили на правом склоне лога передохнуть и подвести неутешительные итоги дня.

Утром предстояло начинать всё сначала, сократив расстояние между взятием проб. На противоположном склоне лога за безлистными серыми кустарниками виднелся коротенький отвершек, днем остававшийся незамеченным. К нему тянулась неширокая полоса, покрытая пушистым зелёным мхом без кустарников. Пока курили, свободное от кустов пространство притягивало взгляд и в разыгравшемся воображении представлялось дорогой. Вслух даже размечтались, хорошо бы вернуться по ней в лагерь, минуя осклизлые кочки и осточертевшие кустарники. Это-то и подталкивало пойти и осмотреть отвершек, промыв по пути из лога по самому последнему илиху. Геологическими молотками нагребли пробы и наполнили свои лотки. Поблизости отыскивали большую лужу и принялись за промывку. Казалось, от переутомления так плохо отмывался этот илих. Долго не отмучивался, с трудом отходил, вынуждая учащать встряхивание тяжёлых лотков. Мы находились неподалеку друг от друга, изредка устало переговариваясь, и упорно старались довести свой илих до конца. Постепенно в нем стали проглядывать чешуйчатые пластинки серебристо-голубоватой окраски, с каждым встряхиванием лотка их количество увеличивалось. А вокруг все сохраняло обычные очертания, по-вечернему спокойной стояла молчаливая тайга, и такая была звенящая тишина, что страшно стало произносить вслух мало пока ещё знакомое слово, озарившее как внезапная, но окончательно не осознанная догадка... Последние силы меня покинули, их оставалось только на то, чтобы молча взглянуть на Хабардина, отвечавшего таким же молчаливо-вопросительным взглядом. Продолжалось это какое-то краткое мгновение. Отшвырнув в сторону лотки с недомытыми илихами, рывком вскочили мы на ноги и, молча озираясь по сторонам, ломая кустарники, стремительно направились к отвершку.

Усталость уступила место сильному возбуждению, погнавшему нас вперед. По мере приближения к отвершку непроизвольно замедляли шаги и ни с того ни с сего взяли вдруг за руки. Дальше шли с затаенным дыханием, поддерживая друг друга, медленно и очень осторожно ступая по пушистому дружинившему мху, опасаясь разочарования. Ноги словно налились свинцовой тяжестью, так трудно стало их переставлять. Сколько времени преодолевали те несколько последних десятков метров – минуту или десять – не знаю, но казалось, прошла вечность...

На склоне отвершка росла высокая лиственница, оползень обнажил её корни, лиса прорыла под ними глубокую нору. Вечернее солнце освещало отвершек, делая издали заметной разбросанную под деревом голубоватую породу. Тут только как само собой разумеющееся в сознании вдруг промелькнуло – да ведь это и должна быть легендарная "синяя земля"! А взгляд уже приковал к себе маленький обломок, валявшийся среди голубеющих развалов. В последних солнечных лучах ярко вспыхнул и, словно живая капелька крови, загорелся заключенный в нём красный огонёк пиропа. Мы рванулись вперёд, упав к корням дерева и руками касаясь обломка. Осторожно передавали его из рук в руки, не способные произнести ни звука, тщетно пытались разглядывать в лупу, но, кроме включённого в твёрдую породу красного глазка пиропа, ничего больше не замечали.

А в сознании уже поселялась уверенность: перед нами был действительно кимберлит! С того момента, когда обменялись у лужи вопросительными взглядами, не было произнесено ни звука, и в сохранявшейся боязни нарушить окружающую нас тишину испуганным, едва слышимым полувосклицательным-полувопросительным шёпотом не сказало, а выдохнулось: "Они?!!"

Тщётно пытались подняться, чужие, словно ватой набитые ноги не слушались. А вскочив, пустились в бешеный перепляс, голоса обрели былую звучность, и тайгу огласили истошные вопли. С увлажняющимися глазами орала, обнимались, хохотали, закружившись в нелепом танце. На крики прибежал перепутанный Серафим и как вкопанный остановился в недоумении – с чего бы это мы оба вдруг одновременно спятили... Движения, как и мысли, стали порывистыми, резко оборвав пляску, с теми же истошными воплями бросились опять к норе и, не замечая валявшихся рядом геологических молотков, ломая себе ногти, принялись разгребать её руками. Ошарашенный Серафим, в растерянности наблюдая за нами, подумал было, что мы ловим лису. Но для сообразительного Серафима немного понадобилось времени уяснить происходившее.

От великого удивления, что среди необозримых таёжных просторов смогли найти кимберлиты, вселившееся возбуждение возрастало. Юрий взял на себя роль командующего, предложив сразу же их оконтурить. Забыли про голод и усталость, со вновь приливающими силами втроем бегая по логу с одной лопатой, которую Юрий с Серафимом попеременно выхватывали друг у друга из рук. Достаточно было вонзить лопату на полтышка, как обнажалась кимберлитовая дресва. Казалось, оконтурили их очень быстро, однако когда впервые положили на ладони обломочек кимберлита, часы показывали без четверти девять, когда же с оконтуриванием было покончено, стрелки решительно переваливали за полночь.

Елагина предложила назвать открытую кимберлитовую трубку (первую за пределами ЮАР) трубкой Мир. Она же сочинила знаменитую телеграмму **«Закурили трубку мира зпт табак хороший тчк Авдеенко зпт Елагина зпт Хабардин тчк»**

Её наградили почётной грамотой и значком.

Открытие алмазного месторождения никак не сказало на её судьбе. Вовремя соскочила...

В 1957 шесть геологов получили Ленинскую премию за открытие промышленного месторождения алмазов в Якутской ССР. Это Буров Александр Петрович, Белов Владимир Борисович, Файнштейн Григорий Хаимович, Щукин Владимир Николаевич, Юркевич Ростислав Константинович.

Все, кроме Бурова, сотрудники Авакинской экспедиции. Кто эти люди и за что они конкретно получили премию?

А.П.Буров руководитель работ по алмазной тематике в стране, зам. нач. отдела Министерства геологии и охраны недр ССР, главный геолог управления по разведке алмазов (Третий главк), в 1937 нашёл алмаз в Енисейском кряже, затем начал возглавлять дальнейшие поиски драгоценных камней. Работал в основном на Урале, к поискам алмазов в западной Якутии имел косвенное отношение. **Г.Х. Файнштейн** – активный инициатор поиска алмазов именно в бассейне Вилюя, возглавлял первую партию там работавшую, потом старший геолог партии. Был противником поиска алмазов на правых притоках Вилюя, но именно там и была открыта трубка Мир. Правда его учеником Хабардиным. **Ю.И. Хабардину** приписывают исключительное открытие трубки Мир, хотя открытие это сделали держащие за руку друг друга Елагина и Хабардин, причём Елагина первая нашла алмаз в трубке и к тому же дала ей название "Мир".

Об этой мужской троице много материалов в Интернете, много мемуаров об их участии в поисках алмазов. Чего нельзя сказать о трёх других.

Белов В.Б. был начальником партии № 129, которая открыла богатые алмазоносные россыпи на реке Марха (левый приток Вилюя). Впоследствии в бассейне этой реки были обнаружены и кимберлитовые трубки. **Щукин В.Н.** – ст. геолог партии, первооткрыватель алмазной трубки «Удачная», в бассейне реки Далдын. Он по пиропной методике открыл

богатейшую кимберлитовую трубку «Удачная», на базе которой сегодня работает обогатительная фабрика №12. Удачныйский горно-обогатительный комбинат в настоящее время даёт большинство добываемых в Западной Якутии алмазов. Этот же комбинат перерабатывает породу с трубки Зарница. **Р.К.Юркевич** – главный геолог Амакинской экспедиции. "Он сменил бывшего в этой должности М.А.Гневушева, но за это время ни в чём проявить себя не успел. Направление поисковых и исследовательских работ, по которому пришли к впечатляющим результатам, определилось ещё до его появления в экспедиции. Среди геологов это назначение большого энтузиазма не встретило, и по старой памяти многие обращались со всеми вопросами к бывшему главному геологу, а Юркевича не замечали. Уязвленное самолюбие породило приказ по экспедиции, запрещающий решать производственные вопросы, минуя Юркевича. Этот приказ определил к нему отношение большинства амакинцев, породив анекдоты и насмешки". В Интернете о его жизни, деятельности и смерти ничего нет.

Итак, 5 из шести награждённых получили премии заслуженно. Юркевича приплюсовали за компанию (Понятно, что если вы награждаете сотрудников экспедиции, то нельзя обойти её главного геолога, хотя, что он сделал полезного в этой должности, не ясно).

Тёток, однако, забыли.

Сарсадских Наталья Николаевна предложила метод поиска алмазов по пиропам, с помощью которого были открыты практически все месторождения алмазов в Восточной Сибири, Попугаева (Гринцевич) Лариса Анатольевна открыла первую кимберлитовую трубку Зарница (на притоке р. Марха), Кинд Наталия Владимировна – прямо указавшая на два перспективных района на правых притоках Вилюя, в которых затем были открыты трубки "Мир" и "Интернациональная", и направившая своих подчинённых Хабардина и Елагину точно в место залегания трубки Мир, Елагина Екатерина Николаевна – подведшая Хабардина к трубке Мир и сочинившая знаменитую телеграмму об её открытии.

Не хорошо это.

Понятно, что мужикам всё себе присвоить хочется. Но делиться надо...

Алмазная история поучительна. Потом я сравнил её с историей открытия алмазов ЮАР, когда преподавал в Стелленбоше, бродил по окрестностям Кейптауна, Йоханнесбурга, Претории, Кимберли, по всему Трансваалу. Шёл по следам Сисилия Родса.

Забавные вышли сравнения, как-нибудь расскажу.

Нашим геологам алмазы достались не просто, кто-то погиб, кто-то рано умер, кто-то тихо жил (особенно те дамы, что удачно вышли замуж, родив и воспитав детей), а кто-то боролся за славу. Миллионером никто не стал, природные богатства достались другим, тем, кто по мху не ползал и в мерзлоте шурфы не бил.

Занимательно, как всё яркое тушуетя, а всё аномально выросшее – подстригается. Даже среди алмазов-брильянтов царит серятина. Прямо, как в МГУ, где в начале 21-го века уже нельзя было представлять, что всего 50 лет назад лекции студентам читали отечественные нобелевские лауреаты, Лауреаты Ленинской и Сталинской премий, создатели новых наук и технологий. Теперь занятия ведут профессора – "эффективные менеджеры", приказчики, неспособные отличить Th' от Th" (т.е. мальчика от девочки), а актиний от протактиния.

Жили – были три свиньи: Ниф-Ниф, Наф-Наф и Зав. Каф.

Кстати, странная странность: как вижу нового бойкого зав кафедрой, так сразу вспоминается Аверченко с его определением *квадратный ноль*, т.е., конечно, ноль, но ноль квадратный. Особенность есть! Почему такое на ум идёт – непонятно...

Основной закон эволюции – блестящее и необычное искореняется; наша перспектива – царство крыс и тараканов. Видов особо живучих. В МГУ в начале нового тысячелетия укрепилось царство бездарей-иммитаторов, как и предвидел пророк:

"Будут править робкие бездарности" (Нострадамус)

"Не житье на Руси людям прекрасным. Одни только свиньи там живучи..." Гоголь Н. В., из письма к Погодину.

Но это так, к слову.

Просто уже тогда, во время вечернего трёпа, ещё не зная истории алмазных открытий, не ведая о будущих судьбах первооткрывателей, мы говорили об опасности мощных свершений в эпоху застоя и рецессий, и о грядущей эпохе торжества гопников.

Не мечи бисер перед свиньями.

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Евангелие от Матфея (гл. 7, ст. 6), Нагорная проповедь Иисуса Христа.

А мне с моей фамилией посоветовали жить тихо, золото-алмазы не искать, а если найдёшь – помалкивать, книги-учебники не писать, с начальством не задираться.

– Давай теперь на горшок и в койку.

Я так и сделал. И в смысле горшка и в смысле помалкивания.

Тогда. Много позже, я-таки метнул бисер перед свиньями. За что немедленно был ими съеден вместе с гавном.

Понятно: чтобы избежать критики ничего не делай, ничего не говори и будь никем. Да только не каждый на это способен.

Впрочем, как говорил Сальвадор Дали: *"Спасибо моим врагам. Если бы не они, я бы не стал тем, кем я стал"*.

Вечер, однако, продолжался, градус крепчал, сначала якутские слова лишь вкрапливались в разговор, потом пошли целые фразы, потом все заговорили по-якутски. Под всеми я имею ввиду европейцев – азиаты давно в отрубе.

Делать нечего. Уполз к себе спать.

Якутск – Батагай

Под Верхоянском, по просторам сонным...

*Mit weißem Haar, in den verrufenen Orten,
Noch hinter Werchojansk, in öden Steppen,
Da schmachten sie, die ihre Ketten schleppen
Tagaus-tagein, die düsteren Kohorten.*

Наутро в 11-00 ни погоды, ни стюардессы. Последнюю извлекли из номера радиста, а через пару часов и погоду дали. С некоторым сомнением, но дали. Мы скорей, скорей всё барахло на борт, и – вперёд.

Ли-2 – в девичестве «Дуглас».

В принципе Ли-2 мало чем отличается от Ил-14, ну, третье колесо у него под хвостом, а у Ила

– под кабиной пилотов, так что на стоянке Ли-2 сидит на заднице, задрав нос в небо, корпус же Ила горизонтален. А так – размеры почти одинаковы, два двигателя на крыльях и хвост. Что ещё надо? Но различие есть и существенное. Ил – чисто пассажирский самолёт, а Ли-2 – грузопассажирский. Кресел в нём нет, а есть сиденья вдоль стен. На них мы и сидим. А в центре – груда багажа. Его много, пассажиров, сидящих напротив тебя почти не видно. Люк есть, в полёте его можно открыть и с парашюта прыгнуть или бомбу какую бросить. Если захочется...

Самолёт устремился по взлётке. Динамики рывкнули голосом капитана: "Граждане пассажиры! На борту всё нормально! Желаю вам счастливого полёта!". Хорошо, что успокоил. А если станет ненормально, успеет с нами попрощаться?

Шли над Леной. Потряхивало, но сносно. Слева – Виллюй (алмазы), справа Алдан (золото). Потом резко повернули на восток.

Джун, эта «копна волос плюс характер», как кто-то сказал про неё, эта крошка с бесстрашным взглядом синих глаз, твёрдым подбородком, ярким румянцем и золотисто-рыжими волосами, слишком пышными для такого узенького личика и хрупкой фигурки, стояла перед своим женихом, охраняя его от этого праздного любопытства. Высокая, прекрасно сложенная женщина, которую кто-то из Форсайтов сравнил однажды с языческой богиней, смотрела на эту пару, еле заметно улыбаясь. Её руки в серых лайковых перчатках лежали одна на другой, она склонила голову немного набок, и мужчины, стоявшие поблизости, не могли оторвать глаз от этого спокойного, очаровательного лица. Её тело чуть покачивалось, и казалось, что достаточно движения воздуха, чтобы поколебать его равновесие. В её щеках чувствовалось тепло, хотя румянца на них не было; большие тёмные глаза мягко светились. Но мужчины смотрели на её губы, в которых таился вопрос и ответ, на её губы с еле заметной улыбкой; они были нежные, чувственные и мягкие; казалось, что от них исходит тепло и благоухание, как исходит тепло и благоухание от цветка.

Умеют же писать люди!

Однако мотать нас стало безобразно. Глаза не фиксировались на странице книги. Более того, трудно усидеть на месте, антигравитация с последующей гравитацией увлекали в свободный полёт по салону. Многие вещи этим и занимались. Самолёт часто (пожалуй, слишком) проваливался в яму, по траектории близкой к штопору, на довольно длительное время создавал состояние невесомости (на первом этапе, как в скоростном лифте ДК МГУ, а затем как на американских (или, всё же, русских?) горках, затем с перегрузками возвращался на курс. Мы совершали зигзаги во всех степенях свободы, аэроплан ложился то на левое крыло, то на правое, не забывая при этом падать камнем вниз или взмывать в космос. Пассажиры с поднятого борта немедленно покидали сиденья, перелетали салон и падали на пассажиров опущенного. Туда же перемещался и груз. Мат-перемат и всё движется в обратном направлении. Команда: блюют все! Все, не все, но многие. Поскольку стюардессы спецпакетов не раздавали (они вообще не могли пройти по салону, так что на халявный завтрак-обед рассчитывать не проходило), то вскоре

пассажиры, вещи, да и сам салон покрылся слоем рвоты.

Было душно и зловонно, но я всё же погрыз батон колбасы. Немного – заморить червячка.

По нами – горы, тайга и снег. Солнце светит в левый борт, потом правый (идём назад?), потом снова в левый. Несколько раз прорывались сквозь хребет. И прорвались!

И нам тут гулять?! Под нами – Верхоянский хребет, а далеко впереди по курсу – горная страна Черского. *А что, если наша Земля - Ад какой-то другой планеты?*

Качка почти кончилась. Ящики, вьючники, баулы и прочие

шмотки, вернулись на место. Теперь хоть в сортир можно попасть и покурить спокойно. Воссоединился я с Форсайтами, но читать расхотелось.

Натужно гудят моторы, а мы как будто стоим. Медленно-медленно уплывает из-под нас земля. Верхоянский хребет позади, внизу – система рек, целая паутина, уходящая на север. Это, видать, и есть таинственная Яна с её истоками и притоками. Таинственная, потому что из школьного курса географии я усвоил, что в Сибири на север последовательно текут: Обь, Енисей, Лена, Индигирка и Колыма, а про Яну между Леной

и Индигиркой вроде как и не слышал. Теперь, однако, наглядно видел, что зря, совсем зря – Яна – река большая (буквальный перевод с якутского). На широкой долине она вилась змейей, не столько даже волнами синусоиды, а буквально кольцами. Казалось даже, что они пересекаются, образуя цепи. Многочисленные озёра, ещё покрытые льдом, старицы, болота и разливы, а также длинные блестящие на солнце наледи.

В средние века в Верхоянье жили ламуты (эвены), по нижнему течению Яны – тунгусы, в верховьях притоков Яны, к хребту Черского – юкагиры, эвенки были рассеяны по всему региону. Основным занятием коневодство, оленеводство, рыбная ловля и охота. В конце 16-го века через перевал Верхоянских гор в долину Яны стали проникать якуты. Пришельцы с юга встретили яростное сопротивление местных племён. Особенно кровопролитными и длительными были столкновения между якутами и юкагирами. В середине XVII века янские якуты к борьбе против юкагиров привлекли русских казаков. Те охотно откликнулись: кто-то живёт рядом и дань не платит?! Непорядок! Казаки пришли на Яну в 30-е годы 17-го века. Этот обширный край, занимающий более 300000 км² был присоединён к Российскому государству. До середины 20-го века в бассейне Яны по численности населения первое место занимали якуты, потом их потеснили русские (точнее - русскоязычные), а в начале 21-го в связи с бегством русского населения якуты опять вышли на первое место. На левом притоке Яны – Батынтае живут эвены. Куда делись юкагиры и другие коренные народности – информации нет.

Резко снизились и прошли над Верхоянском. Не просто прошли, а вернулись и сделали круг, покачивая крыльями. Верхоянск оказался на правом берегу Яны. Хорошо была видна пристань, река глубокая, судоходство позволяет спускаться до Батыгая и ниже к Ледовитому океану.

Разговоры в процессе ожидания самолёта слегка меня просветили. Знал, что первое зимовье русских в здешних краях город основан И.Ребровым в 1634 г как казачье зимовье,

а в 1638 там же Иван Посник с сотоварищами построил Острог. В 1775 для удобства сбора податей (а для чего ещё селиться в диких краях русским (!) Верхоянское зимовье было перенесено севернее на левый берег Яны, заняв луг Боронук. Однако воздушный шар (интересно из чего он был изготовлен?), поднятый казаками, перелетел реку (с XVII-го века есть традиция – там, где опускается воздушный шар, ставить церковь) – пришлось переселяться на противоположный берег – место сырое и неудобное.

В 1822 году Верхоянский острог официально стал городом (первый в мире город за полярным кругом). Его население состояло из русских чиновников, казаков, мещан и духовенства. Верхоянск служил перевалочной базой для русских землепроходцев. Через Верхоянск прошло немало первопроходцев: Дежнев, барон Толль, Седов.

В моё время Верхоянск на город не тянул: менее 1000 жителей, дома одноэтажные, деревянные. Тем не менее, это город – самый маленький город в СССР (статус малолюдного города он получил при Александре I – тогда в нём числилось 200 человек, живших в основном в тундре. Двести лет назад Верхоянский округ, занимавший тысячу квадратных верст, управлялся исправником, секретарем и окружным лекарем с помощником). Город находится в 650 км к северо-северо-востоку от Якутска. Старинное поселение – уже более 300 лет существует.

При беглом взгляде с воздуха, даже не зная число его жителей, очевидно, что это не город и даже не село, скорее – большая деревня. Тем более, когда узнаёшь, что все органы власти Верхоянского района сосредоточены в Батагае, там и почти всё население региона, аэропорт и промышленность. За какие заслуги ему присвоили статус города? Позже слышал байку, что дворян нельзя было ссылать в поселки-деревни. Вот и присвоили статус города. Остроумно! Стало удобно очищать столицы от неблагонадёжной публики. В Верхоянск ссылали всех, кто под руку попался, ни классового, ни национального подхода не было. И политических и уголовников, и русских и нерусских, капиталистов и пролетариев. Перед законом все равны...

Здесь оказались декабристы, поляки, евреи, народовольцы, социал-демократы. Можно вспомнить участника польского восстания 1863–1864 поэта Викентия Пужицкого. Отбывал здесь ссылку участник революционного движения 1860 гг. И.А.Худяков, польский революционер, этнограф Вацлав Серошевский, декабристы А.А. Бестужев-Марлинский и М.И.Муравьев-Апостол, этнограф Левенталь и автор первого фундаментального словаря якутского языка Пекарский, революционеры И.В.Бабушкин, В.П.Ногин, С.А.Стопани. Политссыльные составляли две трети русского населения края.

Две реки, сливаясь вместе, образуют Яну. Там и поставили русские острог

Летим, летим, а Яна всё мотает и мотает свои кольца.

Среди них было немало людей с университетским образованием, литераторов и авторов научных трудов, членов Русского географического общества, участников знаменитой экспедиции Сибирякова. В результате Верхоянск превратился в культурный центр, где грамотность населения была на порядок выше, чем в округе. В 1817 открыто самое северное лечебное учреждение. Город стал колыбелью якутского фольклора и устного народного творчества народа саха: сказок, преданий, легенд, а также якутского героического эпоса – Олонхо. Ссылные организовали различные школы (первая – в 1871), была даже “летучая” школа (скрывая свое существование, она всё время переходила из юрты в юрту). Это понятно: тюрьма и ссылка в России — эффективный способ государственного управления образованием. Ссылные многому научили якутов и многому научились у них. Однако особой радости по поводу своего положения они не испытывали и старались надолго здесь не задерживаться. Иные кончали самоубийством, кто-то пытался бежать с помощью американских матросов — участников потерпевшей кораблекрушение экспедиции. Доплыли на лодке до Северного Ледовитого океана, но, затертые льдами, были вынуждены вернуться назад.

При проклятом царизме ссылных было много, но они исчислялись штуками (однажды их Верхоянске оказалось почти 100 человек!). А когда выжившие революционеры – борцы за народное счастье – пришли к власти, счёт заключённых пошёл на десятки, а то и сотни тысяч. Это были представители всех национальностей (в том числе – якутов), всех политических оттенков (включая старых коммунистов), пролетариев, кулаков и интеллигентов, и просто людей, так и не понявших какими судьбами они оказались в здешних краях. Царским ссылным посвящены музеи, а кого и сколько здесь уничтожили любители диктатуры пролетариата, социального равенства, свободы, равенства и братства, всеобщих выборов и свободы печати мы не знаем, и никогда не узнаем...

Когда снизились, Яна под Верхоянском стала похожа на нормальную речку.

Памятник Ленину здесь стоит – есть, кому поклониться.

Как возник город – понятно, не ясно, как в нём жить. Годовой перепад температур – 100 градусов (от +40 летом до -60°С зимой). Живут аборигены среди рек, озёр и болот, а питьевой воды нет! (Мутная она летом). Одно из озёр называется Море мочи

(если грамотно с якутского перевести). Летом сюда ходит справлять нужду городское стадо, зимой же по нему скользят, дети на загнутых крючках, невзирая на страшный холод. Место низменное, болотистое, усеянное озёрами (почти у каждого дома – своё озеро). Дома разбросаны, улица одна. Зимой заготавливают речной лёд, летом из него воду пьют. Промышленности нет. Лесозаготовительная база, да маленький порт. Сельское хозяйство – скотоводство, коневодство, оленеводство (земледелия практически нет) и пушной промысел. Верхоянск – центр совхоза. Каменный дом в нём один. Зато к городу сходятся транспортные пути – по реке можно плыть до самого Океана, есть дорога на Якутск, и тракт на Колыму (почти параллельно Полярному кругу). Почта по тем дорогам ходила, брели ссылные и каторжане. Концы не малые: от Якутска до Верхоянска – 1100 км, а от Верхоянска до Колымы – 1500 км. Сейчас, кстати, Колымский тракт Якутск-Магадан идёт южнее, и Верхоянск остался не у дел.

Верхоянск имеет свой гимн, флаг и герб. Якуты это гербы. Похоже, любое поселение в здешних краях имеет свой герб. Есть он и у Верхоянска. На нём бычьи рога. Причём тут бык никак понять не мог. Якуты в моём понимании – оленеводы.

Герб Верхоянска.

Мне незамедлительно объяснили. Здесь полюс холода. А ежам ясно, что крепкие морозы и туман происходят от дыхания могучего Быка Зимы «Тымныы обуһа»). Белый Бык Зимы с голубыми пятнами имеет громадные рога, морозное дыхание. С потеплением в середине февраля у него отпадает один рог, в марте отламывается второй. Затем и голова слетает прочь, и тогда с грохотом разваливается вся его туша. После этого наступает весна. Изображение горных вершин связано с тем, что этот край издревле известен в Якутии, как «горное Верхоянье» («Таастаах Дьяаны»), т.к. значительная часть территории занята протяженной цепью гор Верхоянского хребта. Изображение якутского национального сосуда для кумысопития – чорона связано с проживанием на территории района преимущественно якутского населения. Изображение ножек чорона в виде конских ног указывает на то, что здесь развито коневодство, производится кобылий кумыс. Также чорон является символом изобилия, богатства, а в данном случае обозначает изобилие и богатство недр Верхоянья, в которых залегают

месторождения золота, серебра, сурьмы, олова, свинца, других драгоценных и редких металлов. Алмазы в особой стилизации, аналогичной с их изображением в Государственном гербе Республики Саха (Якутия), обозначают административно-территориальную принадлежность муниципального образования к Республике Саха.

Бунге А.А. – учёный, зоолог, флорист, врач – доктор медицины.

С полюсом холода не всё просто: этих полюсов то ли два, то ли три.

Всесоюзную (можно сказать – мировую) известность Верхоянск получил из-за расположенной там метеостанции, поскольку ни одна сводка погоды не обходилась без его упоминания. Как же – Полюс холода! Здесь, кстати был установлен рекорд Гиннеса — в 1885 (!) отмечена самая низкая температура северного полушария Земли $-67,8^{\circ}\text{C}$. Правда, каким термометром её мерили, кто его поверял-калибровал науке не известно. Почему-то с тех пор уже 100 лет никто таких цифр не получал. Потепление климата, видимо. Но, конечно, полюс холода располагается где-то здесь, в Томтор Оймяконском улусе (среднемесячная температура января -61°C).

Первые метеорологические наблюдения вёл здесь в 1868 – 1870 политический ссыльный, этнограф И.А. Худяков. В декабре 1869 он отметил температуру $-63,2^{\circ}\text{C}$, и это измерение дало основание академику Г.И. Вильду назвать Верхоянск полюсом холода. Метеостанцию в Верхоянске оборудовал в конце своей жизни зоолог-флорист, член-корреспондент Петербургской АН Александр Андреевич Бунге (1803-90), изучавший флору Алтая (у него есть книга Путешествие по Алтайским горам), Монголии и Китая. Тот самый Бунге, в честь которого назван остров в центральной части Новосибирских островов (земля Бунге).

15.01.1885 на этой метеорологической станции трудился политссыльный Сергей Филиппович Ковалик (1846-1926) – видный революционер-народник – поклонник идей Бакунина, кандидат математических наук при киевском университете, мировой судья в Черниговской губернии, агитатор на Волге. В 1874 его арестовали и привлекли к процессу «193-х» – крупнейшему процессу при Александре II (арестовано 4000 человек),

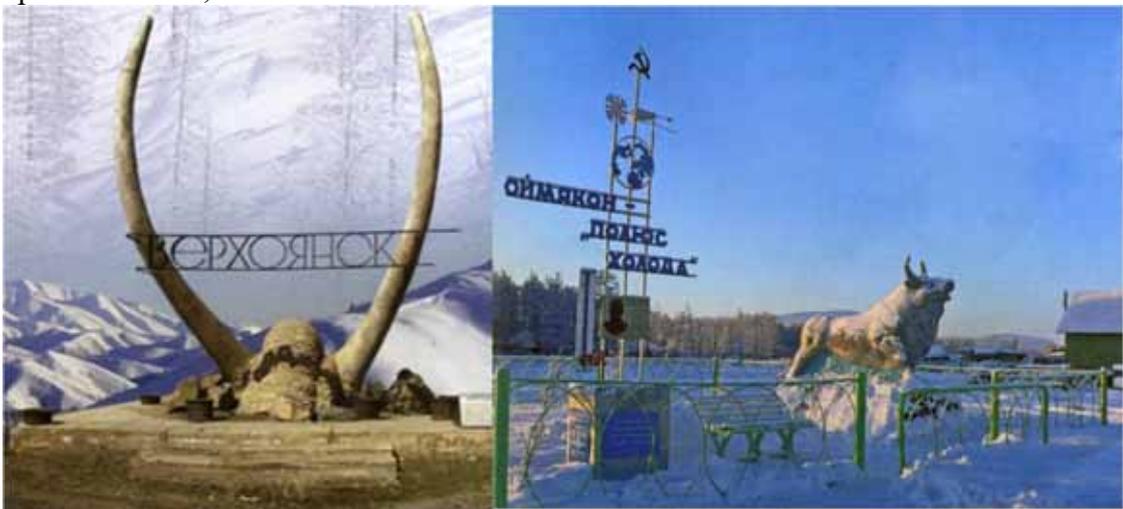
приговорив к 10 годам каторжных работ. В Верхоянске он женился, самостоятельно изобрёл и построил первую в здешних краях печь-голландку. (Позже, в 1924 в Москве принимал участие в работе съезда общества бывших политкаторжан). Здесь он зарегистрировал температуру воздуха $-67,1^{\circ}\text{C}$ (рекорд 1885).

Ковалик С.Ф. – уроженец Полтавской губернии, зафиксировал рекорд Гиннеса по самой низкой температуре в Северном полушарии.

Долго Верхоянск купался в лучах славы (Увы! В 20-м веке настало глобальное потепление, стало не до рекордов), а метеонаблюдения начали вести в Оймяконе (село на левом берегу Индигирки в её верховьях, намного – четырьмя градусами широты южнее Верхоянска), куда незамедлительно перебрался и полюс холода. Но насколько это справедливо?

Ведь официально самая низкая зарегистрированная температура в Оймяконе $-67,7^{\circ}\text{C}$, отмечена в 1933. Вроде не рекорд ведь в Верхоянске $-67,8^{\circ}\text{C}$. Но это данные 1892 года, а тогда ведь в Оймяконе наблюдения не велись, может там в это время ещё холоднее было! Дело запутал С.В.Обручев, геолог, сын автора знаменитых «Земли Санникова» и «Плутонии» В.А. Обручева. Наблюдая в 1926. местность, Обручев сделал вывод, что условия здесь таковы, что температуры могут опускаться ниже, чем в более северном Верхоянске. По сравнению с районом Верхоянска днище оймяконской впадины более приподнято над уровнем моря, следовательно, здесь можно ожидать экстремально низких температур воздуха. Обручев прикинул вероятный минимум – $-71,2^{\circ}$. Фишка в том, что такая температура никогда не регистрировалась! А принята, как закон... Во всех энциклопедиях стоит, как реальный рекорд. Вот она – сила теории! Как он считал, что он считал – никто не знает, скорей всего – враньё чистой воды, а воспринято всеми, как истина...

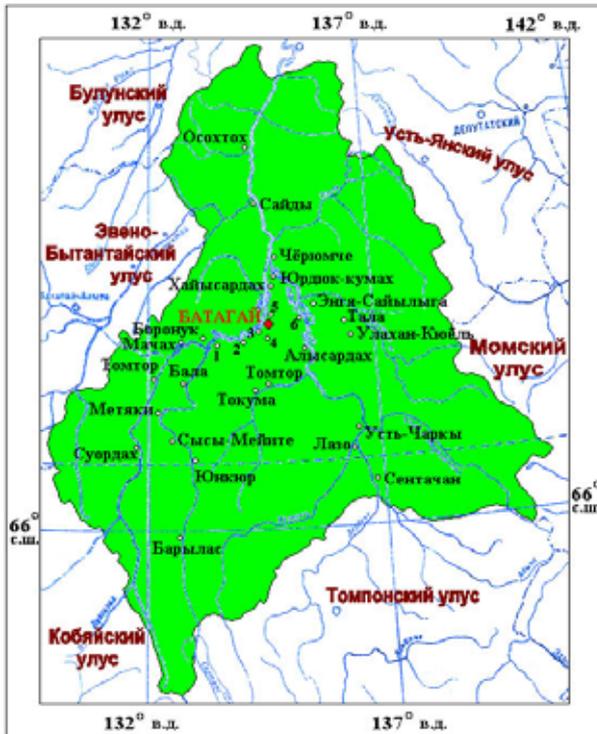

Оба полюса холода отмечены символом - Быком Холода.

Недавно с претензией на полюс холода возникло село Делянكير, его было отвергли (по смехотворному предлогу, что в селе живёт всего один человек), но потом приняли. Пошли на компромисс – все чемпионы: Верхоянск – по абсолютному минимуму температуры воздуха, Делянكير – по средней годовой температуре, Оймякон – по средней месячной температуре января – самого холодного месяца года. Правда, местные якуты считают, что самое холодное место – в верховьях Индигирки. Но это всё – ля-ля.

Поскольку теперь метеостанция нет ни в Верхоянске и ни в Оймяконе, а есть в посёлке Томтор (1500 жителей), что расположен в 30 км юго-восточнее, высота 2000 м над уровнем моря, то он и будет полюсом холода.

*Такой холод, что собаки на повороте
ломаются.*

Здесь уважают холода...

Пускай алмазами и золотом

Гордятся Мирный и Алдан,

А Верхоянск гордится холодом!

Батагай расположен за Полярным Кругом.

Цифрами обозначены населенные пункты: 1.

Верхоянск, 2. Столбы, 3. Ютгях, 4. Эге-Хая, 5. Чолбон,

6. Бетенкёс.

Батагай

Затерявшийся вдали,

Среди скалистых гор.

Ты для нас,

Как отчий дом.

Батагай, любимый наш.

Батагай (а может Батыгай, ибо почтовый штемпель в аэропорту тискает именно так) расположен на правом берегу Яны в 5 км ниже впадения в Яну реки

Батагай. Говорят, что по-якутски баты – это лодки, т.е. в названии отражается идея порта, но я встречал якута по имени Бата. А один спец меня убеждал, что Батагай означает “место, провалившееся среди гор”. Если он и провалился, то ещё не до конца. Есть мнение, что название посёлка связано с именем Батагайского рода якутов, жившего когда-то в этом районе. Но это ничего не объясняет: род-то почему так прозвали?

Промышленный посёлок – очаг культуры и олово-добывающей промышленности. С 1953 центр Верхоянского района, главнее Верхоянска. Однако опять же вся страна знает Верхоянск, но никогда не слышала о каком-то Батагае. Чудеса! Между тем он был, есть и можно с уверенностью сказать – будет.

Для педантов – справка из Энциклопедии:

БАТАГАЙ – посёлок, административный центр Верхоянского района (1954). Площадь района 137 тыс. кв. км. – больше многих Европейских государств. Расположен за Северным полярным кругом, на правом берегу реки Яны, на 130 км ниже по течению от начала Яны (слияния рек Дулгалах и Сатанг) и на 90 км ниже Верхоянска. От Якутска находится на расстоянии: наземным путём – 1068 км, водным – 2785 км, воздушным – 705 км. Один из первых рабочих посёлков Якутии (1939). Возник в связи с открытием и разработкой самых больших в СССР месторождений олова в горах «Улахан Ыннах» (19.03.1943 пущена обогатительная фабрика №418, ликвидирована в 1975). 6000 жителей (1968). В посёлке – речная пристань, мясоперерабатывающий комбинат, завод стройматериалов, геологоразведочная экспедиция, транспортные предприятия, дизельная электростанция, солнечная электростанция, котельная. Средняя школа, городская библиотека, музей Памяти «Янлаг», геологический музей ОАО «Янгеология».

Если вспомнить историю, то в 1936 П. П. Епифанов открыл Эге-Хайское месторождение олова – крупнейшее геологическим открытием не только в районе, но и на всем Северо-востоке Якутии. Для переработки россypi нужна вода, но на руднике её нет. В Эге-Хая начали было строить две обогатительные фабрики, но потом от этого отказались. Собрались было строить фабрику на Яне в чуть ли единственном посёлке в этих краях Ютгяхе, но тоже не стали, т.к. этот посёлок в половодье Яна затапливала. В 1938 экспедиция Всесоюзной конторы "Союзникельоловоразведка" под руководством П.В. Молитвина и топо-геодезическая партия В.А. Шувалова выбрали площадку под

обогадительную фабрику на правом берегу реки Яны в 4,5 км. ниже устья речки Батагайки (в 18 км от Юттыха). В честь неё посёлок и назвали. На этом месте начали строить обогадительную фабрику и поселение. Потом проложили круглогодичную дорогу Батагай – Эге Хая с твёрдым покрытием (18 км), Эге-Хая в свою очередь соединили дорогой с Юттыхом. Именно Юттых стал грузовым портом как для Батагай, так и для Эге-Хая. Через него отправляли в Новосибирск готовый продукт.

Юрты экспедиции П.В. Молитвина на площадке Батагай (1938).

В 1937 из Якутска – через Лену, Северное море и устье Яны – пришёл первый пароход (в памяти осталось, что за два дня до его прихода на реке стал слышен шум его колес), тогда же Герой Советского Союза И.И. Черевичный посадил на озеро гидросамолет, в 1938 заработал первый рудник в Эге-Хая, были добыты первые тонны оловянной руды. С

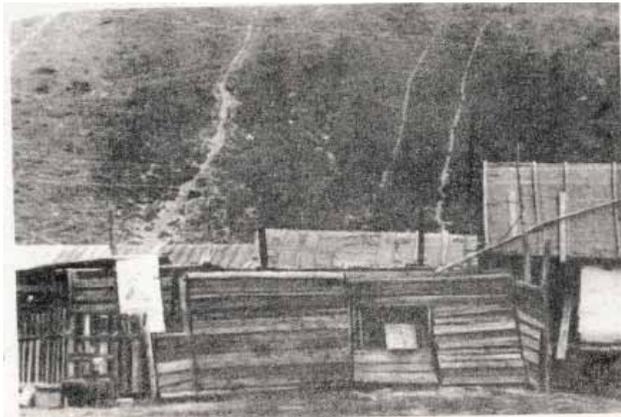
1941 началось широкомасштабное строительство. Был организован лесозаготовительный стройучасток. Построили аэродром, который стал принимать американские самолёты. По Ленд лизу (*давать взаймы*) в 1944-1946 было поставлено оборудование для шахт,

приисков, горного комбината, грузовые автомобили, консервы и прочие продукты.

Юрта в Батагае постройки 1940.

В 1940 строительство Батагай шло интенсивно. Рабочий день длился 12 часов, но комсомольцы с большим энтузиазмом брали дополнительные обязательства. Например, они установили столбы телефонной связи Батагай – Эге-Хая.

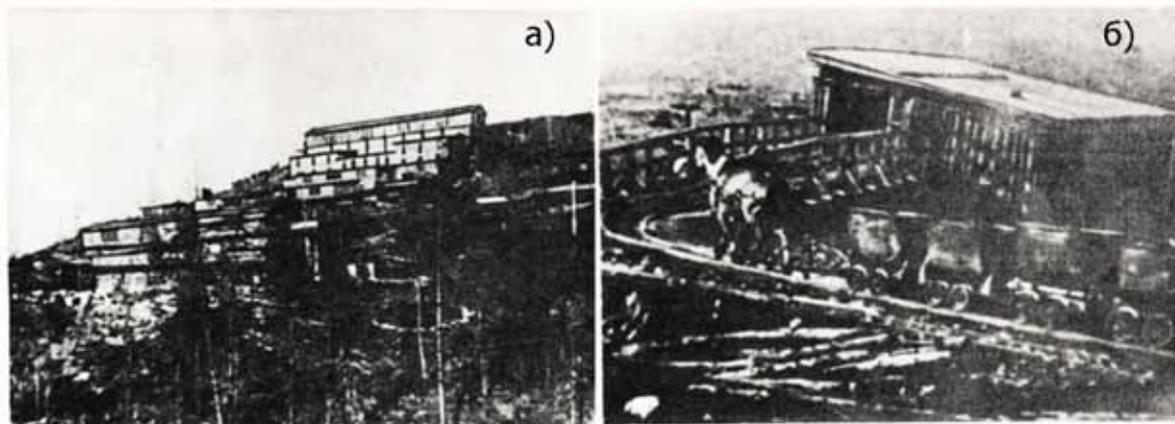
Для комплексного строительства катастрофически не хватало рабочей силы, поэтому в 1941 развитие горной промышленности Верхоянья было

передано НКВД. В 1940 в здешних краях появились лагеря заключенных, подразделения ГУЛАГа. Заключенных использовали на самых физически трудных работах, а также на строительстве домов, дорог. Трудились и мобилизованные якуты. Большие лагеря находились в Батагае и Эге-Хая, а в других местах – лагерные командировки и подкомандировки с сезонными рабочими. Завоз заключенных – сложная проблема. Частично их доставляли из Якутска или из Магадана по Колымского тракту, но в основном по Сев-мор пути. Обычно с запада (сначала из Мурманска, потом из Якутска вниз по Лене через Тикси и Нижнеянска, но и из Дальневосточных портов (Находка и др.) через Магадан, Берингов пролив и Певек и вверх по Яне (на барже или пешком, а это 700-750 км. Не все доходили).

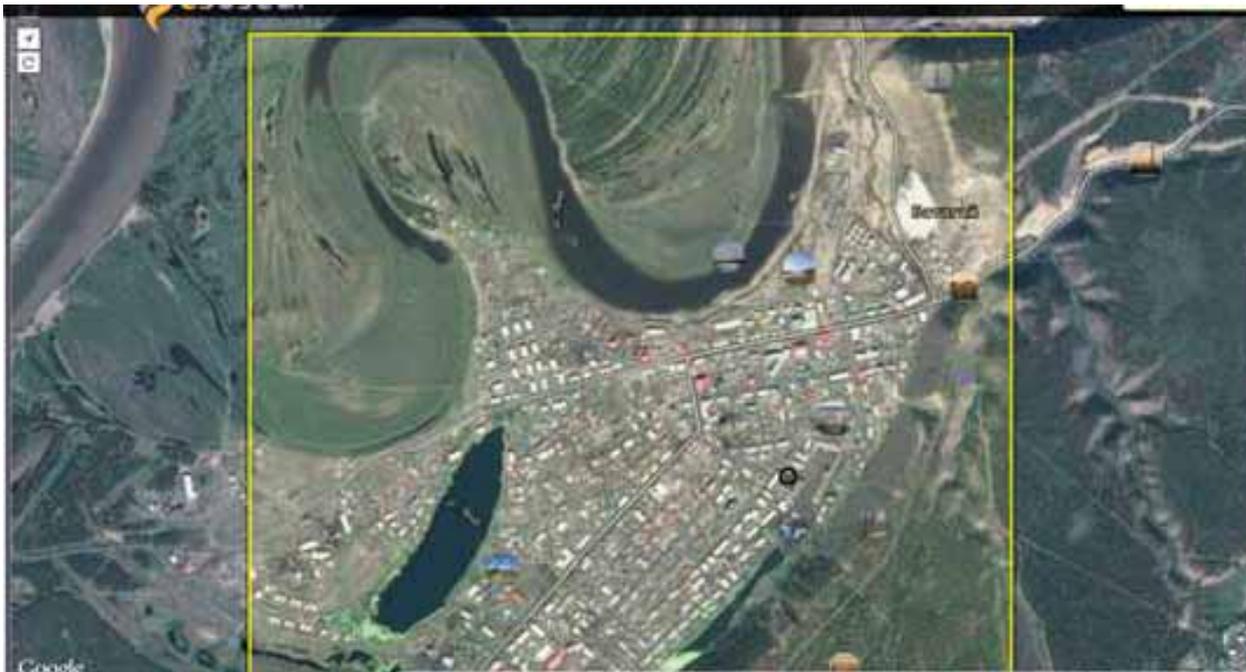
В 1943 пущена обогадительная фабрика по выпуску касситерита (фабрика № 418), одна из крупнейших в стране. В 1943 в Батагае построена неполная средняя школа (6 классов), полная средняя была в Эге-Хая. В 1953 школа в Батагае стала полной средней школой, крупнейшей в районе. В 1958 открылась и детская музыкальная школа. В 1943 построено 200 домов, население в том году (без заключённых) составило 1700 чел. В 1947 закончен монтаж и начала работу 2-я очередь фабрики. В 1947 построена двухступенчатая насосная станция с мощностью подачи воды 8660 м³. Фабрика перерабатывала оловянную руду с различных месторождений, в том числе, Костерского, а

в конце работы – танталовую руду. В связи с необходимостью добычи руды появилась и энергетика в поселке: до 1945 года – локомобильная, в 1945 году – паротурбинная, в 1955 году построена первая дизельная электростанция. В этом же году появилось и уличное освещение.

Обогащительная фабрика в Батагае: а – строительство; б – работа в 1944.

Рост добычи олова: в 1945 в сравнении с 1941 добыча металла увеличилась в 2 раза, в 1955 – в 6 раз. Батагайский горно-обогащительный комбинат (ГОК) с середины 40-х годов был флагманом среди предприятий оловодобывающей промышленности страны. К 1.04.46 закончен ремонт оборудования 1-й очереди, а в 1947 – смонтирована и пущена 2-я очередь фабрики. Для увеличения суточной мощности фабрики, в 1947 была построена новая 2-ступенчатая насосная станция с мощностью подачи воды 8660 м^3 . В рудном дворе были поставлены новые автомобильные 15-тонные весы. В 1951 было проведено полное изменение технологической схемы фабрики, создана исследовательская группа, которая выполняла задание не только Янского ГПУ, но и Главного управления Дальстроя. Проведенная реконструкция позволила увеличить выработку концентрата. Концентрат (оксид олова концентрацией ~80%) грузили в Юттяхе на баржи, спускали по Яне, потом по Сев-мор пути и верх либо по Лене и по железной дороге в её верховьях, либо по Оби переплавляли в Новосибирск, где на заводе выплавляли металлическое олово и изготавливали припой для пайки.

Вид из космоса: Батагай расположен в излучине реки Яны, слева внизу – старица, справа внизу (недалеко от аэропорта, на возвышенности) небольшое но очень опасное водохранилище.

Реконструирован и рудник Эге-Хая. В 1954 вошли в строй шахта Капитальная. По мере выработки руды на Эге-Хайском руднике содержание руды становилось беднее, поэтому, наряду с рудником, с 1966 начали возить для обработки руду с Кёстёрского месторождения. В 1973 фабрика нормально работала, обрабатывала руду, получая оловянный и танталовый концентраты, но в декабре рудник Эге-Хая и Батагайская обогатительная фабрика были закрыты и ликвидированы.

После закрытия ГОКа население Батагая сократилось с 6000 до 3500 (в Эге-Хая и Юттыхе на границе веков проживали по 200 человек). Но аэропорт удалось сохранить, что даёт надежду на будущее.

Батагай звучит как будто это рай.

Расти и процветай наш Батагай.

Месторождение металлов вокруг много. Китайцам есть, где разгуляться.

Важной отраслью посёлка являлась энергетика. До 1945 мощность локомотивной станции была 730 кв, в 1947 паратурбинная станция с одной паровой турбиной выдавала 1000 кв, в 1952 дизельная электростанция имела мощность 1200 кв, в 1955 - 2000 кв, в 1958 - 3600 кв. В 1960 выработка на 4 станциях ЯГУ равнялась 27 млн в 1960.

Прошлое и будущее Батагая сильно связано с аэропортом, что находится в двух км от посёлка. В первой половине 40-х годов самолёты садились на озерах Столбы и Кумах. В 1949 около Батагая построен аэропорт. В 1953 в аэропорту совершил посадку Ан-2 из Магадана. В 1960 авиаэскадрилья имела 3 Як-12 (брал на борт 2 пассажира или 355 кг груза) и 5 - Ан-2 (биплан "кукурузник", 12 пассажиров или 1,5 т груза). Аэропорт нерегулярно принимал из Якутска Ли-2.

В 1944-1948 в Батагае пытались заниматься огородничеством (агроном И.Д.

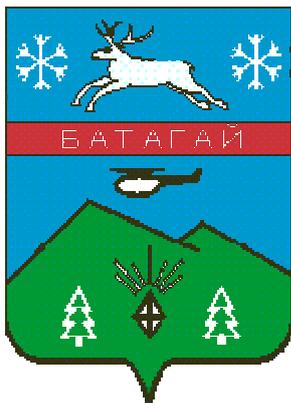

Шишкина), были огороды с картофелем и даже капустой. Но я этой роскоши не застал: на приусадебных участках ничего кроме крапивы не росло. Возможно, смотрел невнимательно.

В Батагайских огородах подсобного хозяйства ЯГПУ (середина 50-х годов.

В 21-ом веке у Батагая появилась своя эмблема-герб. Верхняя часть – олень меж двух снежинок, пояс с названием города; в нижней (в голубом) гора с двумя вершинами зелёного цвета, над горами вертолёт серебряного цвета. На фоне гор серебряный алмаз с семью лучами. Слева

и справа от алмаза – зелёные ели, обрамленные серебром. Сразу отметим, что здесь нарушено основное правило геральдики запрещающее накладывать финифть на финифть (краску на краску) и металл на металл. Так что зелёную гору нельзя накладывать на голубое поле.

Удачно, что Батагай и Верхоянск находятся на одном (правом) берегу Яны: не надо форсировать широкую реку. В здешних краях по дорогам можно ездить только зимой (по зимнику). Два месяца работает дорога от Батагая до Верхоянска, и далее до Якутска. Верхоянцы попадают на Большую землю через Батагайский аэропорт. По хорошей дороге на машине от Верхоянска до Батагая 2 часа езды. Вертолет на гербах размещать нельзя. Да и посёлок не имеет права на герб. Поторопились ребята....

Америка-Америкой, но практически всё рукотворное сюда привезено из России. Зимой по тракту из Якутска идёт завоз, в мороз под 60° сутками шофера крутят баранку, преодолевая с грузом

расстояния в тысячу километров. Трудно представить, во что это обходится – бензин-солярка, каменный уголь, дрова стоят дорого. А нужно кормить-одевать-согреть 20-30 тыс. человек во всём регионе.

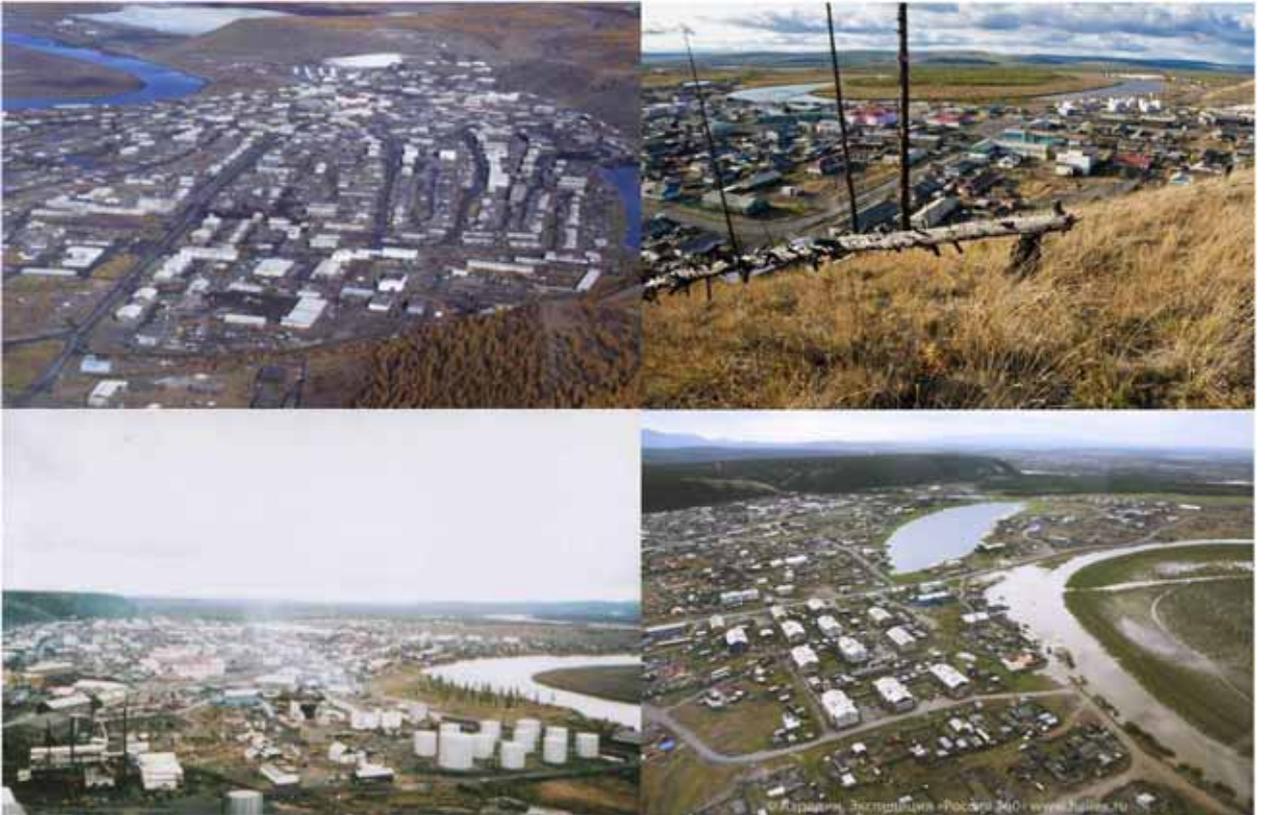
Батагай 60-х годов. Я его видел таким.

Летом идут баржи вниз по Лене, затем вдоль побережья Ледовитого океана, и вверх по Яне. Но Яна – река с быстрым течением (5 км/час), порожистая с мелями и перекатами, идти можно только при свете дня и только в большую воду, т.е. только две недели в году. Не каждая баржа достигает порт в Батагае, а выше в Верхоянск суда приходят ещё реже. Яна – самая сложная для судоходства река в Восточной Сибири. Груз из Якутска по воде, если повезёт, идёт два года.

Оловянную руду – касситерит – добывают не в Батагае, а в нескольких разбросанных по району рудниках, основной – шахта в Эге-Хая (кажется, переводится как медведь-гора, посёлок ещё называют Эсэ-Хая и даже Эсэ-Хайа). Во время 2-ой мировой войны руда была необычайно богата – содержание касситерита до 70%. Но в мои времена руда так обеднела, что приступили к переработке отвалов и стали вскрывать старые рудники. (Об одном из них – прииске Кёстёр я ещё расскажу). В сталинские времена всё делалось руками заключённых. Но лагеря были не только горно-рудными, многие занимались лесоповалом и сельским хозяйством – обеспечивали город и предприятия дровами, молоком и мясом.

Аэропорт: во время войны – международный.

Батагай: Виды с самолёта.

Батагай 2010 - виды с горы (вверху слева - озеро, нависающее над Батагаем).

Улица Ленина.

Дома на Севере старятся быстро

Уже в аэропорту Батагай на нас пахнуло экзотикой.

Не знаю почему, но в любви здесь объясняются не по-якутски.

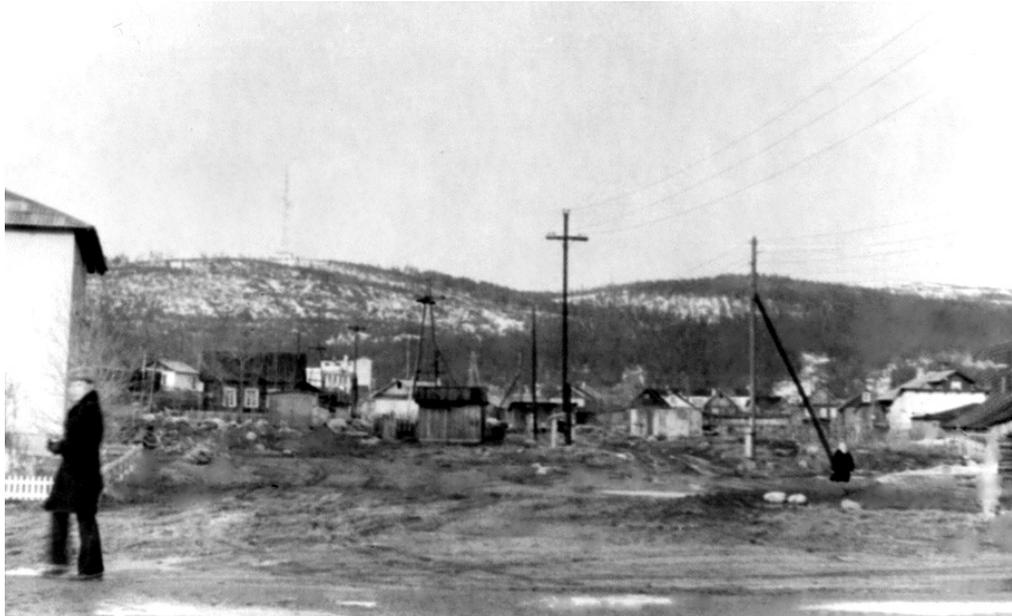
Зимой Батагай посещает Северное Сияние.

Поселись мы в доме с балконами – самом красивом в Батагае (фото автора).

В 2015 этот дом был ещё жив и стал даже красивее.

Я видел Батагай таким.

Поднятая машинами пыль долго не оседает.

Яна - река не для купаний. Но я в ней плавал, правда не по своей воле, зато с ружьём и в телогрейке.

Батагай электрифицирован. Правда, с током проблемы: уходит в землю.

Берег Яны не обустроен – гранитной набережной пока нет. (В мои времена не было, а сейчас может и есть).

У меня фото комбината не получилось, но художник изобразил его довольно правдиво.

Добро пожаловать в аталье!

Дом культуры. Говорят, в одной из колон был живьём замурован прораб, обидевший ЗК-ов.

На окраине посёлка пасутся коровы, что они там едят непонятно.

Вид на Батагай с левого берега Яны.

Здание Багайского поселкового Совета народных депутатов.

Как я понял, бывшее назначение города – перевалочный пункт. Сюда свозили готовый продукт (обогащённую руду), сортировали, складировали, а затем баржами сплавляли вниз по Яне, где большие корабли с ледоколами забирали богатство на материк. А на встречу шли пароходы – северный завоз – везли оборудование, стройматериалы и продукты – запасы на долгую (долгую и морозную!) зиму. И конечно солярку-бензин – в припортовой зоне большой склад нефтепродуктов, откуда

их развозят по региону. С юга, с Колымской трассы, машинами завозили уголь.

Посёлок лежит на площадке между рекой и полукругом холмов. Жилые дома – довольно далеко от реки – всё что ближе, Яна во время наводнений (бывает, что три раза в год) сносит. От города отходит несколько дорог, некоторые с твёрдым покрытием. Зимой по ним ездить можно, а летом не всегда – мерзлота тает и дороги плывут.

Есть два озера: одно внизу, старица, а второе (озеро-водохранилище) нависает над посёлком. Гуляя по его бережку и прикидывая не искупаться ли, я воображал, как накопленная вода с высоты 100 м обрушится на поселение. Если не весь районный центр, то половину сель снесёт, как нечего делать. Перспектива гарантирована, но никого она не волновала. Успокоился и я. (Накаркал, так и случилось, однажды по дороге, ведущей в посёлок из аэропорта, пошёл гигантский поток воды из переполненного дождями озера над Батагаем. Вода пронеслась по всей улице Ленина, промыла ямы глубиной в десять метров, затопила жилые дома. Обошлось без жертв, но Батагай долго оправлялся от такого удара. Я, однако, уже был далеко от этих мест и смотрел катаклизм по телевизору).

Улицы довольно широкие, асфальта практически нет, песок и гравий, видимо от переработанной горной породы. Весной и в начале таяния мерзлоты – грязь, труднопреодолимая, а летом – пыль, после проезда машины образуется мощный столб взвеси, который долго не спадает. Тротуары деревянные (местами – железобетонные плиты), покрытые то инеем, то росой. Дворы огорожены низкими заборами, плетнями, переживающими не лучшие времена. На цепях – злые собаки неизвестной породы, на

свободе бегают много бездомных дворняг – все в густой шерсти (малошерстные вымерзли; для охраны лагерей завезли немецких овчарок, до весны дожила одна, любимица начальника лагеря, но и её уголовники съели). Столбы с проводами, трансформаторные будки, всё с сильным наклоном в разные стороны, с угрозой на кого-нибудь упасть в ближайшее время. На каждом столбе надпись "Не влезай, убьёт!", во всех языках мира её понимают буквально, но для русского человека она означает: "Ты поосторожней там, когда влезешь!".

Улицы пустынно – ни людей, ни машин.

Странен русский язык: бесчеловечно и безлюдно - не синонимы.

Посёлок весь какой-то серый. Природа довольно далеко. Песчаные сопки вокруг него голые – всё вырубил население на дрова. Зимой здесь холодно и топить надо хорошо. На палисадниках ничего ценного-красивого не растёт, встречаются чудом уцелевшие лиственницы, пара тополей, сами собой зарождающиеся кустарники. Навозные кучи обрамляют всходы крапивы.

*Весной в России жить обидно,
весна стервозна и капризна,
сошли снега и стало видно,
как жутко засрана Отчизна...*

По утрам из труб большинства домов поднимаются столбы дыма. Ветра нет, они стоят вертикально и неподвижно. Топят интенсивно, но чем – непонятно, дым необычайной черноты. Особенно из котельной.

Древних построек, типа каменных купеческих домов, церквей, монастырей и т.п. не наблюдалось – город молодой, индустриальный: спускающийся с сопки горно-обогатительный комбинат, теплоэлектростанция, скопления цистерн с соляжкой, несколько каменных домов официального назначения, в больших количествах бараки, как одно-, так и двухэтажные, есть и частный сектор. Многие дома косили под старину, были в чёрных подтеках, с наклоненными стенами, поехавшими, местами провалившимися, крышами, осыпавшейся штукатуркой и краской. Поверхности деревянных построек были какими-то дряблыми, поросшими жёлтыми лишайниками на стенах и пегими на крышах.

Да, жизнь домов в местном климате трудна. Очень трудна!

Если архитектура — застывшая музыка, то наши дома — собачий вальс

Центральной канализации нет, и это сказывается, не так, как в Якутске, но всё же. Кучи нечистот, помойки, свалки из консервных банок встречались повсеместно. Хотя руководство города борется за экологию, но силы не равны...

Центральная улица Батагая – улица Ленина (жаль, что не проспект). Сначала была «Школьная», потом повысили. На ней ядовито-малиновый Дом культуры с шестью колоннами (сталинский ампир). Его строили зеки-уголовники – в лагерях существовало строгое разделение труда: на тяжёлых работах в рудниках трудились политические, на лёгких, в строительстве, на транспорте – "социально близкие" урки. В одну из этих колонн на фасаде здания уголовники закатали бригадира, который неправильно закрыл наряды. В какую именно мне установить не удалось. На Ленинском проспекте есть баня, магазин и столовая. Есть и другие улицы: Шадрина, Луговая, Октябрьская (там футбольное поле). Все не запомнишь.

В условиях вечной мерзлоты в землю ничего не закопаешь. Поэтому трубы здесь, как, впрочем, во всех заполярных городах идут поверху. Они упакованы в деревянные короба, замотаны утеплителем и засыпаны землей. Похожим способом мичуринцы выращивают картошку – в огородах стоят деревянные короба с привезённой землей. Многоквартирные дома в Якутии строят обязательно на сваях, которые забиваются на 8-12 метров в грунт. Почва из-за годовой разности температур в сто градусов постоянно "плавает", поэтому обычный фундамент здесь не годится.

Есть пара магазинов. Цены кусаются – всё раза в два дороже, чем в Москве, особенно фрукты-овощи. Зато, если денег нет (как у нас в первое время), то дают в долг, записывая в специальную тетрадь.

В моё время в Батагае была почта, сберкасса, телефонная станция, амбулатория, больница, баня, хлебозавод, столовая, средняя школа, музыкальная школа, Обком КПСС, Райисполком, Геологическое управление, архив, Отдел внутренних дел, Пожарная охрана района, Управление ветеринарии, лесхоз, метеостанция – всё, как доктор прописал. Было ещё нечто таинственное, называлось "сульфитка", куда детям строго настрого не разрешали ходить. Говорят, там большая радиация. Очень хотелось туда попасть и померить (у меня было чем). Но не случилось...

Обогатительная фабрика взбирается на горку. Остатки лагеря под названием стройгородок, за ним – нефтебаза и артели золотоискатели (Если есть золотоискатели, то и золото где-то поблизости?). Трубы большого диаметра идут от Яны к обогатительной фабрике, самих их не видно – они в завалинках с деревянными коробами. На дорожках при пересечениях с тепломагистралями – лесенки-мостики. Иначе их не форсируешь. На окраине посёлка – валы, можно сказать – горы, из пустых бочек и консервных банок, ржавеют на свежем воздухе.

В посёлке тихо. Чёрные громкоговорители на столбах есть, но молчат. Не то, что на целине.

Улицы пусты. Население – тысяч шесть, а где оно?! Прохожие редки, иногда проедет грузовик или начальственный газик, шагом проследует верховой якут. Скопления аборигенов встречаются в магазинах, в бане, амбулатории, в клубе. А так, вроде нет никого. Национальный состав тоже странен, вроде тут Якутия, а якутов нет. В принципе, если искать, то найдешь. Так это если в Москве поискать, их у нас, поди, будет больше. Если верить местной прессе, то Батагае проживает множество национальностей, включая немцев и румын (румыны-то откуда?!). Есть кавказцы (адыги), уроженцы средней Азии, китайцы, японцы. Но встретить хотя бы одного такого – большая удача. Судя по морде, все аборигены – русские. А там, кто их знает, может белорус какой, поляк, татарин, а то и еврей...Русскоязычные. Так точнее.

Конечно, многие осели здесь, когда вышли из местных лагерей, много ссыльных, под надзором милиции, диссиденты всех мастей, тунеядцы, но вольнонаёмных больше: геологи, врачи, инженеры, шахтёры, шофера, выпускники институтов Якутии на практике, наёмные разных профессий, добровольцы из Центра (по комсомольским путёвкам, к примеру), военные, журналисты, торговцы, золотоискатели. Много с семьями. Зарплата здесь большая, где-то на порядок выше, чем на материке, а тратить некуда. Можно накопить, если не пропьёшь и в карты не проиграешь. Тогда попутно на большую пенсию заработаешь... Потом на материке процветать будешь.

В Батагае – мощное геолого-разведывательное управление. От работы геологов зависит судьба посёлка – найдут руду полезного минерала – будет посёлок, нет – прииски истощатся, придётся всё бросать и перебираться на новое место. Управление размещается в большом белом двухэтажном каменном доме, украшенном балконами, флагом и транспарантами. В нём мы и поселились. Мне достался спорт-зал, где я с комфортом расположился на бильярдном столе. Однако, не долго. Сигнали, обвинив в покушении на целостность сукна. Далее я спал под роскошным столом, но уже без комфорта. Зато всегда мог вылезти и покатать шары.

Вечерами здесь собиралось изысканное общество, сражались в бильярд, читали свежие (двухнедельной давности) центральные газеты, слушали радио (особенно – театр у микрофона), гоняли чай с сухарями (с изюмом!), травили байки и много курили. Играли в "очко", в "буру", в "храп", причём за ночь некоторые проигрывали большие деньги. Из этих игр я имел представление только об "очке" и то, как оказалось, неверное. Я не играл – денег у меня не было никаких. Говорят, зимой один баянист устраивал танцы. Не застал: массовика-затейника в очередной раз посадили.

Как я уже упоминал, экспедиционное оборудование мы послали самолётом раньше себя аж на неделю. Думали, явемся в Батагай – начнём с ним разбираться. Но, видать, он перемещался на телегах по Колымскому тракту – прибыл на три недели после нас. Мы скучали. Сначала не очень – деньги, спирт и закуска московская была с собой – и мы их активно употребляли. А потом разом всё кончилось, и грустить мы стали сильно. Мало того, что нет оборудования, так ещё и денег нет на покупку лошадей, упряжи, найм каюров и т.п. Даже на еду и кино денег не осталось. Причина простая – наши деньги – в банке, а в банке денег нет – кончились. Прошлогодний северный завоз продан и выпит, население деньги не тратит, нет их и в банке. Вот новый завоз будет (месяца через два) – средства появятся. А пока – ложись в спячку и лапу соси...

Унылая пора – не осень, а неделя перед зарплатой.

Одеколон Лаванда

Ален Делон не пьёт одеколон

Ален Делон говорит по-французски

В Батагай – столицу Верхоянского района – мы прилетели в начале мая, по местным меркам – зимой. Прилетели пораньше, чтобы до начала сезона арендовать лошадей, продукты, нанять каюров и т.п. Но на это, как вы понимаете, нужны деньги. С собой зачем тащить: ограбят или потеряешь. Всегда в сберкассе можно получить. Однако. Увы! денег там нет. Никаких! Кончились!

Хоть песни пой, хоть спать ложись!

Сели мы горевать. День горюем, другой. Что с собой было – выпили, а нового не купишь. Магазины пусты, да и у нас ни копейки. В Москву звонили, на банк стучали, в Исполком – Райком обращались – без толку. Нет рублей и всё. Физически нет, в сейфах пусто. Вот настанет лето, по севморпути придёт караван, поднимется пароход по Яне, снабдит магазины спиртом-водкой, их мигом сметут, деньги в банке появятся, мы их вам и выдадим. Делов-то!

Нам светил отдых, причём с длинным постом.

Но не даром говорят: *денег нет – перед деньгами; деньги, что навоз: сегодня нет, а завтра – воз.*

По зимнику завезли товары в сельпо района и среди них одеколон Лаванда! В больших количествах. Ежам ясно, что душиться им никто не станет – его просто выпьют. Хорошо, если до обеда запасов хватит. Могут и за час расхватать.

Ура! Деньга на горизонте!

Но начальство впало в задумчивость. Одеколон Тройной знаем, напиток известный. От него никто не помирал (если норму знал, естественно). Московский хуже, но тоже проверен. А вот Рижским года три назад несколько десятков человек траванулись, а кое-кто на тот свет отправился. Суд был, парочку администраторов посадили. Нам это надо? Лаванда – парфюром тёмный, не испытанный. Может и ничего, а может – яд какой. Опасно!

Дело серьёзное – собрали райком партии. Лучшие люди района – старые коммунисты с привлечённым комсомольским активом стали судить-рядить, что делать? Беда в том, что никто эту дурную Лаванду в глаза не видел и тем более – не пил. Теперь посмотрели: пузырёк, этикетка нормальные, при разбавлении, как положено, образуется эмульсия типа молока, спиртом слегка отдаёт, но запах какой-то не тот!! Кто знает, как лаванда пахнет! Уж не сивуха ли здесь?!

Короче, кто-то должен стать испытуемым, принять на грудь пару-тройку пузырьков, а мы через несколько дней посмотрим эффект. Но кто? Добровольцев много, но кому доверить? У секретаря райкома – и так цирроз печени, ему нельзя. Председателю райисполкома можно, но он – ээк реабилитированный, конь здоровый, ведро серной кислоты выпьет и не поморщится. Не представительная проба. А председатель партячейки

Батагая – якут, со ста граммов обыкновенной под стол падает. Тоже – не показатель. Другим же такое дело поручать нельзя, народ безответственный.

Дело зашло в тупик.

Но тут нам опять повезло. На совещание прибежала учётчица, с воплем – ящик Лаванды пропал! Короткое расследование установило, что шоферюги вездехода, чтобы согреться в мороз и пургу, стибрили ящик одеколона и за неделю его уговорили. Позвали преступников, осмотрели-опросили. Ничего такого, всё в порядке. Как стёклышки!

Конечно, они – не партайгеносы, и не члены райкома, но всё же люди. Установлено: Лаванда – не цианистый калий. Решили: делать нечего, раз завезли – будем продавать. Но не сразу – а порциями, чтоб на три дня хватило. Район пропах лавандой. Мы потом во многих юртах встречали пустые пузырьки. Кто был не в курсе – удивлялся: чего это якуты так активно душатся, причём исключительно одеколоном Лаванда. Странные вкусы у нации...

Короче обошлось, одеколон качественным оказался.

А мы отправились фрахтовать лошадей.

Погреб

*Невольно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погреба.*

Деньги появились, можно реально готовиться в поле. Но сначала надо добыть продукты. Так, чтобы месяца на два хватило. Конечно, что-то мы прихватили из Москвы, но скоропортящееся уже съели, водку выпили, а некоторые деликатесы сохранили на дни рождения или праздники какие. Побаловаться можно, а прожить – нет. АС где-то похлопотала и меня не сразу, но всё же запустили в продуктовый склад.

Как козла в огород.

Склад оказался сопкой. К подножью сопки подходила дорога и тормозила перед воротами, сплошь обитыми железом, с огромным засовом, мощным замком и надписью "Охраняется милицией". А хоть и пулемётным взводом!

На условленный стук ворота открылись, и я попал внутрь горы. Там оказалась горизонтальная штольня, с рельсами, уходящими куда-то вглубь. С потолка и со стен свисали наледи – вечная мерзлота, холод обеспечен, без энергетических затрат. Хорошо, что я в свитере и телогрейке.

Вдоль стен штольни имели место многочисленные железные двери-ворота с табличками владельцев. В одну меня пустили. Царство Аладдина! Правда, кувшина с джином не оказалось. А так, как в подвале ГУМа с закрытым складом ЦК, было всё. Мешки с картошкой, с изрядно проросшим луком, с гречкой и манкой, ящики с водкой, спиртом, коньяком, винами и шампанским, свиные и говяжьи туши, головки сыров, связки колбас, банки кофе, упаковки чая и спичек. И консервы, консервы, консервы в железных банках. Неприкосновенный запас советской армии, скорее всего – внутренних войск.

Весь посёлок год кормить можно. Причём, деликатесами.

Мне вручили ценник и разрешили набирать, что хочешь, в рамках наличной суммы. В первую очередь я взял американский колбасный фарш. Две больших коробки с надписью SPAM (кажется расшифровывается как *Shoulder of Pork and hAM* — «свиные лопатки и окорока»). Не мог устоять. Конечно, какой-нибудь американец с презрением отвернётся от таких консервов, поскольку это – еда для бедных, к тому же бешеная реклама SPAM их достала так, что теперь они любую назойливую корреспонденцию так зовут. Мы, кстати, тоже.

Для меня же этот самый SPAM чуть ли не единственная радость детства. Где-то в 1944 впервые увидел я эти квадратные высокие железные коробки с ключиком на боку. Не нужно было бродить по дому в поисках консервного ножа. Крути ключик, на него наматывается узкая полоска металла, с коробки снимается что-то типа пояса и вот! она

распалась на две части. Вместо одной коробки стало две и появилось мясо. Настоящее мясо! В условиях повального голода это было нечто. То, что помнишь потом 70 лет. Коробки были ярко раскрашены и, главное, покрыты стеарином (чтобы не ржавели, видимо). Этот воск я потом много лет счищал и использовал для разных дел в своём химическом детстве.

Ленд-лизу слава!

В Батагае хранилище продуктов располагается в сопке.

Далее пошла проза. Отобрал 20 банок тушёнки (все в такой густой смазке, что весь перемазался), банки сгущёнки сладкой и несладкой, крупы: ячка, перловка, немного гречки, галеты, чай краснодарский в пачках и плиточный, сигареты, спички и что-то ещё по мелочи. Сложил у входа в пещеру, а сам прошёлся по штольне, почитал таблички владельцев. Владельцы хранящихся здесь богатств оказались разными. Тут были воинские части под номерами, детские сады, магазины (конкретно – магазин Чехова, не писателя, а директора – считай владельца), горный комбинат, милиция, райисполком, больница, и серия частных лиц, как я понял – местных бандитов и представителей объединённой преступной группировки, будущих олигархов (демократов, воров и либералов). Всем продукты где-то хранить надо.

Трогательное единство партии, администрации, силовиков и уголовников.

Пришла машина, я погрузил всё добро и отвёз его в Геологический центр.

Разочарование

Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.

Вечером состоялся разбор полётов. Собрались мы втроём, предъявил я список, и началась критика сверху, снизу и со всех сторон. И не то я купил и не в тех количествах. Особенно досталось за *SPAM*: зачем эта дрянь за бешеную цену и к тому 1942-го года выпуска. Она не стухла часом, отравимся, пронесёт. И чай со слоном надо, а не гавно краснодарское, сигареты нужны другие, Дукат, например, а не Памир (ты бы ещё Казбеком запасся), и спичек мало (трением огонь добывать будешь?). Интересно, а кто им мешал пойти со мной и самим отбирать? Или хотя бы дать список требуемого. Я вообще можно сказать первый раз магазин посетил. Точнее ходил изредка, но всегда с маминим списком: докторская – 200 г, плавленый сырок – 2 шт., хлеб красносельский – 1 бух. и т.д. Так что не надо играть в деовщину и посылать молодого.

Я обиделся. Не сильно. Меня часто ругали. По мнению тёток, я всегда что-то не то делаю. Реакция у меня отработана: в одно ухо вошло, в другое вышло.

Меня удивила злота, с которой на меня обрушились. Но накал страстей последовал дальше. Деньги только что получили и они решили подвести итоги месячных личных расходов. Выяснилось, что каждый из нас содержал всех остальных. Я чай заказал для всех в Красноярске, бутылку спирта мою выпили, за билеты на автобус из местного аэропорта тоже я платил. Никто мне денег не вернул. АС заказывала нам еду в столовой и в магазинах, всё на неё записано. Анатолий один покупал сигареты. Все их выкурили, а платить не хотят. На это АС возражала, что она выкурила за всё время 4 сигареты, а он дымит с утра до вечера. Я молчал, хотя на меня приходилось всего пол-пачки. В конце-концов сигареты записали на меня с Анатолием. С тех пор я не курю. Бросил!

Долго они катили бочку друг на друга, что-то записывали, складывали, вычитали, делили. Не забывая обвинять одновременно в скаредности и расточительности. Ненависть ненавистью, но мелко как-то. Мне в очередной раз попало, что не помнил суммы своих личных трат на общественные нужды и ничего не записал.

– Господи! – думал я, – это геологи, люди, постоянно рискующие жизнью и здоровьем, забирающиеся в горы, спускающиеся по рекам. Люди, закалённые опасностью, люди мужественные и честные. Ведь подлецы, обманщики, мерзавцы в тайгу не сунутся, они все в Москве. В поле надёжные люди, всегда подставят плечо в беде. Я много читал о путешественниках, об их замечательных качествах, сам прибыл сюда, чтобы стать таким. Звёздным мальчиком! А тут! Копейки считают, как мещане в уездном городе. Куда я попал? Как с ними работать?

Я был жестоко разочарован. И в геологах, и в путешественниках и во всём человечестве в целом.

Теперь скажу вам, ребята, с высоты прожитых лет. Я участвовал в 21 экспедиции, в 18 из них я был одновременно начальником и научным руководителем. Так вот! Я всегда требовал от всех участников, чтобы они записывали все свои расходы на общество, даже копеечные. Покупать на базары я хожу с двумя кошельками: один общественный - из него платим за всех, другой – личный, что-то приобретаю исключительно для себя. И никогда их не путаю. Мелочность, мещанство, буржуазность? Вы выше этого, вы явились сюда за запахом тайги, за романтикой, деньги вас не интересуют, вам адреналин нужен? Гарантирую: не будете считать деньги – получите адреналин в огромных количествах. И не в виде спуска по порогам, а в виде склок и скандалов, в виде страдальцев, на свои средства содержащих всё неблагодарное общество (как республики в СССР, каждая из которых считала, что кормит все остальные). Вам это надо?!

Баня

Сделал дело, вымой тело!

«Надо мне или не надо, но раз в год я хожу в баню» – начинает эпически свой рассказ Зоценко. На вторую неделю в Батагае я понял, что мне-таки тоже надо. Помыться и подмыться. Может и раз в год, но немедленно. Баня нашлась. Что-то среднее между каменным сараем и тюрьмой. Маленькое замазанное окошко под крышей. Понятно, чтоб не подглядывали. Один день – женский, другой – мужской. Строгое чередование. Сегодня наш день. В предбанник набилось много народа. Раздеваясь, толкались задами. Вещи складывали стопкой на лавке, шкафчиков нет. Пара якутов, остальные – европейского вида. Были работяги, геологи в энцефалитках, военные, но и солидные пузатые мужики в костюмах и галстуках присутствовали.

Люд разный, но делится на две категории: фраеров и блатных. Отличались они не столько одеждой, сколько языком: блатные ботали по фене (но не матом, мат употребляли только интеллигенты).

Заметка для любопытных: ботать – (иврит *боте* – выражаться), феня (ив. *офен* – способ) – ботать по фене — выражаться особым способом, непонятным для

окружающих), фрайер (идиш *фрай* – свобода) не сидевший в тюрьме, не имеющий тюремного опыта, Блатной (ид. *Die Blatte* — лист, бумажка, записочка). Тот, кто устраивался по блату, имеющий бумажку от нужного человека. на воровском жаргоне блатной — свой, принадлежащий к уголовному миру.

Что говорить! Обогадили евреи русский язык. Ну, и советская лагерная система постаралась.

Запустили нас сразу всех. Блатные раскрыли привычные сидры (ив. седер – порядок) с одинаковыми наборами вещей, фрайера (и я в том числе) – авоськи с завёрнутым в газету бельём и полотенцем. Как по команде, начали мы раздеваться.

Я впал в шоковое состояние.

Говорят: в бане все равны. Возможно, с точки зрения политических и гражданских прав это так. Но социальный статус был разным и светился на голых телах. Беглый взгляд на голую жопу – понятно, кто пред тобой: урка, фрайер или якут.

Мертвенно белые тела, без малейшего загара (за исключением кистей рук, которые смотрелись, как коричневые перчатки) покрыты татуировками: роскошные портреты, пейзажи, содержательные тексты у лагерных, скромные инициалы подруг у хилых интеллигентов, и узоры-орнаменты у якутов.

Стало ясно, в каком мире я нахожусь. Страннее, чем ожидал. Я ведь родился в войну, жил в подмосковном посёлке. Ванной в доме не было. Мылись мы в общественной бане, в Звягине (до 7 лет с мамой – приятные воспоминания, потом с отцом – неприятные воспоминания, терпеть не могу голых мужиков), и иногда в Москве – в купеческих Центральных, или в Сандунах. Время военное, послевоенное, массовое возвращение из лагерей. Татуировки, конечно, были: моряки с якорями-русалками, десантники с парашютами-крыльями, уголовники с церквами – сколько куполов, столько ходок, с генеральскими погонами. Но такого буйства фантазий не встречал. И чтобы все, буквально все участники помывки, и чтобы всё тело – ступни-член-яйца-грудь-горло-лоб-задница-плечи-животы и лопатки (!) были разукрашены, причём исключительно в тюремном стиле. Зонавские татауировки! Много подошв они спалили и йода потратили. А также чёрного пороха.

Такого раньше не встречал. Это что-то восточно-сибирское. Эпоха! Одни сидели, другие сторожили. Часто менялись местами.

Нам этот факт Великая Эпоха

Воспеть велела в песнях и стихах,

Хоть лошадь та давным-давно издохла,

А маршала сгноили в Соловках!

Да, не простой народ вокруг меня, не простой. Были когда-то ворами, убийцами, грабителями, насильниками, чиновниками и чекистами, крестьянами-мещанами-интеллигентами и моряками, а теперь – совслужащие. Но ухо надо держать востро. Ребята не простые. С жизненным опытом. Могут его применить...

Татуировка со свастикой в белом круге. Знак отрицания, не имеет ничего общего с нацизмом-фашизмом. Символ анархизма, жестокости, агрессии на зоне.

Рядом со мной раздевался пожилой дядька с палкой-тростью. На указательном пальце татуировка со свастикой. На мой вопросительный взгляд он ответил: «анархист я». Для наглядности повернулся ко мне спиной. Там изображена буква А - чтобы каждый правильно понимал его партийную принадлежность. Интересно! Но отвлекла подвижная точка на его майке. Быстрым движением мужик зажал точку между ногтей и раздавил. «Вошь» – пояснил он мне. Обнаружив, что таких живых точек несколько, он занялся ими детальней, а я пошёл мыться.

Как и у всех присутствующих у меня в руках был кусок хозяйственного мыла. Как у всех, поскольку в местном сельпо (с надписью "Мини-супер-маркет") другого не было. Ну что ж! Это ведь марсельское мыло, из растительных жиров делается (во Франции – из

оливкового масла, у нас не знаю из чего). Оно однажды спасло Французскую революцию, когда поставки мыла из Англии прекратились, а мыться всё же надо было. Щелочей в нём много (рН 12). И главное – бактерицидными свойствами обладает. А то, что такие свойства мне нужны, я понял незамедлительно.

Всю спину мужика покрывала наколка в виде стилизованной буквы А в круге.

Ни с того, ни с сего вспомнился дурацкий стих:

Ходит тата по канату,

Поджигателям позор.

А в районной нашей бане

Мальчик мыло проглотил.

Собственно попал я не в баню, а в моечный зал. Нагрев шёл от стены печи (топка где-то с другой стороны), но парилки, или там веников не было. Говорят баня – парение души над раскаленным телом. Видимо, не всегда и не везде. Стены с местами обвалившейся кафельной плиткой, лежаки, когда-то бетонные, теперь сильно разрушенные. Пять душевых кабинок открытого типа. Работало четыре, все без леек, так что на голову обрушивалась струя рыжеватой воды. Из стены два набора кранов: один для холодной, другой для горячей воды. Кипяток был знатный, причём основная струя шла вниз, но несколько струй вылетали под прямым углом, так что моющийся отскакивал ошпаренным. Железные шайки с ручками присутствовали в нужных количествах: круглые для тела, продолговатые для ног. Я, было, перепутал, но меня поправили.

Посмотрел я на коллег по помывке и испытал второй шок. Люди были больны. Как я уже говорил, я – дитя войны. Конечно, я видел в бане мужиков без ног и без рук, с ранами (иногда, с чудовищными ранами). Так что особо меня не удивишь. Здесь всё это присутствовало, но были и отличия. Якут был явно сифилитиком, причём в развитой стадии. Я плохо представляю, что такое сифилис, но диагностировал сразу.

К мудрецу привели слона и спросили, что это такое? Я не знаю, что это такое, – отвечал мудрец, то такое таким и должно быть!

В О Р

Больны были и русские. Возможно не сифилисом, но многими половыми болезнями – точно. Достаточно было мельком взглянуть на их органы. Весь спектр кожных заболеваний: лишай, волдыри, язвы, геморрой. Уж не говорю о грибках. Проказы вроде нет... Многие в синяках, то ли от непосильной работы, то ли от драк. Мало кто выглядел здоровым, преобладали доходяги.

Мыться в шайках и тем более лежать, как некоторые, на топчанах я не стал. Постарался ни к чему и ни к кому не прикасаться. Чёрт их знает, может они заразные. Носки, которые я собрался постирать, снимать не стал. Пошёл в них в душ, так и помылся. Мочалки не было, но я воспользовался авоськой, которая неплохо намылилась.

Однако у меня была и вторая задача – постирушка. Взял я шайку, окатил её крутым кипятком, и начал стирать трусы и майку (рубашку мне постирала сердобольная киллерша Нюра). Рядом пристроился Анархист. Он настругал в тазик хозяйственное мыло, налил воды, замочил бельё и оправился отдыхать в предбанник. Я последовал за ним.

– Вошь мыла боится, – пояснил он мне – в мыльном растворе она дохнет, при замочке рождается новое поколение, которое немедленно гибнет. Так что поживём без них.

Я усомнился, что новое поколение вшей родится так скоро, но спорить со Спецом не стал.

– Кстати хозяйственное мыло – лекарственное средство. Вот ты сейчас крутые каши ешь, рис и т.п., овощи сушённые. Запор будет. Опасное дело – может разорвать. Возьми кусочек мыла, сунь в задний проход, просрётся немедля.

Я поблагодарил за ценный совет, но им не воспользовался.

Меня интересовали наколки. Многие я знал: *не забуду мать родную, век воли не видать или век смерти не видать* и т.п. – известный стандарт. Но были и оригинальные: *Ленин – чёрт такой молодой, кровавый Октябрь впереди!*; *спасибо Родина за счастливое детство*; *иду я в рай дорогой ада*; *судьба играет с человеком, но человек с судьбою никогда*; *рожден для мук, в счастье не нуждаюсь*; *мочи сук, стукачей, крысятников*; *тютю на 10 лет и в Воркутью*; *мочи господ коммунистов*; *сукой буду, не забуду*; *с малых лет одни несчастья*; *не знаешь горя — полюби меня!* и т.д. и т.п. Встречались и матерные: *кто работал и трудился, тот давно \$издой накрылся*; *мы работы не боимся, но работать \$уй пойдём!*; *скажем дружно: "На \$уй нужно!"*; *\$уй соси, читай газету, - прокурором будешь к лету!*; *важный - как \$уй бумажный!*, и другие – народ у нас изобретательный. Как человек скромный и культурный, этим ограничусь всё не буду.

Понятны женские имена на пальцах – любимые женщины. Значения многих картинок я тоже знал: пират – разбой, кандалы – один кандал 5 лет заключения, Ленин на левой груди, Сталин на правой – оберег, защита от пули чекиста (чекист же не будет стрелять в изображение вождей; они и не стреляли в него, целили в затылок).

Но многие изображения, знаки, аббревиатуры мне были совершенно не понятны.

Тут же в предбаннике Анархист прочёл мне краткую лекцию.

Жуткий глаз у него на горле в треугольнике с венцом и исходящими лучами света – всевидящее око – символ Святой Нераздельной Троицы, масонский знак. Если бы глаз был на груди, то означал бы другое: ищу сук, а если глаз на жопе, то это плохо – мужик принадлежит к низшей касте заключённых, опущенный (кстати, у женщин глаз на запястье – активная лесбиянка).

Ленин-Сталин это одно, а если Ленин один, совсем другое. Тут он с надписью **ВОР** и венком из колючей проволоки над головой (и дело не в том вор Ленин или не вор, просто он – **Вождь Октябрьской Революции**, а вот владелец портрета, как раз вор). Шестиконечная звезда вовсе не признак еврея – она читается: не хочу работать на хозяина, на путь исправления вставать не намерен. И свастика, не признак нациста.

Что касается аббревиатур, то здесь всё довольно просто: **КОТ** – Коренной Обитатель Тюрмы, **ЗЛО** – Заветы Любимого Отца, **ЗОЛОТО** – Запомни, Однажды Люди Оставят Тебя Одного; **ВОЛК** – Вору Отдышка Легавому Крышка; **ША** – Шали Арестант (но знай меру); **БАРС** – Бей Актив Реж Сук. **МИР** – Меня Исправит Расстрел, **SS** – Сохранил Совесть, **ЖУК** – Жизнь Украли Коммунисты (Желаю Удачных Краж), **ЛХВС** – Легавым Хуй, Ворам Свобода (Люблю Халву, Варенье, Сахар); **БЕРЛИН** – Буду Её Ревновать, Любить и Ненавидеть; **БОГ** – Был Осужден Государством, (Бог Отпустит Грехи, Буду Опять Грабить); **ИРКА-ЕНТР** – И Разлука Кажется Адом, Если Нет Тебя Рядом; **ЯХТ** – Я Хочу Тебя, **ЛОРД** – Легавым Отомстят Родные Дети...

Ну и тому подобное. Фантазия есть. Всего не упомнишь. Толковый словарь нужен. Это вам не физическая химия, что будем мы изучать в следующем семестре.

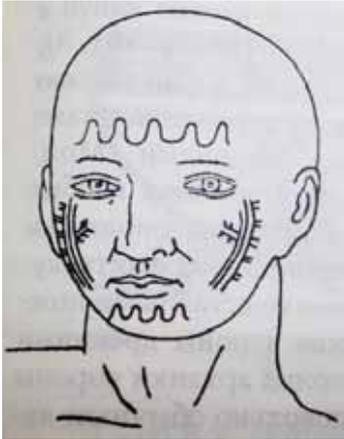
*Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс,
А на левой груди - профиль Сталина,
А на правой - Маринка анфас.*

.....
*А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавишись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.*

Татуировки были и у якутов. В основном русско-советские с уклоном в блатнягу. Но встречались и с национальными узорами, вокруг колена, иногда на лице. Интереснее

шитолицы, «тигиилээх сырайдар», шитые рожи. В древности это предпочитали воины Тыгына Дархана, а сейчас – представители некоторых якутских родов. Мужчинам татуировку наносят на лицо в виде небольших геометрических знаков по бокам от губ (обереги от духов), девушки украшают руки. Операция довольно болезненная. Берут черный камень – *Nioendigi* (можно и сажу или угольный порошок), мочат его водой, затем берут иголку, а вместо нитки длинные волосы оленя. Эти волосы красят мокрым камнем в чёрный цвет. Затем окрашенную нитку протергивают сквозь кожу и вышивают разные фигуры. Когда нитку выдергивают, сажа остаётся под кожей, образуя пунктирные узоры.

Татуировка носила определенную информацию о своём носителе. Например, у воинственных колымских чукчей татуировки наносили мужчинам в виде точек на задней части кисти правой руки, которая исчислялась по числу убитых противников. Поэтому у более кровожадных воинов внутренняя сторона предплечья от запястья до локтя постепенно покрывалась цепочкой знаков. Теперь таких привычек у них, вроде, нет. Впрочем, как и самих воинственных чукчей.

Шитолицый.

Заинтересовался наколками из чистого любопытства, не думал, что когда-либо понадобится, но понадобилось и скоро.

Анархист обвёл глазами пространство.

– Западные ценности! Демократия-либерализм-анархия... Куда на хер! Не тот народ. Народ не тот – вот трагедия России. Шведами страну засели – другое дело. Тут вот конгломерат советских народов лесотундру в ад превратил. Здесь ненавидят бывших лагерников. И правильно делают. Мы

– сидельцы со стажем – сами их (т.е. себя) ненавидим. Скурвились от скотской жизни. Хорошо, что мелкопакольников со всей страны сюда согнали. Хоть какую пользу принесли. И материк от дармоедов очистили, и олово для людей добыли. Доживаем, бывшие супермены, болезни в банях распространяем. А кто суперменом не вышел – те на том свете. Климат тут такой. И не только климат...

Он вернулся в душевую добивать гнид, а я вышел на свежий воздух.

В мире действует куча социологических служб, проводятся социологические опросы, чтобы понять, что за народ в стране, как им воспринимается текущий общественный строй, какие мечты. Всё – пустое.

Хочешь знать, с кем ты живёшь, кто как мир ощущает – иди в баню!

День победы

Я частенько бегал в клуб

Поглядет на танцы.

Парни девок там зажмут,

Молодцы, засранцы.

Обедали мы в геологической (привилегированной!) столовой. Свежей зелени – никакой, овощи – сушённые, не разгрызёшь, второе – всегда гуляш: либо из конины, либо из оленины. Сначала, клюнув на экзотику, я налегал на оленину, но потом перешёл на конину – как татарин. В больших количествах потреблял свежий хлеб (где-то исправно работала пекарня), чай – не для гурманов, но горячий.

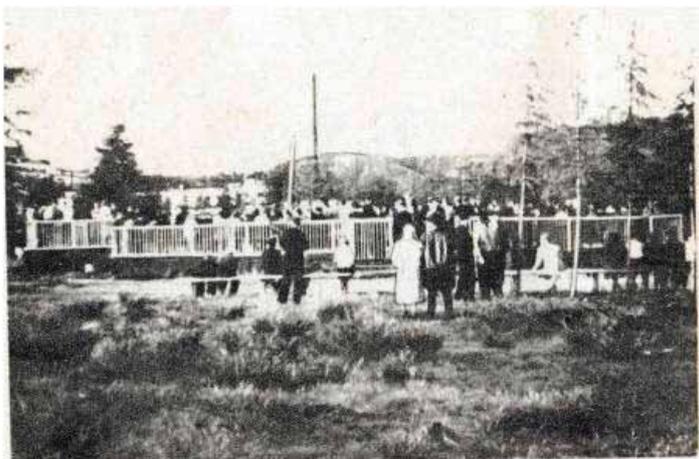
Так пойдёт – авитаминоз будет, куриная слепота, а то и цинга. Домой без зубов явлюсь, девочки любить не будут.

Когда летел сюда, думал, как буду общаться с местными? Языка-то не знаю. Выучил, что Коцуган, что по-якутски означает «чёрт». Но это всё!

Зря боялся – якутов тут мало, а те, что есть, вполне сносно говорят по-русски.

Первое общественное мероприятие, в котором пришлось участвовать, – похороны. Приехал из Москвы геолог, отправился с приятелем ловить рыбу. Чего-то ему стало

жарко, разделся и сиганул с лодки в воду. Вытащили его сразу, но уже в виде трупа. Паралич сердечной мышцы, мгновенная смерть. То, что в Яне вода холодная, я усвоил сразу, даже не вступая в неё. Река недавно вскрылась, но отдельные льдины по ней плыли, по берегам – многочисленные наледи, а в распадах – снег.

Вторым мероприятием был концерт по случаю Дня Победы. Его сначала хотели провести в Доме культуры. Однако, ввиду хорошей погоды (по местным понятиям) праздник перенесли в парк культуры, в котором что-то росло, но не очень активно. Правда местами зелёная травка уже появилась.

В парке культуры и отдыха.

Здесь был летний кинотеатр. В Сочи это пойдёт, а тут летом ночи нет, солнце по небу гуляет. Кино-то видно будет? А комары?! А мошка?! Работала пара киосков. Попил воды с сиропом, купил свежие (недельной давности) Известия. Что б было на что сесть.

На небольшой сцене, закрытой сверху от дождя навесом, располагался духовой оркестр местной пожарной команды. Зрители сидели на лавках под открытым небом, как вокруг сцены, так и около круглого помоста, высотой примерно метр – тацплощадка. Какой-то начальник толкнул речь, оркестр грянул «Варшавянку» последовательно перешедшую в «Взвейтесь кострами синие ночи». Потом аккордеонист исполнил «Турецкий марш», хор бодрых старушек спел жалостливую «Вы жертвую пали» (это они о марксистах-ленинцах, или о себе и прочих жертвах сталинизма?!) и начались танцы.

Первым, естественно, был вальс «Осенний сон» – специально для геологов. Все тихо напевали:

*Ночь распростёрла чёрные крылья,
Месяц плывёт из-за горных вершин.....*

*.....
Больше полжизни проводит геолог,
Там, где людей не ступала нога...*

Ну, вы знаете, повторять не буду. Замечу только, что конечные строки: «Пусть борода отрастёт, как у деда, и загрубеет лицо на ветру» я в то время активно реализовывал на практике.

Вальс на такой площадке – дело опасное, одна пара увлеклась и вихрем слетела с помоста. Перешли на фокстрот-танго. Толпа молодых ломанулась на помост, там стало тесно, как в консервной банке. Только у неё стенок не было! Поэтому регулярно кто-то майнался на землю. Но, видать, не в первый раз – падали технично, никто рук-ног не ломал. Удивляло другое – мужчины все были плотно одеты, кто как, но полностью. Напротив, девушки были оголены. Поскольку я смотрел снизу, а дамы кружились, вздымая юбки, то видно было открытое тело между модными капроновыми чулками и резинками-трусами. Руки открыты, У некоторых – декольте. Ну и что? – спросите вы. А то, что комарик не дремлет! Тучи комаров кружили над помостом. Я, оберегая морду, непрерывно махал перед ней какой-то веткой. Не помогло, рожа заплыла, глаза, как у китайца. Мужики чувствовали дискомфорт, они регулярно бросали дам, и хлопали себя руками по рукам и по лицу. А девочки танцевали, как на балу в Колонном Зале. Комары – не для них. Стойки – мазохистки!

Отличие от танцев в родной Клязьме было существенным. У нас девочек всегда было больше, чем парней. Им найти партнера трудно, чувствовалась полезная для нас

конкуренция. А тут дам было мало, превалировали мужики. Кто-то выделялся в одиночку, а кто-то образовывал пару с таким же бедолагой. Оживление внесла кучка девочек – студенток техникума, прибывших с материка на практику. Но тут же на край помоста встал амбал, в тельняшке, один край распахнутого кителя опускался ниже другого, намекая, что во внутреннем кармане есть что-то тяжёлое. И понимающие танцоры (а они все были понимающими) знали, что это тяжёлое есть пистолет. А вот, что оружие в случае необоснованных претензий на женский пол будет немедленно применено, никто не сомневался. Поэтому никто девиц не приглашал, и они танцевали в своём кругу: шерочка с машерочкой.

*Кишат стареющие дети,
у всех трагедия и драма,
а я гляжу спектакли эти
и одинок, как хер Адама.*

Подошла и поприветствовала меня тётя Ньюра, уборщица в Доме Геолога. Блеснул золотой зуб. Мне, естественно, сразу вспомнилось:

*Была ты с фиксою, тебя я в парке встретил,
Сидела ты под вербой на скверу.
В твоих глазах метался пьяный ветер
И папирочка дымилась во рту.
Ты подошла ко мне танцующей походкой
И тихо-тихо сказала мне: «Пойдём!»
А поздно вечером пошла меня водкой
И завладела моим сердцем и рублём.
Тебя не знал, я не был уркаганом....*

Она хотела мне что-то сказать, но какой-то одноглазый старик пиратского вида, и, как положено, на деревянной ноге, увёл её в кусты.

Я некоторое время подпирал телеграфный столб. Прислонясь к нему же подросток, качаясь под музыку, зарывшись в полиэтиленовый пакет, нюхал клей БФ. Когда он отвалился на вечную мерзлоту, какая-то женщина схватила его за шиворот и куда-то поволокла. На кисти руки мелькнула татуировка: **СЕНТЯБРЬ**, тупым доцентам ясно: **Скажи, Если Нужно, То Я Буду Рядом**. Мужик милицейского вида обнял её за плечи. Она стряхнула его:

*– Я воровка, а не блядь, – пояснила она скорее мне, чем ему.
Подхватила юного наркомана и исчезла.
Откуда-то доносилось:
Я на Севере была,
Золото копала,
Если б не было пи*ды,
С голоду б пропала.*

Мужики скоро растащили доступных им дам по сторонам. Я же развернулся и пошёл домой. Подумать о химии, а лучше – о математике.

*Нам не нужен секс развратный, корень есть у нас квадратный.
Да и спать пора.
Чем меньше девушек мы любим, тем больше времени на сон.*

Тщетная предосторожность

Не прячьте ваши денежки по банкам и углам.

В сталинские времена на северах пребывали не только лагерники с охраной. Работали там и вольнонаемные, в основном, геологи. В районном центре верхоянского района, городе Батагай, располагалась горно-обогатительная фабрика по переработке оловянной руды. Ее директором был муж Анастасии Семеновны, а сама она работала в местном Геологическом управлении. Деньги они получали большие, а девать их было некуда. Продукты – по карточкам, одежда – казенная, а в отпуск на материк отпускали

один раз в три года, да и тот они игнорировали. Сберкассам не доверяли и хранили деньги дома. Но это было опасным занятием. Зеки, отпущенные на поселение, шалили. Особенно плохо стало во времена ворошиловской амнистии, когда с Чёрных земель поперли лагерники, грабя всё по пути.

Анастасии Семёновна нашла блестящий выход. Она червонцами оклеила стены дома, поверх них – газеты, а снаружи – репродукции из «Огонька». Никто не догадывался, что скромное жилище геологов таит в себе миллионные суммы. Они готовились к возвращению в Москву, когда случился пожар и дом сгорел.

Вот так и вышло, что они проработали 15 лет на полюсе холода совершенно бесплатно.

Монархоанархизм

Много звёздочек на небе,

Одно светлее нет.

Много партий есть на свете -

Анархистов лучше нет.

Как ни странно, но единственным местным жителем, к которому я мог зайти и поговорить по душам, был Анархист. Он работал в важном месте и в важной должности: механиком на водозаборе оловянной обогатительной фабрики. Город Батагай был создан и существовал сейчас ради этой фабрики, а она работала только пока функционировал этот водопровод: мощная двухступенчатая насосная станция по трубам большого диаметра поднимала воду из Яны поднималась сюда на горку. И в мороз и в жару. Авария на такой системе грозила глобальными последствиями. Отсюда важность должности и значение трудящегося.

Пройдя рудный двор с автомобильными 15-тонными весами я через узкую дверь проникал в центр управления. Там было тепло. У стены навалены ватники, бушлаты, плащи, сапоги. Присутствовал загадочный предмет – цилиндр с прорезями, не иначе, как у шамана отобранный.

На куче телогреек в позе патриция располагался Анархист. У него в ногах сидел дедуля среднеазиатского вида с ощипанной бородой и неопределённым возрастом. Атобой, а может Ата-Бай, не разобрал. Изредка мерцал, то появлялся, то исчезал, некто в чёрной пыли – кочегар-истопник по кличке Ученый. Работа у Анархиста была тяжёлой – целыми днями возлежал он на ватниках, охраняя пункт управления, постоянно готовый к чрезвычайным ситуациям. Их, однако, не случалось. Система была надёжной. Изредка дедуля срывался с места и пробегал мелкой рысью вдоль трубы до реки и обратно. Чем техосмотр и ограничивался.

– Честь труду, – сказал я, стряхивая воду со штормовки.

– По труду и честь!

– Ленё одёжу бережет?

– Кляча воду везет, козёл бородой трясёт – оба работают.

Я садился на корточки (привычка к дачной местности) у противоположной стены и общался с аборигенами. Иногда Атобой за отсутствием домры брал семиструнную гитару, в которой однако отсутствовали две струны, а дека пробита, надо полагать об чью-то голову, и, играя, как на балалайке, начинал аккомпанировать. Пел исключительно Анархист. Я надеялся, что он исполнит какую либо блатнягу, всё же почти вся жизнь тюрьмы-лагеря, может быть – с матерком. Но он исполнял романсы: "Гори, гори моя звезда", "Глупое сердце всё бьётся, бьётся", "Давно уж на сон непробудный" и т.п. Особо хорошо под балалайку шёл Чайковский:

Али мать меня рожала

На горе большое?

Али ведьма зачурала

Мне гнездо родное?

Но я приходил сюда не песни петь, а лекции слушать. Про анархизм. Действительно, где сейчас встретишь живого анархиста? Да, видали мы анархистов в кино: Вожак в "Оптимистической трагедии" или батька Махно из "Александра Пархоменко". Так себе товарищи. Образы отрицательные.

Однако наш Анархист так не считал. И не только, потому, что был земляком Нестора, родившись в селе Гуляй-Поле. Он в 12 лет сбежал из дома, примкнул к махновцам и с ними мотался по фронтам, рубая коммуны, укров-свидомитов, австрияков, немчуру и разноцветных атаманов. Пару раз издали видал он Махно, слушал его зажигательные речи, проникаясь их духом. Тот "Любо, братцы любо, любо братцы жить" почему-то не пел. Уже в институте, готовясь стать инженером-авиастроителем, прочёл он Кропоткина и Бакунина, за что и сел в первый раз. Ну, а в тюрьме нашлись просветители. Теперь же он проповедовал мне.

Анархия – социальный порядок, основанный на свободном согласии людей. Звучит хорошо, ближе мне, чем "Пролетарии всех стран соединяйтесь". Это пусть коммунисты соединяются (если среди нынешних хотя бы одна пара найдётся желающих), а я – беспартийный. Только кто, где, когда видел согласие людей? Тем более – пролетариев. "Человек человеку волк", – сказано давно и справедливо. Если кто и сплачивается в стаю, то лишь для того, чтобы сцепиться с другой стаей. На этом фоне анархизм странен: выступает за ликвидацию любого принудительного управления и власти человека над человеком. А тогда как быть с женой? Ежели она не будет меня с мусором на помойку гнать, я же мхом порасту! Семья – вот место эксплуатации человека человеком. Хотя, в целом, конечно, подавление одних людей другими хорошо бы заменить сотрудничеством индивидов. Кто спорит?!

С ходу в анархизме разобраться не удалось, уж слишком много в нём разновидностей: анархо-синдикализм, анархо-индивидуализм, анархо-коммунизм, анархо-капитализм, анархо-притивизм и даже анархо-феминизм.

Кто главный теоретик анархо-коммунизма? Естественно, князь! Кто б ещё до такого додумался? Князь Кропоткин Пётр Алексеевич (станция метро в Москве есть). Пусть, говорит, каждый берёт сколько угодно всего, что имеется в изобилии, и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить! Ага! А кто определит количество этого ограниченного, что мне перепадёт? Вот Махно, в своём кратковременном государстве уничтожил "прослойку паразитов", отдал власть обществу (бандитам?), пообещав выборность и делегирование полномочий. Молодец! Только дело не пошло, почему-то. Народ не принял...

Важно, что Кропоткин научно доказал: анархия – исторически неизбежная ступень общественного развития. Может быть, может быть...

Ну, а Бакунин с его анархо-коллективизмом? Он против государственной и частной собственности на средства производства. Распоряжаться ими должны сами производители, через организацию свободных ассоциаций требуя больше работы от способных и сильных, меньше от неспособных и слабых, и распределяя заработки не в меру работы, а в меру потребностей каждого. Интересно, сколько бы тогда получал наш Анархист и его сотрудник? Проекты анархо-коммунизма мне понравились: полное упразднение товаро-денежных отношений: всё принадлежит всем и каждому по потребности. Это годится, особенно, если целый день валяться на ватниках и романсы распевать. Важно только обладать потребностями и при хорошей фантазии – большими...

Бакунин отрицал государство во всех его проявлениях. Всеобщее голосование при народном невежестве недопустимо: из него извлекают выгоды только лучше организованные классы. Вот это правильно! В ближайшие 200-300 лет в России прямые выборы невозможны. Фикция это! Развитие России начнётся только после разрушения остатков западной демократии. А вот с другим тезисом: только насильственный переворот – подходящее орудие для водворения на земле идеального строя, в котором не было бы ни частной собственности, ни власти, ни богатства, ни бедности, ни властелинов, ни рабов;

все должны работать по мере сил и получать по потребностям – категорически не согласен. Не надо нам переворотов насильственных, от них мы впадаем в глухое средневековье, вдали от свободы, равенства и братства, и от нормальной жизни тоже.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам

От жажды сна и жажды всех судить...

Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..

Нельзя в России никого будить.

Из деятелей анархизма, которые перечислил мне лектор в спецовке, мне оказались близки Толстой (христианский анархист), Ганди (философский анархист), Бретон (поэзия – способ поддержки анархии в шайке желаний).

Привлѣк меня анархо-индивидуализм: право распоряжаться собой. Человек и его воля приоритетны перед любыми видами внешних факторов, таких как коллективы, общества, традиции и идеологические системы. Чѣтко излагает идею неизвестный мне Штирнер! Он решительно отвергает все авторитеты: религию, право собственности, семью, провозглашает свободу всякого индивида, т.е. Я. «Я – единственный. Для Меня нет ничего выше Меня». Соответственно Я – критерий истины! Личность не должна признавать никаких обязательных для себя общественных установлений. Индивид ищет не социальную, а собственную свободу. Он игнорирует любые нормы поведения, все общественные институты.

Здорово! Круче демократизма-либерализма, и социализма с коммунизмом, кстати. Так и я: хочу химичить и буду!

Но главный сюрприз ждал меня в конце просвещения. Оказалось, что мой проповедник изобрѣл новый вид анархизма – монархоанархизм. Ну, с монархизмом у меня всё чѣтко: дед был монархистом, отец, я – монархист-империалист, и дети-внуки мои монархистами будут. Дело даже не в наших предпочтениях, просто в России никакого другого строя, кроме монархии, быть не может. Называется он различно, но суть его неизменна. Да и в мире наиболее благополучные страны – это как раз монархии: должен же кто-то растаскивать подравшихся котов, и не зависеть от разных партий, олигархов, интеллигентов-идеологов-просветителей и идиотов с Эха Москвы.

Монарх и только монарх может быть гарантом анархии. Анархии в смысле анархо-индивидуализма.

– А так же Бог – первый и до сих пор главный анархист, – встрял кочегар-истопник-учѣный.

– Брысь! – сказал Анархист.

– А он прав, – обиделся я, – Бог делает, что хочет, никто ему не указ. Он – Анархист с большой буквы. Сам свободен и людям не мешает делать, что они хотят. Правда грозит расплатой, если не туда погрѣшь. Ну, так она наступит после отчѣта апостолу Петру перед входом в Чистилище. Кто знает, что ему понравится в твоих поступках, а что нет? Может ещё пронесѣт...

"И воздастся каждому по делам его. Что до избранных, делавших добро, придут они ко мне и не узрят огня, пожирающего смерть."

– Не по делам, а по вере! – вновь встрял Учѣный.

"Когда Иисус шѣл оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов! Когда же Он пришѣл в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам".

– Ну, положим, Христос сказал так "Не по делам вам воздастся, дабы не хвалились, а по благочестию", – поправил Анархист. Впрочем, в другом месте он говорит: "Се, грядущего скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его". По вере, благочестию или делам – не важно, главное – ответишь. Только не ясно за что конкретно и какой срок, и в каком пекле на том свете мотать. Ясно лишь, что Бог не ограничивает свободу человека, он только предупреждает о последствиях. Ну, а Библия – уголовный кодекс для верующих.

– Россия во все времена – царство монархоанархизма: наверху монарх-властелин (с его авторитаризмом и тоталитаризмом), внизу – анархия и хаос,

Короче говоря: **Монархоанархизм – это властелин наверху и бардак внизу!**

– О! Это уже афоризм. Надо записать, – опять подал реплику Кочегар (интеллигент – эпохи беззаконий, консервативный анархист по собственному мироощущению), – только не анархия, бардак и хаос, а детеминированный хаос. Упорядоченный! В той или иной мере. В одной стране больше, в другой – меньше. Но нигде нет ни абсолютного порядка, ни абсолютного хаоса.

– Пусть так, – согласился Анархист. – А раз монархоанархизм – естественный порядок вещей, то к нему и надо стремиться, нужно направленно строить такое общество. Не из экономических, политических или там религиозных принципов, типа капитализма-коммунизма, католицизма-православия или шиитов-суннитов (это всё дурь), а на базе общих структурных принципов организации сложных систем, любых систем. Нужен новый строй, свержение старого, нужно новое общественно-политическое движение, нужна революция.

– Пиши Манифест, Карл Маркс ты наш, недоделанный.

– И напишу!

– Что-то я вас, мужики не пойму. Какая Революция? Какой новый строй? Какое будущее торжество монархоанархизма? Он уже здесь! В России этот строй процветает уже тысячу лет. Просто никто не знал, что он так называется. Вы предложили формулировку – молодцы. А так: *"Суровость российских законов, смягчается необязательностью их исполнения"*. Сказано 200 лет назад. В России вверху властелин (князь, царь, император, президент, лидер, партийный секретарь...), обладающий практически неограниченной властью, определяющий все законы и правила жизни страны. Но! Никто его приказы не выполняет. Даже его сатрапы, уж не говоря о народе. Пройдись по Батагаю, спроси кто такой Никита Хрущёв, какова у него должность, где он живёт, спроси о последнем постановлении партии и правительства, обязательное для исполнения. Гарантия – пожмёт плечами и поедёт дальше. Не интересно ему это, не имеет это к нему никакого отношения.

– Властелин нужен, однако. Без него свободолюбивое быдло, в содружестве с интеллигентами, олигархами, коррупционерами и просто ворами, взорвёт государство, покончит и с ним и с собой.

– Это да. В том то и дело, что и властелин нужен и свобода (хаос, беспорядок, анархия) нужны.

– Так они есть! И в России больше, чем где-либо.

– Есть, но как стихийное явление, нет научного базиса, расчёта. Теория слаба, эксперимента нет. Но революции это не надо. Она самодостаточна, всё снесёт и сменит один порядок на другой.

– Это на Западе революции сменяли один порядок на другой, а в России революция – смена одного типа бардака на другой тип бардака. Упорядоченная часть (небольшая) меняется, а основная (бардак, своеволие всех и вся) остаётся. Это как фазовые переходы в твёрдых телах: хорошо изучены переходы типа порядок 1 → порядок 2, → порядок 3; хуже: порядок 1 → беспорядок → порядок 2; совсем не изучены переходы типа аморфное тело (беспорядок) 1 – аморфное тело 2 – аморфное тело 3. В последнем случае переходы идут, что-то меняется, но рентгеноструктурным анализом за ними не проследишь – рефлексов (дальнего порядка) нет. А именно они являются моделью социальных революций. Упорядоченный хаос тесно связан с управляемым хаосом.

– Властелин – представитель законов природы, – начал Кочегар. – Свобода (анархия), появившаяся после Большого Взрыва (после создания Пространства и физического вакуума) дала возможность действовать Законам, в пределе – монархии. Возникло Время, и порядок стал непрерывно меняться. Закон ищет себя и осознаёт себя в

виде Разума, Властелина (Духа по Гегелю). "Правильный" порядок всё меньше отклоняется от Закона, но никогда не совпадает.

– Ладно, Учёный, ты хоть со своими умствованиями не лезь. Монарханархизм – единственно истинно научное учение, способное определить будущее развитие общества. И мы начнем бороться за него здесь и сейчас.

Подумав и обсудив, мы решили, что Бог выступает за Россию, как за свободную страну, без либерализма-демократизма, выборов и прочих вывертов поганых западных ценностей, со свободным, независимым от законов обществом, за страну под защитой Властелина. Даёшь страну победившей анархии, империю, собравшую под своё крыло разные народы, во главе с наследственным императором, богом избранным!

Анархия – мать порядка, хаос – порядка отец.

Мне понравилось.

Покидал я водокачку в приподнятом настроении.

Дождь нам капал на рыла и на дула наганов

Нас ЧеКа окружила, «Руки вверх!» — говорят.

Но они просчитались, окруженье пробито —

Тех, кто любит свободу, пули брать не хотят.

Мы теперь на СВОБОДЕ, о которой мечтают,

О которой так много в лагерях говорят.

Перед нами открыты безмерные дали.

И теперь на свободе будем мы воровать!

По тундре, по железной дороге,

Где мчится скорый «Воркута-Ленинград».

На работу с радостью, а с работы с гордостью.

Баллистическая теория

Слаба у нас наука,

И толку мало в ней

Когда попадаешь в чуждую тебе среду (реанимацию, тюремную камеру, некую страну, с неведомой тебе культурой и природой), когда ощущаешь себя в опасности, причём не знаешь откуда она придёт, но то, что придёт сомнений нет, существуешь в обстановке повышенного риска, волнений от вновь открывшихся горизонтов, когда живёшь в режиме вечного дня, солнца, сияющего в полдень и полночь, так что не можешь заснуть, когда ты общаешься исключительно с экзотическими типами на грани разумного, то начинаешь пребывать каком-то восторженно-возбужденном состоянии – экзальтация, аффектация или как она там по научному называется. Вся округа мерцает, кто-то или что-то возникает и исчезает, контуры размыты, не поймёшь – то миф или реальность, было или не было? Померещилось или случилось.

Нервы, нервы...

В этом сумеречном состоянии, со снами наяву, зашёл я на водокачку послушать очередную лекцию о монархоанархизме. Лектора, однако, на месте не оказалось. Пошёл его искать, забрёл в котельную. Там чумазый кочегар, с мордой негра дополнительно измазанного углём, по кличке Учёный, совковой лопатой кидал уголь в топку. Что-то трещало, что-то подвывало, что-то шипело. На круглых циферблатах дрожали стрелки. Изредка клапана стравливали пар, и я неизменно отлетал в сторону. Сильно пахло угарным газом и почему-то горелой серой.

Истопник вытер пот, попил воды. Глаза его светились странным, я бы сказал безумным, светом. И это не были отблески открытой топки, прожектора били изнутри.

– Вот, на теории относительности Эйнштейна все помешались, – обратился он ко мне. – А что это за теория? Лженаука! Миф, а не наука. Ни одного доказательства. Да и сам Эйнштейн – вор-плагиатор, и недоучка к тому же.

"Так, ещё один лектор, тут у них Университет, однако", – подумал я.

– Вся новая физика – сплошная чушь! Максвелловская электродинамика, специальная теория относительности, квантовая механика, Большой Взрыв, разбегающаяся Вселенная – дурь всё это. Тупик! Ребята рванули не туда! Движение быстрее скорости невозможно? Ерунда! Возможно, причём с любой скоростью. А постулаты Бора – детище идиота, точнее футболиста-вратаря... То он молится на Максвелла, то говорит, что в атоме его теория не работает. Определился бы, уж. Ты теорию относительности проходил?

– Проходил, – сознался я.

Подхватил ведро с каким-то шлаком, опустошил, повернул вверх дном и уселся с комфортом внимать проповеднику.

– Наверняка мимо! Если ракета летит со скоростью света, c , и выпускает снаряд по направлению движения со скоростью, c , то с какой скоростью он достигнет мишени? Ежам ясно – со скоростью $2c$. А Эйнштейн говорит: со скоростью c . Ну, не дурак? Прости господи.

Креститься он не стал. Отбросил лопату, скинул куртку, принял боксёрскую стойку. Я тоже на всякий случай подобрался.

– А ведь были учёные, соображавшие в физике. В 1908 параллельно Эйнштейну швейцарец Ритц опубликовал статью с основами баллистической теории. Он назвал её эмиссионной, но это не важно. В статье доказано, что все, буквально все эксперименты современной физики можно объяснить на основе классических представлений, ни прибегая ни к квантовой механике, ни к теории относительности. Причём объяснить просто и наглядно. Без всякой зауми. Ведь Эйнштейна никто не понимает, но прославляют этот светоч науки Ага! Как же...

– Так ещё Майкельсон экспериментально доказал, что эфира нет, и скорость света постоянна, – начал я собирать свои хилые знания.

– Во! Студент: всё знает и всё – не точно. Ты что: читал статью Майкельсона и Морли?! Итог в ней такой: *«Из всего сказанного явствует, что безнадежно пытаться решить вопрос о движении Солнечной системы по наблюдениям оптических явлений на поверхности Земли»*. Абзац! И на этом зыбком песке Эйнштейн строит что-то, как ему кажется, умное, утверждая, что скорость света в вакууме – фундаментальная постоянная, не зависящая от выбора инерционной системы отсчёта, а скорость, с которой световые волны распространяются в вакууме, не зависит ни от движения источника волн, ни от системы отсчета наблюдателя. Майкельсон такого выдержать не мог. Он всегда отрицал теорию Эйнштейна и не считал свой опыт подтверждением специальной теории относительности. К тому же он в другом эксперименте (выявление вращения Земли интерферометром) подтвердил инерционные свойства света (баллистический принцип), а заодно провёл интерферометрические наблюдения звёзд, которые до сих пор приносят всё новые и новые подтверждения теории Ритца.

– Что-то мне ваш пафос не понятен, – встал я на защиту Эйнштейна, – Уже в 1913 де Ситтер, наблюдая за двойными звездами, поставил крест на баллистической теории. Очевидно, что из-за сложения скоростей свет от каждой из звёзд в паре будет идти быстрее, когда эта звезда приближается, и медленнее, когда она удаляется. Вследствие этого должна возникнуть кажущаяся неравномерность вращения. Но де Ситтер не выявил видимой неравномерности вращения. Значит, эмиссионная теория нежизнеспособна. Она и умерла.

– Не дождетесь! Истина не умирает. Умрет ложь: теория относительности и квантовая механика заодно.

– А откуда следует, что истинны ваши бредни?

Учёный, бывший ЗК, ныне ссыльный по статусу и кочегар по должности, подбросил в топку угля, и посмотрел на какой-то показометр. Параметр его не удовлетворил. Пришлось ещё кидать и кидать. Закрыв, наконец, топку. Вытер пот, отбросил лопату, попил воды.

– Кто основал классическую физику? Это известно: Ньютон предложил первый вариант баллистической теории света

– Ньютон – индуктивный осёл и плагиатор, – писал Фридрих Энгельс, – успел вставить я.

– Это ты на экзамене по диалектическому материализму рассказывай.

Галилей зародил теорию относительности. Настоящую теорию, а не философскую лажу Эйнштейна. Именно на галилеевской электродинамике, основанной на запаздывании электрических воздействий в зависимости от скорости зарядов-источников, должна строиться современная физика. Зачем нам кванто-релятивистская теория и электродинамика какого-то Максвелла, если есть прекрасный классический вариант электродинамики Вебера-Гаусса, из которой следует, что никаких квантов света не существует. Свет – совокупность квантов электрического воздействия (полевых частиц), вызывающих электромагнитные колебания. Опять же, как теория относительности может противостоять идее эфира, если основной математический аппарат, использованный Эйнштейном, базируется на преобразовании Лоренца, которое как раз и выведено из эфирной теории?! А что говорит Сергей Иванович Вавилов, наш физик-оптик, президент Академии Наук, лауреат Нобелевской премии, четырежды лауреат Сталинской премии? Да, по молодости лет он выступал как сторонник теории относительности, но теперь он, опираясь на свои наблюдения и под влиянием работ Ритца, Ньютона, Ломоносова, Галилея и Лукреция принял баллистическую, корпускулярную теорию истечения света и критикует теорию относительности: "*Практическая бесплодность последних этапов развития теории относительности – опытное доказательство ошибочности этой умозрительной, идеалистической дороги*" – пишет он. Читал? Не читал!

– Ну, положим, это – пустые декларации. Эйнштейн же точно предсказал что-то ценное с Меркурием.

– Ха, ха, ха! Ритц на основе стационарной Вселенной ещё в 1908 дал общую формулу, из которой можно, как частный случай, рассчитать величину векового смещения перигелия Меркурия. А Эйнштейн с большим усилием (шёл извилистым путём) получил эту же формулу в 1915 (!) году. Причём подход Эйнштейна тупиковый – дальше пути нет, а по пути Ритца много еще чего удалось и, главное, удастся достигнуть.

– Это – математические абстракции. Эксперименты подтвердили теорию Эйнштейна.

– Эксперименты подтверждают лишь первый постулат СТО – об относительном характере всех движений, но нет доказательств второго постулата СТО (о постоянстве скорости света). Ещё раз: все явления можно объяснить в рамках классической механики, применяя к свету классическую кинематику.

Всякая теория хороша только в том случае, если её можно опровергнуть.

– Но Вы же не станете отрицать Большой Взрыв и разбегающуюся Вселенную.

– Стану! Ещё как стану! На чём основаны спекуляции? На красном смещении и эффекте Доплера. Но свет – не свисток паровоза. Принцип Доплера к нему не применим. Красное смещение галактик имеет недоплеровскую природу: оно зависит не только от расстояния, но и от типа объекта. Поскольку в вакууме нет переизлучающих сред, то скорость света может быть сколь угодно большой. Это согласуется с баллистическим принципом (по которому скорость света может неограниченно нарастать по мере роста скорости источника) и принципом Фокса, по которому только переизлучение света атомами среды приводит скорость света к стандартному значению. Так что никакого взрыва не было, и галактики никуда не разбегаются. Можешь спать спокойно, они все тут. И дальше тут будут. Кстати, ты знаешь, что свет стареет?

– Нет, – честно признался я.

– Ну, так знай. Вернусь к Эйнштейну. Теории его не верны, и сам он самопиарщик, успешный компилятор. Кто автор знаменитой формулы $E=mc^2$, которую некоторые мудаки называют формулой Эйнштейна? Первым связал массу и энергию Дж. Дж. Томсон

в 1881. (Эйнштейну было 2 года!). В 1900 А. Пуанкаре предположил, что свет как переносчик энергии должен иметь массу $m=E/v^2$. Так что эта формула была хорошо известна до Эйнштейна. Она, кстати, прямо выводится из классической физики; теория относительности и квантовая механика здесь ни при чём. Другая знаменитая формула, описывающая зависимость эффективности массы от её скорости

$$m = m_0 / \sqrt{1 - v^2/c^2}$$

получена на базе теории эфира и тоже до Эйнштейна.

В 1899 Лоренц высказал гипотезу о сжатии тел в направлении движения. Трактат Лоренца Пуанкаре предложил теорию относительности, которую через год подхватил Эйнштейн. А математический аппарат общей теории относительности вообще разработал Минковский, предложив геометрическую четырёхмерную модель кинематики. Его книгу – научное завещание "Пространство и время", вышедшую в 1909, читал? Не читал!

– Ну, положим, – прервал я его, – правильную математическую формулировку преобразований Лоренца дал Пуанкаре; сам Лоренц предложил всего лишь их приближение первого порядка. Кстати, Эйнштейн с этими работами знаком не был. Преобразования Лоренца он получил самостоятельно и совсем другим путём (эфир ему не понадобился). Важно, что он вывел взаимосвязь массы и энергии для любых тел, а не только для света.

– Знаком, не знаком, а всё до него известно было. Статью с теорией, которая потом была названа специальной теорией относительности (СТО) он опубликовал лишь в 1905. Много позже Томсона, Лоренца и Пуанкаре. Опубликовал вообще без всяких ссылок. Умелец! Никому неизвестный эксперт швейцарского патентного бюро влетел в науку. Статью читаешь – полная оригинальность: все результаты получил лично он. Как бы ни так! Кстати, рукопись этой статьи, поступившая в редакцию тремя месяцами раньше, была подписана Эйнштейном и его женой Милевой Марич. А Эйнштейн сам говорил: «Математическую часть работы за меня делает жена». Так куда же она подевалась при публикации?! Практически никто эту статью не заметил. СТО была признана после 1915, когда он опубликовал общую теорию относительности.

– Ну, так он же стал нобелевским лауреатом.

– Да! Но не за теорию относительности, а за исследование внешнего фотоэффекта. А за относительность премию должен был получить Ритц, но он, как только опубликовал свои труды, так сразу умер (31 год). Выживи он, от эйнштейновых спекуляций осталось бы мокрое место. Впрочем, дело Ритца живёт и победит.

– Пока побеждает Эйнштейн. Как думаешь, почему?

– Потому, что Эйнштейна никто не понял, но уважали. И потому, что он – еврей.

– Во! Фашизмом пахнуло.

– Не фашизмом, а нацизмом. Фашизм – это солидарность. Но я – не националист, у меня друг еврей. Но от действительности не уйдёшь: вы, евреи, весь мир под себя подмять хотите.

– А кто тут еврей?

– Не скромничай! Почему Эйнштейна считают гениальным учёным всего мира, несмотря на то, что его теория относительности не подтвердилась? Потому, что общественно-политическая обстановка того времени сыграла свою роль. До 1919 Эйнштейн тихо занимался наукой. Но в 1919 произошел неожиданный и неслыханный взрыв его популярности. Ибо возник сионизм. Есть два сионизма: национальный и международный. Национальный сионизм – это стремление евреев к переселению на свою историческую родину и создание своего государства. Международный сионизм – это стремление к мировому господству. В начале 20-го века началось движение за образование еврейского государства на территории Палестины. К этому делу привлекли Эйнштейна и начали его раскрутку. Издавались книги и популярные брошюры с изложением основ теории относительности. Устраивались публичные слушания для широкой публики. Парадоксы теории относительности взволновали народные массы. На

лекции ходили, как в театр: за новыми переживаниями. «Время замедляется, длины сокращаются, массы возрастают...». Имя создателя теории относительности у всех на устах. Парадоксальность, противоречащая здравому смыслу, стала синонимом научности, прогрессивности и доказательством гениальности Эйнштейна. К 30-м годам XX века был создан культ личности Эйнштейна.

– Ты бы лучше о культе Сталина вспомнил! – встрял возникший Анархист, – и теория относительности, и квантовая механика – науки, практикой проверенные. Не было бы этих теорий, не было бы и атомной бомбы. А она была, спроси у японцев.

Учёный хотел возразить, но Анархист его властно прервал:

– Бросай уголь в топку, температура падает. То же мне профессор Джон Олух: не голова – помойка...

Повернулся ко мне и повёл к себе обсудить манифест монархоанархизма.

*Есть два способа жить: вы можете жить так,
как будто чудес не бывает, и вы можете жить так,
как будто все в этом мире является чудом.*

Альберт Эйнштейн

На просторах Родины чудесной.

*С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.*

На старости лет, предаваясь воспоминаниям, я прочёл множество мемуаров бывших заключённых лагерей. Мнения о большом терроре можно разделить на две группы. Сторонники одного мировоззрения считают, что преследование врагов народа велось по чёткому плану, разработанному Сталиным и внедряемым в жизнь фанатически преданными ему соратниками. Сверху до низа работала стальная вертикаль власти. Заранее были составлены списки бывших кадетов, эсеров, меньшевиков, участников гражданской войны, членов националистических организаций, нэпманов, буржуев, кулаков, дворян и т.п. Когда пришло время их повязали: часть расстреляли, а остальных посадили. Потом составили списки старых коммунистов, троцкистов, участников левой и правой оппозиции. Часть посадили, остальных расстреляли. Потом был список новой элиты: инженеров, писателей, артистов... По чёткому плану снимали слой за слоем.

Сторонники другой точки зрения убеждены, что такая идеально работающая машина может и возможна где-то в Германии (и то - вряд ли), но ни как не в России, в царстве бардака. В реальности хватало кого попало: это мог быть член ЦК партии и швейномотористка, академик и беспризорник, поэт и прокурор. Кто под руку подвернётся. Что? Иванов в отпуске в Ялте? Ну, возьмём Сидорова, он тут, в цеху.

Но мне кажется, что есть третья группа активных участников большого террора. Это - простой народ. За примерами ходить далеко не надо - он перед нами: старинный сотрудник батагайского ГОКа - Атобой.

Мужик он не простой - киргизский поэт-песенник. По профессии - учитель. Родился и вырос в далёком углу Киргизии, в кишлаке в предгорье Памира. Отец его был имамом (предводитель, пример для подражания), т.е. духовным лицом. Заведовал он небольшой местной мечетью. Совершал требы. В тридцатых годах исчез, говорили - ушёл в Афганистан, но точно, куда он делся, никто не знал. Отобай же отправился в город, окончил педагогическое училище, стал комсомольцем, вернулся домой и работал учителем. Его все уважали, тем более, что он был единственным, кто с грехом пополам, но мог говорить по-русски. Он писал стихи, их даже пару раз опубликовали в местной газете. В школе учитель был один, он понимал своё значение, учил читать и писать и детей и взрослых. Был и учителем и просветителем.

Однажды в классе он похвалил стихи одного киргизского поэта, незадолго до этого репрессированного. Его немедленно арестовали. Он удивился: во всей округе не было ни одного русского (а именно с русскими чиновниками связывали аресты киргизы), не заметны были и какие-либо киргизы - особысты. На весь район был один милиционер и

того никто никогда не видел. Он ни с кем он не был в ссоре, никто претензий к нему не предъявлял. Он попал в списки Органов? Его схватили случайно? Нет!

Следователь предъявил ему четыре доноса, присланные его односельчанами. Самое забавное, что интересно в кишлаке умело писать 7 человек (Отобай их и научил) и 4 из них независимо друг от друга и незамедлительно написали на него донос. Они хотели славы, должностей, денег? Он был их личным врагом? Нет! Это было бескорыстие в чистом виде. Даже себе во вред. Мало того, что после исчезновения его отца мечеть развалили и Аллаху стало негде молиться, так теперь единственную школу закрыли.

Вот он - энтузиазм масс! Инициатива снизу...

В принципе, мы такое проходили. Ленин боролся с религией, народ с удовольствием перебил попов и скинул кресты с церковей, Хрущёв потребовал кукурузу, колхозники стали выращивать её за полярным кругом, Горбачёв стал бороться с пьянством - крестьяне Кахетии вырубали лучшие виноградники, Путин пришёл на Пасху в церковь - и вся страна пребывает в моленьях. Да не только в России: яacobинцы, красные кхмеры, хунвейбины... Где бы они были, если б не поддержка масс?!

Народ подвержен эпидемиям и пандемиям. Лекарства нет.

Что касается Отобая, то теперь он известный киргизский поэт. Его стихи хорошо ложатся на музыку и песни распевает вся республика. Ему неоднократно предлагали вернуться в Киргизию. Он думает, колеблется. Но в кишлак возвращаться не хочет.

Не понял, почему.

Пирожок

*Хорошо в дорожке
пирожок с горошком.*

В Батагае обедали мы в городской столовой. Суп из сухой картошки и моркови, два вида гуляша: из конины и оленины (берите из конины, его всё же съесть можно, особенно – с голодухи) и кисель из тундровых ягод. Завтрак же целиком в моей власти (жаль применить её не к чему). Ломоть хлеба или якутской лепёшки, если сразу из печи), кусок джема или маргарина. Чай с кусковым сахаром от пуза (заварка – плиточный чай, к чаю как таковому имеющая отдалённое отношение).

Хилогато для растущего организма.

Ситуацию подправила уборщица Дома Геологов, где на (под) бильярде я ночевал. Женщина в солидном возрасте, маленькая и хрупкая, садилась к столу напротив меня и смотрела, как я ем. Мы вели светскую беседу о погоде, разливе Яны, перспективах завоза по СевМорПути. Она показала мне камень счастья – некий расплав кварца, образующийся при ударе молнии в песок. Владелец такого камня – человек, наделённый волшебной силой, способный одолеть всё в мире зло. Глядя на неё, не скажешь...

Она намазывала мне маргарином лепёшку, пододвигала миску с сахаром, наливала кипяток в алюминиевую кружку, ручку которой она же обмотала изолентой, что б я не обжёгся. Заботилась. Я несколько подивился такому отношению, но быстро привык, тем более, что с детства вокруг меня хлопотало шесть тёток, и моим делом было свалить от их любви куда подальше.

Звали её Анна, откликалась она на Нюру.

Ну, Нюра, так Нюра.

Однажды она принесла мне пирожок. Настоящий пирожок из слоёного теста и с корочкой. Внутри – переработка сухой картошки, но не надо о грустном. Для зажавшихся москвичей, может не яство, а я так сжевал с большим удовольствием. Нюра внимательно следила за процессом, радовалась моему сибаритству.

– Вы всегда так балуетесь, – спросил я.

Она собрала крошки со стола и кинула себе в рот с золотым зубом.

– Мы так не балуемся. У нас ничего нет. Всё, что было, тебе собрала. На пирожок хватило. Сама я ничего такого, считай год, не ела. Забыла вкус.

Я оценил. Ни до, ни после никто не приносил мне такой жертвы.

Она много курила, в основном короткие сигареты «Дукат». Я ей подарил пачку «Друг». Сказала: спасибо.

Была у неё одна странность. Когда она сидела одна и, по крайней мере, она полагала, что никто не видит, она упиралась взглядом в грязную посуду, глаза начинали светиться, но не как прожектора, а как мрачно тлеющие угли. Миски, кружки, ложки мелко тряслись, сначала на месте, затем двигались по столу, достигали края и сваливались в бак с водой, стоящий на полу.

Ещё одной особенностью было пение. Повязавшись платочком, как среднерусская баба, она окидывалась к стене, поднимала носик к потолку и истошно завывала:

Меж высоких хлебов затерялся

Небогатое наше село.

Горе горькое по свету шлялося

И на нас невзначай набрело.

Песня Николая Некрасова о чужом человеке неизвестно зачем застрелившемся именно в нашем селе заполняло весь Геологический Центр.

Будут нивы ему хлебородные

Безгреховные сны навевать.

Становилось грустно.

Светский рай

*Одиночество – состояние,
которое испытываешь
только в большой компании.*

Вечером Анастасию Семёновну пригласили на день рождение глав.врача, Когана Бориса Борисовича, загремевшего сюда из Москвы по делу врачей-вредителей. Совершенно невинно – его фамилия и инициалы совпали с именем и фамилией известного терапевта, Когана Бориса Борисовича (в девичестве Боруха Берковича) – революционера, партийного деятеля, учёного-медика. Интересно, что сам профессор отделался лёгким испугом – просидел в тюрьме 4 месяца, после чего заведовал кафедрой и в 1960 получил звание Заслуженного деятеля науки. А наш Коган, получил двадцатку, т.к. успел признаться в своей вредительской деятельности и в связях с международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт". Просидел он, правда, года три, оказался в здешних краях и теперь заведовал местной больницей.

Мог бы вернуться в Москву, но местные власти его не отпускают: евреев здесь не боятся, а лечиться всем нужно. Желательно у врачей с образованием. Да он и сам не очень рвётся. Судили его по вздорной теме, но он-то знал, как отправлял на тот свет партийных и советских деятелей. Во-первых, потому, что ненавидел большевиков и советскую власть, а во-вторых, потому что властные органы поручали ему это дело, а он был коммунистом и партийные поручения выполнял аккуратно. Новые начальники могут докопаться. Если захотят. По крайней мере, после смерти Сталина всю верхушку НКВД (Берия, Абакумов, Меркулов, Рюмин (садист, ведший дело врачей) немедленно расстреляли. Так что имело смысл подождать, пока всё устаканится.

Анастасия Семёновна взяла меня с собой. Так, на всякий случай. Типа охраны.

Мы долго петляли по крутым склонам, но попали в довольно приличный дом. По крайней мере, он был крыт железом. Одна большая комната и две маленьких. Во всех сверкают люстры (чуть ли не из божьего стекла), по углам – торшеры, в прихожей и кухне – абажуры.

Нас приняла компания человек двенадцать. Местная интеллигенция: учителя, врачи, геологи, кое-кто из районного начальства. Был тут знаменитый московский астроном, устанавливавший в районах работ геологоразведочных партий пункты привязки. В 1937-38 годах он не мог выбраться домой в Москву, ибо каждый год, аккуратно перед отъездом, проигрывал в двадцать одно все свои сбережения. Тогда это спасло ему

жизнь. Теперь он играл исключительно в преферанс, но денег на курорт у него опять не было. Был тут бывший крестьянин, который в годы войны потерял телёнка и прибыл сюда. Ещё – китаец-агроном, Анархист, Учёный (кочегар). Американец Джон, инженер, прибывший в СССР из Америки во времена Великой Депрессии на заработки, строивший Днепрогэс и Челябинский тракторный завод, а теперь, после длительного скитания по тюрьмам-лагерям руководитель реконструкции обогатительной фабрики.

В квартире был свой прикол: два одинаковых кота, одного звали Мане, а другого - Моне. Гостей, которые интересовались в чём разница, больше не приглашали.

Были и другие личности. С ними я ближе познакомился позднее.

Застолье, еда обильная, в основном мясо, Запомнилось мороженное конское сало. Подали замороженное масло с налимьей печёнкой, копчённую оленину, красную икру с зелёным лучком (Он-то откуда? Из тайных теплиц?). Уплетал я всё, не имея ни малейшего представления о том, что я ем. То, что печёнка была налимья, я понял спустя много лет, после длительных путешествий по Сибири.

Хозяин извинился, что настоящего спиртного нет, но есть якутский бальзам домашнего приготовления – настойка водки на сорока травах (пахла она почему-то брусникой). Она уже поднадоела, но зато полезна. Опять же пьём, что есть. Но мало на такую компанию.

Поэтому присутствующие были приятно удивлены и обрадованы, когда мы поставили в центр стола бутылку с надписью: "Спирт питьевой, 96°", так удачно приобретённый в Олёкме. Народ оживился. Разлили. Я свою порцию разбавил водой примерно до водочного крепости, остальные выпили чистый, сразу запив водой и закусив розовым костным мозгом оленя. Мне показалось, что они посмотрели на меня с некоторым осуждением и пренебрежением: хилый студент, к выпивке реальной не причен.

Надо было показать, какой я крутой. Продемонстрировать какой-либо свой огненный трюк в индийском стиле. Был бы на улице – выпустил бы из себя огненный факел на высоту 6–7 метров. Но для этого нужно свободное пространство и керосин, а в натуре была довольно небольшая комната и спирт. Впрочем, спирт годится для представлений в камерных масштабах. Я налил в стакан спирт, поджёг его и спокойно выпил пылающую синим пламенем с потрескиванием жидкость. Фокус простой, но требует навыков и тренировок. Когда подносишь горящий стакан ко рту, нужно носом дуть на пламя, так чтобы пламя гасло прямо у губ.

Я посмотрел вокруг, ожидая восторженной реакции, типичной для девочек в зоне Ж МГУ. Однако, её не последовало. Народ пожал плечами.

– Не трудись и не порть продукт, – сказали мне, – у нас тут каждый второй такие фокусы показывает.

Недооценил я аудиторию.

Ну, ничего, я при случае такой вам фейерверк устрою – мало не покажется.

Собравшиеся поговорили немного о текущей линии партии, о погоде, о проблемах рудника, плохих учениках и нерадивых чиновниках. Прочитали рассказ из "Нового Мира", кто-то сыграл на пианино, кто-то – на гитаре, включили радиолу, немного потанцевали.

Какой-то задрипаный старикашка прочёл свой перевод Омара Хайяма:

Кто битый жизнью был, тот большего добьётся.

Пуд соли съевший выше ценит мёд.

Кто слёзы лил, тот искренней смеётся.

Кто умирал, тот знает, что живёт.

Ему похлопали: многие отнесли эту поэзию на свой счёт.

Неожиданно возник яростный спор по поводу книжки Ленина "Государство и революция", об отмирании государства, о диктатуре пролетариата, о необходимости во имя прогресса полного и повсеместного уничтожения демократии западного типа, о преимуществах диктаторского строя. Ну, и о полезности репрессий 37-года, которые,

уничтожив пятую колонну, своевольных генералов, и внутренних врагов России, вредителей и саботажников, предотвратили офицерский путч (типа антигитлеровского в Германии), обеспечили победу в Отечественной войне. Важный вопрос: можно отнести профессоров в пролетариям, если у профессоров зарплата меньше, чем у пролетария?! А если можно, то как профессор будет осуществлять диктатуру? Аспирантов давить?

Но как возник спор, так и погас.

Я впервые оказался в обществе местной элиты, точнее – культурно-интеллигентной элиты. В партийное, бандитское и диссидентское общества мне ещё предстояло попасть. Естественно, мне всё было интересно, но этот интерес я старался не выпячивать, внимания к себе не привлекал, наблюдал незаметно. Типы, конечно, были колоритными. Личности! За каждым – история: личная, страны и времени. Не тривиальная история. Каждый – герой романа мирового уровня, а то и несколько романов. Не простой у него жизненный путь. Никому не пожелаешь. Но сразу не определишь, кто есть кто. Кто сидел, кто нет, кто сажал-сторожил, кто воевал на фронте, а кто всю жизнь провёл на стуле с нарукавниками – офисный планктон, как таких теперь называют. Прошлую жизнь забыли, полностью отрезали. Теперь они обыватели, культурные аборигены, учителя, просветители, организаторы местной жизни. Подписчики на толстые журналы (Новый мир, Октябрь, Юность...), на Огонёк, на газеты (Правда, Известия, Литературка, Комсомолка и даже Вечерняя Москва). Слушают официальное радио, а подпольно – Свободу, Голос Америки, немецкую волну. В курсе событий лучше меня. Разве что с некоторым опозданием до них информация доходит. И телевизора здесь нет.

Собственно, собрания взрослых моего времени примерно также выглядели: кто-то просидел войну в Москве, кто-то – в эвакуации, кто-то воевал в отечественную, а кто-то и в Гражданскую, кто-то сидел, кто-то сажал, кто-то где-то делал атомную бомбу, ну, кто-то пребывал на временно оккупированной территории, что с его стороны было нехорошо. Но они общались, как ни в чём не бывало, забыв свою историю. Так что ничто тут меня особо не удивило. Разве, что больше беззубых, много с цинготными расшатанными зубами, с явным и не зажитым авитаминозом, с наколками и следами их удаления. И с усталыми взглядами.

С некоторыми мужиками я потом встречался и при случае опишу. Если сумею...

Были и женщины (как без них!), но мало. На Северах вообще дефицит дам, а с культурными совсем туго.

Жена ББ, не суежилась и не хлопотала по дому. Она постоянно находилась в кресле, укутанная в шерстяное солдатское одеяло. Бледное лицо временами покрывалось румянцем, она постоянно покашливала, сильного кашля нет, но ясно, что она больна. Смертельно больна. Выглядела она намного старше ББ, хотя была на год моложе. Они учились на одном курсе, поженились ещё до получения диплома. Потом работали вместе, она помогла ему сделать карьеру. Потом она везде сопровождала его, в каком бы лагере, или в какой бы ссылке он не оказывался, она поселялась рядом, снимала угол в бараке. Лечила начальников тюрем-лагерей, их чад и домочадцев, давала взятки и тем облегчала участь ББ. На нашу шумную компанию она особого внимания не обращала: реагировала только на мужа. Смотрела и слушала только его. Когда он провозглашал тост или вставлял в разговор удачную реплику она взбадривалась и глаза её мерцали огнём.

На этой вечеринке активными были две дамы. Одна читала стихи новых поэтов, играла на фортепьяно (интересно, кто, когда и как доставил его сюда?), пела что-то типа романсов.

Что-то типа:

О сколько встреч, таких неясных,

И чуть припудренный висок

Положим, припудрен был не только висок, и не чуть, и не пудрой, а чем-то ближе к зубному порошку.

Компанию она, однако, будоражила и развлекала.

Ещё одна, довольно корпулентная женщина, которую я скорее бы отнёс к мещанкам (без обиды: по-польски мещанин – это горожанин), чем к интеллигенткам, сначала сидела тихо, но потом стала громко, можно сказать – истерично, смеяться, обниматься с соседями и выдавать страдания:

*Прощай, мой сын, в страну чужую
Ты уезжаешь, Бог с тобой!
Оставил мать свою родную
С её злосчастною судьбой.*

*Но мне недолго через силу
Томиться с горечью моей...
Когда вернешься, сын, увидишь
Могилу матери своей.*

Не знаю, с чего её так разобрало, но причины, видать были.

Впрочем, как потом оказалась, Варя – женщина добрая, весёлая, пухленькая и глупенькая. В моём вкусе. Потом несколько напрягло, когда узнал, что она убила первого своего мужа. Но, с другой стороны, что тут такого? Бывает! Довёл, наверное...

Не сразу, но всё же заметил сидящую у окна женщину лет тридцати. То, что называется "зима" с бледноватой кожей лица, дымчатым макияжем глаз, с ярко-красной помадой на губах, в чёрном обтягивающем платье. Довольно сексуальном, особенно на фоне одежд остальных участников раута. В руке у неё был янтарный мундштук с длинной сигаретой. Она изящно выпускала дым и стряхивала пепел в горшок с каким-то чахлым цветком. Всё было стильно, даже ругалась она стильно. Ничего не ела и не пила. Мужчины Лию замечали, всячески старались привлечь к себе внимание. Она не реагировала, просто позволяла любоваться собой. Изредка бросала на кого-то гипнотический взгляд, холодно-недоступный и страстный одновременно. Чувствовалась мощная сила, способная унести в Рай или в Ад. По её капризу.

*Роковая женщина. Женщина – вамп.
Обманчив женский внешний вид,
поскольку в нежной плоти хрупкой
натура женская таит
единство арфы с мясорубкой.*

Боюсь я таких. Отсел от неё подальше.

Был вечный день, но часы показывали полночь. Солидные мужики уселись за преферанс, а мы пошли к себе.

Шли мы с местным геологом, пахавшим тут со сталинских времён.

– Как вам наше высшее общество? – спросил меня Панкратов.

– Нормально. В подмосковном Пушкине в доме моего дяди – директора школы – аналогичные посиделки случались. Разговоры у вас, как на московских кухнях.

– Думаю не совсем. В наших палестинах одна особенность – здесь нет никого, кто бы отсидел в тюрьмах и лагерях меньше 20 лет. Представляешь, что это такое? 20 лет! Причём за дело. Они до отсидки были нелюдьё, а после – тем более. Вы сейчас общались с белогвардейцами, власовцами, бандеровцами, следователями ЧК и НКВД, палачами и охранниками, петлюровцами и махновцами, генералами, погубившими тысячи людей своим бездарным командованием, ворами в законе, убийцами, грабителями, насильниками, коррумпированными чиновниками, вредителями вольными и невольными, инженерами, погубившими целые производства, расхитителями и растлителями. Здесь все статьи уголовного кодекса представлены. Невинных тут нет. Это в Москве интеллигенция (по справедливому замечанию Владимира Ильича – гавно нации) пишит что-то о невинно осуждённых. Может на материке такие и есть. К нам их не завозили – нам олово добывать надо, крепкие мужики нужны. Те, с кем мы только что общались точно знают, что сели они вполне, вполне винно. Если бы их вели на расстрел, они бы особо не удивлялись. Приговор им читать не надо – они сами о себе всё знают. Они прошли все круги ада. Но

они сами и создали этот ад. Винтовкой и словом. Пропагандой марксизма-ленинизма-сталинизма, доносами, посадкой и расстрелами несогласных. Они боролись за диктатуру, пролетариата, рисковали своей и чужой жизнью и свободой ради неё. Диктатуру и получили. Только не пролетариата. Заслужили ад: и на земле, и в небесах. Скоро будут жариться на сковородках. Сейчас это крокодилы без зубов, да и необходимости кого-то жевать нет. Доживают тихо. Культурно!

Но если что, так сразу! С ними не заскучаешь.

Я удивился. Какой-то злобный геолог попался. Наговаривает на людей нормальных. Неудачник небось.

– Странно, а мне они понравились. И здесь, и в Доме Геолога, где Нюра обо мне заботится.

– Нюра!

Панкратов притормозил.

– Нюра – человек страшный. Много душ загубила.

– Странно, пенсионерка душевная.

– Душевная! Пенсионерка! Ты парень даёшь! Она с 38-го года.

– Как с тридцать девятого!! Я с 41-го. Ей что – 22 года!!!

– Представь себе. Слушай сюда. Держись от неё подальше. И не вздумай её как-то обидеть. Ходячка она, прозвище Рысь. Крутая киллерша.

– Не верю!

– Не веришь, прими за сказку.

Дальше я шёл молча. О чём говорить? Бабе Нюре 22 года!

"И было мне совсем немного лет, но дел уже наделал я немало".

Станный, странный мир вокруг меня.

И пирожок!

Ни хрена себе...

Впрочем:

Настоящая женщина должна спилить дерево, разрушить дом и вырастить дочь. Закон Мерфи

На почте

*Честь и слава почтальонам,
Утомлённым, запылённым,
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!*

Связи с Москвой нет. Родители, небось, переживают: в тайгу маменькиного сынка отправили. Кто ему хлеб маслом намажет? Да и есть ли этот хлеб, ни говоря уже о масле?

Да и с друзьями-подругами пообщаться бы не мешало. Хоть как-то.

Написал я открытку родным: до места добрался, жив-здоров, чего и вам желаю; вторую – Валере Муравьеву, он на Таймыр собирался, да сессию завалил. Интересно, чем дело кончилось. Где он сейчас?

Отправились мы всем отрядом на почту. Получать до востребования. Такой системы я раньше не знал. Почта оказалась маленькой комнатой, битком набитой народом. Тут тебе и получение писем, и отправка телеграмм, получение-отправка посылок. Была переговорная кабинка, но сейчас не работала – связи нет. Культурные люди получали газеты, журналы, а некоторые даже дефицитные подписки на книги – собрания сочинений Мопассана, Чехова, Бальзака – приложения к журналу «Огонёк». Будет, что почитать в долгую полярную ночь.

Встали в длинную очередь, которая сначала бодро двигалась, но потом застопорилась. Какой-то парень требовал письмо, но письма не было. Он просил ещё и ещё раз проверить. Оно должно быть, обязательно быть. Почта потеряла! Девушка раз за

разом проверяла пачку писем на нужную букву, потом пересмотрела все письма на все буквы алфавита. Письма не было, очередь выдавила из себя парня, и он ушёл страдать.

Дошла очередь и до нашего Анатолия. Его всегда так называли, так же мы обращались к нему пока стояли в очереди и девушка это слышала. Он протянул паспорт, девушка поискала письмо, нашла его и хотела отдать, но не отдала. «Письмо не вам, тут А., а вы – Герман, т.е. Г, по паспорту», – сказала она и вернула письмо в ящичек. Мы втроём начали объяснять ситуацию, рассказали, что автор письма его знал, как Анатолия, даже вызвали заведующую. Ничего не помогло, письмо не отдали. Когда ж теперь получишь весточку, мы ж в тайгу уходим.

Посмотрел я на это дело и решил помочь. Не зря же мы затарились в Олёкме спиртом питьевым. Валюта мощная. Взял я у Анатолия-Германа одну пол-литру и отнёс Анархисту. Тот по своим каналам раздобыл чистые бланки для паспорта. Я быстро заполнил его женским подчерком и принялся ставить печати.

Вы, конечно, думаете, что я прибегаю к варёному яйцу, поскольку этот способ даже дети знают. Варишь куриное яйцо в крутую (кипятить 10 мин), слегка ополаскиваешь его холодной водой, чтобы скорлупа легче отделялась. Само яйцо должно оставаться горячим. Открываешь нужную страницу старого паспорта и аккуратно прокатываешь по оттиску печати горячим яйцом. Потом нужное место в новом паспорте прокатываешь модифицированным яйцом. Печать поставлена.

Хорошая методика, но не пойдёт.

Печатей и штампов в паспорте довольно много. На каждую требуется новое яйцо. А где его взять? Где я вам за Полярным Кругом найду куриное яйцо?! Тут не то, что куриц-петухов, куропатки и той нет. Или вы полагаете, что я эти яйца из Москвы вёз?

Нет! Мы пойдём другим путём.

Порылся я в своей сумке санитара, достал обрезки засвеченной фотобумаги и пузырёк уксусной эссенции (70%). Взял ватный тампон, пропитал уксусом и смазал им всю поверхность фотослоя. Затем плотно прижал к оттиску. Вынул, посушил немного и поставил печать на новый паспорт. Немного расплылось, но в целом – годится. Некоторые надписи в старом паспорте были плохо видны. Пришлось заточить перо и обвести смутные места чернилами. Получилось лучше. Затем состарил паспорт, чтобы оба паспорта выглядели одинаково.

Теперь у Анатолия было два паспорта: на Германа (старый) и Анатолия (новый).

Он пошел на почту и получил-таки письмо. Оно его и обрадовало и огорчило.

Я же, поскольку отработал методику, организовал письмо из Москвы, обязывающего Органы всячески мне помогать, поскольку выполняю важное госзадание. Мандат себе выправил.

Первым делом я пошел с ним в архив и ознакомился со списками узников местных лагерей. Узнал много интересного. Об этом – потом.

Письма

*Идут дожди, метут снега,
Ты так близка и далека.
И может быть не суждено
Тебе узнать, что написал я,
Тебе одной давным-давно.*

Получил я два письма. Одно от родителей: описание переезда и новой квартиры в Люберцах, приветы от всех, включая овчарку Геру, и напутствия типа повязывай шарф на ветру и не забывай стирать носки (какие носки, ежели у меня сапоги и портянки?). Второе письмо было от Ольги.

Здравствуй, дорогой!

Солнышко мое таёжное! Как ты там без меня? Очень скучаю по тебе, и жду твоего возвращения. Все время с тобой. Перебираю в памяти наши с тобой встречи, и сердце мое теплеет и рвется к тебе. Помнишь, как ты приезжал ко мне на велосипеде и солнце

золотило волоски на твоих руках и меня накрывала такая нежность, что невозможно было дышать, и я готова была отдать жизнь за каждый твой волосок! Твои глаза, и без того синие, наливались такой синевой, что позавидовало бы любое небо. В них невозможно было смотреть – такие они были тёмные и, как будто, втягивали в себя и поглощали целиком. А помнишь грозу в лесу, как грохотал гром, и молния освещала наши слившиеся тела. Тогда всё могло произойти, но не произошло, хотя всё к этому располагало... А помнишь траву с муравьями, которых мы не замечали, потому что были на небесах, недалеко от Бога. А помнишь, а помнишь, а помнишь... Давай накапливать воспоминания и хранить их бережно всю жизнь! Я очень тебя жду, любимый мой! И сердце мое не находит покоя без тебя! Приезжай скорей, чтобы я могла обнять тебя и почувствовать всего и снова понять, что я тебе нужна. У нас всё хорошо - всё идёт своим чередом, только чувствую себя как-то не очень – задержка у меня. Правда ещё не большая. Очень волнуюсь. Что ты думаешь по этому поводу? Как твои дела? Все ли у тебя хорошо? Очень тревожусь за тебя и жду твоего письма.

Твоя Пенелопа.

Всё идёт своим чередом – уже хорошо. Мемуарную часть пропустим: о будущем думать надо, а не прошлое вспоминать, мы, чай, ещё не на пенсии. Однако, задержка у неё какая-то приключилась. Что за задержка? Зачёты что ли отложили, экзамен какой на осень перенесли? Поэтому и чувствует себя не очень...

Я шёл и обдумывал ответ. Что-то, однако, беспокоило. Задержка, задержка... Может это о месячных? Есть что-то такое таинственное у тёток. Оно что? Должно совершаться как часы? Или может варьироваться? Тогда в каких пределах? Ну, задержалась, и что? Постоит и придёт. Съела что-то не то или болезнь какая? А может она хочет сказать, что беременна?!

Ценная мысль. Я даже остановился.

Беременна она от меня. Значит я – настоящий мужик! Не знал! Это как храбрость. Как узнать, что ты смелый человек, если в жизни не было случая себя проявить. Так и тут. Как узнать, что ты здоровый мужик, если никто от тебя не беременел и не рожал. Теперь доказано, что хоть с этим порядок. Погибну завтра (к этому дело идёт), но стану отцом. Сыну потом обо мне расскажут. И родителям утешение...

Здорово! Пасмурная жизнь засверкала яркими красками.

*Вставайте, граф, рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянув воды,
И, кстати, та, вчерашняя молочница,
Уже поднялась, полная беды.
Она была робка и молчалива,
Но, ваша честь, от вас не утаю:
Вы несомненно сделали счастливой
Ее саму и всю её семью.*

.....
*Не хмурьте лоб, коль было согрешенье,
То будет время обо всем забыть,
Вставайте, мир ждет вашего решения:
Быть иль не быть, любить иль не любить.*

И граф встает, ладонью бьёт будильник,

.....

Улёгся я под бильярд, включил китайский фонарик и написал ответ.

Дорогая Ольга!

Рад, что у тебя всё хорошо. Если что со здоровьем – сходи к врачу. Только не перестарайся, а то академку схлопочешь. Я же прибыл в славный посёлок Батагай – центр Верхоянского района. Всё здесь направлено на добычу олова, но касситерит кончается, и город вымирает. Тайга кругом вырублена – мох и курумники. Большая река

течѣт меж сопок. Учусь седлать лошадей и ездить верхом. Народ здесь тихий, ни драк, ни скандалов, пьяные на улице на валяются, не то, что в Москве. С якутами пока не общался, но, говорят, они тоже тихие, не то, что чукчи – чеченцы Сибири. В целом, жив-здоров. Целую. Твой Одиссей.

Философия на брёвнах

*Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги до Ефрата, от Ганга до Дуная,
Вот царство русское... и не преждѣт во век*

Проснувшись, я шѣл умываться во двор, где под навесом была организована умывальня – длинное корыто, к доске прибито 8 подвесных умывальников древнего садового типа: ударяешь ладошкой по стерженьку, тот подпрыгивает и пока идѣт вверх и вниз немного воды выливается. Очень экономно. Только в бочонок надо не забыть налить воды.

Местную собаку звали Амака.

Ко мне сразу же подбежала местная собака, ночью сторожившая наш Дом Геолога, и выразила своё почтение. По приезде я угостил её московской колбасой, и хотя колбаса давно кончилась, дружба наша продолжалась. Звали её Амака, на каком-то местном языке амака – медведь, медведица значит. Типичная восточно-сибирская голубоглазая лайка – самая крупная из охотничьих лаек. Перемещалась она ускоренной рысью с переходом в лёгкий галоп. Ей бы медведя какого завалить, а она – на коммунальной службе, ночной сторож.

Потягиваясь, на крыльцо вышел ещё один обитатель Центра – кот Буян, бандит с подбитым глазом. Амка не обратила на него внимания. Но через пару часов я увидел умильную картину: на куче оттаявшего навоза, греясь на слабом солнышке, на боку лежала Амка, а на её лапах и боку, навалившись ей на голову распластался в полном отрубѣ Буян.

Кот Буян.

Я прошѣлся по двору, преодолел забор типа плетень, пересѣк ручей, мостик через который реконструировали два старичка, разлѣкся на связке брёвен и углубился в Сагу.

«Гордый Доссет Форсайт», как его называли близкие, был по профессии каменщиком, а впоследствии поднялся до положения подрядчика по строительным работам. На склоне лет он перебрался в Лондон, где работал на постройках до самой смерти, и был похоронен на Хайгетском кладбище. После кончины отца десять человек детей получили свыше тридцати тысяч фунтов стерлингов. Старый Джолион, вспоминая о нём, что случалось довольно редко, говорил так: «Упорный был человек, кремень; и не очень отѣсанный». Второе поколение Форсайтов чувствовало, что такой родитель, пожалуй, не делает им особой чести. Единственная аристократическая чѣрточка, которую они могли уловить в характере «Гордого Доссета», было его пристрастие к мадере.

От Саги меня отвлѣк разговор уже знакомых мне старичков, которые устроились на противоположной стороне связки брёвен. Беседовали два философа (профессионалы – окончили философские факультеты разных университетов, преподавали в них, писали статьи-книги). Теперь, после отсидки 10 лет, и многих лет жизни на поселении, доживали свой век подсобными рабочими при Центре.

– Не скажи. Империя – самое лучшее устройство государства. Не случайно, Московское царство перешло в Российскую Империю, а затем – СССР – современное название той же России. Здесь, как в термодинамике, развитие идёт по оптимальному пути. Любой другой либо хуже, либо вообще невозможен. Даже Октябрьская революция особо не повлияла на него, так, вильнули немного, помещиков-капиталистов-банкиров утопили в Чёрном море; в целом столбовая дорога как была, так и осталась: собирание земель. Не обязательно русских. Россия расширилась. Потеряли, правда, Польшу, Финляндию и Порт Артур. Но мы их вернём. Обязательно вернём.

– Ещё Аляску потеряли. И Калифорнию. Ерунду городишь! Каждая нация должна быть единой, жить на одной земле, говорить на одном языке, проявлять патриотизм. Не нужны нам ни чужие земли, ни чужие народы. Понаедут тут, все должности захватят, командовать будут. Тебе это надо?

– Империю, мощное государство, способное противостоять любому врагу, в очередной Мировой Войне отстоять свою свободу и свои богатство, создают вовсе не представители титульной нации. Возьми Россию: сначала норманны-викинги, потом немцы (Катки и их потомки), потом Ленин – полуеврей, полукалмык, потом Сталин – то ли грузин, то ли осетин, потом Хрущёв – хохол. И дальше так будет – увидишь.

– Я про то и говорю. Вечно нами хрен знает кто правит. Одни инородцы, диктаторы к тому же. Хватит! Нужно отделить землю (Москва-Владимир-Новгород-Тверь-Рязань), обнести её кремлёвской стеной, выгнать с её территории всех инородцев, оставить только русских, причём только православных, избрать царя, и жить-поживать по своим законам со славянскими богами, без ракет, атомных бомб, дураков из нациков, без западных культурных ценностей.

– Как осуществить это! Как ты русского определишь? Копни его – финн, татарин или скиф какой, а то и еврей получится. Да и сгинете вы все без немцев-таджиков. Работать кто будет? Уж не говорю о том, кто думать будет.

– Не волнуйся. Мононациональные страны, живут, не разваливаются.

– Но на оставшейся территории немедленно возникнет новая империя, поскольку, я говорю, это лучшее государственное устройство для сбора народов единую структуру, шаг к глобализму, к созданию одного государства на всей Земле. Где сейчас лучшая империя? США, Северная Америка – типичная империя – обеспечивает безопасность множеству наций и народов. Вот мы с тобой на Яне, в Якутии. Сидим тихо-мирно, на солнце греемся. А почему? А потому, что сюда пришла Российская империя и построила острог Верхоянск.

– Плевал я на Якутию.

– Подожди плевать, националист недобитый. Знаешь, что здесь было до прихода русских? Резня была, постоянная резня. И не только народ шёл на народ. Якуты, жившие в середине Яны вырезали всех живущих выше по течению, а потом, наоборот, верхние уничтожали нижних. И так век за веком. Но пришли русские, пришли войска: и всё, якут якута не убьёт, и другим якута в обиду не дадут.

– Они и сами не дадут. Создадут своё государство, выгонят эвенков, чукчей, тунгусов, русских. Последних мы к себе заберём.

– Только в империи, только в разнообразном по людям и природным ресурсам мире можно создать истинную демократию.

– Ещё чего! Демократия – не русское понятие, так же как свобода. Поскреби любого, кто орёт о свободе-демократии-либерализме, 100% - не русский. Русскому не нужна ваша свобода, ни как осознанная необходимость, ни как пространство доступных альтернатив. Ему нужна воля! Воля вольная. И она у него есть! Пример – мы с тобой, мы на поселении, но мы вольны говорить, что хотим, и делать, что хотим.

– Ёб вашу мать! – разлилось в пространстве.

На мостике стояла наша комендантша. Её сапоги омывал поток грязной воды.

– \$ли \$уйню на\$уярил? Пере\$уяривай на\$уй!

Грубо как-то прозвучало, сказала бы вежливо:

– Надо Эйяфьятлайокудль перезэйяфьятлайокудлевать да перевыэйяфьятлайокудлевать. Было бы понятней.

Лысый начальник взял лом и двинул на рабочее место, за ним с лопатой побрёл профессор.

Воли-вольной в России навалом.

Но с ограничениями.

Бичи

*А где я могу найти кого-нибудь нормального?
— Нигде, — ответил Кот, нормальных не бывает.*

Ведь все такие разные и непохожие.

И это, по-моему, нормально.

Говорят, есть усидчивые люди. Не знаю, не встречал. Лично я – улёжливый: любимое занятие – лежать где-нибудь в тепле, читать интересную книгу, рассматривать картинки (иллюстрации обязательны, книг без картинок я в руки не беру) или просто всматриваться в узоры на потолке, предаваясь мечтам, отвлекаясь от суровой и противной реальности. В этом смысле у меня в Доме Геологов был дискомфорт. Днём я чем-то постоянно был занят, куда-то меня посылали, или я в гордом одиночестве бродил по окрестным сопкам. Вечером же стоило мне убраться в спальник под бильярдом и углубиться в очередной том Саги о Форсайтах, как меня извлекали на свет божий, или я сам выползал, ибо находиться под столом было решительно невозможно: проигравшего загоняли ко мне в норку и он кукарекал. У меня над ухом. Так что волей-неволей, а оказывался я в местном обществе.

Местное общество состояло из геологов, молодых офицеров, несущих службу в близлежащих воинских частях (надо полагать – во внутренних войсках, но не обязательно: Америка близко, может её морду бить придётся), инженеры с оловянной фабрики и бичи. Никто это общество специально не создавал, тут вам не Лондон с его клубами, оно самоорганизовывалось, система была проточной, кто-то выпадал, кто-то вступал, но тип личностей практически не менялся. Уголовников, военных преступников, "химиков", диссидентов, партийных и советских работников, врачей, торговцев, работников сферы обслуживания, попов и бомжей здесь не было, т.е. в бильярдной представлен был лишь небольшой срез батагайского многообразного общества. Небольшой, но интересный.

С некоторым недоумением смотрели они друг на друга и по сторонам. Как получилось, что они оказались здесь, в этом забытом богом месте, в этом доме с великолепным бильярдным столом из дуба с красным деревом, с настоящими шарами из слоновой кости и с киями из граба с узорами; в этом обществе с виртуозами кинематики, ведущими тонкую игру по сложным (и, надо полагать, аристократическим правилам). С фикусом, засохшем в кадке (зимой кто-то форточку открыл проветрить закурненное помещение). Думали ли они, учась в Ленинградской или Московской школе, что окажутся тут. Нет, не думали и не мечтали. Но оказались...

От судьбы не уйдёшь.

Местных тут не было: ни русских, ни якутов, ни тунгусов. Все приезжие, кого-то сюда прислали по распределению, кто-то прибыл сам в погоне за длинным рублём, а кто-то возник здесь таинственным образом, не только нам – сторонним наблюдателям – не понятным, но и самому путешественнику по жизни.

В этом клубе по интересам меня занимали бичи. В принципе, я давно знаком с деятелями такого типа. Просто не знал, что они так называются. Мне немедленно объяснили, что где-то в далёком Альбионе бич есть матрос, списанный с корабля и оказавшийся на мели (по-английски бич – песок, мель), но у нас он – бывший интеллигентный человек, талант, когда-то подававший надежды, из которого, однако ничего не вышло, изобретатель вечного двигателя или его аналога, экстрасенс, смутно предвидящий будущее, противник второго начала термодинамики, задвинутый учёными-

консерваторами, представителями каменного века, народоволец, безуспешно приобщающий быдло к западным культурным ценностям, диссидент, борец за права человека. Таких я и в Москве встречал часто, в том числе – среди близких родственников.

Осчастливливал нас своими редкими посещениями известный на всё Верхоянье бич Прокопий. Колоритная личность. Грузный мужчина (корпулентный!): Тарас Бульба – Гиляровский – кошевой атаман с картины Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану" в старости. Гигантские усы у него, вероятно, имели место, но они терялись в густой поросли щетины и волос, практически полностью скрывавшей черты лица. Даже носа не было видно. Но маленькие глазки светились весёлым огнём. Он был вечно пьян (где спиртное брал – не понятно). Судя по запаху – никогда не мылся. Дранный свитер под комиссарской кожинкой, тоже никогда не стирался. Где он жил – никто не знал. Но где-то жил. Бомжём он никогда не был.

*Люди сосланы делами,
Люди едут за деньгами,
Убегают от обиды, от тоски...
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.*

В отличие от Кукина, Прокопию ничего этого было не нужно. Ни одна из перечисленных причин не вела его сюда. Тем более – запах тайги. Деньги-мечты-туманы его не интересовали. От обид он не бегал, а от тоски не убежишь – она за тобой везде последует. Никто его сюда не ссылал. Он вообще никаким репрессиям не подвергался. И ни от кого не зависел. Был свободным человеком (без всякой анархии, кстати).

Сюда его направила Судьба. Никакой другой силы задействовано не было.

Кто он был по специальности в первой жизни, он давно забыл. В чём подавал надежды, тоже не помнил. Но хобби у него было. Он интересовался якутским фольклором, благо где-то выучился якутскому языку. Знал он и тунгусский, или, как его теперь называют, эвенкийский язык, что, конечно, экзотика: сами тунгусы на нём писать не могут. А он мог. Жаль, но никто не читал им написанное.

Появление его всегда сопровождалось шумом и треском. Он плюхался на один табурет и стучал ладонями по другому, как по бубну, закатывал глаза, завывал дурным голосом, тряся, как шаман, приходя в транс. Так, что мы начинали беспокоиться: уж не эпилептик ли он? Если припадок, то что делать? Но экстаз кончался. Он приходил в себя и уже спокойно рассказывал о мирах в каких побывал и что видел. Сейчас он был в Кремле и наблюдал, как убивали Сталина его соратники. Рассказывал и показывал весьма подробно, так, что мы наслаждались правдивым кино. Потом долго обсуждали эти события, которые от нас так тщательно скрывала официальная пропаганда.

Но Прокопий бывал у нас редко.

Практически каждый вечер катал шары, и надо сказать довольно виртуозно, бомж Иннокентий – нечто длинное и тощее, с волосами до плеч. Потомственный сибиряк, рыбак, с Охотского моря, капитан сейнера бывший. Он – бич в квадрате: и по английским и по русским понятиям. Теперь же он был инженером, не по должности, а по самоопределению. В рамках струйных технологий (никому, кроме него неизвестных) он изобрёл собственный вид транспорта: струйную дорогу, для скоростного межгородского, городского, грузового транспорта. Судите сами: железные дороги устарели, рельсы много стали требуют, шпалы, осыпи, скорости небольшие. На самолетах по Сибири летать неудобно, аэродромов нет, керосина не напасешься, погода хреновая, в основном – нелётная. А тут собираешь транспортный модуль на стальных колёсах, ставишь на струны, протянутые между опорами (получается нечто в виде моста над землёй, только расстояние между опорами большое, порядка 5 км), грузишь его (пассажирские модули будут четырёхместными и двухместными) – и покатили, 100, 200, 500 км/час. Беспилотное управление к тому же. Двигатели особые, внутри колеса размещённые. Поди плохо!

Струйной дороге не страшны наши болота, топи, реки, холмы – она пойдёт выше их, по возможности без спусков и подъёмов, дорога прямая, поворотов нет, горы прошьём

туннелями. На земле никому это бесконечный мост мешать не будет: нет препятствий для перемещения зверей, людей, машин и паровозов. Любое жильё под ним строить можно. Транспорт всепогодный: жара, дождь, вьюга, туман его не волнует. Дорога от Лондона до Нью-Йорка через СССР займет не более суток. А можно создать сеть, присоединить Китай, Японию, Индию, Турцию, всю Африку (от Мадрида до Кейптауна), все Америки, от мыса Горн до Канады. Поместился в капсулу, нажал кнопку с пультом назначения и спи себе, машина сама помчится по сети дорог и выгрузит тебя там, куда стремишься.

И что?! Бросили все дела, дали денег, начали стройку?

Как бы ни так! Даже слышать не хотят, сволочи.

Не хочешь, а запьёшь.

Одеколоном от него несло за три версты. Но примешивались и духи Красный мак, ибо Иннокентий был и оставался эстетом.

Тут мне вспомнилось одесское:

Марк Самуилович, кем Вы работаете?

— Испытателем!

— И что Вы испытываете?

— Нужду!

Наука гитик

Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен.

К тебе на грудь я прынул через мрак.

Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк из прошлого...

Прощай же. Я доволен.

Конечно, ко мне в парадный зал наведывались не только любители покатать шары, бичи и бомжи. Вечерами заглядывал разнообразный люд, интеллигенция среднего звена, как "химики", так и вольнонаёмные. Приходили себя показать, на других посмотреть. поговорить, поделиться проблемами, вспомнить молодость, обсудить текущую политику и, конкретно, выкрутасы Хрущёва. Мужчины и женщины. Пили чай, пели песни, иногда играли в карты, иногда танцевали, иногда дрались.

Здесь я снова встретил того задрипанного старикашку, что на светском рауте у глав.врача читал свой перевод Омара Хайяма:

На базаре мудрость продавали

И давали старость к ней в придачу.

Люди проходили, но не брали,

Уходили молча, деньги пряча.

Глупость продавали на базаре,

Молодость давали к ней в придачу!

Люди подходили, покупали,

Убегали, забыв про сдачу...

Стихов он знал много, память была прекрасной. Особенно он пропагандировал неизвестных мне тогда поэтов Васильева, Герасимова, Карпова и других поэтов тридцатых годов. Он вставал, принимал позу и декламировал что-то из Павла Васильева:

Тяжёлый мёд расплёскан в лете,

И каждый дождь — как с неба весть.

Но хорошо, что горечь есть,

Что есть над чем рыдать на свете.

Здесь он вовсе не выглядел задрипанным, пользовался успехом у дам.

Когда запевали песни, он руководил хором (в основном дамским). Начинал баритоном:

В полном разгаре страда деревенская...

Доля ты!- русская долюшка женская!

Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,

Всевыносящего русского племени

Многострадальная мать!

Некрасов шёл хорошо.

А ещё он показывал фокусы.

Раскладывал четыре карты картинками вверх. Сам уходил, попросив кого-то из публики загадать карту, но мысленно, никому не сообщая. Возвращался, убирал эти карты, снова раскладывал четыре картинки. Загаданной карты не было. Исчезла! Народ делал: Ах! Так продолжалось довольно долго, пока кто-то не сообразил, что исчезла не только загаданная карта, но и все четыре: вновь были картинки этой же масти, но другие.

После этого он прекратил показывать этот фокус, перешёл на другие. Коронный: наука умеет много гитик.

Интересно, что я эту фразу знал. Только понимал её неверно. Во-первых, я её произносил, как наука **имеет** много гитик, что, конечно, изврат. Во-вторых, главное слово для меня – наука, которая имеет много аспектов, в том числе – вполне безумных. Всё не так! Фраза смысла не имеет, данное псевдовысказывание – код карточного фокуса, исполняемого точно с 20 игральными картами. Он несёт мнемоническую функцию: Главное – каждая буква повторяется дважды! Есть аналоги: «Смуту ведёт долом слава», «Макар режет ножом нитки», «Крупы, табак берем оптом», «Лирик лемех рахат кутум». Есть и более длинные: «Дрозды смелые вблизи кусков марабу» (для 30 карт), «Выгодны ушедшим князьям портить всплеск разгула» (42 карты). Существуют мнемоники для троек карт (третики).

Алгоритм здесь такой. Фокусник предлагает зрителю перетасовать колоду и разложить на столе 10 пар карт рубашкой вверх. Просит его выбрать любую пару и запомнить обе карты. После этого собирает по очереди все пары в одну пачку и, не тасуя, раскладывает карты лицевой стороной вверх по следующей схеме:

Н А У К А

У М Е Е Т

М Н О Г О

Г И Т И К

Первые две карты кладутся на место букв «н» (первая буква первого ряда и вторая буква третьего), вторые две — на место букв «а» (вторая и пятая буквы первого ряда) и т. д. Фокусник просит назвать, в каких рядах расположены загаданные карты. Зритель называет номера рядов, после чего фокусник тут же «находит» загаданную пару, используя ключевую фразу. Например, если карты оказались во втором и четвёртом рядах, то это будет последняя карта во втором и третья в четвёртом (у них общая буква «т»).

Забавным мужик оказался.

Стало мне интересно, кем он был в прошлой жизни. В каком цирке работал. Химией выправил себе пропуск-допуск и пошёл в Органы читать его дело.

Как и ожидалось, цирк назывался НКВД.

Человек он трудной судьбы.

При царизме был на побегушках в магазине, потом дослужился до приказчика. Служил хозяевам, но ненавидел их. В конце гражданской войны пошёл работать в ВЧК, старался, но продвигался по службе медленно. Золотое время настало, когда накрылся НЭП. Многих стали брать. Кого-то он долго допрашивал, пытал и отправлял на расстрел. Но торговцами, финансистами, банкирами он поступал круче – расстреливал сам. Без разговоров. Спрашивал ФИО, род деятельности, и если – торговец, то прямо в кабинете ставил буржуя на колени и стрелял ему в затылок.

Отстаивал интересы пролетариата.

Так он извёл несколько сот капиталистов, в основном – евреев, не потому, что был антисемитом (национальность его не волновала), просто в этой прослойке их было больше. Между делом расправился с владельцами и продавцами магазина, в котором работал. Продолжалась эта деятельность до конца ежовщины. По службе не спеша

продвигался. Но в феврале 1940 Николая Ивановича расстреляли, их контору арестовали целиком и особо не парясь всех приговорили к расстрелу. Фокусник не растерялся и предложил себя в качестве палача. Ему доверили, и он перестрелял всех коллег и приятелей. Потом уже продолжал это занятие с другими. Было обещано: тебя шлёпнем, когда работа кончится. Но она не кончалась, его регулярно извлекали из камеры и вели на дело. Оно ему нравилось. Жил он не плохо, но начальником тюрьмы оказался его бывший друг и соратник. Когда расстреляли Ягоду, друга арестовали и доставили Фокуснику (задрипанному старикашке по моей терминологии). В ажиотаже допроса любитель Хаяма тот изуродовал приятеля. При новой власти, друга вернули в НКВД и назначили директором тюрьмы. Теперь уже друг регулярно вызывал Фокусника на допрос и, в конце концов, превратил его в инвалида. Пришёл бы Фокуснику конец, но началась война.

Его забросили в тыл врага со специальной миссией НКВД. Он перебирался из одной страны в другую, жил и в Германии, и в странах под немцами. Его задача – следить за советскими разведчиками и за антифашистами, поставлявшими важные секретные материалы. Как только разведчик начинал сыпаться и возникала опасность его ареста, Фокусник его немедленно ликвидировал. Так же он поступал с двойными агентами, с колеблющимися, с выходящими из игры. В конце войны поступила команда убрать чекистов и сочувствующих, что много знали. Он хорошо постарался, его вернули в Москву, в Органы. Вскоре ему повезло: летом 1951 года Абакумов (министр государственной безопасности) был арестован, а потом и расстрелян. Вместе с ним был арестован и старый приятель Фокусника, бывший начальник тюрьмы. Так что Фокусник мог спокойно и не торопясь пытаться его, пока тот через месяц не умер. Судьба сделала опять поворот, когда расстреляли Берия, а многих его соратников посадили. Ну, и загремел Фокусник в Верхоянский край, хотя довольно быстро вышел и теперь в Батагае отбывал химию.

Дело прошлое...

Но помнились ему стихи Васильева.

Да, был такой поэт Васильев Павел Николаевич (1910–1937) – родоначальник «героического периода» в русской литературе — «эпохи побеждающего в человеческой душе коммунизма». Родился в Зайсане, Семипалатинской области, в прииртышской казачьей станице. В 1921 написал стихотворение к годовщине смерти Ленина, ставшее школьной песней. В поэзии сочетал мотивы старой России с языком революции. Предсказал появление в СССР героического человека будущего – художника и творца, сочетающего в себе идеалы Христа с практическими делами Ленина – гения, способного преодолеть пороки этого мира. Страстно верил, что увековеченное им в стихах прекраснейшее будущее страны будет воплощено в жизнь новыми героями. Его считали не менее талантливым, чем Есенин, и очень многого от него ожидали.

Арестовывали его не раз. В 1932 по делу "Сибирской бригады", приговорен к ссылке в Сибирь на 3 года, но освобождён. В 1934 статья Горького «О литературных забавах» положила начало кампании травли Васильева: его обвиняли в пьянстве, хулиганстве, нарушении паспортного режима, антисемитизме, белогвардейщине, защите кулачества. В 1935 исключён из Союза писателей, арестован и осуждён за «злостное хулиганство»; срок отбывал в Рязанской тюрьме. Освобождён весной 1936. Летом вышел фильм "Партийный билет", в котором Васильев стал прообразом главного антигероя — шпиона, диверсанта и врага народа. В феврале 1937 арестован в третий раз, Расстрелян в Лефортовской тюрьме 16.07.1937.

Допрашивал его наш Фокусник. Сначала с неким сочувствием, слушал его стихи, запоминал. Они ему нравились. Но однажды Павел выдал:

Ныне, о муза, воспой

Джугашвили, сукина сына.

Упорство осла и хитрость лисы

совместил он умело.

Нарезавши тысячи тысяч петель,

*насилием к власти пробрался.
Ну что ж ты наделал, куда ты залез,
расскажи мне,
семинарист неразумный!*

Это – перебор, за такое по головке не глядят. Не только того, кто читал, но и того, кто слушал. Пришлось пытаться. Все шесть месяцев. Сигаретами выжег ему его «золотые, распахнутые миру» глаза, позвоночник повредил, в середине июля и расстрелял. Заодно и ещё семь поэтов: Симона Виталина, Ивана Васильева, Михаила Герасимова, Михаила Карпова, Ивана Макарова, Тимофея Мещерякова и Владимира Кириллова. А через месяц до кучи пристрелил и сына Есенина (Юрий Изряднов, 22-летний техник-конструктор Военно-воздушной академии им. Жуковского). Сам не понял за что.

Много воды утекло, всё забылось, но стихи его Фокусник помнил до сих пор.
И часто читал их вслух.

Везде евреи

*Средь учёных и врачей
Каждый пятый – не еврей,
Ну, остальные ж евреи...
Кругом одни евреи.*

Между нашими вечерними посетителями вертелся (именно вертелся, путался под ногами, неожиданно появлялся и исчезал) маленький, худенький старичок (тогда для меня все старичками были, сейчас бы он, наверное, казался пацаном). Звали его вполне по-русски: Кузнецов Михаил Семёнович. Но он был евреем. Все это знали. Но не потому, что заглядывали ему в паспорт, читали доносы, осматривали член или просто судили-рядили. Нет! Во-первых, он был похож на еврея, не в смысле скотовода Иудеи (кто его видел?!), а так, как согласно средне-русскому славянину должен выглядеть еврей. Во-вторых, он необычайно гордился своей нацией. Когда здоровался с незнакомцем всегда сообщал, что принадлежит к древнейшей (и, между прочим, умнейшей) нации, и за вечер успевал дюжину раз подчеркнуть это обстоятельство.

Достал он нас своим еврейством хорошо. Эпоху борьбы с космополитизмом мы ещё помнили.

Интересно, что Библию он не читал, о Талмуде никогда не слышал, многочисленные еврейские законы-правила не знал и не соблюдал. Это его не интересовало. Пунктика у него было два. Он мечтал бросить СССР и свалить в Израиль. Красочно описывал Страну Обетованную, древние города, моря, пустыни, реку Иордан... Всё это выглядело странно, и не потому, что нас на Ближний Восток не тянуло, а потому, что все эти сведения были получены из учебника географии для 6-го класса. Второй пункт заключался в утверждении, что всё в мире делалось, делается и будет делаться евреями, и только евреями. Начиная с тайного мирового правительства (московские интеллигенты с пеной у рта доказывали, что идеи еврейского в своей основе мирового правительства – антисемитские выпады, а тут: вот оно! и этим кому-то надо гордиться), и кончая ремонтной мастерской в Батагае (последний тезис могу подтвердить, это правда). Оказывается, всё, что достигли Европа, США, да и Австралия, всё сделали евреи. Все учёные (за исключением Ломоносова, но бездарности не в счёт), художники, композиторы, писатели, поэты, политики, инженеры, врачи и учителя, все – евреи. Он непрерывно приводил конкретные примеры, так и сыпал доказательствами. Даже антисемиты были евреями, да и якутов он каким-то образом включал в мировое еврейство. Ну, и начальство, естественно, состояло везде из одних евреев.

— Слушай, Сема, ты знаешь, кто был по национальности Мао Цзэдун?
— Не может быть...

Идеи витают в воздухе:

А если в кране нет воды -

Воду вытили жи́ды.
 Если ж в кране есть вода -
 Значит, жид нассал туда.
 Словом, евреи, евреи, кругом одни евреи..
 Вот если не было бы бога -
 Не была бы синагога,
 Не была бы Божья мать
 И не было б куда послать
 Еврея, еврея, пархатого еврея.
 Говорят, из Мавзолея
 Тоже вынесли еврея,
 Но один ещё лежит -
 Говорят, что тоже жид!
 Да и отец моих идей,
 Карл Маркс - и тот еврей...
 Евреи, евреи, кругом одни евреи...
 Шанкр вместе с гонореей
 Тоже выдумал еврей,
 И ужасный вирус СПИД
 Тоже, блин, придумал жид
 Захожу я в галерею -
 Вижу скопище евреев.
 В мире нет таких музеев,
 Где бы не было евреев.
 Евреи, бля, евреи, кругом одни евреи...
 Вывод - с ног до бороды
 Все вокруг одни жи́ды.
 Евреи, бля, евреи - кругом одни евреи...

И далее в том же духе. Сочиняют и исполняют такие частушки, естественно, евреи.

Я его особо не слушал. Если бы он шведов прославлял, тогда да, тогда мне было б интересно, а так... Пусть себе.

– Еврей – это религия, национальность и признание, – утверждал он.

– Еврей – это диагноз, – поправляли его.

Но рассказы МС подвигах евреев СССР в советской разведке мне понравились и запомнились.

Может быть потому, что я – радиохимик, и ядерное оружие мне не чуждо, и всё, что относится к Манхэттенскому проекту США, мне интересно.

Проект стартовал 17.09.1943. В рамках проекта были созданы три атомные бомбы. Руководили проектом физик Оппенгеймер (Наш! Похвастался МС) и генерал Гровс. Эти работы проходили под контролем советской разведки. Плотность агентов была исключительной – 200 разведчиков+14 особо ценных агентов из числа иностранных граждан. Удалось добыть огромное количество секретных документов (12 тысяч листов). Разведка помогла России избежать тупиковых ветвей развития атомного проекта, сэкономила время, сырьевые ресурсы и материальные средства, ну и позволила создать свою первую бомбу.

Итак, евреи в разведке:

Адамс Артур Александрович (1885–1969) – разведчик-нелегал, инженер-полковник, Герой РФ (посмертно). В 1904 Адамс арестован полицией за революционную пропаганду среди рабочих, был приговорён к вечной ссылке, но в 1905 освобождён по амнистии, выслан в Олонец, бежал в Финляндию, затем в Канаду. В 1921 вернулся в Россию, 1935 на службе в Главном Разведывательном Управлении Генерального штаба РККА, направлен на нелегальную работу в США под оперативным псевдонимом «Ахилл». Создал агентурную сеть из 20 инженеров. В 1938 отозван в Москву, где ему было предъявлен ряд обвинений, после чего уволен из ГРУ. В 1939 восстановлен в кадрах и вновь отправлен в США, где заново создал агентурную сеть. В годы войны занимался добычей научно-технических секретов, например, получал сведения о

разработке новых типов отравляющих веществ и индивидуальных средств защиты. Адамс – первый разведчик, получивший данные об американском атомном проекте. Передал в Москву 10000 листов и несколько десятков образцов оружейного урана, плутония, бериллия. В 1945 попал под подозрение ФБР, вернулся в СССР, где ему присвоили звание инженер-полковника. В 1946-1948 работал в центральном аппарате ГРУ в Москве. В 1948 уволен в отставку, работал политобозревателем ТАСС.

Эйтингон Наум Исаакович (1899–1981) – разведчик-нелегал, генерал-майор НКВД. С 1918 в Красной Армии, с 1920 сотрудник Гомельской ЧК, в 1924 начал работать в иностранном отделе ОГПУ. С 1926 возглавлял резидентуры в Пекине и в Харбине. В 1929 в Турции, затем в США, во Франции и в Бельгии. В 1930-1932 —руководитель секции нелегальных операций ОГПУ. В 1936-1938 в Испании. Занимался организацией диверсий и актов террора: убийство диктатора Северного Китая и Манчжурии Чжан Цзолиня, похищение генералов А.П.Кутепова и Е.К. Миллера. Организовал вывоз в СССР испанского государственного золотого запаса. Совместно с П.А. Судоплатовым разработал и подготовил операцию «Утка» в Мексике, в ходе которой агент Меркадер убил Л.Д.Троцкого. С 5.07.1941организует диверсии в тылу противника, участвует в создании Отдельной мотострелковой бригады особого назначения для операций за линией фронта. В 1941-1942 участвовал в акциях, обеспечивавших нейтралитет Турции во Второй мировой войне. Сыграл ведущую роль в проведении радиоигр против немецкой разведки. С 1945 зам.начальника отдела «С» НКВД СССР: добыча и обобщение разведанных по созданию ядерного оружия. В послевоенные годы возглавлял операции по уничтожению нацистских бандформирований в Литве и Западной Белоруссии. Организатор убийств деятелей украинского националистического движения. В 1951 арестован по «делу о сионистском заговоре в МГБ». После смерти Сталина освобожден и назначен в систему МВД. В 1953 вновь арестован как член «банды Берии» и приговорен к 12 годам заключения. В 1964 освобождён, работал редактором в издательстве «Международная книга».

Голд Гарри (Гольдоницкий Генрих) (1910–1972) – советский разведчик. Американский гражданин с 1922. Как коммунист в 1934-1945 работал на советскую разведку. В начале войны – один из самых важных советских разведчиков в США, но в 1944 стал играть роль курьера. Резидент советской разведки Яцков использовал Голда, как посредника для связи с агентами, занимавшихся атомным шпионажем. Он работал с Клаусом Фуксом и др. до 1946. В 1949 суд над Клаусом Фуксом привел к аресту Гарри Голда по обвинению в шпионаже. Он сознался в том, что работал на советскую разведку и выдал Грингласса, Собелла, Розенберга и его жену Этель. Все они были арестованы. Голд был судим, приговорен к 30-ти летнему тюремному заключению. В 1965 освобожден, поселился в Филадельфии, где и умер.

Хейфец Григорий Маркович (Менделевич) («Харон») (1899–1984) – дипломат, разведчик-нелегал, подполковник. В 1919 вступил в Красную Армию. С 1922 года – сотрудник Отдела международных связей Исполкома Коминтерна, затем Наркомата иностранных дел СССР. В 1924-1927 – на заграничной разведывательной работе под дипломатическим прикрытием. В 1924 в Риге, в 1925 в Константинополе, с 1927 в Китае, Германии, Австрии, Франции и Италии. В Германии организовал несколько агентурных групп. Летом 1938 отозван в Москву, уволен из органов НКВД. В октябре 1941 восстановлен на службе в НКВД и направлен в качестве резидента в Сан-Франциско (псевдоним «Харон»). Принимал участие в разведывательном обеспечении советского ядерного проекта. В декабре 1941 вошёл в доверительный контакт с Робертом Оппенгеймером, дал его психологический портрет. В 1944 вернулся в Москву и доложил Берии об учёных, занятых в атомном проекте. После этого доклада началось тесное сотрудничество разведки с ведущими учеными в области создания советского атомного оружия, а Берия возглавил советский атомный проект. Хейфец работал в центральном аппарате МГБ, в апреле 1947 уволен. С 1947 членом президиума *Еврейского антифашистского комитета* (ЕАК), 13.11.1951 арестован, 8.08.1952 приговорен 25 годам лишения свободы. В 1952 к имеющимся обвинениям были добавлены «терроризм и участие в заговоре в органах МГБ», 2.02.1953 приговорён к расстрелу, 28.12. 1953 освобожден.

Семенов Семен Маркович (Соломон Таубман, «Твен») (1911–1986) – разведчик-нелегал, подполковник. В 1936 окончил Московский текстильный институт по специальности «инженер-энергетик». В 1937 направлен в органы НКВД, с 1938 – на разведработе в США. Привлек к сотрудничеству 20 агентов (в том числе и супругов Коэнов – будущих Героев России). В СССР был вывезен штамм очищенного пенициллина, работал по проблеме создания атомного оружия.

Передал в Центр суперсекретные тактико-технические данные о военных самолетах, а также об стратосферном аэроплане. В 1943 им заинтересовалась американская контрразведка, которая установила за ним плотное наружное наблюдение. В конце 1943 отозван в СССР, затем направлен во Францию, где завербовал ряд ценных агентов, от которых получил информацию по аэродинамике, физике, авиации, добыл ценнейшие материалы по кибернетике. В 1949 назначен начальником отделения Комитета информации при МИД СССР. В 1950 в период борьбы с космополитизмом уволен из органов МГБ. В мае 1953 восстановлен в органах госбезопасности, и принят на работу в разведывательно-диверсионный отдел МВД. В августе 1953 года вновь был уволен из органов без пенсии: ему припомнили увлечение кибернетикой (лженаука) и использовали донос о его фривольном поведении во Франции. Кочегар в котельную текстильной фабрики. Позже работал переводчиком технической литературы в издательстве «Прогресс». В 1970-х восстановлен в кадрах КГБ с назначением пенсии.

Кремер Симон (Семён) Давидович («Барч») (1900–1991) – разведчик-нелегал, генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза. В декабре 1917 года вступил в Красную Гвардию. В 1936–1937 состоял в распоряжении Разведывательного управления РККА. В 1937–1942 – секретарь военного атташе в Англии, завербовал несколько ценных агентов, в том числе физика Клауса Фукса, который передал ему принципы устройства атомной бомбы, расчёт необходимого количества изотопа урана и технику его изготовления. По этому донесению Берия 10.03.1942 сделал доклад Сталину, на основе которого было издано постановление ГКО о начале атомного проекта. В 1943 Фукс стал участником «Манхэттенского проекта» и продолжал поставлять важную информацию. С июля 1943 Кремер на фронте в должности полковника, в 23.08.1944 ему присвоено звание Героя Советского Союза, а в 13.09.1944 – воинское звание «генерал-майор танковых войск». Участвовал Кремер в советско-японской войне. С 1956 в запасе.

Литвин Залман Вульфович («Мулат») (1908–1993) – разведчик-нелегал, полковник. В РККА с 1929. В 1930–1934 в Китае, выполнял задания по сбору информации о военном потенциале Японии. Нелегальный резидент военной разведки в США (1938–1945). В 1938 создал агентурную сеть, в ноябре 1945 покинул страну после предательства шифровальщика аппарата военного атташе в Канаде И.Гузенко. С 1946 работал в Европе, затем по возвращении в СССР преподавал до 1953 года в Военно-дипломатической академии Советской армии. В начале 1953 уволен. В 1956–1993 годах научный сотрудник ИМЭМО.

Черняк Ян Петрович (Янкель Пинхусович, – «Джен») (1909–1995) – разведчик-нелегал, Герой России. Окончил Пражское высшее техническое училище и политехнический институт в Берлине, где с 1930 – агент советской военной разведки. В 1931–1932 проходил службу в румынской армии, имея доступ к секретным документам, передавал их содержание в СССР. В 1934 возглавил самостоятельную резидентуру. В 1935–1936 учился в разведшколе в Москве, затем выехал в Швейцарию под видом корреспондента ТАСС, с 1938 проживал в Париже, а с 1940 в Лондоне. Регулярно выезжая в 1936–1939 в Германию, создал там мощную разведывательную сеть, «Крона». К началу Второй Мировой войны члены его группы занимали видные позиции в руководстве Рейха. 12.06.1941 – до сообщений Зорге и Треппера, – передал в Москву секретный приказ главнокомандующего сухопутными войсками Германии о сроке нападения на СССР, в 1943 добыл оперативный план немецкого наступления под Курском, передавал ценную техническую информацию о танках, артиллерийских орудиях, по реактивному вооружению, разработкам химического оружия, радиоэлектронным системам. Сеть Черняка была одной из лучших в истории разведки – в ней не было ни одного провала за 11 лет работы. Черняк с 1942 также передавал информацию по атомным исследованиям в Англии, завербовал физика Аллана Нанна Мэя, который участвовал в программах создания ядерного оружия «Тьюбэллоуз» в Великобритании, а затем в «Манхэттенском проекте». Мэй передал данные об установках для разделения изотопов урана, схему атомного реактора, описание принципов его работы и процесса выделения плутония. Практически весь цикл получения оружейных материалов для атомной бомбы Аллан Мэй уложил на 130 листах доклада, который попал в руки Курчатова в октябре 1942 года. Черняк в 1943 переправлен в Канаду, где в это время активно действовали несколько советских шпионских организаций по атомной тематике. Судьбу Черняка решил шифровальщик И.Гузенко, который, прихватив из сейфа секретные документы, вместе с женой и сыном 5.09.1945 попросил политического убежища. Черняк был срочно отозван в СССР. Руководство ГРУ ГШ представило его к званию Героя Советского Союза. Но Сталин был крайне недоволен изменой Гузенко, и в награждении было отказано. С 1946 Черняк работал референтом в ГРУ, с 1950 –

переводчиком в ТАСС. Привлекался к выполнению разведывательных заданий. С 1969 на пенсии. 14.12.1994 ему присвоено звание Герой России.

Коваль Жорж Абрамович (1913–2006) – разведчик («Дельмар»), Герой России (посмертно). Родился в США). В 1932 семья Коваль вернулась в СССР. В 1940 после подготовки в ГРУ, начал разведывательную работу в США. В 1943 вступил в ряды армии США и попал в отряд, обслуживающий Манхэттенский проект. В Окридже в качестве химика-технолога Коваль поднимался по служебной лестнице, получая доступ ко всё более ценной информации. В декабре 1945 – феврале 1946 передал в Москву способ производства нейтронного запала атомной бомбы. Он – единственный советский разведчик, проникший на секретные объекты, где производились плутоний, обогащённый уран и полоний. В конце 1948 Коваль возвратился в СССР и поселился с семьёй в Москве. С 1953 почти 40 лет преподавал в Московском химико-технологическом институте.

Мукасей Михаил Исаакович (1907–2008) – разведчик-нелегал, полковник. В 1937 стал слушателем школы Разведуправления Красной Армии. В 1939 выехал на работу по линии военной разведки в Лос-Анджелес. В 1943 вернулся в Москву и преподавал в разведшколе. С 1955 – нелегал в Швейцарии, в США и в Израиле («Зефир»). М.И. Мукасей и его жена разведчица-нелегал Елизавета Ивановна («Эльза») 30 лет вели разведку на нескольких континентах. В 1977 они вернулись в Москву. Он занимался подготовкой молодых нелегалов, написал учебные пособия для разведшкол, был профессором российской Академии проблем безопасности.

Гуревич Анатолий Маркович («Кент») (1913–2009) – разведчик-нелегал, капитан. В распоряжении ГРУ РККА с 1937, направлен в Испанию, где прослужил года в звании лейтенанта, был переводчиком при командаре Г.М.Штерне. В 1938-1939 проходил подготовку в Управлении для нелегальной работы за рубежом. В 1939-1942 находится на нелегальном положении в Бельгии и Франции. Наладил связь с немецким офицером, обер-лейтенантом – антифашистом Шульце-Бойзенем, одним из руководителей «Красной капеллы», что дало возможность регулярно получать сведения чрезвычайной важности. В ноябре 1942 «Кент» и его жена Маргарет были арестованы в Марселе. 10.11.1942 французская полиция передала Гуревича и жену в распоряжение гестапо. На допросе Кенту предъявили радиogramмы, излагавшие задания, которые он получал, его шифровки в Центр. Ударом для Гуревича стали радиogramмы, которые от его имени гестаповцы передавали в Центр, когда он уже был под арестом. Гуревичу удалось в одной из шифровок сообщить в Центр о том, что он под немецким контролем и Центр принял решение продолжить «радиоигру». 21.06.1945 на военном самолёте вернулся в Москву с важными документами и завербованным высокопоставленным эсэсовцем Х.Паннвицем. Сразу по приезде был арестован. В 1945–1947 находился в тюрьме НКВД, следствие возглавлял Абакумов. В январе 1947 приговорён к 20 годам заключения, по октябрь 1955 находился в лагерях Воркуты. В 1955 освобождён по амнистии, но не реабилитирован. Одновременно были освобождены и покинули СССР Леопольд Треппер и другие антифашисты. Треппер написал книгу, где вину за провал бельгийской «Красной капеллы» возложил на «Кента» В 1958 Гуревич был снова арестован, в 1960 освобождён из мордовского лагеря условно–досрочно. Позже реабилитирован.

Конечно, Кузнецов не мог всё это рассказывать. Я добавил для полноты картины. Мне всегда было интересно – можно ли выжить в мясорубке. Упомянутые выше еврей-разведчики демонстрируют: можно! Они всю жизнь ходили по лезвию ножа, в разных странах, сидели в тюрьмах, их приговаривали к расстрелу. Уж не говорю о несправедливостях судьбы. И что? Все они умерли в своей постели, окружённые безутешными чадами и домочадцами, причём в возрасте солидном: Адамс – 84, Эйтингон – 82, Хейфец – 85, Семенов – 75, Кремер – 91, Литвин – 85, Черняк – 86, Коваль – 93, Мукасей – 101, Гуревич – 96 лет.

Нам бы так!

Оглавление

<i>От автора</i>	1#
<i>Прощай Клязьма</i>	3#
<i>Прощай Москва</i>	5#
<i>Москва - Якутск</i>	7#
<i>Якутск</i>	12#
<i>Воспитательница</i>	16#
<i>Строганина</i>	17#
<i>Якутская сказка «Почему зима длиннее, а лето короче»</i>	18#
<i>Дела алмазные</i>	18#
<i>Удача</i>	18#
<i>Алмазные анекдоты</i>	21#
<i>Якутск – Батагай</i>	38#
<i>Батагай</i>	45#
<i>Одеколон Лаванда</i>	60#
<i>Погреб</i>	61#
<i>Разочарование</i>	62#
<i>Баня</i>	63#
<i>День победы</i>	67#
<i>Тщетная предосторожность</i>	69#
<i>Монархоанархизм</i>	70#
<i>Баллистическая теория</i>	74#
<i>На просторах Родины чудесной.</i>	78#
<i>Пирожок</i>	79#
<i>Светский раут</i>	80#
<i>На почте</i>	84#
<i>Письма</i>	85#
<i>Философия на брёвнах</i>	87#
<i>Бичи</i>	89#
<i>Наука гитик</i>	91#
<i>Везде евреи</i>	94#

Игорь Н. Бекман

ВЕРХОЯНСКАЯ САГА

или

КАНИКУЛЫ В АДУ

или

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Часть 2.

Комплементарность

*Во всём есть своя мораль,
нужно только уметь её найти!*

Просматривая свои заметки о батагайских бдениях вдруг обнаружил, что рассказываю в основном о мужчинах. В принципе, понятно – именно с ними я и общался. Но это вовсе не значит, что в Якутии женщин нет. Без тёток жить нельзя на свете, нет! Были женщины, да ещё какие!

К нам в Центр вечерами регулярно являлись две дамы. Всегда вместе. В бильярд они не играли, просто общались, иногда перекидывались в карты (дурак, девятка, кинг), в домино или лото. Были они близкими подругами, жили в соседних комнатах в бараке, вели совместное хозяйство, вместе ходили в клуб, в кино и т.п. Непрерывно разговаривали друг с другом, так что сразу вспоминался анекдот, как две дамы просидев 10 лет в одной камере, вышли из тюрьмы, но на пороге так увлеклись беседой, что не смогли расстаться. Закадычная дружба не мешала им постоянно (читай – непрерывно) ругаться друг с другом (вплоть до драки). Бабым матом они крыли друг друга только так.

Одну звали Настасья Филипповна Тютчева. Как только она называла себя при знакомстве, все образованцы вспоминали "Идиот" Достоевского, в купе с Тютчевым и его "люблю весну в начале мая". Видя проснувшийся интерес, она незамедлительно разъясняла, что к поэту отношения никакого не имеет, ни в каких родственных связях с ним не состоит. Просто так вышло... А вот Настасья Филипповна – давняя задумка. Её дед под впечатлением романа Достоевского, назвал сына Филиппом, поручив ему, если родится дочь назвать её Анастасией. Тот так и сделал. Прочтя в школе "Идиота", НФ сделала всё, чтобы не походить на свой прообраз.

Одевалась она, как учительница классической гимназии: тёмное платье, белый воротничок в кружевах, небольшой кулон на цепочке. Волосы собраны в пучок. Работала она в Исполкоме, отвечала за пенсионеров, детсадовцев и почему-то за технику безопасности на близлежащих рудниках. Её побаивались. Мужиков, как ухажёров, она игнорировала. Поэтому, сплетничая в своём кругу, мы вывели заключение, что имеем дело с синим чулком (в том смысле, в каком мы понимали этот предмет наших многодневных интенсивных дискуссий). Сухая педантка, лишена женственности, интересы у неё книжные, хуже того – интеллектуальные; зануда, строга, замкнута, ворчлива и раздражительна; живёт в тоске и одиночестве. Хотя возможно она просто фригидная женщина. Правда, не знаю, что это значит – обсудить не успели.

В те времена я ничего не знал о жизни Евгении Гинзбург, матери писателя В.Аксёнова, но, прочтя её "Крутой маршрут", обнаружил, поразительное совпадение их судеб. НФ тоже работала в редакции районной газеты, была партийным работником (в

партии с 23 лет), замужем за крупным местным начальником, имела сына. Она не донесла на редактора-троцкиста (сам редактор узнал, что он троцкист только на следствии). Редактора и мужа расстреляли, сына отобрали и отправили в детдом под другой фамилией, а ей впаяли 10 лет, из которых она провела в лагерях восемь. Однако, попала она в наши края не по прошлому делу, а за немодное сейчас прославление Сталина. Была она яркой сталинисткой. Когда Сталин умер, она и так была в лагере доходягой, а тут чуть концы не отдала, от горя рыдала месяц и почти ослепла. Теперь она пользовалась любым случаем, чтобы прославить вождя. Хрущёва она ненавидела до потери пульса. Живодёрами были все члены Политбюро, один из главных (много хуже Берии) – Хрущёв, именно на него приходится максимальное число казнённых, Сталин пытался его утихомирить, но это не всегда удавалось. Все достижения страны: расширение территории, сильная армия, атомное оружие, ядерные реакторы, гигантские гидростанции, ликвидация частной собственности, уничтожение буржуев, попов и помещиков, спутники, ликвидация пятой колонны и врагов народа, не говоря уж о победе в Великой Отечественной войне – результат гения Сталина. Сейчас потомки проедают его наследство, да ещё глумятся над его памятью, вот выкинули его из Мавзолея. Но Сталина вспомнят. Ох, как вспомнят. Святым сделают.

Естественно власть имущим такие разговоры не нравились, её уже не сажали, но двигали на северо-восток. Дальше некуда, разве что в Америку.

Впрочем, в нашем обществе она свои политические взгляды высказывала редко. Подруга её, Оксана Тарасовна Дорошенко, колоритная украинка (в русском понимании этого термина), шумная и активная, была полной противоположностью своей подруги. Работала она журналистом в редакции местной газеты "Верхоянский коммунист". В лагеря попала как немецкая подстилка. До войны была освобождённым секретарём в райкоме комсомола. Одновременно выступала в самодеятельности: пела и плясала. Карьере то помогала, то мешала её сексуальная активность. Мало того, что она до войны была два раза замужем, она ещё и изменяла своим суженым направо и налево. Когда пришли немцы, она стала с ними дружить, петь в кинотеатрах, в ресторанах, на вечеринках. Довольно долго подрабатывала проституцией.

Потом захомотала майора Фрица, жила с ним и даже родила ему сына. Подпольщики неоднократно просили её передавать сведения, что выбалтывал офицер, потом вообще предложили ей помочь похитить сожителя, или попросту убить его. Она тянула и тянула. Наши пришли, немец с сыном слинял. Её, естественно, посадили. Отмотала она полсрока, жила с начальством, и выкарабкалась.

В наших краях она себя вела довольно вольно, каждый мог рассчитывать на её благосклонность, хотя у неё, вроде, был постоянный друг.

Как много девушек хороших!

А тянет всё-таки к плохим...

Как и в случае с НФ, у нас возникла дискуссия, как называть ОТ: блядь/шлюха/проститутка/шалава/курва/потаскуха/лярва/куртизанка/прошмандовка. После длительных дебатов консилиум постановил: считать всем этим одновременно.

Сюда её сослали тоже не за прошлые дела, а за длинный язык. Она была диссиденткой, боролась за национальную чистоту элиты. У неё был идеал – академик-математик из МГУ Игорь Шафаревич (мальчик из Житомира, как и она), лауреат Ленинской премии. Особенно её привлекал его антисемитизм. Евреев она терпеть не могла с детства, а тут получила идейную, можно сказать – мировую поддержку. Ведь ещё в начале века француз Огюстен Кошен обратил внимание на угрозы от "малого народа": антинациональная элита навязывает "большому народу" свои идеи и теории. Это и причина, и движущая сила французской революции. Шафаревич распространил эту мысль на Россию: именно феномен "малого народа" определил Великую октябрьскую революцию. А кто у нас малый народ? Естественно – евреи. Уж не корейцы, чукчи или варяги. Она призывала нашего Михаила Семёновича (МС) ответить за расстрел царской

семьи. Типичное для евреев ритуальное убийство. Шафаревич открыл, что один из убийц царя Белобородов на самом деле Вайсборд, а непосредственно застрелил царя еврей Юровский известный как Яков Михайлович, на самом деле Янкель Хаимов. Напрасно МС возражал, что рабочий Белобородов был 100% русский, что Юровский не мог участвовать в еврейских ритуалах, поскольку был лютеранином, что палили из пистолетов все: и русские (Ермаков, и Медведев), и мадьяры (то же – малый народ?), и расстрел они вели не по собственной инициативе, а решению (приказу) УралСовета, состоящего из русских. ОТ только смеялась над этой чепухой. Так они и перепирались: Михаил Семёнович утверждал, что все деятели, принёсшие миру благо были евреями, а ОТ провозглашала, что евреями были все принесшие этому миру вред (включая Ленина). Эта яростная вражда не мешала им быть любовниками.

Отношения НФ-ОТ и ОТ-МС были интересны как примеры комплементарности. До этого я с таким явлением не встречался.

Комплементарность – соответствие, взаимодополняемость, взаимосоответствие, т.е. взаимное соответствие и дополнение частей при образовании целого.

Примеры комплементарности может привести каждый: замок и ключ, болт и гайка, кинжал и ножны, пестик и ступка, поршень и цилиндр в моторе, спирали молекул ДНК, адсорбат–адсорбент, игры пазл, леги, тетрис и т.п. мужские и женские гениталии, наконец. Болт и гайка внешне не похожи друг на друга, но они могут образовать единую прочную конструкцию. Но могут и не образовать. Для создания крепления болт и гайка должны быть комплементарны, т.е. не только диаметры болта и отверстия совпадать, но и одна резьба точно

идти по другой (желательно без смазки).

Противоположности сходятся
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.

Но не надолго. Ленский с Онегиным месяц прокомплементарились, потом Онегин пристрелил Ленского, хотя Ленский первым возжелал замочить приятеля, только стрелял плохо.

Комплементарность – комплементарностью, но пары НФ-ОТ и ОТ-МС были устойчивы. Они любили и поддерживали друг друга. Потому и выжили.

Пациентка

Вы, конечно, безгрешны, ну а я без стыда.

Сидел я скромно на крылечке, соображал где бы как-то похимичить. Возник Анархист с идеей моего грамотного использованием. Во врачебном качестве! Оказывается Варя, с которой я имел честь общаться на Светском рауте, обожглась. Йодом!

На вопрос: а я тут причём? Анархист отвечал, что йод – вещество химическое, следовательно, с ним может справиться только химик в образе врача. Тебя представили как студента, а специальность скрыли. Будешь врачом – фармацевтом.

– Таких не бывает!

– Но будет! Место обожгла она интимное, придётся ей раздеться. Перед химиком неудобно, а перед врачом – запросто. Так что будешь врачом-терапевтом с химическим уклоном.

Что ж, дело интересное.

Это у Чехова, кажется, один ушлый мужик прикинулся врачом-гинекологом и занялся осмотром чужой жены. Будем внедрять литературу в жизнь.

В принципе, ко мне обратились по адресу. В школьные годы я много возился с этим элементом. Упаривал его спиртовые растворы, выделял кристаллический йод, возгонял его. Этот элемент в больших количествах требовался для приготовления йодистого азота – шумной, но безопасной взрывчатки. Бывало синтезнёшь этот азид, польёшь его раствором кусок пола в коридоре от учительской до класса. Раствор высыхает, и продукт взрывается от прикосновения пёрышка. Тем более – от туфли или ботинка. А взрывается он необычайно громко. Так что училка подпрыгивает на пол-метра и скачет по коридору, и чем дальше скачет, тем больше грохота. От хохота мы лежали...

Однажды сидел я дома в своей маленькой комнате, раскачивался на стуле и одновременно синтезировал йодистый азот. Какой-то мудака (не побоюсь этого слова) написал в методичке, что продукт следует промыть эфиром. Я промыл. Эфир, естественно, мгновенно испарился, я чуть отвлёкся и начал повторную промывку. Первая же капля устроила взрыв, весьма мощный, ведь взрывчатка была размером с кулак (это вам не порошок для училки). Я полетел вверх тормашками, комната наполнилась едкими фиолетовыми парами. Влетевшая мать с трудом разглядела болтающиеся в воздухе ноги сына. Так что методы борьбы с йодными поражениями я испытал на себе.

Потом и на других. В походах, на картошке, в лагере или ещё где, крепко спавшим ленивцам йодной настойкой писали на лбу что-то краткое, типа лох, чмо или ещё что, не менее умное. Я помогал страдальцам избавиться от порочащих их надписей. К матери моей по поводу йодных ожогов неоднократно обращались соседи. Ожоги получали борцы с прыщами и угрями, с простудными заболеваниями, с пузырьками вокруг века, с заусеницами, с болезнями костей ног, с ликвидацией татуировок, с шишками на ногах. Лечились по заветам бабушек.

Но были и новации.

Одна мазохистка лезвием бритвы написала на руке имя мальчика, а чтобы родители не увидели, замазала всё йодом. Последствия не заставили себя ждать, ожог, красные следы, шрамы. А приятель к другой ушёл. Новый наклёвывается. Старого с кожи убрать надо. Другая прижигала йодом прыщи и пошутила: нарисовала себе йодом ещё носик и усы, как у кошки. Как ни странно, прыщи прошли, а кошкин носик и усы остались, в коричневом, а затем и в красном виде. Месяц пришлось в школу ходить в таком виде. Реакция общества предсказуема. Однако бывали и парни – выдумщики. Один смазал йодом порез на пальце и не удержался – написал йодным пальцем на лбу краткое слово \$уй. Поскольку он был наголо стрижен, то надпись выглядела впечатляюще, особенно для пассажиров электрички, на которой он добирался до своего техникума.

Народ применял йод для разных целей, но не рассчитывал дозу: либо сплошь мазал кожу, либо наносил сетку, не понимая, что линии ни в коем случае не должны пересекаться. Иначе – ожоги.

Имея богатый опыт, я бодро отправился выручать даму.

Анархист постучался и, не дожидаясь ответа, со словами: "К вам врач" впахнул меня во внутрь. Затем удалился. Комната была небольшой и светлой. Половину её занимала трёхспальная кровать, на подушках которой возлежала пышная красавица, широко раздвинув ноги. Я успел заметить, что между них у нее всё тщательно выбрито. Так близко и так чётко наблюдать женские гениталии мне ещё не приходилось. Член мой стал медленно подниматься, но я приказал ему вести себя тихо. Я ведь врач, а не клиент в публичном доме.

– Ах! – воскликнула она и слегка прикрыла срам кончиком одеяла. Всё остальное осталось обнажённым. А тут было на что посмотреть. Варенька весила на пуд больше меня при росте ниже сантиметров на 25. Большие груди с хорошим арбузом каждая свисали в стороны, топорщась стоячими сосками. У тёток груди под номерами; не знаю, какой он здесь, но где-то под десять. Удивлял цвет молочных желёз (будем выражаться культурно):

они были буро-коричневыми, местами с сизым оттенком, а по окрестности – красными. Понятно: йодный ожог.

– Как Вы так?

– Сетку делала, переборщила.

– А зачем?

– Грудь увеличивала.

Тут я удивился. Чем мала грудь размером с футбольный мяч? По мне так самый раз. Грудь размером с ведро уже, пожалуй, перебор. Зачем такую красоту портить?! Эту мысль я попытался озвучить. Совершенно искренне, без всякой лести.

– Ах, доктор, Вы не понимаете. Размер ещё туда-сюда, но форма не та, и отвисает, зараза.

Варенька села и груди опустили ей на живот.

Действительно, проблема есть.

– У нас в райкоме новый инструктор. Завтра вечер, танцы. Я хотела всех, его особенно, поразить новым платьем. Два года шила! Для декольте с глубоким вырезом нужна пышная грудь, с большим размером и формой красивой. В вечернем платье с такой грудью буду стройной, линии тела станут изогнутыми и привлекательными. И для мужчин и для женщин. Известно, что сетка йодная усиливает приток крови к мышцам, вот грудь и формируется. А чем сетка гуще, тем эффект больше. Мне за два дня новую грудь создать надо! – у Вареньки навернулись слёзы – А теперь что, как пред ним раздеваться? Вид-то какой!

Варенька приподняла груди, поглядела на них и зарыдала.

Я понял – здесь трагедия. Из серии: заставь кое-кого богу молиться, тот себе лоб расшибёт.

Но почему-то сначала озаботился судьбой инструктора партии.

Дело прошлое, но однажды Варенька с мужем несколько перепили, поругались и подрались. Муж попытался отрезать ей голову. Широкий волнистый шрам и сейчас опоясывал её горло. Но она не растерялась, тем же ножом зарезала мужа. Ну и загремела сюда. Так может партийному инструктору повезло, что Варя обожглась и на него покушаться не может?

Хотел процитировать ей народную мудрость:

Пышный бюст иметь хотите, чтобы грудь была краса?

Сиськи в улей опустите и держите пол часа!

Но не стал: ульев здесь нет.

Отогнал неправильные мысли. Есть больной, его надо лечить. Клятва Гиппократа...

Методик много. Но я стеснен в средствах. Аптеки здесь нет, придётся лечить тем, что под рукой, и это что-то надо ещё найти.

Конечно йод, нанесенный на кожу, уже частично испарился, но оставшаяся часть всосалась в кровь. В принципе, это полезно, йод для организма нужен, особенно для щитовидки. Дело тут в дозе. При высокой локальной концентрации он продолжает своё разрушающее действие, соски особенно пострадать могут. Йод надо незамедлительно извлечь из организма. Но как?

Базовых средств: барсучьего жира, облепихового, розового и даже пихтового масла тут нет; мёд может у кого и есть, но по всему посёлку искать надо. Если бы она спохватилась сразу, то можно было бы поместить груди в таз с горячей водой, сидеть так пол-часа, потом всё смазать вазелином и посыпать молотым кофе. Но никакого кофе нет, да и время упущено – ночь прошла. Можно всё обработать взбитым яйцом, или приложить компресс из натёртого на мелкой тёрке сырого картофеля. Ни того, ни другого у нас нет. Ожог полагается обработать спиртом. Его нет, но самогон есть. Я как раз начал его нарабатывать в полупромышленных масштабах. Была у меня одна канистра с крепким (под 70°) самогоном, с сивушными маслами и метиловым спиртом. Пить его нельзя, но для таких целей – самое то. Намочил я платок спиртовым раствором и начал его

прикладывать к грудям Вареньки. Затем перешёл к массажу каждой двумя руками, кругами против часовой стрелки. Варенька сначала морщилась от щипающего спирта, затем прогнула спину, выпятила груди и двигалась корпусом в такт. Лечение ей нравилось. Стал я активно сосать соски: мне йод полезен от простуды. Потом промыл всю кожу слабым раствором марганцовки, затем мыльным раствором и, наконец, всё присыпал зубным порошком. Велел обмотаться теплой шалью и так пока оставить. В качестве рецепта прописал заваренную кипятком геркулесовую кашу (овсянку) как маску проблемной зоны и промывание 20% раствором сахара, который не поленился сам и изготовить. Посоветовал также сметану, если её удастся достать.

Вымыл руки, вытер их вафельным полотенцем с петухами и удалился с сознанием выполненного долга, хотя мне показалось, что Варенька ждала большего.

Лечение моё было успешным. Варя в бальном платье с глубоким декольте, открывавшим пышную, загорелую, даже слегка красноватую грудь, на вечеринке имела успех. Инструктора горкома удалось затащить в постель, а обо мне по Батагаю поползла слава эскулапа.

Косметика

На свидании Рабинович спрашивает Сару:

— Ты, наверное, любишь рисовать?

— Да, Яша, а как ты узнал?

— По бровям видно!

Пришла ко мне делегация дам во главе с Варей. Не знаю, как они скорешились, вроде друг друга терпеть не могут. Объединила их одна проблема – отсутствие косметики. Жизнь у них прекрасная, всего вдоволь, а вот косметики нет. Никакой. Поэтому и красоты нет – мужики с глупостями не пристаю. То есть пристаю, но не те.

– Так у меня тоже ничего такого нет.

– Нет, так сделай! Химик ты или кто?!

Если я чем и не интересовался в этом мире, так это женской косметикой. Плохо был образован в этой сфере. Гуталин я ещё бы мог произвести, но губную помаду, тушь для ресниц, карандаш для бровей, пудру, краску для волос, тени... Что-то вы от меня много хотите.

Но слово женщины для меня закон. Все знают.

Что главное в косметике? Главное – цвет, вернее цвета: помада должна быть красной, тушь чёрной, тени, пудра цветными. Следовательно, нужны красители, пигменты яркие, стойкие и не токсичные, чай не керамику красить. А где их взять? Об органических красителях не может быть и речи. Конечно, при заводском производстве помады используют кармин. Замечательный красный краситель получают из карминовой кислоты, производимой самками насекомых кошенили. Увы! У меня не только самок, вообще кошенили нет, я даже не представляю что это такое. Из насекомых у меня только комары, ресурс неограниченный, но для наших целей бесполезный. Хна тут почему-то не растёт, так что листьев её нет, кожуры незрелых грецких орехов (источник жёлтой краски) нет. Цветы зверобоя продырявленного (тёмно-фиолетовый и тёмно-красный пигмент) может где поблизости есть, но я их пока не нашёл. Жаль, конечно, они ведь ведьм отгоняют. Было бы кстати. Тут у нас, что ни дама – то демоническая женщина (ведьма в просторечии). Короче, на природные органические красители рассчитывать не приходится, а на искусственную органику тем более не замахнёшься: затеваться с многостадийным синтезом нет ни времени, ни аппаратуры, ни настроя.

Остаются неорганические красители, синтез их проще, но главное – они есть в природе, причём искать их не надо, здесь на складе Геологического Центра скопилось огромное количество образцов пород со всей округи. Наверняка есть и нужные.

Идея ценная.

Пошёл я на склад, вручил сторожу фляжку с самогоном, и принялся перетряхивать мешки и мешочки. Два часа интенсивного труда, и я – счастливый обладатель минералов:

ильминит, анатаз, рутил – источники диоксида титана, TiO_2 , т.е. титановых белил; бурый железняк, с повышенным содержанием жёлтой охры (гидрат оксида железа, $2Fe_2O_3 \cdot 3H_2O$) – источник жёлтого красителя; гематит (железный сурик, безводный оксид железа, Fe_2O_3) – красный пигмент; минералы эсколаит и магнохромит (оксид хрома, Cr_2O_3) – зелёный краситель, не знаю зачем, но может где пригодится; лазурит ($Na_6Ca_2(AlSiO_4)_6(SO_4,S,Cl)_2$), который можно переработать в ультрамарин (алюмосиликат натрия с включением полисульфидов натрия) и получить краситель с синими, розовыми и фиолетовыми оттенками; стибнит (антимонит, сурьмяный блеск, сульфид сурьмы, Sb_2S_3) – источник красивого свинцово-серого цвета с сильным металлическим блеском чёрного цвета. Были ещё другие очень красивые минералы, но они на базе кадмия, свинца, ртути, мышьяка, урана (урановых слюдок тут много). Брать их не стал – ещё отравлю подруг. Прихватил тальк, слюду, несколько цветных глин, и удалился.

С чёрным цветом особенно не озаботился: измельчил древесный и костяной (слоновой кости не оказалось, пришлось жечь мамонтовую) уголь – считай краска для век готова.

Всё же руды-минералы в косметику прямо не засунешь, перерабатывать надо. Требуются кислоты, щёлочи, высокая температура. Здесь – порядок, у меня всё есть. Конечно, имея серную кислоту, а её тут навалом – отработанные автомобильные аккумуляторы валяются прямо во дворе, можно получить любую (я так и делал в некоторых забытых богом уголках нашей страны), но здесь в этом нет необходимости. Прямо в доме, где я живу, находится геохимическая лаборатория, изучающая качество руд, и поэтому имеющая щелочи и кислоты в ассортименте. Попросил – налили. А печь в конторе Анархиста мощная, температура высокая, если что прокалить – всегда пожалуйста.

Начал с губной помады. Естественно, с красителя. Природный безводный оксид трёхвалентного железа у меня был и даже довольно красивый, но ведь это только один цвет, а у красного много оттенков, следовательно, и помад должно быть несколько. Иначе у всех батагайских дам губы будут одинаковыми, что вредно. Решил синтезнуть собственный оксид железа. Конечно, можно достать железяку и жечь её до превращения в порошок. Только этого ждать, не дождёшься. Можно прокалить железный купорос с кальцинированной содой, где-то у строителей эти полупродукты я видел, но где не помнил. Чтобы получить пигмент разных оттенков использовал две методики: 1) растворение железа в азотной кислоте, нейтрализация гидроксидом калия, фильтрование и прокаливание; 2) растворение железа в соляной кислоте с добавкой перекиси водорода, H_2O_2 , нейтрализация KOH , фильтрование и прокаливание. В результате имел три красных красителя трёх оттенков. Старательный я.

Дальше всё просто. Парафин от свечи, масло касторовое (в детском саду глистов гонят, тётки чаще в туалет бегать будут, но – не беда), краситель мелко истолчённый, немного витамина А (экстракт из моркови) и витамина Е (из подсолнечного масла) – противовоспалительные средства. Всё перемешал, расплавил, залил в патроны от папирос. Готова помада!

Под действием сурьмы мой глаз стал таким. Ну, почти таким.

Тени для век вообще не проблема: жир (кажется – свиной), парафин да краситель. Красители у меня всех цветов: серые, чёрные, красные, синие и зелёные. Выбирай подруга! Можно в виде пасты, а можно – карандаша. Заодно подобрал глину для маски лица: разглаживания морщин, снижения жирности кожи, лечения угревой сыпи. Ну, у кого что есть. Растёр в пыль антимонит – можно им контуры глаз обвести. Каждый знает, что сурьмяная обводка, защищает глаза от воспалений. С пудрой тоже просто: размолот тальк и каолин (белая глина), немного масла, чуть-чуть одеколона, и пудри носик подруга.

Не прошло и суток, как я стал обладателем приличного косметического набора. Надо испытать. Намазал губы кошки помадой, припудрил морду собаки. Никто не подох. Начал испытывать продукцию на себе. Художественно оформил один глаз, написал на лбу звезду Давида, усы покрасил в сизо чёрный цвет, верхнюю губу – в кораллово красный, нижнюю – в сиреневый, бороду (только правую сторону) в ярко рыжий цвет. Посмотрел на себя в зеркало. Замечательно! Жаль цветного фото тогда не было, вы бы насладились. И никаких признаков отравленья!

Сидел, смотрел, не мог оторваться. Химия – большая сила. Да и я силён. В другое время, в другом месте миллионером бы стал.

Однако пора было смывать красоту. Постучал в стену, попросил Ньюру принести тазик с теплой водой. Она вошла, глянула, тихо села, таз опрокинула. Вода потекла мне под ноги. Уж не Кондратий ли её хватил? Обошлось, нашу киллершу красотой и водой не замочишь. Подарил ей немного пудры.

Долго мылся, тер морду портянками, но краска оказалась стойкой, так что я ещё долго ходил, как клоун. На радость публике.

Варенька забрала всё себе, другим не досталось, они обиделись. Она же меня отблагодарила, я утонул в ней, как в перине. С пружинами!

*Упрекал меня милой,
Что намазалась золой,
Что за преступление,
Ведь это удобрение*

Черемша

*Чтобы не было седин,
Съешь скорее витамин.*

Во время Батагайского сиденья, особенно в период безденежья, я целыми днями бродил по окрестностям посёлка, временами довольно далеко удаляясь от него.

Берега Яны поросли неизвестно чем, но довольно густым.

Начинал свой путь по берегу Яны. И так довольно широкая, река сейчас по случаю весеннего паводка казалась безбрежной. Мощно катила она свои воды на Север. Казалось,

движется, как поток расплавленного металла, но не ртути, а скорее серого олова. То, что это именно расплав, подтверждали испарения, поднимающиеся от реки и конденсирующиеся в туман, временами наползающий на посёлок. Иногда туман и тучи рассеивались, над головой возникало синее небо с постоянно бродившим по нему никогда не заходящим за горизонт солнцем, а в реке возникало второе солнце, так что ты как бы парил между небесами.

В поселке по берегу бегали мальчишки, бродили женщины. Они собирали всё, что принесла сверху река (за исключением льдин, естественно). В основном это был мелкий плавник, но попадались деревья с корнями, бревна от срубов, даже доски. Всё это они тащили себе домой. Печи топить надо, а нечем: в округе всё истреблено. Ловить плывущие дрова было сложно: ни багров, ни лодок. Временами приходилось бросаться в ледяную воду и чуть ли не вплавь ловить проплывающую мимо добычу.

Половодье заканчивалась, вода отступала и обнажала выброшенное на берег добро, которое ещё надо было обнаружить и извлечь из песка. То же работа...

Встречались и одинокие рыболовы с удочками. Интересно, на что они ловят - червей здесь нет.

Над рекой на больших скоростях проносились чайки, иногда скапливались в стаи и кричали дурными голосами. Пальнул по одной из дроба, но промазал. Не больно-то и хотелось, была бы она розовой – другое дело, я бы весь боезапас истребил. Периодически появлялись стаи диких гусей, журавлей, лебедей. Они упорно пробирались на Север. Зачем? Сидели бы себе на юге, в раю, горя бы не знали. А тут что? Мёдом намазано?

Вид особей, стремящихся в дальнюю даль, настраивал на философский лад.

Кто только не прошёл через эти земли, не проплыл по этой реке. Землепроходцы, купцы, охотники, декабристы, ссыльные поляки и бандеровцы, крепостные и свободные крестьяне, народовольцы, большевики, меньшевики, эсеры, беглые царские каторжники и советские лагерники, урядники и милиционеры, чиновники, землепроходцы и путешественники, геологи и геодезисты, военные всех родов войск, речники-бакенщики, строители, инженеры, журналисты и писатели, недобитые дворяне, интеллигенция всех мастей и калибров, уголовники и ученые, якуты, юкагиры, чукчи, ламуты, орочи, эвенки и тунгусы (или эвенки и есть тунгусы?) – *все промелькнули перед нами, все побывали тут.*

Покорители Сибири!

Лучше бы дома сидели...

Берег Яны, сначала пологий, по мере удаления от Батагая становился всё более крутым и всё более заросшим тальником или чем-то в этом роде.

Замечание. Следует иметь в виду, что в те годы с биологией у меня было туго: я не знал, что как выглядит и что как называется. Лошадь от коровы я мог отличить и березу от ели, но не более того. Ни в животных, ни в птицах, ни в растениях, ни в рыбах, ни в кушаньях и выпивке я не разбирался. И если я сейчас щеголяю словечками типа тальник (кстати, это, часом, не ива?), то исключительно потому, что в двадцать одной экспедиции, в которой я участвовал, была возможность нахвататься информации. Да и то я не сильно тут продвинулся.

Снег уже растаял, но местами встречались глыбы льда, на обход или форсирование которых уходило много времени и сил. На обрывах чередовались слои льда и грунта. На песчаных косах – завалы плавника и мёртвых деревьев. Пацаны из Батагая сюда ещё не добрались.

По берегу Яны я шёл до речки Батагайки, и по-над ней двигался вверх по течению, к холмам. Речка небольшая, но рыбы в ней много. Не слишком больших размеров, но кушать можно. Не понятно, почему тут нет рыбаков: ведро набрать не трудно. Жаль мне ловить не чем, разве что, как в детстве, – трусами. Да уж больно холодно в здешних краях.

Говорят, в тут случается рунный ход лососёвых, когда рыбу можно ловить руками. Не знаю, не застал.

Ближайшие к посёлку холмы-сопки когда-то были покрыты тайгой (точнее лесотундрой), но теперь лес истреблён полностью. Конечно, он пытается возродиться самостоятельно, но если учесть, что столетняя лиственница имеет ствол диаметром 5 см, то можно представить, сколько это займёт времени. Болотистые склоны покрыты мхом и лишайниками. Идти трудно – ноги тонут. Кедр-стланник путается под ногами. Ему помогают заросли карликовой берёзки.

Природа ещё недавно была заморожена (полюс холода, как ни как), теперь просыпалась.

Появилась трава, в ней – мелкие цветочки. Зеленеет можжевельник, виднеются белые крестики брусники, воспрянули кустики голубики, на которых ещё сохранились прошлогодние ягоды (большие, размером с виноград). В болотах цветёт звездоплавка (водяная звёздочка). По сопкам, по распадкам – фиолетовый кипрей (иван-чай), не такой высокий, как у нас, но всё же мне по пояс. Сделал нам красиво! На вершинах сопки снег ещё сохранился, но тает, и многочисленные ручьи текут в распадки, растворяя сугробы. По склонам холмов леса довольно далеко друг от друга стоят молодые лиственницы. Сначала они были чёрными, но потом зазеленели мягкой хвоей и даже зацвели.

Обычно я взбирался на ближайшую сопку и оттуда в бинокль обозревал окрестности: леса, реки, озера, далёкие горы и скалы на их вершине. Садился на подходящий валун, размышлял и мечтал.

*Люди сосланы делами,
Люди едут за деньгами,
Убегают от обиды, от тоски...
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.*

Первые три строчки соответствуют реальности, но четвёртая – нет: я не гнался ни за запахом, ни за туманом, ни за тайгой. Их и под Москвой навалом.

Мечты были. Хотелось приключений. Экзотика тут есть, конечно, но рутина...

Терренкур я совершал без ясной цели.

Нюра её задала.

– Чем просто так шляться – займись делом: собирай витамины, т.е. перезимовавшие под снегом ягоды и черемшу. А то – витаминоз, куриная слепота или там цинга приключится. У меня, вот, лишь несколько зубов своих осталось. И у тебя так будет, если на консервах сидеть будешь.

Обычно я взбирался на ближайшую сопку, обозревал окрестности и мечтал.

Я внял совету. Однако с ягодами не заладилось - трудоёмкое дело. А с черемшой дело пошло. Теперь я не по вершинам лазил, а берега речушек и рек обследовал. Конец весны, черемша повывлезала, но ещё не цвела

На склонах сопки бурно зацвёл кипрей.

Иногда черемша покрывала всю поляну.

Странно, я много бродил по подмосковным лесам, но черемшу в упор не видел (москвичи те ещё натуралисты) и на вкус не пробовал, может быть потому, что листья черемши очень похожи на листья ландыша. Цветы ландыша мне нравились, я их собирал прямо у заборов Клязьминских дач, брошенных вне сезона. Дарил даме сердца. Однако прекрасно знал, что ландыш ядовит, и жевать его листья нельзя. Я и не жевал. Видимо,

принимая черемшу за ландыш, я не пробовал её на вкус.

В здешних краях ландышей нет, попутать ничего нельзя, так что я распробовал черемшу во всех видах. Оказалось, что у неё вкус чеснока. Это как раз понятно: гликозид аллиина имеет место. Но, если это – чеснок, то зачем поминать лук, Лук медвежий точнее? На лук она никак не похожа – тот в виде трубочки, а у черемши листья плоские, да и вкус другой. Нюра не смогла объяснить, причём здесь лук, но про медведя прояснила. Черемша – самый ранний витамин в лесу, проснувшийся после зимней спячки медведь лакомится этой травой и быстро восстанавливает свои силы. Вот и Нюра решила так оздоровиться.

Кстати, черемуха и черемша – однокоренные слова? Есть у них что-то общее? Так и не собрался прояснить этот вопрос.

Однажды карабкаюсь я по крутому склону, и ни кого, доложу я вам, не трогаю, выбираюсь их распадка на плоскость и попадаю на поляну, сплошь покрытую черемшой.

Только у меня потекли слюнки в предвкушении уборки урожая, как из воздуха материализовался заяц, который летел на метр над землёй и оскалившись бросился на меня.

– Ебёна мать! – подумал я.

От собак мне приходилось отбиваться, и довольно часто, но от хищных зайцев – пока нет.

Схватился за приклад, но ружьё висело через плечо на спине, и сниматься отказалось. Толстый я в телогрейке.

Заяц стремительно приближался. Но это была ещё не вся компания.

Прямо за зайцем налётом шёл здоровенный волк, а слева и справа обходили фланги ещё два.

Кажется, я попал на разборку аборигенов.

Свобода – пространство доступных альтернатив. Их тут особо не было.

Двумя ногами оттолкнулся я от земли и устремился с обрыва в свободный полёт. Ласточкой, но вверх ногами. По многочисленным испытаниям я знал, что в какой позе кошку не кинь, она всегда успеет в полёте перевернуться и приземлится на все четыре лапы. Мне тоже хотелось перевернуться, но не удалось. Времени не хватило. Пролетев метров пять по вертикале, я грохнулся спиной с вздернутыми к небу конечностями на заросли чего-то листового и колючего. Это что-то спружинило, подкинуло меня, как на батуте, и бросило дальше. Через два метра свободного полёта я окончательно приземлился в густых кустах.

Всё же ружьё – вещь полезная: приняло на себя удар и позвоночник у меня не сломался. Голова тоже уцелела, хотя, что с ней станет – это же кость.

Продолжая лежать на приятно пружинящей подстилке, стал размышлять, что делать дальше: пойти перестрелять волков (так, в порядке самообороны) и зайца (себе на обед) или отсидеться в тылу. Стволов у меня два, патронов – 10. Жаканов и картечи нет. Но есть дробь – нулёвка, почти картечь. В ближнем бою и при точной стрельбе двух волков завалить можно. В остальных патронах – дробь на птичек, но если в пасть хищнику ею стрелнуть, ему мало не покажется. К тому же, вспомнил я, у меня на поясе в ножнах немецкий штык. Грозное оружие для рукопашного боя. Одет я подходяще: толстый ватник, ватные штаны, поверх них – брезентовые, кирзовые сапоги, на горле шерстяной шарф, на голове кепка, накомарник и всё это прикрыто капюшоном штормовки. В один присест меня не съест – ватой подавишься.

Надо идти на охоту.

Выбрался из кустов и вновь полез по обрыву, с которого так удачно ушёл в полёт.

Пора кое с кем разобраться.

На поляне по-прежнему зеленели листья черемши, но какие-либо представители фауны отсутствовали, всё было тихо и спокойно.

Я не просто нарвал черемши, я ещё штыком накопал луковиц, попользовался сам и ошастливил Ньюру.

Пули

Неужели пуля-дура,

Ягодиночку убьёт?

Пуля влево, пуля вправо,

Пуля, сделай поворот.

В период Батагайского сиденья каждый развлекал себя сам. Анастасия Семёновна проводила время в Фондах, читала отчёты предыдущих экспедиций и что-то такое умное выписывала. Анатолий то бродил по посёлку в поисках, чем поживиться (приволок здоровую кость – говорит мамонта) или гонял шары на трезвую в силу обстоятельств голову. Я тоже пару раз сходил в Фонд посмотреть нет ли чего радиометрического или радиохимического. Оказалось – есть, один мужик развивает ядерно-аналитические методы в приложении к геологии. Хотел с ним встретиться, но он был где-то в поле.

Помногу раз я перебирал содержимое своей санитарной сумки (СМС). Для меня её с войны сохранила тётя Катя. Набор Тамарки-санитарки+хим. реактивы мои.

Сумка удобная, с ремнём, можно носить на плече. Состоит из одного отделения, но внутри корпуса много карманов, для всякой врачебной всячины и для шпаргалки, что как применять, а при случае и синтезировать. Когда я в первый раз в неё заглянул, нашёл много ценного: лекарства, перевязка всякая, шприцы, какие-то инструменты непонятного назначения. Сумка предназначена для оказания помощи 30 раненым. Надеюсь, у нас их будет меньше. Всё ополовинил, неизвестное выбросил. Добавил своё: кислоты, щёлочи, растворители, индикаторы кислотности, термометры и даже радиометр. Ну, ещё кое-какое химическое оборудование, типа весов, фильтров, сит и т.п. Всё тщательно упаковал. Получилась передвижная химлаборатория. Спасла она мне жизнь, а кому-то принесла неприятности.

Сумка санитар-химика.

Сидя в сарае, по случаю безделья, занялся синтезом чего-то полезного, что-то получил, что-то очистил, что-то сконцентрировал. Забил сумку до отказа.

В основном готовился к охоте, заряжал гильзы (целое искусство, отец вручил мне специальный набор, которым я слабо знал как пользоваться) дробью различных номеров и картечью – кто знает, что за зверь бродит за околицей. Отцовскую заслуженную двустволку тулку 20-го, несколько маловатого для здешних краёв калибра, я то собирал, то разбираю; и чистил, чистил, чистил, хотя дроб и так блестел.

Важность иметь с собой патроны с пулями я осознал сразу. Понятно, медведя бурого картечью не остановишь. Пуля нужна, она дырку хорошую сделает, а если не точно попадёшь, так хотя бы остановит зверя. Будет время нож достать. И для двуного пуля сгодится. Пошёл в Москве в охотничий магазин, там жаканов всех конструкций бери – не хочу. Но только их мне не продали, охотничий билет предъяви сказали. Сейчас! Где я его возьму? Отец, вон, всю жизнь без билета охотился и ничего. Да и ружьё у меня нигде не зарегистрировано.

Пришлось изготавливать пули самому, круглые и тяжёлые.

Со свинцом у меня проблем нет. Зашёл за корпус радиохимии, у помойного контейнера подобрал старый свинцовый кирпич, выпавший из какой-то защитной стенки, и отпилил от него ножовкой треть. Больше нельзя - тяжёлый, зараза. Кирпич оказался радиоактивным, но кто получит в грудь свинец, вряд ли будет жаловаться на ионизирующие излучения.

Нарубил я кубики и привёз в Батагай. На крупном валуне отбил их со всех сторон. В инструменталке ГОКа раздобыл рашпиль, которым стесал углы и грани, придав форму, близкую к сферической. У сердобольной Нюры одолжил две чугунные сковороды. Всё свободное время катал я заготовку между этими сковородками, пока она не приобрела форму шара. Доводил до кондиции шкуркой. Наконец, пули стали свободно вкатываться в патрон. Снаряжение патрона – дело ответственное. Уж если придётся стрелять пулей, то результат должен быть гарантирован, ибо если осечка выйдет, то цель такова, что сразу тебя же и уничтожит. Начал с того, что почистил латунный патрон и вставил с помощью специальной машинки новый капсуль. Чёрный порох я готовил сам – собственного состава, отработанного в школьные бдения. Несколько усилил его. Пробойная сила должна быть большой, но не слишком – разорвёт ствол. Смешал селитру, серу и уголь в нужной пропорции, отмерил меркой и насыпал в патрон. Из кошмы пробойником вырубил пыж, впрессовал туда же. Затем вкатил пулю и уплотнил картонкой.

Получилось нечто серьёзное.
Захотелось кого-нибудь пришить.

Эге-Хая

*Кандальный край пытал суровой стужей.
Цинга кружила там смертельный хоровод,
Из плоти жизнь стекла кровавой лужей
У всех вступивших в полосу невзгод...*

В одно прекрасное утро погрузились мы с шефиной в газик и поехали в посёлок Эге-Хая. Строго на юг.

Дорога удивительно ровная. Когда её сдавали, начальник участка ставил на переднюю панель в машине стакан воды: если не прольется на ходу, дорога принималась.

Добрались довольно быстро.

Посёлок городского типа, как гордо указано на автобусной остановке. Хотя шахта работала (под землёй она тянется на четыре километра), шахтоподъёмник шевелился. Половины горы срыто, отвалы – застывшие в камне потоки. Обогащительная фабрика своими строениями покрывала весь склон сопки. Лагерные бараки, частично разобранные и сожжённые, школа, больница (для туберкулёзников и психов), довольно крупная автобаза, высоковольтные столбы с проводами от электростанции, которую так здесь и не обнаружил. Она, наверное, где-то в Батагае, но и там я её не заметил. Добыча велась и открытым способом, но в моё время карьеры уже представляли собой искусственные водоёмы. На окраине посёлка – начинающее кладбище автомобилей. С большими перспективами.

Посёлок лежит в долине между холмами, почти горами. Течёт речка Дунайка. Не Голубой Дунай, но что есть, то есть...

Несколько улиц, Рудничная, к примеру.

Дорога на Эге-Хая.

Посёлок основан 1938. Когда-то здесь трудилось много заключённых, но в 1961 их уже не было. Трудились вольнонаёмные. Их здесь порядка 3000 человек, но улицах их не видно.

Направились в шахтоуправление с решимостью спуститься в забой и посмотреть, как оловянную руду добывают. Анастасия Семеновна ушла на переговоры, а я остался разглядывать стенд и стенгазеты. Из них узнал, что добывают тут близкоповерхностные окисленные руды, включающие такие минералы, как касситерит; славикит; фиброферрит (в последних олова нет, но есть железо). Здесь очищают руду от пустой породы,

перерабатывает её и получает оловянные и танталовые концентраты, обогащая до 80% по касситериту, батагайская обогатительная фабрика.

Прииск Эге-Хая (Эсэ-Хайя).

В моё время здесь кипела жизнь, но в 2010 это выглядело уже так.

В моё время карьеры начали заполняться водой.

Руда с касситеритом. В ней - вся таблица Менделеева, но пока всё, что не олово, идёт в отвал. Но и почти 50% олова осталось где-то здесь. Можно их ещё извлечь.

Образцы касситерита – диоксида олова, SnO_2 .

Здесь же на стенде лежало несколько кусков руды, с кристаллами касситерита – диоксида олова со структурой перовскита. Минерал давно известный, описан ещё Плинием Старшим (23-79 н.э.), которому легионеры Юлия Цезаря приволокли из Англии пару камней. Цвет касситерита чёрный или коричневый различных оттенков. Очень тяжёлый минерал (плотность 6,8-7,1). Блеск тусклый (в агрегате) или алмазный (на гранях

кристаллов). Я особо не удивлялся: курс кристаллографии благополучно сдал. Но всё равно – красиво...

Прошёлся по посёлку. Средняя школа, больница, два магазина. Дома выглядят чёрными и старыми (как и все дома на Севере), но построены прочно, ещё постоят. Дом на две семьи, есть паровое отопление, но обязательно и своя печь: в мороз отопление отключат - мало не покажется. Рамы двойные, между ними прыгали неизвестно откуда взявшиеся белки и горностаи. Некоторые окна были распахнуты и было видно развешенное на стенах оружие. То ли для охоты, то ли для обороны. У некоторых домов - огороды, что-то там растёт, видимо, полезное. Собаки гоняют кошек.

Колючая проволока кое-где была, но заборы в основном повалены. Бараки сожжены и развалены. После закрытия лагеря ЗК хорошо тут побесились.

Прошёл улицу до конца. Там обнаружил качели. В виде буквы П из толстых брёвен. Издали показалось, что это виселица. Но нет, это качели, большие детские качели, с предохранением, чтобы ребёнок не вывалился. Кто-то не поленился и закопал толстые брёвна в вечную мерзлоту. Местный Парк Культуры.

Если бы я снял фильм о жизни на Севере, там обязательно были бы такие качели.

Они бы противостояли всем лагерям.

Вернулась Анастасия Семёновна ни с чем. Нас никуда не пустили.

Обратно добирались не на газике, а на рейсовом автобусе Эге-Хая - Батагай - Аэропорт. По дороге пообщался с местной жительницей - инвалидом. Она мне рассказала несколько местных легенд.

Олово

Раз уж я оказался в центре добычи оловянной руды, то стоит немного поговорить об этом довольно интересном металле. Тем более, что с ним у меня связаны детские воспоминания. Их не так много, как о ртути или об уране, моих любимых элементов (не считая йода и радона, естественно). Но всё же, что-то есть.

Не помню, рассказывал я уже или нет, но в детстве-отрочестве в Клязьме в сарае у меня размещалась химическая лаборатория. Хорошая лаборатория! Мать была химиком и работала на химическом факультета МГУ. Но в создании лаборатории она никак не участвовала, и с работы никогда ничего не приносила. Более того, она была противником таких моих игр. Не хотелось ей, что бы я стал террористом, или погиб от собственной активности. Нет! Лабораторию я создал сам. Мать в борьбе с моими хулиганскими наклонностями часто забирала меня к себе на работу. Под надзор научных сотрудников. Улизнуть от них труда не составляло, и я и часами бродил между корпусами старого МГУ, иногда отвлекаясь на Манеж, посольство США, на Консерваторию, да на Дом Пашкова. Интересовала меня не архитектура, а помойки и свалки. Чего там только не было! Особенно в районе Химфака-Физфака и морга. Роскошного морга! На этом Клондайке я нашёл действующую рентгеновскую трубку, цейсовский микроскоп, счётчик радиоактивности, много чего ещё – всё не перечислишь. А реактивы! Это был рай, настоящий рай. И порошки, и жидкости и газы. Однажды нашёл ампулу с четырёххлористым титаном. Большую ампулу – сантиметров 30 длиной и 8 диаметром. Принёс в школу, разбил. Эффект превзошёл все ожидания: дымовая завеса заполнила всю двухэтажную каменную школу-новостройку, дым валил из всех щелей, так что местная пожарная команда обеспокоилась и перестала играть марши да вальсы. Часов шесть никто не мог войти в школу – каникулы вышли.

7-го июля мне исполнилось 7 лет, на дне рождения в качестве салюта я взорвал здоровый пень, который улетел далеко к соседке. Гости были в шоке, но случившийся здесь герой Гражданской войны, утешил: профессором будешь. Что бы ему сказать: академиком будешь! Стал бы я академиком. А так... Впрочем, профессором тоже не плохо.

Двадцать лет в МГУ читал я лекции по радиохимии и, естественно, рассказывал об ядерных изомерах олова ^{117m}Sn и ^{119m}Sn — источников гамма-излучения в гамма-резонансной спектроскопии (Эффект Мёссбауэра). Неувязка вышла, когда тот же курс стал читать в Карловом университете (Прага). Оказалось, у чехов олово означает свинец. Кто бы мог подумать!

В школьные годы химичил я в основном с порохом и с некоторыми видами взрывчатки. Из металлов - с ртутью. Целый пуд притащил на дачу. Не только из МГУ, на свалках МИФИ (напротив Центрального почтамта) тоже много чего полезного нашлось.

Была у меня и мирная тематика. Одно из направлений - олово. Кстати, это пригодилось: в экзаменационном билете при поступлении в МГУ один вопрос был по свойствам олова.

Олово – металл важный. Может не так, как железо, алюминий, свинец и медь, но применяет он широко – и в технике и в быту. И в чистом виде, и в виде сплавов. Олово используется как безопасное, нетоксичное, коррозионностойкое покрытие. Главные промышленные применения олова: белая жёсть (консервные банки видели?) - тара пищевых продуктов, разнообразная посуда и статуэтки, трубопроводы и т.п.

Однако у чистого олова есть одно важное неприятное свойство: фазовый переход при температуре +13,2 С. При охлаждении белое олово ($\beta\text{-Sn}$, тетрагональная структура) переходит в серое олово ($\alpha\text{-Sn}$, структура алмаза). Максимальная скорость превращения имеет место при -33° . В превращении удельный объём увеличивается на 25,6%, что к добру не приводит: олово трескается и превращается в порошок. Причём соприкосновение серого олова с белым приводит к «заражению» последнего. Это и есть «оловянная чума». Уже профессором я занимался математикой этой чумы, но ещё в отрочестве самостоятельно открыл это явление. Наша дача была построена в начале 20-го века, и к середине пятидесятых годов на её чердаке много чего накопилось: оловянные солдатики, кружка, ложки, но мне достался один их прах.

Позже я узнал, что оловянная чума облегчила победу над войсками Наполеона — сильные морозы привели к превращению оловянных пуговиц на мундирах солдат в порошок. А если шинка не застёгнута, как воевать?! Срам один! Оловянная чума – одна из причин гибели экспедиции Скотта к Южному полюсу в 1912 году. Путешественники остались без горячего из-за того, что топливо просочилось из запаянных оловом баков, поражённых «оловянной чумой».

То, что надо работать не с чистым оловом, а с его сплавами, знали ещё древние.

Случился даже бронзовый век. Бронза – сплав олова с медью. Бронз много – соотношения компонентов разные. Например, колокола льют из бронзы состава 80%Cu/20%Sn. Сплавов с оловом много: вкладыши подшипников скольжения (Баббит, сплав с медью 10Cu/90Sn, цинком и сурьмой), упаковочная фольга (Sn/Zn), в виде оловянно-свинцовых и оловянно-цинковых припоев, сверхпроводящие провода (Nb_3Sn), компонент конструкционных сплавов титана, аноды в химических источниках тока, в свинцово-оловянных аккумуляторах. Сплав британий (90Sn/10Sb) используется для изготовления ложек, чайников, сахарниц, молочников, подсвечников, солонок и т.п., а так же для изготовления статуэток премии «Оскар». Сплав пьютер (Sn-Cu-Sb-Bi, температура плавления ~ 200 имеет красивый внешний вид, хорошо полируется, поэтому активно используется при производстве декоративной посуды и украшений.

Не только сплавы нашли применение. Дисульфид олова SnS_2 входит в состав красок, имитирующих позолоту («поталь»), диоксид олова SnO_2 — эффективный абразивный материал, применяемый при «доводке» поверхности оптического стекла. Смесь солей олова — «жёлтая композиция» — краситель для шерсти

Лично я занимался припоями для пайки, т.е. сплавами олово-свинец с составом, близким к эвтектике (63/37Pb, температура плавления 181°). Свою задачу я видел в снижении температуры плавки. Сначала игрался только с оловом и свинцом, потом стал добавлять висмут и кадмий (висмут с трудом, но достал, с кадмием были проблемы).

Рекорд у меня получился 61° (!) для сплава 25Sn, 12.5Pb, 50Bi, 12,5Cd. Мог бы взять патент, но не стал связываться. Занимался я и другими веществами, применяемыми при пайке: канифоль, глицерин, паяльная вода (Zn+HCl, NH₄Cl). Достиг успехов. Обеспечил работы (свои и приятелей) по производству детекторных приёмников и лужению кастрюль, чайников и примусов.

Так что с оловом я знаком. Не зря судьба занесла меня в Батагай.

Олово – важный металл. Особенно в условиях войны: вся электроника на нём и много ещё чего. Этот металл относится к рассеянным элементам и редко образует крупные залежи. Хотя, неплохие месторождения есть в Индонезии, Малайзии, Таиланде. Оттуда, в основном, олово и завозили (через Англию). Но во время войны большинство этих рудников оказались в руках японцев. США что-то поставляли, но немного и то лишь в 1943–46 гг. А в нашей стране добычи практически не было.

Главный рудный минерал для получения олова - касситерит.

Касситерит — минерал олова, теоретически содержит 78,62% Sn. Образует отдельные выделения, зерна, сплошные массивные агрегаты, в которых зерна минерала достигают в размере 3 — 4 мм и даже больше.

В процессе производства рудоносная порода (касситерит) подвергается дроблению до размеров частиц в среднем ~ 10 мм, в промышленных мельницах, после чего касситерит за счёт своей относительно высокой плотности и массы отделяется от пустой породы вибрационно-гравитационным методом на обогатительных столах. В дополнение применяется флотационный метод обогащения/очистки руды. Таким образом удаётся повысить содержание олова в руде до 40-70 %. Далее проводят обжиг концентрата в кислороде для удаления примесей серы и мышьяка. Полученный концентрат оловянной руды выплавляется в печах. В процессе выплавки восстанавливается до свободного состояния посредством применения в восстановлении древесного угля, слои которого укладываются поочередно со слоями руды, или алюминия (или цинка) в электропечах: $\text{SnO}_2 + \text{C} = \text{Sn} + \text{CO}_2$.

Распространение элементов к Земной коре и способы их добычи всегда меня интересовали. Особенно радиоактивные: уран, торий, радий, радон. Но в регионе Якутия-Колыма-Чукотка несколько иные приоритеты: золото (№1), олово (№2), вольфрам (№3), кобальт (№4) и уран (№5). Именно в таком порядке располагались приоритеты Дальстроя, этого государства в государстве.

Дальстрой (1931-1957) - (Главное управление строительства Дальнего Севера) — государственный трест, созданный сначала для дорожного и промышленного строительства в районе Верхней Колымы, но затем его деятельность охватила всю Колыму, Чукотку, водоразделы рек Индигирка и Яна. Работниками были заключённые, а принцип простой: «делай или умри». Не знаю, как со «сделай», но с «умри» дело обстояло хорошо. Дальстрой царствовал на территории, превышающей 3 миллиона квадратных километров, на которой размещалось 580 лагерных подразделений, из них были оборудованы зонами 261, не имели зон 38 пунктов и 286 командировок. «Дальстрой» - самый большой лагерь по территории, но не по количеству заключённых, как почему-то принято считать.

Дальстрой разведывал и добывал руды многих металлов. Сейчас речь пойдёт об олове, ну, и о золоте и уране, если к слову придётся.

Деятельность Дальстроя, естественно, связана с металлом №1 – золотом. Элементом крайне полезным, особенно в валютных операциях. Это - главная специализация. Основная добыча золота Дальстроем была сосредоточена на Колыме (Магаданская область), потом начались работы на Чукотке (например, посёлок Комсомольский в Чаунском районе, как участок прииска Красноармейский). Несколько предприятий работало и в Верхоянье, но их было мало. (Интересно, что в 1985 на горных выработках в окрестностях посёлка был найден железо-каменный метеорит, названный Чаунским). Работы велись заключёнными лагерей, но и вольнонаёмных было довольно много. О добыче золота в колымских лагерях много чего написано. Добавить нечего.

Чаунчукотлаг (Чаун-чукотский исправительно-трудовой лагерь) — лагерное подразделение, действовавшее в структуре Дальстрой. Создан в 1949. Управление Чаунчукотлага размещалось в Певеке, задачи лагеря - добыча олова, золота и урана.

Во второй половине 30-ых годов возникла вторая специализация горнодобывающей промышленности - оловодобыча. Олово («малый», «второй» металл) было важным сырьем для народного хозяйства страны.

Немного истории.

В царской России оловодобывающая промышленность отсутствовала. Несмотря на острую потребность в олове, нужда в нём покрывались за счёт импорта. Существовало мнение об отсутствии на территории России сколько-нибудь значимых концентраций олова, хотя касситерит - минерал с высоким содержанием олова находили в целом ряде районов. В РСФСР, начиная с 1930-х годов, разворачиваются широкие поиски оловянных месторождений, в первую очередь – в восточных районах страны. Они привели к обнадеживающим результатам: в Приморье, Якутии и на территории Магаданской области были открыты многочисленные месторождения.

К середине 1930-х гг. в СССР уже были известны оловоносные месторождения – Хапчерагинское, Ононское, Шерловогорское в Читинской области, ряд залежей в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Якутии, Казахстане. В 1934 вступила в строй первая очередь Хапчерагинского рудника и обогатительной фабрики. До конца второй пятилетки (1937) производственная база оловодобывающей промышленности СССР пополнилась такими предприятиями как Ононское рудоуправление, Шерловогорский комбинат и комбинат «Востоксиболово» (Восточная Сибирь), «Колбаолово» и «Нарымолово» в Казахстане. Был построен Подольский оловянный завод.

В 1933 на Северо-Востоке открыли первое оловорудное месторождение - Туманное, в 1934 сделаны первые находки касситерита на Валькумее, в 1936 открыт Бутугычаг, в 1937 – Иультин и т. д. Уже к 1940 стало ясно, что восточные районы СССР представляют собой крупнейшую оловоносную провинцию. Создание собственной оловодобывающей базы позволило СССР полностью отказаться от закупок его за рубежом (в Англии).

Первое оловорудное месторождение на Колыме было открыто в 1933 у ключа Туманный (приток р. Оротукан). В 1936-1937 гг. были разведаны и подготовлены к эксплуатации крупные оловоносные месторождения Верхне-Колымского района: рудники «Бутугычаг», «Кинжал», «им. Лазо», прииск «Таёжник» и др. В 1938 организовано, занимавшееся преимущественно добычей олова, Юго-Западное горнопромышленное управление. В том же году получена первая продукция - 202 т олова в концентрате (в дальнейшем оловодобыча на Колыме быстро развивалась, всего было добыто там свыше 75 тыс. т олова). 61% олова в концентрате было получено на руднике «Бутугычаг».

Бутугычаг (Тенькинского район Магаданской области) — месторождение олова и урана. Эксплуатировалось в 1937-56 Исправительно-трудовым лагерем, входившим в Теньлаг. На реке Армань (течёт с севера на юг и впадает в Охотское море) заработали рудники Светлый и Кандычан, В 1941 открыто месторождение Отечественное, на котором вскоре начал действовать рудник Хениканджа.

В 1940 г. Дальстрой добыл 1917 т. оловянного концентрата. При разработке оловянных россыпных месторождений применялся метод раздельной добычи, т.е. последовательные операции по вскрыше торфов, промывке песков, характерные для отработки россыпных месторождений золота.

25.07.41 в 300 км от Магадана, на речке – левом притоке р. Нерега, организован оловянный рудник "Днепровский" (категория III) и обогатительная фабрика. Менее чем через три года, 5.03.1944, рудник и фабрика № 8 консервируются. В 1949 рудник снова начал эксплуатироваться, но в 1955 окончательно закрылся. В 1949 на этом прииске было добыто 115,4 т. оловянной руды. На руднике работали заключённые Севвостлага, с 1949 г. — осужденные Особого лагеря №5 «Берлага» (особо опасные преступники: полицаи,

бандеровцы, власовцы и военнопленные со сроком 10 лет и выше). Численности лагеря от 500 до 1500 чел. Под амнистию 1953 каторжане не попали.

На Чукотке олово открыл в 1937 В.Г.Дитмар. В 1938 начались поисково-оценочные работы, которые продолжались до 1946, в 1961 они возобновились и закончились в 1980. Было установлено, что Пыркакайский оловоносный узел является частью Куйвиеево-Пыркакайского оловоносного района, расположенного на восточном побережье Чаунской губы и занимающего площадь 5 тыс.км².

Пыркакайские штокверки (рудник/посёлок Валькумей, Иультин) — одно из крупнейших в России месторождение олова. Расположено на Чукотке, в пределах Чаунского района, в 85 км восточнее Певека. Запасы месторождения оцениваются в 350 тыс. тонн.

Штокверк - рудное тело неправильной формы (чаще изометрической), представляющее собой густую сеть различно ориентированных рудных прожилков, прорезывающих массу породы. Обычна также вкрапленность рудных минералов. Штокверки относятся к группе гидротермальных образований, возникших при отложении металлоносного вещества из горячих минерализованных растворов, циркулировавших среди трещиноватых горных пород. К ним принадлежат некоторые месторождения руд меди, молибдена, вольфрама, золота, олова и других металлов.

В зоне Пыркакайского оловоносного узла выявлено три рудных поля: Первоначальное, Нагорное и Незаметное. В пределах Первоначального рудного поля разведано три крупных штокверка, расположенных на расстояниях 750—800 м друг от друга, и несколько мелких штокверковых тел. Руды Пыркакайского узла представляют собой пронизанные кварцевыми прожилками песчано-сланцевые породы, которые в результате предрудных процессов превращены в метасоматиты с большим содержанием серицита, турмалина и пирротина. Кварцевые прожилки содержат, кроме касситерита сульфиды железа, мышьяка (арсенопирит), цинка, меди, а также вольфрамит, флюорит, топаз, и другие минералы. Средние размеры вкрапленности касситерита составляют 5-6 мм, достигая максимума 15-20 мм. Такие руды легкообогатимы.

Рудник Валькумей основан 12.04.41 в целях разработки оловянного месторождения Статус посёлка городского типа — с 1959. Построена шахта. Переработка руды шла на Горно-обогадительной фабрике (№521-бис) в Певеке.

Валькумей — заброшенный посёлок городского типа в Чаунском районе Чукотского АО. Число жителей: в 1960 - 2500 чел, в 2000 - 0 человек.

В 1938 при оловянном прииске Пыркакай (рассыпное месторождение олова) был основан посёлок городского типа Красноармейский (100 км восточнее Певека, ликвидирован в 1998). В 1941 г. там заработали первые две шахты.

Замечание. Довольно часто в публикациях СМИ встречается утверждение, что пароход Челюскин вёз стройматериалы для оловянных приисков в районе Певека и в Депутатском. Это, конечно, сказки. О наличии олова на Чукотке в 1933 никто не подозревал. А уж, что это было оборудование для Депутатского в бассейне Индигирки - фантазия чистой воды (месторождение олова открыто после войны). Самого Певека практически не было.

В 1943 г. Дальстрой добыл 3,9 тыс. т оловянного концентрата. - максимум за годы войны. В 1944 г. количество добытого олова несколько снизилось и составило 3,7 тыс. т. За 1941-1944 гг. было добыто 14,4 тыс. т олова в концентрате. Высокие показатели добычи объясняются обработкой наиболее богатых площадей оловоносных месторождений. Так, в 1943 среднее содержание россыпного олова в горной массе составило 6581 г/м³ на промывке открытых песков и 7275 г/м³ на промывке подземных песков. В 1941-1944 70% всего оловянного концентрата поступало от добычи рудного олова. В 1945 на Северо-Востоке было добыто 4,5 тыс. т, а в 1946 г. — 4,7 тыс. т олова в концентрате. В 1947 и 1948 добыча олова упала, но в 1949 снова увеличилась (4,2 тыс. т.). Число оловодобывающих предприятий в 1945-1949 увеличилось с 20 до 25. В 1952 Дальстрой добыл максимальное количества олова за весь период своего существования — 5,35 тыс. т. В 1953 и 1954 добыча олова стабилизировалась на уровне 4 тыс. т

концентрата. В 1955 и 1956 гг. Дальстрой добывал по 3,0 тыс. т олова в год. Причина снижения – массовая амнистия заключённых и масштабная смена работников оловодобывающего комплекса. Через 20 лет добыча была полностью прекращена.

С 1943 оловянный концентрат из Дальстроя поставлялся заводу № 520 НАРКОМЦВЕТМЕТа СССР в г. Новосибирске. Оловянные концентраты Дальстроя отгружались из порта Нагаево (г. Магадан), с пристани Ютях (Янское управление) и с Певека (Чаун-Чукотское управление).

В послевоенную пору шли активные поиски оловянных месторождений. В 1950-е годы были открыты и введены в эксплуатацию несколько групп месторождений, построены крупные предприятия, в числе которых Депутатский, Солнечный и Хрустальненский горно-обогатительные комбинаты. На каждом из них получено 5000 т олова в концентрате. Весомую добычу обеспечивали Иультинский, Певекский, Дукатский и Шерловогорский комбинаты. Эффективно продолжали работать запущенные в начале 1940-х рудник Эге-Хая Верхоянском районе и Хинганский ГОК в Еврейской АО.

В целом за 1932-1956 гг. Дальстроем было добыто 1187,1 т химически чистого золота, с 1937 по 1956 гг. - 65,3 тыс. т олова в концентрате, 2,85 тысячи тонн триоксида вольфрама в концентрате 397,5 т., кобальта в концентрате, 150 т уранового концентрата. Удельный вес золотодобычи Дальстроя к общесоюзной по данным на 1955 г. составил 37,9%. Дальстрою к середине 1950-х гг. пришлось оказаться от добычи кобальта и урана.

Несколько слов о добыче урана. Просто - для общего развития. (Готовя лекции и фундаментальный учебник Радиохимия, я изучал месторождения и горнодобывающую промышленность урана, могу рассказать, но сейчас только пара замечаний).

Месторождения олова, урана и серебра часто являются смешанными. Дальстрой после войны добывал олово и уран на одном месторождении.

Сразу после войны в тресте Дальстрой было организовано Первое управление, которое и занялось добычей урана. Промышленными при наличии целого ряда более мелких месторождений оказались только Бутугычаг-Беренджинское, Чаунское (Чукотка) и Сугунское (Якутия) месторождения. Всего же на Чукотке, нижнем течении р. Индигирки, р. Яне, Сугунской полосе, верховьях р. Колымы, полуострове Тайгоносе и других пунктах Северо-Востока было установлено более 1000 рудопроявлений урановой минерализации. На 1.01.1953 в подчинении Первого управления находились комбинат №1 («Бутугычаг») с двумя горными участками и гидрометаллургическим заводом, комбинат №3 (Певек) в составе двух рудников, гидрометаллургического завода, 16 полевых геолого-поисковых и разведочных партий Ураносодержащую руду с «Бутугычага» в мешках под усиленной охраной доставляли в Магадан. В порту руду грузили на подводную лодку (интересно, какова стоимость такой перевозки?), которая через Татарский пролив шла во Владивосток. Там стратегическое сырьё грузили в самолёт и доставляли в Москву. Обработывалось сырьё на спецзаводе в Подмосковье.

Промышленное месторождение урана на Чукотке обнаружено в 1947 партией Игоря Рождественского. Для разработки промышленного месторождения урана был основан лагерь Чаунлаг, (единовременное количество заключённых достигало 11000 человек) управление которым находилось в Певеке. Урановые лагеря Дальстроя обладали зловещей славой, поскольку суровый климат и тяжесть работ дополнялись радиоактивным излучением. Самым страшным из мест урановых разработок был колымский лагерь Бутугычаг, входивший в систему Чаунлага. За недолгий период существования лагеря рядом с поселком Северный выросло кладбище заключённых и лагерного персонала (среди них есть и детские захоронения). Чаунлаг функционировал с 1951 по 1953. Добыча урана прекратилась внезапно: после приказа о закрытии разработок прямо в середине рабочего дня, рудники были спешно оставлены, многое из оборудования и инструментов осталось на месте, потом было разграблено.

В начале 1950-х гг. объёмы добычи урана в Дальстрое последовательно росли. За 1948-1955 гг. Дальстроем было добыто 150 т урана в концентрате. Однако постепенное

истощение и чрезвычайная удаленность промышленных месторождений, проблемы с достаточным обеспечением рабочими и специалистами, недостаточная энергетическая база преопределили краткий период добычи урана на Северо-Востоке. В 1955 Министерством цветной металлургии было принято решение ликвидировать рудник «Бутугычаг», а затем все уранодобывающие объекты Дальстроя.

Историей добычи третьего металла Колымы - вольфрама, мы заниматься не будем. Упомяну только, что в августе 1947 в Индигирском горнопромышленном управлении для эксплуатации вольфрамового месторождения был открыт рудник «Аляскитовый». С 1948 добыча вольфрама уже шла в промышленных масштабах.

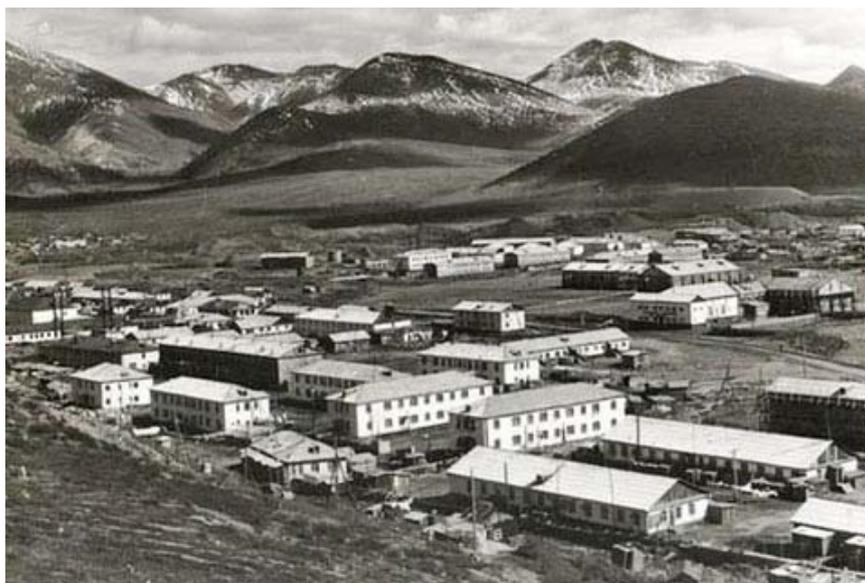
В моё время золото на Яне не добывали. Ходили слухи, что в 1951 около села Нежданнинское (Восточное Верхоянье) нашли месторождение олова, причём крупное (запасы 630 т.). К тому же это было не на Яне, а в узкой долине реки Туры, бассейна реки Алдан. Месторождение Кючус (левый приток Яны, до речного порта Усть-Куйга на реке Яна — 50 км, до Батагая 340 км по автозимнику; запасы 200 т.) и Кулар (от Кючуса 130 км) в 1961 ещё не были открыты. Работали некоторые артели по реке Адыча, но это всё.

Перейдём теперь к олову в Верхоянье.

В моё время прогнозные запасы олова в этом регионе оценивались в 790 тыс. т, в том числе 221,1 тыс. т - балансовые. Сырьевая база оловодобычи на Северо-Востоке представлена коренными и россыпными месторождениями. В коренных месторождениях числилось 190 тыс. т олова (при содержании олова в руде от 0,65 до 2,6%). Помимо олова в коренных месторождениях содержался вольфрам, а также некоторые редкие металлы. В оловянных россыпях числилось 31 тыс. т металла (при содержании олова в песках от 286 г/м³ до 1000 г/м³). Крупные и богатые месторождения рудного олова в верховьях р. Яны (Алых-Хая, Илнтас и Бургочан) с балансовыми запасами олова в 48,2 тыс. т и с содержанием в руде 1,4% металла не разрабатывались.

В Якутии активная добыча олова велась на руднике Эге-Хая, прииске Кёстёр, некоторых близлежащих командировках и в далёком Депутатском на притоке Индигирки. Вклад этих приисков в общую оловодобычу вырос с 9% в 1946 до 52,5% в 1956.

Депутатский — посёлок городского типа, административный центр Усть-Янского района Якутии. Возник в связи с открытием и разработкой месторождений олова. Статус посёлка городского типа — с 1958. Население: в 1989 - 13305 чел, в 2017 - 2967 чел.

Посёлок Депутатский.

Сначала о Депутатском. Его создание и начало добычи курировали геологи Батагая. Наличие олова обнаружено 3.08.1947 участником Иргичанской партии «Дальстроя» Г.И.Колмаковым. В 1948 Устьянская экспедиция под руководством Д.И. Каца нашла оловосодержащую руду. Первая геологическая партия, состоящей из семи

человек, которыми командовал Кикас, прибыла 23.12.1948. Ими и были поставлены первые палатки. Вслед за геологами в этот регион были направлены осужденные. Везли спецконтингент из п. Ожогоино (на притоке Индигирки). Работало три прииска, в 1954 они объединились в один. На месте нынешнего посёлка появились первые бараки. Месторождение эксплуатируется с 1951. Это – крупнейшее месторождение олова в СССР. Его запасы (свыше 260 тыс. т, из которых 205 тыс. т с содержанием олова 1,16%) составляют 13% всех запасов России. Месторождение разрабатывалось подземным способом несколькими шахтами. Позднее был построен Депутатский ГОК. Рядом возник посёлок Депутатский (1958, Усть-Янский район). В моё время в нём проживало более 4000 жителей. От него до Батагая 287 км, а до Нижнеянска (порт в низовьях Яны по которому завозили оборудование и вывозили продукт) 581 км. После краха оловодобывающей промышленности этот рудник продержался дольше всех на Севере. Закрылся он в 2009, всё имущество (~0,5 миллиарда рублей) было разграблено.

Теперь – о самом Эге-Хая.

Эсэ-Хайя (Эге-Хайя, Эсе-Хая) — посёлок городского типа на северо-востоке Якутии. Административно входит в Верхоянский улус. Находится в бассейне реки Яны. Основан 22.10.1938 Наркоматом тяжёлой промышленности СССР организовавшим Управление по строительству Якутского оловообогатительного комбината в посёлке Эге-Хайя. В 1940 добыто — 51,6 тонн олова. Отнесён к категории рабочих посёлков в 1940 году. Население: в 1959 - 3184 чел, в 2017 - 189 чел.

Замечание. Хотя по всем постановлениям название посёлка значилось Эге-Хая, тем не менее СНК ЯАССР потребовал в 1940 переименовать посёлок в Эсе-Хая. С тех пор посёлок официально именуется Эсе-Хая, а в названиях предприятий пишется Эге-Хая.

В 1931 в Западном Верхоянье работали две геологические партии во главе с В.А.Федорцевым и одним из первых геологов-якутов, выпускником Томского университета П.Г.Алексеевым. Партия Алексеева в бассейне речки Имтанджа нашла олово и вольфрам. Так было положено начало длинной цепи геологических открытий в Верхоянском районе. Наиболее крупное открытие 30-х годов в геологическом изучении Верхоянья выпало на долю геолога П.П.Епифанова. Им, кроме Эге-Хайского, были открыты такие крупные месторождения, как Кёстёрское (1937), Улахан-Эгеляхское (1938) В 1935 геологи нашли проявления олова на сопке Киргилях и отрогах горы Ыннах-Хая. В 1936 на сопке, в нескольких километрах от Киргиляха, П.П.Епифанов обнаружил куски руды, содержащие олово. Безымянную сопку геологи назвали Эге-Хайя-с якутского Медведь – гора в знак встречи с хозяином Янской тайги. Первые же геологические исследования показали, что новое месторождение весьма перспективное.

Сопка Эге-Хая

В 1937 Разведочная партия В.К. Чайковского в Эге-Хая (в 18 км от Юттяха) начала проходку шахт, штолен и шурфов для оценки запасов олова. Тогда же было построено 10 небольших барака и 10 палаток, в которых жили геологи и шахтёры, начато строительство рудника и дороги к порту Юттяха. Работы тормозились отсутствием работников. В 1938

из Якутска в Эге-Хая было направлено 180 чел, из которых на пути задержалось 90, а из прибывших 22 выбыло. осталось 68. Стали привлекать местных и обучать. Это дало эффект, но крайне незначительный. Колхозников нанимали в геологические партии, но толку от них было мало. В 1938 для освоения Эге-Хайского месторождения организовали управление "Якутолово».

На трассе Эге-Хая – Батамай (ЗИС-5 – трёхтонка). Двигатель работал не на бензине (где его взять?), а на генераторном газе, т.е. на щепках (топливо доступное). Зимой в кузове была печь с дровами, иначе - хана). на переднем плане шофер Ю.Г.Шефер - в будущем доктор физмат наук, лауреат Государственной премии СССР.

Не хватало стройматериалов. Заготовка дров и брёвен шла не только для строительства на руднике, но и для пароходов и автомашин. Строительного леса вокруг Эге-Хая нет, его заготавливали по рекам Сартанг и Дулгалах и сплавливали до Юттяха.

Проблемы были и с доставкой оборудования и провизии. Транспорт в основном был гужевой. В окрестных колхозах были набраны лошади с проводниками, нарты для перевозки грузов с р. Алдан на р.Яна. Летом перемещения затруднены из оттаивающей мерзлоты и основные перевозки шли зимой. На зимних перевозках 1938 было мобилизовано 2537 лошадей и 1382 оленя. В 1939 появились грузовики, газогенераторные трёхтонки ЗИС-5. Они шли не на бензине или какой-то там солярке, а на дровах. На 100 км пробега нужно 5 мешков щепы (на 1000, стало быть 50, а место в кузове останется? Там же ещё печь стоит, что бы не околеть от мороза при нежданной остановке. Интересно, на каком заводе щепу изготавливали?). Зимник на Батамай был не оборудован стоянками и опасен, в 1939 его реконструировали (расстояние Батамай-Эге-Хая 812 км). В декабре 1938 пробит зимник Якутск-Эге-Хая. Первая колонна из 8 машин и 3 тракторов прибыла в Эге-Хая. В конце 1940 в районе было 44 машины, из них 40 в Эге-Хая. Однако половина их не работала по причине разных поломок, в том числе не выдерживала резина.

Так как возможность зимних перевозок ограничена, было предложено увеличить объём перевозок по Яне. До 1940, пока флот на Яне состоял из 4 пароходов, как затон для зимней отстоя флота использовался Верхоянск. Однако по мере увеличения состава флота и учитывая расстояние от основных точек грузополучателя - пристаней Юттях и Батагай - летом 1940 начато строительство затона и посёлка ниже Верхоянска на 266 км. Сначала посёлок называли Папанинским, потом в 1942 переименовали в Янск, а в 1972 его ликвидировали. В 1938 с низу по Яне прибыли 3 парохода и 20 барж. В том году речники перевезли 4000 т груза, а в 1939 уже 7700 т. Кроме грузов, по Лене с пересадкой в Тикси и до устья Яны (с новой пересадкой) возили и людей. В 1939 пароход "Казахстан" доставил в устье Яны 650 будущих эге-хайцев, которых пересадили на баржи и пароход "Каганович" потащил баржи вверх по Яне.

В июле 1939 в Эге-Хая проживало 1200 человек, было 40 жилых домов и 5 производственных строений, медпункт, баня, столовая, пекарня, магазин, клуб на 120 мест. Строились (с большим трудом и с большим отставанием от плана) больница на 25

коек, детских на 50 мест, молочная ферма и другие народно-хозяйственные объекты. В 1939 сдана в эксплуатацию экспериментальная фабрика производительностью 10 т руды в сутки, вторая фабрика 50-ти тонной мощности вошла в строй в мае 1941. Попутно шла добыча олова: в 1938 - 2,9, в 1939 - 20 т, в 1940 - 51,6 т концентрата. Рудник требовал более мощной обогатительной фабрики. Из-за нехватки воды в Эге-Хая ГОК стали строить на берегу Яны, в месте, получившем название Батагай.

Уже к этому времени Эсе-Хайя являлось по своему значению вторым, после Алдана, промышленным центром Якутии. Строительство рудника было завершено весной 1941 года.

Для решения проблемы нехватки рабочей силы и текучести кадров. В 1941 строительство передано в ведение Дальстроя НКВД; в его составе создано Янское горно-промышленное управление (ЯГПУ). В Верхоянье появились лагеря заключённых. Первым из них стал Эге-Хайский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ№6). Затем лагерные пункты возникли в Батагае (№14), на всех приисках, а также в затоне Янск. Были и лагерные командировки в участках лесозаготовки и геологоразведки. Заключённые в Эге-Хая трудились здесь и раньше, первые 15 прибыли сюда в сентябре 1938. В дальнейшем количество их дошло до 7636 человек. Это была основная рабочая сила наряду с вольнонаемными рабочими (доля вольнонаёмных сначала была небольшой, но постепенно увеличилась).

Олово, выплавленное из первой руды месторождения Эге-Хая.

Добыча велась как открытым, так и закрытым способами. Разрабатывали небольшие карьеры. Основными орудиями труда являлись кирка, лопата, лом и тачка. Однако часть наиболее тяжёлых производственных процессов была механизирована, в том числе и американским оборудованием фирмы «Дэнвер», поставляемым из США в годы Великой Отечественной войны по "ленд лизу". Гору пронизали штольнями. По сей день, из посёлка на склоне горы видно отверстие касситеритовой шахты. Мне вообще показалось, что снесено пол горы.

В 1940 заложена основа подсобного хозяйства комбината - молочно-товарная ферма, совхоз по выращиванию овощей, оленеводческий совхоз. Колхозы заготавливали сено, выделяли участки для выпаса лошадей и оленей.

В 1954 в строй вступила шахта Капитальная (шахт с таким названием в СССР была дюжина). Что это за шахта, какова глубина, чему равна длина штореков как тогда не знал, так и не знаю теперь. Добытую руду грубо очищали от пустой породы на месте, а более полное обогащение вели на ГОК Батагай. Там помимо олова, из руды извлекать тантал (остальные металлы выбрасывались). В 60-х стали подвозить руду с прииска Кёстер. 9.12.73 рудник Эге-Хая и Батагай и батагайская обогатительная фабрика были закрыты.

Это был последний оловянный рудник в Верхоянье. Формально его закрыли из-за

истощения руды, что неправда: олова и в Эге-Хая и в окрестностях ещё много. Причины чисто финансовые – рентабельность низкая и спрос на олово упал.

Шахта «Капитальная» рудника Эге-Хая.

Начался интенсивный миграционный процесс, народ стал активно сваливать с Севера. Но в поселке оставалась большая автобаза. В 90-е годы прошлого

столетия она практически прекратила свое существование. В селе, в котором в моё время жило и работало 3200 человек в 2017 осталось 223. Поселок в настоящее время поселок выживает только за счёт бюджетной сферы и предпринимательской деятельности населения: мясо-молочное производство, скотоводство, есть небольшая автоколонна. Люди живут надеждой на возрождение производства.

В Верхоянье обнаружены 366 крупных месторождений, в том числе: 113 месторождений олова, 221 месторождение золота, 8 золото-сурьмяных месторождений, 6 месторождений ртути, 4 месторождения серебра, 4 месторождения редкоземельных металлов. Из этого количества 35 месторождений относится к крупным и уникальным. Однако в начале 21-го никаких работ по добыче руды в этом регионе не велось. Работал один небольшой золотой прииск. Добыча непрерывно падала: в 2012 - 106 кг, в 2016 - 44 кг. И это всё!

Если посмотреть на оловодобычу во всей России в первую четверть 21-го века, то можно убедиться, что эта стратегически значимая отрасль промышленности практически полностью ликвидирована.

Между тем в 70-х годах прошлого века СССР был одним из крупнейших производителей олова на мировом рынке - 10% мировой добычи и производства металла приходилось на нашу страну. Сейчас по общему количеству разведанных запасов олова Россия занимает первое место в мире – по категориям А+В+С₁+С₂ - 2263,6 тыс. т (по первым трём категориям – 1726 тыс. т), и наряду с Бразилией (2000 тыс. т) и Китаем (1800 тыс. т) входит тройку мировых лидеров. Запасы олова России учтены в 271 месторождении, в том числе в 123 коренных и 148 россыпных. В России имеются крупные месторождения олова с запасами от 50 тыс. до 200 тыс. т и более. В них сосредоточено до 70% разведанных запасов. Как правило, они характеризуются рядовыми и бедными рудами, хотя и среди них есть месторождения со средним содержанием олова в рудах 1% и более (Депутатский, Соболиное, Чурпунья, Тирехтях). По качеству российские месторождения значительно уступают богатым зарубежным. В России в легкообогатимых россыпях заключено всего 12% разведанных запасов, в то время как в Индонезии – 100%. Среднее содержание олова в коренных рудах российских месторождений – 0,28%, в россыпях – 0,63 кг/м³, что в 2-2,5 раза меньше, чем в аналогичных по содержанию зарубежных рудах и россыпях. Переоценка запасов олова, проведённая в 1996-1999 гг. показала, что в числе активных (рентабельных для отработки), есть всего 33% разведанных в России запасов. Длительное падение мировых цен на олово, совпавшее по времени с распадом СССР, невысокое качество российских руд и россыпных месторождений, сложные горнотехнические и экономические условия их разработки, непрекращающийся рост цен на энергоносители сделали отечественное олово неконкурентоспособным. С середины 1990-х годов предприятия оловодобывающей

промышленности были вынуждены обрабатывать только участки богатых руд, ухудшая тем и без того недостаточно качественную сырьевую базу олова в России. Одно за другим закрылись почти все оловодобывающие предприятия.

Наиболее длительное время продержался созданный Депутатский ГОК. Здесь в 1985 был запущен мощный рудник на крупнейшем оловорудном месторождении с запасами металла свыше 260 тыс. т, из которых 205 тыс. т с содержанием олова 1,16%. Его добыча продолжалась вплоть до 2009. Крах Депутатского оловодобывающего предприятия означал не только окончательное разрушение мощнейшей подотрасли цветной металлургии, но и высветил серьёзную социально-политическую проблему. Обезлюдели огромные северные территории Усть-Янского района. На территории района, где проживало 45 тыс. человек, осталось несколько тысяч. Вслед за закрытием Депутатского ГОКа отпала необходимость содержания портовых посёлков Усть-Куйга и Нижнеянк на реке Яне, которые обеспечивали переработку грузов для золото- и оловодобытчиков.

Итак, российская оловодобывающая отрасль практически прекратила своё существование, что поставило государство в полную зависимость от зарубежных поставок этого стратегического металла. Однако Россия пока ещё не лишилась своих перерабатывающих мощностей – продолжает работу Новосибирский оловянный комбинат, который производит олово и сплавы на его основе 11 тыс. тонн в год. В России в целом производство олова составляло в 1990 19804 т, но в 2010 оно было равно 160 т. Правда и потребность в олове за это время снизилась в 4,2 раза (до 4000 т). Недостаток олова компенсируется иностранными поставками. Доля России в мировом потреблении олова на рубеже веков незначительна и не превышает 1%. Большая его часть – 60% расходуется в производстве белой жести, 30% - сплавов, включая припои и баббиты для подшипников, 7% - в производстве листового термополированного стекла (флоат-стекла).

На развитие оловянной промышленности отрицательное влияние оказывает тот факт, что месторождения олова находятся в отдалённых и труднодоступных регионах, на Колыме, Чукотке, Северо-восточной Якутии. Добыча, обогащение и выплавка металла располагаются в разных местах, обычно далеко отстоящих друг от друга. Это приводит к дорогостоящей перевозке. К примеру, рудник Тиретях и обогатительная фабрика в пос. Депутатском разделялись расстоянием в 130 км. Рудник Эге-Хая находится от Батагайской обогатительной фабрики в 20 км. Подобное положение заставляло строить дороги, что в суровых условиях Янского региона сложное и затратное дело. Производство самого олова находится в Новосибирске - довольно далеко от Эге-Хая. Если содержание металла в концентрате составляет 80%, это означает, что путь от Батагая до Новосибирска проделает также 20% пустой породы. Это серьёзные и лишние затраты. Используемые в России технологии весьма материало- и энергоёмкие. Потребность в большом количестве электроэнергии заставляло решать сложную проблему по доставке топлива. Расширение мощностей фабрик упиралось в транспортные возможности по обеспечению горнодобывающего производства. Во времена СССР электростанции строили около обогатительных фабрик, куда было проще доставить топливо. Рудники снабжались электроэнергией по линиям электропередач. В итоге возникала еще одна дорогостоящая инфраструктура - ЛЭП. Это отягощает развитие горнодобывающей промышленности в северных районах не хуже, чем строительство дорог. Технологии так же требуют существенной модернизации, т.к. в технологиях Дальстроя терялось более 50% металла. Не случайно, развитие горной промышленности в сцепке Эге-Хая - Батагай связывают с переработкой старых отвалов рудника, благо их не надо извлекать из горы.

Для развития добычи металлов в Верхоянье нужно переходить на автономные горно-добывающие комплексы. Следует отказаться от центральных обогатительных фабрик. Нужно стремиться к тому, чтобы непосредственно на месте добычи, в автономном горнодобывающем комплексе производилось как можно больше производственных операций, вплоть до производства полуфабриката и даже металлов и

сплавов. Энергетические мощности так же надо размещать непосредственно на месте добычи и переработки руды, то есть на руднике.

Автономный горнодобывающий комплекс представляет собой набор соединенных между собой модулей, которые устанавливаются на опорах в месте добычи руды. Часть модулей ориентирована на обслуживание шахты, другая часть - на обогащение руды, третья - на выплавку металлов, четвертая - на энергетическое обслуживание всего комплекса, пятая - представляет собой жилые модули для персонала. Комплекс можно будет перемещать с места на место, по мере отработки месторождений и рудных тел, а также заменять модули, обеспечивая модернизацию оборудования. Технологии переработки руды должны быть энерго- и ресурсосберегающими и, естественно, экологически чистыми.

Но это - в лучшие времена.

Пока олово мирно спит в якутской земле. Может оно и хорошо: будущим поколениям хоть что-то достанется.

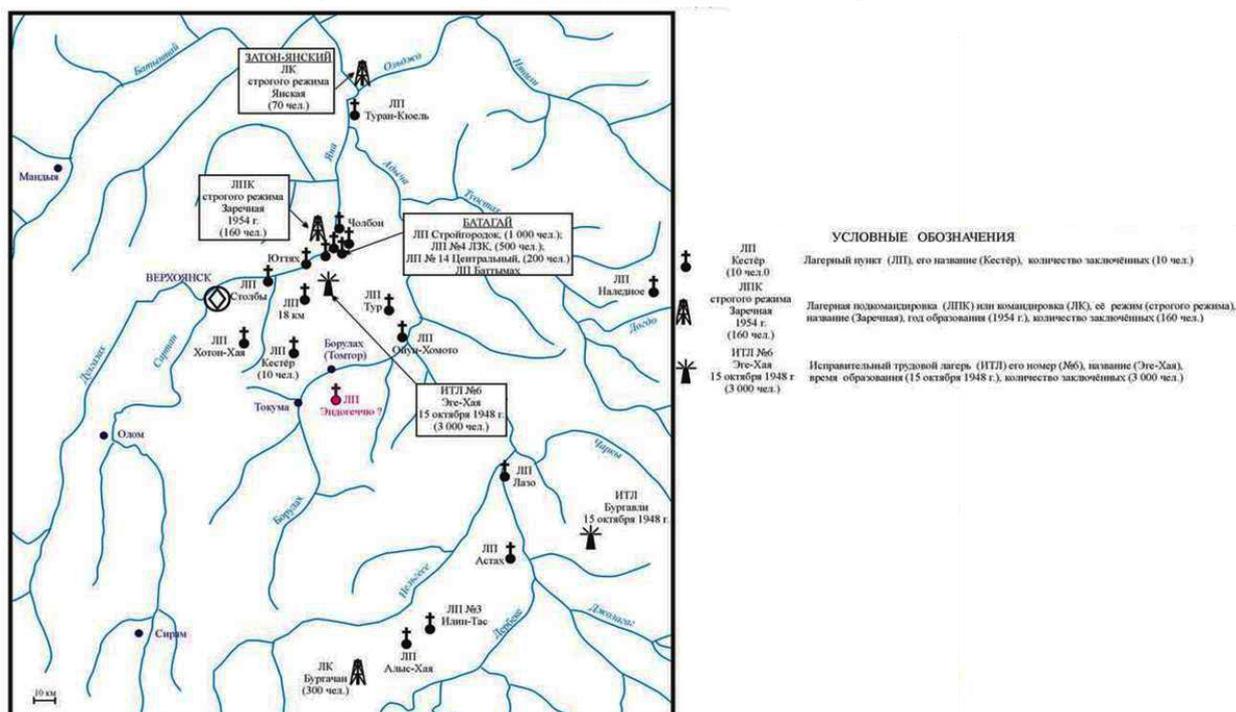
Янлаг

Погуляв по посёлку, наглядевшись на житьё-бытьё прииска, на колючую проволоку, на сожжённые бараки, поваленные вышки, захотелось понять, как же здесь жили и сейчас живут люди. Но это не удалось. Общений было мало. А если такие случались, то собеседник уходил в глухую несознанку.

Всё-таки какую-то информацию я получил. То ли тогда, то ли уже много позже.

С начала 30-х годов освоение территорий Магаданской области и Верхоянья шло в рамках Уголовно-исполнительной системы. Починялась ли она ОГПУ (1932), НКВД (1938) или УВД (1957) сути не меняло. Её задачи - строительство всего и вся, и исправление осуждённых, людей, неправильно ведущих себя и мыслящих не так, как надо. С первым как-то справились, со вторым - нет, скорее наоборот - лагеря людей портили. Некоторые вообще впервые стали мыслить...

В 1938 трест Дальстрой (официальная организация, занимающаяся колонизацией Колымы и окрестностей) перестал называться трестом и был официально включен в состав НКВД в качестве одного из Главных управлений (наряду с ГУЛАГом) и стал называться: Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД.

В 1940 Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ) имело 354 лагерных подразделения. Из них 67 - не имели оборудованных зон, 116 - вышек, 190 - освещения. За 1932-1940 годы в УСВИТЛ было доставлено 356 тыс. заключенных. (в 1932 общее число работающих в Дальстрое составляло 13360 человек, из них – 10265 заключенных и 3095 вольнонаемных). К 1953 осталось 26 лагерей и 168 лагпунктов, в которых содержалось 145,7 тыс. заключенных. Военизированная охрана комплектовалась из вольнонаемных и тщательно проверенных на сотрудничество с НКВД заключенных, осужденных по уголовным статьям, кроме бандитизма. На первое июля 1943 г. в штатах кадров подразделений УСВИТЛа имелось 1072 единицы. Фактически было укомплектовано 890 должностей, в т.ч. 160 – женщинами. В лагерях работало 665 русских, 121 украинец, 13 белорусов, 3 грузина, 5 армян, 2 литовца, 47 евреев, 5 поляков, 1 представитель коренной национальности и 29 - прочие. В штатное расписание лагерей и управлений входили и заключенные. Это мало известно, но важно с точки зрения выживания ЗК в лагере.

Жизнь и работа заключенных проходила в ужасных условиях и многие погибли. Но, конечно, никаких миллионов смертей (как об этом пишут некоторые "исследователи") в Дальстрое не было. Хотя бы потому, что никогда такого количества заключенных в этих местах не трудилось. Всего с 1932 по 1957 годы в лагерь Колымы было завезено 0,8 миллиона человек. Из них по разным документам умерло 120-130 тыс. человек, расстреляно – ~10 тыс. человек. То же не мало, но врать зачем?! Даже если бы все заключенные погибли, то и то миллион не наберешь. А многие выжили, штук сто прочёл я мемуаров разных лагерников Колымы.

Число погибших заключенных резко усиливалась в разные года, и сильно зависело от типа лагеря, контингента заключенных, от места расположения лагеря и, естественно, от самодурства начальства. Пример: строительство федеральной трассы "Колыма" Якутск-Магадан. Долбить кайлом гигантские скалы и укладывать камни в основание дороги доставили 300 человек. Через год работы из них осталось 46: за невыполнение плана по строительству трассы людей расстреливали. Например, 4.02.1938 расстреляно 56 человек, 5.02 – 17, 24.02 – 204, 4.02 - 94, 7.03 – 70, 8.03 – 64, а в период с 10 по 14 марта 253 человека. Многие погибли от бесчеловечного обращения, голода, холода, болезней, издевательств со стороны персонала лагерей.

Самыми страшными считались "Янлаг" и "Янстройлаг". Такое впечатление, что из них вообще никто живым не вышел.

В Батагае и вокруг него было много лагерей и командировок (см. карту).

Что касается Эге-Хая, то этот посёлок основан 22.10.1938 Наркоматом тяжёлой промышленности СССР, организовавшим Управление по строительству оловообогатительного комбината. Посёлок стал активно разрастаться после войны, когда 20.09.49 в Верхоянье был организован Янлаг – Янский исправительно-трудовой лагерь. На самом деле здесь было два лагеря: Янстрой (в 1951 – 1544 человека) и Исправительно-трудовой лагерь Янского горнопромышленного управления (4155 человек). Максимальное единовременное количество заключенных достигало 7200 человек. Так что народу было много. Ещё ведь и вольнонаёмные были (геологи, горные инженера, технологи, врачи, управленцы), и охраны немало.

Замечание. Численный состав ВОХР для несения конвойной службы по охране лагерей определялся из расчета 2,5-3% к общему числу заключенных, а в 40-е годы – 10%.

Основным видом производственной деятельности заключенных Янлага были горные и геологоразведочные работы, строительство обогатительных фабрик и дорог, жилищное строительство, лесозаготовки, обслуживание Янского речного пароходства, погрузочно-разгрузочные работы, сельхоз работы. Серьёзная сила, тем более, что действовала она по всему региону – на восьми оловянных месторождениях.

Лагерная статистика. Эге-Хайский ИТЛ № 6 – 3 тыс. чел., начальник Тумаков, 1951. Центральный лагерьный пункт №14 – 200 чел., начальник Пожидаев, 1947. Лагпункт при лесозаготовительной конторе – 500 чел. Лагерь Стройгородок – 1000 чел.

На раннем этапе добыча и обогащение руды базировались на использовании силы заключенных при минимальной механизации, крайне слабой энергетике, и дефиците квалифицированных кадров. Потому сложилась следующая схема разработки: рудник, в котором добыча и откатка руды шла вручную, дорога или подъём до обогатительной фабрики и сама обогатительная фабрика, производившая рудный концентрат. Разработка жил касситерита велась в открытых разрезах и штольнях. Бурение — взрыв — уборка породы и очистка забоя — и новый цикл. В шахту работяги опускались сидя по краям железной бочки из-под бензина, в центре которой лежало оборудование. Бочку опускали и поднимали верёвками. Горные бригады, грузили породу в вагонетки и отправляли на обогатительную фабрику. Там порода дробилась и промывалась. Позднее, когда была построена шахта "Капитальная" многие операции были механизированы.

Как шла работа видно из акта проверочной комиссии: в 1950 штреки и забои освещали не фонарями или прожекторами, а копилками. Откаточные пути имели неправильный профиль, были захлаплены и загрязнены. Погрузка горной массы из забоев не была механизирована и осуществлялась мускульным способом, а расстояние мускульной перекидки породы достигало 45 м. Имело место большое количество простоев рабочих из-за мелких организационно-технических неполадок (ожидание инструмента, необеспеченность фронтом работ и т.д.).

Всех кто жил и трудился на руднике надо было чем-то кормить, обогревать и лечить. Холодно тут. Очень холодно. Под минус 60! Леса вокруг нет. Воспалением лёгких и туберкулёзом болеют не только ЗК, но и вольнонаёмные и, страшно подумать - ВОХРОВЦЫ. Охранники мрут, как мухи! Фельдшерский пункт есть, но фельдшер там в гордом одиночестве.

Как завозилось в такую даль без путей-дорог оборудование, пища, топливо? Ведь весной и осенью вообще никуда не проедешь, а летом - разве что до реки. Только зимник! А покатайся по нему в страшные морозы. Машина сломалась (а как ей не сломаться при такой эксплуатации?!, да ещё в пургу) и хана, и зеки и охрана и шофёр - все на том свете. Весной откапают. Как мало не корми, но 10000 человек есть 10000 человек. Если к весне все перемерут, то кто будет руду добывать и обогащать? Кто план выполнять будет?. Начальство и охрана? Непонятно! Но как-то справлялись – олово шло непрерывно.

Здесь издавалась газета "Стахановец олова". Из неё я узнал, например, о таком подвиге. В начале марта 1950 из Берелех в пос. Эге-Хая через Адыгалах, Хандыгу, Батомай и Верхоянск была организована колонна из 12 автомашин, преимущественно из хорошо зарекомендовавших себя на СевероВостоке грузовиков «Татра». Это уникальный случай, таких завозов больше не было. А много ты перевезёшь на этих Татрах? И если 12 машин - это максимум, то как было в другие годы? Другой случай: Янское управление в ходе навигации 1947 недополучило необходимого количества бензина. Выправить положение удалось только с привлечением авиации. Авиоотряд Дальстроя перебросил 40 т авиабензина из пос. Зырянка на Яну. То ещё мероприятие было, если учесть, что аэродром в Батагае принимал лишь малые самолёты.

В старых газетах я вычитал, что, как ни странно, в лагере было социалистическое соревнование между бригадами. Победителям давали дополнительную пайку, некоторые льготы, а стахановцам сокращали срок заключения (правда таких ударников коллеги убивали в первую очередь). Соревновались и рудники. В 1942 лучшим управлением было признано Янское, которое и получило переходящее Красное Знамя и 30 тыс. руб. для премирования своих работников. Не сказано, сколько перепало ЗК.

Лагеря пополнялись не только людьми с материка, но и окрестными жителями. Интересно, как выглядел якут с отбойным молотком или со взрывчаткой. Правда в той же

газете прочёл очерк об якуте-забойщике, окончившим курсы. Но, похоже, второго такого не нашлось.

Мне было интересно, были ли в Эге-Хая женские отделения, контактировали мужчины и женщины, если да, то были ли тут роддом и дом младенца. Похоже, что мужчины и женщины всё же встречались. Здесь популярна байка о матросе, который полюбил девушку-заключённую, похитил её, засыпал углём и перевёз на барже в другой район. Потом они поженились.

Мог ли начальник прииска как-то влиять на отбор направляемых к нему заключённых? Зачем ему офисный планктон, никогда не державший в руках ничего тяжелее ручки с пером, но имевший привычку умирать в пути, тем более – при виде шахты? В СССР - плановая экономика. Был план и на смертность. Перевыполнять его нельзя. Перестараться - сам ЗК станешь, или получишь пулю в затылок. Например, царь-король Дальстроя Э.П.Берзин в 1937 был отозван в Москву, где немедленно был расстрелян (а с ним - ещё 30 начальников), полковник С.Н.Гаранин зверствовал 8 месяцев (расстреливал иногда целые лагеря), но прочно сел, и через 12 лет покончил с собой в Печёрском исправительно-трудовом лагере. Руководство органами тоже было делом рискованным: из 5 начальников УСВИТЛа, работавших в 1932-1940 гг., трое были арестованы и осуждены, а четвёртый – И.С.Филиппов – умер, не выдержав пыток. Лишь пятый вывернулся. И того разжаловали и отправили на пенсию.

Согласно легенде в Эге-Хая однажды был таков падеж заключённых, что руды было добыто на 20% меньше плана. Прилетела комиссия, прямо на месте расстреляла начальника рудника, особиста, главного инженера, главного геолога и начальника охраны. Всех остальных, включая секретарей-машинисток и всё население посёлка загнали в шахту, где они срочно добыли недостающие 20%. Это конечно сказка, но что-то в этом есть. Известно ведь, что когда случился падеж кур на одной птицеферме около Магадана, главного куровода застрелили на месте. Заключённый - собственность государства, механизм добычи металла. Портить и уничтожать имущество нельзя. Тем более имущество с трудом и большими затратами доставленное на край земли.

<p>ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!</p> <h1>СТАХАНОВЕЦ ОЛОВА</h1> <p>Орган политотдела ЯГПС Дальстроя НКВД СССР</p> <p>ЭГЕ-ХАЯ 24 мая 1941 г., суббота 24 (81)</p>		<p>27 МАЯ с. г., в 20 ч. 30 минут, в помещении столовой, состоится</p> <p>СОВЕЩАНИЕ ПАРТИНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО АКТИВА</p> <p>ПОРЯДОК ДНЯ:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Хозяйственные задачи в период промышленного сезона 1941 года. <p>Докладчик – Начальник ЯГПУ тов. ХАЛЕЕВ.</p> <ol style="list-style-type: none"> 2. Задачи партийной организации в деле реализации решений XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). <p>Докладчик – Начальник политотдела ЯГПС тов. СЕМЕНЮК.</p>	
<p>ГОРНЯКИ ОТВЕЧАЮТ</p> <p>Общее собрание горняков эгехайского рудника, обсудило вывоз горняков бургадальского района, единодушно постановило выехать в командировку, имея на себе обязательство:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Выполнить годовую норму добычи металла к 1 октября 1941 года, отдавая приоритет вывозу установленной кондиции металла. 2. Снизить себестоимость продукции на 6 проц. против плана. 3. Выполнить план 1941 г. по горно-подготовительным работам к 1 декабря 1941 г. 4. Обеспечить своевременную транспортную перевозку спускаемой продукции. <p>По поручению общего собрания: СВЕШНИКОВ, СОЛОВЬЕВ, РУМИНЦЕВ.</p>	<p>ПОМОЩЬ ВЫПОЛНИТЬ ПЛАН</p> <p>Решения XVIII Всесоюзной партийной конференции по вопросу выполнения плана партией организации в первую очередь важности и нужды промышленности в триагоне.</p> <p>Важнейшей задачей горняков является выполнение плана, поэтому не надо, чтобы план и мероприятия выполнялись не по факту, а по плану, а не по факту.</p> <p>Все планы не выполняются, поэтому должны быть найдены пути выполнения плана, поэтому не надо, чтобы план и мероприятия выполнялись не по факту, а по плану, а не по факту.</p> <p>В прошлом январе нашей шахты было нарушено обращение группы заключённых по плану.</p>	<p>МОЛОДЕЖЬ ОХРАНЫ</p> <p>С большим интересом в летние дни мы читаем и слушаем лекции молодежи эгехайского рудника, которая в настоящее время работает в бригаде горняков бургадальского района.</p> <p>Партией тов. Афанасьев, который в настоящее время работает в бригаде горняков бургадальского района, который в настоящее время работает в бригаде горняков бургадальского района.</p> <p>Мы гордимся тем, что партия горняков бургадальского района, которая в настоящее время работает в бригаде горняков бургадальского района.</p>	<p>КОМСОМОЛЬЩИКИ ПОМОГУТ ГОРНЯКАМ</p> <p>Решения XVIII Всесоюзной партийной конференции по вопросу выполнения плана партией организации в первую очередь важности и нужды промышленности в триагоне.</p> <p>Важнейшей задачей горняков является выполнение плана, поэтому не надо, чтобы план и мероприятия выполнялись не по факту, а по плану, а не по факту.</p> <p>Все планы не выполняются, поэтому должны быть найдены пути выполнения плана, поэтому не надо, чтобы план и мероприятия выполнялись не по факту, а по плану, а не по факту.</p> <p>В прошлом январе нашей шахты было нарушено обращение группы заключённых по плану.</p>
<p>ПОКОНЧИТЬ С НЕДОСТАТКАМИ В РАБОТЕ РУДНИКА</p> <p>XVIII Съезд нашей партии поставил перед работниками шахты задачу: увеличить производство металла, улучшить обслуживание потребителей, удовлетворить потребности народного хозяйства в обильном сырье.</p> <p>Отгрузка руды на обогатительные фабрики производится бесперебойно. Автоматизация, как правило, осуществляется, имея в виду случаи доставки на обогатительные фабрики металла.</p> <p>г. Маленков на XVIII Всесоюзной партийной конференции.</p>		<p>г. Маленков на XVIII Всесоюзной партийной конференции.</p>	

Поэты, художники и даже филологи - шахтёры плохие. Пока их обучишь работать кайлом и отбойным молотком, взрывать породу, крепить штреки, прокладывать рельсы - они сто раз помрут. Вся учёба насмарку! Также непонятно зачем тут профессиональные уголовники, что принципиально не работают. Зачем их тащить в такую даль, да ещё кормить и одевать? Работягам есть нечего, с голода умирают. А эти урки будут ещё

проигрывать в карты и резать фрэеров? Убьют уникального специалиста (маркшейдера, взрывника, крепильщика и т.п.), без которого производство встанет намертво. И что?! Руды не будет. Начальника погладят по головке? Нет, он в головку свинец получит. Так что уголовников не надо. Лучше бы шахтёров. Но нельзя же арестовать и прислать сюда весь Кузбасс и весь Донбасс. Стране уголь нужен.

Интересно, была ли борьба начальства за контингент?

Какое вообще было соотношение мужчин и женщин (включая ссыльных и поселенцев), какие статьи преобладали, каков национальный состав? Особенно, когда в Сибирь стали ссылать пленных, а потом жителей западных регионов СССР. Какова была реальная смертность заключённых, охраны и вольнонаёмных, какой процент составили вернувшиеся на материк и какова продолжительность их жизни на воле? Смертность была большой. Но разной в разных регионах. Не случайно о Колыме написаны сотни воспоминаний бывших ЗК, о Чукотке - десятки (и трудягами на урановых рудниках), а о Верхоянских лагерях (в том числе и об Янлаге) - ни одного! Нет описания шахты, нет схемы технологии. Писателей не нашлось? Или мало кто выжил, а кто выжил вспоминать не хочет, может потому, что выжил способом, осуждаемом московской интеллигенцией.

Конечно, руководству рудника не позавидуешь. Оборудования нет, продуктов мало, витаминов нет, а морозы есть. Работяги еле тянут, а начнёшь прессовать - мрут как мухи. Их, конечно, не жаль. Но есть планы и на смерть и на добычу. План-задание - это боевое задание, приказ. Не выполнишь - трибунал. На Колыме для выполнения горящего плана на два месяца направляли "добровольцев" - вольнонаёмных товарищей из Магадана и посёлков. Правда, им хорошо платили. Многие работали старателями и намывали золото, которое сдавали государству. Однако во время войны мало того, что стало мало поступать с материка заключённых, так ещё пришлось отпускать на фронт мужиков. Работать же пришлось с женщинами, а их на Севере на порядок меньше, чем мужчин.

Это на Колыме можно стрелять сотнями. Там и порт и тракт. В любой момент людей нагонишь больше, чем надо. А здесь, как на острове. Пока лето не настанет, никого не получишь. И то нет гарантии: навигация на Яне всего две недели в году. Пополнения может не случиться. Вот и приходится беречь эту скотину. Скотина же работать не хочет, энтузиазма в ней нет, более того членовредительством занимается, снег ест, в луже валяется, чтобы в лазарет попасть, пальцы себе отрубает, чтобы комиссовали. Часто перестарается и помрёт, причём не в лазарете (куда ни шло, там план выше), а прямо в бараке. А как его спишешь? Говорят, с рук умерших снимали кожу с татуировкой, а то и вовсе кисть отрубали, отправляли в Магадан на идентификацию, чтобы там удостоверились в необратимости смерти узника и дали разрешение на захоронение. А хоронить как? В вечной мерзлоте могилы копать и кресты ставить? Замаешься! В отработанный штрек складывай голые тела и взрывай вход. Дополнительная работа.

С лагерным контингентом скучать не будешь. Мало того, что они работу саботируют, болеют и умирают, так они ещё хулиганят и убегают! Например, на 1.11.1952 в ИТЛ УСВИТЛ Дальстроя содержалось 154453 заключённых (из них 17823 – женщины). Все вместе они за год совершили 39627 нарушений лагерного режима: лагерный бандитизм – 63; умышленные убийства – 41; отказ от работы – 18654; промотов казённого имущества – 4115; сожительства – 1043; хулиганства – 1604; связь с вольнонаёмными – 1725; прочие нарушения – 12382. Убийств всё же мало, если верить мемуарам их было намного больше. Сожительства есть, а изнасилований нет. Или они были, но не считались нарушением режима?

Побеги тоже были. В Дальстрое, например, в 1950 побегов было 576, в 1951 г. – 752. Из этого числа убито бежавших – 335 человек. За I квартал 1952 г. совершено 87 побегов, убито 78 бежавших. Сотрудники УСВИТЛ и бойцы ВОХР нередко вступали в вооружённые схватки с бежавшими заключёнными, сформировавшимися в банды. Несмотря на слабые надежды на успех, было несколько случаев одиночных и групповых побегов из янских лагерей. Жертвами беглецов, уголовных элементов, становились как

служащие ЯГПУ, так и мирные жители. Аборигены (якуты, чукчи, ненцы) эффективно ловили беглецов и сдавали, куда надо. Так, например, в 1943 награждён Почётной грамотой ученик 4-го класса школы колхоза имени Ворошилова за поимку бежавшего из ИТЛ осуждённого по статье 58-2 (контрреволюционная деятельность).

После войны, когда в заключёнными в лагерях стали бывшие фронтовики, они же бывшие, нынешние и будущие уголовники. Они стали эффективно противостоять официальным властям. Когда начинали оловянный прииск Депутатский на Индигирке, туда высадили отряд ЗК с охраной. Заключённые построили бараки и обнесли их колючей проволокой. Охрана захватила бараки (и склады с провизией и оружием), а заключённых выгнали в тайгу. Свободны! Иди, куда хочешь. Но те никуда не пошли, а стали штурмовать крепость, прорываясь к продуктам. Охрана мужественно отбивалась. С переменным успехом война шла осень, зиму и весну. Лишь летом появившиеся внутренние войска установили мир. Правда к этому времени воевать уже было некому.

В начале 50-х годов шахта в Эге-Хая тоже успела отличиться как режимный объект. Лагерь, находившийся здесь, прославился тем, что политические заключённые смогли дать бой притеснявшим их уголовникам. Тогда это было необычайное событие. Волна противоборства между политическими и уголовниками, начатая в Эге-Хая, покатила по всему ГУЛАГу до самой Колымы. Историки этого события забывают упомянуть, что в это время политические вовсе не были идейными троцкистами, мелкими чиновниками, случайно попавшими по репрессии или старыми коммунистами. Это были бандеровцы, каждый из которых уничтожил десятков поляков и сотню евреев, полицаи, повесившие десяток односельчан, литовские лесные братья, перебившие 95% своих и большую часть белорусских евреев, разведчики-влассовцы, перерезавшие не одну глотку врага. Да, они победили воров-карманников, домушников и даже медвежатников - спеццов по взлому сейфов. Но политические статьи здесь ни при чём.

Появление фронтовиков привело и к войнам в самой среде заключённых. Смертность резко увеличилась и не из-за климата, начальства или охраны. Война развернулась между группировками «В» и «С» - «ворами в законе» и «ворами ссучившимися». Обе группировки стремились подчинить своему влиянию заключённых лагерей в целях обложения их различными поборами, получение за счёт честно работающих зачетов по рабочим дням. Главной же целью этих группировок было устранение администрации ИТЛ от законной деятельности и насаждении в лагерях воровского порядка. Средства межгруппировочной борьбы, направленной на достижение господства в лагерях, являлось взаимное физическое уничтожение. Вследствие этого в 1951-53 гг. имели место факты убийств при соприкосновении заключённых из враждующих группировок. Особенно кровопролитно велась эта «война» в Чукотстройлагере, в лагерях, расположенных в пп. Эгвекиноте и Иультине. Лагерная администрация принимала большие усилия, чтобы установить в ИТЛ законность и правопорядок. В некоторых местах это удалось. Но не во всех. Чукотские урановые рудники, целиком захваченные уголовниками, пришлось срочно закрыть.

Криминогенная обстановка в лагерях Дальстроя в начале 50-х осложнилась не только из-за этих событий. Уже в 1952, т.е. ещё при жизни Сталина, начали освобождать заключённых. Так в 1952 из лагерей Дальстроя было освобождено 25757 человек (в основном - бандеровцев). Вместо них прибыло всего 9822 заключённых. Но что это были за люди? В это время большие умы в Органах решили лагеря в европейской части России избавить от особо опасных уголовников-рецидивистов, в первую очередь серийных убийц (убийц как на воле, так и в лагерях). Просто отправить их куда подальше, может там перемерут, перебьют друга, или хотя бы покалечатся. Глядишь, рецидивов не будет. Можно представить в какой восторг пришло руководство Дальстроя. О ВОХре лагерей написано много, но в здешних краях она была недостаточна. Многие лагеря и особенно командировки были вообще без колючей проволоки и вышек. Многие заключённые бродили по посёлку без охраны. В крутых мерах не было необходимости. Просторы

Севера делали бесперспективными побегу. Да и что собой представляли эти охранники? Три четверти (!) охранников Дальстроя - это бывшие заключённые. Уголовники, соблюдавшие режим и обычно сотрудничающие с Органами (политические, осуждённые по 58-ой статье, в охранники не допускались). Большинству освобождённых по окончании срока, не разрешали покидать посёлок ("химией" называлось). Жить-то как-то надо, работать где-то надо. А где?! Вот и шли в охранники. Так что уголовники оказались по обе стороны колючей проволоки. Ни к чему хорошему это не привело в 1952, но стало кошмаром в 1953 и, особенно, в 1954.

27.04.1953 (после смерти И.В.Сталина) был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР и началась «бериевская амнистия». Согласно этому Указу за 1953 из лагерей УСВИТЛа было освобождено 76 тыс. человек или 53% от общей численности заключённых. В первую очередь - уголовников. А куда им податься? В Магадане ещё можно дожидаться навигации и пробиться (далеко не всем) на пароход, а освобождённым в Эге-Хая что делать? Несколько тысяч человек должны выбраться. А как? Да, в аэропорту Батагая иногда садится Ли-2 из Якутска. Он принимает на борт (если нет груза) целых 14 человек. Вывозить народ Аэрофлотом, это вычерпывать воду Байкала чайной ложкой. А деньги на билет где?! Их нет не только у бывших ЗК, но и вольнонаёмных, прибывших на Север за большой деньгой. Мало того, что практически всё заработанное уходило на "добровольные" пожертвования на армию, на послевоенное восстановление страны, на займы без отдачи и т.п., так в 1947 финансовая катастрофа случилась: карточки отменили, заодно обнулив все накопления.

А какие другие варианты покинуть места не столь отдалённые. Идти вниз по Яне (на север) до Северного Ледовитого океана? Так это 700 км. Идти вверх по Яне (на юг), так это 800 км до Колымского тракта. А дальше что? До Москвы ещё далеко. Идти к Индигирке и Колыме (на восток), так на пути горная страна Черского, идти к Лене (на запад), так на пути Верхоянский хребет. Поди до цели не дойдёшь... Замуровали!

Конечно на первых порах ЗК нашли себе занятие - громили лагерь. Но только сожгли бараки, как настала зима. Кормить перестали. Денег нет. Пришлось заняться грабежом. Если выжившие жители Эге-Хая и вспоминают времена послесталинской амнистии, то только чеченцев, режущих всё и вся своими длинными блестящими кинжалами.

Янлаг в эти времена ещё существовал, его закрыли 30.12.1956, т.е. далеко не сразу после смерти Сталина. Но в округе в моё время лагеря в Верхоянье ещё были, и, надо полагать, будут вечно. Может в будущем, когда опять придётся в России очередную пятую колонну изводить, здешние края снова расцветут...

Теперь о беседе с тётей-инвалидом, с которой я покидал Эге-Хая. Единственной живой свидетельницей тех времён, с которой удалось пообщаться. Это была маленькая (150 см, не выше) худая женщина. Она выросла среди якутов в пос. Белькачи. Отец погиб, оказалась в детдоме. С ранних лет тяжело работала. Однажды прочла в газете, что Якутский городской комитет комсомола призывает молодёжь принять участие в освоении Севера. С лета 1954 в Эге-Хая. Еле осталась жива после налёта чеченцев. Работала на руднике Эге-Хая сортировщицей, среди заключённых. Шахта была вся обнесена колючей проволокой, и она входила в зону заключённых по пропуску. Условия работы были ужасными, на сквозняке и в сильно запылённой эстакаде. Огромный транспортёр до верху нагруженный рудой «ползёт» вверх, и она должна успеть сбросить с этого транспортёра всю пустую породу в бункер. Норма: за смену отсортировать 38 самосвалов пустой породы. В 1955 году у неё родилась девочка. Декретный и послеродовой отпуск давали всего один месяц, и ей, так как не было мест в яслях, приходилось носить ребёнка на работу в зону. Заключённые сделали из четырёх палок люльку, обтянули брезентом и подвесили на верёвке к потолку, в неё она укладывала дочку и бежала на эстакаду сортировать руду. Присматривали за дочкой заключённые, и когда девочка просыпалась и начинала плакать, ей кричали: «Маленькая мама, иди — дочка проснулась!». Её по имени

в шахте не звали, а все звали «маленькая мама» за её рост. Потом моя собеседница была брошена на прокладку железной дороги по штреку. Извилистой дороги. Дали приспособление для изгиба рельса, а сами ушли. Она крутила что-то крутила, крутила, рельс и лопнул. Её чуть не убили.

Ребята! У меня к вам вопрос. В лагере кого-то освободили. Но на руднике ещё 3000 (три тысячи (!)) здоровых мужиков). Почему у вас в поте лица своего трудится хрупкая женщина, вольнонаёмная комсомолка, с грудным ребёнком? Больше некому скинуть пустую породу и грамотно согнуть рельс? Вам не стыдно?!

Дальше тётя выдала такой текст: "Не знаю почему, тяжёлый труд стал смыслом жизни, но я трудилась, не жалея себя, и была вознаграждена за это. Самым радостным событием в моей жизни стал 1958 год, когда меня наградили высокой правительственной наградой — грамотой Президиума Верховного совета ЯАССР. В том же году я была избрана депутатом райсовета... Десять лет бурлила моя молодость, пока вдруг не оборвалась в самом расцвете моей трудовой деятельности: в 1959 меня завалило в шахте, я получила увечье и обречена на пожизненную инвалидность. Да, лёгкой жизни я просила у Бога, лёгкой старости надо б просить..."

Тогда на последнюю фразу я не обратил внимания. Но тётя права!

Нервная обстановка

*Беспощадная сука стерва
беспрестанно мне треплет нервы*

Местный лагерь был суровым. Высокогорная тундра, камень, поросший мхом и ягелем, тучи комаров и мошки летом и лютый мороз зимой. Работа тяжёлая: оловянный рудник. Все были озлоблены: ЗК мёрли, как мухи, охрана голодала и зверела без спирта. Но начальник лагеря был суров и держал дисциплину. Его жену в течение года как-то не было видно (да и была ли она здесь?!). Но летом, как только наступал полярный день, Вера покрывала тело толстым слоем РЕПУДИНА, одевала яркий, откровенно открытый купальник, и начинала бродить по территории лагеря. За ней следовал солдат с кошмой. Она выбирала место и укладывалась на войлок загорать. Действия эти имели мощный общественный резонанс. Особенно у чекистов на вышках. Они уже не озирались по сторонам в поисках бегущих ЗК, а заморожено сквозь риски прицела смотрели на роскошные тела, с боку на бок перекатывающиеся. Как хотелось дать очередь! Особенно, когда дама вставала и начинала обходить лагерь по периметру. Подойди она к колючке ближе, чем на три метра – можно стрелять без предупреждения. Но, несмотря на сложный рельеф местности, она держала дистанцию. Тоскующая вохра иногда даже просила вольнонаемных впихнуть её в трёхметровую зону. Никто не решался.

Когда волнения всех слоев лагерного общества достигало критического уровня, шли с жалобой, и начальник порол жену ремнём. Но на утро, в майке до пиписьки, она опять, светясь белой кожей, гуляла по лагерю.

Лагерь трясло до первых заморозков.

Река Яна

Бродя по окрестностям посёлка, утром я направлялся вверх по течению Яны и шёл

до реки Батагайка, но вечером я перемешался в низ по течению - на север. Там, на мысу, усаживался на краю террасы, обрывающейся метров на 80-м. Обрыв этот сам по себе был интересен: рассыпано много сколов кремня, полученных явно с участием человека. Древнего человека. Может тут была стоянка аборигенов каменного века. Археологов бы сюда.

Закат на Яне.

Но я приходил сюда не ради охотников на мамонтов. Я любовался природой. И закатом. Удивительное

зрелище, доложу я вам! Совершенно нереальные, но перетряхивающие всего тебя краски. И простор, конечно, простор.

В Третьяковке есть картина И. Левитана "Над вечным покоем". Кто видел - не забудет. Но там, на озере Удомля, простор поуже. Тут он бескрайний. Там - вечность, но Западная вечность. Как писал художник: «Вечность, грозная вечность, в которой потонули поколения и потонут ещё... Какой ужас, какой страх!». Да, там, в Европе, многие поколения тонули. Но тонули культурно, следом друг за другом. Здесь, в Сибири, - куда более грозная вечность. Миллионы канули в неё. Сразу и некультурным образом. Именно здесь страх и ужас.

Если бы Левитан здесь сидел, закатами над рекой сквозь решётку наблюдал, то что за картину бы написал. Всем картина картина. Впрочем, может вообще рисовать не стал. Мощь природы подавляет.

Увы! Вскоре закаты кончились, солнце перестало уходить за горизонт, стало ходить по кругу, но я всё равно приходил. Яна есть Яна. В Москве такого не увидишь.

Ну, раз мы на Яне, то поговорим о ней подробней.

Река Яна образуется при слиянии рек Сартанг и Дулгалах, стекающих с Верхоянского хребта, и впадает в мелководный Янский залив моря Лаптевых. Название реки эвеноэвенкийского происхождения: йэнэ – большая река. Длина реки - 872 км., площадь бассейна - 238 000 км². Если отсчет вести от наиболее длинного притока Сартанг, то длина Яны составляет 1490 км. После слияния река течёт в широкой и глубокой долине. Помле впадения Адычи долина расширяется до 10 км., а русло разделяется на протоки. При пересечении северной оконечности хребта Кулар долина сужается, в русле — пороги. Ниже Яна протекает по Яно-Индибирской низменности в очень извилистом русле и разбивается на рукава. При впадении в Янский залив моря Лаптевых река образует дельту площадью 10200 км².

Река имеет смешанный тип питания, в период с мая по август проходит до 90% годового стока. Амплитуда уровня воды в среднем течении достигает 9 м, а в нижнем т – доходит до 11,9 м. Лед на реке становится в октябре, а вскрывается во второй декаде мая. В бассейне реки 37181 водотоков и более 38900 озёр с общей площадью зеркала 3240 км². В тёплый период уровень воды неустойчив и режим характеризуется почти непрерывным прохождением паводковых волн различной продолжительности и амплитуды. Поэтому река Яна – одна из самых мутных рек Якутии. Если зимой приток воды с верховьев не прекращается, то в местах промерзания создаётся очень высокий напор воды, который прорывает лед. При этом вода разливается по долине и замерзает, затем разливается новый слой воды, который опять замерзает. Так формируются наледи (тарын), которые оттаивают постепенно, иногда в течение всего лета, давая рекам дополнительное питание.

Весеннее половодье наступает в конце мая – начале июня. После весеннего половодья наступает обычно кратковременный период сравнительно низких уровней, за которыми следует летние паводки, образующиеся в основном за счёт дождей. В Яну впадают 89 притоков длиной более 10 км. Главные притоки: Ольджо, Адыча, Бынтай и Баки.

Несмотря на кажущуюся кротость реки, Яна стоит на четвёртом месте в списке самых трудных рек России (а в Сибири - на первом месте). Шторма на ней бывают такие, что и море позавидует.

Река Яна судоходна на 720 километров выше устья. Основной приток Яны - Адыча судоходна от своего устья Адычи до Оюн-Хомо (233 км). Адыча впадает в Яну справа в 42-х км выше поселка Янск, она даёт 66% всего стока и оказывает серьёзное влияние как на скорость течения, так и на условия судоходства. Судоходство от поселка Батагай до Верхоянска нерегулярное, оно возможно лишь в половодье. Яна по своим гидрологическим судоходным условиям относится к горным рекам с резким изменением горизонтов, и высокими, при весеннем и летнем паводках, скоростями течения. Река имеет короткую навигацию, каменистое и порожистое строение верхнего участка реки, 93 переката, крайне неравномерный сток воды. Река делает значительные петли, коэффициент извилистости равен 2, а на некоторых участках достигает 2,5. Общее падение реки от Верхоянска (874 км) до устья Яны 130 см. Однако, основное падение реки приходится на средний участок, где оно составляет от 50 до 60 см на 1 км. Всё это требует от судоводителей особых навыков и умения вождения судов и буксировки барж.

Коротко остановимся на колонизации долины Яны русскими.

Для России река Яна была открыта в 1633 отрядом казаков под предводительством Ильи Перфильева. В 1637 в низовье реки Яна был основан Усть-Янский острог, а в 1638 году в верховье р.Яны Верхоянское зимовье. Первое исследование р.Яны повёл ссыльный доктор А.А. Бунге, который в 1885 из Верхоянска на лодках проплыл по р.Яне до Новосибирских островов. Развитие торговли требовали улучшения путей сообщения. Верхоянск с Якутском соединил тракт с летним вьючным транспортом. Был и зимник Верхоянск - Усть-Янск – 860 верст. Подрядчиком этого тракта были местные жители, которые имели оленей. С открытием судоходных путей по р.Лена, начали использовать новый путь сообщения. Грузы доставлялись с верховья р.Лены из Якутска до села Булун, а оттуда зимним путем в Казачье.

Казачье — село в Усть-Янском районе - расположено месте впадения в Яну реки Казачка. Расстояние от Моря Лаптевых 425 км, основано русскими казаками в 1636. В Казачье найдены многие археологические остатки первобытного человека и животных, здесь в 17 веке побывали братья Лаптевы, отсюда отправился в экспедицию Яков Санников, открывший неизвестную землю, позднее её пошёл искать Эдуард Толль, побывал будущий глава белого движения адмирал А.В. Колчак. Казачье стало главной ареной гражданской войны в Усть-Яне. В годы войны сюда были переселены народы Прибалтики, Польши, Германии.

В 1932 возникла необходимость перебросить на р.Яну отряд НКВД, а так же ряд грузов для геологических экспедиций. Для выполнения этой задачи был избран новый теплоход «Эстафета» (длина 16.5 м, 100 лошадиных сил) с грузом на барже «Надежда». 25.08.1932 теплоход с баржей вышли из Тикси в море для следования на р.Яну. 30 августа впервые в истории суда вошли в левый рукав р.Яны – протоку Ильин – Шар и 2 сентября прибыли в Казачье. Отрядом НКВД был арестован ряд бандитов, груз был выгружен. Загрузив в Казачье груз и пассажиров, на обратном пути 9 сентября теплоход «Эстафета» с баржей «Надежда» штормом были выброшены на берег мыса Буор-Хая. Команду и пассажиров подобрал гидрографический моторный бот «Пионер» и доставил их в Тикси. Первый рейс для теплохода «Эстафета» оказался для неё и последним.

В 1934 к устью реки Лены пришёл с запада первый караван морских судов. Жизнь на Севере резко изменилась вместе с освоением морских путей у берегов Якутии началось

транспортное освоение северных рек, в том числе и Яны. Развитие водного транспорта на Крайнем Севере сильно влияло на темпы роста экономики этого края.

Вскоре на р.Яне геологами выявлено крупные месторождения полиметаллических руд, в том числе - касситерита. В связи с этим встал вопрос организации судоходства по р.Яне. В 1935 для создания Янского лоцмейстерства, главное Управление Северного морского пути делают попытку завоза людей, оборудования, снаряжения. Из Тикси на р.Яну отправляется гидрографическое судно «Хронометр», который в августе доставил на бар Яны на буксире катер с деревянным кунгасом. 11.08.1936 с р.Лены на р.Яну направляется колесный пароход «Сасыл-Сысы» (мощность 150 л.с.) и моторный катер «Сартанг» (60 л.с.) с тремя баржами грузоподъемностью по 150 т каждая. 13.08.36 пароход подошел на бар Яны и начал подниматься по реке. Разгрузка барж производилась у фактории «Комсомольская», для жителей Янского и Эльгетского наслегов. Двое с половиной суток без отдыха работали бригады грузчиков. В Усть-Янском районе было выгружено 130 т., остальное повезли в Верхоянск. Всего груза было 639 т., в основном продовольствие, но были и кирпичи и нефть в бочках. До Казачье пароход прошёл без единой посадки, успешно провёл за собой караван барж и 23.08.1936 достиг Верхоянска.

Так начинался северный завоз грузов на Яну. Пароход «Сасыл –Сасы» ещё 20 лет водил баржи на р.Яне. В 1957 ледоходом его выбросило на берег Антоновской протоки, где он до сих пор и стоит. В это же время по Яне установили 155 знаков, 16 бакенов, а в устье реки – маяк. В 1937 на Яну прибыли два парохода «Каганович» и «Летчик Галышев» (мощность 300 л.с.) с шестью баржами. В 1938 4 парохода и 15 деревянных барж перевезли 6208 т груза. Основная масса грузов следовала в адрес «Якутолово» до населенного пункта Ютях (Батагай). В 1939 дополнительно к пункту зимнего хранения грузов в Усть-Янске, строится второй перевалочный пункт – Куогастах. Он расположен на Правой протоке в 16 км. от побережья моря Лаптевых. До 1940 из Куогастаха до Верхоянска пароходы делали по одному рейсу. Суда зимовали на случайных отстоях. Члены команд судов жили в примитивных избушках. С 1940 перевалочный пункт Усть-Янск был закрыт. Контора, производственные и бытовые здания были переведены в Куогастах. В 1940 флот на р.Яне значительно пополнился. По морю Лаптевых теплоход «Первая Пятилетка» привёл 4 парохода, 2 газохода и 15 барж, в том числе 13 с повышенной грузоподъемностью (450 т.). Увеличение флота, стремление создать надежный отстой судов, вызвали необходимость организации затона на р.Яне. Местом затона была избрана Антоновская протока (посёлок Янск) на 600 км. р.Яны. В 1940 впервые флот, за исключением нескольких барж, зимовал в этом затоне. Поселок Янск до 1961 был пунктом отстоя и ремонта всего янского флота. Во время войны заключен договор СССР-США об аренде судов. Осенью 1941 пришли новые ледоколы «В.Молотов» и «Красин». В США построили серию дизельных ледоколов. На бере Яны разгрузился

теплоход «Беломорканал», его маршрут был Нью-Йорк - Исландия - Новая Земля – устье р. Яны. Он пришёл в одиночку, разгрузился, взял на борт рыбу, другой груз и ушёл на Запад. В 1942 открылась авиатрасса «Аляска-Сибирь». С Аляски через Якутск, где была дозаправка, пролетело 8000 самолетов. Из Тикси в Якутск по реке Лене доставляли речным транспортом автомобили и в огромном количестве топливо в бочках для трассы Аляска-Сибирь. Морем везли в Якутск и на Яну: тушёнку, муку, яичный порошок, сухое молоко, одежду и обувь и т. п.. Теплоход «Первая Пятилетка» в 1942 сделал 4 рейса на Яну, 2 рейса на Омолуй. В эту навигацию на палубной барже привезли ссыльных прибалтийцев, финнов, немцев. В 1944 в северовосточные районы Якутии доставлено 198600 т. грузов. За 1941-45 из стран союзников доставлено морским путём 17.5 млн тонн груза, и перевезено 18000 т олова. После войны самым мощным на Яне был пароход "Кренкель". С 1949 на Яне действуют рыбзаводы и рыбучастки, на которых работают местные жители, а также ссыльные, «власовцы» и немецкие военнопленные. В 1949 на флоте ввели политотделы. На Яну поступают первые буксирные теплоходы. Выполняется завоз грузов геологическим партиям, работающих в районе мыса «Святой Нос» на берегу моря Лаптевых. В 1957 появляется новая форма перевозок нефтепродуктов – наливом. До этого нефтепродукты перевозились в бочках. В 1958 перевозки нефтепродуктов наливом за навигацию составили 10000 т.

Наиболее крупные порты на Яне: Верхоянск, Юттах (Батагай), УстьКуйга и Нижнеянск.

Как уже упоминалось, Яна образуется из слияния двух притоков – Дулгалах и Сартанг. В 20 км ниже этого места располагается город Верхоянск. Ещё на 70 км ниже находится порт Юттах, а от него ниже на 20 км Батагай. Остальные порты расположены ближе к морю Лаптевых.

Усть-Куйга — посёлок городского типа, расположен в 400 км от моря Лаптевых (347 км реки Яны) и на 360 км ниже Батагай. Перевалочная база грузов для Усть-Янского и Верхоянского районов, есть аэропорт, геолого-разведочная экспедиция (месторождение золота Кючус). Бывший порт для оловянного прииска Депутатский (до него 250 км). Образован в 1951 осуждёнными и вольнонаёмными поселенцами, населённый пункт с 1967. Сначала Усть-Куйга была пристанью. Когда воды в Яне было мало, и пароходы не могли пройти до Батагай, грузы оставляли на пристани в Куйге, а зимой по замерзшей реке довозили до места назначения.

Усть-Янск — село в Усть-Янском улусе Республики Саха (Якутия). Было основано в 1780 году промышленником Яковом Санниковым. Расположено на правом берегу реки Яны, в 537 км к северо-западу от райцентра поселка Депутатский. В селе — речная пристань, хозяйственный центр родовой общины «Усть-Яна», ведущей традиционные отрасли хозяйства — оленеводство и рыбный промыслы. Имеются клуб, неполная средняя школа, учреждения здравоохранения и торговли.

Нижнеянск - рабочий посёлок в дельте реки Яны, в 581 километре к северу от посёлка Депутатского. В 1936 здесь был устроен перевалочный пункт для грузов, завозимых в Якутию по Севморпути. В 1954 было начато строительство крупного речного порта. Посёлок превратился в крупный транспортный узел для снабжения Усть-Янского и Верхоянского районов и материально-технического обеспечения Депутатского ГОКа. В августе 1942 из Ленинградской области сюда было депортировано 300 немцев и финнов, а также литовцев 55 семей, 186 человек. Первоначально ссыльные жили в палатках. Ими были построены рыбоперерабатывающий завод и пекарня. Занимались ловлей рыбы. В первую зиму многие скончались от болезней (цинга), от голода и холода.

За годы девятой пятилетки (1971-1975) Янским флотом перевезено 4 млн. т разных грузов, в том числе в адрес Кулара и Депутатского – 1.2 млн. тонн продовольственных и промышленных товаров, оборудования и нефтепродуктов. Для предприятий Куйги и Кулара доставлено более 1 млн. тонн минерально- строительных грузов.

16.10.1991 Тикси посещает председатель Правительства Егор Гайдар. После его слов: «Север заселён искусственно...» работы в здешних краях прекращаются. Все

горнодобывающие предприятия, в том числе Депутатский ГОК и комбинат «Куларзолото» аварийно ликвидируются. Падает объём грузоперевозок. Начинается массовый отток населения. Посёлки обезлюдели. На рубеже веков порт Нижнеянска занимается лишь перевалкой каменного угля для нужд энергетиков и ЖКХ. Регулярная навигация на Яне прекращена, все суда - ржавеют в отстое.

Река Яна отдыхает. Надолго ли?

Работодатель

Злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски.

В один не очень прекрасный день в Геологический центр явились два свирепых товарища и довольно бесцеремонно выволокли меня из-под бильярда. Небрежно поигрывая ножами-лисичками, они предложили последовать за ними.

Я последовал.

Мы прогулялись по переулкам вверх по склону, слегка поплутали и подошли к бараку, прижатому к склону холма. Это что – хата или малина для хевры?

Хевра — (ив. хевра – компания) криминальная общность, банда; группа воров (2-3 чел.), во время кражи помогающие друг другу

Малина (ив. малон — гостиница, приют, место ночлега) - воровская квартира, помещение, где скрываются воров.

Барак как барак, только окна в решётках, и входная дверь обита железом и заперта на многочисленные замки. (Большая ошибка, кстати, вспыхнет где что, не выскочишь).

Условный стук, лязг запоров. Меня грубо проволокли по коридору и втокнули в сумрачную комнату, обитую и покрытую мехами, правда низкосортными – оленьими. На стенах – рога с холодным оружием и винтовкой. За столом на лавке из грубых досок – блатной начальник, бугор.

Сидел он развалившись, положив одну ногу в сапоге на стол. При разговоре папироса перелетала из одного угла его беззубого рта в другой. При моем появлении он не потрудился встать, поприветствовать меня, или хотя бы поменять позу. Даже сесть не предложил.

Пренебрежительно, глядя куда-то в сторону, Авторитет поставил задачу: срочно организовать производство самогона в Батагае. До нового завоза далеко, братва изголодалась и дохнет от одеколона, зубного порошка и политуры. Даже клей БФ и тот кончился. Спорадические покупки спирта у лётчиков ситуацию не спасают.

Не успел я рта открыть, как был удалён из помещения и ударом под зад выброшен с крыльца.

А вот это, ребята, вы зря. Совсем зря. Я, конечно, начинающий химик, до высшего образования далеко, но всё же я химик. Человек кому-то полезный, а кому-то опасный. Возможно, для вас, в чём вы, надеюсь, скоро убедитесь лично.

Прямой дорогой, без всяких чистилищ, отправитесь в Ад.

Бугор принял меня за ИИ – испуганного интеллигента. Ошибка! Я не испуганный, и вообще не интеллигент. Интеллигентом с кукишем в кармане я никогда не был и никогда не буду. Я дворянин, аристократ. Тринадцатый барон-разбойник в роду. Знаю себе цену. И комплекса неполноценности, такого, как у этого зажавшегося "вожачка" у меня нет.

И это он скоро поймёт. Если выживет. А если нет – поймут другие.

Наше будущее

*Главное качество деловой и политической элиты
— бессовестная талантливость.*

Отвели меня в местную пекарню и приказали: "Твори!"

В моём распоряжении оказалась пром.площадка, инженерно-технический персонал и охрана. Последняя состояла из заслуженного, сильно потрёпанного жизнью уголовника по кличке дядя Паша и молодого зам. секретаря местного комитета комсомола Василия.

Обычно они сидели на крылечке и играли в шахматы. Иногда нас проверял кто-то из Райкома, Исполкома, КГБ и милиции. Но они не придирались, предлагали помощь, которая иногда действительно требовалась. Интересовались делами и урки.

Важность самогона понимали все.

Кстати, меня первое время удивлял сплав местной элиты: партийные вожди, чиновники, силовики, директора, профессиональные уголовники и непонятные частники. Эвтектика какая-то. Казалось, чисто местное явление, смешение ссыльных (уголовников, политических и военных преступников) с вольными местными (старыми и недавно прибывшими). Какой-то анахронизм, уводящий в прошлое.

Однако, оказалось – наше будущее. Элита России 21-го века.

Когда демократия с либерализмом в стране победят.

Настанет наша свобода - всё воровать. Но не все ею воспользуются...

Призрак

У моей малышки в жопе

Обломилась клизма.

Призрак бродит по Европе –

Призрак коммунизма.

Инженерный персонал, переданный мне в управление, включал директора пекарни Валентины, бывшего московского доцента-филолога, специалиста по Байрону, и филолога-недоучки, немца, бывшего Вервольфовца Дитера, увлечённого Оскаром Уайльдом. Валентина оказалась пекарем от бога, а Дитер как был недоучкой, так им и остался. Думаю, что и оборотнем он был халтурным: в волка так и не превратился. В литературоведческих дискуссиях Валентина полностью подавляла Дитера, впрочем, не только в дискуссиях.

Однажды я наблюдал, как Валентина метала мешки с мукой, Дитер не успел отцепиться и улетел на полку вместе с мешком. Однако в другой раз Валентина пришла в синяках и с подбитым глазом: немец научил её свободу любить, крепко выпоров для науки. Как это ему удалось, не понял.

Дитер – находка для охраны. Каждый день, при его приближении, вохровцы-добровольцы направляли ему в грудь винтовки и командовали:

– *Halt! Hände hoch! Passwort!*

– *Hitlers kaput!*

Все смеялись.

И так каждый день.

Иногда было остроумнее:

Гутен морген хрясь по морде

Поскольку рядом со мной возник настоящий немец, удалось прояснить давнее недоумение.

– Дитер! Что означает *das Gespenst*?

– Приведение.

– То есть первую фразу в Коммунистическом манифесте Карла Маркса "*Ein Gespenst geht um in Europa – das Gespenst des Kommunismus*" следует переводить как "Приведение бродит по Европе..."? Коммунизм – это приведение? Но приведение – это призрак прошлого, какая-то утопленница или сэр какой с башкой отрубленной. Зачем новое направление мысли, будущее светлое общество – от каждого по возможности, каждому по потребности – назвать привидением. Чтоб пугать обывателя? Тогда понятно почему Европа такой перспективой не увлеклась.

– Да не слушай ты его, – вмешалась Валентина – он немецкий забыл, а русский так и не выучил. Не приведение, а призрак! "Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма". Хорошо звучит, хлётко. Настоящий революционный лозунг, как "вставай проклятьем заклеянный". А вот по-английски, действительно, не очень "*A spectre is haunting Europe, the spectre of communism*".

Растянуто, вяло, без энергетика. И спектр какой-то...

– По-русски, да и по-немецки звучит хорошо. Призрак лучше привидения, но термин не тот. Сразу креститься хочется. Пусть бы бродил фантом, мираж, идея, мечта... Почему Маркс свой Манифест начал таким спорным термином?

Собеседники пожали плечами.

Самогон

H₂O девиз не наш, наш C₂H₅OH

Естественно, я прежде всего ознакомился с основным производством. До этого не то что хлеб, как блины пекут и то не знал. Кормила меня ими домработница, но откуда она их берёт мне не интересно. Может на дереве растут – с них станется.

Производство хлеба оказалось делом интересным: и технология и искусство. Особенно на Северах, где на вечной мерзлоте ничего злакового не растёт. Например, настоящая якутская лепёшка состоит лишь из рыбы. Муки в ней нет.

Зерно, мука – всё привозное, а привоз – дело не устойчивое: чего-то в избытке, а чего-то нет. Поэтому в разные времена хлеб в Батагае выпускают разный: белый, серый, чёрный, пшеничный, ржаной, ячменный, с кукурузой или без, на дрожжах или без. Технология должна быть гибкой, перестраиваемой. Пекарь-универсал нужен. Валентина таким и оказалась. К её большому удивлению. Пропал бы её талант в московско-доцентской жизни, а он здесь проявился. За что её ценили и в уголовном мире и в коммунистическом. Начальство постоянно продлеvalo ей ссылку, до студентов-филологов не допуская. Но, если судить объективно, здесь она была полезней.

Хлеб – пищевой продукт, получаемый путём выпечки, паровой обработки или жарки теста, состоящего, как минимум, из муки и воды. В большинстве случаев добавляется соль, а также используется разрыхлитель, такой как дрожжи. Для приготовления хлеба употребляют пшеничную и ржаную муку, реже – кукурузную и ячменную.

Где-то есть белый хлеб, пшеничный (даже хала, хлеб еврейский, едят в шабад) и есть чёрный, ржаной (даже бородинский), но в данный момент здесь выпускался серый, смесь пшеницы, ржи, ячменя и его чего-то ещё (состав – от текущего завоза). Выпускался он не всегда, а только если было из чего. Состав не важен: работающая пекарня – праздник аборигена. Бывают времена, когда она не работает. Тогда грустно...

Сейчас мука, вода, соль и сахар были в наличии. Месили тесто в тазах, оно набухало и его периодически осаждали. Как специалиста по спиртам, меня интересовали солод и дрожжи. Нельзя ли тут ими разжиться? Оказалось нельзя. Ячменя как зерна не было вовсе, так что проращивать на солод нечего (ячка и перловка прорасти отказываются, а только гниют). Дрожжей просто нет – кончились ещё в ноябре. Так что с бражкой возможны проблемы и довольно большие. Понятно, почему батагайцы не гонят самогонку.

Но как пекарня производит хлеб, если дрожжей нет? Пресный хлеб известен – это маца, но её в ближайших окрестностях не видно, почему-то никто не отмечает выход евреев из Египта.

Оказалось, спасает ржаная мука, её немного, но она тут есть. Это – один компонент, а второй (дрожжи) вовсе не обязательно завозить с материка. Нужные бактерии в любой атмосфере есть, тем более – в воздухе пекарни. Оставь тесто на открытом воздухе на 3–5 дня и дрожжи в нём заведутся сами собой (как мыши в зерне по мнению Лысенко), получишь хлебную закваску – источник брожения. Пекарям закваска (насыщение теста углекислым газом) нужна, чтобы хлеб был лёгким и хорошо жевался. А нам, самогонщикам, для бражки. Воняет только эта закваска противно.

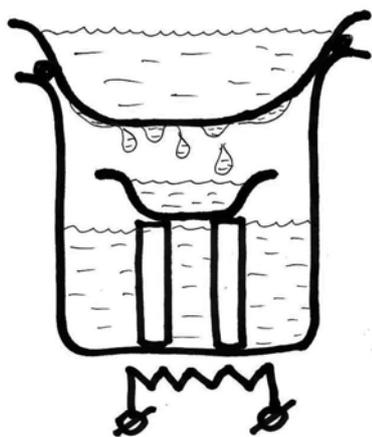
Мой независимый эксперт – урка неопределённой специализации, дядя Паша – рассказывал, как готовят брагу в тюрьме. "У нас пацан один бодяжил брагу на прелом хлебе. Разбирался в плесени не хуже профессора. Он установил, что она бывает нескольких видов: розовая, белая, зеленая, серая и даже чёрная. Чёрная – враг процесса, её он вырезал и выкидывал,

так как даёт метанол, тогда как розовая и белая придают бражке крепость до 15°. Серая ускоряет процесс до 15-ти часов. Срезал верхушку буханки чёрного недопечённого тюремного хлеба, мякиш выскабливал из буханки, мял его пополам с сахаром, и вновь забивал им буханку. Затем возвращал на место срезанный с буханки скальп и он так стоял, пока плесень не прорастёт всё тело. Делалось это, чтобы дубаки во время шмона хаты недодыбали заготовку для браги. Можно в принципе и в целлофане мутить. Затем он ставил на этом продукте брагу. Я пил и не поносил. Бля буду".

В другом СИЗО делали иначе. Брели буханки чёрного хлеба, резали их на маленькие кубики, потом раскладывали их на простыню и разравнивали, брызгали сверху сладкой водой, закрывали такой же простыней и скручивали в толстый рулон, который помещали в теплое место. Через четыре дня от «закладки» начинает исходить «бражный» запах. Если заткнуть нос, то сняв простыню можно увидеть белесые наросты, в которых и содержатся нужные дрожжи. Далее берём большой и плотный пакет для мусора и в него складываем заплесневелый хлеб, а потом заливаем его супер-сладкой тёплой водой. После чего крепким узлом завязываем края пакета, предварительно вставив в узел тонкую трубочку (от авторучки). Трубочка необходима для отвода газов. И этот мешок крепим в подвешенном состоянии где-то возле батареи. На два-три дня. **Однажды в СИЗО забыли в пакет с брагой вставить трубочку. На третий день рвануло, как килограмм тротила. Вся камера, включая потолок, в браге. Вонь нереальная. Вертухаи на проделе попадали на пол, думая, что теракт. На второй день брага начинает громко бурлить и булькать, распространяя спиртовой запах. Не пугайтесь. Она бродит и доходит до нужного состояния. Где-то на третий, максимум, четвёртый день бульканье прекратится. Всё! Брага готова. Можно гнать или пить.**

Не знаю откуда в СИЗО столько сахара. У нас кусковой сахар был, но его мало. На самогон тратить грех. К тому же мы не в тюрьме. Нам торопиться некуда, и скрываться не надо. Бактерии и дрожжи возьмём из воздуха. И без сахара обойдёмся. В хлебе его достаточно.

Займёмся опарой. Интересный термин, никогда такого не встречал, есть в нём что-то таинственное, как в слове "спилlover". Тем более говорят: поставить опару, Почему тесто надо месить понятно, а почему опару ставить? Она, часом, не упадёт? Особого секрета не оказалось. Опара – забродившее тесто с закваской, замешанное на тёплой воде и пребывающее в тёплом месте (~30°), где она за 4 часа обязана увеличиться в 3 раза и сильно пузыриться. Несколько раз её нужно осадить, с каждым разом она поднимается быстрее.

Самогонный аппарат (двухтазиковый, автоматический).

Опарой занимался Дитер – он её регулярно (раз в 2 дня) подкармливал. Она имела вид постоянно пузырящейся сметаны. Казалось, живёт вечно.

Дальнейшая технология хлеба меня не интересовала: много суеты, труда и жара.

Закваски мне было достаточно.

Зерна-сахара-фруктов-картофеля нет – будем гнать из хлеба. Не из муки, конечно, и не из хлеба на продажу, а из брака горелого, непечённого, с дефектами. Такого скопилось довольно много – знакомая свинья Валентины столько съесть не могла.

Методика изготовления самогона из хлеба особо не отличается от классической, так что описывать не буду.

Для начала размочил в кипятке десять некондиционных буханок хлеба, добавил закваски и оставил чан с сусликом на неделю в теплом месте. Брожение – самый важный этап, требует строго температурного режима и определённой концентрации компонентов. С концентрациями всё было более-менее, я их знал наизусть (опыт, чай, большой), отмерял гранеными стаканами, так что точность достаточна, а с температурой хуже – термометров нет. Пришлось делать на глаз. Вроде все три стадии брожения (начальное, главное и дображивание) прошли благополучно. Каждые 6 часов Дитер поднимал тряпку и

помешивал сусло. Оно начало пузыриться, покрылось пеной, из него пошёл газ. Надо полагать – CO₂. Вкус бражки стал кисло-горьким.

Пора перегонять. А как?!

Технология есть технология. Это вам не в колбе спирт синтезировать. Тут много чего надо. Сел за чертежи. Прорисовал все детали (разрез, размеры, вид спереди–сбоку–сверху, всё как доктор прописал) установки. Составил список комплектующих: термометры, спиртометры, ареометр для определения примесей и т.п. Всё в двух экземплярах: один в райком-исполком (не знаю, кто у них там этим делом займётся), другой – бандитам. Для гарантии: сразу не поймешь, кто деловой.

Но брага не ждёт, пришлось организовывать самогонование старым дедовским способом, т.е. смонтировать самогонный аппарат типа двухтазовый. На плите печи разместил самый большой бак, на дно его поставил на ребро два кирпича, и на них – малый таз для готового продукта. В бак залил бражку, закрыл бак большим тазом, нижняя часть которого смотрела точно на центр малого таза. Налил в верхний таз ледяную воду, залепил щели между верхним тазом и баком тестом, и уселся ждать.

Как известно, в этом деле важно правильно выбрать соотношения объёмов перегоняемой жидкости и холодной воды в большом тазу; если всё оптимально, то в процессе перегонки воду можно не менять. Эти соотношения я, в принципе, знал: в Клязьме спирты (не только этиловый) получал неоднократно. Но здесь возникла проблема масштабирования. Ранее мои установки были миниатюрными и продукт шёл на развитие науки, а не пьянства. Теперь масштабы выросли. Можно, конечно, создать математическую модель динамики процесса и найти оптимальный режим. Но некогда – народ озабочен. Пришлось экспериментировать. Два-три приближения и процесс пошёл.

После заправки и сборки аппарата почти половина его объёма занята воздухом при температуре ~20°C. При нагревании бражки и в первые минуты кипения воздух прогревается до температуры ~85°C, а его объём увеличивается на четверть. Из-за отсутствия абсолютной герметичности этот «лишний» воздух вытесняется из самогонного аппарата вместе с первыми легкокипящими фракциями (метиловый спирт и т.п.), которые обильно наполняют производственный цех специфичным ароматом, сообщая всем заинтересованным лицам, что процесс пошёл.

В чём главная опасность самогонования? Она вовсе не в том, что что-то взорвётся (верхний таз улетит к потолку), ты обваришься или тебя посадят за нелегальное производство. Это возможно. Но гораздо опасней состав готового продукта, особенно, если ты его перегоняешь не контролируя температуру, без отбора и анализа лёгкой (кипящей при низкой температуре), средней и тяжёлой (кипящей при высокой температуре) фракций. Дело в том, что нам нужен этиловый спирт, причём только этиловый. Он должен быть чистым и не содержать посторонней органики. А при брожении образуется целый набор от лёгкого метилового (сильный яд) до высокомолекулярных спиртов (сивуха). Все они в той или иной степени летучи, все возгоняются и попадают в готовый продукт. Оно нам надо?!

Почему же в дедовском способе обычно получается нормальный самогон, а продажные самогонные аппараты, в которых, кажется, всё учтено часто дают продукт, опасный для здоровья? А потому, что двухтазовый метод обладает свойством самоочистения. Таких свойств у продажной установки нет; в ней очищение проводят в ручную, отбирая при разных температурах разные фракции, а это не каждый сможет.

При нагреве первыми начинают испаряться лёгкие, кипящие при низких температурах спирты (температура кипения метилового спирта, $T_{\text{кип}}=65^{\circ}\text{C}$). Вот эти пары нужно собирать и выбрасывать. Однако, в двухтазовом устройстве об этом можно не заботиться: не заделывай тщательно щель между холодильником и баком и пары метанола будут покидать систему. Конденсируются они плохо и в продукте CH₃OH оказывается мало. C₂H₅OH ($T_{\text{кип}}=78,5^{\circ}\text{C}$) гонится при температурах на 13° выше, вот этот этанол вы и должны собрать как можно полнее. Далее температура бражки начинает повышаться

(легко летучие фракции удалились и остались плохо летучие спирты). Начинается отгонка изоамилового (132°), изобутилового (108°) пропилового (97°) спиртов, а также прочих сивушных да эфирных масел. Тяжёлую фракцию нужно собирать отдельно и выбрасывать.

Контроль качества я проводил на метиловый спирт. Раскалял медную проволоку и опускал её в пробу самогона. Если появлялся резкий и противный запах формальдегида (НСОН, альдегид муравьиной кислоты), то значит есть метанол, а если пахло гнилыми яблоками, значит – этанол.

Некоторую информацию о качестве продукта даёт ареометр. Определённую проблему здесь составлял тот факт, что у меня его не было. Пришлось самому изготовить некое подобие. Закон Архимеда все мы знаем, а если ареометр изобрела тётка-философ Гипатия (надеюсь, не за это её пришили (Александрия, 415 год) братья по вере - христиане, в церкви, черепками расчленив на части), то и я как-нибудь справлюсь. Взял пробирку, заполнил её дробью, так, чтобы она плавала в спиртовом растворе, наклеил шкалы, которую прокалибровал по системе вода-спирт различной концентрации. Плотность позволяла определить содержание сивушных масел в продукте.

В двухтазиковом методе частичная обрубка голов и хвостов происходит автоматически (выделение лёгкой фракции мешает конденсации тяжёлой), но следить надо. По крайней мере следует использовать миску для самогона максимально большого диаметра. Но главное – вовремя прекратить нагрев, так чтобы не занизить крепость продукта и не допустить неприемлемого попадания в него метанола и сивухи. Для гарантии качества, полученный из бражки продукт перегнал ещё раз – не хватало ещё кого-то отравить.

Я ничего не выбрасывал, поэтому в результате у меня образовались три десятилитровых бутылки, заполненных пока не полностью, так ведь и процесс только начат. Закрыты они были белыми тряпочками, на одной (с метанолом) чернилами нарисовал семиконечный могильный крест, на другой (с этанолом – продуктом второй перегонки) болгарский крест, а на третьей (с высшими спиртами) – крест простой. Это, чтобы самому не попутать. Выливать не стоит – все продукты ценные и полезные. В природе отходов не бывает, всё вовлечено в круговорот веществ; в химической технологии их тоже не должно быть. Отходы – полезные вещества, оказавшиеся в неподобающем месте и употреблённые для дурных целей. Бутылки стояли на одной полке и ждали своего применения. Была у меня ещё канистра, в которой хранился продукт первой перегонки бражки – полупродукт кондиционного продукта.

Всё шло по плану, но немного наспех.

Перегонка браги – процесс длительный и скучный. Мы (я и оба наших охранника) сидели вокруг печи и слушали перебранку Валентины и Дитера. Спорили они о том, чем пансексуальность отличается от бисексуальности. Тема для меня незнакомая и тогда не интересная. Я знал, что пидорас – обидная кличка, но что за этим стоит не понимал. Наши же пекари спорили интенсивно на примере поэта Байрона, от которого неожиданно ушла любящая жена и который путешествовал с пажом, и на примере драматурга Уальда, которого вообще за гомосексуализм посадили в каторжную тюрьму.

Дитер красочно расписывал надгробный памятник Уайльду на парижском кладбище Пер-Лашез, в виде крылатого сфинкса, покрытого поцелуями посетителей (известно, что поцеловавший сфинкса найдёт любовь и никогда её не потеряет) в такой степени, что стал уже разрушаться. Тут тщедушный дядя Паша не выдержал пытки парами, сорвался с места и бросился к полке с бутылками. Василий поймал его сзади и опрокинул на пол. Однако его голова отделилась от тела и покатила куда-то в угол. Дядя Паша откинул финку в сторону, вскочил на ноги, схватил в обнимку первую бутылку, вышиб ногой дверь и исчез.

Немая сцена. Как в Ревизоре.

Вскоре прибежали представители бандгруппы и парткома, тело Васи убрали, реквизируют кондиционную продукцию.

Мне спасибо никто не сказал.

Вскоре узнал, что дядя Паша отравился моим метанолом и умер, а ещё несколько человек ослепли.

А ты не воруй!

Их нравы

В любое время суток имей рассудок и фильтруй поступок!

В те времена в Москве было много пьяниц, они дебоширили в общественных местах, парках, проходных дворах, подъездах, квартирах (тогда в основном коммунальных). Их ловили дружинники и бригадмил. Но это слабо помогало. Я ездил на трамвае, так почти каждый день по дороге в МГУ случалась бабья склока, а обратно – моя драка с приблатнёнными пацанами.

Естественно, я такого ждал и в Батагае, учитывая контингент аборигенов. И даже большего. Много большего.

Однако ничего такого не происходило. Пьяные на улицах не валялись, возможно из-за мерзлоты, климата и отсутствия ранним летом спиртного. Драк не видел ни одной. Даже мат мужики почти не употребляли. И в смутных ситуациях, когда любой московский учёный скажет "ни \$уя себе", они задумчиво тянули: "японский городской!". (При чём здесь городской?! Тем более японский. Да, был когда-то Японии городской, который с саблей кидался на любого, кто засмеётся. Так это когда было? И не у нас).

Врубившись в ситуацию, я понял, что хулиганят, ругаются матом, среднерусские мужики-крестьяне да московская богема. Профессионалу это не к лицу. Какого хрена я буду хвататься за грудки, если я убиваю пальцем, а хребет ломаю ладонью. Суэта это... Да и наматерился я на всю жизнь, теперь в отказе, живу культурно.

В отличие от родной Клязьмы, по улицам Батагая можно было спокойно прогуливаться. Никто тебя не трогал, не просил дать закурить, и не отжимал часы. Дело тут не в повышенной культуре обывателей. Просто, если кто-то спокойно следует ночью по улице, значит имеет право, значит под плащом у него "шмайсер" и пара гранат, одна – противотанковая. И можете не сомневаться, при необходимости арсенал будет применён, и применён успешно, ибо в сотый раз, а то и двухсотый. Так что, пусть идёт от греха, а курить бросать надо...

Не простые люди обитают в Батыгае, много чего они повидали, много чего умеют, ко многому готовы. Каждый против всех в целом и каждого в отдельности. Девиз "один за всех и все за одного" здесь не проходит. Тут всё же не Париж. Тут латынь вспоминается *Homo homini lupus est* человек – человеку волк. Впрочем, и в волчьей стае есть место альтруизму.

Неустойчивое равновесие сил отталкивания.

Иногда оно нарушалось.

Тип

*Всем полезен добрый киллер,
наш российский Робин Гуд.*

Однажды после обеда я занимался любимым делом – пристреливал ружьё, карабин и мелкашку. Патронов для карабина было мало (жлобы в МГУ зажали), причём за каждую пулю надо было отчитываться (пока я это игнорировал, но долго так продолжаться не могло), патронов для десятизарядной ТОЗовки было больше – коробки занимали выючник. Но кто знает, сколько их пойдёт на куропаток-рябчиков. Мне ведь надо своим винчестером наводить страх на всё живое в верхоянской тайге. Пришлось экономить. Другое дело – родительский дроб. Пороха у меня было много, дробы разных номеров тоже. Пыжи я набивал специальным пробойником из кошмы, на которой спал.

Известно: кто ищет приключения на свою задницу, обязательно найдёт. Нашёл и я.

Организовал я себе полигон-стрельбище сразу за сараем. Бугор с колючей проволокой слева и покосившимся штакетником справа создавали коридор, упирающийся в склон горы (точнее – обрыв). Идеальный тир: никто, кроме ворон, не мог оказаться на линии огня. Я установил фанерные щиты на разных расстояниях от барьера, наклеил на них бумаги с собственноручно нарисованными мишенями и стрелял, то с правой, то с левой руки (правый глаз у меня с детства плохо видит, для стрельбы без очков пришлось тренировать левую руку). То мелкой дробью, то крупной, то картечью. Но гораздо интересней была стрельба по летающим мишеням. Кто-нибудь из зрителей (окрестных пацанов) кидал в воздух бутылку, консервную банку, кепку, а порой шапку-ушанку, а я стрелял.

Изредка, кто-то вздыхал: Мазила.

В тот день молодых не было, а ассистировала безотказная Нюра. Оружием моим она не интересовалась, в руки не брала, пострелять не просила. Иногда что-то кидала под выстрел, но в основном занималась сменой мишеней.

Вот и сейчас она пошла к мишеням, круглые пули я уже испытал на пробойную способность, теперь нужно – на кучность (за 30 м три попадания не должны выходить за пределы ладони). Зарядил ружьё и ждал. С улицы ко мне подошли двое: дядька и тётка. Полный мужчина с распахнутым зимним пальто шёл прихрамывая и широко улыбался. Женщина была в китайской куртке, тощая со строгим, видимо никогда не улыбающимся лицом. Их привлекла моя стрельба.

– Вам помочь или не мешать? – спросили они меня.

Нюра поправила мишень и возвращалась, глядя себе под ноги. Подойдя к барьеру она посмотрела на незнакомцев.

В детстве была игра "замри". Тот самый случай.

На третьей секунде оцепенение кончилось, старики зашагали прочь, потом попытались бежать. Нюра резким движением вырвала у меня двустволку и открыла огонь. Но как! Это надо видеть. Интервал между двумя выстрелами составил микросекунду. Она целилась не закрывая (как я и остальные охотники в мире) один глаз. У неё один глаз смотрел на одну мишень, другой – на другую. А эти мишени не просто двигались, они разбегались в разные стороны.

Дым рассеялся (патроны на дымном порохе). На земле лежали два трупа. То, что это трупы, сомнений не было. Пули попали в затылки и раскололи их.

Всё же я хорошо снарядил патроны.

Нюра вернула мне ружьё и пошла к дому.

Наперерез ей бросился мужик, по виду шофёр. На бегу он вытаскивал пистолет. Если бы это был наган, Нюре было бы плохо. Но это – пистолет. С пистолета надо снять предохранитель, а то и три. Нужно передёрнуть затвор и послать патрон в патронник, взвести курок, прицелиться. Одной рукой не обойдёшься (не зря ковбои стреляют из револьверов, там одной руки хватит). Слишком много действий, тем более на бегу. Да и бежал он слишком быстро. Он столкнулся с Нюрой, раньше, чем был готов к стрельбе. Нюра поднырнула под его поднятые с пистолетом руки, вцепилась в горло болезного левой рукой и сдавила двумя пальчиками. Лишь двумя! Мужик рухнул на землю и тоже в виде трупа.

Нюра спокойно вошла в дом и исчезла. В Батагае её никто больше не видел. Либо улетела в трубу, либо диссоциировала на молекулы и испарилась.

У меня отвисла челюсть.

На двор стал набираться народ, а я стоял в полном недоумении с ещё дымящимся ружьём перед лицом трёх трупов.

Однако!

То, что именно я порешил их сомнений не было. За это – пожизненное или расстрел.

Но никто на меня внимания не обращал, появился газик с милиционерами, трупы забрали, кровь вчерашние философы посыпали песком, кто-то собрал мой арсенал и отнёс в дом. Ко мне подошёл лейтенант и спросил, что было. Я ему честно сказал, что вот Нюра застрелила двух незнакомцев из моего дроба, а третьего придушила без вспомогательных средств. Милиционер кивнул, ничего записывать не стал и удалился.

Накрылась экспедиция! Сейчас начнётся следствие, допросы, обыски, очные ставки. Сыщики поползут с лупами, начнут снимать отпечатки пальцев. Ружьё арестуют, как вещественное доказательство. Меня посадят как свидетеля, а то и соучастника, предоставившего оружие убийце. Тем более меня предупреждали, что Нюра – киллер.

Ничего такого не произошло. Вообще ничего. Никто ко мне больше не подходил, с вопросами не обращался, оружие не осматривал.

Как в болоте: бросил булыжник, пошли волны, ряска разошлась, всё успокоилось, кругом зелёное поле и лягушки квакают.

Вот уж, действительно, их нравы...

Через день мы покинули Батагай.

Мина объектная

Месть – лучшее лекарство от простуды.

Этот день был полон хлопот по сборке в поле, а мне ещё надо разобраться с господами бандитами, обидевших меня самогоном. Эти уголовнички думают, что если они в татуировках, с мышцами накаченными, с наглостью в глазах, то они – сила. Нет, ребята, сила – в интеллекте, в знаниях, да умениях. А от химика вообще держись подальше, не обижай его. Ибо дело это опасное, порой – смертельно.

Химик, он и в Африке химик.

Не схимник, а химик

Решает задачу.

Не схема, а тема

Разит дураков.

Короче, вылез я из спальника и быстро произвёл напалм. Собственно, что его готовить? Напалм – бензин с загустителем. Бензин слишком быстро вспыхивает и сгорает, пожар в большом доме устроить трудно: сам погаснет или его потушат. А напалм горит устойчиво, при очень высокой температуре: не то что дерево, металл не устоит.

Конечно, я мог, особо не утруждаясь, налить в кастрюлю солярку, и нагреть её на медленном огне, добавляя хозяйственное мыло и помешать. Мыла у меня много. Но такой продукт неустойчив, пару дней постоит и расслоится на отдельные фракции. Будь у меня больше времени, я бы взял пенопласт, раскрошил его, поместил в банку, залил туда ацетона (пенопласта должно быть в 30 раз больше растворителя), плотно закрыл крышкой и сильно потряс. Пенопласт растворится, получится густой однородный кисель. Добавил бензин в отношении 1:1 и готово. Пенопласт у меня был – оптику упаковывали. Но за ацетоном надо куда-то бежать, а времени нет. Пришлось задействовать то, что есть: смесь солярки, гудрона и бензина в отношении 4:1:1. Взял кастрюлю, налил туда солярку, поставил на медленный огонь и начал постепенно добавлять гудрон, размешивая металлической ложкой. После того, как гудрон и солярка превратились в густую массу, снял с печи и немного остудил, затем постепенно, на забывая размешивать, добавил бензин; получил однородную смесь.

Преимущество такого напалма в том, что он стабилен и прилипает к любым поверхностям, даже к вертикальным и влажным. Температура горения 800°, что не плохо, но для моих целей маловато. Хорошо бы добавить в него сплав щелочных металлов, но опять же его нужно готовить и кроме того на снегу он самовозгорается. Это, в принципе, хорошо, взрывателя не надо, но мне нужно, чтобы загорелось вовремя, ночью, и когда меня в Батагае не будет. Поэтому добавил магний, который у меня был (готовился фейерверк для школьников на праздник какой устроить). Но мало. Пришлось спешно наработать. Как Плюшкин собрал я на свалке возле аэродрома кучу магниевых деталей:

крючки с вешалок, точилки карандашей, стартер и улитку с бензопилы "Дружба" (жаль не попала бензопила "Урал", в ней и улитка, и корпус состоят из магниевого сплава), аноды для бойлеров, детали "Запорожца" (блоки цилиндров, поддон, крыльчатка генератора, корпус маслососа, картер коробки передач), и даже диск с шасси самолета. Взял рашпиль с крупной насечкой и напилил магниевых опилок. Такой напалм горит при 1600° и его нельзя тушить водой – загорится с удвоенной силой.

Изготовил я напалм двух видов: в виде киселя, который залил в канистру, и в виде студня (холодца), которым забил котелок.

Однако мне нужен взрыватель. Вы думаете, что я взял будильник, снабдил батарейкой с контактами, завел и пошёл? Нет! Будильник тикает, внимание к себе привлекает.

Нужен тихий химический взрыватель. Делается он просто: стальная пружина сжимается, и удерживается с таком состоянии держателем, когда держатель разрушается, пружина распрямляется, боёк на её конце ударяет о пистон, тот подрывает пороховой заряд, и дело пошло... Если подпружинный ударник удерживает тонкая проволока, то её можно растворить, залив её раствором хлорида двухвалентной меди или кислоты. Такие взрыватели устанавливают на сравнительно короткое время 1–5 часов, мне же нужно на пару суток. Поэтому я закатал сжатую пружину в хозяйственное мыло (хорошая вещь, это мыло, сколько из него полезного можно изготовить!), поместил в пластмассовую трубку (чтобы не забыла сгореть вместе с баракком) и залил водой; процесс пошёл: мыло начало растворяться. Установил напротив выхода бойка патрон с пистоном и порохом, но без дробы. Готово! Тут важно подобрать толщину мыла, чтобы взрыватель сработал ночью. Когда все дома. Ну, так опыт, есть опыт. Не в первый раз...

Когда все улеглись, надел болотные сапоги и пошёл на дело. Улица Батагая в это время в связи с наплывом талых вод, паводком и началом таянья мерзлоты представляла собой большую лужу, точнее длинное озеро неизвестной (и переменной) глубины. Так что иногда и болотные сапоги не помогали – проваливался по пояс, а порой и по грудь. Газики и те опасались пускаться в путь.

*Грязь сегодня ещё непролазней,
С неба мразь, словно бог без штанов*

Мразь падала с неба несколько дней, но как только я вступил на военную тропу, тучи ушли, светло, как днём, солнце сияет (весьма не к стати, в темноте диверсанту удобней).

*Какое небо голубое,
Мы не сторонники разбоя:
На дурака не нужен нож...
Лап то бу ди дубудай, лап то бу ди дубудай...
Лай лай лай лалалалалала...*

Аборигенами условно принято, что сейчас ночь. Спят, занавесив окна. Прохожих нет, никого не встретил. Собаки лают, но умеренно и абстрактно. На меня никто не напал. *Если движеешься в том направлении, в котором растёт твой страх, значит, ты на правильном пути.*

Подошёл я к баракку-крепости, обогнул её, пролез сквозь обрывки колючей проволоки и добрался до задней стены. Окон здесь практически нет, только фрамуги из уборных и кухни. Вдоль завалинки шёл удобный карниз, я обложил его сверху и снизу студнем. Затем подобрался к вводу электрических проводов, они шли в дом через довольно большое отверстие. В отверстие я пропустил резиновый шланг, и через воронку залил туда кисель, этим же киселем полил углы здания. (Кто был инструктором Зои Космодемьянской? Это каким надо было быть кретином, чтобы послать дурную бабу поджигать сруб бутылкой керосина? Трудно было загуститель добавить и напалм сделать? Не того повесили, надо бы – инструктора; хотя его, кажется, в конце-концов расстреляли свои). Положил я трубку с взрывателем на завалинку и пошёл прочь от этой тюрьмы добровольной.

Кто роет яму, сам упадет в неё, и кто ставит сеть, сам будет уловлен ею.

Эх, дороги

Дорога, хоть кубарем ступай.

Погрузили мы себя и барахло в полуторку, и двинули на восток. Дорогу развезло, но всё же это была дорога, и наш автомобиль с нашей же помощью (пиханьем его взад-вперёд по команде: «эй ухнем!»), меся грязь, продвигался вперёд.

В какой-то момент остановились и пошли к провалу, что в 9,5 км к юго-востоку от Батагая. Полоса обвалившегося грунта впечатляла размерами: длина – почти километр, глубина – метров 80. Вот, что бывает, если вырубать лес без царя в голове. Тает вечная мерзлота (прозрачный лёд действует, как линза, фокусируя солнечные лучи). И это только начало, пара десятилетий и провал из космоса будет. Из стен обрыва торчали чьи-то кости. Археологов бы сюда – были б счастливы. Анастасия Семёновна в провал не полезла, но достала блокнот и что-то долго в него записывала. Это удачно – шурф копать не надо.

Шофёр наш оказался разговорчивым. Звали его Иван Аполлонович Рабинович, за что ему такое счастье не знаю, был он коренным якутом, и все его предки якутами были. Но, как я потом понял, по фамилиям местных якутов можно судить, кто в этих местах обитал или был сюда сослан. До принятия православия у якутов были только прозвища. Батюшки, когда крестили, давали те фамилии, которые были у них на слуху. Отсюда появились Томские, Левандовские, Ушницкие, Божедомовы, Слепцовы (довольно много Николай Николаевичей, а вот Игоря Николаевича нет!) русские, финские и немецкие фамилии. Оказывается есть и еврейские, прошло как-то мимо православных попов.

Сначала дорога была в каком-то смысле асфальтирована, потом – грейдер, а уж затем – глина с глубочайшими колеями, куда мы закатывались, и из которых, казалось, выбраться невозможно. Было довольно светло и путь наш хорошо просматривался. Но в низине мы влетели в сплошной туман (за которым охотятся московские интеллигенты). Не видно ни зги.

– Ни хрена себе! - сказал шофёр. И нажал на газ.

Мы полетели.

"Провал".

Проехали километров 25 и на перевале встали, оказалось – *шаман*, т.е. тут либо могила шамана, либо святое место, указанное предками якутов, которое путники обязаны почитать. Перевал так и называется Шаман-дерево (Сизэл Ыйыыр). Подъём позади: надо выразить благодарность и договориться о спуске. Шаман представлял собой навес с полкой на которой располагался деревянный истукан и дары ему: монеты, сигареты, коробки спичек. Рядом – дерево. Мне показалось – сухое, но может быть оно ещё не распустилось. В качестве уважения к якутским законам, шофёр оставил в пузырьке немного одеколona лаванды, я – немного репудина (чехи диметилфталат с глицерином смешали) – мази от комаров, а Анастасия Семёновна повязала цветную ленточку на

дерево – *аиҕа* по-якутски – увешенное разноцветными тряпицами и денежными банкнотами сталинских времён. Почему-то вспомнилось, что якуты верят в железную лиственницу мира мертвых, растущую корнями вверх.

Машина, на которой мы ехали в Бетенкёс, позднее встала на постамент.

Пейзаж довольно унылый: карликовая берёза, лиственница, стланик, ягель.

По дороге - остатки лагерей.

Не понятно, где лагерь, а где свобода: везде каменистая тундра.

Шаман-дерево оказалось шалашом с полкой.

Простым глазом была видна ошибка первых картографов. Не Адыча – приток Яны, а, наоборот, Яна – приток Адычи: по крайней мере в год Адыча пронесит воды в 2 раза больше, чем Яна. Долину с обеих сторон обрамляли горки, за Адычей стояли хребты: горная страна Черского. Пологие хребты, но увенчанные скальными останцами, их здесь называют кигиляхами. Были и снежные вершины.

С перевала открылся замечательный вид на долину, на слияние рек Яны и Адычи где-то далеко.

Передо мной пространство в чистом виде.

Поехали дальше, дорожка та ещё, в кино снять – никто не поверит. То мы двигались по колее, то сваливались с неё и садились на кардан, то грузовик изображал торпедный катер, вздымая волны воды и грязи, то скользил по льду, пытаясь перевернуться в кювет. Временами форсировали окопы. Местность была холмистая, но не слишком, тем не менее крутые спуски, сменялись не менее крутыми подъёмами. Захватывало дух. Когда преодолевали бараньи лбы, полуторка неизменно получала удар под зад, так что взлетала вверх, а я в кузове – ещё выше. Иногда, при пересечении каких-то речушек, ещё покрытых льдом, раздавался сигнал, мы покидали машину и Рабинович въезжал на лёд один. Речка эта вздумала петлять, так что пришлось её форсировать неоднократно. Грузовик забуксовал на ледяных торосах, встав чуть ли не на попа, пополз с горки назад, вниз. АС выпорхнула из кабины, Анатолий сиганул через борт вправо, я, с

некоторой задержкой, слева. И плюхнулся в ледяную воду. Почему-то вспомнилось, что мужчина в ледяной воде погибает через 4 мин, а женщина – через 30. Захотелось стать женщиной, но эта мечта неосуществима.

Меж деревьев располагался гроб в виде колоды.

Машину вытащили, остановились, попили чаю. Я посушился и переоделся.

За час преодолели 18 км. Если я буду регулярно купаться, то

запасов белья не хватит.

Второй *шаман* проследовали без остановки, но я успел заметить большую чёрную косу, свисающего из гроба меж деревьев. Не уж-то тунгуска Синильга?! Читали мы "Угрюм реку", читали. Но может показалось...

Третий *шаман* проехали без всякой реакции. А зря. Шаман обиделся. Мотор чихнул раз, второй, третий и машина встала. Приехали! Бензин кончился. Очень интересно! Здесь хорошо, если одна машина в неделю проходит, да и у той вряд ли лишний бензин найдётся. Куковать тут придётся долго.

Очередное шаман дерево показалось нам неказистым и мы его проигнорировали.

Пришлось спасать положение. Достал я канистру с самогоном-сырцом, который хотел перегнать в Бетенкёсе, но что делать – пришлось пожертвовать. Примесь метилового спирта здесь вполне к месту – октановое число у него высокое, не то что полуторку, гоночное авто заправлять можно. Стартёр гудел, гудел, но завёл мотор. Поехали. Небольшой, но важный триумф химика и химии в целом.

Наша полуторка благосклонно приняла самогон первичный; шаман, видимо, удовлетворился и больше не мешал, так что мы благополучно прибыли в село Бетенкёс – порт на левом берегу Адычи, правом притоке Яны. 60 км преодолели за 3,5 часа. Настоящее ралли! Париж – Дакар отдыхает.

При въезде — девять (священное число якутской мифологии) столбов коновязи. На столбах вырезаны фигуры лошади и орла.

Якутский дом

А дело в том,

Всё дело в том,

Что ждёт меня якутский дом!

В этом селении я впервые присмотрелся к домам местной конструкции. В Батагае они тоже есть, но мало. А здесь в них случилось ночевать.

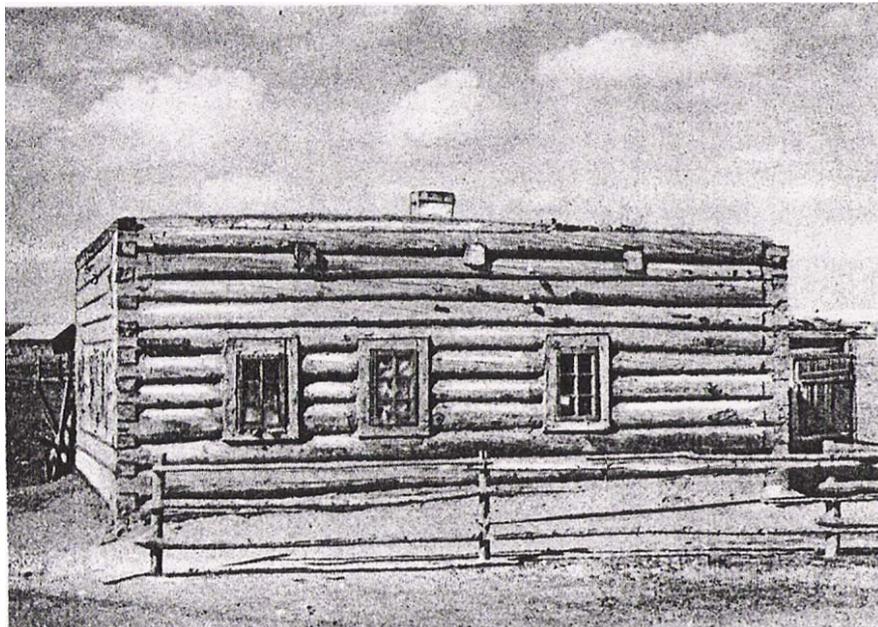
На первый взгляд дом похож на наш подмосковный – сруб из довольно толстых брёвен, правда без затей: у нас рубят в лапу, да ещё с замком, чтобы брёвна не расплзались, а здесь – просто выемки на концах брёвен; они своим весом держатся. Дом хорошо проконопачен. Странность в другом – строение имеет плоскую крышу, которая изготовлена из плотно подогнанных брёвен, сверху накрытых глиной-землёй, так что летом крыша колосится. Некоторые дома в русском стиле имели двускатную классическую крышу, но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что стропила есть, на них что-то натянуто, а фронтонов нет – пустота. Зачем такая крыша? При косом дожде она от влаги не спасёт, а зимой под неё наверняка сугробы наметает. Тем более – крыть её нечем, вокруг леса нет или он тонкий, досок не напилишь (да и станков таких тут нет), а железо, рубероид, шифер с неба не падают, их с материка вести надо. Может только если рыбу повялить или сено подсушить, или что от кого наверху спрятать... Удивительно, где они вообще нашли брёвна подходящей толщины чтобы сруб срубить – с верховьев Яны сплавили, наверное. В доме есть печь – помесь русской с голландкой. А кирпичи откуда взялись? Не уж-то по севморпути приплыли?! Тогда такой дом кому-то в копейку обошёлся.

Я на фоне якутской архитектуры.

В этой первой экспедиции я рассматривал якутско-русский дом с бескорыстным интересом, как потом небоскрёб в Нью-Йорке. Кто знал, что вскоре мне придётся самому плотничать – строить зимники с плоской, покрытой дёрном, крышей, и буржуйкой из-под бочки вместо культурной печи?

Естественно, что когда бродишь по заморским землям, то ищешь экзотику – была она и здесь. Не много, но была.

Русский дом в якутском исполнении.

Чисто якутское жилище – балаган (персидское слово, как оно сюда попало?) – зимняя юрта – имеет наклонные стены из стоячих тонких брёвен на прямоугольном бревенчатом каркасе и низкую крышу – плоскую или с небольшим наклоном в разные стороны. Внешне дом выглядел как шалаш в форме усечённой пирамиды. Стены обмазаны снаружи глиной с навозом, крыша поверх бревенчатого настила покрыта корой и землёй. Дом ориентирован по сторонам света, дверь на восток – навстречу солнцу, окна – на юг и запад. Вокруг жилья – завалинка. Окна (нечётное число!) из рыбьего пузыря, щучьей или налиимьей кожи, из слюды и даже ситца. Зимой в окно вставлялась пластина из льда. Это целая технология. Сначала на реке вырезалась и полировалась до идеальной прозрачности пластина из льда. В проём окна она вмазывалась снегом, смоченным водой, а из комнаты подпиралась жердью.

Внутри справа от входа, в северо-восточном углу – печь (костёр в камине) – труба из жердей, обмазанных глиной, выходившая через крышу наружу. Пол – земляной. Вдоль южной и западной стен – дощатые нары-лежаки. Они широкие, так что можно лечь спать поперёк. Наиболее почётный – юго-западный угол. Место хозяина – у западной стены, здесь нары максимальной высоты, «чтобы счастье хозяина не было ниже счастья гостя». Нары слева от входа для мужской молодёжи, работников, справа, у очага для женщин. Нары отделены друг от друга перегородками. В переднем углу стоит стол и табуреты. С северной стороны к юрте пристроен хлев. У дома – украшенная резьбой коновязь. *Сэргэ* называется.

Кто-то мне пудрил мозги, что якуты строят из мелких деревьев, ибо считают грехом срубить толстое дерево. Всё проще – толстых деревьев здесь нет. Зрелая лиственница имеет диаметр 10 см, а ёлки-сосны-кедры тут большими не бывают. Так что, сруб рубить не из чего, стройматериал тонкий и разнокалиберный, его только вертикально ставить и можно.

Охотники строили себе жилища из плавника, выброшенного рекой на берег.

Якутское ноу-хау – печь. Попробуйте соорудить печь в деревянном доме, который в морозную зиму надо много и сильно топить, не имея кирпичей. Причём такую, чтобы у

неё и греться можно было и готовить. Это вам не голландку изобретать! Якуты решили проблему – создали своеобразный вариант камина. Дерево и глина! Местные русские называют его камелёк – не знаю, зачем тут уменьшительный суффикс, сооружение иной раз громоздкое. (Кстати, термин *чувал*, который использовал Гончаров в книге «Фрегат Паллада», я встречал только на Алтае, а тут нет). Из жердей сооружают некую трубу, нависающую над костром. Глиной забиты пустоты меж прутьев, она же толстым слоем покрывает внешние поверхности (при эксплуатации постоянно приходится подмазывать снова). Летом устройство эффективно вентилирует помещение, а при топке – удаляет дым

Местный сарай.

Макет якутского балагана (до того, как он покрыт слоем глины).

Правда и тепло тоже уходит, так что приходится использовать вьюшку – бревно, которым затыкают проход. Способ отопления требует огромного расхода дров. Не удивительно, что вокруг поселений леса выведены начисто. Интересна разница в восприятии – писатель Короленко пишет о камельке, зиявшем открытою пастью, а я его воспринимал, как задницу мужика, присевшего для исполнения большой нужды. Именно в задницу ставят поленья, чтобы они лучше горели. Камелёк –

источник тепла и света, а также пищи – углями обкладывают чайник, на них жарят толстые якутские лепёшки.

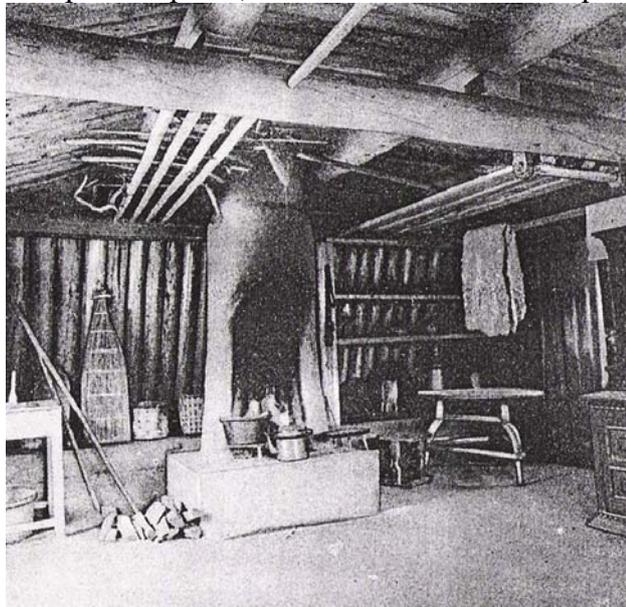

Разные типы якутских балаганов.

Якутский хлев – *хотон* – приземистое, напоминающее блиндаж сооружение. Сложенный из брёвен и жердей, обмазанный снаружи толстым слоем коровьего навоза

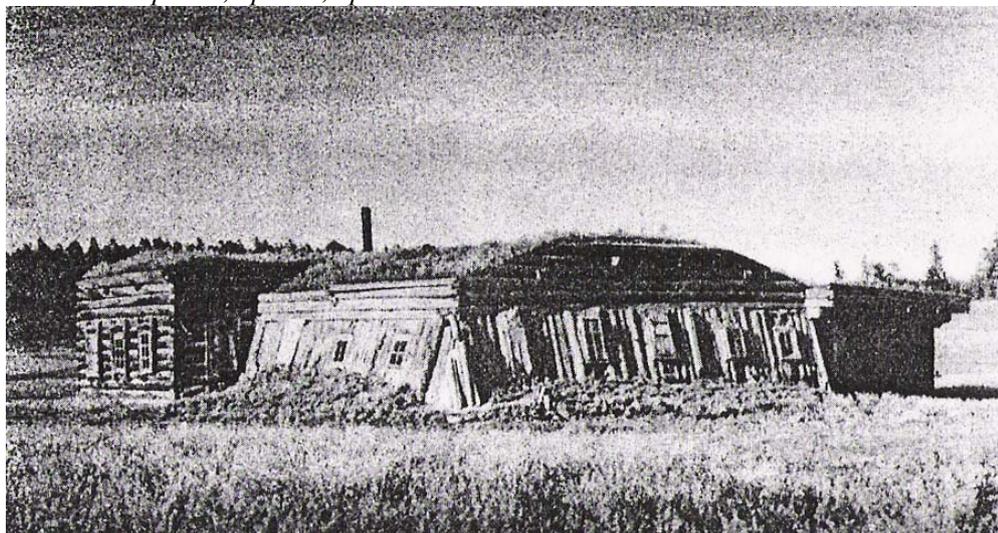
обогревается исключительно собственным теплом скота и позволяет героическим якутским коровам пережить (перестоять) убийственные морозы.

Раз уж я взялся описывать якутское жильё, то надо упомянуть ещё *урасу* – коническую постройку из жердей, покрытых берестой. В Бетенкёсе ничего подобного не было – по естественной причине – отсутствию в округе берёз, а стало быть – бересты. Но в долине реки Туостах я их встречал, были они большими – метров 10 в высоту (с трёхэтажный дом!) и диаметром метров восемь. Но они не были сплошь берестяными: их нижняя половина была покрыта дёрном, и только остальное – берестой.

Камелёк в юрте.

Яранга, яранга, яранга – нам вместе с тобой не до танго.

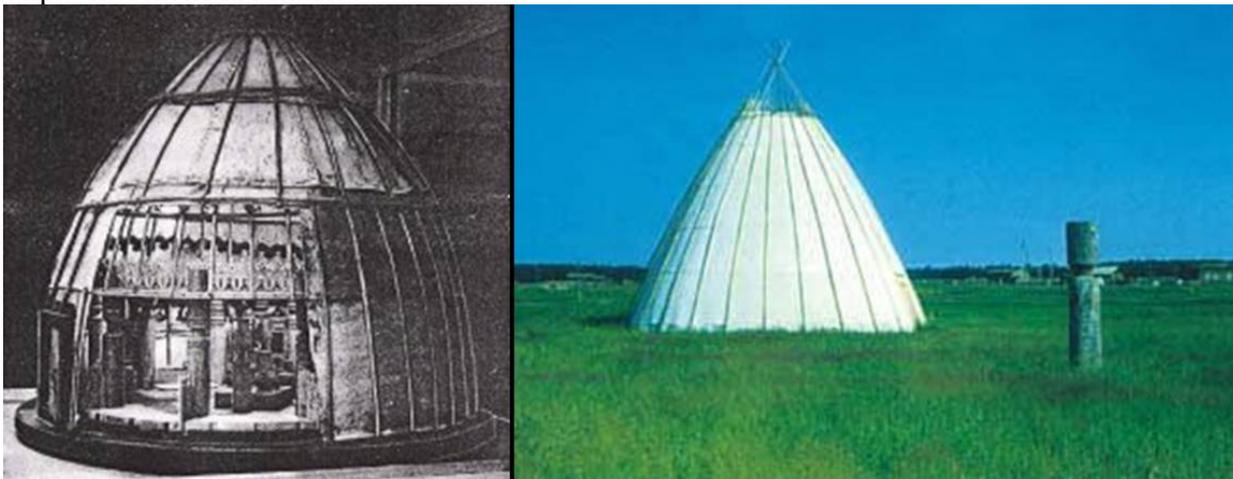
Одна из разновидностей летних якутских усадеб – тут и «русский дом», и традиционный балаган, и даже позади амбарчик с навесом.

Бетенкёс

*Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.
А. С. Пушкин. Евгений Онегин*

Надо сказать, что мы провели в Бетенкёсе всего пять дней, но успели отъесться. Хозяйка-якутка, у которой я ночевал, от пуза кормила меня мясом – кониной, много вкусней, чем в столовой. Говорит, что здесь лошадей специальной якутской породы

выращивают на мясо, которое бывает десяти сортов: от совершенно постного, до аналога жирной свиной ветчины.

Макеты урасы.

В этих краях есть, конечно, морозоустойчивые коровы, мелкие, но есть. Молоко у них жирное – легко сливки-масло сбивать. Но народ кормит лошадь. И одевает. Она даёт молоко (кумыс), шкуры, из которых делают обувь, и много ещё полезного. Но главное – мясо. Вкусное, калорийное и целебное из-за высокого содержания йода. Оно полезно при лечении заболеваний печени, поджелудочной железы и желудочно-кишечного тракта. В нём содержатся кислоты, необходимые для нормального функционирования желез внутренней секреции. Кобылье молоко в отличие от коровьего не вызывает аллергии и диатеза, оно содержит железо, поэтому предупреждает возникновение у детей анемии. Кумыс из такого молока (натуральный антибиотик), уничтожает такие опасные вирусы, как палочки дизентерии, брюшного тифа, туберкулеза. Кроме того, в нём содержится почти весь состав витаминов, он богат йодом, кальцием и аскорбиновой кислотой.

Хозяйка угощала меня солёной рыбкой из рода сиговых – маленькой, как килька. Была обожаемая мной сметана, сливки, молоко и толстые пресные лепёшки (очень вкусные). Дала попробовать айран. Вся снедь приносилась из ледника – простого сундука в сенах, в котором лежали большие рыбыны, куски мяса и молоко в виде пластин или полусфер, в зависимости от посуды, в которую его заливали после дойки. Я надеялся найти там кубики спирта, но его не было – температура всё же не та, очередной ледниковый период только начался. Хорошо, что холодильник электричества не требует. Весь день мы гоняли чай, непрерывные крепкие чаи, как правило, в мужском обществе. Потому разговоры были серьёзными: работа, политика, бабы. Было много сортов варенья, сваренного, однако, без сахара. Дефицит! Кислятина знатная. Но закуска прекрасная.

Ели мы из мисок (тарелок не было), чай пили из кружек (чашек тоже нет), но ложки были серебряными! Две столовые и три чайные. С вензелями, гравировкой готическими шрифтами и баронской короной. Был даже Жёстовский поднос, аналог расписываемого мной до поступления в МГУ. Как они сюда попали? Вот кто мог бы многое рассказать...

Половодье

*Ты весна весна весна
Половодье принесла*

Село Бетенкёс вытянуто вдоль реки, дома к воде стоят близко. Настолько близко, что разлившаяся по случаю половодья Адыча, подтопила четверть домов. Всё село плавает. Зачем такой мазохизм – не понял. Дома вполне можно было отодвинуть от воды. Или надеялись, что половодья не будет? Так оно каждый год (бывает по два раза в год). Тут регулярно на собраниях аборигены требуют построить нормальную дамбу (что-то, такое есть, но его регулярно прорывает). Похоже это занятие у них на сто лет. В

некоторых домах вода достигла потолка, в других – до середины стены. Как это всё сушить? Хотя после наводнения прошёл месяц, но село выглядело, как после цунами.

В очередной раз дамбу прорвало.

Часть улиц всё ещё затоплена, везде завалы из мусора, досок, брёвен, которые большая волна раскидала по всей территории селения. Что-то люди успели спасти, затащить на чердаки, но, в основном, всё, что нажито, пропало, испорчено водой. Ворота и калитки стоят и даже запираются, но заборы Адыча забрала с собой. На улице непролазная грязь, нечистоты, свалки мусора, рыбьих костей, оленьих черепов и, естественно, ржавых консервных банок и железных бочек.

Много собак и ночью над селом – громогласный собачий вой, похожий на волчий.

В наводнение погибло много домашнего скота. А это – основа здешнего существования.

В школе один класс пострадал сильно.

Колодцев и тем более водопровода здесь нет. Питьевую воду с гор привозят в бочке на подводе. Жители прибегают с ведрами и растаскивают по домам. Но в основном приходится за водой ходить к Адыче, а она у неё мутная, требует отстоя и да и химсостав подозрителен, как в плане органики, так и неорганики. Беглый анализ, который я провёл

показал в ней наличие тяжёлых элементов, и почему-то повышенное содержание скандия. Откуда этот скандий, зачем он тут?

С ремонтом проблема: стройматериалы здесь не производят.

Школа – странный объект. Стоит почти на острове, школьники на экзамен плывут в лодках!

Мамонты

*Динозавров съели с мясом,
Мамонт сам подох с испуга ...*

И кого теперь бояться ?

Только, батенька, друг друга !

Поплыл туда и я, издали углядев очередное чудо света. Оно представляло собой гору бивней мамонта и каких-то костей непонятных, но гигантских животных. Вообще-то этого добра и по усадьбам раскидано не мало, но тут гора вздымалась выше дома! Школьники постарались – собрали со всей округи. Мы металлолом таскали, а они – кости. У кого что есть, то и тащат в пионерском задоре. А подбадривал их директор школы по имени Михаил, фанат этого дела – хочет здесь музей организовать. Возможно, если жить будет долго...

В детстве мы все увлекались фильмом Тарзан, можно сказать – жили им. Знаем, какие войны случаются из-за слоновой кости. Но слон – наш современник – разводи стада, если кость нужна, а тут – мамонт. Ценность большая – 400 долларов килограмм, здесь его – тонны. Запросто олигархом стать можно, если всё толкнуть кому надо. Для науки может и не очень интересно, там ведь важно самому найти, место осмотреть, лично откопать или из куска льда оттаять, собрав все мелкие косточки, куски мяса и шкур. А тут кости всех зверей перемешаны, половина в земле осталась. Зато бегать никуда не надо, раскопки финансировать, вот оно – валяется во дворе. Разбирай! А можно косторезов осчастливить, мастерскую устроить по выпуску статуэток или украшений, а лучше – амuletов. В наш суеверный атеистический век пойдут на ура.

До МГУ я был рабочим на фабрике – народном промысле. Расписывал подносы,

бор-машинкой вырезал Кремль и ёлочки в прозрачном блоке оргстекла. Поэтому присмотрелся к бивням внимательнее – нельзя ли изготовить удобную ручку для ножа или фигурку какую для подруги.

Говорят, мамонт выглядел так.

Срез бивня похож на срез дерева, имеет кольцообразное строение, он даже трескается похоже – вроде как кора отслаивается. Верхние слои бивня мамонта окрашены, цвета меняются – от коричневого до

синевато-зелёного и чёрного. Некоторые бивни имеют изящную текстуру в виде миниатюрной сеточки с красивыми оттенками цвета светло-жёлтых или тёплых розоватых тонов, даже с каким-то блеском. Думаю, что большая твёрдость материала позволит выполнять тончайшие орнаменты в технике ажурной резьбы, а пластичность даст неограниченные возможности в рельефной резьбе. Но я размечтался....

Северные косторезы используют в основном бивни моржей, а мамонтовой костью пренебрегают: мамонты – жители подземного мира, волшебные существа. Якуты мамонта называют *у-огун-мога*, т.е. водяной бык. Почему – не знаю.

Срезы бивней мамонта.

Бивней мамонта в Якутии много.

Из костей мамонта нельзя делать бытовые, предметы, только предметы культа: бусины, кольца, амулеты, шаманские колотушки ибо кость мамонта пропитана силой, энергией Земли. В принципе, здесь табу на выкапывание бивней мамонтов. Ведь мамонты ушли в землю, когда в тундре появились люди. Будешь выкапывать бивни, побеспокоишь зверя, вылезет – мало не покажется. Кто-то ради наживы выкапывает кости, отрубает бивни и тащит их на продажу, но даже эти отчаянные головы, найдя бивень закапывают для духа что-нибудь взамен. Нашёл маленький бивень – зарой тряпку какую, а если большой – убей оленя и место находки окропи свежей кровью, а мясо сам съешь. Если же очень крупный бивень попался, не жадничай, закопай на его место всего оленя. Впрочем, пионеры ничего такого близко в

голову не брали. Ну, и ответят за это когда-нибудь. В мистическом смысле...

Стал я собирать свои хилые познания о мамонтах и прочих доисторических животных.

Мамонт – род вымерших млекопитающих семейства слоновых отряда хоботных. Скелет похож на индийского слона. По размерам мамонт не превосходил современных слонов, но обладал более массивным туловищем, более короткими ногами, длинной шерстью и длинными изогнутыми бивнями, служившие для добывания пищи из-под снега. Коренные зубы мамонта хорошо приспособлены для пережёвывания грубого растительного корма. Животное не гигантское, но и не маленькое: 5,5 м длина и 4,5 м высота. Громадные бивни, до 5 м в длину, весом до 100 кг, вставлены в верхнюю челюсть, выставляются вперед, загибаясь кверху и расходясь в стороны. Кожа мамонта покрыта густой шерстью, из которой торчат грубые, длинные, щетинистые волосы; на шее – грива, спускавшаяся до колен. Продолжительность жизни мамонтов ~60 лет.

Когда-то мамонты были широко распространены по всему Северному полушарию, появились они в Африке 25 тысяч лет назад, потом ушли на север, но 10 тысяч лет тому назад взяли и вымерли. Полностью! Правда не сразу – небольшая популяция мелких мамонтов на острове Врангеля продержалась чуть ли не до третьего тысячелетия до новой эры, т.е. почти дотянула до наших времён. Отчего они вымерли – науке не известно – гипотез много, толку – ноль. В ледниковый период, в холод-мороз, они вымереть никак не могли, скорее тогда передохли бы безволосые слоны. А вышло наоборот. Конечно, когда потеплело, травяная тундра стала меняться на кустарниковую, лесотундра, а затем и тайга на север поплёрла; со жратвой стало туго. Но ведь не до такой же степени! Свалить их исчезновение на охотников верхнего палеолита тоже не удалось.

«Мамонт наглый, жди копыта!», – пригрозил Велимир Хлебников. Почему поэт обозвал скотину наглой? Лучше бы охотников так припечатал...

Нет вообще ни одного доказательства, что люди охотились на мамонтов. Да, на стойбищах встречаются кости, ну и что? Вполне можно разделать тушу умершего своей смертью животного (например, в болоте завязшего). Зачем за ним бегать всем скопом? Кстати, древние использовали мамонта не столько для пищи, сколько, как топливо. Холодно тогда было жутко, дров мало, как огонь поддерживать? Позвонки-хрящи мамонта покрыты жиром, прекрасно горят. Имеет смысл тащить мамонтовы остатки к себе на стойбище. Да и толстая шкура с густым волосом всегда пригодится. Так что древний охотник не зря под подозрением, увы! – его практически не было в этих местах. Численностью населения в здешних краях по сравнению с числом голов скота можно пренебречь. Вот увеличение влажности в связи с окончанием ледникового периода и потеплением, это да, это опасно. Тяжёлые мамонты (вес до 20 тонн) стали тонуть в болотах, и утонули совсем...

В раннем плейстоцене ($4 \cdot 10^5$ – $1 \cdot 10^6$ назад) проживала здесь гигантская лошадь высотой в холке более двух метров двадцати сантиметров, широколобый лось с размахом рогов более трех метров, овцебыки, крупные медведи, огромные кошки, не уступавшие по размерам тиграм, волосатые носороги, волки. Климат того времени был достаточно суровым, напоминал современный климат Верхоянья. Еще суровее климат стал в среднем плейстоцене (от 100 до 400 тысяч лет назад) и особенно в позднем (от 10 до 100 тысяч лет назад). Зимы в это время были холодными и малоснежными. Земля глубоко промерзала. В ней находились огромные ледяные клинья, лето было коротким и сухим. Потому вместо тайги преобладали северные степи. На пастбищах паслись стада крупных травоядных животных. Многие виды вымерли 10–100 тысяч лет назад, когда потепление климата привело к широкому распространению тайги и болот, исчезли полярные степи.

Так что мамонты пропали не одни – с ними вместе куда-то делись бизоны, шерстистые носороги, пещерные львы, тигры саблезубые. Их тоже охотники перебили? У них что, пулемёты были, в три горла жрали? А почему тогда остались овцебыки, олени, сайгаки, песцы, волки, куропатки. Лошадь якутская, наконец. На них лень было охотиться? Или они не съедобны.

Почему одна часть экосистемы погибла, а другая ничуть не более подготовленная к переменам, пережила все катаклизмы без проблем? Может на болезных какой вирус-микроб напал, эпидемия достала? Науке это неизвестно....

Да что рассуждать о мамонтах, когда в Америке бесследно исчезла лошадь, которая была там распространена повсеместно. Тоже метеоритом долбануло? Или кометой какой... В Европе лошадь есть, в Азии есть, а в Америке нет! Была, да исчезла, а потом уж её туда конкистадоры завезли. Интересно? Интересно! Но никого не волнует.

Якутская лошадь выглядит необычно.

В задумчивости поплыл от школы, будущего музея прошлых веков. Потом я как-то сам нашёл небольшой бивень мамонта, долго его таскал с собой, обдумывая как из него ручку ножа сделать. Но так и не собрался, а бивень сам собой куда-то делся.

Лошади

*В Якутии очень короткое лето,
Но долгая стужа и ветер и снег,
Якутская лошадь недаром одета
В пушистую гриву, подшерсток и мех.*

Выбрался я покурить, и обомлел. Показалось – впал в детство, на карусель в Парке культуры попал: предо мною кружило, что-то низкое, толстое и пушистое. То ли пони косматые, то ли ослы мохнатые. Одни – шары из меха, другие – цилиндры на ножках. Оказалось – лошадь якутская. Наш вездеход.

Не наступи себе на хвост!

То, что порода особая – видно сразу. Невольно поверишь, что она сохранилась со времён мамонтов, измельчала, конечно, но всё же. Есть в ней что-то древнее. Считается, что якутские лошади произошли от скрещивания местной довольно крупной дикой белой тундровой лошади с монгольской, которую привели с собой с Юга предки современных якутов. Предпринимались попытки скрещивания якутских лошадей с заводскими породами, но дело не

пошло. Чистоту якутской породы охраняет суровая природа здешних краёв: другие породы не выживают.

Якутская лошадь принадлежит к лесной верховно-вьючной и упряжной породе, т.е. она универсальна – можно на ней поскакать куда, а можно в телегу запрячь. Низкорослая лошадь (130 см в холке), крепкая, с грубой конституцией. Массивная горбоносая голова, длинная и широкая морда, короткая толстая шея, широкая грудь, низкая холка, широкая прямая спина, массивное туловище, короткие сильные ноги с прочными копытами, густые грива и хвост. По сравнению с другими породами якутская лошадь выделяется массивностью, мощным развитием грудной клетки, крепостью костяка, большой оброслостью и наживочной способностью, сравнительно лучшей адаптацией к суровым климатическим и скудным кормовым условиям. Якутская лошадь низкоросла, длиннотела, крупноголова и широкозада. Но это удивительно мощное животное. Шаг мелкий, но спорый, удобный для передвижения по лесным тропам.

Масть светло-серая, буланая, соловая, саврасая, мышастая. Может быть гнедой. У некоторых пигментирована лишь верхняя часть волоса. Серые лошади преобладают в северных районах Якутии; они очень рано седеют и становятся почти белыми уже к трём-четырёх годам. От морозов их спасает густой и длинный волосной покров, толстая кожа и слой подкожного жира. Шерсть их зимой достигает 10 см в длину, очень густой пышный хвост достаёт до земли, грива покрывает шею и плечи.

Стиляга.

Поразительна выносливость этой породы в любых условиях: перевозят тяжёлые грузы и мало едят. Подкожный жир

позволяет им жить некоторое время без пищи. В еде они используют в корм всё разнотравье, которое могут найти. Очень уважают осоку, тростник, да и веточки деревьев, кустарников жуют с удовольствием. Даже мох и тот они употребляют.

Якутская лошадь к круглый год пребывает в табуне. Она – полудикое животное. В стойло её не загонишь – свободу любит. Круглый год пасётся самостоятельно без какой-либо защиты от непогоды. Ни как одиночка, естественно, а в табуне под руководством административно активного жеребца. Она в пятидесятиградусные морозы разрывает снег и лёд мощными копытами (размером в хорошую кастрюльку) и добывает прошлогоднюю траву. Удобно, колхозникам сена заготавливать не надо, разве что весной подкормить. Водопой тоже не нужен – утоляет жажду снегом. Зимой она отъедается, а летом худеет. Попробуй в такой шубе вкалывать при тридцатиградусной жаре! И нельзя нормально пастись из-за ужасного количества комаров, мошки, овода и прочих кровососов. Всё лето аборигенам приходится жечь дымокуры. Лошади вместо того, чтобы пастись на летней

травке, сбиваются в кучу в клубах дыма и стоят так часами.

Мне понравился рыжий мерин, которого назвал Буцефалом. Лошадь Александра Македонского вспомнилась, хотя она вряд ли была похожа на это чудо природы. Но каюр рекомендовал мне Сатеру.

Сейчас принято всеми пишущими о Якутии цитировать Серошевского. Я хотел этого избежать, но не смог. Лучше не скажешь: «Нужно видеть, как

якутская лошадь идёт по брюхо в густом липком болоте, пробивая прямо грудью борозду, идёт версты 3–4, иногда 10 без перерыва, несёт всадника или вьюки, стонет, храпит, пошатывается, но идёт, не останавливаясь, так как остановка – это гибель; нужно видеть, как она пробирается, согнувшись в дугу, по невероятным крутизнам, по горным скалистым россыпям, сквозь бушующие потоки и широкие реки, сквозь лесную чащу, где, что ни шаг, приходится перелезать через упавшие колоды, где под мхом скользкий лёд; ...нужно видеть, какой она довольствуется в то же время пищей, чтобы понять, насколько велики и драгоценны те запасы сил, которые она заключает в себе».

Я горел желанием незамедлительно заняться верховой ездой, но сказали «Нельзя!» К весне лошадь становятся жирной, от работы отвыкшей. Если на ней сразу начать носиться, то она может заболеть, а то и подохнуть. Поэтому её надо «выдержать», т.е. поморить голодом. С этой целью лошадей поймали, и привязали каждую к своему столбу. Чтоб жизнь мёдом не казалась...

В верховой езде меня тренировал каюр, выходец с южной Якутии, много лет прошедший в местных лагерях, а теперь исполняющий роль Дерсу Узала Арсеньева. Звали его Афонас Николаевич Мордовских – якут с польской кровью. Евроазиатский гибрид. С ним мы контактировали плохо: возраст, воспитание, язык сильно нас разделяли. Но кое-чему он меня научил: как обращаться с лошадьми и собаками, ходить по тайге, выслеживая зверя–птицу, охотиться на медведей и защищаться от двуногих.

Музыкальный работник

Сколько раз можно начинать жить заново?

Да сколько хочешь, пока можешь.

В Бетёнкес прибыли вечером. Гостиницы нет, разбрелись по селению в поисках ночлега. Не тут-то было. Мы систематически стучались дом за домом – ноль внимания. Ясно: режь кого на пороге, никто не выглянет. Лишь лай собак.

Услышали музыку, и пошли на неё. Детский сад. На лавочках под грибочками малыши, панамы комаров гоняют. В центре – баянист попури из мультфильмов наяривает. Изредка чья-то душа не выдерживает и пускается в пляс.

Заметив нас, баянист, здоровый мужик лет пятидесяти, встал во весь гигантский рост и, раздвинув выводок, пошел навстречу.

– Здорово, москвичи! – определил он сразу по нашему угро-финскому аканью, – Ночевать негде? Айда ко мне: в тесноте, да не в обиде.

Мы последовали за музыкальным работником. Улица в пару километров. На отшибе стоял скосбоченный домик без забора. Оттуда выскочил трёхлетний пацан. Тут же он взлетел в воздух. Потом ещё и ещё. Обоим было весело.

– Счастье – это свобода!

На пороге встречала жена, лет двадцати. Нам она обрадовалась и по дому заметалась толстая коса с бантиком. Достали спирт, сели вечерять. Хозяин не пьёт.

– Что мозги туманить, жизнь и так хороша. Смотрите – все ваше и наше, – он распротёр руки, обнимая мир, – летать можно!

На пальцах – татуировка СЭР, что, как объяснил Анархист, значит Свобода Это Рай.

Мы, конечно, прикончили бутылку за его здоровье, и пошли спать: день был тяжёлый, однако. Я лежал на полу (воняло помойное ведро в головах, монотонно капал умывальник), и думал:

– За что ж одним все: музыка, молодуха, сын. А другим ничего. Переночевать негде. Лишь перспектива мошку кормить.

Когда мы встали, Николай уже ушёл на работу. Светлана накрывала завтрак, и вся светилась затаенной радостью.

– Хороший у вас муж!

– Ой, мне так повезло! Он добрый и сильный. Меня взял не девушкой. Я поступать в Якутск ездила, провалилась, загуляла, все отвернулись. А он взял и женился. Любит меня, уважает. Сын у нас. Жить только негде. Это мы временно здесь барствуем, а зимой – в овине, вместе с овцами. Бетенкёс нас не принимает. Николай ведь четырёх убил: брата в драке, в лагере двоих и одного уже здесь. Ну, за этого оправдали. А так тридцать лет по лагерям и тюрьмам, считай – вся жизнь. Нервный он – даст кулаком, неси хоронить. Теперь детишек воспитывает. Музыке учит.

А счастлив! Будто сейчас родился...

Смелые люди

Удача улыбается смелым...

А потом долго ржёт над ними!

Мы кучковались у продмага. Ждали открытия. Мужики и дама. Странного вида: вся в макияже, в телогрейке с рыжей лисой сверху и кружевами снизу, да в резиновых сапогах. Часа волка ожидала.

Трепались о наболевшем. Геофизическом. Обратные задачи, закон Фредгольма, да порог теоремы единственности. О чём ещё говорить без похмелки?

– Во! Анекдот на тему дня, – обрадовал Кастыль.

– Давай!

– Мужик нашел бутылку. Открыл – Джин. Что прикажешь? Хочу член до земли! Джин выдрал волосок, мужик стал уменьшаться и Бац! яйцами об землю. – Ты что! Тебя спасли, а ты хулиганишь. – Сам виноват, задачу некорректно поставил...

Мы заржали.

Женщина подскочила. Прикрыв лицо рукой, она другой стала отталкиваться от воздуха. Пятилась, пятилась, потом побежала, смешно расставляя ноги. Смеялись уже все.

– Теперь она всегда так, – пояснил мужичек в ушанке, – проучили мы блядь московскую.

Тунейдка она, из Москвы высланная. В Бетенкёс на исправление. В любви неумолима. Мужики за ней – толпами. Жены уже и кипятком плескались, и собак спускали, и в райком жаловались. Ноль внимания. Жизни не стало. Все передрались.

Как-то зимой народ набился в клубе. Ждали кино. «Смелые люди». Сто раз видели, но другого нет. Фильм, впрочем, хороший. А пока пробавлялись кумысом. Довольно скучно. В воздухе – напряженность, озлобленность непонятная. Локальные мордобои. А тут Настасья с Петькой. За подростков взялась. Перебор! Недавно отставленный Константин завопил:

– Мужики! До коле...

Влепил сыну оплеуху. Тот – на пол. Настасья – в защиту. Ну, кинулись на неё, содрали голубое трико и бутылку вставили. Так с утонувшей поллитровкой да раздвинутыми ногами и носили по клубу. Смеху было, кина не надо...

Отучили! Перестала с нами знаться. Бежать хотела, да Телёнок удержал.

Только смеха она не любит.

Побег с телёнком

Сидит ворон на дубу

И клюёт свое нога.

От чего клюет нога?

Знать судьба его такой!

Местный дурачок Телёнок, как собачка бегал за Настасьей, жевал подол, выпрашивая травку. Она чесала у него за ухом, он забавно бодался. Потеряв её, Телёнок бегал по поселку, тревожно мыча. Борода тряслась, глаза сверкали. «Тьфу ты, козёл старый», – ругались бабы, сбиваясь с пути.

...Виктор Осипович Кукуев и по происхождению, и по положению, и по призванию был служащим. Сначала работал в райкоме, потом перебрался в Органы. Тут случались казусы: бывало в обморок падал при виде защемленных мошонок, вырванных ногтей, да отрезанных грудей. В Архив подался. Порядок навёл. В начале срока давали разные, и учёт был сложен, а потом – всем по десятке – дела наладились. Незаметно прошла война. Но в верхах случился переворот, отдел закрыли: кого расстреляли, а кого – посадили. Тогда стандарт был 20. Ему и дали.

За пять лет Виктор Осипович много где побывал, скатываясь к Верхоянску. Опытный зек – придурок по финансам. Но стукачом не стал, а потому – уцелел. Держали его за завхоза во временном лагере на Чёрных землях Чукотки. Как всегда, бараки соорудили в глухом углу ранней весной, ещё по стоящему зимнику. Лето-осень рубили лес с тем, чтобы зимой вывозить. Вырубали подчистую – и дальше. Режим здесь был, пожалуй, помягче, но и опасность выше. И не от падающих деревьев. Летом лагерь был абсолютно отрезан от Материка: мерзлота оживала, реки разливались. Абзац! Если продукты кончались, или возникала эпидемия, лагерь вымирал полностью. Вплоть до собак. И зеки, и охрана, и начальство – все, кто случился в командировке. И вот такая перспектива возникла снова. Пришёл последний караван, и Виктор Осипович всё понял. Запасов на месяц и то – на пределе. Кукуев и так пребывал в беспричинной тоске, а тут понял: убежит. И немедленно.

Двух нужных типов он застал за пилкой лиственницы. Не толстой, но как железо. Один – горилла с плоским лбом академика – был знаменитый Удав. Он уже бегал из лагерей и всегда удачно. Другой – маленький и верткий, хитрый и ловкий садист. Звали его Вампир. Кукуев объяснил ситуацию. Двигая пилой, Удав заключил:

– Согласны! Но ты пойдёшь телёнком.

– Кем? - не понял Виктор Осипович.

– Дура! Бежать не хитро! Но Материк далеко, а кушать надо. Вот тебя и съедим. Предупреждаю, чтоб без обид.

– Да! Только так, – подтвердил Вампир.

Кукуев некоторое время смотрел на дровосеков.

– Ладно!

Утром из лагеря вышел небольшой караван: три лошади под вьюками, три зэка и три охранника. Везли продукты в отряд, расчищавший просеки под визирь. Идти недалеко, километров 15. Но каких! Тут руки за спину, шаг вправо, шаг влево – побег, не пойдёт. Куда там! Чуть спустился, море разливанное. Шаг! И ты начинаешь медленно погружаться. По колено или по пояс зависит от расстояния до твёрдого мерзлого грунта. Переплетённые корни какое-то время тебя держат, как на батуте, и лишь сапогами снежную грязь хлебашь, но разрыв – и ты – по горло. Лошади скользят, ложатся на брюхо, сбиваются в кучу, путают веревки. Седла – на сторону, вьюки – в болотный рассол. Сплошной брод с водой холодноватой. Ни кусочка суши, чтоб у костерка погреться. И так – до цели. Тут не до устава. Вон вохровец сам лошадь тянет. А что! Задержись – и всем капут!

Но охранник остушился серьезней и полетел в стремнину. Удав помог и вылез один. Тут же дубина пришлась по второму. Третий вскочил на корягу и удивленно смотрел. Его сняли винтом.

Повезло! Три лошади под вьюками, три винтовки с патронами, да три дня форы. А то и четыре. Вампир уверенно повёл их на юго-запад. Перли как танки и преодолели Колыму аккуратно пред разливом. Погони нет.

...Они брели уже месяц. Тундра, болота, тайга, реки, хребты и обрывы. Снег и вода, вода, вода. В атмосфере – комарик. Лошади не выдержали: одна утонула, две сдохли, но их удалось съесть. Продукты кончились, за ними – патроны. Да и вообще охота на куропаток из винтовки слабо продуктивна. Хотелось курить. Вышли к большой реке. Другого берега не видать. Прошлись вверх-вниз, нашли ярангу. Сразу – в атаку. Тунгус отлетел с распоротым животом. Пока Кукуев с Вампиром ловили оленей, Удав насильничал молодую. Муж очнулся, обвел сцену мутным взглядом и метнул якутскую пальму. Нож капканной стали на длинной палке пробил Удава насквозь. Смерть в удовольствии... Почти как генерал Скобелев...

Загрузив лодку олениной, кое-какими продуктами и сетью, Теленок с Вампиром переплыли реку и стали подниматься вверх по течению, где – на веслах, где – бечебой. Двигались ночами, благо они ещё были. Днём спали и ловили рыбу. Хорошо Вампир знал географию, Кукуев за ним был как за каменной стеной.

В разгаре июля, перевалили в долину Индигирки. В горах питались птичьими яйцами, да травами и отощали страшно. Но фарт есть фарт. Наткнулись на палатку геологов. Срезать растяжки – минутное дело, а затем – коли сквозь брезент. Пока кто там шевелится. Вот и отоварились тушенкой, спиртом, сахаром и солью. И даже куревом с сухарями. А много ли для счастья нужно?

В конце августа покинули Индигирку пошли к Адыче. Тайга: бурелом, протоки, лабиринты озер и болот. Гнус сводил с ума. Силы кончались, еда и подавно. Корешки, да ягоды. Виктор Осипович постоянно ощущал взгляд Вампира. Хоть спиной не становись. Нервы! Однажды развернулся и всадил нож в Сусанина. Удачно. Он ещё помнил, что кто-то кого-то должен съесть.

... В сентябре из тайги вышел на четвереньках некто и сказал первому встречному:

- Я - телёнок. Травоядное... Му-у-у-!

Тот надел на него ошейник с колокольчиком и привёл в Бетенкёс. Здесь он и живёт. А куда денешься?

Борьба за независимость
Моей бы ангельской державушке,
Два чистых ангельских крыла.
Но если был бы Шуй у бабушки,
Она бы дедушкой была
(ГАРИКИ)

За несколько дней пребывания в Бетенкёсе мы три раза меняли место жительства. Сначала нас приютил детсадовский музыкальный работник (он же рецидивист-убийца), один день мы прожили в якутской семье молочных скотоводов, и, наконец, на целых три дня обосновались в школе. Она была довольно большой – несколько классов и красный уголок, в котором стояла тумба, а на ней бюст Дзержинского. Из под бюста свисало красное полотнище с бахромой и кистями, на котором профили Сталина и Ленина (Сталин ближе к нам и крупнее) и надпись: "под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперёд к победе коммунизма!" Не в тренде, но жалко убирать – красивая вещь. Бюст придавливал несколько номеров газеты «Янская правда» за 1945 год.

Ради нас из одного класса вынесли все парты, мы затащили своё барахло, насыпали его горкой в центре комнаты, начали осматривать, перебирать и рассовывать по матерчатым выючникам и деревянным выючным ящикам.

Сильно мешали местные пацаны, которые налетали, как воробьи, хватали некоторые предметы и приставали с вопросами об их назначении. Нас предупреждали, что крупные вещи будут целы, но мелкие ополовинятся. Так оно и случилось. Анатолий лишился зажигалки, я ножа с ложкой, а Анастасия Семёновна маникюрных ножниц. Оружие, оптика, деньги – всё осталось цело. Больше всего нас беспокоили географические карты, особенно километровки, поскольку потеря даже одного листа, пусть на нём было только море, грозило реальным тюремным сроком до 10 лет. Карты мы сразу сложили во выючник с окованными железом углами и повесили амбарный замок. Никто не покусился.

Но помимо детей-подростков постоянно присутствовали мужчины якутской наружности. Старики, преклонного и среднего возраста; сколько кому лет определить было трудно. Они сменяли друг друга, но несколько человек постоянно разделяли наше общество. Гости сидели вдоль стен, обязательно на корточках и обязательно неподвижно. Лица не выражали эмоций. Глаза смотрели вперёд, не моргая. Они не разговаривали ни с нами, ни с друг с другом. Молча сидели и смотрели. Видимо для них мы были театр, кино и телевизор одновременно.

Сначала их присутствие тяготило, но потом привыкли.

Перед сном, однако, как-то сама собой возникла совместная трапеза. Якуты раскочегарили старинный самовар музейного вида, заварили на всех чай, полили его молоком, мы взрезали тушёнку. И началось капсе.

Гости оказались политологами и партийными функционерами в немилости – ссыльными из Якутска. Во! В Батагае – русские на химии, а в Бетенкёсе – якуты.

В этой республике живёт кто-то, кроме геологов, скотоводов, уголовников, киллеров и философов?!

Местные диссиденты разбиты на две возрастные и идеологические группы: старики, идейные вдохновители тунгусского восстания и современные борцы с волонтаризмом и его местными проявлениями. Объединял их национализм и общая ненависть к "западным ценностям" (т.е. московским). Те, что помоложе были яркими поклонниками Сталина, сторонниками его политики, особенно в плане создания рабочих лагерей и включения гнилой интеллигенции (особенно – москвичей) в добычу олова и прочих полезных ископаемых. Хоть какая-то польза от этой публики будет, в кое веки раз делом займутся. Глядишь, и они что-то для страны сделают, помимо протирания штанов в кабинетах.

– А вы, – сказал один мне, – как власть возьмёте всё разворуете и всё просрёте. Печально, но пророк оказался прав.

Один толстый меднолицый редкобородый якут, лет сорока, вёл себя и говорил, как профессор. Им и оказался. Бывший профессор политологии в Якутском университете. Сослали его сюда за лекции, в которых он критиковал тезис Хрущёва, что в СССР довольно скоро (в 1980) будет построен коммунизм. План 1959 года давал гарантию, что наша страна догонит и перегонит США, к 1965 выйдет на первое место в мире как по абсолютному объёму производства, так и по производству на душу населения. Никто с

этим не спорил. Планы у нас выполняются, много чего делается: в Космос вышли, ядерные реакторы запустили, атомных и водородных бомб наделали в больших количествах, АЭС построили, атомные подлодки в океан выпустили. Поди мало! Но Профессор считал, что экономическая ситуация в различных регионах страны существенно различна, равно, как политическая. О социализме говорить (и то – с натяжкой) можно только в центральных областях России, а в остальных: где-то у нас капитализм, где-то феодально-крепостнический, где-то рабовладельческий, а где-то и первобытно-общинный строй. Так что переход к коммунизму будет происходить по очереди: Москва, Ленинград, Центральная Россия, Западная Сибирь, республики, и уж где-то в конце – Якутия да Чукотка. Он прав! За что и выслали.

Но это я уже где-то от кого-то слышал. Анекдот на тему был:

– Где проходит граница между коммунизмом и развитым социализмом, а также между развитым социализмом и просто социализмом?

– Первая – Кремлевская стена, вторая – московская окружная дорога.

Мне куда интересней события гражданской войны в этих краях, борьба за независимость от России.

Старый якут, работавший здесь плотником, только кивал, выпуская дым из трубки. Он был соумышленником знаменитого Ксенофонтова, за что хорошо посидел в тюрьмах-лагерях, в промежутках между которыми исхитрился возглавлять дом культуры, избираться в Верховный Совет Якутии, работать в райкомах-обкомах партии, и даже некоторое время прослужить в органах НКВД. Теперь на химии. Человек сложной судьбы. Все звали его Иван Иванович Иванов. Но по паспорту он был Анемподист Иванович (буквально Анемподист сын Ивана, по-якутски Уйбаан уола Алампа, что в переводе как раз и означает Анемподист сын Ивана). Но и Анепондис и Уйбаан тяжеловато для нас; мы звали его Иваныч.

Тогда я мало, что запомнил, но теперь и сам рассказать могу.

До войны в Якутии было два восстания в 1925 и 1927–28 гг.

В 1925 в Якутии случилось Тунгусское вооружённое восстание коренных народов Севера под руководством якута М.Артемяева и тунгуса П. Карамзина против действия властей: закрытия портов для иностранной торговли, приведшего к перебоям с завозом товаров с материка, конфискации оленей у частных владельцев, изъятии пастбищ под промышленные новостройки. Восставшие заняли Нелькан, а затем и порт Аян. На съезде аяно-нельканских, охотско-аянских и маймаканских тунгусов и якутов было избрано Временное Центральное Тунгусское Национальное Управление, решившее отделиться от РСФСР. Начальником штаба вооружённых отрядов стал М.К.Артемяев, командиром — П. Карамзин. Повстанческие отряды якутов, тунгусов и частично русских действовали в Аяно-Нелькано-Алданском, Охотском, Оймяконо-Верхоянском районах Якутии, в Абые. В 1925 восставшие заключили перемирие с советскими властями и сложили оружие. Практически всех расстреляли.

Михаил Константинович Артемяев (1888–1928) — сначала красный, потом белый. Из бедной крестьянской семьи. Окончил четыре класса Якутского реального училища. Сначала работал писарем, потом письмоводителем, старостой, старшиной и учителем. Участник Гражданской войны на стороне большевиков. В 1920 комиссар волости и председатель ревкома. В 1922 бежал из Якутска и вступил в белую армию Коробейникова. После её разгрома скрывался с отрядом в тайге. В начале 1923 служил у генерала А.Н.Пепеляева предводителем белопартизанских частей. После разгрома Пепеляева в марте 1923 снова скрывался в тайге, участвовал в Тунгусском восстании 1924–1925, пока не сдался советской власти в 1925; амнистирован. В 1928 расстрелян.

Михаил Яковлевич Коробейников (?– 1924) – русский офицер, корнет. В 1921 осуществил антисоветский мятеж в Якутии и встал во главе Якутской народной армии, куда вошли отряды Коробейникова и Ксенофонтова. В 1922 ими было образовано Временное якутское областное народное управление. Отряды Коробейникова взяли Якутск, но были выбиты из города частями Красной Армии и бежали в район Охотск-Аян, где соединились с частями «Сибирской добровольческой дружины» Пепеляева, прибывшими из подконтрольного белым Владивостока по морю. Объединённые войска (7000 человек), вновь предприняли наступление на Якутск. К июню 1923 силы, возглавляемые Коробейниковым и Пепеляевым, были окончательно разбиты красными отрядами Строда и Вострещова. Одна часть белогвардейцев, включая Пепеляева, попала в плен и

была переправлена во Владивосток, а другая часть, включая Коробейникова, сумела бежать в Китай, где Коробейников через год умер в Харбине.

Анатолий Николаевич Пепеляев (1881–1938) – потомственный дворянин, участник Первой мировой и гражданкой войн, белогвардеец, генерал-лейтенант, отличился взятием Перми (1918) и походом на Якутск (1922), родной брат колчаковского премьер-министра, прозван Сибирским Суворовым. В 1922 во главе "Милиции татарского пролива" высадился в Охотске и пошёл на Якутск, но был разбит отрядом Строда. Во избежание кровопролития, сдался без сопротивления. Приговорён к 10 годам тюрьмы. В 1936 освобождён, работал в Воронеже столяром, в 1938 расстрелян.

Строд Иван Яковлевич (1894–1937) латыш, герой Гражданской войны на Дальнем Востоке. Участвовал в 1-й мировой войне, награждён четырьмя Георгиевскими крестами и произведён в прапорщики. В 1918 вступил в Красную Армию. Участвовал в боях против белогвардейцев и интервентов в Сибири в партизанском отряде Н. Каландаришвили, с ноября 1918 по декабрь 1919 находился в заключении у белых в Олёкминской тюрьме. После освобождения возглавил добровольческий революционный отряд. С 1920 командир кавалерийского отряда в составе Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В 1921–23 командир батальона и помощник командира полка, проявил исключительный героизм в боях с белогвардейскими бандами в Якутии, прошёл 2800 км от Иркутска до Якутска, а затем разгромил банду Пепеляева. Награжден тремя орденами Красного знамени. Расстрелян в 1937.

Теперь о другом якутском восстании.

В мае 1927 П.Ксенофонтов организовал "военную демонстрацию" для разъяснения властям и населению Якутии требований политического самоуправления якутского народа, вплоть до выхода Якутии из состава РСФСР и вступления в СССР на правах суверенной союзной республики.

Ксенофонтов Павел Васильевич, род деятельности: антибольшевик.

Павел Васильевич Ксенофонтов (1880–1928) – якут, руководитель антибольшевистского движения в Якутии в 1927–1928, известного как "движение конфедералистов" или "ксенофонтовщина". Родился в зажиточной семье. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1925–27 гг. – сотрудник Наркомата финансов Якутской АССР. Выступал за повышение статуса Якутской АССР до союзной республики, за пропорциональное представительство якутов в Совете национальностей СССР и органах республиканской власти, отделение партии от государства, предоставление большего самоуправления местным органам власти. Протестовал против переселения в Якутию русских крестьян, приводившего к лишению якутов земли для выпаса скота. Попытки вынести проблему на обсуждение окружных и республиканских партийных съездов не имели успеха из-за противодействия партийных руководителей Якутии. На фоне вооружённых выступлений, начавшихся в Якутии с апреля 1927, Ксенофонтов 28.09.1927 в селении Кудома заявил о создании «Младо-якутской национальной советской социалистической партии конфедералистов». В ответ якутское руководство объявило Ксенофонтова и его сторонников бандитами и приступило к подавлению мятежа. В октябре-ноябре 1927 отряды восставших во главе с Ксенофонтовым заняли селения Усть-Мая, Петропавловск, Нелькан, Оймякон и др. В декабре 1927 они действовали на территории пяти улусов Якутии и насчитывали до 750 человек. Продвижение повстанцев осуществлялось без боя, за весь период восстания зафиксировано не более 10 перестрелок с советскими отрядами. 4.12.1927 был избран ЦК партии конфедералистов, Ксенофонтов стал генеральным секретарём партии. Руководство ЯАССР обратилось к Ксенофонтову с предложением сдаться, обещая в этом случае амнистию. Считая, что основная цель «демонстрации» – пропаганда политической программы партии – достигнута и, осознавая пассивность основной массы населения, 1.01.1928 Ксенофонтов приехал на переговоры с властями и был арестован. Несмотря на обещание амнистии, был расстрелян 28.03.1928 начальником Особого отдела ОГПУ С.В.Пузицким. Всего по делу «ксенофонтовщины» репрессировано 272 человека, из них 128 – расстреляно, 130 – осуждено на различные сроки заключения.

Сергей Васильевич Пузицкий (1895–1937) – сотрудник СК-ОГПУ-НКВД СССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, заместитель начальника Дмитлага, начальник третьего отдела НКВД Дмитлага. В 1912 поступил на юридический факультет Московского университета. С началом 1-ой мировой войны был призван в армию, после военного училища, назначен прапорщиком дивизиона тяжёлой артиллерии в Измайлово. В 1921–22 начальник отделения Особого отдела ВЧК. Принимал участие в аресте английского разведчика Сиднея Рейли, задержании Б.В.Савинкова, похищении генерала А.П.Кутепова в ходе операции "Трест". В январе 1928 командирован в Якутию для ликвидации белогвардейского движения. В 1935 заместитель начальника Дмитровского исправительно-трудового лагеря (Дмитлаг) – крупнейшего лагерного объединения ОГПУ-НКВД, созданного для строительства канала Москва-Волга. Награждён двумя орденам Красного знамени и золотым оружием. В 1937 расстрелян.

Что здесь занимательно?

Много связей с Московским университетом, который я сейчас имею честь представлять, правда химический факультет, а не юридический. Сколько усилий якуту Ксенофонтову пришлось потратить, чтобы поступить, учиться и окончить такой ВУЗ? Мог бы принести много добра Якутии, но не случилось. Интересно и другое: пути моего отца и Пузицкого неоднократно пересекались, причём они не знали друг друга. Сначала они учились на одном факультете, потом служили в артиллерии и одновременно находились в Москве, потом моего отца, как бывшего, выгнали из Москвы и поселили под надзор НКВД в тени Дмитлага.

Молодые якутские политологи обсуждали эти проблемы неоднократно. Пришли к выводу, что старики-революционеры правы. Якутия по территории в три раза больше Франции, у неё мощные запасы золота, алмазов, урана, олова, природных газов и т.п. Всё это уходит в Москву и исчезает. Надо отделяться и становиться независимым государством. Но сначала – шестнадцатой республикой.

Я слушал с интересом и даже вступал в спор. Сейчас не буду на этом останавливаться. Но потом обсудим.

Анекдот вспомнил:

В одном уездном городе «Н», в старосоветские времена пиво продавалось на разлив из квасных бочек. Продавец только что развернутой в боевой порядок бочки был атакован интеллигентного вида дядечкой. Он спросил: – Сколько вы хотите за бочку пива? Представитель советской торговли назвал сумму, с учётом упущенной выгоды, получил денежку и отвалил. Интеллигент стал зазывать страждущих и бесплатно (!) поить всех пивом. Через десять минут началось мордобитие. Прибывший наряд милиции повязал особо активных, заодно поинтересовавшись у интеллигентного дядечки: – Какого хрена? – Видите ли, молодые люди, я очень стар и до коммунизма очевидно не доживу. А очень хотелось посмотреть – как оно будет.

Марксист-народник

– При коммунизме у нас всего будет вдоволь! –

сказал обкомовский лектор.

– А у нас? – спросили из зала

Как я уже говорил, гости-якуты, и старые и молодые, чинно сидели вдоль стен на корточках, молча наблюдая за нами. Но было исключение – дядька средних лет, в хорошем костюме немецкого пошива и при галстуке. Этот якут любил поговорить. По-русски его звали Богумил Леславович Дорт, а как по-якутски никто не знал. Маленького роста, юркий и подвижный он одновременно присутствовал во всех точках пространства. Из-за беззубого рта (цинга?) он шепелявил, так что понять его проповеди (а это были именно проповеди) было трудно.

Но можно.

Был он народником и марксистом. Говорят таких не бывает. У вас, может, и не бывает, а у нас есть! Бунтарь профессиональный...

Как и у всех встретившихся мне жителей Верхоянского края у него была трудная судьба. Якут во всех поколениях, Дорт по комсомольской путёвке был послан в Ленинград учиться в Институте народов севера. Там он проникся двумя идеями: хождение

в народ и марксизм в понимании Маркса и Энгельса. Двинуть это в массы не успел. Началась война, он попал на фронт, потом окружение, плен, лагерь и работа в Германии у богатого фермера. Там он выучил немецкий язык и стал читать классиков марксизма в подлиннике. Где он их взял, и кто позволил ему их читать, история умалчивает. Возненавидел частную собственность. Наши его освободили и тут же посадили, отправив в сибирские лагеря строить коммунизм. Выпустили его почему-то довольно быстро (через 4 года) и отправили на побережье Северного ледовитого океана. Как инструктор райкома партии, он занимался выборами: агитировал за блок коммунистов и беспартийных, развозил урны и бюллетени, раздавал агитматериалы, следил за порядком. Кстати, обеспечивал полную поддержку партии и правительству, поскольку число голосов "за" всегда составляло 100%, так что застенчивый центр корректировал их, снижая до 99%. Регион был большой – от Таймыра до Берингова пролива, так что мотался он много, замерзал и тонул не раз, заработал цингу и простатит.

Любимая песня его согревала:

*Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.*

Никакой особенной свободы в местных палестинах не наблюдалось, тем более - святой. Лучший мир тоже был где-то вдали. Народы, действительно, были и весьма разнообразны, а вот рабочих среди якутов не было, хоть застрелись. На борьбу за святую свободу пришлось поднимать охотников, рыбаков и оленеводов. Ну, кто есть.

*На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!*

Или – все желающие.

Он ходил в народ.

Как когда-то русские интеллигенты, он стремился сблизиться с простым человеком, найти свои корни, своё место в мире, пропитаться народной мудростью, народной правдой. Если бы он просто учился нравственности у оленеводов, то это было бы его личным делом и никто бы не возражал. Перед народом у нас долг. Нужно отдать долг народу? Обязательно!

Но он шёл в народ не учиться, а учить его. Как истинный атеист он боролся с местными неправильными богами и их проповедниками. По его наводке арестовали множество шаманов и шаманок. Их отправили в Иркутск, откуда они не вернулись, поскольку их по прибытию на материк сразу расстреляли. Выявлял и раскулачивал богатеев (в первую очередь – свою семью, поскольку сам был из семьи богатых якутов). Он разъяснял, что не хорошо оправлять свою жену или дочь спать с прибывшим гостем, даже, если его уважаешь, охотникам не стоит оставлять своих жён на сексуальное попечительство остающимся мужчинам, когда уходишь на промысел, нельзя похищать людей из соседних племён и тем более – русских женщин (учительниц, врачей и т.п.) и угонять в тундру на многолетнее рабство. Организовывал школы, артели ремесленников (резьба по кости, вышивка и т.п.), раздавал учебные пособия на местных языках.

Был он настоящим народником, разве что к топору не призывал.

Много сил и здоровья отдал он борьбе за народное счастье.

Благодарный народ бил его часто и много, иногда – смертным боем: челюсть у него была сломана, оставшиеся зубы выбиты, несколько ребер не хватало.

Это было ещё пол беды. Настоящие неприятности принесла ему борьба за коммунизм, борьба за идеи Маркса и Энгельса, за диалектический материализм.

Бороться за идеи марксизма в СССР всё равно, что в России требовать соблюдения статей Конституции, или в православии отдавать предпочтение Ветхому завету в ущерб Новому.

Начинал он свои проповеди с проклятий Ленину, взявшемуся строить социализм в отдельно взятой стране, тогда как Маркс справедливо указывал, что Революция должна быть не локальной, а мировой. К тому же Ленин поднял Россию, тогда как Маркс совершенно твёрдо предсказал, что если где и можно двигаться к коммунизму, то только не в этой стране. Маркс требовал посредством трансформации общественных отношений перейти к созданию общества, лишённого любых форм диктата и подавления личности, и формирования подлинного всесторонне развитого человека. И где это всё? Как там с формами диктата в ГУЛАГе? Очень хорошо с этими формами. А всесторонне развитый человек где? Не уж-то секретарь Обкома?! Не верится как то... Классовая борьба может где идёт, то только не у нас. Где социальная Революция? Где уничтожение товарного производства и частной собственности? Посмотрите на председателей колхозов – типичные бай, рабовладельцы.

Ленин, Ленин, открой глазки:

Нет ни водки, ни колбаски,

Нет ни мяса, ни вина –

Хрен не встанет ни хрена.

В тоске вглядывался он в лица слушателей: охотники, рыболовы, оленеводы, доярки, конюхи. А пролетариат где? Маркс сказал: пролетариат будет играть ведущую роль в мировой революции и после победы над капиталистами установит свою диктатуру. Диктатура, положим, есть, но не пролетариата!! Где пролетариат? Бедняки есть, терять им нечего, кроме своих цепей. Это так. Но разве это тот пролетариат о котором мечтали классики марксизма? Да эта публика никогда диктатурой не станет!

Хоть плачь...

А учение о диалектическом материализме? Разве Маркс и Энгельс свое учение так называли? Покажите, где! Термин введён Плехановым и закреплён Лениным как официальное название философского компонента советской системы марксизма-ленинизма. Богумил убедился: ленинизм – ложное направление развития марксизма. Чистая отсебятина.

Всё тот же Маркс писал: человечество диалектически развивается по спирали, и оно должно прийти к тому, с чего начинало: к отсутствию частной собственности на средства производства, как в первобытном обществе, но уже на новом уровне, обусловленном высокой степенью развития производительных сил. А какое общество ближе к первобытному: русское или якутское? Конечно якутское! Вот с него и надо начинать, именно якуты, в пику неспособным русским, смогут поднять мировую революцию и построить коммунизм во всём мире.

Тут его и посадили.

Его сажали, выпускали, снова сажали.

Но он не унимался. Везде, где появлялся, он собирал группу слушателей и читал им "Капитал", иногда по-немецки. Слушатели тащились.

Агитировал он и меня.

– Ты понимаешь! – объяснял он мне, – при коммунизме исчезнет противоположность умственного и физического труда; труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни; вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и все производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком. Тогда общество напишет на своем знамени: «Каждый по способностям! Каждому по потребностям!»

Я не возражал.

К тоталитаризму бы не скатиться...

Мы долго сидели молча. Народник вынул хомус, прижал его к губам и, меняя тембр артикуляцией рта и дыхания, заиграл странную мелодию, надо полагать – собственного сочинения. Музыка трещоток...

Музей

В музее: День открытых зверей.

В школе был музей, существующий уже два с половиной года. Его организатор, директор Адычинской школы Михаил Александрович Слепцов, показал мне кости слона (странно, слоны здесь, вроде, не водились) с наклонными, сильно потёртыми, многослойными, потемневшими зубами (у мамонта – без наклона), его бивни (существенно меньше бивней мамонта), остатки утробного мамонтёнка с зубами и бивнями (мамонты с бивнями рождались!), кости саблезубного тигра, пещерного медведя, шерстистых носорогов, зубров, гигантских размеров лосей и лошадей, даже останки древнего быка – зоргелии. Тут же хранился отпечаток морской звезды (живём на дне бывшего моря), окаменевший грецкий орех, ствол секвойи и даже ископаемые фекалии бизона. Говорит, что вдоль стены школы долго лежала чья-то кость длиной 16 м, но куда-то делась. В бассейне Адычи найдены многочисленные стоянки древнего человека, кое-что извлечённое из них присутствовало и здесь.

Были каменные шары, неизвестного происхождения, образцы горного хрусталя, пирит в виде крупных золотых кристаллов, образцы ртутных и свинцовых руд, золото в кварце, окаменевшая зола – всё из здешних мест. Особо не рекламируется, но реки Туостах и Адыча богаты золотоносными жилами и песками. Интересная информация, кстати. Имелась посуда тысячелетней давности, косы и топоры 17-го века, самодельные ружья 18-го, старый самовар, серебряные монеты времён Николая II (ссылные или уголовники занесли?), сумки из налимьей кожи, медный позеленевший пятак с изображением Георгия Победоносца, чукотские луки и стрелы с пером розовой чайки и костяным наконечником. Вероятно такой в 1651 был убит казак-землепроходец Михаила Стадухин, устроивший первую русскую зимовку на Колыме и немедленно приступивший к грабежу местных жителей.

Календарь якутского охотника.

Присутствовало здесь интересное устройство – календарь якутского охотника: с одной стороны дни недели, с другой – тридцать дней месяца по лунному календарю, а также солнцезащитные очки из серебра, которые носили якутские модницы – защищали глаза весной, когда снег ещё не сошёл. Охотники делали себе такие очки, защищающие от слепящего белого снега.

Солнцезащитные очки.

Экспозиция казалась не только якутского, но русского быта. Надо полагать, староверов. Имелись почерневшие иконы в рамах из мамонтовой кости, украшенные причудливыми узорами растений и трав, домашняя утварь, расписанная ромашками и одуванчиками, горшки, покрытые глазурным узором. По

стенам висели рубахи непомерной длины, холщевые юбки, расшитые бисером, цветастые сарафаны, картузы с высокими козырьками, зипуны, собольи боярские шапки, деревянные кресты, суровые полотенца, вышитые лиловыми и жёлтыми петухами. юкагирские стрелы с костяными наконечниками. Шпингалеты на оконных рамах музея сработаны из мраморной кости, дверная ручка из моржового бивня

Всего несколько сот экспонатов.

Реально интересный музей.

Пожелали Михаилу удачи.

И она пришла!

В 2010 было построено специальное здание и в нём размещён палеонтологический

музей им. В.С. Чирикова, в котором выставлено более 1000

палеонтологических,

археологических, исторических,

биологических экспонатов, а также

экспонаты современной истории.

Вряд ли Слепцов дожил до это дня.

Но всё равно хорошо, когда мечты осуществляются.

Адычинский палеонтологический музей им. В.С. Чирикова

Замечание. Алексей Ильич Чириков (1703-1748) — русский дворянин, мореплаватель, капитан-командор, исследователь северо-западного побережья Северной Америки, северной части Тихого океана и северо-восточного побережья Азии. Помощник В. Беринга в 1-й и 2-й Камчатских экспедициях. Вторая экспедиция основала на Камчатке город Петропавловск в честь кораблей "Святой Пётр" и "Святой Павел".

Диспут

...нет ничего слюнявее и плюгавее русского безбожия и православия».

Козьма Прутков

На местной машинно-тракторной станции (думал, что на мерзлоте пахать нельзя, оказывается можно и нужно), роясь в железяках в поисках деталей для маслобойки, общался я с местными мастерами. Два были попами (в прошлом): один католик (ксендз), второй – православный (батюшка). Третий мастер-автомеханик – интеллигентного вида, в пенсне и шляпе, в первой жизни сыщик–следователь (посадили из-за сына – крупного уголовника, которого он сам же выследил и арестовал). Здесь он противостоял мракобесию, как агностик–скептик–атеист.

Нельзя сказать, что я активно с ними общался: попы яростно спорили друг с другом (за лагерь и последующие 20 лет ссылки они так и не успели наговориться), ну и с сыщиком, естественно, тоже. Каждый пытался вовлечь его в свою веру. Тот брыкался: нельзя одним и тем же мозгом мыслить и верить. Раз он мыслил (а он это точно знал), то верить во что-то никак не мог. Во всём сомневался

Следак-механик, как ему и положено, вёл анализ суда над Христом, обвинял апостола Павла в искажении учения Христа и требовал вернуть Христа в христианство.

Вопросы: почему ученики Христа никогда не считали его богом? Был ли он богом? Сыном бога в биологическом смысле этого слова. Кстати, а за что его казнили? Что гласил приговор? Приговор еврейского суда, который исполнили римляне привычным им способом.

Следак ссылался на авторитеты (хороший ход: попы мало, что знали). Отцы церкви Ориген или Феодот Византийский рассматривали происхождение Иисуса от Бога как чисто символическое: Иисус – обычный человек, Богом он усыновлён при крещении.

Пресвитер Арий (самая значительная фигура среди учителей Церкви), помещал Иисуса ближе к Богу. Но и он утверждал, что Иисус не был Самим Богом, а лишь Его творением: *«Мы исповедуем Бога, Который один нерождённый, вечный, не имеющий начала, бессмертный, мудрый, благой, один Господь, один Судья над всеми»*. О троице не может быть и речи. В начале Павел думал так же: *«Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус»*. Христос – человек, т.к. только человек может служить примером для человека, а не абстрактный Бог; не Сам Бог приводит к Богу, нас ведёт человек, благословенный Богом, живущий в нашем мире и предвещающий мир грядущий.

Для того чтобы положить конец спору между Арием и его оппонентами, император Константин (сам в то время ещё язычник) созвал в 325 году Никейский собор. Там учение Ария было отвергнуто в пользу доктрины Афанасия (епископ Александрийский), согласно которой Бог и Иисус «единосущны», а вовсе не «аналогичны», как считал Арий. Результатом стал символ веры: *«Верую... в Иисуса Христа, Сына Божия едиnorodного, от Отца рожденного прежде всех веков, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, Рожденного, Несотворенного, Единосущного с Отцом»*. Человек не стал Богом, но Бог стал человеком.

Павел (притом без одобрения иерусалимской христианской общины) развил христианскую теологию, что привело к доктрине о двойной природе Иисуса как истинного человека и истинного Бога.

В те времена, когда Каиафа спросил Иисуса является ли он Мессией, Сыном Благословенного, вопрос этот означал: провозглашает ли Иисус себя Мессией из дома Давида? Выражение «Сын Благословенного», или «Сын Всевышнего», является аллюзией на царский псалом, в котором Бог обращается к царю во время его коронации: *«...Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя»*. Иисус во время суда провозгласил себя Мессией из дома Давида и, следовательно, «Царем Иудейским», Сыном Божьим. Но в этом смысле титул «Сын Божий» всегда обозначает человека, Сына Человеческого, которого Бог благословил, усыновил, а не рожал. Понятие "Сын Божий" не имеет ничего общего с поздней христианской доктриной «едиnorodного Сына».

Марксист вовсе не сын Карла Маркса!

Святых, монахов, раскаявшихся грешников, блаженных называли Сынами Божьими, но это не значит, что Бог принимал личное участие в их зачатии.

Оставив Иисуса на произвол судьбы, ученики бежали в Галилею, но потом вновь собрались в Иерусалиме, где стали развивать свою веру с той точки, на которой остановились в момент ареста и казни учителя. Они ждали предсказанной инаугурации Царства Божьего, т.к. были убеждены в том, что Иисус не просто пророк, но и Мессия. Они ждали, что их казненный раввин вскоре появится вновь, возможно, в ином виде, но во славе Мессии. Их ожидание было сродни идее Иисуса о том, что Иоанн Креститель – новое воплощение пророка Илии. Мессия должен был прийти дабы довершить своё предназначение и освободить Израиль от иноземного господства, а также отпраздновать вместе с учениками наступление обетованного Царства Божьего.

Последователи Иисуса, входившие в иерусалимскую общину, были ортодоксальными евреями, фарисеями. Местом их встреч была синагога. Идея о том, что их казненный раввин мог оказаться небесным существом, была немислимой для них; он был их учителем и являл собой пример тех наставлений, которым надлежало следовать, и тех учений, которым надлежало верить. Кто такой Иисус они знали хорошо. Много лет они тесно общались с ним. Независимо от того, насколько почтительно они думали о Воскресшем, насколько глубоко они могли связывать в своих воспоминаниях человека Иисуса с господствующими представлениями о Мессии, они не могли обожествить своего Господина и Учителя с Богом, как это сделал Павел после смерти Иисуса. Даже наиболее благочестивые христиане с подозрением отнеслись бы к идее о том, что Иисус мог поощрять своих учеников в поклонении ему или в размышлениях о том, подобносущен он

Богу или же единосущен с Ним. Порфирий и император Юлиан утверждали: *«Иисус не называл себя Богом, он не проповедовал о себе, но лишь о Боге всего человечества. Однако его последователи ввели свою собственную доктрину, в которой Иисус стал объектом божественного поклонения и почитания».* *«Не Сын, а только Отец имеет отношение к евангелию, как его провозглашал Иисус».*

Воскресший Иисус первой встретил Марию Магдалину, которая приняла его за садовника. Тогда он открылся ей. Переполненная радостью, она смогла вымолвить лишь одно слово, которое не относится ни к древнееврейскому, ни к арамейскому языку, – Раввуни! Возможно, это было ласковое прозвище, которым Мария Магдалина обычно называла Иисуса. Оно означало что-то вроде «мой маленький рабби». Мария не застыла в страхе и поклонении перед божественной личностью; ей было важно, что её добрый раввин жив. Ученики верили, что Иисус, способный творить чудеса, был избран Богом и наделён особыми мессианскими дарами. Бог не мог позволить такому человеку умереть и забыть о нём. Предположение о том, что Иаков считал своего брата Сыном Божьим, который обитал со Всевышним на небесах до своего рождения, абсурдно. Всякого, кто стал бы проповедовать, что недавно казненный Иисус из Назарета был не человеком, а Богом, либо дружно осмеяли бы, либо побили камнями. Идеи о том, что Бог является Троицей, что Он может взять кого-либо на небеса и наделить особой божественной властью, непонятны любому еврею. Если последователи Иисуса и использовали изредка выражение «Сын Божий», то делали это в еврейско-восточном смысле. Они подразумевали человека, который ведёт особенно благочестивую и богобоязненную жизнь, угодную Богу. Каиафа также мог притязать на титул «Сына Божьего». Иисус говорит в Нагорной проповеди: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».* «Сын Божий» – это смысловое усиление конструкции «дети божьи». Все евреи чувствовали себя Божьими детьми; идея о том, что они избранный народ Бога, основополагающая для их религии. Бог управляет детьми из Своего народа, но Сам Бог не рождает никаких детей! В том же духе проповедовал и Иисус: *«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...».*

Таким образом, вопрос первосвященника Каиафы *«Ты ли... Сын Благословенного?»* касался не физического родства, а имел целью установить, претендует ли Иисус на мессианство. Ответ Иисуса: *«...Я; и вы узрите Сына Человеческого...»*, не звучал странно для еврейского уха. Если оценивать его по христианскому пониманию, ответ Иисуса противоречив и бессмыслен. С одной стороны, он заявлял, что является земным сыном Бога; с другой – использовал в качестве доказательства тот факт, что он восседает одесную Бога как человек. Между тем, первосвященник и Иисус говорили друг с другом на одном и том же уровне: оба участника диалога были евреями.

Иисус не совершил бы грех богохульства, ответив утвердительно на вопрос первосвященника. В эпизоде, повествующем о том, как Иисус простил грехи парализованному человеку, о книжниках сказано, что они *«помышляли в сердцах своих»:* *«...что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?»*).

Концепция обвинений в богохульстве со стороны Христа не обоснованна. Определение богохульщика приводится в Книге Левит: это тот, кто хулит и злословит имя Всевышнего. Как Иисус мог совершить богохульство, ответив на вопрос, касавшийся его мессианского статуса? Имя Бога при этом даже не упоминалось, тем более никоим образом не хулилось. Ни притязание на титул Мессии, ни провозглашение себя Сыном Божьим согласно еврейскому закону, не может быть основанием для обвинения в богохульстве.

Тем не менее по Марку и Матфею Каиафа заявил: *«...на что ещё нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство...».* Данное высказывание не может претендовать на историческую достоверность. Нет причин полагать, что первосвященник не знал

элементарной юридической нормы, согласно которой установленные по какому-либо делу факты должны быть изучены на основании соответствующих законов. Каиафа судил не один, он был председателем судебного органа, состоявшего из лучших юристов страны. Они умели анализировать и правильно оценивать факты в таком простом деле, как это. Евангелисты неправомерно обвиняют Каиафу и весь Синедрион в ошибочном толковании основополагающего юридического принципа. Все их усилия направлены на достижение заранее известной цели: они пытались снять с римлян ответственность за происшедшее. Они надеялись, что их читателям еврейские законы незнакомы, а потому они безоговорочно примут такое искаженное объяснение. Утверждение о том, что слуги в суде в присутствии судей, и даже сами судьи, могли плевать Иисусу в лицо, бить его кулаками и жестоко издеваться над ним было рассчитано на то, чтобы настроить читателя против Каиафы и верховного суда. Их целью было изобразить ситуацию, которая в невыгодном свете показывала бы поведение последних в сравнении с изысканными манерами римского судьи Пилата, который в начале заседания завёл с подсудимым философскую дискуссию о том, что есть истина. В конце же этого заседания он, вместо того, чтобы плевать, ритуально умыл руки.

Максимум, в чём можно было бы обвинить Иисуса, провозгласившего себя в присутствии Каиафы Мессией из дома Давида, – это хвастливая узурпация титула. Вероятно, ввиду хорошо известной жестокости Пилата, такое поведение одного человека действительно представляло опасность для всего еврейского народа; но это не могло рассматриваться как наказуемое преступление согласно еврейскому закону. Провозглашение себя Мессией, в том смысле, как это понимает иудаизм, не считалось богохульством, заслуживающим смертной казни. Даже если Иисус и заявил, что он Мессия, ни один еврей не счёл бы это основанием для смертного приговора по обвинению в богохульстве; в конце концов, вопрос касался надежды Израиля на спасение! Иаков, брат Христа, годами провозглашал Иисуса Мессией, не подвергая себя тем самым ни малейшей опасности.

Павла же заставило войти в конфликт с иудаизмом не его исповедание веры в Иисуса как Мессию и в его божественный статус Сына Божьего, но отношение к Закону. Только когда христиане перестали чувствовать себя связанными Законом, иудаизм начал воспринимать христианство как чуждую религию. Только теперь вера в Мессию, Иисуса, который почитался Сыном Божьим, стала чуждой религией, вынужденной готовиться к гонениям; исповедание «Иисус – Мессия!» стало богохульством. Если бы кто-нибудь во времена Иисуса вообразил себя Мессией, это было бы его личным делом – главное, чтобы он оставался верным Закону. В еврейской истории было несколько претендентов на титул Мессии. Был целый ряд пророков, которые, вели себя так, будто были избраны Богом, вызвали беспорядки и мятежи и сводили людей с ума своими речами, увлекали их в пустыню. Все эти мессианские мятежи были подавлены римлянами, зачинщики же были распяты. Псевдо-Мессии никогда не преследовались еврейскими властями. Это были борцы сопротивления. В конечном счёте, единственная причина, по которой они не были признаны Мессиями, состояла в том, что они так и не принесли Израилю избавления от римского господства. Военная победа достаточна для титула Мессии.

Итак: если бы первосвященник и Синедрион полагали, что раввин из Галилеи заслуживает смертной казни по причине провозглашения себя Мессией, это могло лишь означать, что он виновен согласно закону римской оккупационной власти. Таким образом, у Каиафы не было никаких причин разрывать на себе одежду.

В евангелиях не упоминаются случаи, когда Иисус пренебрегал Законом. Напротив, в целом, он принимал и исполнял Галаху в том виде, в каком её представляли фарисеи. Евангелия отмечают неизменную преданность Иисуса Торе. Пример из Нагорной проповеди: *Не думайте, что Я пришёл нарушить Закон или Пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдут небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдут из Закона, пока не исполнится всё.*

Однако, в частности он нарушал Закон. Исследования богословов подчеркивают законность вынесенного Каиафой и Синедрионом смертного приговора, основанного на действительных нарушениях Закона подсудимым. Каиафа вынужден был предпринять установленные Законом меры против Иисуса.

Еврейское руководство должно было оказать противодействие этому учителю-еретику, этому лжепророку, богохульнику и совратителю народа. Предварительно вынесенный Великим Синедрионом смертный – не судебная ошибка, это юридически корректный вердикт. Иисус многократно и демонстративно преступал заповедь о субботе (за несоблюдение субботы Моисеев Закон предписывает смертную казнь), нарушал законы о религиозной чистоте (утверждал, что питаться можно чем угодно). Это привело к тому, что его великие дела, чудеса и знамения заклеили как лжепророческие обольстительные трюки. И казнили. Правда не евреи, а римляне. И не как религиозного проповедника, а как подстрекателя к бунту.

Возражений бетенкёских попов в тот раз мне не удалось услышать. Но подход интересен. Много размышлял над этим. И однажды схлестнулся в яростном споре. Позже и в другом месте.

Холодный огонь

В этом мире, как всегда, не хватает чудес.

Но не только Следак читал лекции. Попы вели диспуты между собой.

Любимая тема: таинства евхаристии – Святого Причастия. Казалось бы, о чём спорить: сам Христос всё объяснил. Обряд заключается в освящении хлеба и вина и последующем их вкушении. В нём христиане приобщаются Тела и Крови Иисуса Христа. Евхаристия позволяет верующему соединиться с Богом, а регулярное причащение необходимо человеку для спасения души. Понятно? Понятно!

Есть о чём спорить? Есть!

Прежде всего, о хлебе для причащения: он пресный или кислый. Принципиально? Ещё бы!

Для Евхаристии у православных используется квасной хлеб – просфоры, а у католиков пресный хлеб – опресноки. Так о чем спор? Ведь ещё Ферро-Флорентийский Собор в 1450 с целью содействия соединению церковью признал одинаково годными для евхаристии, как квасной хлеб, так и опресночный. Однако православная церковь отвергла это решение. Вот мужики, как начали спорить 500 лет назад, так и продолжают. При этом обе стороны ссылаются на один источник – Евангелие, правда, на разные главы.

Важно же, кто, где и как имеет право совершать это таинство. У старокатоликов его может совершать только епископ или священник, которому он поручил. А где здесь епископ? Таинство совершается в храме. А храм где? Согласно 7-му правилу VII Вселенского Собора в престолы, на которых совершается Евхаристия, должны полагаться частицы мощей святых мучеников. Мученики тут, конечно, есть и в больших количествах, но не святые, да и частиц их мощей пока нет. Так что причащать нельзя. Это с одной стороны. А с другой, русские в округе есть (раз русский – значит православный), поляки есть (точно католики), якуты крещённые есть. Все есть и всем о Боге помнить надо, обряды соблюдать. Значит надо служить – крестить, отпевать, исповедовать. Однако нельзя – сана они лишены, любая деятельность незаконна. Как быть?

Есть и местная проблема: просфора готовится из квасного (приготовленного с использованием различных заквасок, например, дрожжей) теста, состоящего из пшеничной муки, воды и соли. Вода–соль тут есть, пшеницу раз в 5 лет завозят, а дрожжи здесь испокон веков никто не видел. Так что же? Православным исповедоваться пресным хлебом, как каким-то католикам?!

В православии византийской традиции вино после пресуществления в Кровь Христову обязательно разбавляется горячей водой. Это понятно: на Кресте из прободённого ребра Искупителя истекла не только кровь, но и вода. Однако, в Русской

православной церкви употребляют красное десертное крепленое вино "Кагор". В России не тот климат, чтобы вино разбавлять. В русской традиции используется сладкое вино, во избежание рефлекторного выплёвывания младенцами причастия, а в латинской традиции (младенцев они не причащают, первый раз причащают в 7–12 лет и никто уже не плюётся) используют сухое вино. В России взрослых следует причащать ежемесячно, а младенцев еженедельно. Но в здешних краях продукт скуден: вина почти не бывает, а о "Кагоре" никто и не слышал. Спирт можно достать, но младенец может его не принять. Да и Христос ничего не сказал ни про спирт, ни про водку.

Католическая церковь учит, что Христос присутствует в каждой частице Святых Даров, поэтому причащаясь как под одним видом (только Хлебом), так и под двумя видами (Хлебом и Вином) человек причащается Христу во всей полноте. В средние века причащали мирян под одним видом, а священнослужителей под двумя, что естественно привело к бунтам, реформаторству, гуситским войнам. Лишь в 1962 Второй Ватиканский Собор разрешил причастие под двумя видами для мирян-католиков. А православные уже 2000 лет так причащаются!

Вот почему попы бетенкёские спорят 20 лет, и еще 20 лет спорить будут. Если доживут. Следак с попами не спорил, только головой качал, и улыбался скептически.

Но вот, что вызывало яростные дискуссии у всех троих – это благодатный огонь. Батюшка рассказывал об огне, который сходит в храме Гроба Господня в Иерусалиме на пасху, причём именно на православную пасху, что говорит об особой благосклонности Бога к православным. Огонь холодный! Можно брать в руки – не обожжёшься. Хоть купайся в нём!

Прямое доказательство, что Бог есть.

Оппонент-сыщик объявлял, что в жизни не поверит, пока сам не увидит. Потому, что всё это – поповские хитрости, обычная химия. Каждый может.

Естественно, ему тут же предложили это продемонстрировать, или хотя бы объяснить принцип действия.

Увы! Ничего он не мог.

Я решил убедить каждого в его правоте. Достал из санитарной сумки реактивы, смешал в нужной пропорции (вы её знаете, приводить не буду) серную, соляную и борную кислоты, да спирт обыкновенный, и облил ею в нескольких местах стену гаража. Позвал дискутирующих:

– Вы тут об Иерусалиме спорите, а у вас у самих чудо чудное.

Народ подвалил, я незаметно прикоснулся тлеющей сигаретой к нужной точке стены.

Эффект превзошёл все ожидания!

По стенам метнулся огонь, сначала он полыхнул на одной, потом на другой, на третьей стене, даже на потолке. Народ было отпрянул, но я стал хватать руками огонь, кидаться им, как снежками.

– Огонь холодный! – выдохнули присутствующие.

Они тоже стали окунать руки в огонь, умываться им. Чудо! Все были счастливы.

Огонь быстро погас.

Батюшка торжествовал: есть, есть божественный холодный огонь, и не просто есть, он посетил нашу обитель – МТС.

Я отвел Следака в сторону, показал смесь, продемонстрировал её в действии, объяснил физико-химические процессы, здесь происходящие. Он тоже был счастлив: бог не причём – чистая химия.

Так я легко удовлетворил одновременно клерикалов и атеиста.

Экспериментально убедил каждого в его собственной правоте.

Сам, вроде, и не участвовал.

Чудо, есть чудо...

Но спор машинно-тракторной станции разгорелся с новой силой.

Топлёное масло

*Идёт Медвежонок Лохматый,
Несёт Бочонок Пузатый,
Топлёное масло в нём
Горит янтарным огнём.*

Мысль, что неплохо бы в поле иметь масло, хотя бы на первое время, посетила нас ещё в Батагае. Мы там даже провели пробные эксперименты, но основное производство развернули в Бетёнкёсе. Решили изготовить русское (почему русское? – его тысячу лет в южной Азии делают), оно же топлёное, масло. Хранится долго, а делается просто: растопил сливочное масло и готово. Но, как известно, чтобы иметь рагу из зайца, нужна хотя бы кошка.

Венчик: видел у мамы, но не знал, что эта штука так называется.

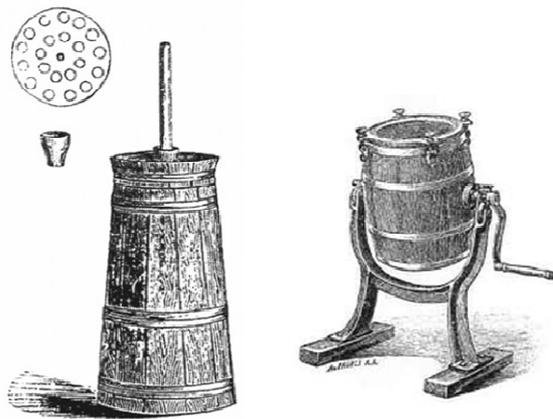
Сливочное масло у нас есть? Нет! Из Москвы мы его не привезли. В магазине есть? Нет. Здесь на мерзлоте травы особо не растут, сенокосы на кочках, коров мало. Лошади в основном. Не уж-то они из кобыльего молока масло делают? Никогда о таком не слушал и, естественно, не ел.

Оказалось, из кобыльего молока масло обычно не делают – жирности мало, правда у якутских лошадей жирность молока существенно выше, чем у других пород, так что если желание есть, можешь попробовать. Особого желания у меня не было. Но коровье молоко достать всё же можно, небольшое стадо коров есть. Пришлось нам пожертвовать ещё одной бутылкой спирта питьевого и нам скинули два бидона молока. 18 литров. Но масло, сказали, делайте сами.

Тут все посмотрели на библиотекаршу, т.е. на меня.

Я скромно потупился.

Пришлось заняться производством сливочного масла. Чтобы получить масло, нужна сметана. Сметана есть? Нет! Её делают из сливок. Они есть? Нет! Тогда начинаем с производства сливок. Хорошо бы иметь центрифугу или хотя бы сепаратор. Но в Бетёнкёсе центрифуги точно нет, а сепаратор может, где и есть, но лень по посёлку бегать. Молоко свежее – обойдёмся и так. Разлил молоко в широкие миски, которые собрал в ближайшей округе, и поставил в прохладное место (оно у нас везде). Через сутки поднявшийся наверх жир образовал сливки. Аккуратно слил их в отдельную ёмкость, первый полупродукт готов.

Средневековые маслобойки – наши технологии.

Теперь оставляем сливки киснуть. Поскольку невтерпеж, то для ускорения кинул в ёмкость корочку чёрного хлеба, благо я им запасся во времена батагайского самогонварения. Сливки скисли, вот тебе и сметана – второй полупродукт (правда, часть его я тут же употребил – сметана моя слабость; опять же надо качество проверить?).

Теперь делаем сливочное масло. Вроде дело простое – любая тётка может. Но технологию нужно отладить. Первым попал под руку венчик (у матери такая штукovina была, только я не знал, что эта пружина на деревяшке так красиво называется). Налил сметану в кастрюльку и стал неистово колотить. Часа два неустанных трудов привели к маленькому комочку масла. Этак я всю экспедицию масло производить буду. Нужна маслобойка. Электрической тут точно нет, а с ручным приводом что-то подобное нашлось

у нашей хозяйки. Не в рабочем состоянии, пришлось починить. Образовалось целых две установки: одна в виде высокой и длинной бочки, в которую наливают сметану и взбивают её шестом, на конце которого круглая доска с дырками. На эту установку был брошен Анатолий, который монотонно водил шестом вверх-вниз. Я же на установке №2 (тип – бетономешалка) вращал вокруг центра тяжести бочонок со сметаной. Не прошло и двух суток, как мы переработали всё молоко и получили третий полупродукт – сливочное масло.

Четвёртая стадия технологического процесса – получение топлёного масла. Поместил масло в кастрюльку (говорят, надо в эмалированную, ну уж какая есть), а её – на водяную баню (вторая кастрюля большего диаметра с водой, первая размещается в ней и держится на ручках). Всё устройство поставил на печь. Нагрев умеренный. Масло не кипит, а томится. Монотонно мешал его, пока оно не распустилось. На поверхности начала образовываться пена, а на дно оседать что-то тяжёлое (белки). Пена приобрела вид белой шапки, собрал её и выбросил. Осадок трогать не стал. Подождал полчаса. Масло стало прозрачным, а на дне появились жидкость и осадок. Кастрюлю слегка охладил, а масло медленно и аккуратно процедил через накомарник. Тут важно, чтобы осадок не попал в готовый продукт. Перелил в пластмассовый бидон. Масло застыло, приобрело вид густого мёда, красивый жёлтый цвет и приятный сливочный аромат.

Вот он конечный продукт – янтарное топлёное масло.

Посолил мелкой солью, залил крепко солёной водой и закрыл бидон крышкой. Говорят, такое масло хранится четыре года. Не знаю, у нас оно кончилось через месяц. Весь месяц мы пекли на нём вкусные якутские лепёшки. Масло идеально для жарки – и не дымится и не пенится.

Остатками масла вымазал всего себя: руки, морду, ноги – всё пострадавшее от комаров и гнуса.

Слегка полегчало.

Кумыс

Комара муха любила и кумысом напоила.

Пьян!

По посёлку и его окрестностях бродили кобылы с жеребятками. У них было молоко, которое хорошо бы попользоваться. На завтрак я выпивал пол-литра, но это банально. Как я понял, из такого молока сметана и масло не получают, но изготавливают сыр. Говорят, он похож на итальянскую моцареллу. Не знаю, никогда моцареллу не ел, к тому же этот сыр изготавливается из молока буйволиц, а не кобылиц.

В воздухе повисла идея кумыса.

Нельзя сказать, чтобы в доении я был полным дилетантом. Во-первых, я один раз видел, как доят корову, во-вторых, перед кинофильмом показывали "Новости дня", а там дойка была регулярна, правда, в основном электрической. Тут же она была ручная, и не коровы, а лошади. А к ней просто так не подойдёшь: она лягается и кусается.

Кобыла доится каждый час, так как вымя у неё маленькое и дойка даёт 1 л молока, за день собирается 5 л. При дойке подводится жеребёнок, который начинает сосать вымя, иначе кобыла не даст доить, затем он отводится и дальше доит доярка. Кобылу для доения ставят так, чтобы она опиралась на левую заднюю ногу, а правая задняя нога отставлена назад без нагрузки. Это препятствует возможности нанесению левой ногой удара доярке, что притулилась у левого бока лошади. Доярка правым коленом опирается на землю, а на другом полусогнутом у неё стоит ведро, подвешенное на левой руке. Доят кобылу обеими руками, энергично и быстро, затрачивая на одно доение 1 минуту.

Кумыс готовят путём заквашивания кобыльего молока специальной закваской. Обычно это продукт крепкого зрелого кумыса, который соскребают со старых бочек с кумысом. Смесь молока и закваски переливают в сбивалку (ту же, что для масла) и регулярно взбалтывают. Полупродукт разливают, закупоривают в бутылки и оставляют в теплом помещении: начинается процесс созревания и аэрации. В зависимости от времени

созревания, кумыс делят на 3 категории: слабый (с момента закваски прошло 6 часов); средний (тот, что созрел 1 дн); крепкий (бродил 3 дн). Слабый кумыс содержит 1% спирта, средний – 1,75%, трехсуточный кумыс – 5%.

Замечание. Я описываю свою методику, а якуты мудрее: они сливают кобылье молоко в кожаный мешок, подвешенный к потолку. Добавляют закваску и в течение нескольких дней помешивают мутовкой. Каждый, кто входил в юрту, несколько раз крутит её. Удобно!

Получается шипучий пенящийся напиток беловатого цвета со спиртовым привкусом и запахом. Что-то среднее между квасом, кефиром, и вином. На вкус довольно приятный, освежающий, кисло-сладкий, щиплет язык. Меня кумыс никак не опьянял (всё же чистый спирт позабористей будет), но якуты приходили в возбуждённо-хмельное состояние. Местное население лечит им туберкулёз и спасается от цинги. Я же просто утолял им жажду.

В школе

В школе мы ночевали на полу. Постелил кошму и начал бороться со спальником и противомоскитной (в нашем случае – антикомариной) сеткой. Натянул параллельно два тонких капроновых фала, бельевыми прищепками прикрепил марлевую крышу и стены. Раскатал тяжёлый ватный спальник и попытался в него залезть. Борьба не шуточная – полог мой рухнул. Пришлось вылезать и начинать сначала. И так несколько раз. В спальник попасть не просто. Сначала надо натянуть льняной вкладыш, потом уже вместе с ним лезть в спальник, укрываться с головой, затем снаружи запереться на пуговицы в виде деревянных палочек, а уж потом изнутри застегнуть на обычные пуговицы. При этом ворочаться так, чтоб не обрушить полог. И не забыть перебить всех комаров внутри системы. Задача не тривиальная.

У Анатолия трудов было больше. Он достал чистый платок и аккуратно завернул в него свои яйца. Так и ночевал. Утром выстирал платок и высушил его на ветру. Не ленился всю экспедицию осуществлять эту процедуру. Зачем - не знаю.

Наступивший полярный день обеспечил достаточное освещение, и я немного почитал.

Сам он женился на больших деньгах, а так как это произошло в те золотые времена, когда ещё не был введён закон об имуществе замужних женщин, то Николасу удалось найти для приданого жены весьма удачное применение.

— Кто был её отец?

— Фамилия его Эрон; говорят, профессор.

Роджер покачал головой.

— Тут деньгами и не пахнет, — сказал он.

— Говорят, что её дед со стороны матери торговал цементом.

Лицо Роджера просветлело.

— Но обанкротился, — продолжал Николас.

— А! — воскликнул Роджер. — У Сомса ещё будут неприятности из-за неё. Помяни моё слово, у него будут неприятности — в ней есть что-то иностранное.

Ни с того ни с сего вставший член не давал мне долго заснуть. Хорошо бы даму какую в спальник пригласить. Да где ж её взять? Во сне она ко мне пришла, пришлось стирать вкладыш.

Утром я единорог, только рог между ног.

Подруги

Несмотря на каникулы, в школе жизнь продолжалась. Шёл ремонт, таскали туда-сюда парты-мебель-книги, что-то мыли и чистили. Общественной деятельностью заправляли две девицы, примерно моего возраста (а может и моложе, кто их разберёт). На мой взгляд они были якутками, но это не точно. Конечно, я отличал европейца от азиата, но не более того. Если я не способен различить русского, украинца и белоруса, то как я могу различить якута, тунгуса, эвенка или юкагира, да хоть казаха от алтайца?! Я уж не

говорю о метисах всех мастей. Поэтому просто делил всех встречных на три группы: Азия, Европа и их смесь (здесь метиса типа русский-якут называют сахаляром). В данной конкретной ситуации мне помогли старики-диссиденты: девки – настоящие Саха, заверили они меня. Ну, саха, так саха. Русских, кстати, тут зовут нюча. Кто бы знал, что это значит...

Возможно, вы подумали, что тёлки выглядят как сёстры-близнецы. Нет! Они различались сильнее, чем татарка от немки. Таптал (любовь по-якутски) Кромберг была членом райкома комсомола и прибыла сюда для организации сбора костей мамонтов и динозавров, а Феклана Сансар (космос по-монгольски) фракционировала учеников по возрасту и отправляла их в пионерлагерь под Магадан («Северный Артек» с точки зрения аборигенов – место курортное). Таптал была смуглая, тонколицая, горбоносая, со смоляными, вьющимися волосами, тёмными «оленьими» глазами, хрупкая и маленькая, Феклана – высокая, белокожая, с каштановыми, почти русыми волосами. По якутским канонам обе считались красивыми. Мне так не показалось, но что с меня взять, я же европеец, в азиатской красоте пень пнём. Тут мне вспомнилась фраза первой хозяйки в Бетенкёсе:

"Я молодая тоже была красивая: глаз узкий, нос плюский и много, много лиса".

Девицы много болтали по-якутски, я с интересом прислушивался к ихговору, ничего не понимая. Забавно, что в русском языке нет слов, начинающихся на букву "ы", а в якутском малого того, что есть такие слова (например, Ысыах – национальный праздник, традиционная встреча лета, на который, к сожалению, я опоздал), так ещё есть, начинающиеся на две буквы "ы", а уж слов с двумя "ы" в центре слова – сколько хочешь (например, Айыы – покровитель, дающий свет Солнца, силу, мощь, волю). Следил я и за отношениями девушек с парнями. Времени, конечно, было мало, чтобы врубиться, но закралась ужасная мысль: уж не матриархат ли у них тут?! Только этого не хватало...

У меня хорошие отношения сложились с Таптал (как её правильно называть якутка, якутянка, якутяночка?). Именно с ней я успел похимичить. Она поступала в Якутский университет два раза и оба раза провалилась (и по дороге, кажется, потеряла невинность, не будем злословить). Готовилась к третьему заходу. Подруге надо помочь. У меня был пузырёк специальных чернил, для себя берёг, но ничего, можно отдать, всегда наготовлю, если нужно будет. Чернила известные – на основе хлорида кобальта с добавками. Описывать не буду: "Сага" не пособие по химии. Пишешь такими чернилами на листе стандартной бумаге текст, когда они высохнут, лист будет совершенно чистым. Однако, если подышать локально, то надпись проявится, её можно обвести нормальными чернилами и сдать экзаменатору. Либо просто прочесть и освежить память для устного ответа. Текст, если его не трогать, сам собой исчезнет. Очень удобно.

Сделал я это бескорыстно, но надеюсь на взаимность.

Танцы

Что Вы танцуете?

(Приветствие в племени Банту)

По субботам в школе устраивали танцы. Точнее не в самой школе, а около неё на площадке, утрамбованной и посыпанной гравием, а потому без луж и грязи. Включался дизель-генератор, на подоконник открытого окна ставилась радиолоа Урал-112, которой из класса управлял физрук. Репертуар был не слишком разнообразен: три долгоиграющих пластинки, 33 оборота, одна – "Вокруг света №7". У меня в Москве такая есть.

Площадка для танцев с одной стороны была ограничена стеной школы, с другой – бревном коновязи, а с двух оставшихся сторон – горами костей, бивней и скелетов доисторических животных. Между ними торчали брёвна – сэкономленное топливо для печей школы. К стене были цепями прикованы лодки. Так, на всякий случай. Вот на всём этом великолепии и сидели зрители, болельщики и участники. Здесь были всё те же ссыльные-диссиденты – борцы за якутскую независимость и сталинисты, а теперь мои

консультанты. Были родители школьников, братья-сёстры, разная малышня и просто застенчивые.

Все боролись с комарами. Я думал, привыкшие к ним якуты, никакого внимания на них не обратят. Нет! Обращали ничуть не меньше белого человека. Я позаимствовал висевший в учительской "оберег" из конского хвоста. Он оберегал меня от злых духов и комаров. Если я им сильно махал.

Школа – семилетка, поэтому превалировали школьники переходного возраста. Большинство с комсомольскими значками, но кое-кто – в пионерских галстуках. Из парней никто не был одет в школьную форму: какие-то бесформенные брюки, гимнастёрки, свитера, плащи. Большая часть девочек – в школьной форме: кто-то в повседневной, а кто-то в парадной – в белых фартуках. Последние всё представление простояли на ногах. У многих тинейджеров, как у мальчиков, так и девочек, волосы были окрашены в какие-то неестественные цвета (где они такие краски берут, интересно). У девочек встречались шапки со звериными ушами и мордочками.

Лишь некоторые подростки пытались что-то изобразить, остальные сидели, слушали музыку и смотрели спектакль.

Основную роль играли старшеклассники, учившиеся где-то в интернате, и теперь вернувшиеся домой на каникулы. Были, видимо, и студенты, но мало.

Танцоры в основном одеты по-европейски, разве что юбки были длиннее, чем в Москве. Зрительницы в возрасте (на мужиков я не смотрел) в той или иной степени имели якутский колорит. Орнаментальные вставки, бисерная отделка, металлические украшения и подвески нельзя сказать, что в больших количествах, но присутствовали. Говорят, что в Якутии в одежде девушки и женщины воплощены идеи жизненной силы и плодородия, а у мужчин – воинственности и добычливости. Не знаю, не понял.

Младшее поколение прибывало на танцы пешком, прыгая через лужи (вода в Адыче спадала на глазах и школа теперь была на полуострове), а старшее – верхом. Они спешивались, привязывали лошадей (казахским узлом, как я заметил), оправлялись и присоединялись к участникам. Лошади же оставались зрителями, большими любителями танцев.

Если парни были неинтересны (разве что кольца-перстни на пальцах), то с девицами имел место фокус. В седле они сидели верхом по-мужски, одеты в штаны, заправленные в остроносые тормоза из оленьих лапок, украшенные вышитым орнаментом. Но войдя на танц-площадку они оказывались в платьях, колоколом ниспадавшем до земли. Платье полностью скрывало фигуру, о декольте или там голой спине не могло быть и речи. Они не передевались. Тогда как они залезали в седло в таких платьях? Чудеса: то они в брюках, то в платьях. Кио нам в цирке показывал, как в ящик влезает тётка, а вылезает тигрица. Но тут Кио нет.

Мне почему-то сразу захотелось какую-нибудь девицу раздеть и посмотреть, что у ней внутри. Бельё есть? Ну, там трусы кружевные, бюстгальтер прозрачный, лифчик, широкий пояс с резинками, мало ли...Мысль была неприличной и я её отогнал. Правда, ненадолго.

Сахалярки и русские были в европейской одежде, в основном – юбка с кофтой. Сахалярки смотрелись приятней всех: сочетание слегка раскосых глаз и длинных ног привлекало.

Из школы вышли Таптал и Феклана. Настоящие Саха, как я уже говорил. Они и вырядились соответственно: халдаи – традиционные летние платья, приталенные и подогнанные по фигуре, для утепления – жилеты, в ушах – серьги со снимающимися подвесками-оберегами, причём с открывающимися вперед застёжками. У Таптал возникла коса, в которую вплетена серебряная косоплётка с национальным орнаментом, на лбу – обруч, под грудью – круглая пластина, всё надо полагать – из серебра. Что-то и на бёдрах было, но не разглядел. Спину её украшал узор наподобие сэргэ (коновязи).

Включили, наконец, генератор и, прекрывая его стук, полились звуки музыки.

Как и у нас в Клязьме, начали с бальных танцев, там, где мальчик с девочкой мало касаются друг друга. Танцевать их надо в смокингах и на паркете. Увы! У нас здесь ничего такого не было. Но народ не унывал.

Подиспанец – хорошенький танец

Его можно легко танцевать.

Шаг вперед, шаг назад

Перевернуться,

И снова начать.

Я знаю этот стих и алгоритм танца. Местные были не в курсе, не имели ни малейшего представления, как это танцуется. Поэтому каждый выражался, как мог. И тут тоже был некий якутский налёт. Как-то их сбивало на круговой хороводный танец. Правда, бубна не было. Интересно, если им какую румбу, пасодобль или полонез сыграть, они и их спляшут? Думаю, да. По крайней мере, мы так в Клязьме делали.

Но вот зазвучало что-то приличное: танго, потом фокстрот. Уже можно было обхватить даму, левой рукой вытянуть её руку, а правой нащупать пуговицу на бюстгальтере, утвердить кисть на её спине и повести куда-то вперёд или назад вертя во все стороны. Кто-то так и делал, но таких было мало. Я, конечно, не спец по танцам, говоря откровенно, обычно подпираю стену, но здесь могу что-то продемонстрировать.

Зазвучала Ладзарелла (Озорница, если кто не знает). Определил направление на Таптал и начал к ней пробираться. Но тут, как всегда не вовремя, вмешался Рок, он же Фатум.

На сцене появилась полуторка, вызвав ажиотаж среди лошадей, собак и публики. В кузове, держась за кабину стояло нечто: клоун, пугало и царёк племени мумба-юмба в одном лице. Не дожидаясь остановки машины, парень (половую принадлежность не сразу, но всё же удалось определить) лихо спрыгнул на землю и предстал перед нами во всей красе.

Стиляга! – понял я.

Да, именно стилияга проживал второй месяц в данном посёлке, ссыльный туняец. Сын какого-то генерала с Урала. Послан на воспитание, но воспитаться тут не успел (хотя трудоустроен, причём почему-то помощником ветеринара), а наоборот – воспитал местную молодёжь. Конечно, со стилияжеством он припозднился, на материке оно уже сошло на нет. А вот лет десять назад в Москве стилияг было много. Среди моих приятелей в том числе. Правда, стилиягами (от английского *steal* – стибрить, украсть) их называли враги. Сами себя они называли штатниками, поскольку молились на жизнь в Америке. На ту жизнь, что предстала перед ними в "Серенаде солнечной долины". Снят он был в 1941 году, но появился у нас в конце сороковых, я как раз в школу пошёл. Музыка, джаз, коньки, лыжи... Жизнь прекрасна, что говорить, у нас в 1941 было иначе, да и потом тоже – так себе. Нищета и разруха. Реальность убога, не до горных курортов.

Но у стилияг была не только зависть и мечта сесть на поезд в таинственную Чаттанугу, у них был протест. Протест против серости жизни, против кондовой идеологии, песен, музыки, книг, против однообразной одежды, мещанских правил поведения, советской морали, против бальных танцев, наконец. В школе изредка устраивали вечера с танцами, но с танцами, специально утверждёнными РОНО. И какими! Падекатр, падерптинер, падеграс, полька, вальс, краковяк... Хрен знает, как их танцевать. Я за всю жизнь даже вальс не освоил, не говоря о падерпринере. Фокстрот и танго включали один раз за вечер и то по разрешению директора школы или старшего пионервожатого. Тут не захочешь, а диссидентом станешь!

Стилияги демонстрировали аполитичность, что уже было вызовом Системе, а любовь к загранице намекала на космополитизм, на низкопоклонство перед Западом, на всё то с чем шла борьба идеологическими средствами (и не только идеологическими). Рассуждали стилияги цинично, говорили на сленге (коверкали английский): шузы, хата, бараться, боруха, фазер, лукать, жлоб, дринкать, джакеток, манюшки, оловый, батон, соксы, стилиять, таёк, трузера, тренчокот, тусовка, хэток – так и сыпались. Одевались ярко,

особенно первые годы: широкие цветные штаны, мешковатый пиджак, шляпа с широкими полями, немислимых расцветок носки, галстук «пожар в джунглях». Потом стало как-то приличней: брюки-дудочки, взбитый «кок» на голове, элегантный пиджак с широкими плечами, узкий галстук – «селёdochка», завязывающийся на крошечный узел, зонтик-тросточка, свитера с оленями. Если всей этой роскоши под рукой не было (откуда её взять?), то достаточно было поднять ворот куртки и повязать длинный белый шарф. Обувь – полуботинки на толстой белой каучуковой подошве («манная каша»). Рубашки в «гавайском стиле». Девушки ярко красились и носили причёску «венчик мира» (вокруг головы завивали волосы и укладывали в форме венца); узкие юбки обтягивали бёдра. Они слушали (кто по способней – сам играл) джаз, танцевали буги-вуги и рок-н-ролл.

Это – общие свойства. На самом деле стилиаги были разными: или дети очень богатых родителей, или умельцы.

Я их наблюдал в двух обществах: в Москве и в Клязьме, и видел пропасть между ними. Московские стилиаги довольно идейны, полны протеста, но вовсе не как революционеры, и не как фанатичные диссиденты – борцы с социализмом. Золотая молодёжь, дети крупных чиновников, партаппаратчиков, красных директоров и генералов, тех, кто сначала приволок домой кучу трофейного барахла, а затем регулярно посещал западные страны и привозил модные вещи, боролась со своими отцами, с их лицемерной идеологией и показной моралью. Стилягам хотелось приобщиться к загнивающему западному обществу. Надоело на комсомольских собраниях осуждать безродных космополитов будучи космополитами в душе. Они хотели пить, что хочется, когда и где хочется, слушать музыку, танцевать, одеваться, трахаться без коммунистической и религиозной морали. Прямо, как в Штатах, хотя там никто из стилиаг не бывал и о тамошней пуританской морали не слышал. Смотрелись они карикатурно, но, конечно, были врагами советской власти, и власть с ними боролась на полном серьёзе. Их выгоняли из комсомола, исключали из институтов, ломали судьбы. Кто-то отдал жизнь за пёстрый галстук. Другая часть московских стилиаг проблемами особо не озабочивались. Им важен был прикид, что-то они делали сами, а остальное доставали. Задача не простая, какие-то вещи перекупали у удачливых буратин, но главный источник – фарцовка. Стаи фарцовщиков атаковали иностранцев у Националя, Метрополя, гостиницы Москва. Выпрашивая и выменивая иностранную вещь. Кто-то заодно стал валютчиком, а это пахло Воркутой и Верхоянском.

Они увлекались джазом, слушали заигранные пластинки, но главное – танцевали рок и твист. Я бы даже сказал – плясали, так как это не какое-то медленное танго, где схватишь тётку как сноб соломы и, прижавшись к ней, медленно плывёшь по комнате. Нет! Бурная музыка заставляла двигаться. Танцоры по маленькой комнатке носились как угорелые, снося друг друга, партнёрша садилась то на одно колено парня, то на другое, пролетала между его ног, взлетала вверх ногами над его головой. Энергия была ключом. То что где-то идёт вечеринка ощущал весь дом, трясся пол, стены шатались, приезжала милиция. Для такого времяпровождения нужно здоровье иметь и много, много тренироваться. У дилетантов случались травмы, иногда серьёзные.

В подмосковной Клязьме такое тоже бывало, но летом, когда московские стилиаги навещали на дачах своих противных родителей. А в остальное время на танцах в клубе доминировали стилиаги местные. Они мало думали о политике, ими двигал протест против серости жизни, против послевоенной нищеты, безотцовщины, своей скучной судьбы. Хотелось как-то выделиться, как-то вырядиться, пусть как попугай или фазан. Только вырядится было не во что: прикида в магазине нет, и денег тоже. Приходилось всё делать самому. Умельцы строчили на бабушкиных Зингерах брюки, рубашки, пиджаки, галстуки. Если было из чего строчить. Добывали брезент: разрезали пожарные рукава, покрышки запаски. Получались те ещё продукты портновского искусства! Карикатура на карикатуру. Местных стилиаг особо не преследовали, из комсомола не выгоняли (они не были комсомольцами), из ПТУ не отчисляли (чтобы не плодить бандитов, те и так были в

избытке). Просто ловили, стригли и раздевали, отбирая плоды труда. Музыка была та же, энергия в танце та же, но танец не тот, изобретатель рок-н-ролла сильно бы удивился, увидев клязьминское представление.

В классе у нас были стилиаги, но я с ними не водился. Наблюдал цирк издали. Всё свободное время проводил в сарае-лаборатории, что-то титровал, перегонял, осаждал, потом взрывал на опушке леса. На рок-н-ролл таланта не хватило. А может быть и сил. На балах подпирал стену.

Вот и сейчас издали наблюдал я тетерева на токовище.

Известное дело:

Сегодня он танцует джаз

А завтра Родину продаст.

Разодет он был нелепо. Не с советской точки зрения, а с точки зрения московского продвинутого и уже довольно элегантного стиля. Эkleктика: настоящие западные вещи и самоделки дурного пошиба. Всё приблизительно: почти как надо, но не так, как надо. Над головой возвышался гигантский кок волос, за отсутствием бриолина созданный тюленьим жиром.

Радиола выдавала польку, но наш стилиага выделял твист. Мелькали яркие носки. Движения были сложными и нелепыми, помесь канкана с шаманским трансом. Постепенно он достиг окна и достал из-за пазухи гибкую пластинку. Чей-то рентгеновский снимок – скелет моей бабушки. Что-то зашуршало, и под пасмурным якутским небом грохнул рок на костях.

Началось с полузабытого "Их Стамбул". Старая музыка из старого фильма "*Puttin' on the Ritz*" (1930, не подумайте только, что это Путин на озере Рица в Абхазии). Знаменитого композитора Ирвинга Берлина, автора неофициального гимна США "Боже, благослови Америку" (*God Bless America*, 1918), который по метрикам был Израиль Бейлин и родился в 1888 в Тюмени в семье Моисея и Леи Бейлиных. Песня из этого фильма – гимн Голливуда. Музыка "Стамбула", конечно, вечная, чтобы такое изобрести надо быть евреем (1), родиться в Сибири (2), жить в США (3). В 1953 эту проверенную мелодию перелицевали и добавили невразумительный текст по случаю 500-летия падения Царьграда. Получилось "*Istanbul (Not Constantinople)*":

Istanbul was Constantinople

Now it's Istanbul, not Constantinople

Been a long time gone, Constantinople

Now it's Turkish delight on a moonlit night

Стамбул был когда-то Константинополем,

Но теперь он называется Стамбул, а не Константинополь.

Прошло много времени,

Но старый Константинополь сохранил свое турецкое очарование

В лунном свете ночи.

Помнится, мы пели иначе:

В Истамбуле – Константинополе

Мимозы, розы, вай, какие тополи!

Таких нет в мире, сколько б вы ни топали

По Азии, по Африке, Америке, Европе ли.

Музыка зажигательная, ноги сами просятся в пляс.

Парень (его звали Вася, но он просил называть себя Арнольдом) выделял немислимые па в центре площадки, пыль стояла столбом. Зрители образовали круг. Нужна подтанцовка. И она появилась! Сначала Таптал и Феклана, а затем и другие девочки затанцевали на месте, задвигали ручками-ножками, стараясь попасть в такт. Парни же стояли, раскрыв рот.

Возник Элвис Пресли. «Тюремный рок» (*Jailhouse Rock*). Очень к месту.

The warden threw a party in the county jail.

*The prison band was there and they began to wail.
The band was jumpin' and the joint began to swing.
You should've heard those knocked out jailbirds sing.*

Тут надо было засунуть оба больших пальца за пояс брюк, приспустить их и качать задницей вперёд-назад. Вася так и сделал. Требуется ещё шест, чтобы по нему спуститься со второго этажа, но ни этажа, ни шеста не было. Впрочем, неважно. Кому какое дело о чём вопит этот наркоман, что нам до стилей рока: «атомный», «канадский» или «тройной Гамбургский». Да хоть четвертной Пражский! Плевать! Началось веселье. Кто бы мог подумать, что эти каменные степные бабы, способны на эмоции? Оказалось, могут...

Все пустились в пляс. И ещё какой! Таптал взлетела в воздух и застыла вверх ногами. Длинная чинная юбка её накрыла головы и её и Васи. Тут раскрылся секрет превращения амазонки в леди. Оказывается, дамы наши были одновременно одеты и в штаны и в платья. И меховые торбаза. То-то им придётся закатывать юбки на пояс, когда опять верхом садиться будут.

Стало ясно, что чужой я на этом празднике жизни.

Пошёл мелкий дождь, а я пошёл ложиться.

Под звуки *Blue Suede Shoes* а потом *Let's Twist Again* боролся с комаром-гнусом, окончательно обнаглевшим.

Эту музыку я знал, но это – прошлое. Будущего у него нет. И в этих краях тоже.

Нам, современным студентам, это не надо. Одеты скромно, поём туристские и блатные песни. Но готовимся свергнуть советскую власть. И придёт время – свергнем. А коммунистов погоним в шею...

Пресли кончился, завели прощальный вальс, дизель-генератор выключили. Настала тишина.

Я стал засыпать. Вспомнилась песня, которую пел мне отец вместо колыбельной.

В темном лесе,

В темном лесе,

В темном лесе,

В темном лесе,

За лесью,

За лесью,

Распашу ль я,

Распашу ль я,

Распашу ль я,

Распашу ль я

Пашенку,

Пашенку.

Распахал, лён посеял, продукт ждал, а на него покусились

Повадился,

Повадился,

Повадился,

Повадился

Вор-воробей,

Вор-воробей

Мою конопельку,

Мою зеленую,

Мою конопельку

Мою зеленую

Клевати,

Клевати.

Но бог с ней, с коноплём, что-то более важное из-под носа уведят

Повадился,

Повадился,

Повадился,

Повадился

Молодец,
Молодец
К моей Марусеньке,
К моей Марусеньке,
К моей Марусеньке,
К моей Марусеньке
Ходити,
Ходити,
Мою Марусеньку,
Мою дорогую,
Мою Марусеньку,
Мою дорогую
Любити,
Любити.

Лень, конечно, но придётся принять меры:

Уж я его,
Уж я его,
Уж я его,
Уж я его
Изловлю,
Изловлю,
Руки, ноги,
Руки, ноги,
Руки, ноги,
Руки, ноги
Перебью,
Перебью!
Он не будет,
Он не станет,
Он забудет,
Перестанет
Ходити,
Ходити,
Мою Марусеньку,
Мою дорогую,
Мою Марусеньку,
Мою дорогую
Любити,
Любити!

Вот и я, пожалуй, Васю изловлю, и руки-ноги перебью. Ибо сказано про меня:

Мягкий весь, а жальце есть.

А Марусеньку буду любить.

Рейдерский захват

Враг, отпор от нас – получит!

Не видать ему земли

Нашей. Он её не купит,

Ему лучше отойти.

Утром в соседнем классе я застал Васю-стилягу. Морда помята, прикид поблѣк. Сидел весь расслабленный, курил небрежно и буржуазно. Стильно, то есть. Раскладывал пасьянс картами с голыми девицами;

– Хай! – приветствовал меня Арнольд.

– *Gutten morgen* – отвечивал я мрачно.

– Слушай, чувак, кинем брэк по Броду с чувихами?

– Я не чувак, не Человек Уважающий Высокую Американскую Культуру, не такая уж она высокая и не слишком американская, кстати, гимн Америки и то сибирский еврей написал. Да и на лодках по Бродвею не плавают.

– *Ich bin beschäftigt. Auf Wiedersehen!*

– Бай!

Появились неразлучные Таптал и Феклана, принялись кудахтать вокруг общипанного павлина.

– О женщины, вам имя – вероломство!, – ещё Гамлет допёр.

Впрочем, видно было, что дамы – любительницы крутить динамо:

Наш девиз непобедим: возбудим и не дадим!

Натянул я болотные сапоги и похилиял по Броду, т.е. буквально в брод.

На всю округу орал громкоговоритель. Прямо как на целине. Похоже, он трудится круглые сутки. Пока шёл, Русланова успела спеть "Валенки", "Когда б имел золотые горы и реки полные вина" и что-то ещё. Бывала ли она в здешних краях, не знаю, но нрав она имела буйный, её переводили из одного лагеря в другой. Так что и Верхоянск могла посетить.

Преодолев грязевое пространство, осел на маслобойне. Дел много – масло-кумыс-самогон. Трясти и ждать, что будет. Уселся писать Ольге – надо же в последний раз послать весточку.

Не дали.

Явился посланник, Иван Гундарович, слегка знакомый мне агроном местного колхоза, вежливо, но настойчиво предложил посетить председателя. Газик за мной подан. Сели, поехали. Его историю я знал. Во время войны он был довольно высоким чиновником, занимался снабжением военных заводов. Однажды, комбинату по производству авиационных масел задержали поставку татарской нефти. Чтоб не срывать производство он распорядился использовать нефть с Эмбы. А то в голову не взял, что эта нефть содержит много серы. Сера же снижает температуру загущения масла. Короче, одним зимним утром все самолеты под Сталинградом не взлетели – моторы не завелись на морозе. Без авиационной поддержки погибло пол-армии, немцы прорвали фронт. Вредительство? Вредительство! Приговорили к расстрелу. Спасло то, что самих следователей-судей признали врагами народа и пустил в расход. А ему дали 20 лет, из которых просидел 12.

Прибыли мы в контору феодала – владельца окрестностей и местного населения. Крепостник – председатель колхоза – оказался якутом, парнем моего возраста (20 лет). В гимнастерке, на которой четыре значка: ГТО, стрелок, парашютист и кто-то ещё. Андрей отслужил в армии и как человек образованный, опытный (из местных аборигенов единственный, кто видел шестиэтажные дома и даже троллейбус) и представитель титульной нации был избран (назначен райкомом) председателем колхоза, т.е. коронован на царство.

Для большего представительства и эффективности мозгового штурма пригласили бухгалтера колхоза Александра Ивановича (по паспорту Авеля Израилевича) – финансового гения. Это был знаменитый вор-карманник международного уровня (марвихер), известный по всей Украине, Центральной России и Сибири (а ранее – в Австро-Венгрии и Румынии).

Марвихер (ид. *марвиах* – зарабатывает) – вор высокой квалификации, зарабатывающий деньги.

Долго он никогда не сидел, но зато попадал в тюрьмы-лагеря неоднократно – 6 ходок. Человек уважаемый. В лагерях он работал художником и сейчас по маленькой фотокарточке писал маслом портрет пионерки – дочка какого-то чина в Москве. Заказ первостепенной важности.

Не знаю, говорил ли он по-якутски, но по-русски это было что-то ужасное, какой-то гротесковый еврейский акцент, ни один артист-антисемит скопировать бы не смог.

Видимо, думал он на идише, а потом переводил. Но если бы только еврейский! Родился и вырос он на Западной Украине, в польском селении. И это чувствовалось. Да ещё как!

Уселись мы вчетвером думать.

Покусились на территориальную целостность нашего колхоза! Соседний бай, решил расширить свои владения и присвоить пойму внутри одной крутой петли извилистой Адычи. А это трава, пастбище лошадей и даже коров, которым и так есть нечего. Урон ожидался мощным. Этот бай вообще активен, и поддержку в Батагае имеет сильную. Так что собрался сократить нашу латифундию. Уже Андрея вызвали подписывать бумагу.

– Надо как-то продержаться, – объяснили мне, – мы подключим Якутск, есть там кое-какие связи, этого не допустят. Но на это нужно время.

– Что предлагаете?

– Мы знаем, что ты химик, что ты сделал подруге невидимые чернила (так, уже стукнула), изготовь нам такие чернила, что бы подпись сначала была, а потом исчезла.

– Не проблема, да только нужны реактивы.

– Загляни в мой сарай, – сказал Александр Иванович, – там много чего есть.

Пошли в сарай. По дороге он отдал мне всё, что вытащил на совещании у меня из карманов: носовой платок, сигареты, ножик перочинный, и остальное богатство. Даже паспорт, хотя он был в кармане рубашки, застёгнутом на две пуговицы, а сверху у меня водолазный свитер, плотно обвивающий горло и спускающийся чуть ли не до колен. Да и не контактировали мы с ним вовсе – сидели на разных концах длинного стола.

Талант есть талант.

Ну, да и мы не лаптем щи хлебаем.

Рылся я в сарае недолго. Для классического варианта исчезающих чернил ничего особо не надо. Берёшь из первой попавшейся аптечки спиртовой раствор йода, отмеряешь 50 мл, смешиваешь с чайной ложкой декстрина, фильтруешь, чистый раствор – вот и чернила. Пиши, рисуй, что хочешь, надпись через пару дней исчезнет – йод испарится, и никакими силами ты текст не восстановишь. Йод был в нужных количествах, а о декстрине надо позаботиться. С ним мы на ты. Что только я из него не изготавливал в клязьминской лаборатории: и клей, и прочные, твёрдые звёздочки для фейерверка, цветные огни, гранулированный порошок и много чего ещё полезного. Важнейшее вещество для пиротехники: прилипает к любым предметам, принимает нужную форму. Декстрин участвует в горении; изменяя его пропорции в составе можно добиться разной скорости горения. С его помощью можно уменьшить реактивность взрывчаточной смеси, если вам нужно, чтобы она не взрывалась, а просто горела в изделии. Готовил я его просто: порошкообразный картофельный крахмал смешивал с концентрированной соляной кислотой, выдерживал в полиэтиленовом пакете, сушил в горячей духовке. Нужно, чтобы он стал жёлтым, иначе растворяться не будет. А есть ли где поблизости крахмал? Или придётся из непечённого хлеба декстрин добывать? Да и дымящуюся солянку искать где-то надо. И само производство полдня займёт. Но оказалось у запасливого Александра Ивановича есть декстрин в виде тёмно-коричневого клейстера. Он его использует для получения клеевых красок. Годится! Быстро изготовил чернила и заполнил ими перьевую авторучку. На всякий случай, произвёл и чёрные чернила. Взял плиту на которой наш ворхудожник растирал свои краски, наломал ветки ивы, мелко истолок и растёр с водой на этой самой плите. Надпись, сделанная такими чернилами, исчезнет через неделю. Заправил этими чернилами другую авторучку. Спросил, не нужны ли красные исчезающие чернила, надпись которыми при желании можно восстановить. Сказали: нет. Ладно, была бы честь предложена.

Отдал всё Александру Ивановичу. Провожая меня, он как-то между делом спросил:

– А наркотики из местных продуктов приготовить можешь?

– Я всё могу, – сказал я.

И удалился.

Довольный, как сто китайцев.

Пьющая утка

Как тебя зовут? — Зовут зовуткой, а величают уткой.

В моём счастливом, поруганном войной, детстве была отрада: пьющая утка. Появилась она в 1944, аккуратно, когда мне исполнилось три года, и я заболел дифтеритом. Стояла она на подоконнике. В горячечном бреде, приходя в себя и воспринимая действительность, я видел, как она трудилась, непрерывно наклоняясь вперёд, окуная свой клюв в воду в стакане, потом откидываясь назад, гордо выпрямляясь. А постояв вертикально, снова наклонялась, стремясь к воде. Движения взад-вперёд проходили непрерывно, с постоянной скоростью. Я водил вслед глазами. Она мне снилась до галлюцинаций...

Первый раз я был при смерти, и свидетелем тут была пьющая трудяга-утка. Потом мне не раз случилось умирать, но уже без свидетелей.

Я выздоровел, пошёл в детский сад, утка трудилась. Я пошёл в школу, и утка (уже на подоконнике) всё также ныряла носом в воду и снова выпрямлялась.

Понятно, я заинтересовался устройством. Никаких моторов, или там проводов не было. Утка двигалась сама-собой, без поглощения энергии. Это был вечный двигатель, настоящий перпетуум мобиле!

Всё это меня восхищало, но не удивляло. Подумаешь! Не такие дела творились, атомную бомбу вот взорвали, а тут – утка.

Но где-то в восьмом классе я узнал, что вечных двигателей не бывает. К этому времени я был уже зрелым учёным, и мне стало интересно, как всё это действует. Я разобрал игрушку.

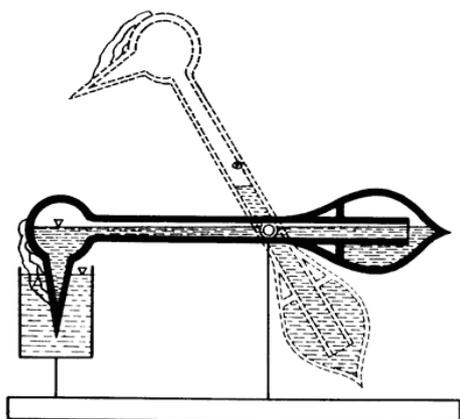
Туловищем утки служила стеклянная трубочка, верхний конец которой заканчивался шариком в виде утиной головы с клювом. Нижний конец трубочки был погружен в небольшой запаянный сосуд, наполненный эфиром. Эфир нужен потому, что он легко испаряется уже при комнатной температуре, причём с изменением температуры резко меняется давление его насыщенных паров. Для того чтобы «оживить» утку, следовало лишь слегка смочить её головку и поставить игрушку перед стаканом с водой.

Секрет действия этой игрушки можно понять, если посмотреть, как ведут себя пары эфира в двух местах – в трубочке с головкой и в нижнем сосуде. Так, если увлажнить головку утки водой, то вследствие испарения температура головки упадёт ниже температуры окружающего воздуха. Для усиления этого эффекта на головке укрепляется кусочек какого-либо пористого материала, например, ваты, который хорошо впитывает воду и интенсивно её испаряет. В результате охлаждения головки давление насыщенных эфирных паров в ней падает, и эфир под действием паров в нижней части трубочки поднимается вверх. При этом центр тяжести фигурки перемещается по направлению к голове, и утка постепенно наклоняется вперед. При горизонтальном положении трубочки происходят два независимых процесса. Во-первых, утка опускает клюв в воду, так что ватный хохолок на её головке вновь увлажняется. Во-вторых, насыщенные пары из верхней и нижней частей смешиваются, давление их выравнивается, и жидкий эфир под действием собственного веса вновь вытекает в нижний сосуд, в результате чего тело утки опять начинает выпрямляться. Весь цикл качаний этой игрушки будет повторяться до тех пор, пока головка утки будет увлажняться и пока окружающий воздух сам не окажется слишком влажным, с тем чтобы вода из хохолка могла нормально испаряться и охлаждать головку утки.

Понятно, что игрушка – не настоящий перпетуум мобиле, поскольку постоянные качания утки происходят благодаря тому, что в процессе этих качаний она отбирает тепло из окружающего воздуха.

Короче, как-то я разобрался с этим и успокоился.

Но на этом дело не кончилось!

После школы я начал работать на небольшой фабрике – зарабатывал стаж для ВУЗа. Мода тогда была такая. И там я узнал, что именно здесь один ушлый еврей во время войны организовал выпуск пьющих уток. Назло Гитлеру, и на радость детям. Сильнее снарядов штука будет. Интеллекта требует, между прочим.

Пьющая утка.

Но каково было моё удивление, когда спустя много времени при детальном исследовании одного военно-космического устройства я обнаружил, что оно реализует идею пьющей утки. Более того, именно мне поручили разработать математический аппарат происходящих процессов, составить компьютерные программы, провести математическое моделирование, и всё, что можно, оптимизировать.

Однако, сейчас я в Бетенкёсе. Детская утка в прошлом, оборонная – в будущем. Я здесь в школе и надо оставить память о себе: что-то научно-техническое, поучительное и забавное. Уселся я за стол и после пары часов усилий, собрал и отладил пьющую утку. Она принялась за работу. Школьники и учителя смотрели на устройство квадратными глазами.

Было чему удивляться – машина не требует питания, вообще ничего не требует, работает и работает. Только воду подливай.

Работает вечно.

Почти. Как я в этой жизни.

Задача

Вы задали мне трудную задачу!

Ответить собираюсь я давно...

Оставив школьников, пошёл в учительскую, и задал собравшемуся там коллективу математическую задачу, сильно занимавшую меня в отрочестве.

Трое поужинали в ресторане, скинулись по десятке и отправили мальчика-полового рассчитывать. Хозяин взял эти 30 рублей, всё посчитал (ужин стоил 25 рублей) и отдал сдачу мальчику. Тот пошел назад, увидел, что посетители пьяные, взял себе два рубля, а три вернул гостям. Теперь считаем: гости сдали по 10 рублей, один рубль каждому вернули, следовательно, они заплатили всего $3 \times 10 = 30$. Два рубля – у мальчика. $30 + 2 = 32$. А было тридцать. Где рубль?

Учителя впали в сильное недоумение, а я пошёл к себе спать.

Ссученный

А ссученный закон всегда умоемся

Своею кровью — это нам решать.

Утром в день отъезда поднялся шум: механика убили. Действительно, в соседнем, большом, русском доме, на крыльце лежал мужик, заводивший бензиновый движок местного генератора электричества. Вчера он отвёл меня в сторону и сообщил о странном происшествии в Батагае: были у него там друзья, но они взяли и сгорели. Все восемь штук. Я с трудом скрыл радость: мастерство не пропьёшь.

Где был, там нет, а где шёл, тут след.

Он внимательно смотрел на меня:

– Сначала параша, а теперь, вот, и ксива, говорят, что хазе хана всё горело, как порох, а дым шёл чёрный, как из паровоза.

Ксива (ив. ктвива) – документ, или записка; *парашиа* (ив. параша – комментарий или слух; *хана* – конец (ив. хана – делать остановку в пути, привал. Отсюда же и слово «Таганка» - станция, остановка, стоянка, пересыльная тюрьма, в которую привозили заключенных с европейской части страны перед отправкой в Сибирь.

А как тут без дыма? Дети знают, что когда напалм горит, он всегда дымит, гудрон ведь.

– Странно! – продолжал он.

– Что странного? Поддали самогону, печь затопили, полено вывалилось – пожар.

– Печь не топили, с курением строго. А вот, говорят, ты – химик.

– Я не волшебник, я только учусь! Второй курс преодолел. Терроризму не обучен.

– А правду говорят, что когда тебя в пекарню приволокли и на самогон кинули, ты недоволен был?

– Да, не доволен и что? Кто доволен? Ты?

– Я – нет. А вот вроде как тебя видели ночью у барака.

– Был бы у барака – полыхнуло бы сразу! А горело три дня назад. Я же тут считай неделю. Я, что на крыльях туда-сюда летаю? У меня их нет, как видишь.

– Хитрые вы евреи, – процедил он задумчиво.

– Может все евреи – хитрые, но не все хитрые – евреи. Я, к примеру, к древнейшей нации не отношусь.

– Говори, говори, Бекман, может, кто и поверит. К тому же, откуда ты знаешь, когда горело?

– Сорока на хвосте принесла.

– Может быть, может быть. Пока не знаю, но узнаю. И как бы тебе на жизнь окончательно не обидеться.

– А! Бара-бир.

Всё в руках божьих: не успел я обидеться на жизнь, а механик уже перешёл в стадию трупа.

Странно, но перед смертью он был сильно избит, причём трудилась целая бригада. Руки ноги переломаны, а кое что оторвано. Умер он от множества ран, всё тело было исколото то ли большим гвоздём, то ли шилом.

Никто не сознался, но никто и не удивился.

– Ссученный он, – объяснили мне, чтобы я понял, в чём дело.

Я не понял.

– По Закону вор не может быть на свободе больше года. А он третий год прохлаждается. И работает, как фраер какой-то, начальникам прислуживает. И сына в Якутск в университет отправил, чтоб пополнить ряды гнилой интеллигенции. Совсем в гавно превратился.

Чуть прояснилось, но не слишком.

Мир тут своеобразный, с налёта не врубишься. Но всё же число смертей зашкалило. Явный перебор. Если так дело и дальше пойдёт, то население Верхоянского края быстро уменьшится. Главное все преступления против человечности вблизи меня случаются, а порой и с моим участием. К чему бы это?

Пора валить.

Кавалерист

Лошадь спереди кусается, а сзади лягается.

На следующее утро мы начали седлать одних коней и вьючить других.

Вставайте, граф, уже друзья с мультаками

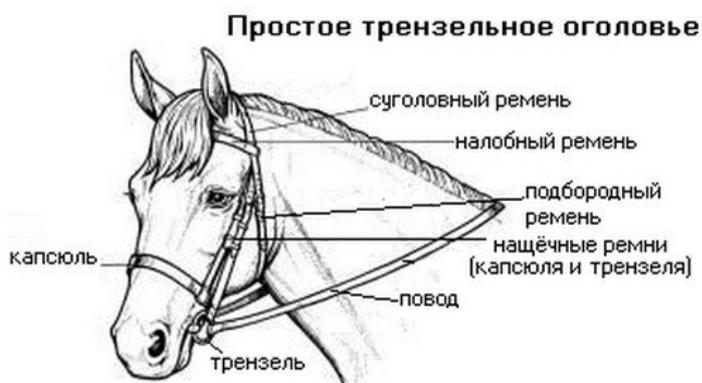
Коней седлают около крыльца.

Если бы! Если бы у крыльца коней седлали друзья! Но друзей не было (не считать же за них каюра и Анастасию Семёнову) и седлать надо было самому.

Да и мультука нет. Кстати, почему Визбор вспомнил о фитильном ружье каких-то турок? Лучше б про лошадиную сбрую спел что-то полезное.

Стоило родиться бароном без слуг? В барон без слуг, всё равно, что слуги без барона. Не стоило, но так получилось... Придётся седлать и выучить. Только я не умею. Лошадь живую я, конечно, видел, но как-то так...издали. Общаться не приходилось.

Ну, да не боги горшки обжигают. Глаза боятся – руки делают.

Я подтаскивал барахло: вьюки, вьючники, спальники, палатки, фотокамеры, оружие и много чего ещё. Не ясно: кто и как это повезёт. Полуторка нужна. А тут 9 лошадей, 4 из них верховые.

Лошади стояли в ряд, лохматые коньки-горбунки, на первый взгляд все одинаковые. На них уздечки. Повода прикручены к длинному горизонтальному бревну, укрепленному на двух столбах по

краям. Стояли они спокойно, ни на что особо не реагировали, махали хвостами и трясли гривами.

Но это до тех пор, пока нас не посетила идея их седлать. Как только каюр вынес седло, картина изменилась. И стало ясно, что кони дикие. Мустанги какие-то. Пришла пора нам стать ковбоями.

Конечно, они не были дикими. Просто одичали. В прошлом году они скакали под седлом, таскали вьюки, а кое-кто и пахал. Только это было давно. Почти год они свободно паслись, самостоятельно добывая копытами пожухлую траву из-под снега. Человека, считай, они не видели. Какого ... он им сдался?!

Теперь, завидев приближающегося каюра с полузабытым предметом в руках, они осознали: кончилась свобода, грядёт рабство, тяжёлая работа, сбитые спины, потерянные подковы, удары камчой.

Они возмутились. Правильно сделали, вы бы, небось, тоже заржали беспокойно.

Лошадь отшатнулась, попыталась встать на дыбы, повод ей помешал. Тогда она встала на передние ноги и взбрыкнула. Остальные её морально поддержали.

Каюр огрел мерина нагайкой по крупу. Тот задумался и встал почти смиренно. Каюр подошёл с левой стороны, накинул седло ему почти на шею, потом сдвинул назад. Поднырнул под шею лошади (я думал, она его тыпнет с досады, но она не стала), с правой стороны опустил подпругу, вернулся, нырнул под коня, достал подпругу и стал её тянуть, пытаясь попасть застёжкой хотя бы в первую дырку. Мерин надулся и заметно располнел. Каюр резко ударил коленом его в живот и повис на подпруге. Лошадь сдулась, и седло прочно укрепилось на ней. Каюр приподнял голову лошади и предложил ей разжать зубы. Та отказалась. Тогда АН надавил на нижнюю челюсть и что-то негромко, но твёрдо сказал по-якутски. Мерин двинул ушами, разжал зубы, впустил железяку и начал её жевать. После чего громко пописал. С ним временно было покончено.

Вскоре были осёдланы все верховые лошади (по какому принципу их отбирали не знаю). На трёх оказались казачьи седла, а на одной – кавалерийское. Как вы знаете, казачье седло позволяет всаднику встать и подать корпус вперед, на нём комфортнее ездить, но оно передает каждый толчок при езде на спину животного, что увеличивает риск его травматизма. Поэтому мне оно не досталось. Кавалерийское седло равномерно распределяет нагрузку по всей спине лошади. Особенно, если в такое седло поместить такую тяжёлую неумёху, как я. Ну, кавалерийское, так кавалерийское, мне как-то всё равно. С седла свисали длинные кожаные сумки, в которые много чего вместились, включая все четыре тома "Саги о Форсайтах". Жаль только, что спереди и сзади высоко выдавались луки седла. Конечно, это удобно для ковбоев – на передний рожок можно

прикрепить лассо. Но у меня не то что лассо, аркана волосяного и того не было. Зато об эти луки я разбил себе яйца и задницу.

На якутской лошади Анастасия Семёновна смотрелась совсем не так, как эта аристократка: котелка на ней не было. И сапоги были иными.

Интересно было, дадут ли Анастасии Семёновне дамское седло. Знаете, такое седло с мягким сиденьем, на котором дама располагается бочком, в длинном платье, поставив ноги на специальную дощечку. Или в более современном варианте с двумя передними луками (при полном отсутствии задней).

Всадница перекидывает правую ногу через одну из верхних луков, а вторая лука поддерживает эту же ногу справа. Хотел бы я посмотреть на шефиню в такой позе! Увы! Дамского седла не оказалось и Анастасия Семёновна в лыжных штанах (синих, поэтому в отличие от Попугаевой, она кимберлитовую трубку не открыла) скакала в казачьем седле, сидя по-мужски.

Скакать верхом любой дурак (и дура) может. А ты выючил лошадей когда?

Оголовье, сёдла, попоны, подпруги, шлея, мундштук, удила, тензеля, вальтрап, капсюль, подхвостник... Чёрт что в этом разберёт. Наука целая. И техника. Всё это надо нацепить на недовольного жизнью конягу, а потом – выюки-привьючки. Выючное седло – это две деревянные полки, скрепленные по концам двумя металлическими луками. Полки с луками скрепляются шарнирами, что позволяет подогнать седло к особенностям спины лошади. На металлических луках имеются крючки для навешивания тряпичных выючников или выючных ящиков, снабжённых металлическими кольцами. На стороне седла, обращённой к лошади, есть подушки, набитые конским волосом. Под эти подушки подкладывался войлочный потник (мы на нём потом спали в палатке). Чтобы груз не съезжал при подъёме в гору (или спуске с неё) лошадь со стороны груди охватывает передняя шлея, а сзади – задняя (та самая, что под хвост попала). Седло крепится двумя подпругами, соединёнными с нагрудной шлейкой подгрудными ремнями. Выючники довольно тяжёлые, килограмм под 40 каждый. Я их с трудом брал на грудь и бежал к лошади, та шарахалась от меня, храпела, угрожала укусить и треснуть копытом, причём не только задним, но и передним. Всё же я в неё врзался и в конце-концов попадал кольцами на крючки. Хорошо, что конь не высокий. Хитрость была в том, что вес правого выюка должен быть равен весу левого. А кто их взвешивал?! Поверх двух выюков размещалась привьючка – ватные спальники (штука громоздкая и объёмистая, зато можно спать прямо на снегу), рюкзак с личным барахлом, а иногда сума перемётная. Всё это имущество покрывалось широким черезседельком и крепко затягивалось.

Долго ли или коротко, но навьючили мы все пять лошадей.

Я в первый раз. Ни знал я тогда, со временем стану главным мастером выюченья лошадей в Сибири. Но пропал мой талант, живу я в Москве, а здесь никого выючить не надо. Да он и не даст...

Построили мы караван: впереди каюр с тремя пристяжными, затем Анастасия Семеновна сама по себе, потом я сам по себе, а в арьергарде Анатолий с двумя пристяжными.

Вот она минута славы – вскочил в седло и поскакал по прерии.

Не тут-то было. Дело не в том, что нет прерии, это само-собой, а в том, что не было стремян! Не говоря уж о шпорах...

Со временем я стал профессором выючки.

А как ты на лошадь без стремена залезешь? Разве лестницу какую приставить, так и лестницы нет.

Железные стремена были только у каюра и шефины. Пришлось Анастасу срочно резать тонкий канат и делать на конце его петлю. Стремена не стандартного типа свисали теперь с двух сторон седла, петлю опустили на бегло оценённую длину моей ноги. Я взял в руку поводья, вставил левую ногу в петлю, попрыгал на правой за мерином, лихо перенёс её в седло, и утвердился на коне. Жаль никто из дам не видел меня в позе рыцаря. (Сохранилось фото. Помните как выглядит Дон Кихот на Росинанте, а Санчо Пансо на осле? А теперь представьте Дон Кихота на осле – это буду я).

Шишки лиственницы хоть и мелкие, но с орехами.

Чувствовалась какая-то недоукомплектованность. Я был в кирзовых сапогах, но без шпор. И камчи-нагайки тоже не было. Как транспортным средством управлять? Шпор мне не дали, нет на складе. Вместо камчи каюр протянул ветку кедрового стланика, покрытую сосновыми иголками и имевшую даже небольшую шишку. Шишку я разобрал на кедровые орешки, а веткой конём управлял и от комаров отмахивался. Опять же веточка лиственницы ограждает от колдовства и защищает от дурного глаза (самого глаза на горизонте пока не было).

Я сказал "Ат!" и мы пошли. Потянул левый повод, лошадь склонила голову и пошла налево, потянул правый, пошла направо. Потянул оба, она встала. Чудеса! Система управлялась. Идёт пока шагом, но кто знает, может она на рысь, галоп или намёт способна. Надо будет попробовать. Пока же я выяснял её лингвистические способности. На каком языке общаться будем? Сказал "Карр", она встала, как вкопанная, так что я чуть не смайнался через её голову. "Но" и "Тпру" она не понимала.

Командуя Ат и Карр, я полагал, что изъясняюсь по-якутски. Потом оказалось, что это не совсем так. Ат – по-якутски лошадь, это понятно (к тому же и у нас есть команда: ать-два, ать-два, небось из тюркского или татарского языка поимели, но слова Карр в якутском нет. Мерин-полиглот, видимо, знал какой-то тайный язык.

Итак, мы построились и двинулись. За нами увязались две собаки.

Анатолий одну назвал Барон (с издёвкой в мою сторону, я полагаю), вторую – Граф (не знаю, на что намекал). Важно, чтобы буква р присутствовала – чётче получается. Собаки удивились, но возражать не стали. Мы тоже. Из запасных ремней сделали им ошейники и стали сотрудничать.

Экспедиция началась.

Оглавление

<i>Комплементарность</i>	1#
<i>Пациентка</i>	3#
<i>Косметика</i>	6#
<i>Черемша</i>	8#
<i>Пули</i>	12#
<i>Эге-Хая</i>	14#
<i>Олово</i>	17#
<i>Янлаг</i>	29#
<i>Нервная обстановка</i>	36#
<i>Река Яна</i>	37#
<i>Работодатель</i>	41#
<i>Наше будущее</i>	41#
<i>Призрак</i>	42#
<i>Самогон</i>	43#
<i>Их нравы</i>	47#
<i>Тир</i>	47#
<i>Мина объектная</i>	49#
<i>Эх, дороги</i>	51#
<i>Якутский дом</i>	55#
<i>Бетенкёс</i>	58#
<i>Половодье</i>	59#
<i>Мамонты</i>	61#
<i>Лошади</i>	64#
<i>Музыкальный работник</i>	65#
<i>Смелые люди</i>	66#
<i>Побег с телёнком</i>	67#
<i>Борьба за независимость</i>	68#
<i>Марксист-народник</i>	72#
<i>Музей</i>	75#
<i>Диспут</i>	76#
<i>Холодный огонь</i>	80#
<i>Топлёное масло</i>	82#
<i>В школе</i>	84#
<i>Подруги</i>	84#
<i>Танцы</i>	85#
<i>Рейдерский захват</i>	91#
<i>Пьющая утка</i>	94#
<i>Задача</i>	95#
<i>Ссученный</i>	95#
<i>Кавалерист</i>	96#

Игорь Н. Бекман

ВЕРХОЯНСКАЯ САГА

или

КАНИКУЛЫ В АДУ

или

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Часть 3.

По зимнику летом

Дорога на север, дорога на север...

Наш караван двинулся по посёлку. Под бодрую музыку из установленного на одиноком столбе громкоговорителя. Обычно он передавал последние известия по-русски и по-якутски, но сейчас специально для нас исполнил марш. Улица разбита грузовиками, глубокие колеи, обширные лужи, возможно бездонные. Лошади шли аккуратно, предугадывая глубину.

Поднимая грязную волну, нас обогнал мотоциклист. Молодой парень восседал на блестящем всеми цветами радуги, видимо очень дорогом, совершенно новом мотоцикле. Сколько труда нужно, чтобы заработать на такой мотоцикл и доставить его в этот забытый богом посёлок? Трудно себе представить. Теперь он неистово жал на газ, грохот мощного двигателя оглашал округу. Увы! Путь короткий, в его распоряжении – один-два километра (длина посёлка). Дальше дороги нет. Зимник проходим только зимой, а летом мерзлота оттаивает, передвигаться можно только верхом. Мотоцикл тонет. Поэтому парень мотался из одного конца села в другой и обратно. Иногда, к нему сзади прижималась девица. И тогда в воздухе растекалась лаванда.

Такова селява. Я полон энергии и мог бы рвануть на 100 и на 1000 км, но мой путь – от околицы до околицы. Два километра туда и обратно. Могу пару раз газануть...

Еду я по выбоинам, из выбоин не выеду я.

Миновали околицу с традиционной кучей ржавых бочек-банок и бескрайней помойкой. Втянулись в тайгу. Собственно тайги в нашем понимании не было – пни от деревьев. Правда кустов, стланика и молодых ёлок было много. Чем дальше в лес, тем меньше следов цивилизации. Размытый дождями, паводками и теплом зимник расплылся. Лошади шли зигзагом (своей я не управлял – она повторяла движения передней), прыгали через лужи, скользили. Я тоже прыгал, ударяясь о луки седла всеми нижними частями тела. Стремена мои оказались длинны, длиннее ног, так что меня плотно прижало к седлу, без степеней свободы. Постепенно я подтянул верёвки, завязав их узлами. Теперь я мог стать во весь рост и побережь задницу. Но так долго не простоишь, приходится сесть, но и с согнутыми ногами долго не просидишь. Перестарался с узлами, часть из них развязал и где-то на десятом километре пути достиг оптимума.

Расправил под собой ватник и уселся удобнее. Теперь я стал настоящим бароном. Барон-рабойник. Насколько я знаю, мои предки были баронами, но вот сколько среди них было разбойников – не считал. Видать, кто-то во мне проснулся. В средние века в случае войны герцог предоставлял армию, граф – полк, а барон должен был явиться один, с полным вооружением, на коне и с оруженосцем. Вот и я так – впереди Афонас, в правой руке, помимо поводьев, у него якутская пальма – большой нож на длинной палке (удобно

использовать для срубания веток и мелких деревьев), которая издали выглядела, как пика. С правого бока у него свисал охотничий карабин, дулом книзу, под ногой располагался кожаный чехол, в котором крепился большой боевой топор. Анатолия можно рассматривать, как телохранителя. Была и дама, не в моём вкусе, правда, но всё же.

Я был в сапогах, брезентовых штанах, в энцефалитке, поверх которой натянут тонкий свитер, всё это покрывала плащ-палатка, полы которой спускались по бокам лошади. Как полагается, я был вооружён и вооружён солидно. Конечно, пистолет был у шефины (зачем он ей, интересно), и гранат не было. Но и остального достаточно. Грудь мою крест-накрест пересекал патронташ (как у матроса-анархиста) с блестящими на солнце (если оно было) патронами с жаканами, картечью и дробью. Талию охватывал ещё один патронташ (патроны мелкашки), в кожаных сумках, свисавших по бокам, патроны к карабину. С левого бока на поясе большой лагерный нож. За спиной ехала двустволка, стволы которой, как и положено, выглядывали из-за моего левого уха. В любой момент я мог её сорвать с плеча и открыть огонь по всему, что шевелится. На коленях лежала десятизарядная мелкашка - полуавтомат. Сами понимаете, вдруг куропатка вспорхнёт – деликатес ведь. Карабин был подсунут под подпругу. Выхватить его и начать отстреливаться от встречного эскадрона я мог незамедлительно. Только не понятно, зачем на нём штык – в штыковую атаку я ходить не умею. Добро бы это был немецкий штык, в виде обоюдоострого кинжала, который всегда можно отстегнуть и употребить для вскрытия тушёнки, колки дров, самообороны в ближнем бою (у меня в Клязьме такой был – удобная штука). А тут штык в виде шила, который к тому же не снимался (иначе давно бы потерялся), только складывался вдоль ствола. Годится в сгущенке две дырки пробить.

Вы думаете это всё, что на мне было? Нет! На груди у меня болтался в футляре мощный (8-ми кратный) цейсовский бинокль. Птицу-зверя выглядывать. Крест-накрест висели фотоаппарат Zenit с большим объективом-портретником и кинокамера на 8-мм плёнку. В кармане был транзисторный приёмник, чтоб слушать Голос Америки и Свободу.

И всё это великолепиие грохнулось вместе со мной.

На тропе, в которую превратился зимник, лежала девичья лента. Я её не заметил, но её заметил Сатера. И совершил скачёр. Но не вперёд или в бок, а по диагонали – и вперёд и в бок, активно поднялся на дыбы, а потом – упал на передние колени. Естественно, меня с него снесло. Раздался звон костей и чего-то ещё. Говорят, существуют отстёгивающиеся стремяна, металлические я видел сам, но у меня были верёвочные, причём в виде петель. Ноги оказались привязанными, я повис вниз головой и начал ею пересчитывать корни, пни и кочки, через которые скакал мой конь. Голова у меня, конечно, крепкая, но всё же... К счастью, далеко мы не продвинулись. Сатера застрял в мелких, но прочных листовенницах. Родео кончилось. Меня извлекли из-под коня и водрузили на место (собрав рассыпанные патроны и детали амуниции).

Караван двинулся дальше.

Лошади скользили по грязи, стараясь выйти на суши, они прижимались к деревьям. Мы сгибались к лошадиным гривам, отстраняли от себя сухие сучья и колючие ветки листовенниц. Эти сучья до крови царапали лошадей, всадников, разрывали вьючные сумы. Запросто глаза лишишься. Несколько раз больно саданул коленом по стволу. Хорошо хоть не произошёл казус, что так любят рассказывать геологи. Байка такая: один молодой любил отбиваться от каравана и гарцевать по округе. Однажды из леса раздались его призывы к помощи. Изумленные зрители обнаружили путешественника висящем на здоровенном суку. Сук задел его за ремень на спине и сдёрнул с седла. Лошадь спокойно паслась неподалеку от всадника. Со мной такого не случилось. Может быть потому, что у меня ремней снаружи не было. По случаю дождя я с ног до головы был укутан плащ-палаткой.

Караван останавливался чуть ли не каждые 10 минут. Очередная вьючная лошадь лежит на боку, взбрыкивая задними ногами. Нужно спешиться, расседлать её, перенести

груз на сухое место, лошадь вытащить из грязи, поставить на ноги, снова навьючить и включить в караван. И так всю дорогу.

Двигались шагом, довольно медленно. К середине дня стало понятно, что цель далеко, нужно торопиться. Перешли на рысь. Тут уместно заметить, что предоставленная самой себе лошадь рысью не перемещается, только шаг да галоп. Рыси лошадь надо учить специально. Наши, конечно, знали этот аллюр, но за зиму забыли. Теперь им напомнили. К моей досаде. Я трясся во всех плоскостях, всё на меня навешенное отлетало и колотило, не только обижая задницу, но и стирая ляжки ног. Не знаю как, но на мерине я усидел. Однако не выдержали выюки пристяжных каюра. Они посыпались в лужи. Лошади испуганно рванули, так что Афонас мгновенно оказался в клубке связанных лошадей. Теперь уже его пришлось извлекать на свободу. Я не спешил, а то вновь не залезу. В конце-концов всё поправили и караван продолжил путь.

Сатера взбрыкивал ещё несколько раз и каждый раз я летел на землю. Затем я уже грохнулся сам, перелетев через коня.

*Прекрасно, что пружинной, в не ношей
всё тело ощущаешь ты своё,
но прыгая, однако же, на лошадь,
не стоит перепрыгивать её.*

В те времена стихов И. Губермана я не знал, вот и перепрыгнул.

Ближе к вечеру нам навстречу попался одинокий всадник – якут. Он приветствовал Афонаса Николаевича. Началось капсе.

Капсе

Давай поговорим... так, ни о чём

Капсе – бич якутских экспедиций. Идёшь караваном. Дождь, мошка, комарик. Навстречу человек. Каюр издаёт радостный звук, и вот они спешили, сели на корточки, меж ними костерок с надеждой на чай. Неспешный разговор за жизнь. Капсе!

«У якутов есть обычай, когда приходит гость, он начинает свою речь со слов «капсе», «ну, рассказывай». А хозяева отвечают: «нам нечего рассказывать, ты рассказывай». А тот им снова – «капсе» – «мне что рассказывать, вы рассказывайте...»

Первая кружка чая идёт под лозунгом: "Давно не встречались", вторая – "Редко встречаемся", третья "Когда ещё встретимся?"

- Капсе бар?

- Бар капсе

Но не сразу. Сначала каждый должен выкурить свою трубку.

Понятно: кто понял жизнь спешить не будет, а суетливая белка на стрелу налетает.

Капсе длится долго.

Хоть песни пой, хоть спать ложись.

В конце концов конференция кончилась и мы двинулись дальше.

Каюр затянул длинную, длинную песню. Довольно тоскливую.

Командировка

*Года неправедных гонений
сочат незримый сок заразы,
и в дух грядущих поколений*

ползут глухие метастазы.

Зимник вихляя стал углубляться в сопки. Начался подъём. Дорога всё также разбита, но стала сухой, несмотря на дождь всё моросивший и моросивший. Цвет у неё кирпичный. Двигались по распадку, по-над небольшой, но бодрой речке.

Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства (И.Сталин).

Всё как-то сыро, мокро, стекают ручейки. Тонкие чахлые деревья, как лагерники-доходяги, стелется по земле кедровый стланик, но нет-нет, а блеснёт подснежник. Ближайшие сопки в тумане верхушки деревьев поломаны. Не выдерживают сырого снега.

Возникли ряды колючей проволоки и мы прибыли в лагерь. Не в постоянный лагерь, а в командировку.

Каюр остался с лошадьми, а мы пошли на экскурсию. Лагерь располагался в лощине между холмами, на берегу речки. Три дома, один сравнительно большой, два поменьше, несколько сараев. Все строения деревянные. Никто специально ничего не ломал, но климат и природа делали своё дело. Что-то уже полностью разрушилось и лежало на земле, прорастая травой, кустарником и даже деревьями, что-то сильно наклонилось и грозило рухнуть, а что-то стояло вполне прочно и

приглашало зайти.

Две вышки на противоположных углах по периметру зоны, одна полностью разрушена, другая ещё стояла на четырех ногах, но сильно накренилась, хотя крытый навес на ней был ещё цел. На неё вела приставная лестница. Почему-то именно эта вышка навевала смертельную тоску, которая изредка наваливалась на меня всю последующую жизнь. На земле валялся плакат "мы строим коммунизм", рядом с ним окованная железом дверь с глазком.

Этот временный исправительно-трудовой лагерь был развернут для оконтуривания месторождения касситерита, определения его запасов. В одном из холмов была пробита штольня. Но, видимо, надежды не оправдались и лагерь свернули. У сарая валялся бур, кто-то хотел его утащить, но бросил. Имелись и действующие металлические весы. Практически на всех остатках оборудования – иностранные надписи: на тракторе – “Chicago”, на охотничьей лыже – “Хаихардах”, на электроизоляторе – “WABAG”. Несколько пустых банок из под колбасных консервов “made in USA”. Центральный рудник и более мелкие заработали в 1943 благодаря поставкам оборудования и продуктов из Америки по Ленд-лизу. И то правда: тут до США существенно ближе, чем до Москвы.

Был тут и огромный котел, в котором варили кашу для заключенных.

Забугорные консервные банки использовались широко. Из жести была изготовлена маслёнка и лампа-фара. Из разогнутой жести клепали большие листы, на каждый из которых требовалось несколько десятков, а то и сотен банок. И многие десятки таких листов были уложены на стропила барака. Трудов на это, видимо, было затрачено много. Бочки тоже в дело шли - в первую очередь на изготовление печек-буржук.

Небольшой барак из трёх помещений – тамбур, в метр шириной расположен по длинной стене домика. Из него два входа – один в комнату побольше, другой в маленькую комнату со сплошными нарами. Изнутри маленькая комната обита толстой мелкоячеистой металлической сеткой, вместо окна вырезанный в стене кусочек нетолстого бревна, в который даже голову просунуть нельзя. На всякий случай отверстие закрыто мощной решёткой. В тамбуре имеется печка, она

отапливала всё помещение, тепло проходило сквозь решётчатые двери в обе комнаты. Потолки очень низкие (для сохранения тепла, или стройматериала было мало), так что стоять можно было только сильно согнувшись. Одна комната служила казармой для солдат, в ней находились двухъярусные железные кровати и деревянный шкаф с красной звездой на дверях для оружия охраны. На одной стене синей краской по штукатурке нанесено незамысловатое декоративное украшение. Внутри стены обклеены плакатами и газетами конца сороковых годов. С удовольствием бы почитал, да некогда. В глаза бросилась надпись: “Труд, лишённый свободы, является основным методом исправления в минимальный срок любого правонарушителя”. Много различных надписей, в том числе и не на русском языке, прочесть их из-за темноты и плохой сохранности было сложно. В другой комнате потолки были повыше, трёхэтажные нары из тонких круглых неошкуренных стволов лиственницы. На коре гвоздями или какими другими острыми предметами вырезаны фамилии, имена, кликухи, степени и звания горняков по неволе. Валяется штопаная рубаха из грубого брезента. Вокруг барака разбросана эмалированная посуда, постепенно поглощаемая мхом. Всюду, и в строениях и вокруг, на кустарнике обилие шерсти и помёта горных баранов, вероятно, они используют творения рук человека как укрытие в непогоду. И в лагере и на склонах сопки обилие бараньих троп.

Грустно как-то. Возможно, из-за затянутого облаками неба и тумана севшего в распадки.

Перспектива – долгая непогода.

Зимник

Дождь усилился. Комаров и до того было немало, а тут налетела туча. Масть лошади уже определить трудно. Если по крупу коня ударить ладонью, то возникал

кровавый след в форме ладони. Я махал веткой, как вентилятор, но это не помогало. Пришлось натянуть на голову капюшон плаща и оставить малую щель. Торчащий из неё нос смазал репудином – едкой жидкостью, от которой щипало глаза (потом эта жидкость растворила ремешок часов и покрыло стекло часов мелкой сеткой трещин). Всё равно, морда от комаров распухла, страшно чесалась, глаза превратились в щелочки, я стал похож на китайца. Перестал воспринимать действительность.

*Наши кони или понуро,
Слабо чуя повода
Ночь звенела стременами,
Волочились повода
И Меркурий плыл над нами –
Иностранная звезда*

Но, наконец, мы достигли зимника на берегу Адычи, довольно крутому с прожилками льда типа торт-наполеон.

Сатера резко тормознул и я в очередной раз свалился с него.

Развьючили, расседлали коней, перетасили ценные вещи в дом, остальные покрыли брезентом и привалили камнями. Лошади, от которых шёл пар и пена, тяжело дышали. Их оставили под попонами на час, потом каюр их стреножил и они попрыгали на водопой, где и встали по пояс в воде, спасаясь от комаров.

Мы же расположились в зимнике. На импровизированном столе стояла плошка, полная медвежьего жира, фитиль в ней ссучен из медвежьей же шерсти. Светильник нам не нужен. Солнце светило как днём, правда, в помещении было темновато: окошко очень маленькое (зато со стеклом, а не с рыбьим пузырьём). В углу валялись металлические капканы на разную дичь и волосяные силки на белок. Нам это не надо. А вот наколотые сухие дрова (кто-то о нас позаботился!) - то, что надо. Лично растопил печку-буржуйку, изготовленную из бензиновой бочки, хотя такую конструкцию встретил впервые. Бросили спальники на нары (тонкие жерди, уложенные на камни), а сами сели вечерять. Плеснули в кружки немного спирта (привет химфаку), выпили за начало поля, запили холодной водой. Похорошело.

Печка быстро нагрелась, стало тепло. Начали раздеваться, я – до рубашки, а каюр обнажил торс.

Глянул я, и подивился.

Троцкист

*Сидит Троцкий на берёзе, сидит Ленин на ели.
До чего они, прохвосты, всю Россию довели!*

Сидим в зимнике. Топим печь, чай гоняем.

Молчим. Чавканье, чмоканье и монотонные удары. Каждый, расположив на ладони глыбу сахара, лупил по ней обратной стороной кинжала, пытаясь отбить кусок. Летели искры.

– Жарко, однако! – проворчал каюр.

Я поднял глаза и обомлел. Передо мной сидел голый якут, весь покрытый татуировкой. Мужиков с татуировкой я видел много, но якута – никогда. Центральный образ представлял собой портрет обнаженной женщины в натуральный рост. На остальной части тела располагались фразы, газетные статьи с иллюстрациями, портреты, пейзажи, натюрморты и целые композиции. При малейшем напряжении мышц все приходило в движение. Сталин хмурился и шевелил усами, дама подмигивала и качала бюстом. Тут были собраны лозунги всех партий России, начиная с декабристов. Были тексты из Евангелия, Талмуда и Корана, некоторые почему-то вверх ногами. Были афоризмы, причем на разных языках, в том числе – на санскрите. Пословицы и поговорки, графики и формулы. Стихи известные и доморощенные. Отрывки из рукописей со следами сильных правок. Бухгалтерские расчёты. Чертежи и карта окрестностей Алдана. Магические знаки. На спине Иван Грозный убивал своего сына.

Блатной еврей!!

???

– Курить люблю, однако, – пояснил каюр и потянулся за моими сигаретами.

– ???!

– Троцкистом был!

– ???!

– Молодым учился. Комсоргом стал. Взяли, троцкистом назвали, и повели с Лены пешком сюда в Эге-Хая олово добывать. Сначала 10 лет дали, потом ещё 10, потом пустили – ходи. Вот хожу, вас вожу. Умирать скоро. Больших людей видел – шибко умных. Памятью их был, записной книжкой.

Но Троцкого так и не встретил!

Так пусть же Красная

Сжимает властно

Свой штык мозолистой рукой,

С отрядом флотских

Товарищ Троцкий

Нас поведёт на смертный бой!

Переправа

Переправа, переправа!

*Берег левый, берег правый,
снег шершавый, кромка льда.*

Кому память, кому слава,

Кому тёмная вода, -

Ни приметы, ни следа.

Растрясло меня сильно. Завалился спать, даже не почитав Сагу.

Утром всё тело чесалось от атак комаров, болели синяки и потёртости, ноги приняли форму арки, видимо, чтобы удобнее было обнимать бензиновую бочку. Однако надо вставать – день обещал быть тяжёлым.

Каюр уже сидел у печи, которую снова растопил, и изготавливал мне стремени. На полу лежал пучок ивовых прутьев. Афонас выбирал один, обрывал листья, и нагревал над плитой, меняя его форму. В конце концов получалось нечто вроде круга, а после деформации возникало подобие железного стремени. Кольцо фиксировалось капроновым шнурком и крепилось к канату. Такое стремя

гораздо удобнее, той петли, что была у меня вчера. Служило оно неделю, после чего производство возобновлялось, благо материал был доступен и бесплатен.

У Адычи берег крутой.

Стали готовиться к переправе. Моста, однако, нет, придётся плыть. Ширина Адычи метров 200, река, конечно, не горная, но течение сильное, как в Оке. Снесёт существенно. Конечно, если плыть с лошадью, то меньше. Вы с лошадью заплывы устраивали? Я лично нет. Она же брыкается, поди, убьёт нахрен. Да и вода холодная, иной раз льдины проплывают. Поневоле задумаешься.

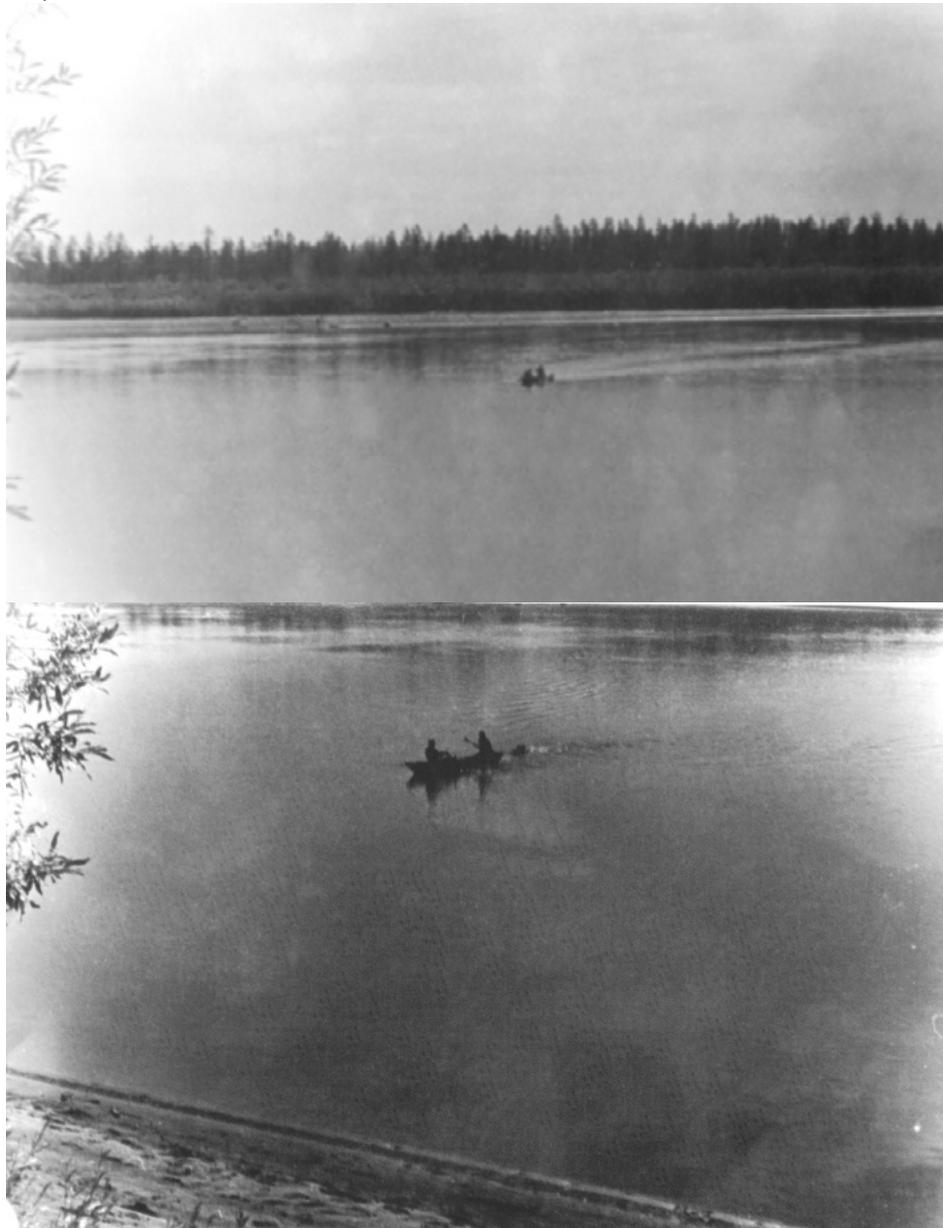
Плыть не придётся. Каюр пошарил в зарослях тростника и вытащил лодку. Я бы её никогда не нашёл. Он вышел к нам, держа её на плече. Она была лёгкой, хотя довольно

длинной, метров пять. Но очень узкой и с тонкими стенками: доски и берёзовая кора, пропитанные смолой.

– Веточка, – пояснил каюр.

Я бы сказал – целая ветка, длина как у байдарки двухместной. Дно полукруглое, сама она очень вёртка, всегда готова к оверкилю. Пока грузили шмотки и грузились сами, она самым откровенным образом пыталась перевернуться. Посудина была узкой. Когда я во время испытаний плюхнулся ей на дно, то так заклинился бёдрами, что не смог вылезти обратно, с трудом меня извлекли. Вьючники, спальники, палатки, ещё как-то помещались, но вьючные ящики и сёдла отказывались лезть в лодку категорически. Долго мы пыхтели, разрешая противоречия. Я по глупости надел резиновые сапоги, они, конечно, заполнились водой. Пришлось снять и бегать по воде в кедах. Из них хоть вода быстро выливалась.

Наконец, что-то погрузили, я разместился на носу (на баке!), каюр на конце (на корме!). Лодка сразу просела, в неё начала поступать вода, особенно, когда она качалась при гребле. Каюр вооружился двулопастным деревянным веслом и мы было тронулись. Но вспомнили, что лошадь забыли!

Каюр пригласил свою лошадь поплыть с нами, не в лодке, конечно, а самостоятельно. Та оказалась. Категорически! Второй раз позвали, эффект тот же. Тогда Анатолий разбежался и спихнул коня в воду, крепко врезав вслед камчой по крупу. Мерин вздохнул "Чёрт с вами, паскуды" и бодро поплыл на другой берег. Каюр привязал повод к корме, весло замелькало лопастями, как пропеллер. Надо было быть акробатом, чтобы управлять этим судном. Оно юлило по курсу и качало бортами, черпая воду. Мы заметно оседали, и было интересно: достигнем мы противоположный берег, или пополним кладбище затонувших кораблей. Лодку направляли вверх по течению, но нас всё же снесло, хотя и не сильно. Лошадь интенсивно двигала копытами, так что за нами оставался след, как от торпедного катера. Могла бы и нас подтолкнуть, вон как голову поднимает.

Переплыли благополучно, разгрузились. Я оттащил шмотки подальше от берега и что-то вынул для просушки. Хорошо, что дождя не было – только его не хватало. Афонас поплыл обратно и следующим рейсом доставил шефиню и еще одну лошадь. Так, Анатолий грузил, я разгружал, каюр мотался туда-сюда, а АС давала советы. Граф крутился вокруг лодки, подловив момент, вскочил в неё и переправился на халяву. Барон с транспортным средством связываться не стал, а переплыл Адычу самостоятельно. Снесло его километра на два и он дал галопа вдоль берега с громким лаем.

Переправились! Теперь всё. Цивилизация осталась за рекой. Второй лодки там нет. Нас не догонишь!

Феликс Дзержинский

Дождик, дождик, перестань -

Мы поедem в Аристань!..

Раздалось пыхтенье и из-за поворота появился пароход. И какой! Колёсный! Много я видал разных кораблей, но колесных – никогда. Появись сейчас царская карета, запряжённая цугом, я и то меньше бы удивился. Колесный пароход я видел только в фильме Волга-Волга и то, как сатиру. А здесь был настоящий довольно большой, глубоко сидящий и видимо сильно гружённый корабль. Он упорно шёл против течения.

По реке плывёт утюг

Из города Кукуева.

Ты плыви себе плыви

Железяка Суева!

Утюг назывался "Феликс Дзержинский" (и кириллицей и латиницей). А как по вашему должно называться судно, 40 лет развозящее по лагерям всех напросившихся на трудовое перевоспитание?! Конечно в честь инициатора советских лагерей, в честь борца

за счастье народа, отбывшего за это каторгу и ссылку в Сибири.

По Яне шёл колёсный пароход доисторической постройки.

Старик выглядел прилично: очищен, покрашен. Длинная и толстая труба дымила каким-то аномально чёрным дымом, огромные колёса величаво вращались и били по воде. На поворотах раздавался мощный гудок.

Это, чтоб встречные суда уступали дорогу. Их, правда, не было.

Прошёл он близко от нас, мы хорошо его рассмотрели

Пароход был сильно загружен, сидел глубоко. Были и пассажиры. В немногочисленных каютах располагались европейцы-геологи и азиаты-начальники, местные администраторы, а может и скотоводы какие, кто их разберёт. На корме, за сеткой (издали казалось – в клетке) сидели заключённые (то ли уголовники, то ли диссиденты).

Эх, яблочко,

Катись парами,

Будем рыб кормить

Комиссарами.

Пароход идет,

Круги кольцами,

Будем рыбу мы кормить

Комсомольцами

Эх, яблочко,

Цвета спелого,

Слева красного бьём,

Справа — белого.

Кто-то помахал нам рукой. Мы ответили.

– Счастливой отсидки, ребята, – крикнул им Анатолий, и обращаясь ко мне добавил, – может, хоть тут принесут пользу стране и людям. Если каждый добудет килограмм десять сурьмы или вольфрама будет хорошо. Труд из этих обезьян сделает человека.

Ах, яблочко,

Сбоку зелено.

Пойдём кутим по нагану,

Убьём Ленина.

Первый привал

У солдата где привал, там и хата.

Ещё шла переправа, а я уже начал разбивать лагерь. Преодолею мощный залом погибших деревьев на берегу (его бы в Батагай, а то тут только мешаются: к воде не подойдёшь). Выбрал сухое место на опушке и принялся за дело. Поставил три палатки (обычно палатку ставят вдвоём, но я могу и один): одну нам с Анатолием побольше и две

поменьше Анастасии Семёновне и Афонасу Николаевичу, постелил кошмы с лошадей, раскатал спальники и затащил личные рюкзаки ("Сага" подмокла, пришлось сушить).

Марлевые пологи каждый натягивает себе сам, по своему вкусу. Одному ставить палатку не очень удобно, но я умею. Хорошо бы над ними натянуть тенты от дождя, но тентов у нас не было.

Лагерный нож в действии.

Начал заготавливать дрова для костра и разводить огонь. Орудовал я большим лагерным ножом (не в том смысле, что изготавливают его заключённые в лагерях для своих нужд (всегда кого-то зарезать надо), а в том, что с ним якобы удобно организовывать лагерь. Не верьте! С немецким штыком куда лучше). Интересен мне был якутский нож, что висел на поясе каюра, но попросить постеснялся.

Но поговорить мы о нём можем.

Конечно, лагерный нож довольно тяжёл и клинок к него длинный, им и рубить можно, и резать, и разделять тушу, и прочен он. Но далеко ему до немецкого штыка, ох далеко. Золинген есть Золинген. Есть сталь и всё остальное, в том числе – нож лагерный.

Якутский нож – отработанная веками конструкция. Сталь у него хуже немецкой, но для работы он с деревом, шкурами, кожами, с мясом (со свежем или мороженным). Им можно рубить лёд, отделять мясо от кости, строгать мороженую рыбу, чинить сломанные нарты, ну и зарезать кого при случае. Не зря ведь кузнечное ремесло человек получил от зловещего божества Кыдаай Максина, вождя-кузнеца преисподней. Прикоснёшься таким клинком к медведю или другому зверю – тотчас падает он мертвым.

Существует три вида охотничьих ножей: малый охотничий с клинком 12–14 см, средний с клинком 16–18 см и крупный с клинком до 25 см.

Якутский нож, с прямой и тупой спинкой имеет острый конец и слегка выпуклое лезвие. Характерная черта якутского ножа — наличие широкого желоба только с одной стороны клинка. Из-за этого клинок получается немного выпуклым с одной стороны и вогнутым с другой. Якутский нож предназначен для охоты, поэтому желобок необходим для стока крови; или для запуска воздуха, пузырьки которого закупоривают сосуды и останавливают поток крови. Кроме того, желобок придаёт ножу прочность, такой инструмент менее ломкий. У клинка боковые грани асимметричны: если держать нож рукоятку к себе, клинком наружу, то левая сторона ножа гладкая, слегка выпуклая, правая — прямая с продольным желобком в центральной части. Работают ножом выпуклой стороной к себе. Поскольку при работе с ножом важно, чтобы нож не «зарывался» вглубь обрабатываемого изделия, то затачивается рабочая левая выпуклая сторона ножа, не имеющая желобка, с другой лишь снимается заусенец. Его легко заточить подручными материалами, например, о речную гальку. На рубящих инструментах, таких, как якутская пальма, осуществляется правосторонняя заточка

Рукоять ножа вырезается из цельного куска березового капа — очень крепкой древесины с богатой текстурой. Она ровная, лишена каких-либо упоров; длина на 1/2 больше ширины мужской ладони: ~13–15 см. С длинной рукояткой удобнее работать на морозе в рукавицах, и за счёт удлиненного рычага повышается рубкость ножа. В сечении рукоять напоминает яйцо. Такая форма выбрана для того, чтобы во время некоторых работ нож не проворачивался в руке. Способ монтажа клинка в рукоять делает нож ремонтпригодным. Сначала продельвается широкое центральное отверстие и заостренный хвостовик вбивается в рукоятку. Затем по бокам клинка вставляются клинья

из мягкой древесины. Их распирают, и они зажимают клинок в рукоятке. Для того чтобы защитить от влаги деревянную рукоять, ее пропитывают специальными маслами.

Ножны у якутского ножа просты и функциональны. Изготавливаются из бычьего хвоста, снятого чулком, и вставленного в него деревянного вкладыша. Нож утапливается в кожаные ножны на 1/3 рукояти и фиксируется там за счет трения. Клинок свободно висит в деревянном вкладыше внутри ножен. Это даёт возможность свободно вкладывать и вынимать нож с клинком, на который намерзают кровь и жир при разделки дичи зимой. Важно, что якутский нож можно извлекать одной рукой, упираясь большим пальцем в устье ножен. Ножны носят на поясе, на свободном подвесе из кожаного ремешка в положении от наклонного до горизонтального.

Я уже говорил, что у каюра была ещё пальма – большой нож на длинном древке.

Как я потом узнал, по-якутски она называется батыя (короткий вариант – *хотокон*, средний – *батыга*, длинный – *батас*). Длина древка обычно 1 м. Металлический наконечник пальмы (длина 30 см) отличается скруглённым лезвием и прямо направленным остриём, клинок в сечении треугольный. Оружие выполняет функции копья, посоха оленьего пастуха, ножа и топора. Наш каюр им расчищал тропу для каравана. Путепролагателем трудился.

Пальма – важное охотничье оружие, особенно при забое оленей во время переправы. Раньше оно и для войны годилось (якуты много воевали).

Не думал я, что увижу якутскую пальму в борьбе и обороне.

Но пришлось.

Якутская пальма и нож.

Здесь мы должны пожить несколько дней, поэтому лагерь разбили основательно. В принципе, я умел это делать – имел опыт школьных походов.

Но здесь оказалась своя специфика – в почву ничего не забьёшь. Вечная мерзлота! Я это обнаружил сразу, как только стал устанавливать палатки. Дюралевые колышки, которые мы не поленились привезти из Москвы, отказались входить в почву даже на сантиметр. Пришлось бродить по берегу, собирать булыжники и уже ими растягивать растяжки. Та же проблема возникла с костром. В Подмоскovie мы обычно вырывали небольшую яму, с тем чтобы пламя не сносило ветром и можно было готовить, уклоняясь от дыма. Здесь же о яме не могло быть и речи: мерзлота. Рогатины для основной перекладки тоже вбиваться не стали. Пришлось опять таскать камни. Обложил ими место для костра, с северной (наветренной) стороны оставил отверстие для притока воздуха. Соорудил два каменных тура, на них укрепил бревнышко из живой ели; на неё повесил три ведра с водой: суп, каша и вода для мытья посуды. По берегам имелись залежи плавника, горел он хорошо и не было необходимости валить окрестный лес. Натаскал и в костер и про запас. Пионерский костер зажигается шалашиком, он весело горит, через него удобно прыгать. Но тут надо ведра кипятить и кипятить долго. Поэтому соорудил колодец – узкий и длинный. Сложил паленья срубом, в центр его напихал кору, старую траву и мелкие сухие веточки, и запалил. Загорелось с одной спички. Получилось низкое и широкое пламя. То, что доктор прописал. Когда обед был почти готов, тип костра я поменял на "таёжный" или "охотничий" – не знаю, как он точно называется. Выбрал из плавника три бревна, диаметром в четверть метра, сделал топором глубокие насечки на них, уложил друг на друга, проложив щепками. Такой костер горит часов 10 сам собой, без всяких хлопот с моей стороны. Уже когда собрались на боковую, переделал костер в нодью. Пила у меня есть – напилел несколько брёвен. Нодья горит слабо, но долго, давая тепло всю ночь. Обычно используют два бревна,

которые укладывают горизонтально одно над другим, огонь разжигают между ними. Но такую конструкцию удерживают кольями, которые забивают в землю. Здесь, однако, мерзлота - ничего никуда не вобьёшь. Поэтому использовал три бревна: два лежат на земле, одно сверху, в зазоре между ними.

Каюр, в принципе, ел нашу пищу, но тем не менее всегда разводил свой собственный костерок. Он устанавливал треногу из сырых палок и на цепочке с крючком вешал небольшой котелок. В нём постоянно что-то кипело. Что не знаю. На этом костре он делал нечто вроде шашлыка из дичи или рыбы, а потом, практически на пепле приготавливал лепёшки.

Нодья горит всю ночь.

В дальнейшем каждый новый день мы стараниями Афонаса Николаевича начинали с завтрака по-якутски: крепкий горячий чай от пуза и горячие толстые лепёшки. Как они

получались до сих пор не знаю: у нас не было дрожжей, ни соды. Разве для теста не нужно что-то в этом духе? Каюр пёк не блины и не оладьи, как наша домработница на керогазе, а лепёшки, толстые (2 см толщиной) и на костре – неустойчивом источнике огня и тепла. Почему они не подгорали, а равномерно пропекались по всей толщине и сверху покрывались аппетитной корочкой? Первое время у нас было топленое масло, но потом его не стало, исчезла и сковородка. Но это принципиально не сказалось на процессе: каюр невозмутимо выдавал лепёшки, выпекая их прямо на золе.

Мои неоднократные попытки освоить эту на первый взгляд примитивную технологию окончились полным крахом.

Поев он остатки пищи, вместо того, чтобы отдать их собакам, бросал в костёр. Чтобы поблагодарить духа огня. Заметив, что я ворошу ножом поленья, от предупредил: нельзя тыкать ножом в огонь, выколешь глаза хозяину огня, добрый дух ослепнет, и что тогда? Как без него жить будем?

Пока была сгущенка, пили чай с молоком (а я и с сахаром), в конце экспедиции - чистый чай. Пока и он не кончился...

В поле мы перекусывали теми же лепёшками (они черствели на глазах) и запивали холодным чаем из кружек. Основная еда вечером, перед сном.

Первый наш обед в поле готовила Анастасия Семёновна. У нас ещё были Батагайские запасы, обед получился, хоть и с дымком, но городским. На первое – украинский борщ из стеклянной банки, на второе – гречневая каша с тушёной, на третье – чай (индийский со слонем!). У нас даже был хлеб (следующий раз я хлеб европейского типа попробовал только через четыре месяца).

За всю свою сравнительно долгую жизнь, не обедал я с таким удовольствием.

Когда я ем, я глух и нем, хитер и быстр, и дьявольски умён!

Солнышко припекало, я уселся на подходящую кочку, прислонился к большому камню и хлебал борщ большой ложкой в складном ноже. Занятие это не простое, ибо проходило в облаке комаров. Мало того, что они кусались, они лезли в рот, так что не понятно было: ты собственно чем питаешься: супом или комарами? Но главное – они мгновенно покрывали жидкость толстым сплошным слоем, так что приходилось черпать суп из-под ледяного покрова. Надел накомарник, натянул его на миску и высосал борщ уже без ложки.

К моему удивлению за "столом" сидел (полулежал как патриций) только я. Все остальные ели стоя! С чего бы это? А с того, что мерзлота! У воды теплоёмкость большая. Интересно, что в следующей экспедиции я ел сидя на свернутом спальнике, или бауле подходящем, на третьей – сидя на корточках, а на четвёртой – стоя во весь рост. Чего и вам советую. Будете сидеть на мерзлоте – в третьей экспедиции вам не бывать, вместо неё

будете лежать в больнице с воспалением почек, радикулитом или ишиасом каким.

Засиделись у костра. Тепло и дым комаров отгоняет. Был бы с друзьями – пели бы песни. Что-нибудь типа:

*Дым костра создаёт уют
Искры гаснут в полёте сами.
Пять ребят о любви поют.
Чуть охрипшими голосами.*

Дым был, охрипшие голоса были, но парней не было. Петть некому, тем более – о любви.

Барон был уже стар.

Я учился грамотно отбивать обратной стороной кинжала куски от глыбы сахара. Важно было не отбить

себе палец и не потерять разлетающиеся осколки. Пил, как купец, в прикуску и отдуваясь. Ленивый разговор, разбор полётов, планы на завтра, нравоучения старших (дедовщина), мелочи быта. Хотелось расспросить Афонаса о лагерной жизни, об оловянных шахтах, о месте якутов в европейской братве (уголовной и политической). В местных тюрьмах русские преследуют якутов, или якуты – русских (в Батагае милиция в основном якутская, а охрана в лагерях какой национальности)? На эти интересные вопросы ответов я не получил. Потому как не задал. Каюр никогда не упоминал о лагерях.

О его подвигах я узнал позже.

Окончив трапезу, я откинулся на кучу барахла и с удовольствием вытянулся во весь рост. Тут же вмешалась АС: она как начала читать мне нотации и учить жизни при посадке в самолёт в Москве, так и продолжала всю дорогу. Теперь она объяснила, как опасно откидываться после еды. Желудочный сок попадёт в дыхательное горло и конец! Рассказала была про одного геолога, который при ней таким способом отправился на тот свет. Я впечатлился, но менять позу не стал:

Кот Васька слушает, да ест...

Пора было на боковую. Я изготовил из консервных банок две миски, положил в них остатки каши с тушёнкой, разместил их по обе стороны палатки: одну для Барона и одну для Графа. Те восприняли это с благодарностью. Но возник каюр. Он решительно выбросил кашу в костер.

– Игор! Собака – животное умное, сама себе найдёт пропитание!

Граф спереди – овчарка, сзади – лайка.

Оказывается, собаку кормить нельзя: будет жить на халяву, заленится охотиться. И, действительно, собак мы не кормили (я, правда, по диссидентской

привычке их слегка подкармливал, пока никто не видит), они исхитрялись охотиться и питаться, делая броски в стороны от нашего неспешного каравана.

Собаки сами вызвались нас сопровождать. Они знали на что идут.

Барон был породист – Восточно-Сибирская лайка. Между прочим, самая крупная из охотничьих лаек, существенно крупнее Западно-Сибирской. Универсал: годен для охоты на дичь, пушного зверя, крупного зверя и для упряжки. Уши стоячие, подвижные, треугольной формы, с острыми вершинами, находятся на уровне глаз, не очень высоко поставленные. Умеренно косые тёмнокоричневые глаза. Крупные белые зубы, прикус, как ножницы. Мускулистая шея. Хвост кольцом загнут на спину. Барона приятно было гладить – шерсть жёсткая, грубая, с мягким, плотным подшерстком; на голове, ушах короткая, на шее и плечах пышная, в виде воротника. Серьёзный рабочий пёс: хоть на охоту, хоть в упряжку. Самостоятельный, даже слишком. Хозяина слушал, но решения принимал сам. "Радиус прогулки" у него был большой. Он часто и по долгу исчезал; где был, чем занимался, мы не знали. Барон был уже стар, характер имел уравновешенный, но подвижный. Охотничью страсть ещё не потерял.

Граф – молодой пёс, типичный холерик. Большой любитель ловить свой хвост, вертаться на месте. Дальние предки, видимо, были лайками, но потом бабушки и мама согрешили с немецкими (восточно-европейскими) овчарками, служившими в охране лагерей. Поэтому был он высок и длинен, на овчарку похож, но хвост предательски скручивался, намекая, что порода лаек ему не чужда. Команд он слушался хорошо, от каравана далеко не отходил, всегда был готов защитить хозяина и территорию. Но охотник он был плохой, и по этой причине, а также по молодости лет был постоянно голоден. Потому иногда отнимал у Барона пойманную тем добычу. За что был бит камчой каюром.

Я пытался играть с собаками. Кидал палку и командовал:

- Апорт, Апорт!

Граф с радостью бросался за палкой, искал её в кустах, приносил, но долго не отдавал - каждый тянул к себе и пытался отобрать. Когда это ему удавалось - он был горд и счастлив. Барон на палкой не бегал, смотрел на нас насмешливо-снисходительно.

Барон спал у палатки Афонаса, а Граф – у моей. Он приваливался снаружи к стенке палатки, ночью уворачивался от дождя, постепенно сдвигал плохо укреплённый камешками пол и оказывался внутри. Так что я имел удовольствие просыпаться лёжа под ним. Или на нём. Ногам было тепло.

Долго я готовился ко сну, боролся со спальником, пологом, застёжками палатки. Охотился на комаров. Модернизировал процесс – зажёл свечку и вода по неровностям крыши сжёг всех кровососов. Чтобы заснуть без постоянного писка паршивцев. К утру они опять набились в палатку, но пора было вставать.

Ночь прошла в постоянно налетающих косяках дождя, в тревожном шуме тайги. Тайга гудела тяжело и властно, барабанил по крыше палатки, доносились чьи-то вздохи, вскрики, стоны, проверещал зайчишка, изредка подходили лошади и задевали стропы палатки, недалеко свалилось дерево, пищали комары, а поутру жужжал неизвестно откуда взявшийся шмель.

По зарослям кедрача много не побродишь.

*На природе**И стебелёк травы достоин великого мира, в котором он растёт.**Рабиндранат Тагор*

После завтрака мы разошлись.

АС взяла молоток и пошла сшибать камни по-над речкой, а Анатолий – удить рыбу (не понял каким образом, у него ни спиннинга, ни удочки. Даже червячка завалиющего нет: не водятся они в мерзлоте почему-то. Мне он не очень охотно, но объяснил, что здесь европейские хитрости ни к чему. Из лозы вырезаешь удочку, крепишь к ней леску, поплавок из пробки от вермута и крючок. Никаких тебе грузил, блёсен, катушек и прочих пижонских прелестей. Мормышки, мотыля и червя с гусеницей тоже не надо. Ловим на мушку. Анатолий вынул нож и настриг шерсти нескольких сортов: лошади – грива-хвост, собаки – шерсть и хвост, собственная прядь волос. Пучки волос он привязал к крючкам. Это и есть мушки, к мухам живым отношение не имеющие.

Я проводил его к месту ловли. Оно оказалось не на Адыче, а на её притоке – неширокой речке с быстрым течением. Техника ловли проста: мушка забрасывается вверх по течению, её быстро сносит вниз (видно по поплавку), она выдергивается и вновь забрасывается. И так раз за разом. Это вам не на Клязьме сидеть в камышах и дремать. Тут работать надо. Мушка постоянно должна плыть по воде, чтобы рыбе было удобнее выскакивать и глотать крючок.

Пол часа результата не дали и я пошёл на охоту.

Двинулись мы в паре с Афонасом. Я с двустволкой-тулкой, а он, не с карабином, как я надеялся, предвкушая встречу с медведем, а с одноствольным ружьём, который я тут же обозвал винчестером, так как на нём были английские буквы. Уникальное оружие – древнее и грозное. Много кого застрелившее за свои сто лет существования. Снаружи когда-то было расписано, как машинка Зингер, но и теперь угадывались островки. Длинное дуло, сантиметров на 20 длиннее моей тулки было притянуто к цевью толстой медной проволокой, иначе давно бы потерялось. Толщина стенок дула – не менее 1 см! Такая сталь позволяла использовать мощный пороховой заряд, и совместно с длинным дулом обеспечивала дальность точной стрельбы в два раза превышавший возможности моего оружия. Снаружи ствол был восьмигранным, внутри круглым. 28 калибр! Если в дуло моего ружья свободно входил палец, то в винчестер не вошёл бы и карандаш. Пуля из такого оружия, войдя в грудь оленя, пробивала насквозь всё туловище и выходила из-под хвоста. Заряжалось оно несколькими дробинками: можно было попасть белке в глаз (что потом я и наблюдал в исполнении Афонаса) и не испортить шкурку. Мой же выстрел уничтожил зверька. Ружьё было необычайно тяжёлым, я бы стрелял с подставки, как мушкетёр.

Короче, завидно мне стало. Но зависть я подавил и радовался, что пообщался с таким чудом.

Лошади куда-то ушли пастись, мы за ними гоняться не стали, а отправились пешком. Собаки тоже решили с нами прошвырнуться.

Мы вошли в сибирскую тайгу.

С детства мечтал об этом. И вот осуществляются мечты!

Зелень кедра оживляла пейзаж.

Меня ждало разочарование. И это тайга?! В жизни не поверю. Тайга – она под Москвой. В отрочестве я много

бродил в верховьях родной реки Клязьма. Вот это был лес, так лес (так и назывался

"подмосковная тайга"): огромные в два обхвата ели, теряющиеся в вышине, густые заросли мелких ёлок, через которые не продерёшься и под которые надо подползать, чтобы найти рыжик, непреодолимые буреломы, грибы-ягоды. Где-то на Селигере Шишкин рисовал в утро в лесу. Вот какой должна быть тайга!

И это - тайга?! Это же редколесье!

Увы, здесь ничего такого не было. Я бы сказал не то что тайги, леса не было. Видимо было то, что называется лесотундра, а точнее редколесье, угнетённое редколесье. Тут дело не в терминах – просто грустно. То, что находится в распадках ещё можно назвать лесом, что-то такое ползёт по склонам сопок, но вершины их совершенно голые, всё живое с них сметено снегом и ветрами. Гранит и кварц. Недаром местные горки называют гольцами. Всё остальное – кустарник, тундра и болота.

Лиственница цветёт.

Лиственницы тонкие, с сильно искореженными шершавыми стволами, по которым текла липкая смола, уже были покрыты мягкими иголками.

Заросли стланика на ковре из оленьего мха.

Пока мы шли по притоку Адычи, то находились в каком-никаком, но всё же в лесу – в виде островков конечно, но с лиственницами, елями и даже настоящими, но чёрными берёзами. Деревья низкорослые, местами пригнуты к земле, стволы покрыты

лишайниками. По мере подъёма из долины лес исчезал и его место всё активнее занимал кустарник. Кедровый стланик. Странное сочетание: кедр ведь сосна, т.е. дерево большое.

Наш дом в Клязьме был окружён корабельными соснами. Замаешься лезть на такую. А здесь сосна – некий куст. Добро он был просто кустом, такой куст обойти можно. Нет, он стланик! Кедровый стланик. Ветки стелятся вдоль земли (но концы задраны кверху), гибкие, тяжёлые и прочные. Они покрывают все пространство,

переплетаются, захватывают ноги и не дают идти. Продерешься сквозь них на вершину холма – садись отдыхать. Хорошо поработал.

Вечную мерзлоту и лёд покрывал тонкий слой почвы.

Правда в каком-нибудь укрытом от ветра уголке возникают древовидные кроны – высота метров пять, толщина ствола возле корня сантиметров 15 – почти дерево.

Всё же было в кедровом стланике что-то приятное.

Насыщенный зелёный цвет вечнозелёной (трёхгранной сизозелёной) хвои разнообразил серый пейзаж под хмурым небом. Кедровые шишки представляли интерес как источник орехов. Конечно они мелкие (5–7 см длиной) и всегда закрытые, но орехи в них есть, мелкие, но много. Деревянистая кожа у них тонкая, а ядрышко очень вкусное. Особенно, если овощей-фруктов лишён. Говорят, масло из орешков по качеству не уступает прованскому и миндальному. Не знаю, прованское не пробовал. Да и остающийся после извлечения из ядер орешков жмых не использовал для приготовления халвы, начинок для конфет, муки, печенья и т.п. Что-то в этой жизни я упустил. Зато пил «ореховое молоко», что умеют готовить якуты.

Информация, что кедрчак – кормовая база бурого медведя, совершенно справедлива, в чём я лично убедился через месяц. Лучше бы я остался в неведении...

Кстати хвоя полезна от цинги и других болезней, так как в пересчёте на вес, в хвое витамина С в 10 раз больше, чем в лимоне. По этой причине её активно заготавливали лагеря, готовили настойки и поили им заключённых – лечили от цинги (основной причины смертности). Правда, потом в эффективности этого средства усомнились.

Из леса вытекала каменная река – курумник. Лошади по нему идти трудно, да и нам – не очень.

Мы вступили в царство вечной мерзлоты. Конечно я уже был с ней знаком. Знал, что колышки в неё не забьёшь, не то что шурф, яму для отходов или фундамента не выроешь, червей и тех не накопашь. И цветы не посадишь.

Большая неприятность - тарын - гигантская наледь в несколько метров толщиной в несколько метров. Длина такого тарына иногда несколько

километров, за лето он не тает. Ещё хорошо, если его можно обойти, а то приходится его штурмовать с лошадьми. Некованные кони скользят, как на катке, падают, разбрасывая вьюки и сёдла.

На обрывах рек склоны – типичный торт Наполеон: слои льда (чистого, блестящего на солнце льда) и слои грунта. И сверху – тонкий (2–5 см) слой почвы. Настоящая почва, даже гумус есть. Но ей не повезло – лежит она на подстилке, температура которой за тысячелетие ни разу не поднялась выше 0°C. Местами почва сползла со склонов.

Идти было тяжело, ноги тонули то во мхах, то в болотах, скользили на камнях, путались в кедраче. Иногда случалось падать и даже катиться по склону. Разнообразили путь курумники (курум по-тюркски, то ли скала, то ли камень) – реки камней. Это были не привычные осыпи. Те действительно сыпались и я вместе с ними. Здесь же была не щебёнка, а крупные, не обкатанные камни. Курумники лежали неподвижно, хотя и выглядели как каменные реки. Местами встречались и моря. Под ними шумела вода. Провалиться в неё не хотелось.

Интересно, почему на Алтае курумники зовут уронниками?

Сначала ходить по курумника мне понравилось, всё же что-то твёрдое и за ноги не хватающее. Но потом ноги стали сбиваться: камни всё же острые, это ощущаешь даже, когда ты в кирзовых сапогах на толстой подошве. К тому же иногда камни маскировались мхом, при прыжке на такой, мох слезал и ты проваливался щель. Так можно и ногу сломать! Особенно, если ты с рюкзаком тяжёлым.

Возможно у вас сложилось мнение, что я описываю безжизненное пространство.

Ничего подобного!

Всюду была жизнь. Природа радовалась весне. Да, жизнь была тяжела, да были ветра, снег и морозы. Но всё позади. Наступает и почти уже наступило тепло.

Зацвели даже курумники! Даже вечная мерзлота зацвела.

Если присмотреться, то мхи, лишайники, ягель и ещё что-то растущее (не знаю, как называется) цвело и колосилось. На микро уровне. Хорошо бы смотреть в лупу, но и без неё было видно, что жизнь цветёт и пахнет. Понятно, что для цветов важна яркая окраска – пчёл привлекать. А лишайникам-то яркие цвета зачем? Что изменится, если они серыми будут? Тем не менее они раскрашивали себя, украшали окружающую среду. За что я им благодарен.

Помимо микро, были и макро-цветы. Нет, ни розы и не георгины. Цвёл багульник. Я слышал о нём, но увидел впервые. Название у него интересное: по-гречески означает ладан (обладает отчетливым смолистым запахом), а по латыни – болотный. Обычно кусты небольшие, но встречались и под два метра. И росли они не всегда на болоте. Но всегда пахли: сильно, бальзамно и одуряюще. Багульник цвёл красиво. Мне понравилось. На даче можно посадить. Примечательны были отдельные кусты, но буйство красок наступало, когда багульник покрывал всё пространство.

Куст – совокупность палок, торчащих из одного и того же места.

Флора расцветала, но не дремала и фауна: она пробудилась от спячки. Раздался свист, я обернулся и увидел суслика. Он солдатиком стоял на камне и рассматривал меня, как баран новые ворота. Такое он видел впервые. Я такое тоже. Познакомились. Выглядел он упитанным, одет в пушистую рыжеватую шубу с рисунком из крупных светлых пятен на спинке и более светлой – палево-ржавой на животе. Голова коричневая. Сам довольно большой, туловище сантиметров 30. Граф бросился на него, но тот мгновенно исчез в камнях. В нашем походе вражки встречались повсеместно, со свистом появляясь и исчезая в самых неожиданных местах.

Другим животным был бурундук. Очень поход на белку, но меньше её и повадки иные. Длина сантиметров 15 и хвост 12. Окраска пёстрая: на спине на серовато-буrom или рыжеватом фоне проходят 5 продольных чёрных полосок, разделённых светлыми. Брюхо беловатое. Хвост сверху сероватый, снизу ржавый. Волос короткий и грубый. Защёчные мешки большие – много в них чего можно сложить, если это чего добудешь, естественно.

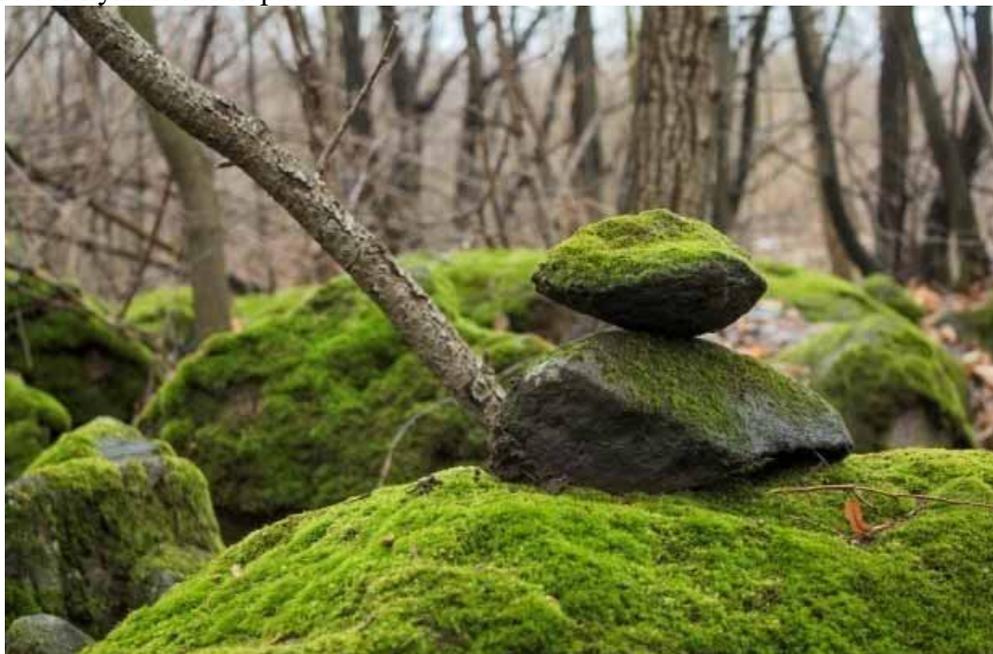
Он носится по деревьям не хуже белки, но живёт в норах. Я его обычно наблюдал бегущим по поваленному дереву, а не сидящем высоко на ветке. При опасности бурундук свистит, переходя на резкую, почти птичью, трель. Перед дождём он издаёт «бурунбу-рю-бурун», за что и получил своё название.

Но не только что-то бегало и скакало. Много чего ещё и летало. Помимо комаров, присутствовавших в избытке, появились мухи и даже слепни. Кричала невидимая сойка. Из кедрача вылетела кедровки (а кто же ещё?!). Размером с нашу галку, может несколько меньше. Вся она коричневато-бурая, с белыми пятнами, которых нет только на верхней стороне головы. На конце хвоста светлая кайма. По-своему красивая птичка. Однажды из кустов со свистом: «Витю видел?» вылетела красноголовая птичка. Эту я знаю. Это - птичка чечевичка. Прилетают они к нам в Подмосковье на лето. В небе кружили ястребы.

Многие птицы (мне встретились белые куропатки да утки), затаившись в кустах, сидели на яйцах И мы и собаки им сильно мешали.

Так или иначе, но
*Зима прошла,
 настало лето,
 спасибо партии за это*

Бродили мы с Афонасом часов шесть, обошли все окрестные горки, речки и болота. Убедились, что жизнь кипит, но подстрелить (а потом и съесть) ничего нельзя. Так и вернулись: без пуха и без пера.

Мох на камнях опасен для путешественника.

АС набила гранита на 20 кг, но тоже была недовольна – ничего интересного нет. Удачнее всего оказался Анатолий: рыбу он наловил. И довольно много. Четыре хариуса!

Очень красивая лососёвая. Спина однотонная, тёмно-серая, бока голубовато-серебристые, по ним разбросаны чёрные пятнашки различной формы. Спинной плавник, как павлиний хвост. Флаг цветист и ярок, узор из красно-бордовых пятен и полос. И это ещё не всё: крупное красноватое пятно над брюшными плавниками, на которых имеются косые красно-бурые полосы, отливающие фиолетовым оттенком; хвостовой плавник красно-бордовый. На спине – маленький жировой плавник, подчеркивающий благородство кровей этой рыбы, его родственную связь с лососевыми.

Пойманные хариусы – рыбы не маленькие, самая большая тянула на килограмм. Анатолий и подросший каюр быстро очистили рыбу. Кажется у Чехова ставится важная проблема как чисть рыбу: с хвоста или головы? Всё просто: хватай рыбку за хвост (чтобы пальцы не скользили, их нужно обмакнуть в крупную соль, если она у тебя есть) и

чисти от хвоста к голове. Мне, впрочем, не доверили. Рыбы выпотрошили, отрезали хвосты и головы. Две разрезали вдоль туловища, получили четыре дольки, которые и засолили. Съели их через час. Очень вкусно! Лучше селёдки. Две остальные вывалили в муке и соли и зажарили на большой чугунной сковороде, которую, как оказалось, не зря с собой таскаем.

Так что слегка попиروвали.

Весной украшает себя даже курумник.

Вечной мерзлоте жизнь не заморозить.

На следующий день свернули лагерь. Собрали барахло, разбросанное по всей округе, упаковывали его, поймали лошадей, ушедших довольно далеко, оседлали и навьючили их. Двинулись мы на север, вниз по долине Адычи, постепенно удаляясь от правого берега. Местность стала холмистой, лес в распадках гуще и хоть как-то стал напоминать тайгу. Лошадь моя носить стала меньше. Но всё равно я раза три грохнулся с неё. Один раз вовремя освободился от стремян и покатился в кусты, второй раз – Сатера долго волочил меня по земле, но потом утомился и встал, в третий раз я удачно ухватился за ствол дерева, мерин растянул меня, как червяка, но я его тормознул.

Студент – ковбой

Голова – что булава.

Ковбойи входят в нашу жизнь с детства из кинофильмов и книг. Сильные люди! Ну а мы, русские интеллигенты? Думаете, мы хуже? С ковбоями то и дело неприятные казусы случаются. Помните, как в романе «Всадник без головы» у одного фраера понесла

лошадь, он треснулся башкой о сук и помер? Так вот, однажды в густом лесу меня тоже понесла лошадь. Она вынесла меня прямо на горизонтально простиравшийся сук. Настоящий шлагбаум! Я принял его головой. И что? Дерево вырвалось с корнем, повисло у меня на плечах. Так мы и скакали дальше: Сатэра, ель и я.

Забота

У всякой работы свои заботы.

Однако не всё время двигались по тропам и по более-менее прочной почве. Встречались ещё и болота. Довольно топкие надо сказать. Успели оттаять на мою голову

Зимой по верхоянскому району ещё можно путешествовать, но летом... Это песня! Мерзлота оттаивает, и леса превращаются в болота. Лошади проваливаются по брюхо, а то и с головой. Однажды мы форсировали какое-то урочище. Впереди ехал каюр, у него на аркане – три вьючных лошади. Все это ухнуло в тину, забилося в истерике, а каюр вообще исчез с земной поверхности. Мы с Сатэрой бросились на помощь. Но тут и мой мерин решил тонуть. Каким-то образом я оказался под ним. Седло с привычкой съехало точно на меня. Нырять принудительно неприятно и в прозрачных водах Бискайского залива, а в болотной жиже – без кайфа. Понял я, что без акваланга долго не протяну. Пора принять меры по спасению своей молодой жизни. С трудом добравшись до ножа, я высвободил его из ножен и стал перерезать ремни-верёвки, мешавшие всплытию. Запаса воздуха хватило, и я вынырнул на поверхность. На «берегу» на рыжем коне восседала Анастасия Семеновна и близоруко всматривалась вдаль. Я снова нырнул и стал перерезать стремена. Опять вынырнул.

– Игорь! Игорь!

– Что? – успел спросить я, польщенный заботой, и, как кит, выпустил фонтан.

– У тебя ноги мокрые?

– Да! – отвечал я, – снова опускаюсь на дно.

А вы говорите: серая тундра, серый лес, серое небо, вечная мерзлота. Нет, ребята, тут всё красочно, всё рельефно и жизнеутверждающе.

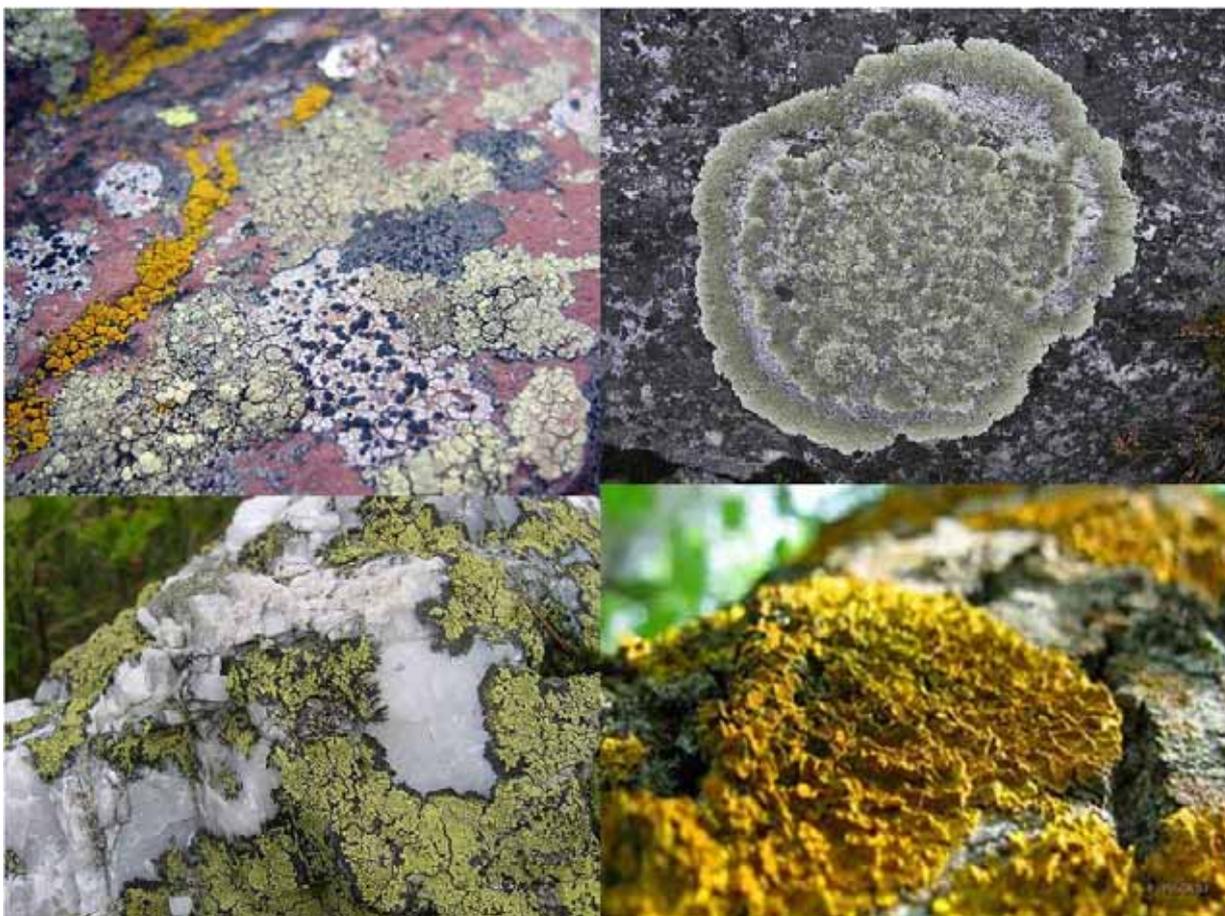
Грибы тут есть, но мелковаты.

Пришло лето и черемша зацвела.

Всё что может цвести – цветёт и цветёт бурно. И даже красиво.

Весной красивы даже лишайники.

Сколько же форм сотворила природа! Зачем?

Обычно багульник болотный – скромный кустик.

Так цветёт багульник.

Воздух был наполнен резким одурманивающим запахом багульника.

На камне стояла евражка и с интересом рассматривала меня.

Бурундук похож на белку, но всё же не белка.

Кедровка может накопить и унести с собой 100 кедровых орехов за раз.

Хариус - рыба красивая. И вкусная.

Капканы

Ума нет, а хитрее зверя.

Из кедрочей вылетали кедровки, благим матом орала сойка, подражая ударам топора, свистели евражки, собаки кого-то ловили и непрерывно жевали. Пищали комары.

Жизнь продолжалась.

Двигались мы по тропам, иногда широким, иногда узким, а то и еле заметным. Бывало тропа исчезала – то ли мы сбивались с неё, то ли срезали путь. Случалось, что лошадь шла меж деревьев и застревала в них выючными ящиками. Приходилось за хвост тянуть её обратно. А то передняя лошадь обходила дерево слева, а задняя – справа. Мгновенно они запутывались, седла–вьюки летели на землю. Приходилось спешиваться, лошадей распутывать, вещи собирать и выстраивать караван заново.

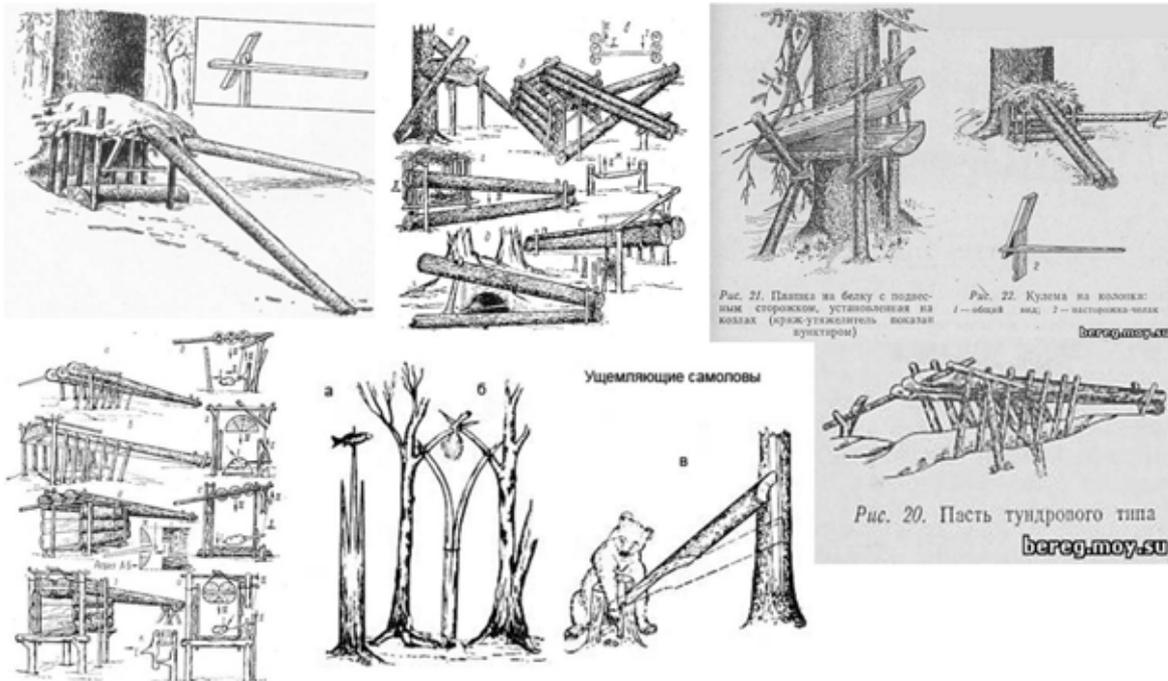
Хотя дорог не было, присутствие человека ощущалось. Довольно часто встречались капканы: иногда на птицу, но чаще на пушного зверя – куницу, соболя, горностая, зайца, лисицу или белку. Были и ловушки на медведя (самих медведей не видно – наш лающий караван их распугивал). Железных и вообще капканов заводского изготовления не было. Ручная работа.

Я их рассматривал, как экспонаты в музее, но потом жизнь обернулась так, что и мне пришлось ради пропитания заняться изготовлением капканов-ловушек и их практическим применением. Чтобы не отвлекаться на них при рассказе о бурных приключениях, опишу их сейчас.

Ловушка на зверя называется кулёмой (какова связь этого термина с кулёмой – неловким или неумелым человеком (недотёпа, валенок, растяпа), так и не понял), наверно от слова куль, на который некоторые из людей похожи.

Кулёмы на мелкого зверя довольно примитивны.

Ловушки бывают разных конструкций.

Кулёма – ловушка давящего типа, предназначена для ловли или убивания зверя давящим предметом. Хищник хватая приманку приводит в действие спусковой механизм, бревно падает на него и убивает (или запирает в ящике). Кулёма на медведя имеет вид треугольника, две стороны которого образованы заборами, в рост человека, третья же сторона состоит только из порога, над которым настораживается слега – тяжёлое, до 10 м длиной, бревно, которое своей тяжестью убивает зверя в тот момент, когда он, переступая через порог, хватается за привязанную внутри кулёмы наживу.

Некоторые кулёмы были по-прежнему насторожены, приглашая войти (я не стал), другие сработали и были пусты (медведя кто-то утащил), но в одной ловушке медвежья

туша продолжала оставаться под брёвнами, хотя и была в значительной мере съедена расторопным зверьём. Интересно, мужики строили, строили сооружение, какого-нибудь телёнка туда затаскивали, а потом даже не пришли посмотреть, что из этого вышло.

Ловушки на медведя – целые сооружения, требующие многих усилий.

Гора Киһилях

*Ты на гору,
чёрт за ногу.*

Тропа была неплохой, довольно набитой и терялась лишь изредка. Она петляла меж холмами, параллельно Адыче, 10–15 км от реки, и уверенно шла на север. С какого-то мелкого перевала стала ощущаться перерезающая нам путь долина Туостаха, когда слева мы увидели сопку, увенчанную скоплениями останцов – кигиляхов. Сопка, как сопка, ничего особенного, проследовали мимо без всякого энтузиазма.

Не знали мы тогда, что в 21-ом века на берегу Туостаха, по ту сторону сопки будет построена турбаза. Холм этот (2 часа неспешного шага на вершину) назовут горой Киһилях (на наших картах ничего подобного не было, даже высоту сопки поленились написать; таких тут сотни, если наносить цифры на карту – места не хватит), экстрасенсы (наши современные шаманы) объявят центром Вселенной, Якутской Гипербореей, Северной Шамбалой, энергетическим источником, присвоят звание лечебного центра и будут затаскивать на вершину больных, страдающих заболеваниями опорно-двигательного аппарата (назад они, видимо, бегут вприпрыжку, сходу выздоровев).

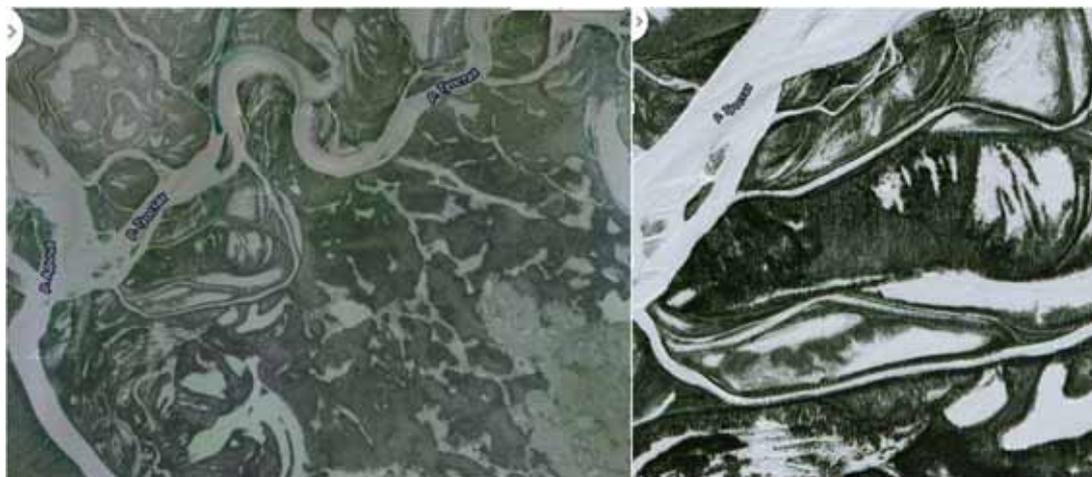
Не знали мы, не знали. А то бы развернули коней и поскакали бы наверх к каменным великанам. Глядишь, на душе стало бы легче...

Бросил ленивый взгляд на всю эту красоту и последовал дальше.

Впрочем: *Если гора не идет к Магомету, то пусть идёт к чёртовой матери.*

Гранитные останцы на сопке Киһилях.

Вид на сопку Киңилых из космоса: мы обошли её справа, двигаясь на север в долину Туостаха. Обратите внимание какая сложная дельта к Туостаха - множество протоков, стариц и озер.

Туостах

*На поляне у реки
Сели в лодку рыбаки
Сеть закинули в траву,
Ловят щуку и плотву.
А почему на берегу?
А потому, что пофигу.*

Долго ли, коротко, но мы вышли к реке Туостах – правому притоку Адычи.

Разбили лагерь. Лодки-веточки не оказалось и я накачал лягушкой надувную резиновую лодку, которую не без труда извлек из вьючника.

Судно надо испытать. К примеру, смотаться на тот берег, потренироваться с переправой.

Я столкнул лодку в воду и прыгнул в неё. Нас немедленно понесло, но не на тот берег, а вниз по течению. Лодка оказалась вовсе не веточкой, и даже не байдаркой. Там смотришь, куда едешь, и гребешь одним двухлопастным веслом. А здесь я сидел спиной к направлению движения и должен был интенсивно вертеть головой, чтобы понять, где цель вояжа. Весла два, грести надо обоими и желательнее с одинаковым усилием, что не просто, т.к. временами одно весло идёт по воде, а другое – по воздуху. В принципе, это мне знакомо: на родной Уче была лодочная станция и на её лодках я плавал от плотины до плотины. Но там была большая деревянная посудина, длинные весла в уключинах. Можно было мощно грести, то складываясь пополам, то откидываясь на спину. При этом двигаться не торопясь, корректируя путь. Вода была неподвижна. Здесь же я сидел в чём-то разлапистом и надутом, категорически отказывающимся плыть туда, куда велено. Весла короткие и хилые. Зарывать их нельзя, тут же сломаются (что, кстати скоро и произошло). Плыл я в корыте, плескаясь вёслами. Я бы приспособился, если бы не быстрое течение, с перекатами, шиверами и порогами. Лодка вертелась вокруг оси. Мы агонизировали. О другом берегу (хотя он был недалеко) пришлось забыть. Прижался к своему и десантировался. Обратный шёл, пробираясь сквозь лозняк и таща лодку на бечеве.

Между тем в лагере Афонас достал сеть и начал её готовить к промышленному лову.

Сеть – много дырок, связанных между собой верёвкой

В то время у нас в стране ставные сети были запрещены к продаже, но каюр её сам сплёл в долгую полярную ночь. Называл он её *унынг* (или что-то вроде того, точно не расслышал). Кручёная нитка – крапивная пряжа (Где он в этих краях нашёл столько крапивы? Сам рвал, или послал кого? Крапива просто так не даётся). Длина – чуть ли не 10 метров, высота – под 1 м. Поплавки были не из пробки, а из прошитой в несколько

слоёв или свернутой рулоном бересты. Грузила были вовсе не из свинца, как вы решили. Их каюр изготавливал на месте (действительно, не возить же их по тайге на лошадях). Он нарезал лозняка и обвязал им камни. Я сунул пальцы в ячейку – вошли три. Я не спец по сетям, но знаю, что это – одностенная сеть, т.е. жаберная, т.к. рыба застревает в ней, цепляясь плавниками и жабрами.

Ставную сеть надо ставить.

Я накачал лодку и спустил её на воду.

Занялись этим втроем: Афонас, Анатолий и я. Учитывая мой недавний опыт, бросили сеть в лодку, саму лодку вытащили на берег и понесли её по распадку вверх по течению. Нашли подходящую протоку с более-менее спокойным течением. Протока небольшая и не важно, у какого берега ставить сеть. Это на большой реке, на Яне или там на Адыче, берег важен – рыба всегда идёт вдоль подветренного берега, поскольку у него волны вымывают из дна и берегов большое количество корма. Но здесь таких проблем нет. Один конец фала взял Анатолий и бродил с ним по берегу, подчиняясь командам каюра, а другой взял я, и переправил его на лодке на другой берег, где и привязал к какой-то коряге. Афонас на лодке, держась за фал и подгребая вёслами, перемещался с одного берега на другой, вытравливая сеть. В конце концов поставили сеть в форме буквы «Г»: конец сети касался берега, одна часть сети вытянулась поперёк реки, а вторая –

параллельно берегу. Сложная форма диктуется разумом и хитростью лососёвых, способных уходить из прямых сетей. Поэтому наша снасть ориентирована так, что поднимающаяся рыба оказывалась окруженной с трёх сторон; место изгиба сети было зафиксировано якорем – мощным булыжником, который я с трудом извлёк из курумника и притащил к реке.

На осоке скопилась икра неизвестного происхождения, но вкусная.

По дороге домой, поскольку ломались сквозь лозняк, камыши, тростник, осоку и ещё что-то трудно проходимое, то собрали рыбью икру, местами окутывающую стебли осоки. Я надеялся, что будет крупная

и красная (всё же лососёвые тут проплывают), или мелкая, но чёрная. В реальности оказалась мелкая и серая. Уж не знаю, какие рыбы постарались. Икру мы очистили от слизи, засолили и съели за ужином. Можно сказать – деликатес.

Сегодня несколько раз купался в одежде, потом долго сидел у костра, сушил её. Экспедиционные штаны слегка подгорели. Образовалась дыра. Лежа под пологом развлекался художественной штопкой. До Саги руки не дошли.

Утром каюр встал рано, долго чем-то гремел, разбудил меня. Я вылез из палатки: всё же интересно, что принёс нам невод. Вдвоём пошли к промыслу. Каюр на лодке, держась за фал, постепенно извлекал из воды сетку и вытаскивал из неё рыб. Попалось много. Сидя на берегу, мы отпустили на волю всех длиной менее 20 см (только Анатолий отобрал себе несколько мелких на уху). Но и оставшихся (некоторые более трети метра) оказалось штук тридцать. В лагерь мы их несли в четырёх вёдрах.

Как оказалось, отобрали мы лососёвых. Из них я вчера познакомился с хариусом, а сегодня мне представили: ленок – любитель перекатов (тело в форме бруска, рот маленький с небольшими острыми зубами, чешуя мелкая, плотная, окраска серебристая с тёмно-серой спинкой, плавники с желтоватым отливом), русские зовут его сибирская форель; сиг – арктический омуль; чир (мясистое, сжатое с боков тело, чешуя плотная, крупная, окраска спины тёмная, бока серебристые с золотистым оттенком) встречался чаще всех; таймень попался один, был он самый большой из добытых сейчас рыб, но, видимо, молодой (таймешонок): расти бы ему и расти, ибо таймени вырастают до 2-х метров и весят до 80 кг, хищник он страшный, жрёт всё подряд и однажды чуть не утопил нашего Анатолия. Тело у него удлинённое широкое, свинцовый окрас с чёрными пятнами, плавники, кроме спинного, ярко-оранжевые, голова несколько сплюснута с боков и напоминает щучью (его и зовут красной щукой). Крупную свою икру таймень откладывает на галечный грунт. Он обожает быстротекущие воды. По силе, быстроте и уму таймень не имеет соперников в сибирских реках. Могу подтвердить.

Говорят блюда с тайменем – верх гастрономического искусства. Не знаю, пирогов не случилось, но и так, в варённом и жарённом виде он хорошо пошёл.

Многие рыбы несли икру, её мы извлекли, собрали и употребили.

Вся экспедиция достала ножи и принялась за чистку, потраш, соленье, варение, жарку. Часть засолили, часть заморозили в леднике (в толстая жила льда располагалась прямо в лагере), часть вывалили в муке и соли и отправили на жарку, а остальное – на уху. Поварами выступили АС (жарка на чугунной огромной сковороде) и Анатолий (тройная уха). Между поварами временами вспыхивали склоки, поскольку для варки и жарки костры должны быть разные: кому огонь, кому – угли. Костром заведовал я.

Уху я когда-то ел: и в столовой и дома, так что знал уха – рыбий суп. А вот и нет! Уха – самостоятельная форма искусства. Её отличает очень малое количество овощей, прозрачность и наваристость бульона, ограниченное количество специй. Тут главное – рыба. Всё остальное лишь подчеркивает её вкус. Мы эти требования выполнили легко – специй у нас не было никаких, равно как свежих овощей. Правда у нас завалилась единственная проросшая луковица, которую тут же отправили в ведро. Был и сушённый картофель. Зато рыбы у нас много, и разных сортов.

В России лучшей рыбой для ухи считается судак, ну, а у нас сиг пошёл удачно. Мелкую рыбу чистить не стали, отрезали головы, завернули в марлю противокамаринового полога, сварили, извлекли и выбросили. У рыбы второй очереди удалили жабры, плавники, выпотрошили и сварили вместе с молоками и икрой, и, естественно, с головами, поскольку именно они придают насыщенный вкус. Поварив немного, избавились и от этих рыб. Получился наваристый бульон (кажется он называется юшкой). Сиг порезали большими кусками и они замечательно смотрелись в бульоне. Чтобы раствор был прозрачным АС снимала с него пену. Для дополнительного осветления она использовала икру по методике: 1/3 кружки рыбьей икры растираешь, вливаешь 1/2 кружки холодной воды, кружку горячего процеженного бульона туда же, всё

это – в ведро с ухой, мешаешь, закрываешь ведро крышкой и варишь на слабом огне 15 минут, потом цедишь и вновь доводишь до кипения. Обошлись без лаврового листа, перца горошком и даже без рюмки водки. Сняли с костра, дали постоять минут десять и разлили по мискам.

Когда я ем я ем и ем.

Да, ребята, бывают моменты, ради которых стоит шляться по лесам, тундрам и болотам!

Доели последний кусок хлеба, больше я его до конца поля не видел.

А на второе у нас был жареный таймень. Тоже, я вам скажу, продукт замечательный. Хоть его толстые ломти в центре не пропеклись и были сыроваты, но всё равно – прошли со свистом.

В Москве – Лос-Анджелесе – Иерусалиме вам такого не дадут.

Счастье есть! Оно не может не есть.

Добыча образцов

Поднял камень – пойми его.

День у нас выдался рыбным, понятно – четверг ведь.

Рыба воду любит. Посему, долго гоняли чай. Поговорили о диссидентах и тунеядцах, ссылаемых в эти края.

Поскольку славно потрудились, то предались сиесте. Пару часов с удовольствием поспали. Потом я с АС пошёл добывать образцы горных пород.

Вооружились мы геологическими молотками, геологическими же компасами. Я прихватил дроб, и мы направились к скалам, нависающим над водами Туастаха.

Геологический молоток – вещь полезная.

Внешне он напоминает домашний молоток, но не слишком. Железная часть его изготовлена из очень хорошей стали. Я лупил им по скалам изо всех сил и он оставался цел, домашний же давно бы разлетелся на осколки. Форма железяки тоже иная: один конец четырёхугольный боёк, а другой поперечно острый, с длинным несколько загнутым клювом и квадратным бойком. Ручка довольно длинная, почти пол метра, овальное сечение, торцы слегка закруглены. Мне очень понравилась древесина, прямослойная, вязкая и прочная. Говорят, это кизил. Как-то не верится, кизил ведь куст с красными ягодами (кислятина). Из куста такую палку не настрогаешь. Хотя известно, что крест, на котором распяли Христа, был из кизила. Наверно, в теплых краях кизиловые деревья произрастают...

Привезли мы из Москвы молотки в разобранном виде, так что мне пришлось их собирать в Батыгае. Рукоятка с одного конца имела небольшую конусность. Именно этот конец я без особых усилий вставлял в проушину, после чего постукивая другим молотком насаживал молоток до отказа. Рукоятка высывалась из железяки, в ней я делал два пропила. Расклинив надрезы (сначала продольный, потом поперечный), забил в них до отказа клинья, то ли из дуба, то ли из бука, не знаю, нашёл на помойке остатки старого кресла. Выступающей конец отрезал пилой заподлицо. Готово.

Молотки и топоры мы на ночь клали в лужу или в ведро с водой. Древесина набухала и железяка прочно сидела на ручке.

Этот молоток использовали по назначению: для отбивания кусочков горных пород – образцов для анализа. Но я так же опирался на него при крутых подъёмах, вырубал ступеньки в ледниках или на скользких склонах, нащупывал брод в речках, использовал, как стул, на болотах, иногда открывал консервные банки. Полезная вещь.

Прошли мы три километра и достигли крутого обрыва, можно сказать бома, на который наваливались воды Туастаха. АС бросила на камень ватник, села, закурила короткую сигарету Дукат и прочла краткую лекцию о граните. То, что гранит происходит от слова гранула (т.е. зерно) знает даже студент МГУ. Структура его кристаллически-зернистая. Состоит гранит из кварца, плагиоклаза, калиевого полевого шпата и слюды –

это ещё в школе проходили. Порода кислая (понятно: кварц, кремнёвая кислота). А вот, что она магматическая интрузивная порода, к тому же очень древняя, услдышал впервые. Гранит – продукт кристаллизации кислой магмы в глубинных зонах земной коры. Розово-красную окраску граниту придаёт калиево-натриевый полевой шпат, поэтому плагиогранит, содержащий большие количества плагиоклаза, и не содержащий полевого шпата и тёмноцветных минералов, имеет светло-серую окраску, а аляскит с преобладанием калиево-натриевого полевого шпата – розовую окраску.

Образец надо добывать в глубине блока. Задача не простая.

Много пришлось переколотить мне камней, пока я нашёл лейкократовый гранит.

Лейкократовый гранит содержит мало тёмноцветных минералов, поэтому он имеет светлые оттенки или вообще бесцветный. Он образуется при всплывании лёгких светлых минералов при кристаллизации магмы, обогащённой летучими компонентами.

Нам нужны такие граниты. Не из-за цвета, а потому что они содержат заметные количества редкоземельных и

радиоактивных металлов. Их то мы и ищем.

Под действием суровой окружающей среды, граниты разрушаются. При их выветривании из полевых шпатов образуется каолин и другие глины, кварц обычно остаётся неизменным, а слюды желтеют («кошачье золото»). Вот этого не надо. Поскольку булыжники сверху покрыты именно полуразрушенным материалом, то его надо сбивать и выбрасывать, добираясь до цельного монолита. Добычу в виде камушков размером с грецкий орех собирать в мешок.

Дав ценные советы, АС удалилась, то ли по геологическим, то ли по более прозаическим делам.

Я подошёл к скале, представлявшей собой стену из плотно уложенных камней размером с кубический метр каждый, максимально разделся (с учётом комариной обстановки), поплевал на ладони, схватил молоток, размахнулся во всю богатырскую мощь и треснул по стене. К моему удивлению стена устояла. Получился абсолютно упругий удар: с какой скоростью молоток подлетел, с такой и отлетел. Сработал закон

сохранения импульса. В лишайнике появилась дырка, но не более того. Гранит не пострадал, на нём даже следа моей деятельности не проявилось.

– Однако, – подумал я, – Правильно говорят, что гранит – прочная порода. Его бы аммоналом...

Надо было модернизировать тактику. Я перебрался в краю стены, вновь размахнулся как метатель молота. Увы! Молоток не достал до стены и просвистел мимо, я последовал за ним, как гном из "Белоснежки и семь гномов". Хорошо, хоть не в реку. Но с третьего раза я попал, отбил кусок. При этом образовалось множество осколков, которые посекали мне лицо и слегка повредили Барона, который тут вертелся, пытаясь мне чем-то помочь. Так и без глаз остаться можно! К тому же основной кусок улетел в кусты и скрылся, а скол на ребре оказался ржавым и разрушенным.

Понял я, что предстоит серьёзная работа.

Не умел шить золотом, так бей молотом.

Удар за ударом обрушивал я на скалу и постепенно дело пошло. Часа через два я был весь в мыле, а в кубе образовался пролом чуть не до центра. Гранит был идеальным, слегка розовым. Посмотрел нет ли алмазов, золота, или красивых кристаллов. Ничего такого. Я бы и дальше гранит измельчал, но кизилловая ручка сломалась, рабочий инструмент погиб. Начал собирать наработанную крошку в мешок. Тут появилась АС и подивилась моей деятельностью.

– Игорь! Ты зачем скалу портишь?! Чем она тебе помешала? Русло Туастаха поменять хочешь? И почему у тебя образцы из одного камня? Как статистику набирать будем?

Оказалось, что я не со стеной бодаться должен, а бродить по курумнику, выбирать камни, что легко колются, и уже их дробить. А скалы – нет, не нужны!

Так сказала бы сразу! А то не сломайся молоток, я бы сквозь гранитную стену туннель проложил...

Цирк

Как за речкой на заре

Ехал милый на коне.

Статный, ладный, как ковбой!

Вот такой он мой герой!

Как сами будем перебираться на другой берег и переправлять вещи было понятно. Агонизируй, не агонизируй, а на надувной лодке всё перевезти можно (если на топляк не нарвёшься, и лодку не пропорешь). С собаками тоже нет проблем. Трудности с лошадьми: веточки нет, за уздечку коня тянуть не станешь (он тебя сам вместе с лодкой потянет, куда захочет), течение быстрое, перекааты, деревья с выдранными корнями сплавляются. Коням следовало плыть самостоятельно. Добровольно, по велению сердца и нам подражая. Но им этого не хотелось, они не любят заплывов по половодью. Даже тренинг Адычи их не вдохновил.

Особенно этой перспективой был возмущён лошадиный лидер Брут. А в табуне принцип – пусть думают вожди – основной. Вождь не будет, не будем и мы. Тем более, что сейчас мы с ним согласны.

Пришлось загонять табун в воду насильно.

Каюр и АС бегали пешком, размахивая камчами, а мы с Анатолием – верхом теснили коней к реке. Нам активно помогали собаки, которые мгновенно просекли задачу. Однако табун слабо реагировал на наши усилия. Лошади в рассыпную метались по дресьве (довольно крутой берег и собаки не давали им возможность удрать в тайгу, а то мы бы их только видели). Некоторые на полном скаку летели к воде, делая вид что готовы к заплыву, но в последний момент резко поворачивали и скакали обратно. Ажиотаж возрастал: цоканье копыт, ржанье, лай собак, мат–перемат, пыль столбом. Без пользы. Лошади в мыле, мы в поту.

Пригнувшись к шее Сатеры, ударяя пятками ему в бока, гнался я за Брутом. Сатера завёлся и мы активно сближались. До воды оставалась пара метров. Брут готовился к коронному номеру: поворот на 90°.

– Врешь, не уйдёшь!

Сатера шёл намётом. Я высвободился от стремян и во весь рост встал ногами на седло (!), после чего мощно прыгнул на спину неоседланного Брута (!!!). Такого он не ожидал (никто не ожидал, я – меньше всего). От неожиданности конь присел, передние ноги к нему подогнулись и мы скатились в воду.

В жизни всегда есть место цирку. Бывает вся жизнь – цирк. Раз получилось – надо бы продолжить. Жизнь будет веселей. Увы! Прожил я длинную жизнь, но ни разу не удалось мне повторить этот подвиг. В Москве однажды с дивана на диван прыгнул. И всё!

Увидев, что вождь рванул на другой берег, сначала Сатера, а затем и остальные лошади перестали кочевряжиться, вошли в воду и поплыли за нами. Мы уселись в лодку и стали их догонять.

Плыть надо против течения. И высоко поднимать голову.

Крепко сжимал я шею Брута, удерживая её над водой, стараясь, чтобы вода не попала ему в уши и ноздри. Попадёт – пойдём ко дну вместе. Не знаю, как ему, а мне туда точно не надо.

Он молотил копытами, я извивался, чтобы он не попал ими по мне. Ногу однако держал поперёк крупы: побежит на берег вместе со мной. Плыл он сначала по-собачьи, потом вроде как брасом, а потом – баттерфляем (та ещё бабочка!). Постепенно я отпустил шею и держался уже за гриву, причём был выше коня по течению (тот почти лежал на боку и бил копытами в противоположную от меня сторону). Течение сильно прижимало меня к телу лошади (лихие казаки переплывают, не вылезая из седла, но я не казак и седло мы сняли).

Вода ледяная, она быстро подступила под гимнастёрку и сильно меня охледила. Мокрый гидрокостюм реализовался, но плохо. Я оторвался от мерина и отчаянно махая руками и болтая ногами самостоятельно поплыл к правому берегу. Повезло: течение наваливалось именно на этот берег, так что я застрял в зарослях лозняка, тальника или ивняка – не знаю, как это называется. Выбрался на берег. Ниже по течению стоял Брут и судорожно отряхивался от воды. Он призывно заржал, и скоро весь табун собрался вокруг него. Прибыли и собаки.

Я переоделся и принял участие в челночном перевозе шмоток на надувной лодке.

Разбили новый лагерь, я залез в палатку и с чувством выполненного долга стал читать Сагу.

Он был слишком стар, чтобы вдруг стать либералом, давно уже перестал верить в политические доктрины своего клуба, даже называл их, как это было известно, «белибердой», но ему доставляло удовольствие быть членом клуба, принципы которого так расходились с его собственными. Старый Джолион всегда презирал это учреждение и вступил сюда много лет назад, после того как был забаллотирован во «Всякой всячине» под тем предлогом, что он занимался торговлей. Точно он был хуже других! Вполне естественно, что старый Джолион презирал клуб, который принял его. Публика там была средняя, многие из Сити — биржевые маклеры, адвокаты, аукционисты, всякая мелюзга! Как большинство людей сильного характера, но не слишком большой самобытности, старый Джолион был

невысокого мнения о классе, к которому принадлежал сам. Он неизменно следовал его законам как общественным, так и всяким другим, а втайне считал людей своего класса сбродом.

Тайга пустой?

*Хорош охотник:
убил время и ноги.*

На этом лагере мы простояли несколько дней. Я сопровождал АС в походах то вверх, то вниз по туастахской долине, то по реке, то перпендикулярно к ней. Везде колотил камни и собирал осколки, до тех пор, пока на набралось 40 кг – вьючник. На этом остановились, разложили образцы по брезентовым мешкам и мешочкам, всё промаркировали. Пару раз вылезали на обнажения – свежееобвалившийся берег, которые я дополнительно зачищал лопатой. То, что получилось, АС осматривала и что-то записывала в полевой дневник.

Периодически навещали сеть-невод, так что всё время были при рыбе.

Однажды пошли с Афонасом на охоту, но потеряли друг друга и далее действовали самостоятельно. Вернулся я без пуха и пера.

– Пустой тайга, однако, – солидно сказал я, присаживаясь у костра и разрезая ружьё.

Вскоре вернулся каюр.

Он весь был увешан птицей: купалуха, две куропатки, ещё что-то в перьях, мне неизвестное. Рассказал он о следах медведя, о встрече с соболем, куницей и горностаем (стрелять смысла нет – линяют). Принёс он и яйца - куропаток (небольшие и пятнистые) и уток (больше куриных, голобовато-зеленоватые).

Тайга, однако, оказалась полна как птицей, так и зверьём.

Но не каждому дано их увидеть. Тем более – добыть.

В науке, как в лесу: кто-то бродит и ничего не находит, а у кого-то полна корзина грибов.

Радист

*Радист вместо тире и три точки (Буй)
передал четыре точки
Вышло неприлично.*

Именно на этой стоянке я стал радистом.

Ещё в Москве, при оформлении в экспедицию, узнав, что я будущий радиохимик, начальство радостно вскричало:

– Во! Радистом и будешь!

Анодная батарея штука тяжёлая. Особенно, если их много.

На робкое замечание, что химики – не радисты, а радисты – не химики, никто внимания не обратил. Пришлось мне забрать аппаратуру, причиндалы к ней, и долго рассматривать в задумчивости. На стационарной станции (базе) в Батыгае списал позывные, волны, на которых вести приём и передачу, и расписание связи. Станция была не большой (помещалась во вьючнике), но тяжёлой. Большими и тяжёлыми

были батареи: накальные (катодные на 1,5 В), а особенно анодные (80 В). Поставил я отдельную палатку – радиорубку, где и осуществил монтаж. Получилось солидно – куча проводов. Антенна – отдельная проблема. Провод длинный, с изоляторами и фалами

(диполь называется). Антенну следует натянуть как можно выше параллельно земле и ориентировать на приёмную станцию. А где она, эта станция?!

Пришлось мне долго лазить по местным лиственницам, а с одной и слететь без парашюта. В конце-концов что-то получилось. Продолжавшая антенну верёвка крепилась одним концом через изолятор к проводу, а на другом имела крючок, которым было удобно цеплять за ветки.

Надеюсь грозы не будет, а то молния мою станцию разнесёт вместе со мной.

Радист, что наставлял меня по обращению с этой игрушкой, которую я надо сказать никогда не видел и что на ней нажимать не знал ("*Играете вы на рояле? Не знаю, не пробовал*") рассказал, как он оказался в здешних краях, довольно далёких от родного Питера. Однажды он привычно растянул антенну, как и положено, плоскость её была направлена на юго-запад, на Москву (как сеть на рыбу), но один бдительный работяга, осознал, что провод одним концом смотрит на северо-восток, т.е. на Японию.

– Радист – японский шпион, – сообразил он, и немедленно сообщил, куда следует.

Радиста арестовали, судили тройкой и отправили в верхоянские лагеря. Долго он писал протесты, пока спецкомиссия не показала, что если куда точно не мог пойти сигнал с такой антенны, так это как раз в Японию. Болезного освободили, но оставили на химии, после которой он здесь прижился: ехать было не к кому, и не куда.

Я воспринял это как анекдот и особенно не взволновался. Не потому, что рядом нет доносчиков, а потому, что сейчас времена растительные: шпионы не интересны.

Радиа была армейского типа.

Достал радию из ящика, на котором кто-то написал:

За связь без брака!

Хороший девиз, надо учесть.

На самой радиии – рекомендация: "Внимание! Противник подслушивает".

Пусть себе. Замается слушать.

Пару часов потратил на подсоединение батарей, освоение тумблеров катод-анод и настройку на требуемые волны (на передатчик – одну, на приём – другую). Хорошо, хоть расстояние до Батыгая невелико, можно разговаривать, а то пришлось бы ключом азбуку Морзе отбивать, то-то народ оттянулся, издеваясь.

Надел я наушники, взял в руки микрофон и нажал кнопку:

– Е-ка-ка 24, е-ка-ка 24, я – Светлана, я – Светлана, как слышите? Приём!

И отпустил кнопку.

Монотонно повторял я эту фразу раз за разом, вращая пупочку вблизи нужной волны. Наконец, сквозь вой и визг в наушниках раздалось:

– Привет, Светлана! Приём.

Прямо чудо!

Зауважавшая меня АС, оповестила базу, что Адычу и Туастах мы форсировали, все живы—здоровы. Чего и вам желаем. Договорились о следующем сеансе связи.

Все были довольны, я тоже. Когда связь есть, жизнь устойчивей.

Вот почему во всех дальнейших экспедициях, а их случилось 21, я исполнял должность радиста.

Первая охота

Ах, охота, ты, охота!

Мне охотиться охота!

По гороскопу я – рак, и по некоторым признакам – типичный. Много позже я прочитал у какой-то английской тётки описание поведения рака на охоте. Как она узнала не знаю, но она очень точно описала мои действия.

Интересно наблюдать за раком, когда он на что-то нацелен. Это удивительное создание никогда прямо не приблизится к возделенному объекту, а будет делать обходные маневры, не выпуская его из поля зрения. Если вдруг объект, на который он «положил глаз», захочет ударить или кто-то посторонний вознамерится на него покуситься, рак тут же подскочит к взлелеянному предмету и вцепится в него. Поведение Раков аналогично поведению их тезок. Поставив перед собой цель, Рак никогда не пойдет напролом. Он будет кружить, делая вид, будто занят чем-то другим, и внимательно наблюдать. Но стоит ему почувствовать, что кто-то другой может ему помешать, и он молниеносно завершит задуманную комбинацию и оставит соперника с носом.

Не помню какая причина подняла меня из "постели" и загнала в тайгу рано утром (сказать на рассвете нельзя – солнце куда не уходило, оно понимало, что мы за полярным кругом, потому шло по кругу), но брёл я сонный по лесу и услышал истошные крики какой-то птицы. Видимо, для кого-то это была песня. Она состояла из двух повторяющихся колен: первое напоминало пощёлкивание ногтем по коробку спичек — “тэкэ, тэкэ, тэкэ...”, а второе — скрип ножа по точилу — “ди-дзи-дз-дзи-дзие...”. Щелканье длилось несколько минут, точенье — секунды.

– Токовая песня, – рюхнул Штирлиц.

Только кого?

Пошёл на звук. Шёл осторожно, не хуже индейца. Даже лучше. Скользил, как тень.

На поляне, между моховым болотом и зарослями довольно высоких лиственниц, засыпанной мелкими сухими веточками, топталась и голосила большая красивая

птица. Мне показалось, что длина её почти метр. Была она окрашена в бурые, чёрные и тёмно-серые тона, с белыми пятнами на брюхе и на нижней стороне крыла. Мощный жёлто-розовый клюв, зоб чёрный, с блестящим зеленоватым отливом; грудь и горло чёрно-бурые. Брюшко тёмное, с белыми пятнами. Спина тёмнобурая; крылья рыже-бурые, светлее, чем спина; хвост чёрный, с белыми пятнами. У оснований крыльев видны белые пятна от выступающих подмышечных перьев. Красные брови над глазами выступают из перьев. Перья подбородка удлинены и напоминают бороду.

Я решил, что это – глухарь. Как потом оказалось – верно.

Глухарь пел самозабвенно, вытянув шею и запрокинув голову. Временами он с негромким шелестом веером развевал хвост, напряженно подергивал им, и то собирал, то распускал крылья.

Я хоть и городской житель, но много читал об охоте, да и отец у меня охотник. Я знал, что когда глухарь поёт первую часть песни он довольно хорошо слышит, а вот, когда, вторую – не слышит ничего. Можно стрелять, ему без разницы. Но видит он хорошо: и когда поёт и когда молчит. Очень осторожная птица. Когда петух переходил ко второму колену песни ("Ки-чивря, кичивря, кичивря") я делал шаг вперёд, стараясь не попасть ему на глаза.

Мне удалось подойти довольно близко. Глухарь бегал, как заведённый. По такой подвижной мишени я, пожалуй, промажу. Я снял ружьё с плеча, протёр очки, надел их и постарался прицелиться.

Зря потерял время.

Таких певцов нельзя игнорировать. Старания должны быть вознаграждены.

На поляне из-под земли возникла подруга – купалуха. Не теряя ни секунды, петух насел на неё и они в страстном сексе исчезли в кустах.

Остался я с носом.

Машинально продолжал движение к токовищу. И правильно сделал. С шумом, ломая ветки, в большое дерево врезалась крупная птица. Уже другой глухарь уселся на сук, где-то на половине высоты лиственницы. Сначала он издал глухой, металлический звук <дак> и чутко прислушался, затем начал щелкать чаще и азартнее. Я затаился на месте, как по команде "замри". Сменив щелканье на точение, глухарь вошёл в азарт, пел непрерывно песню за песней. Когда он распелся, я продвинулся на несколько больших шагов.

Но не к глухарю.

Сам того не подозревая, повёл я себя, как типичный рак.

Сначала я пошёл по периметру тока, стараясь выбрать место, с которого глухарь лучше всего виден. По пути вертел головой, как локатор: нет ли где других глухарей, или добычи какой поважнее, и не являюсь ли я для кого сам потенциальной пищей. Выбрал место, стал вспоминать, а дробь-то у меня в стволах какая? Пятый номер. Если стрелять на открытом месте и вблизи, то, конечно, годится. Но если птица за ветками, и довольно далеко, то мелковата. Пришлось перезаряжать на третий номер, думаю, хватит. Ружьё у меня слабовато для такой дичи (20-тый калибр), но зато порох собственного рецепта. Мало не покажется.

Глухарь вдруг замолк, замахал крыльями и пошёл на разбег по ветке. Я вскинул ружьё и почти не целясь выстрелил.

Слепой охотник стреляет наугад.

Из клуба дыма вылетела большая птица и снижаясь потянулась через ток. Я бросился за ней. Пробежал шагов 100 и увидел, как глухарь упал на слегка оттаявшее болото. Пролетел бы дальше, без собаки мне бы его не достать.

Так я стал охотником.

Потом мой винчестер наводил страх на тайгу, тундру и степи Сибири, и джунгли Африки.

Охота – не потеха! Охота – песня души!

Дежурный по лагерю

Не горшок угодник, а стряпуха.

Утром оказалось, что я дежурный по лагерю. Должен работать по хозяйству. АС с Анатолием пошли искать месторождение чего-нибудь полезного, а каюр – собирать лошадей, которые куда-то делись. С ними и собаки.

Я остался один убираться в лагере и готовить еду.

С уборкой проблем нет, подметать хвоей нечем, и не нужно. С едой сложнее. Я конечно пару раз жарил яичницу, отваривал яйца, сосиски и даже пельмени, мог как-то заварить чай. Но не более того. Повар низкой квалификации.

Начал с очевидного: с заготовки дров. Сидим в лесу, но дров мало. Собрал в окрестностях валежник, сухие веточки для растопки, срубил несколько лиственниц. Дерево, как железо. Ветки отрубить можно, но что б разрубить на поленья – пришлось попотеть. Пошёл по берегу собирать плавник. Иногда попадались большие деревья. Обрубал с них ветки. Но стволы уходили вводу, где утопали в глине и песке. Изредка лез за ними в реку. Добычу тащил на берег, поцарапался и перемазался с ног до головы.

Два часа упорного труда (по принципу: сделай или умри!), куча дров почти достигла моего роста. Годится!

Раскидал угли кострища, почва несколько оттаяла. Саперной лопатой процарапал длинную, глубиной 15 см, канаву с плоским дном. Дрова гореть будут ровнее, от ветра защита. Меньше от дыма бегать буду.

Должностьстряпухи начал с мытья посуды.

На целине мы было решили эту задачу – выставляли миски во двор, собаки вылизывали их до блеска. Но девочки возмутились, стали сами мыть. Мы тогда не знали, что идём по стопам нашего вождя и учителя – товарища Сталина. Был он сослан года за два перед революцией в село Курейка в Туруханском крае в низовьях реки Енисей (был там музей Сталина - рыбацкий домик, обнесённый павильоном, построенный заключёнными, которые потом (в тот год, что я был в Батагае) снесли его и сожгли). Вместе со Свердловым. Об их совместном сосуществовании Сталин рассказывал Хрущёву.

«Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала нам казна: три рубля в месяц. Ещё партия нам помогала. Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была собака, я её назвал „Яшкой“. Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка. Так вот, Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поём, поставлю тарелки на пол, собака все вылизжет, и все чисто. А тот был чистюля».

Свердлов (уже когда стал Председателем ВЦИК, т.е. главой РСФСР) вспоминал:

«...мы слишком хорошо знаем друг друга. Что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах... С товарищем теперь мы на разных квартирах, редко и видимся».

Жаль, что он не пережил Сталина, мог бы раскрыть его обнажения.

Для меня сталинский путь был закрыт. Собаки в поле, да и каюр запретил им что-либо давать, в том числе – на мисках.

Пора подумать о меню и способах его реализации.

Из оборудования имелась большая чугунная сковорода и три ведра с крышками. Личный котелок. И кострище.

Ни тебе газа, ни духовки, ни микроволновки.

Нет тут тёти Молоховец с её книгой "Подарок молодым хозяйкам или средство уменьшения расходов в домашнем хозяйстве", нет даже советской толстой "Книги о вкусной и здоровой пище". Был бы Интернет – спросил у Яндексса. Но его ещё не создали.

В моём распоряжении были рыбы в леднике и глухарь. Была крупа – ячка, сгущёнка с сахаром, овощи сушённые: картофель, морковь и свекла. Ну, ещё соль, естественно. В виде бульжника.

Из этого нужно приготовить вечерний обед на четверых. Смешать всё вместе, сделать ирландское рагу? Оригинально, но могут не понять. Опять же нужны петрушка и тмин. А их нет.

Передо мной возникла проблема (проблема – задача, которую невозможно решить имеющимися средствами), возможно самая трудная за всю мою долгую и беспокойную жизнь.

Это вам не спирт из политуры гнать, тут соображать надо.

Как обычно, повесил на перекладину три ведра с речной водой, раскопегарил костёр. Пусть всё кипит, пока соображу, что делать.

Ну, рыба ещё туда-сюда. Тройной ухи не будет, будет рыбный суп.

Чтобы был рыбный суп, нужна рыба, желательна без чешуи и кишок. Но сама собой она в ведро не прыгнет. Как чистят рыбу я вроде видел, но как-то рассеянно, не врубился. Опять же одно дело сидеть рядом с лётчиком, другое – вести самолет самому. И сколько этих рыб надо на четверых: может они уварятся.

Сходил на ледник, принес шесть рыб среднего размера, организовал дымокур, сел у палатки с рацией, включил на приём и принялся за работу.

В наушниках трещало и пищало что-то неразумное, но потом понятное: три точки – три тире – три точки. Сигнал *SOS*. Прислушался к морзянке – где-то в Японском море тонул сухогруз. Стало приятно: у нас качки нет, кроме комаров – никакой мерзости, даже дождя. И на дно пока не идём.

Вернулся к рыбе. Скользящая она и вёрткая. В руке не удержишь. И нож у меня не тот. У всех кинжалы за поясом, ножи якутские, а у меня – в кармане нож складной. Охотничий называется. Это потому, что если его раскрыть, то просто так он не закроется: нужно на отвертку нажать. Чисто бандитское оружие, на человека годится, а на зверя нет. И рыбу чистить трудно. Но надо!

Окунул пальцы в соль, чтоб не скользили. Лево́й рукой схватил рыбу за хвост и правой начал скрести чешую. Та летела во все стороны, пока я не сообразил держать нож под небольшим углом. Отрезал хвостовой плавник, спинной и анальный, затем и два брюшных. Распорол брюхо, от анального отверстия вперёд, достал все кишки. Обнаружил белую плёночку, проходящую вдоль хребта рыбы. Выбросил и её. Под ней оказалось много кровавой массы, которую извлёк. Икры не оказалось. Тщательно промыл и разрезал на куски.

С удовольствием посмотрел на дело рук своих.

Однако времени ушло много. Этак я до вечера провожусь. Надо ускорить процесс. Отменил чистку, содрал с остальных рыб кожу с чешуёй и выбросил.

Вода в центральном ведре закипела. Бросил туда сухую картошку и прочие не менее сухие овощи – пусть разваривается эта резина.

Ещё раз подумал, что делать.

Вспомнилась Клязьма, соседки за забором, мать и дочь, еврейки, послевоенное время: мы жили бедно, но они – беднее. Однако в свой праздник они обязательно готовили фаршированную рыбу. Внешне – рыба, как рыба, а костей нет! Вкуснейшая вещь! Готовят её из кошерной рыбы: карп, щука, лосось, сиг. Сиг у меня, кстати, был. Только ничего другого не было, а если бы и было, то толку ноль: как это готовить я не имел не малейшего представления.

Однако мечтать не вредно.

Добавил перловки, посолил на глаз и решительно запустил всю рыбу. Пусть суп варится.

Добавил в костёр брёвнышек и вернулся к радиопалатке и дымокуру.

Выключил рацию, чтоб не сажать батарею, включил радиоприёмник, моя гордость, тогда в СССР таких ещё не было – собрал радиоинженер на кафедре и мне дал на испытание. Прошёлся по всем диапазонам – ничего не попало. Наконец, поймал японскую радиостанцию. Передавали оперу "Князь Игорь". Правильные самураи! Про меня запустили. Я ведь – Игорь. Хоть и не князь дурной. Я бы с голой жопой на рожон не полез, и в плену б не оказался. Впрочем, послушаем, Москву вспомню, Большой театр... Бывали, слушали, смотрели...

Теперь глухарь: ошип, опал, потраш.

Под музыку хорошо идёт.

Проще всего содрать шкуры, кишки выкинуть и варить. Но! Подушки у меня нет, вместо неё – свитер в мешке из детской клеёнки. Сны дурные снятся. Набью много птицы, надеру пух и перья – будет у меня подушка. А может и перина!

Сказано – сделано. Начал дёргать перья, сначала аккуратно, по одному, чтобы не повредить кожу, потом горстями ускорил процесс. Затруднения вызвали перья на хвосте и крыльях. Но справился, хотя и не скоро.

Опера продолжалась, приближались половецкие пляски.

Выбежали полуголые девушки-невольницы, все в бюстгальтерах, но без груди (грудь, наверное, всё же были, но меньше моих), заплясали и заголосили:

*Улетай на крыльях ветра
Ты в край родной, родная песня наша,
Туда, где мы тебя свободно пели,
Где было так привольно нам с тобою.*

Довольно долго. Мужики-невольники ждали-ждали, им надоело и они тоже пустились в пляс. Теперь все вместе: Бум, бум, бум!

Половцы, не будь дураки, затагнули осанну хану. Дело полезное во все времена:

*Пойте песни славы хану! Пой!
Славьте силу, доблесть хана! Славь!
Славен хан! Хан!
Славен он, хан наш!
Блеском славы
Солнцу равен хан!
Нету равных славой хану! Нет!*

Чего нет?!

Вот и мы недавно нашего Отца славили (Но! "Кум докучал огурец, и добавил с мукою: оказался наш Отец, не отцом, а сукою").

Кончак на лесть не поддавался, у него деловое предложение:

*Видишь ли пленниц ты
С моря дальнего,
Видишь красавиц моих
Из-за Каспия?
О, скажи, друг,
Скажи только слово мне,
Хочешь, любую из них я тебе подарю.*

– Да ну их на фиг, – отвечал Игорь, – без них хлопот полон рот.

*О дай те, дайте мне свободу
Я свой позор сумею искупить,
Спасу я честь свою и славу
Я Русь от недруга спасу!*

Спас один такой! Сбежал, бросив в плену сына. И обманул: Русь не спас. Другим князьям пришлось озаботиться.

Бум, бум, бум! Хор и ор. За это и любим химика Бородина...

Опера пошла к концу, а я вернулся к своим баранам, т.е. к глухарю. Образовалась тушка и мешочек с перьями. Теперь опал. Пошёл к костру, повертел тушку над огнём, опалил остатки перьев глухаря и себе шерсть на запястьях. Чудом руки не сжёг. Издали посмотрел на вёдра, крышки прыгают, пар валит, процесс в норме. Подложил ещё хвороста и пошёл к реке потрошить.

Левой рукой оттянул кожу на зобе и сзади, у шеи, правой рукой надрезал кожу стараясь не повредить зоб. Через образовавшееся отверстие вынул зоб, пищевод и гортань, оттянутую на шее кожу стянул, шейку вытянул и отрубил вместе с головой. Затем осторожно, чтобы не повредить кишок, разрезал брюшко. Правую руку вложил в отверстие и осторожно отделил от стенок содержимое брюшной полости. Нашёл желчный пузырь и вырезал его вместе с зеленоватым, прилегающим к нему кусочком печени, отделил печень, вынул желудок, разрезал его вдоль роговой оболочки, содержимое

удалил, а затвердевшую слизистую оболочку стянул или срезал ножом, сердце тоже вырезал и присоединил к остальным потрохам.

Осмотрел результат. Здорово вышло! Попытался извлечь дробь, несколько штук вытащил, но бросил это дело – авось никто зуб не сломает. Всё тщательно промыл. Некоторое время размышлял разрубить ли тушку на куски, потом решил варить целиком. Отрубил лапки, ножки прижал к корпусу, крылья завернул за спинку. Всё, включая требуху, сложил в тазик и вернулся к костру.

Костёр чересчур раздухорился – горела перекладина. Крышки на ведрах с водой прыгали, но с супом нет. Снял всё с костра и первым делом заглянул в ведро с супом. В нос ударил дым. Супа не было! Вообще нет жидкости! На сухом дне дымилась обугленная масса.

Вы когда-нибудь видели, чтобы суп подгорел?! Я – нет!

Вот и слушай после этого оперы! И здесь Игорь навредил!

Ладно, начнём сначала.

В два ведра долил воды, поставил кипятиться. Сгоревшее ведро потащил к реке и там долго чистил его песком и камнями, промыл, наполнил водой. Здесь у нас будет каша.

Вода в первых ведрах закипела, в одно насыпал сухие овощи и они стали вариться. Полез во вьючники, искать ячку. Не очень представлял, как она выглядит. Не сразу, но нашёл: на мешке была этикетка. Бросил в ведро с овощами тушку глухаря, засыпал в другое ведро крупу. Всё посолил. Теперь я уже на дурные оперы не отвлекался, следил за костром, за кипением и бурлением, изредка мешал кашу.

Когда все вернулись, их ждал полный обед, он же ужин: ведро глухаринного супа, ведро крутой ячневой каши и ведро чая.

Каково?! Есть, что поесть? Есть!

Знатная я стряпуха...

Гурманы

*За полярным нашим кругом
Сто гурманов бродят цугом
И готовят друг из друга
Строганину, хэлик, тунгэл*

Слегка вечерело. Так и хочется спеть: *вечерело, солнце село, да, ветерок слегка, прогуляться девка вышла, всё равно – война*. Но, солнце никуда не село, оно продолжало кружить по небу. Невысоко, временно прячась за горками. Ни девки, ни войны. Лишь ветерок. Действительно, слегка...

Костры (Афонас организовал небольшой свой) – важные источники видимого и инфракрасного излучения – то вспыхивали, то гасли, периодически окутывая нас дымом.

Мы устроили несколько дымокуров для лошадей. Набросали на землю трухлявую ольху, сверху щепки и сучья, потом ветки берез и ив, ну и траву сверху. Жердями слегка огородили, чтобы кони, в бегстве от комаров, не сожгли себе хвосты и гривы. Лошади опытные, встали меж дымокуров, хвостами создавая ветерок. Собаки тоже сунулись было туда, но, хлебнув дыма, ретировались.

Экспедиция приступила к трапезе.

То, что есть, что поесть всегда замечательно. Конечно, каша пересолена, суп недосолен, чай жидок. Подумаешь! Бывает. А вот то, что глухарь оказался жёстким – не хорошо. Варился три часа, не помогло. И пахнет хвоей. Вкус? Пожуй ветку кедра, поймёшь.

Оказалось, что в этом (в отличие от других недоработок) моей вины нет. Ведь глухарей два вида. Токовый глухарь красив, но вкус его – на любителя. Всю зиму он питается почками ольхи, хвоей и, если получится, достаёт из-под снега немного клюквы. Осенью другое дело, птица вдоволь отъедается ягодами и если весной глухарь ворона-вороной, то осенью деликатес.

Спутники мои наперебой стали обсуждать способы готовки весеннего глухаря. Сначала застреленную птичку подвешивают в холодке за голову. Весит она под 5 килограмм. На 5-й день тушка падает на землю с оторванной головой: процесс ферментации пошёл, мясо подквасилось, стало нежней, можно готовить. Перья никто не дёргает: птицу берут за ноги, смачивают в холодной воде и опускают в кипяток. Тогда перья-пух удаляются легко. Мясо глухаря, твёрдое, как доска, к тому же имеет горьковатый привкус хвои. Поэтому тушку замачивают в уксусном маринаде, репчатом луке и минеральной газированной воде, положив грудками вниз, потом нарезают на куски, насаживают каждый кусок салом, обваливают его в панировочных сухарях или муке, обжаривают на сковороде на сливочном масле или свином жире. Солят и перчат куски по вкусу, уложив в кастрюлю с крышкой. Добавляют 1 ложку масла или жира, заливают соусом, в котором они жарились на сковороде. Тушат час. За 15 минут до готовности вливают один стакан белого столового вина. На гарнир хороша кочанная квашеная капуста, маринованные ягоды, салаты из свежих овощей, жареный картофель, отварная цветная капуста. Мочёная брусника обязательна.

У членов экспедиции, как у собак Павлова, потекли слюнки.

А суп? Варится очень крепкий бульон. Долго варится. Мясо вынимают, отделяют от костей и жил и мелко нарубается. В бульон кидают лапшу, кладут порезанное мясо, солят, добавляют чёрный перец, лавровый лист, зелень любую от укропа до кинзы. Продукт – пальчики оближешь! А ведь бывает ещё глухарь тушённый с брусникой, глухарь жаренный, филе глухаря с перцем чили, филе глухаря в слоённом тесте, печень глухаря с помидорами, рулетки из глухаря со свежим сыром, рулетки из глухаря с овощами, коктейль из глухаря с фруктами и соусом из йогурта, глухарь и сыром и шампиньонами, глухарь в кукурузно- сметанном соусе. Якуты к диче подают вкусный напиток из княженики (у нас – костяника) и земляники, вскипяченных со сливками и разбитыми мутовкой в эмульсию. Густой душистый напиток русские зовут «якутским шоколадом».

Ворона–вороной, доска–доской, но глухарь был уничтожен, косточки обглоданы и брошены собакам. Кашу тоже смели.

Сюрприз я подготовил на финиш. Заварил кофе, настоящий кофе, остатки которого рассыпались по рюкзаку. Кайфовать, так кайфовать!

Кейф — на иврите кофе, когда евреи его пили — койфевали. А мы кайфуем.

Повесил над костром ведро с водой и грязными мисками (авось всё само вымоется) и откинулся на вьючник. Назло АС.

Дежурство кончилось!

Детушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо.

Бремя белого человека

Бремя белой расы

Вы взять на себя должны

Дела закончены, можно погонять чай и покурить спокойно. Коллектив в сборе, начнём разговор и диспут. Как на московской кухне.

Сначала о текущих нуждах, потом о политике. Начал свою проповедь империализма Анатолий. О роли России в освоении Сибири и других территорий, о приобщении дикарей к культуре, нравственности, религии, образования. Ответственности русских за защиту и процветание нацменьшинств. Даже в ущерб себе самим. Бремя Белого Человека (по Киплингу, стих *The White Man's Burden*) не давал ему покоя.

Неси это гордое Бремя

Родных сыновей пошли

На службу тебе подвластным

Народам на край земли

На каторгу ради угрюмых

Мятущихся дикарей,

*Наполовину бесов,
 Наполовину людей.
 Неси это гордое Бремя
 Будь ровен и деловит,
 Не поддавайся страхам
 И не считай обид;
 Простое ясное слово
 В сотый раз повторяй -
 Сей, чтобы твой подопечный
 Щедрый снял урожай.
 Неси это гордое Бремя
 Воюй за чужой покой
 Заставь Болезнь отступить
 И Голоду рот закрой;
 Но чем ты к успеху ближе,
 Тем лучше распознаешь
 Языческую Нерадивость,
 Предательскую Ложь..... ну и т.д.*

Мы с АС вяло откликнулись. Тема академичная, не наша.

Но внезапно в дискуссию встрял каюр. До сих пор он возлежал на своей кошме (впереди – наш большой костер, сзади – свой маленький, с одного боку Барон, с другого – Граф), в наши разговоры не вмешивался, лишь иногда подавал реплики. На ломанном русском играл в "моя твоя не понимай". Но тут заговорил твёрдо, уверенно на приличном русском.

– Вы русскую историю читали? Цитирую: "В начале XVII столетия – вскоре после набега разбойника Ермака на р. Иртыш, кинулся русский народ за Урал искать наживы и обогащения, счастья и приволья. Новый, неведомый край с его огромными девственными лесами, в которых было много соболей, с величайшими в мире реками, полными рыб, с обширными степными целинами, с величайшими горами, с сокрытыми в них драгоценными минералами – всё это возбуждало жажду наживы, сулило быстрое обогащение." Образование, просвещение?! Кому? Тому, кто выживет? Русское нашествие уничтожило большинство народов Сибири, а остальные обращены в рабство. Заселение россиянами окраин шло независимо от правительства и носило характер чисто семейной организации. Это сначала. Затем, построили остроги, подтянулись чиновники и власть государственная. Тут уж грабёж стал всеобщим. Сверху до низу укоренился взгляд на Сибирь, как на место наживы и обогащения. Злоупотребления и взяточничество расцвело. Стоны аборигенов не интересны: важны преступления против казны. В 1721 Пётр I казнил князя Гагарина за грабёж государства. Российские цари чиновников Сибири, приносящих финансовый ущерб правительству, ссылали на каторгу, рвали ноздри, били кнутом – не помогло. Пример: сенатор Селифонтов чернил и громил управителей Сибири. Это – в столице. А как в 1803 стал генерал-губернатором довёл коррупцию до апогея. Вокруг него образовался "комитет грабителей" с любовницей во главе. Каково?

Я смотрел на Афонаса Николаевича квадратными глазами и слушал, раскрыв рот. Если бы Дерсу Узала прочёл Арсеньеву лекцию о совпадениях и различиях философий Гегеля и Канта, то как бы он к этому отнёсся?! Вот и я....

Каюр перешёл на современность, на грабёж якутских богатств. Это я где-то уже слышал. Не интересно..

Устал я, трудно быть стряпухой. Отполз в палатку и слушал продолжение, засыпая.

Всё-таки в интересный край я попал. Ждал тайгу, охоту, местных следопытов и встретил их, геологов – нашёл, ссыльные лагерники есть и в больших количествах, есть и местные партийные органы и правительство. Но тут есть что-то ещё, что никак не просматривалось в Москве. Учёные, политики, философы. Не удивлюсь, если школьная уборщица окажется певицей Большого Театра, а сторож – изобретателем "Катюш". Круто!

Однако, многовато московско-кухонных разговоров. Скучно! Нельзя ли больше приключений?

Можно! На утро они пришли.

Общее дело

*Как-то по лесу гулял,
Повстречал медведя.
Я быстрее убежал,
Чем машина едет.*

Встал я позже других. Вчера перетрудился. Завтрак был почти готов, лошадей пригнали. Начиналась суета по демонтажу лагеря.

Я стрелой вылетел из палатки и устремился в тайгу справлять малую нужду.

При нужде и хромой заскачет.

Как не торопился, но тормознул. Всё-таки есть на что посмотреть в этом забытом богом краю. Уж вроде насмотрелся я на цветущие лиственницы, а всё равно – красиво!

Как ни занят я был процессом, но всё же услышал подозрительно сильный шум из брандспойта. Вовремя тормознул. В метрах двадцати здоровый бурый медведь тоже писал. Мы оценивающе поглядели друг на друга и пришли к соглашению, что у нас общее дело, важное для здоровья. Его нужно закончить, а уж потом переходить к действиям.

Лиственница цветёт почти как роза.

Пока мы занимались важным делом, я лихорадочно размышлял о перспективах нашей встречи и возможных её последствиях. Из оружия у меня перочинный нож (в магазине назван охотничьим) – слабое оружие против горы с толстой шкурой, клыками и когтями. Притвориться мёртвым и сдаться на милость победителя? Позорно для барона. Залезть на дерево? А где оно? Заросли есть, но на эти прутьики высоко не влезешь, согнутся и точно в пасть мишки направят.

Миша смотрел на меня во все глаза.

Голубые глаза медведя.

Он соображал. Вот так, проснёшься по весне, худым и голодным, бродишь по лесу, вырываешь с корнями траву, а, если повезёт, то и куст смородины с ягодами. Вегетарианец, а не хищник какой. Никого не трогаешь, а остановишься малую нужду справить, обязательно какая-нибудь сволочь возникнет. На этот раз – двуногая. Да ещё,

небось, с ружьём. С одной стороны, хорошо бы дать дёру, и забыть о встрече. С другой, повернёшься задом, тут тебе в него и всадят заряд картечи. Замочить двуногого? Нет проблем, а смысл?! Малина поди вкуснее. К тому же считанные они все двуногие эти. Обнаружат пропажу, сбегутся, во всей тайге места себе не найдёшь.

Всё же интеллект, есть интеллект. Я сообразил первым.

Схватил висевший у меня на шее милицейский свисток и сильно дунул. Трели разнеслись по всей округе.

– Ну, вот, началось! – подумал медведь. – Пора валить.

Первым на свист откликнулся Барон. Молча, намётом, взлетая над кустами, бросился он к нам. Не тратя время на пустые переговоры и разведку, он вцепился в заднюю ногу медведя. Тот закружился, как пилигрим. Подоспел и Граф. Кусать медведя он на всякий случай не стал, но зашёлся в громком лае (не так, как лайка, а как солидная овчарка). И начал вертеться перед носом Миши, отвлекая его от борьбы с Бароном.

Подбежал Анатолий с карабином, за ним поспешал с винчестером Афонас, на ходу перезаряжая его. Армейский отряд замыкала Анастасия Семёновна, подпрыгивая на ходу, чтобы лучше видеть: начальнику экспедиции следует всегда быть в гуще событий.

– Во! Все на одного! Справились с животным! Ничего, мы ещё встретимся на узкой дорожке, один на один...

Медведь, скинул с себя Барона, и рванул в тайгу. С удивительной для такой туши скоростью. Долго ещё раздавался треск сучьев и лай собак. Потом всё стихло, собаки вернулись, мы побрали половник, выроненный АС по дороге на сечь.

И позавтракали.

Хоть охотник я бывалый,

Но медведя всё ж боюсь.

Если вижу я медведя,

То, как зайчика, трясусь!

Поиск базальтов

Сразу поесть мне не дали: АС отправила меня мыть морду лица и чистить зубы. Намекнула, что не глупо бы и побриться. Интересно чем? Топором что ли? Бритьё – символическая кастрация. Подумаешь щетина. Зато потом борода отрастёт как у Льва Толстого или Игоря Курчатова. Будет, что девочкам показывать.

Лучше раз в году родить, чем день деньской бороду брить.

То же мне Мальвина! Да и я не Бурратино, не Папой Карло, и не из полена сделан...

Мао Цзедун, к примеру, никогда зубы не чистил. Почему и стал Великим Кормчим, властелином миллиардного народа. Правда, страдал пародонтозом и сильно вонял. Однако

Всё в руках человека! Поэтому их надо чаще мыть.

Пошёл умываться. Вода ледяная, зубы сводит, порошок из коробки сыплется, ветер его выдувает, дождь мочит, хозяйственное мыло глаза ест, берег крутой, едва в воду не смайнался. Но справился, даже руки помыл, а то они все были в саже и репудине.

Поели. Долго собирали и упаковывали шмотки, рацию, оружие, библиотеку. Груз увеличился – два вьюка с гранитом.

АС бродила по лагерю и причитала:

– Бумажки на лагере, бумажки на лагере!

Никаких особых бумажек на лагере не было. Она собирала материальные свидетельства нашего пребывания и бросала их в яму костра. Я сильно его разжёл, пытаясь сжечь пустые консервные банки. Они не сгорели, но сильно окислились и покоробились. Думаю они сгниют быстро. Костёр потушили, яму завалили землёй. Для пожаробезопасности на него пописали втроём.

Если б весь народ собрать,

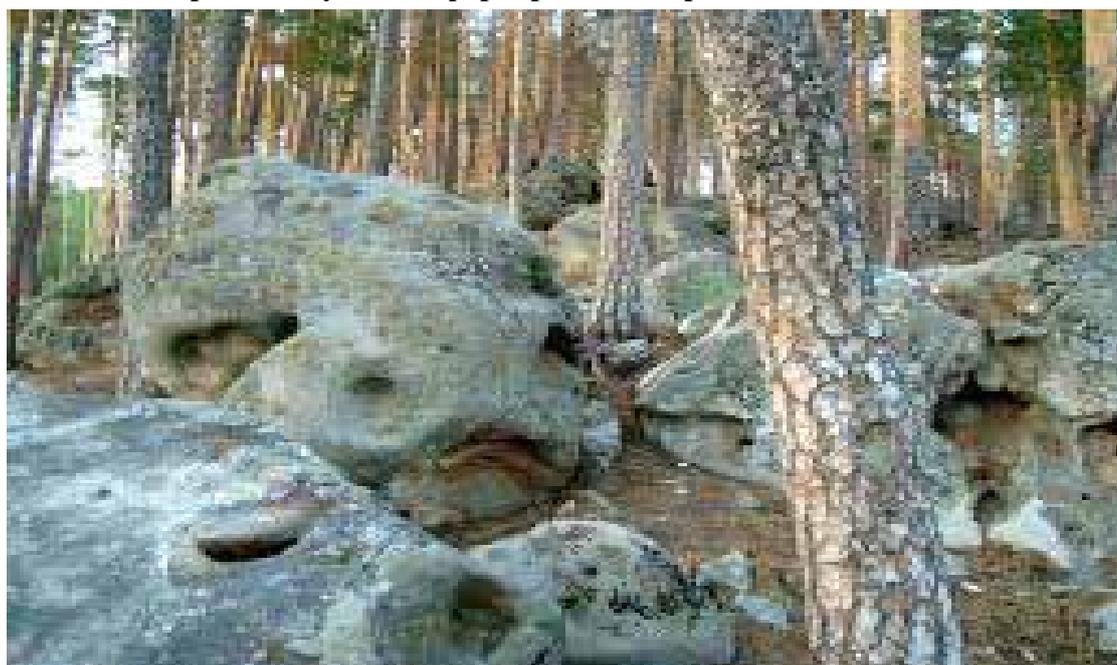
Организовать умело,

*Можно солнце обоссать -
Вот бы зашипело!*

АС в этом деле участвовать не стала. Она гарцевала впереди.
Мы последовали за ней.

Многочисленные протоки Туастаха форсировали в брод.

Продвижению нашего каравана сильно мешали камни меж деревьев. Плохо, когда нет тропы.

Последние ночи шли дожди, было сыро, бежали мелкие ручьи, тропа отслеживалась, но была скользкой. Лошадь прижималась к деревьям то одним боком, то другим. На меня обрушивался водопад и я промок сидя в седле. Протоки Туастаха форсировали караваном, не спешиваясь и не ища специально брода. Только в одной речке вода достигла живота лошади, остальные были мельче.

Сначала тайга была похожа на лес, деревья были приличной толщины, густой подлесок и т.п. Единственно, что мешало передвижению – огромные камни, сквозь которые прорастали деревья. В подмосковной тайге ничего похожего не было.

Когда взобрались на террасы, пейзаж вновь стал унылым, то тундра, то лесотундра, редколесье одним словом. Отчаянно завопила сойка, предупреждая, что человек вошёл в лес. Спасайся, кто может! Взбалмошная птица. Истеричка! Над нами стал кружить ворон. Расчётливая птица. Видит: в лесу лось, а на тропе люди. Быстро соображает: люди убьют лося, и пища будет на халяву. Но сейчас он ошибается, нам не до лося. Идём караваном.

Однажды деревья разошлись, возник вид на реку и на чью-то могилу, высоко поднятую на четырёх столбах и охраняемую шестами. С колоды, покрытой берестой, свисали остатки шкур жертвенных животных

– Могила шамана?

– Нет, шаманки. Очень сильная колдунья была. Жаль рано скончалась.

На одной опушке встретили захоронение местной шаманки.

Мне показалось, что из воздушного гроба исходит тихий, глухой звук бубна и печальные женские вздохи.

Появились холмы, мы их переваливали. Изредка теряли тропу. Тогда останавливались, АС, Анатолий и Афонас группировались, разглядывали компас, карту и аэрофотоснимки, совещались и меняли маршрут. Я

не вмешивался, т.к. знал, что нам на северо-запад и мимо хребта мы не промахнёмся.

Монотонный шаг Сатэра меня убаюкивал, я задремал, почти заснул.

Разбудил меня окрик каюра:

– Игор! Лошадь – не кресло. Слезай!

Привал. Мы спешили, лошадей развьючивать не стали, они паслись на аркане. Развели костерок и вскипятили чай. Тут обнаружили, что начальник экспедиции исчез. С концами! АС, сказав традиционное: "Надо посмотреть нет ли базальтов", что для нас означало "Удаляюсь по нужде", она ушла в тайгу. Мы за ней, естественно, не последовали, и по времени не ограничивали. Однако, прошёл час, а её не было. Какая бы ни была нужда, а это перебор. Подождали ещё – никакого эффекта. Пришлось организовывать спасательную экспедицию. Пустили по следу Афонаса с собаками. Исчезли и они. Прошёл ещё час. Никого!. В задумчивости смотрели мы с Анатолием друг на друга: кто пойдёт следующий? Вдали послышался выстрел, мы ответили дуплетом. Залаяли собаки, прорвались к нам сквозь кусты, появился счастливый Афонас, а за ним смущённая АС. Оказалось, что она удалилась несколько дальше, чем рассчитывала, а затем стала возвращаться (она думала, что к нам, а на самом деле – точно в противоположную сторону). Шла она быстро и решительно, так что каюр её с трудом догнал (отличился Граф, вспомнив, что папа у него немецкая овчарка – ищейка, он довольно уверенно вёл по следу) и вернул начальство подчинённым.

Раз уж так получилось, что день идёт под знаком малой нужды (отличились я, медведь и АС), то решили прервать путь и заночевать. Развьючили лошадей, поставили палатки, АС с Анатолием занялись едой, а Афонас сажал лошадей на арканы. Я оказался не удел и решил сходить на охоту. Взял дроб и пошёл.

Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— А куда ты хочешь попасть? — ответил Кот.

— Мне все равно... — сказала Алиса.

— Тогда все равно, куда и идти, — заметил Кот.

Горная страна Черского

Ой, гора, гора,

Гора — крутой подъем.

Пора что-то сказать о месте действия моего повествования, о горной стране Черского, о нём самом, о его жене и сыне.

Черский родился в Белоруссии (3.05.1845 в имении Сволна дриссенского уезда витебской губернии), говорил на белорусском языке (вообще-то он знал 5 языков). Биографы то называют его поляком, то белорусом, а то и литвином (но не литовцем!). В 10 лет потерял отца, воспитывала его и сестру мать. В 1860 поступил в Правительственный (Шляхетский) институт в Вильно. В польском восстании в 1863 он практически не участвовал, но один месяц провёл в партизанском отряде. За это его лишили дворянского звания. Конфисковали имущество не только у него, у матери (Ксения) отобрали имение и она потом сильно бедствовала. После короткой отсидки в витебской тюрьме, пошёл штрафным рекрутом в бессрочную ссылку. По решению трибунала Черскому предстояло служить в Благовещенске. Но, проходя через Тобольск, И. Черский откупился взяткой в размере пяти золотых монет, которые мать зашила ему в подкладку пальто и которые он хранил «на чёрный день». Черского оставили отбывать службу в Омске, в Западносибирском линейном батальоне, где он сторожил каторжников в местной тюрьме. По пути в Омск И. Черский познакомился с известным естествоиспытателем А.Л. Чекановским, который привил ему интерес к изучению природы и сбору различных коллекций (сам он скоро сошёл с ума). Благодаря хорошему образованию, Черского в скором времени перевели в офицерское собрание на должность денщика. Он много времени проводил в библиотеке. Познакомился с географами

Г.Н.Потаниным и А.Ф. Миддендорфом, собрал богатую коллекцию ископаемых раковин, которые оказались пресноводными, что было открытием, т.к. до этого считали, что сибирские степи – дно древнего моря. В 1868 академик Александр Федорович Миддендорф заинтересовался этим и по его наводке Черского в 1871 вызвали в Иркутск в русское географическое общество. Там он работал писарем, библиотекарем и консерватором музея. Постепенно ему стали поручать экспедиции, в основном по исследованию озера Байкал и гор вокруг него. Геологии (и всему остальному) он систематически не учился, вообще никогда никаких университетов не кончал и даже не посещал. Самоучка чистой воды.

Иван Дементьевич Черский (Ян Доминикович Черский) (1845–1892) – исследователь Сибири, географ, геоморфолог, геолог Российской империи, участник Польского восстания 1863 Первооткрыватель истоков реки Лены, составитель первой геологической карты озера Байкал, первый географ, исследовавший впадающие в Байкал ручьи и реки, сплавлялся по реке Кольма, геоморфолог, ученый, описавший розовую чайку и останки животных, населявших Азию в древности.

В Иркутске жил он в доме прачки Ивановой, у которой было две дочери Ольга и Марфа. Все неграмотные. Стал их учить и, естественно, женился (1878) на одной из них - Мавре Павловне. Удачно – она стала его верной помощницей, участником экспедиций и продолжателем его дела. Она была на 15 лет его моложе и прожила долго (83 года). Родилась она в 1857, а умерла аж в 1940, почти на 50 лет пережив мужа. В 1879 у них родился сын Александр. Не обошлось без приключений. Летом загорелся город Иркутск, дома которого были деревянными. Спасаясь от огня, жители бежали из города. Мавра отправилась к сестре в Александровский завод. В пути, в повозке, на лесной дороге и

родился будущий натуралист-путешественник, которого назвали Александром в память этого путешествия. С 1878 Марфа участвовала в экспедициях мужа (по Приморскому хребту, рекам Большой и Быстрой, в Баргузинский залив). В 1882—1883 году жила (вместе с мужем и сыном) в селе Преображенском (на Нижней Тунгуске), где под руководством мужа освоила методику метеорологических наблюдений, а также участвовала в изучении четвертичных отложений, фауны и флоры. После смерти мужа жила в Питере, потом в Витебске. Перед первой мировой войной у нее было небольшое имение, которое у неё после революции сразу отобрали. Она с внуком переехала в Ростов на Дону, скончалась в Таганрогском доме престарелых.

В 1883 году Черский был освобождён от вечного поселения. Учитывая его заслуги Русская Академия Наук добилась разрешения поселиться в Петербурге. Он болел астмой и открытой формой туберкулёза, но организовал Колымо-Индибирскую экспедицию, которую сам и возглавил. Экспедиция была небольшой, можно сказать – семейной: сам Черский (46 лет), жена (30 лет, зоолог и учёный секретарь), сын Александр (12 лет), племянник Генрих (сын сестры Черского и прусский подданный, Генрих Иосиф фон Дуглас, стрелок-препаратор) и проводник Степан Расторгуев, казак – урядник. Экспедиция началась 14.07.1891 по маршруту Якутск-Оймякон-Верхне-Колымск. Приключений было много, с трудом пересекли Верхоянский хребет, издали видели горы, которые потом назвали горной страной Черского, но по ним не лазали и не описывали. Зимовали в Верхнеколымске, где племянник женился на местной девице и из экспедиции выпал. Черский в июне на небольшом корабле стал спускаться по реке Колыме, с женой, сыном и проводником, но 25.06.1892 умер (в устье притока Колымы – р. Прорвы). Похоронен в селе Колымское (на берегу, в устье реки Омолон). Мавра Павловна завершила работу экспедиции, проведя её по намеченному маршруту (Нижнеколымск — Среднеколымск), после чего вернулась в Якутск, а в 1893 — в Петербург.

Черский опубликовал 97 научных работ, из которых сама заметная – геологическая карта Байкала. Его именем названы: шмель, три вида рыб, одно ракообразное, ископаемые: рыба, рак и аммонит; хребет Черского в Забайкалье, вулкан на южных склонах Тункинских Гольцов, пик — вершина в Комаринском хребте Хамар-Дабана, гора – вершина Байкальского хребта, камень — вершина у посёлка Листвянка в Иркутской области, берег (Кошели) — берег на берегу Байкала в Баргузинском заповеднике, берег (Новая Станица) — берег реки Иртыш, посёлок Новая Станица, Омская область, долина — в палеогеографии мезозойская долина между Восточный Саяном и Енисейским краем, — стоянка первобытного человека. Черский — посёлок городского типа в низовьях реки Колымы в Нижнеколымском районе Якутии. В Москве есть проезд Черского, улицы Черского есть в Вильнюсе, Верхнедвинске (Дриссе), Иркутске и в посёлке Зырянка. Установлено несколько мемориальных досок в его честь.

Но, конечно, основная его слава – горная страна Черского – система хребтов в Восточной Сибири северо-западного простирания в верховьях рек Колымы и Индибирки, и далее по правому берегу. Больше всего Кавказа! Он там не был – её открыли после него. Но назвали его именем. Почему? У него был хороший знакомый и последователь – известный путешественник В.А. Обручев, который рассказал о нём сыну. Тот и назвал открытый и исследованный им горный массив страной Черского. Повезло бывшему ссыльному...

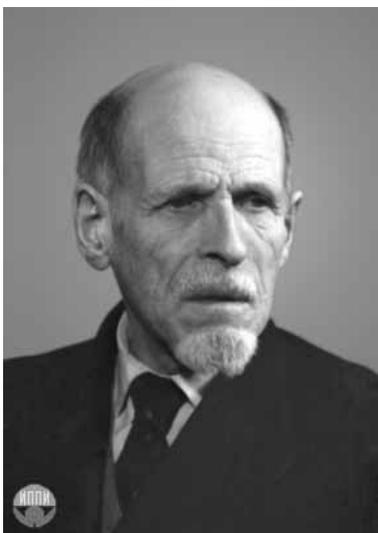
Сыну его, Александру, повезло меньше.

Черский Александр Иванович (1879–1921) — русский орнитолог, натуралист и исследователь Дальнего Востока.

В 11 лет он принял участие в длительной экспедиции по Колыме (с отцом и матерью). После смерти отца тринадцатилетний Александр вернулся в Петербург, где через несколько лет окончил гимназию, а затем в 1904 – физико-математический факультет Петербургского университета. С 1909 работал консерватором музея во Владивостоке. В течение семи лет он ежегодно вместе со своей женой и препараторами

совершал экспедиции для изучения растительного и животного мира Приморского края. Они исследовали южную часть Приморья — озеро Ханка, полуостров Муравьева-Амурского и другие районы. Были собраны богатые материалы, только коллекции птиц составили более 2 тысяч экземпляров. Помимо птиц он занимался сбором данных по рыбам, млекопитающим, насекомым и др. В 1914 году А. И. Черский опубликовал список в 305 видов птиц. В 1915 он уехал на Командорские острова в качестве смотрителя за рыбными и пушными промыслами. В течение трех лет жил на этих островах, изучая биологию промысловых животных — морских котиков, каланов, песцов, попутно собирая коллекции рыб. Большое внимание уделил исследованию командорских песцов. Весной 1919 назначен директором управления по охране песцового промысла на Командорских островах. Он остался зимовать на острове Медном до весны 1920. В связи с событиями Гражданской войны ни один советский пароход не мог заходить на Командорские острова. На острове Медном в это время сложилась крайне тяжёлая обстановка. Туда неоднократно высаживались браконьеры, обирали и спаивали алеутов, преследовали учёного, угрожая убить, требуя спирта и денег. Не имея никаких сведений с Большой земли и не решаясь одному выйти в море, нервный от природы А.И.Черский не выдержал подобной обстановки и зимой 1921 принял яд. Он оставил записку-завещание, в которой просил распределить своё имущество между сотрудниками, работавшими с ним в последнее время. Рукописи же поручил вручить какой-нибудь научной организации во Владивостоке. Так неожиданно, на 42-м году, оборвалась его жизнь. Записка и корзинка, наполненная до отказа исписанными полевыми книжками, позднее были переданы в научный отдел Дальрыбы, где и были потеряны.

Именем А. И. Черского названы многие виды животных (насекомых, рыб, птиц, млекопитающих) и растений. Его имя также носит мыс на восточном берегу острова Русского вблизи Владивостока. Что стало с его женой и сыном неизвестно.

Сергей Владимирович Обручев (1891–1965), советский геолог, член-корреспондент АН СССР, сын путешественника Владимира Афанасьевича Обручева (автора романов «Земля Санникова» и «Плутония»), и Елизаветы Исаакиевны Лурье, в 1926–1935 изучал бассейны рек Индигирки и Колымы (в результате чего была установлена их золотоносность). Разработал схемы орографии, геоморфологии, тектонического и геологического строения северо-восточной Азии. В ходе Индигирской экспедиции (1926) предложил объединить горные сооружения среднего течения Индигирки и Колымы под названием хребта Черского; Сталинская премия 1-й степени за 1944 за открытие и исследование месторождений олова на Северо-Востоке СССР.

Горная страна названа так первооткрывателем — С.В.Обручевым в честь Черского (его отец, В.А.Обручев, лично знал Черского и очень его уважал, считая себя его преемником).

История открытия страны Черского довольно любопытна. Экспедиция под началом Обручева была направлена в среднюю часть Верхоянского хребта. Однако весной 1926 планы её резко изменились. Один из бывших белогвардейских офицеров, Николаев, несколько лет скитавшийся по стойбищам оленеводов после окончания Гражданской войны, воспользовался объявленной амнистией и сдался властям. При этом он передал в Якутскую контору Сбербанка пузырек с несколькими платиновыми самородками, намытыми, по его словам, в районе реки Чыбагалах, левого притока Индигирки.

Естественно, мужики забыли, куда шли, и рванули за драгметаллом. Экспедиция оказалась необычайно трудной. К тому же она разделилась. Обручев с топографом и якутом-проводником на двух лодках сплавлялся по Индигирке, а остальные члены экспедиции с лошадьми двигались через горы. Индигирка никак не хотела превращаться в

спокойную равнинную реку: бешеный поток продолжал реветь в каменных теснинах гранитных каньонов. Отряд попал в центр какого-то громадного хребта, более мощного, чем Верхоянский. Хребет этот тянулся от полярного круга до реки Колымы. 10 августа у одного из якутских стойбищ две части экспедиции соединились вновь и продолжили путь вниз по Индигирке. Экспедиция в начале сентября достигла, наконец, цели своего маршрута — реки Чыбагалах. Никакой платины не оказалось. (Потом анализ образцов Николаева показал, что они из Виллойского месторождения, и, видимо, куплены у тамошних старателей). Так было сделано важное географическое открытие – целая горная страна.

Горная страна Черского – система хребтов в Восточной Сибири, расположенная между правым берегом реки Яны и верховьями рек Колымы и Индигирки.

Хребет Черского находится на Северо-Востоке Сибири, но не является хребтом в обычном смысле этого слова, а представляет собой протяжённую (длина 1500 км, ширина 400 км) горную систему. Высшая точка – гора Победа (3033 м). Границами служат Яно-Оймяконское нагорье на юго-западе и Момо-Селенняхская рифтовая впадина на северо-востоке. Расположен на территории Якутии и Магаданской области. В западной части горной системы, в междуречье Яны и Индигирки есть хребты Хадаранья (до 2185 м), Тас-Хаяхтах (2356 м), Чемалгинский (2547 м), Курундя (1919 м), Догдо (2272 м), Чыбагалахский (2449 м), Боронг (2681 м), Силяпский (2703 м) и др. На востоке, в верховьях Колымы, — хребты Улахан-Чистай (г. Победа – 3003 м), Черге (2332 м) и др. В хребте Черского – 350 ледников общей площадью 157 км², 69 перевалов и 4 вершины. Достопримечательностями являются гора Победа, «современный» потухший вулкан Балаган-Таас и крупнейшая в мире вечная наледь Улахан-Тарын на реке Мома.

Хребет Черского. Выглядит красиво, но ходить тяжело.

От себя добавлю, что горная страна Черского в три раза больше Кавказа. Батагай относится к стране Черского.

Туостахская впадина

Куда идёт король - большой секрет.

Раз уж мы занялись географией, то самое время рассказать о реке Туостах и её долине.

Туостах – правый приток р.Адычи, длина 271 км, площадь бассейна 20000 км². протяжённость 388 км. Образуется при слиянии рр. Хара-Салаа и Бодымба, берущих начало в хребте Черского. Питание дождевое. Замерзает в октябре, вскрывается в начале июня. В бассейне **Туостах** 40 наледей (общая площадь 77 км²).

Обсуждаемая здесь территория расположена на северо-западной оконечности страны Черского, между хребтами Кисиях и Тирехтяхский в пределах Туостахской впадины, представляющей собой ледниковую холмистую равнину с термокарстовыми озерами. Тут распространены разновозрастные предгорные, аллювиальная и делювиальная равнины, долины рек с комплексом надпойменных террас. Палеогеновая кора выветривания, представлена глинами с реликтовой слоистостью, склоновыми галечниками и супесями. Горы имеют пологие, реже крутые склоны, выровненные вершины. Гряда Кисиях имеет абсолютные отметки 900–1500 м и относительными превышениями 600–300 м. Водоразделы имеют крутые склоны, на которых широко развиты курумы, нагорные террасы, кигиляхи. В геологическом строении участвуют осадочные породы. Большую роль играют мезозойские изверженные породы кислого состава (граниты). Среди лесного пояса на южных склонах и надпойменных террасах встречаются остепнённые участки.

Река Туостах в нижнем течении.

По климатическим условиям этот район входит в континентальную область субарктического пояса. В холодный период года климатический фон определяется азиатским антициклоном, с которым связаны крайне низкие температуры воздуха и незначительная высота снежного покрова. В теплое время года активизируется циклоническая деятельность, что сопровождается выпадением более значительного, чем зимой, количества атмосферных осадков. Среднегодовая температура воздуха -15°C . Наиболее холодным месяцем является январь со среднемесячными температурами $-45,0^{\circ}\text{C}$, с абсолютным минимумом $-67,8^{\circ}\text{C}$. Самый теплый месяц – июль со средней температурой $+15,2^{\circ}\text{C}$, максимум $+34,6^{\circ}\text{C}$. Количество атмосферных осадков невелико (в основном летом). Суровые зимы и засушливое лето, резко континентальный климат.

Почему-то мне кажется, что Туостах переводится как речка Берестяная, но в этом я не уверен. На реке имеются крутые перекаты, сменяющиеся тишайшими запрудами, местами она мелкая, но на довольно больших участках глубокая: бродом не перейдёшь. Сильно петляет, имеет множество рукавов и стариц, образуя кучу островом. В ручьях, впадающих в Туостах, на дне бьют тёплые геотермальные ключи, благодаря которым растения защищены от холода. Зимняя температура вблизи реки на 15° выше, чем в округе, а на самой реке зимой бывают незамерзающие водные пространства. По реке никто не живёт, но охотничьи зимники есть; в верховьях Туостаха пастухи пасут домашних оленей. Туостах – самый большой приток Адычи, река чистая, рыбная. Ихтиофауна представлена 30 видами рыб: хариус, ленок, таймень, сиг, голец, карась и др. Крупные экземпляры тайменя – речного тигра – достигают 40 кг.

В долине Туостаха распространены лесные, луговые, водно-болотные, альпийскотундровые и степные растительные сообщества. Много видов высших растений, из которых 10 редких и 80 лекарственных. Растительность представлена лиственницей, ивой, ольхой, тополем и тальником. На северо-западных склонах встречаются заросли кедрового стланика. Благодаря уникальному микроклимату, здесь растут такие экзотические виды растений как бузина, рябина (высотой до 10 м), тополя с окружностью до 2,5-2,8 м (высотой до 35 м и охватом до двух с половиной метров), имеет место обилие целебных трав (например, золотой корень – радиола розовая) и ягод (смородина, охта (странно: охта по-фински медведь, таких названий полно под Питером, а якуты так называют дикую смородину, которую обожают медведи), малина, морошка и т.д.). Лиственница здесь вырастает до больших размеров. В этих краях обитают 30 видов млекопитающих: дикие олени, лоси, медведи, снежные бараны (чубуку), бурые медведи, волки, кабарга, много пушных промысловых зверей: соболи, россомахи, рыси, зайцы, горностаи и др. В этом регионе обнаружено 137 видов птиц из них более десятка оседлых зимующих видов птиц: рябчики, каменные глухари и т.д. Весной на пролете много уток и гусей, белая куропатка и каменный глухарь. Зимуют мелкие воробьиные птицы.

Портянки

*Распортянулись портянки,
Расшинелилась шинель.*

По косограмм и каким-то моховым болотам шёл я довольно бодро, раскачиваясь как кавалерист, с ногами в виде арок и со сбитыми седлом ляшками. Неумело натянутые портянки слезали, натирали ноги. Приходилось останавливаться, садиться на поваленное дерево, снимать кирзовые сапоги и по-новой переобуваться. Также неумело.

Ноги постоянно были мокрыми, даже когда в болото не проваливался. Хорошо бы разуться, развалиться на травке, дать ногам отдохнуть и портянки посушить, развесив их по ближайшим кустам. Так я и делал, но были обстоятельства, затруднявшие процесс. Травка маскировала вечную мерзлоту, на которой долго не пролежишь. Туча комаров немедленно впивалась в голые ноги, нарушая кайф. Время от времени налетавший дождь мешал процессу сушки.

Однажды на военном деле полковник (в МГУ почему-то все воен.спецы были полковниками) показывал, как наматывают портянки, но я, видимо, смотрел куда-то не туда и ничего не запомнил. В подвале химфака был и специальный стенд с рисунками последовательности действий. С текстом:

Портянка — кусок ткани для обматывания ноги, нижнее бельё для ног, прямоугольный кусок тёплой и прочной ткани. Обёртывание правой ноги: портянка расстилается на какой-либо ровной чистой поверхности или, при обвертывании на весу, гладко расправляется и натягивается руками; при обвертывании правой ноги стопу ставят на полотнище портянки ближе к правому краю её, отступая от этого края на 20 см, причём так, чтобы концы пальцев немного не доходили до переднего края портянки (приём 1); захватывают правой рукой передний угол короткого конца портянки и обвертывают этим концом стопу сверху, расправляя складки; самый угол подсовывается под подошву с внутренней стороны и удерживается в таком положении с помощью

свободного длинного конца портянки, натягиваемого другой рукой (приём 2); тщательно расправив складки на подъеме стопы, а также на подошве (для чего натягивают край портянки сзади пятки), длинным концом портянки, полным оборотом, обвертывают (меняя при этом руки) тыл стопы, подошву и пятку (приём 3); свободный конец портянки, главным образом передний край её, натягивают вверх, вдоль голени (приём 4); затем обвертывают задней частью портянки нижнюю часть голени, прикрывая передний край портянки; при этом пятка плотно обхватывается сзади и внутри при помощи складки с внутренней стороны голени (приём 5). Обвертывание левой ноги производится аналогично правой с соответственной переменной рук и концов портянки.

Читал, читал, но ничего не запомнил. А зря. Уже бродя вокруг Батагая ноги стёр, а здесь вообще могу их лишиться.

Была попытка отказаться от портянок в пользу носков. Ничего не вышло. Мать дала мне штук 10 пар носков: тонких и толстых. Носил с сапогами. Исчезли! Дошли до молекулярно-дисперсного состояния и с сожалением были выброшены.

До Эйнштейна мне далеко: тот всегда ходил без носок, теоретически доказав их бесполезность. Я же практик, на босу ногу обувь не ношу. Кожа у меня тонкая...

На базе мне выдали два полотна – одно в виде простыни, другое – длинное и широкое из тонкой шерсти. Шерстяное я пока не употреблял, а стелил под себя, спасаясь от сырости. А простыню резал на куски треть метра на треть, получались летние портянки. В них и ходил. Вещь удобная – сносу нет, дыра появилась – мотай другим концом, если часть промокла, используй другую. Стирать удобно, а можно и не стирать. Если на запах не реагировать...

Всё хорошо, только их надо уметь плотно наматывать их на ногу. Школа нужна, которой у меня нет. Самоучка я! Как в математике...

Постигал жизнь самостоятельно. Не слишком умело: портянки сбивались и ноги натирались.

Не надо было с мерина слезать.

Муравейник

*Чтобы получить знание, нужно учиться;
чтобы получить мудрость, нужно наблюдать*

Предался я горестным размышлениям о брэнности человека, у которого шкуры надёжной и той нет, не говоря уж о шерсти, рогах и копытах. Босиком по тайге-тундре не пойдёшь. Вот и носи сапоги с портянками по кочкам болотным.

Через час философских бдений вдруг обнаружил, что меня кусают. То есть кусали меня непрерывно, но в основном снаружи. К комарам я почти привык, однако теперь по моему телу ползало что-то инородное. Ползало и кусалось. Пришлось обратить внимание на окружающую действительность. Оказалось, что я лежу на муравейнике полном жизни. Странно! До сих пор я такого в здешних краях не встречал. В вечной мерзлоте жить трудно. Но в долине Туостаха климат теплее, чем в округе. Это сказалось. Муравейник большой, и, несмотря на умеренно паршивую погоду, довольно оживленный: аборигены что-то строили и что-то тащили на себе и к себе.

Муравей не велик, а горы копает.

Машинально обрезал веточки, зачистил их и воткнул в кучу. Муравьиной кислоты (метановая кислота, HCOOH, если кто не знает) полизать захотелось. Вспомнил детство-отрочество, Клязьму, и многочисленные муравейники в тамошнем бору. В своё время я много наблюдал за этой параллельной цивилизацией. И даже эксперименты ставил.

Коллективный разум. Нам не понять.

Тысячи существ суетились, полный хаос движений, а из этого хаоса вырастало сооружение, сложнее построек человека. Муравьиная община преодолевает пространства, по чёткому плану строит колонии, размножается, перерабатывает почву, уничтожает насекомых – вредителей леса; при этом сами служат пищей для птиц и многих животных, включая наглых медведей.

Присмотрелся к местному муравейнику. Мне показалось, что он ниже среднего подмосковного, с более плоской крышей, и построен не столько из хвои, сколько из крупного песка и мелкого гравия. Муравьи были рыжими, как у нас, но мелкими. Говорят, муравьи любят тащить к себе блестящие частицы, зерна магнитных пород и, особенно, золото. Не знаю, такого не видел.

Муравейник – необычайно сложное по своей конструкции сооружение. Чтобы его создать муравьи должны обладать уникальными способностями и знаниями, они должны уметь считать (видимо в уме – вычислительных систем у них вроде нет) и пользоваться результатами счёта. Прикладной математикой должны увлекаться.

Должны. Не знаю только кому.

А нужны ли расчёты, инженерное оборудование, компьютеры и прочие наши прибамбасы, для создания такой разумной цивилизации, как муравьиная общность? Нужна для этого математика? Или коллективная общность, распределённый разум ничего подобного не требует. Да и что такое математика сама по себе? Это ведь не наука, а фикция. Может ли хаотическое (случайное) действие привести к созданию упорядоченных структур? Это вопрос! Похоже, я знаю ответ. Чтобы создать гигантские пирамиды, величественные готические соборы, термитники и муравейники, математиком и инженером быть не надо – всё это создаётся само собой, путём ненаправленной деятельности коллективных масс. А математика – штука бесполезная. И здесь и везде.

Ориентироваться надо не на спекуляции, а на факты.

Муравьи постоянно проводят учёт количества особей в колонии. На основе полученных данных определяют, пришло ли время их семье делиться, и создавать новое поселение..., и принимают решение. Они учитывают условия среды обитания, её качество, и, оценив какая по площади территория необходима для прокорма каждой семьи, строят на требуемом расстоянии друг от друга муравейники. Расстояние между ними зависит от вида и состояния кормовой базы урочища, а также от густоты леса и сомкнутости крон деревьев. В одном городище высота куполов, их диаметр, объём кучи, крутизна склонов почти одинакова. А отношение высоты к диаметру подчинено всеобщему закону гармонии природы – золотому сечению, т.е. отношению 1:1,62.

Меня всегда интересовало, как они перемещаются в пространстве, добывают пищу, сообщают коллективу о находках подходящих стройматериалов, пищи или приближающейся опасности, как прокладывают транспортные пути и регулируют перемещение по ним по ним грузовых потоков.

Я строил лабиринт, в центр его помещал муравьев, а потом на некотором расстоянии от них клал приманку (сахар). Очень быстро у приманки оказывался муравей-разведчик, осмотрев находку и оценив её ценность и величину запасов, он немедленно возвращался в гнездо, сообщал о находке своим товарищам, и вскоре к сахару тянулась цепочка рабочих муравьев-фуражиров, начиналась разработка полезного ископаемого и доставка продукции к себе домой. Лабиринт мой состоял из многих поворотов. Приманку я перемещал по лабиринту: сначала муравью надо было преодолеть один поворот, потом второй, третий и т.д. Число поворотов увеличивалось, но муравей сразу шёл к ней по кратчайшему пути, не путаясь в поворотах сложного извилистого хода. Никаких проб и ошибок! Он не тыкается попусту даже после недельного перерыва в эксперименте. Однако наступал предел: 15-ый поворот. Дальше муравей отыскать сахар без пробных «тыков» уже не мог.

А вы сможете? Способны вы запомнить путь в лабиринте из 15 поворотов после первой же попытки? Да нет, куда вам. Интеллект не тот...

Муравьи хорошо ориентируются и на дневной поверхности, и в трёхмерном (объёмном) пространстве, т.е. и глубоко под землей, и на высоких деревьях. Будучи слепыми, они уверенно находят дорогу к пище и воде, к источникам лесных стройматериалов. Большое семейство муравьёв выдвигает из своего коллектива

нескольких наиболее опытных и способных разведчиков и наставников, которые потом указывают путь многим тысячам носильщиков и строителей.

Однажды я положил на муравьиной тропе три неравных кусочка пищи. Обнаружив их, муравей-разведчик тщательно изучил добычу и вернулся в муравейник. Немедленно появились три группы, каждая из которых направилась к «своему» объекту. При этом соотношение числа носильщиков в командах точно соответствовало соотношению веса частей добычи. То есть муравей-разведчик не просто рассказал собратям о своей находке, не только объяснил путь к ней, но даже произвел точные расчёты рабочей силы, необходимой для переноса каждого вида груза!

Непрерывным транспортным потоком у муравьев управляют регулировщики дорожного движения. Они наделены особыми правами, способны на большом расстоянии и быстро перерабатывать информацию о возникающих на тропе препятствиях (упало дерево, появилась промоина и т.п.). Тут же они принимают меры для организации нормального двустороннего движения и требуют при этом беспрекословного повиновения себе. В результате быстро ликвидируется возникшая на муравьином проспекте напряженная ситуация. Некоторые муравьи, обеспечивая оптимальную скорость движения транспортного потока, на ходу производят «ямочный» ремонт дорожного полотна. Они не только засыпают неровности, но и выравнивают их своими телами, оставаясь неподвижными во время всего рабочего дня. При этом, в зависимости от размера колдобины, в неё ложится один или несколько «ремонтников».

Но как же муравьи выбирают свои пути-дороги? Ориентируются они по запаху, по оставленному разведчиками пахучему следу (пахнут – феромоны). Одного миллиграмма феромона хватит для маркировки тропы протяженностью 120000 км!

Способны муравьи определять направление и по небесным светилам: по Солнцу, Луне и звездам. Причём они видят звезды даже среди бела дня. Насекомые находят на местности нужный им пункт и возвращаются домой. Запоминают они и ориентиры — бугорки и ямки, кустики, приметные вершины деревьев. Но под землей или внутри купола, во тьме им уже не помогают ни небесные светила, ни другие видимые природные ориентиры. Тем не менее даже в самом начале строительства гнезда муравьи передвигаются в таких условиях буквально непроторенными путями. И ведут себя так на протяжении всей последующей жизни гнезда, а оно – трёхмерный лабиринт с весьма сложной топологией и доступностью транспортных путей. Муравьи не только перетаскивают по этим путям огромное количество негабаритного груза, они постоянно строят и перестраивают своё жилище, занимаются его проветриванием, поддерживают в нём повышенную концентрацию углекислого газа.

В муравейнике постоянно идёт оживленная, разноголосая беседа. Человеческое ухо её не воспринимает, но удаётся записать эти звуки и сделать их различимыми для нас. Оказалось, что рабочие муравьи издают одни звуки, охранники другие, а то, что произносит царица, иногда вводит всю колонию в состояние транса и воодушевляет население на подвиги и даже самопожертвование.

Но всё же: как толпы муравьёв находят оптимальный путь к цели? Мне, как специалисту по диффузии, миграции и массопереносу, т.е. по перемещению чего-то или кого-то из одной точки пространства в другую, знать это интересно и полезно.

Колония муравьев – многоагентная система, в которой каждый агент (муравей) функционирует автономно по очень простым правилам. Поведение агентов примитивно, но поведение всей системы оказывается разумным. Муравьи относятся к социальным насекомым поскольку образуют коллективы. Коллективная система способна решать сложные динамические задачи по выполнению совместной работы (которую не может выполнить отдельный элемент) без внешнего управления, контроля или координации. Это – роевой интеллект, определяющий способы кооперативного поведения (стратегию выживания). Основу поведения муравьиной колонии составляет самоорганизация, обеспечивающая достижения общих целей колонии на основе низкоуровневого взаимодействия. Колония не имеет централизованного управления; обмен информацией идёт только между отдельными особями (прямой обмен – пища, визуальные и химические контакты) Есть и непрямой обмен – разнесённое во времени взаимодействие, при котором одна особь изменяет некоторую область окружающей среды, а другие используют эту информацию позже, когда в неё попадают. Такое отложенное взаимодействие происходит через феромон. Концентрация феромона на пути определяет предпочтительность движения по нему. При своём движении муравей метит путь феромоном, что используется другими муравьями для выбора маршрута.

Пусть на оптимальном пути неожиданно возникла преграда и надо искать новую дорогу. Дойдя до преграды, муравьи с равной вероятностью будут обходить её справа и слева. Однако, те муравьи, которые случайно выберут кратчайший путь, будут быстрее его проходить, и за несколько передвижений будут сильнее обогащать феромоном (феромон испаряется и если муравей идёт медленно до цели и медленно возвращается, то феромон успеет испариться, идущий по следу муравей по нему не пойдёт); так выбирается самый быстрый путь, а т.к. скорости муравьёв примерно одинаковы, то такой путь – самый короткий, т.е. оптимальный. Поскольку движение муравьёв определяется концентрацией феромона, то следующие будут предпочитать именно этот (хорошо пахнущий) путь, продолжая обогащать его феромоном. Положительная обратная связь быстро приведёт к тому, что кратчайший путь станет единственным маршрутом движения большинства муравьёв. Испарения феромона (отрицательная обратная связь) гарантирует, что найденное локально оптимальное решение не будет единственным – муравьи будут искать и другие пути.

Муравьи слепы: они полагаются только на обоняние и осязание, и, надо сказать, очень удачно. Но не всегда. Муравей может случайно потерять общую тропу и начать идти своей дорогой. А дорога эта описывает круг вокруг дома. Он проходит по ней несколько раз и усиливает запах феромона. Другие муравьи теперь следуют по его пути, усиливая химический сигнал. Муравьям кажется, что они идут по все более четкому следу, в то время как на самом деле они ходят кругами, пока не умирают от истощения. Только немногим особям удастся выйти из круга смерти. Говорят, бывают круги диаметром в 400 м, а муравьи по ним ходят до трёх суток.

Ну, так и люди, хоть они не слепы, бредут за лидером-властелином, укрепляя дорогу. И ходят по кругу, пока кто-то внешний не разорвёт этот круг.

Возлежание на муравьиной куче пошло мне на пользу и даже в какой-то мере определило мою судьбу. Именно здесь у меня родилась идея нового научного направления, которое я назвал «Природные вычисления». Много позже создал я для компьютеров муравьиные алгоритмы (алгоритм слепого муравья, близорукого, дальнорюкого) и начал моделирование на графах поведение муравьёв, связанное с их способностью быстро находить кратчайший путь от муравейника к источнику пищи и адаптироваться к изменяющимся условиям, находя новый кратчайший путь. Эти алгоритмы удалось применить к описанию диффузии в сильно разупорядоченных, дефектных, пористых и наноструктурных материалах, к решению таких сложных комбинаторных задач, как задача коммивояжера, задача оптимизации маршрутов грузовиков, задача раскраски графа, квадратичная задача о назначениях, задача

оптимизации сетевых графиков, задача календарного планирования, оптимизация сетей, управление роботами, обработка печатных плат, исследование ДНК, составление маршрута облета местности летательным аппаратом, построения минимального маршрута при условии наличия препятствий и много где ещё.

Но это будет потом.

Сейчас же я встал, отряхнулся, выдернул из муравейника свои палочки, засунул их в рот и стоевым шагом направился неведомо куда.

Никто, никто не может догадаться

Куда идёт примудрый гном,

А гном идёт купаться!

Тест

Счастлив, кто падает вниз головой

Мир для него, хоть на миг, – а иной

Муравейники были, а дичи нет. Пустой тайга, однако.

Вышел я на очередную протоку Туостаха. Сел на камень и пригорюнился, как Алёнушка. Самое время подумать о смысле жизни. Полчаса упорно думал, но ничего не придумал. Пора домой.

Посмотрел я на реку и понял: "Я могу её переплыть". Мысль интересная, но абстрактная. Отогнал её и встал. Переплывать Туостах мне было совершенно ни к чему. И даже вредно. Но тут меня осенило: "А ведь я трус! Испугался! За жизнь уцепился. Нужна она мне, эта жизнь?" Я сел обратно. Дело серьёзное. Зачем я в экспедиции, что меня сюда принесло? Я тут, чтобы проверить трус я или нет. Много раз в Москве пытался ответить на этот вопрос. И не мог. Сомневался как-то. Не было случая проверить экспериментально. Вот теперь он представился, а я – в кусты?! Чтобы всю оставшуюся жизнь в себе сомневаться?

От себя не уйдёшь.

А ну — со смертью будем храбры!

Ведь всё равно возьмёт за жабры.

Снял ружьё и патронташ, быстро разделся до трусов и пошёл. Но остановился. Ноги буквально свело, тело затрясло, прошёл мороз по коже. Организм мой испугался, и куда-либо двигаться отказался.

Всё же я – трус. Жалкий трус. Мещанин во дворянстве.

Залез на высокий камень, можно сказать – на скалу. Её омывал поток воды. Спокойный и мощный, плотный, как ртуть. Потоптавшись немного на граните, я бросился вниз головой. Вода обожгла, перехватило дыханье. При такой температуре 3 минуты и я труп. Сильное течение поволокло куда-то. Я замахал руками, как ветряная мельница в шторм, заколотил ногами. Ни на одной сдаче норм ГТО не развивал я такую мощность. Ширину реки (метров тридцать) преодолел на одном дыхании. Вылетел на берег и распластался на морене. Тело задрожало, но теперь от холода. Показалось, что потерял сознание. Однако, постепенно стал воспринимать действительность. День был ясный, светило солнце и было тепло. Но песок, на котором я лежал, был холодным. Тело моё, покрытое слоем комаров, вибрировало и чесалось.

Встал и отряхнулся. Похоже пора домой.

А как?! Туостах – река длинная, её не обойдёшь. Надо обратно плыть. Об этом раньше не подумал. Лезть в реку не хотелось. Даже смотреть на неё было противно.

Идея с самого начала была дурной.

Чтобы преодолеть трудности, их надо сначала создать!

Принцип идиота.

Однако комары кусались и мёрз я в голом виде. Подохнуть можно...

Прошёлся я немного по берегу, поискал нет ли брода. Нашёл нечто вроде того.

Сунулся в брод, по самый рот.

Быстро зашагал по воде, она дошла до груди, опять меня понесло. Снова замахал я руками, смешивая кроль с батерфляем, но метров через десять нащупал дно и выбежал на берег, как ошпаренный.

Побежал в припрыжку вверх по реке. Нашёл одежду и не вытираясь оделся.

Всё! Тест сдал успешно. Даже два.

Теперь точно знаю, что я смелый, храбрый, мужественный и решительный человек.

И плавать умею.

Кто ищет приключения на свою задницу, обязательно найдёт.

Гуси

Гуси, гуси гу-гу-гу...

Не...

Га-га-га!

А, пофигу...

Зашагал я домой (дом есть наша с Анатолием палатка, установленная сейчас где-то на севере). Далеко не продвинулся, так как путь преградила очередная старица Туостаха (тут их великое множество). Течения не было, берега густо поросли орешником, тростником и осокой. Была и какая-то трава, круглая, как лук, но без дыры в центре. Её активно поедали гуси и даже выкапывали клубеньки. Я не биолог (слава Богу!), но я её определил как хвощ, т.к. она была похожа на гриву лошади. Когда я бродил по подмосковным лесам в поисках грибов, всегда на болотах нарывал такого хвоща, мать им натирала медный таз для варенья.

Добраться до воды было непросто, пробиваться бы к ней не стал, просто бы обошёл, если бы не услышал громкий гогот.

Продрался сквозь лозняк и увидел удирающих от меня гусей. Показалось, что они приняли разгон на взлёт, но взлетать не стали, а просто активно маневрировали по изгибам русла под руководством большого гусака. Тогда я не знал, что в эту пору гуси линяют и летать не могут. Особо рассуждать я не стал, скинул с плеч ружьё и, не надевая очков, дал залп из двух стволов.

Когда дым рассеялся, гусей уже не было. Пошёл посмотреть на результат. Два гуся и гусёнок плавали вверх лапками. Пришлось опять скидывать штаны и лезть в воду. Много тины. С помощью палок и веток подогнал гусей к себе и забрал.

Я добытчик или кто?

Теперь уж точно пора домой.

Какой-то американский философ залепил: "*Чтобы найти верную дорогу, сначала надо заблудиться*". Мудак он, а не философ. Что мне сейчас сильно не хватало, так это заблудиться. Не просто так, а что б найти верную дорогу!

Я, ребята, не философ, я – человек простой. Поэтому блудить не стал. Сразу пошёл туда, куда надо.

Да! У меня нет карты, нет компаса, нет радиопривязки. Нет тут ни дорог и ни троп. Солнце по кругу ходит, и местного времени я не знаю.

И что с того?

Строевым шагом двинул по тайге,

Шёл солдат с похода,

Зашёл солдат в кабак,

Сел солдат на бочку,

Давай курить табак.

Ать! Два! Горе – не беда.

Направо – околёсица,

Направо – лабуда.

Ать – два! Ать – два!

Через пару часов вышел я на лагерь и гордо бросил к ногам АС добытых гусей.

– Что-то ты долго гулял, – недовольно сказала мне АС, – Гуси – это хорошо, но инициатива наказуема: ошпили их, отпотраши и опали.

Вот так! Сделай доброе дело – сам за него и ответишь.

Надрал большое количество пуха и перьев. С учётом глухарей и некоторых других птиц, добытых каюром, получилась подушка. Настоящая подушка, единственная в экспедиции. С чехлом от мешка для геологических проб. Спал я теперь с комфортом. Правда она была скорее перьевой, чем пуховой. Но концу сезона она стала пуховой целиком.

Пока Анатолий готовил гуся, я развернул рацию и попытался связаться с базой. Ничего не вышло. Надо как-то выше поднимать антенну.

Гуся ели с черемшой. Вроде трава, а в вкус чесночный. Говорят, от цинги помогает.

С ужином затянули, не только из-за готовки, но и из-за долгой беседы об останцах-кигиляках, поскольку они постоянно мелькали на горизонте, а завтра мы должны с ними встретиться. Так долго, что мне показалось, что солнце на короткое время скрылось за горизонтом, впрочем, оно, скорее всего, просто временно спряталось за горкой.

День был полон приключений. Сразу не заснёшь: нервы... Почитал немного Сагу.

В большом кресле с подставкой для книги сидит старый Джюлион — эмблема своей семьи, класса, верований: седая голова и выпуклый лоб — воплощение умеренности, порядка и любви к собственности. Самый одинокий старик во всём Лондоне. Так он сидит, окружённый унылым комфортом, марионетка в руках великих сил, которые не знают снисхождения ни к семье, ни к классу, ни к верованиям и, как автоматы, грозно движутся вперёд к таинственной цели. Вот что увидел молодой Джюлион, умевший отвлечённо смотреть на жизнь. Бедный старик-отец! Вот, значит, ради чего он прожил жизнь с такой поразительной умеренностью! Остаться одиноким и стареть все больше и больше, тоскуя по живому человеческому голосу!

И отключился.

Мне на всё настать.

Кигиляхи

Камень преткновения и скала соблазна.

Быстро собрались, построились караваном и в путь.

Качаясь в седле и наблюдая появляющиеся время от времени скалистые останцы, я пытался собрать воедино свои знания по этому якутскому чуду света.

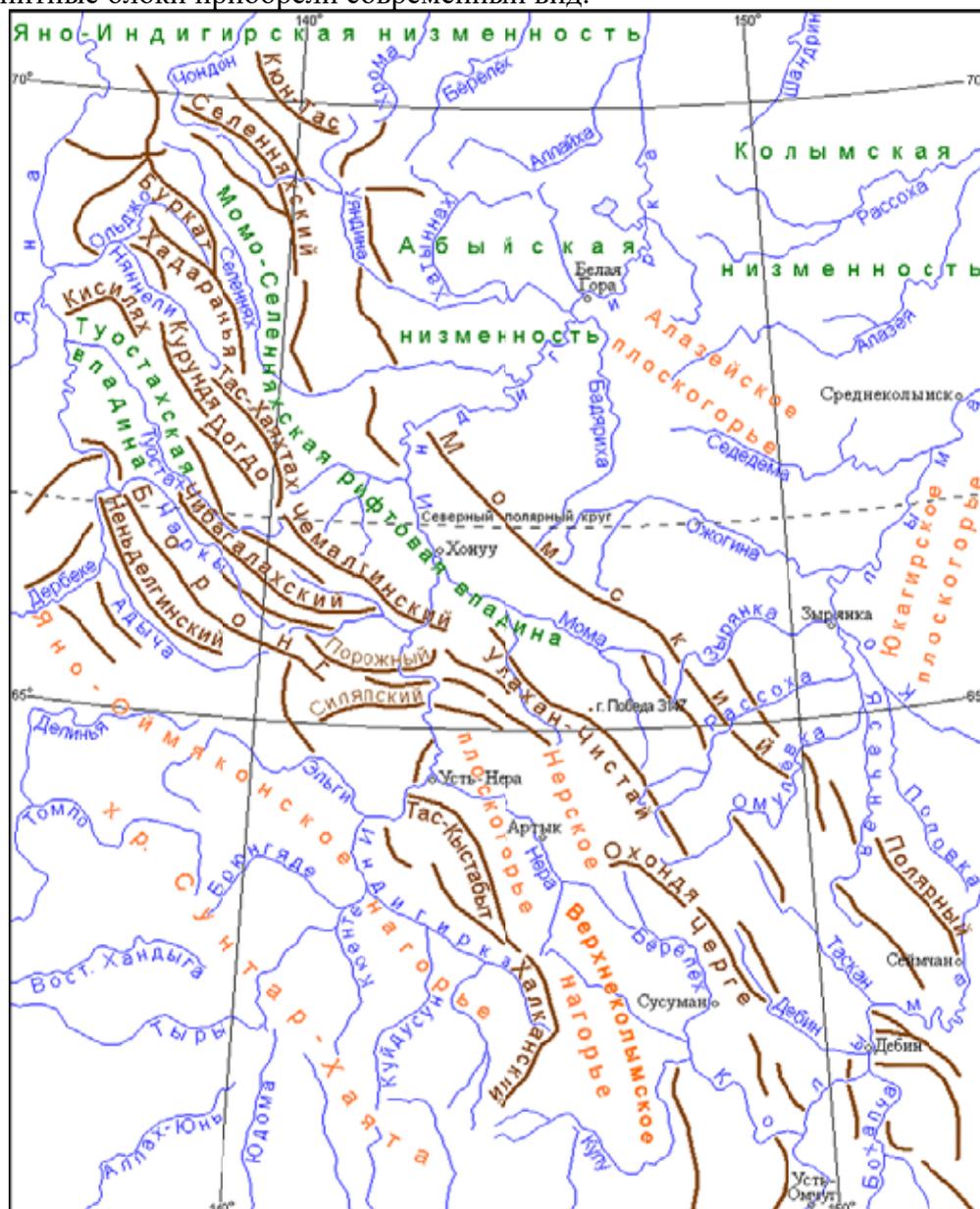
Кигиляхи – столбообразные скалы неправильной формы, располагающиеся на вершинах или склонах гор.

Верхоянском крае скальные останцы – гранитные столбы, называют Кисилэхи, кисиляхи, кигиляхи и даже Киһилээх, мы их в экспедиции называли кигиляхами, так и я привык. По-якутски кис – человек, следовательно кигиляхи – человеки, хотя кигиляхи обычно переводят как место, где есть люди или горы, населённые людьми. Русское название кигиляхов – «кекуры».

Скальные образцы, естественно, встречаются не только в Якутии и не только в России. Есть они, например, в Швеции, где их называют «*walking people*» – «идущие люди». Кигиляхи распространены на Северо-Востоке Якутии: Алазейском плоскогорье, Полоусном, Кюн-Тасе и Кисиляхском хребтах. Слово «кигилях» встречается в географических названиях: полуостровов Кигилях и мыс Кигилях – в юго-западной части острова Большого Ляховского; гора Кисилях-Тас одиноко стоит среди тундры на правом берегу р. Алазеи, в 160 км от берега Восточно-Сибирского моря. Острова Столбовой и Четырехстолбовой морей Лаптевых и Восточно-Сибирского названы так из-за каменных столбов – кигиляхов на них.

Отличие скальных останцов от остальных (Ленские и Енисейские столбы, столбы в Чешской Швейцарии) в том, что они не из осадочных пород, образовавшихся на дне

океана, а из твёрдых горных минералов, в основном из гранита (якуты его называют их «ийэ таас» – «материнский камень»). Считается, что якутские кигиляхи возникли 120 млн лет назад. В это же время образовались Верхоянский и Черский хребты как результат наезда Северо-Американской континентальной плиты на Евразийскую. Именно после образования складок на этих хребтах начали формироваться кигиляхи. Своими современными формами они обязаны выветриванию, которое в условиях морозной погоды и местонахождения (вершины скал) образует каменные столбы. Благодаря быстрому понижению температуры воздуха в осенне-зимний период, в горных породах возникают большие температурные градиенты. Образующиеся в результате этого морозобойные трещины разрывают массив пород на блоки. В дальнейшем выветривание, расширяет и углубляет трещины. За длительный промежуток времени – многие тысячи лет – гранитные блоки приобрели современный вид.

Из всей горной страны Черского нас больше всего интересовала гряда Кислях (см. северо-запад карты).

Вокруг Батагая мест с кигиляхами много. Основных три, а поскольку они имеют одинаковые названия, то возникает изрядная путаница о каких именно скалах идёт речь.

Ближе всего к Батагаю (практически точно на юг), между реками Яна и Адыча располагаются горы Киһилээх, протяжённость которых 80 км. У них две вершины:

Большой Киһилээх (гора Ыннаах – мать-гора) высотой 1705 м, и удалённый от неё на 50 км Малый Киһилээх (Элгэс Киһилээ5э) с высотой 1081 м. Хребет состоит из множества различных горных пород, в его состав входят глинистые сланцы, песчаники юры, аргиллиты и др., возникшие в меловом периоде. «Мать-Гора» богата агатами разных оттенков, халцедонами, серпентинами, горным хрусталем. Внешне она представляет собой увалистую поверхность с резким выделением останцов. Высота некоторых скал достигает высоту 30 м. Кигиляхи расположены на главном гребне хребта и, кроме того, тянутся по всему водоразделу, образуя иногда непроходимые стены или лабиринты с небольшими ходами между столбами. Чем дальше от вершины находится кигилях, тем он ниже ростом; на вершине располагаются идеально ровные столбы, а ниже они приобретают причудливые формы.

Интересная особенность этого района – наличие горок в виде усечённых пирамид с ровно срезанными вершинами. “Аэродромы” тянутся на километры в длину и в ширину. (При ближайшем рассмотрении ровность их довольно относительна – самолетам я бы не рекомендовал тут садиться). На Ыннаахе находится: «Балаган Таас» (Камень-зимняя юрта) – усеченная пирамида и «Ураса Таас» (Камень – летняя юрта) – коническая пирамида. К пирамидам относят Ат-Хайата, Хатыннаах, Ендекёччо и др.

Понятно, что такие чудеса не могли оставить равнодушными аборигенов, ибо без потусторонних сил тут не обошлось. Когда землю ещё не покрывали снега и не было вечной мерзлоты, люди тогда обитали в горах. Но климат изменился, сильно похолодало. В момент, когда жизнь стала совсем невозможной, люди решили переселиться на юг, спуститься с гор. Но во время перехода Кисилыхского хребта многие из них, не выдержав холода, замерзли. Со временем они превратились в каменные столбы, которые, покрываясь все новыми и новыми слоями камня, достигли своих настоящих размеров. По другой легенде давным-давно жил в верховьях Яны отважный народ. Жизнь была в те времена светлая, сытая, счастливая. Царили мир да лад, счастье и радость. Но пришла чёрная весть, что идут к ним недруги из-за гор и будет война, прольется невинная кровь. Стал народ молиться, и услышал Бог их молитвы, и обратил недругов в камни, что усеяли этот хребет. Впрочем, некоторые полагают, что дух горы рассердился на враждующие племена, живущие в долине, и обратил самых дерзких воинов в камень.

Но так рассуждают люди тёмные, не образованные. А образованцы, что телевизор смотрят, газеты читают, чему-то учились (правда, уже не помнят чему именно), трактуют кигиляхи в меру своей фантазии. На радость журналистам (те ещё ребята, если у них кто обладает знаниями в объёме трёх классов церковно-приходской школы – уже профессор).

Посмотрите на каком-либо фольклорном празднике, как одеваются якуты. Вы сразу признаете в кигилях древних людей Саха, ибо детали этих статуй совпадают с покроями одежды, с узорами, с особенностями моды якутов. Шапки с плоским верхом и двумя стоячими ушами носят только молодые люди, ну так они на молодых скалах и красуются. Женщины и старики носят шапки дьабака – такие на старых скалах и есть. Вся группа огромных людей опоясана одним священным сити, это обряд алгыса. Видно же!

– Да нет! Это же аналог статуй с острова Пасхи. Сильно разрушены временем, а что вы хотите? Сколько им лет?! Или вот посмотри на этот кигилях. Типичный египетский Сфинкс. Не видите? Это потому, что черты лица стерты из-за глубокой древности. И с глазами у Вас что-то не то...

– Дело не в этом, – уверяет нас экстрасенс, – камни эти имеют особую энергетику. Мать-гора – основная точка (на других он не был, а то, глядишь, какая-нибудь иная точка стала бы основной), энергетический Центр Планеты, связывающий нашу Землю с космосом, Вселенной. (Судя по окрестностям Батагая, тут целый кластер связей со Вселенной). Короче, это Северная Шамбала (Земля Обетованная – вы знаете, и некоторые горы (вон: видите! видите!) – это рукотворные пирамиды.

– Да они не сейчас с Космосом связаны, а в былые времена. Это следы цивилизации гиперборейцев – материка Арктиды. Историк Плиний Старший точно

указал, что они проживали за Полярным кругом. Подтверждения? Пожалуйста: гигантские плиты, что регулярно видны на вершинах гор, изготовлены из деревьев диаметром в полметра. Это гиперборейцы спасались во времена всемирного потопа, реалистично описанного в Ветхом Завете. Ещё пример – дальняя гора, из которой весной идёт дым, причём то светлый, но тёмный. Дымит месяц-два, а потом внезапно перестает. Вулкан? Подземное царство? Но почему дым идёт только весной? Не понять нам...

– На горах Эльгэс находятся статуи атлантов, а в Ыыннаахе – лемурийской цивилизации. У атлантов они без «шапок», у лемурийцев – с «шапками», большими острыми носами, как на острове Пасхи. Здесь статуи разрушены сильнее, следовательно, они старше. Это место контакта с внемным разумом. Именно тут располагалось последнее убежище атлантов.

– Только цивилизация Гипербореев могла воздвигнуть таких исполинов. Но сама Гиперборея располагалась вовсе не здесь. Материк гиперборейцев состоял из четырёх островов Северного Ледовитого Океана, разделенных проливами. Гиперборейцы после катастрофы, погубившей их мир, перебрались на континент по хребту Ломоносова, в то время ещё не погружившемуся в бездну океана. На этих островах большие кигиляхи. А то что вокруг Батагая – это путевые столбы, маяки, чтобы не заблудиться по пути на Север.

– Смотри: кигиляхи в виде статуй людей с книгами. На Тибете «Читающий человек» охраняет древние знания самой развитой земной цивилизации – древней Лемурии. Известно ведь, что на Тибете раньше жили «Саха дьон», которые «ушли на Север». Значит, к нам. Они когда-нибудь вернутся и прочитают тайную древнюю Книгу.

Это я рассказываю про останцы, которые зовут батагайскими кигиляхами. Но есть ещё одно сакральное место под названием гора Кисилых. Это на восток от Батагая до Бетенкёса, потом вниз по Адыче (на север), а уж затем несколько километров вверх по Туостаху. Я уже упоминал об этой сопке, что между Адычей и Туостахом, к югу от Туастаха, мы её три дня назад миновали. Сопка, как сопка. Но в начале 21-го века построили на левом берегу Туостаха турбазу и началось паломничество туристов. Энергетический Центр Вселенной перенесли туда, воздух и воды тут же оказались целебными. Стали на вершину заволакивать больных – лечить сразу от всех болезней.

Но мы направляемся в гряду Кисилых, расположенную между Адычей и Туостахом, но к северу от него и довольно далеко от правого берега. Горы состоят из двух хребтов, образующих почти прямой угол, направленный на север. В углу пробито ущелье, делящее массив Кисилых на две части: западную и восточную.

Сейчас наш отряд экспедиция бодро топает на западный хребет, знакомиться с кигиляхами.

Анна-Ванна, наш отряд.

Хочет видеть поросят!

Мы их не обидим.

Поглядим и выйдем!

Левый Кисилых

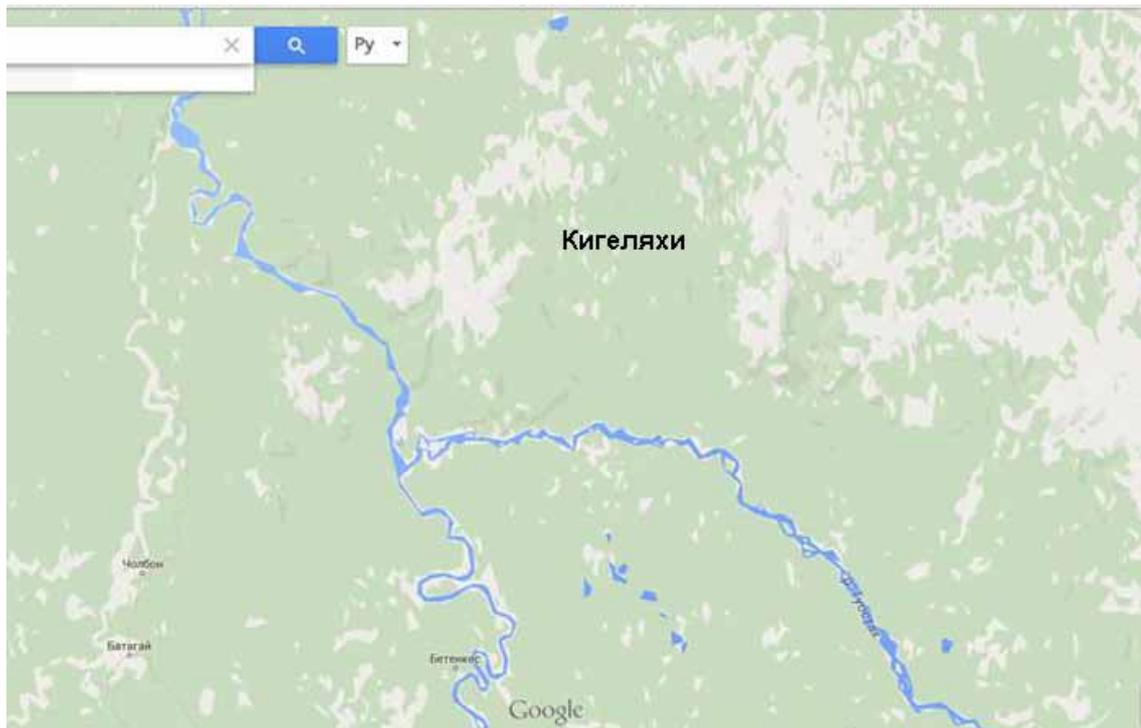
Каменное сердце...Каменные люди...

На ладони Бога что же с нами будет?

Отдохнули мы хорошо и потому встали рано. Солнце уже сияло. Давно бы так! А то дожди да дожди. Пора менять погоду. В этих местах осадков должно быть мало. Жаль сами места об этом не знают – сырость разводят....

Позавтракали якутской лепёшкой со сладкой сгущённой, попили чаю вволю, и по коням.

Сначала двигались довольно ровно, затем стали подниматься в гору. Всё круче и круче. Лошади пердели, писали и какали, спотыкались на камнях, мхах и корнях, но как танки, тащили нас куда-то вверх. Осыпи и обрывы заставляли постоянно менять маршрут. То мы лезли в лоб, то вдоль горы, то закладывали серпантин. Подъём сменялся крутым спуском и новым подъёмом, круче первого.

Из Батагая мы переместились на восток в Бетенкес, переправились через Адычу, пошли на север, переправились через Туастах и снова на север до гряды Кисилых, где сначала посетили западный, а потом - восточный (высокогорный) массив.

Виды из космоса на массив Кисилых и реку Туостах.

А по короткому пути туда и вовсе не дойти.

Манекен в сетке Павловского.

Лес практически кончился, пошли какие-то кустарники, а затем – кедровый стланик и, местами, нечто вроде тундры с болотами. Заметно потеплело. Хорошо, что заранее снял телогрейку и теперь сидел на ней, оберегая задницу от повреждений. Стал на ходу раздеваться. Снял штормовку, потом пуловер. Помогло, но слабо. Температура воздуха повышалась в хорошем темпе. Надо снимать с себя всё, но об этом не могло быть и речи: тучи комаров сопровождали наш караван. Воздухе стоял постоянный писк. Мало того, появились овода, слепни и прочая гнусь. То-то они порадовались нашим открытым торцам. Это удовольствие мы им доставлять не стали. Лично на мне – майка, плотная рубашка и энцефалитка, застегнутая на все пуговицы и завязанные на рукавах тесёмочками, две пары штанов (тренировочные и брезентовые), заправленные в кирзовые сапоги, на голове кепка и сверху капюшон энцефалитки с завязками под подбородком. Ну, и сетка Павловского (нечто вроде рыболовного бредня, спускающего с трёх сторон головы и ниспадающая на лоб, пропитанная демитилфталатом). Так что одет я был довольно хорошо и мне было тепло.

Температура, однако, продолжала повышаться и скоро достигла +30°C! Не ожидал такой пакости от Якутии. И без того потные лошади, стали ещё потнее. Чем сильнее они потели, тем сильнее привлекали гнус. Теперь кони всю махали головами, трясли гривами и били себя (и меня заодно) хвостами. Помогало мало. Дышали они тяжело, путь был им привычен, а такой климат – нет.

На склоне цвели эдельвейсы.

Я восседал в седле, как Мандарин, и ничего не делал, но потел будто сидел в сауне в ватнике.

Пот, смешанный с репудином застилал глаза и ел их. Ситуация ухудшилась, когда пошли скалы: альбеда добавило излучений. Ни ветерка.

В этом мире ничего нет нормального: то дождь и холод, то духота и жара. А проще нельзя: тепло и сухо? Видимо нет...

*Ваше благородие,
Госпожа чужбина,
Жарко обнимала ты,
Да только не любила.
В ласковые сети
Постой, не лови,
Не везет мне в смерти –
Повезет в любви.*

Не известно, в чём повезёт: или в любви или в смерти. Но будем надеяться, что хоть в чём-то повезёт...

Остановились у какого-то ключа, бившего из горы, умылись, попили крепко заваренного холодного чая, заели галетами. Двинулись дальше.

Пытка продолжалась ещё часа два, затем стало холодать. Солнце было уже довольно низко, оно сканировало кигиляхи, то исчезая за ними, то выскакивая в виде прожектора, озаряя и расцветивая округу нереальными цветами. Прямо как на картинах Роуэлла Кента, большого друга СССР. Цветы эдельвейсы, благородные и белые.

Прошли курумники и достигли подножия кигиляхов. Лошади заскользили по крупным камням, дальше караваном двигаться было нельзя, мы спешили. Лагерем здесь встать негде. Каюр повел лошадей вниз к границе леса, с ним отправился Анатолий разбивать лагерь, а мы с АС полезли вверх знакомиться с кигиляхами. Они были огромными, некоторые как 12-ти этажные башни нависали над нами. Мы – букашки, ползущие по стене. За миллионы лет скалы много таких видели.

Гранитные блоки разбиты вертикальными и горизонтальными трещинами, многие из них находятся в неустойчивом положении. Их северная сторона покрыта лишайниками, южная – скальным загаром (т.е. тонкой в пол сантиметра блестящей чернубурой корочкой), западная и восточная отшелушиваются и осыпаются. Под некоторыми страшно находиться – того и гляди рухнет. На отдельно стоящих кигиляхах есть «ножка», которая существенно тоньше самого останца, со свежими следами отслаивания и шелушения, а под ними, среди глыбового материала, наблюдается скопление мелких плоских остроугольных обломков. Встречаются аккуратно нарезанные гранитные ломти толщиной до 1 м. Кто их смог так аккуратно нарезать и каким инструментом? Не иначе, как Лемурийцы лазером, да не простым, а гамма-лазером.

Померил радиоактивность: гамма-излучения нет, а другие прибор не мерит.

Стал отбирать образцы, некоторые куски гранита легко отламывались и крошились прямо в руках. Такой материал нам не нужен. Стал с остервенением крушить молотком всё вокруг и набил 10 кг цельных кусочков гранита. АС разложила их по мешочкам.

Уселся рассматривать кигиляхи. Они действительно похожи на людей и животных. Ну, так если узоры обоев рассматривать или облака, так тоже, что угодно привидится. Мне, например, эти скалы представлялись фаллическими символами, а их скопления – замками и крепостями. Внимательно разглядывал две скалы напротив друг друга: прямо парень и девушка. Вдруг они бросились друг другу в объятия, крепко обнялись и поцеловались. Целую минуту они были вместе, потом вернулись на место.

Тряхнул головой и посмотрел на реакцию АС. Она близоруко вглядывалась вдаль и никак не реагировала. Взял я рюкзак с камнями и мы пошли вниз искать лагерь.

Легенды

Я расскажу легенду прошлых дней.

(Пусть каждый понимает так, как сможет).

Наша база расположилась между стлаником и курумниками, у какой-то глубокой лужи с остатками льда. Так что вода у нас была. Спутанные лошади подались пасть куда-то вниз. Дров было мало, насобирали веточки и корешки, нарубили кедрача, ветки которого пружинили и не давали рубиться. Костёр получился хилым и кратковременным. Ограничились супом из банки, куда для усиления спустили тушёнку. Две минуты кипятить – готово. По кружке чая тоже досталось. Между скалами натянул антенну, но связи не было – фликкер-шум постоянно. Техника тут явно барахлит. Кстати, потом фотоплёнки с фото кигиляхов оказались засвеченными. Энергетический центр в действии.

Расположились на кошмах пред нашей палаткой и завели разговор об останцах, о якутских легендах.

Гора с кигиляхами – мост между Землёй (т.е. Матерью, "срединным миром") и Небом (т.е. Отцом, "верхний мир", Вселенная). Здесь, в горах находятся верховные божества – языческие боги Юрдюк и Аар Айбы, тут Врата Ангелов, ведущие к обители Верхних Божеств, которые похожи на людей, но, конечно, не люди. Каждая скала – отдельное божество, со своей конкретной миссией. Боги обладают Всевышней силой, энергией и излучают её. Для простых людей эта энергия может быть опасной. К скалам

могут подниматься только шаманы – дети одного Неба и одной земли – для энергетической подпитки, для получения благословения от верховных божеств. Для остальных на эти горы наложено табу. Это – «аньыы», т.е. грех. Запрещено на них подниматься, подолгу и пристально рассматривать, нельзя даже говорить о них.

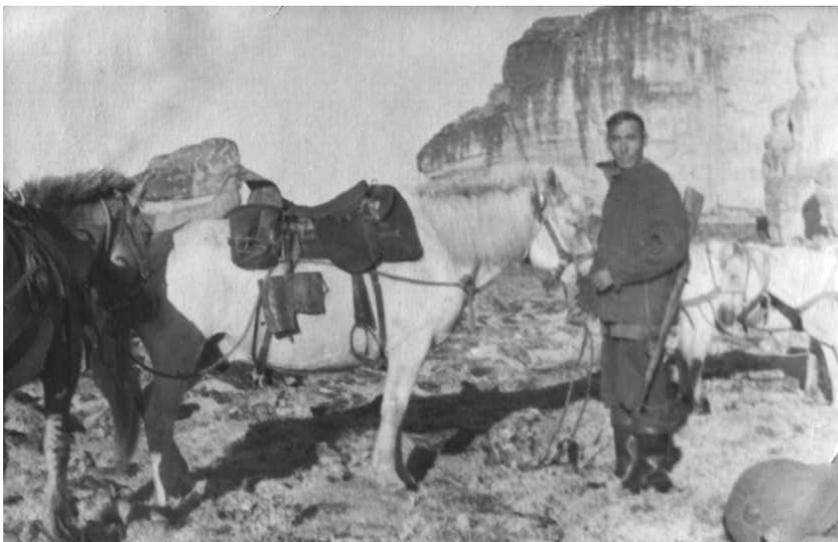
– Непонятно! Мне рассказывали, что охотники, да и простые обитатели этих краев, когда заболели, лезли на эти горы и тащили туда немощных. Да и вообще кигиляхи для народа – лучшее место отдыха, посиди у них – наберёшься душевных сил и спокойствия, заодно избавишься от вредных привычек, потом может таланты какие откроются, дела пойдут лучше, жить легче станет, энергии на год хватит. Может вообще на мир другими глазами смотреть будешь. Опять же вода здесь целебная, старики омолаживаются. То есть, если нельзя, но очень хочется, то можно?

– Да, обычные люди сюда поднимаются, но только с разрешения шаманов и только в сопровождении шаманов–проводников. Это дозволяется верующим в великие силы природы, людям с чистыми помыслами. Только тогда энергия двух изначальных материй (Неба и Земли) будет созидающей и оберегающей для всего человечества. А так она может быть опасной. Очень опасной. Недаром невесткам категорически нельзя приближаться к кигиляхам. Не стоит сюда соваться людям с плохой энергетикой, беспокойных и грубых. За примерами далеко ходить не надо. Недавно учителя одной школы забрались на кигиляхи, хотя старики предупреждали, что горы их не примут. Не послушали, и что? Через несколько дней тяжело заболел завуч и умер. Потом повредились учительница. Вскоре умер директор.

Кигиляхи бывают разными.

Афонс Николаевич Мордовских.

Наш каюр среди кигиляхов.

– Ну, положим, мы не невестки и не грубияны, с нами ничего не будет.

– Кто знает? Шаманов не спросили, в наших богов вы не верите. Им, конечно, от этого не тепло, ни холодно. Они-то знают, что есть. Но рассердиться могут. На нас тоже. Ответим за грехи все вместе, а может кто – лично.

– Ладно! От судьбы не уйдёшь. Не надо о грустном.

Посидели, помолчали. Потом попросили каюра рассказать местные легенды. Он выдал несколько.

Жила тут женщина, которая могла превращаться в медведицу. Зимой она засыпала, а весной просыпалась и доила коров своего жадного отца. До 40 лет отец не выдавал дочь замуж, чтобы не терять хорошую работницу. Затаила она обиду и однажды пришла к своему родителю и сказала, что чем коротать век со скаредными людьми, лучше жить со зверями. Обернулась медведицей и убежала в лес. Изредка навевывалась большая медведица в деревню. Говорили, что узнавали её по одной ноге, которая была обута в торбаса. Однажды её выследили тунгусы. Разворошили берлогу, а оттуда вышла она на задних лапах и заговорила человеческим голосом, умоляя о пощаде, и протянула им серебряные украшения. Убили её тунгусы, и обернулся труп медведицы в женщину. Проклятье её оказалось таким сильным, что от убийц не осталось на этом свете ничего. Вымерли их роды, исчезла кровь. Ещё был случай: на коническую гору Баахтаах с небес спустились девять Айбы на конях и стремительно взлетели обратно. Якуты установили в честь прихода небесных гостей девять сэргэ. Однажды на речку Омохто спустилась радуга. Трое детей устремились к ней, а добежала только старшая девочка. Взошла она на радугу и исчезла. Долго её искали, но ничего не нашли. Через сотни лет пришло письмо, запечатанное сургучом, из Верхневиллюйского улуса. В нём было написано, что девочка та приземлилась у них. Её удочерил одинокий охотник, выдал замуж, и стала она прародительницей славного рода.

– А про чучуну что теперь слышно.

– Да как-то затихло, а раньше мы с этим снежным человеком довольно часто встречались. Эвенкийку Маарыйачаан в детстве похитили чучуна и продержали 2 года в горных пещерах Туостаха. Она рассказала, что жила в горной пещере вместе с чучунаа, сильно тосковала и плакала по своим родным; те не выдержали и вернули её домой. Она избегала говорить о своем приключении. Лишь упоминала о том, что у них есть детёныши. Скоро мы на камень Чучунаа выйдем. Он лежит в 25 км от устья Туостааха, Огромный гранитный валун, весом не менее двух тонн. Его чучунаа своротил и свалил с горы, состязаясь с местными охотниками.

– Мой муж, – встряла АС, – работал в этих краях. Однажды ночью охотился на уток по ряби. Охотник сидит в засаде, а как услышит шум крыльев и увидит рябь на воде, так по этой ряби стреляет. Утром смотрит, что вышло, и собирает, если есть чего. И вот сидит он в засидке. Кругом тишь. И слышит... какие-то человеческие голоса со старицы. Приближаются, пролетают над ним. Муж – не трус, а страшно стало. Утром он спросил у местного охотника, что это за голоса. А он ответил – наверное, кто-то из наших умер, и его друзья, родственники, ушедшие раньше, показывают ему дорогу. На следующий день этот охотник вернулся в деревню, как раз на похороны брата...

– Мне рассказывали, – внёс лепту Анатолий, – во время войны население одной деревни отправили в другой улус на рыбозаготовку. Дома остались брошенными со всеми вещами. Трогать их категорически нельзя. Но объявился директор совхоза. Решил избавиться от этой деревни – угольев не хватало — и снёс её. Сначала умер его сын, потом он сам, потом жена. Дочка только осталась, но, говорят, живёт очень плохо...

– Тут недалеко Сыдыбыл, – центральная усадьба совхоза. Там раньше шаманы жили: девять из захоронений рядом с этой деревней. Дети в школе начали рисовать пожары и кладбище с двадцатью двумя крестами. Школа сгорела вместе с детьми: одиннадцать девочек и одиннадцать мальчиков. Возмездие за грехи людские. Те, кто был на похоронах, видели двадцать две вороны, одни в одну сторону летели, другие – в другую, прямо над кладбищем.

две части.

Спуск был не особенно крутым. Пейзаж разнообразия изредка встречающиеся поляны, сплошь покрытые незабудками. У подножия хребта, на границе леса и какого-то болота встали лагерем. Я опять отправился на охоту. На этот раз верхом на Сатэре.

Страшилки бы продолжались, я бы что-то рассказал похожее, но нас накрыли тени кигиляхов. Стало совсем неуютно и мы распозлись по норам спать.

Местами встречались поляны незабудок.

Утром мы уже втроём полезли к останцам. АС намечала камни, а мы с Анатолием их рубили на куски. Набралось на ящик. Построились караванам и пошли вниз, в долину, разделяющую гряду Кисселях на

Национальный вопрос

*Мы разные, конечно, все снаружи,
Но в наших жилах кровь одна течет.*

Одиночество меня не угнетало, заблудиться не боялся. Во-первых, у меня талант в ориентации на незнакомой местности, а, во-вторых, конь мой обладал удивительной способностью возвращаться обратно, причём точно по своим следам. Предложение отойти хотя бы на метр в сторону, он воспринимал как личное оскорбление. Поэтому у рвал штаны в одном и том же месте: сначала при движении вперед, потом – обратно.

Просканировали склон, туда – обратно. Но ничего мне на мушку не попало.

Солнце катилось вдоль горизонта, обещающая сумерки. Пора возвращаться.

От монотонной качки я задремал.

Вдруг из камыша метнулась тень. Сатэра заржал и поднялся на дыбы, оторвав от земли тщедушного якута. Я выхватил нож. Человек отскочил, и мы застыли: один с карабином в руках, другой с кинжалом.

– Здорово, однако, – сказал старик.

– Здравствуйте!?

– Копсе!

Он повернулся ко мне спиной и зашагал вперёд. Мы последовали за ним. Двигались достаточно долго, чтобы я смог, не снимая висевшего за спиной ружья, засадить в оба ствола жаканы. Просто так, на всякий случай.

Вышли на берег речки, поляна, юрта из вертикально установленных брёвен. Столетняя лиственница толщиной в мой кулак. Я спешил, привязал лошадь, поставил ружье у двери, вернее у люка, обитого заячьей шкурой. Полез в юрту. Да чуть не окочился на месте. Запашок! Много гадости нанюхался я в своей химической жизни, но такого! Переднюю часть юрты занимали деревянные колоды с мочой. В них гнили (дубились) шкуры оленей: кожгалантерейное производство местного масштаба. В этой же части кудахтала какая-то живность. Полуголая баба с трубкой в зубах приподняла полог, и я поспешил на чистую половину.

Вот он, гарантированный час спокойного чаепития. Пока гость не накушался с ним говорить нельзя. Только потом:

– Солнце, однако, высоко!

– Высоко, однако, – отвечал я минут через десять.

– Лето уже...

– Ну!!

Началось капсе.

Мы болтали не торопясь, и чем он лучше говорил по-русски, тем я хуже. Приходилось лишь удивляться скорости, точности и надежности таежного телеграфа. Можно поклясться: за время нашего путешествия мы никого не встречали, но старик знал о нас все: где были, что делали, куда идём.

Копсе затягивалось, но выпитое ведро чая тянуло на волю. Я поблагодарил за гостеприимство и от полноты чувства добавил:

– Какая хороша страна – Якутия, и какие хорошие люди – якуты!

Он бросился на меня. Нас разделял низкий столик, и я успел выбить нож. Мы покатались по земле, уминая шелуху кедровых орехов. Не понял! Убить его труда не составляло, но я лишь придушил. Он прохрипел:

– Я – эвенк!

Меж хребтами

Крутой подъём небесных лестниц.

Переночевали без проблем и утром начали движение через долину, разделяющую западный и восточный хребты массива Кисилых. Двигались строго на восток. Было жарко. Трава оказалась неожиданно высокой, хлестала по ногам.

Врубались в обширное болото. Скучали мы о нём! Лошади проваливались в мочажины, дергались, прыгали с кочки на кочку. Они бились в засасывающей жиже, шарахались в стороны, карабкались по лежащим лесинам, срывались в рыжую тину. Строй нарушался, привьючка и вьюки летели в воду, иногда и сёдла следовали туда же, причём, что обидно, вместе со мной. Форсайты опять промокли. Я регулярно оказывался под лошадьё, вместо того, чтобы гарцевать на ней. Однако, как только я её извлекал из болота и утверждался в седле, она, стремясь к устойчивой почве, мчалась прямо на деревья, калеча мне плечи, ноги и остальные органы. Всё это – в туче комаров.

Часа три мы бултыхались между кочек, развьючивая и навьючивая, рассёдлывая и седлая и в конце-концов влетели в ручей, не широкий, но быстрый и, по случаю таянья снегов в горах - довольно глубокий. Дно было твёрдым, мы переправились без особых проблем, но собак унесло далеко и они нас догоняли с возмущённым лаем. Особенно ругался Барон.

Ещё часа два пёрли мы по болоту и, наконец, достигли земли.

Чуть отдохнули (устаёшь и физически, и морально) и стали вбираться на склон. Не тут-то было. Путь нам преградили скалы. Более-менее проходимые распадки между ними, по которым мы карабкались ввысь, неожиданно кончались скалой, уходящей куда-то вверх и даже над тобой зависающей. Приходилось сдавать назад, терять высоту, рыскать вправо-влево, искать проход. О тропе, хотя бы звериной, не было и речи. Лошади падали, катились по склону, иногда кубарем, сбрасывая поклажу. Приходилось их развьючивать и собирать по зарослям своё имущество, в том числе – добытые с большим трудом пробы гранита. Кончилось тем, что пришлось нам самим тащить сорокакилограммовые вьючники, ящики, рюкзаки, оружие и прочее, поднимать всё барахло на перевал. А затем уж перемещать лошадей: один впереди тянет мерина за уздечку, второй сзади упирается руками в его круп и что есть силы пихает вперёд. Конь понимал ситуацию, сам старался, не кусался и не брыкался. Хотя явно был недоволен жизнью.

Закатали всё наверх, навьючили лошадей, сами спешили и побрели в небо. Крутизна уменьшилась, идти можно. Но начались курумники, то крупные, то мелкие, и осыпи. Очень рыхлые и подвижные. Сам скользишь и лошади скользят. Того и гляди лавину вызовешь. Покатишься тогда в тартары с ветерком. Накаркал: рядом прогрохотал обвал камней. Много шума и пыли, но мимо, нас не задело. Преодолели завал камней (по-якутски – наваленные камни *Тас-Кыстабыт*).

Часа четыре усилий достойных лучшего применения и мы выбрались на границу леса. Склон ещё довольно крутой, палатку ровно не поставишь, придётся спать под хорошим углом к горизонту. Во сне регулярно будешь выезжать из палатки и снова забираться в неё. То ещё удовольствие!

Упали мы без сил, даже разводить костёр не стали. От лошадей шёл пар. И у них и у нас были сильно побиты конечности, да и рёбра тоже.

Тут мы обнаружили, что у нас одна собака пропала. Барон бесследно исчез.

Конфликт поколений

У каждого поколения свои отклонения.

Барону не нравилась ситуация. Тайга – это нормально: всегда знаешь, где находишься, всегда есть, что поесть. Даже на маршруте. А тут в горах, да ещё на массиве Кисилых, дела хреновые и, надо правде в глаза смотреть, постоянно ухудшающиеся. Сначала кончился лес, а теперь и альпийские луга. Сплошные курумники, нагромождения камней, осыпи – не приведи господь. Вон лапы уже без когтей – все стесались по скалам лазучи. Я, чай, лайка, а не скалолаз. И летать не обучен. Но горные реки – в сто крат хуже. Как их переплывать, если сплошные водопады. Глазом не моргнешь – и ты километров на десять ниже по течению. Волна с головой накрывает. А камни, а лесины, что несёт речка? Даст по голове и поминай, как звали. Вверху лёд со снегом. Под ледник затянет – мало не покажется. И обсохнуть негде. Мужики костёр разведут, руки погреют, в себя кипяток вольют. А нам, что толку от того костра, смотри, как бы шерсть не подпалить. Им-то хорошо, небось, в седле; коняги здоровые, вот и бредут от дресьвы до дресьвы. А что не брести, коли ноги длинные и сил немерено. Я же должен скакать за ними, да ещё на счёт пожрать хлопотать. Хозяин наш – якут, а у него закон известный: «Собака – животное умное, сама себе найдёт пропитанье». Оно, конечно, так, но ведь не на ледниках-снежниках же, и не на маршруте. И в не моём возрасте, кстати. Староват я, между прочим, кости все ноют; со следа, бывает, сбиваюсь. На покой пора, а тут экспедиции водить приходится. Ладно бы по тайге, а то вон куда залезли! Брошу всё – домой подамся.

Тут ещё молодой достаёт. Граф! Как же!. Ему года ещё нет, вот кровь и играет. Носится, как ошалелый, лает на каждый куст. Охотник, мать твою! Овчарка недоделанная. Как же, городской!! А прокормить себя не может. Как люди есть съдут – сразу подползает. Хвостом так и бьёт, и, аж, повизгивает от вождельня. Подайте! Подайте! Три дня не жрамши! Попрошайка. Положим, каюр на это – ноль внимания, но молодой русский не выдерживает – от себя отрывает и кидает украдкой. Так нахал приспособился спать под палаткой. И за ночь чуть не к центру её подбирается – дождя боится. Супердог! Со стороны посмотришь – куда там. Экспедиционный волк!

Всё это не ужасно, конечно: растущий организм своего требует. Так эта зараза за счёт стариков выехать норовит. Бежит впереди каравана, как самый главный. Вроде, дорогу указывает, а сам близко не соображает, где находится. Утку или рябчика, кто подстрелит – стрелой летит, приносит подранков. Натё, берите, варите, кушайте, но косточки мои. Только зазевайся – все миски вылизет. Мыть не надо. И рычит ещё, сволочь. Не подходи! А вчера вообще полный абзац. Бреду среди вьючников, принимаюсь, всё ли наше. Так Граф налетел и как тятнет в плечо. До крови разодрал, сука, хоть и кобель! Небось подумал, что на тушёнку зарюсь. По себе, гад, судит. Да больно надо! О края банки зубы рвать. И без неё не сдохнем, в отличие от некоторых. Хорошо, хозяин рядом случился, протянул камчой пару раз нахала. Будет знать, как стариков задевать. Нет, определено пора уходить. До дому верст двести, да ничего дорогу найду. Насильно мил не будешь. Не ценят – не надо.

Мимо промчался Граф, прорывав для острастки. Путаются тут под ногами божьи одуванчики. В чем душа держится, а туда же – в маршруты ходить. Пред каюром выделяется, чтоб не пристрелил по старости. Плетётся сзади, того и гляди потеряется. Где-то, что-то жрёт, не поймешь что, а явно сыт. Да что ему и надо? Пару евражек

перехватил, и ладно. Из-за него вон камчѐй по спине схлопотал. Впрочем, чѐрт с ним. Мы своё всегда возьмем. Будем веселиться, пока молоды.

Граф вырвался вперед и спугнул зайца. Тот рванул вдоль по склону. Граф, заливаясь лаем, понёсся за ним. Барон тоже поддался охотничьему азарту. Он бежал молча, не спеша и не прямо по следу, а так, придерживаясь общего направления. Граф же летел сломя голову. Он практически настиг косога, но тот прыгнул в сторону. Пѐс, тормозя четырьмя лапами и иногда кувыркаясь через голову, попытался остановиться. Это удалось метров через тридцать. В это время заяц был уже далеко. При движении он петлял, сбивая собак со следа. Развернувшись, Граф вновь пустился в погоню и настиг зайца. Тот увернулся. Пѐс пролетал вперед, закувыркался по склону и слетел с обрыва. Ошалевший заяц описал немыслимую дугу, и влетел в пасть Барона. Старик захлопнул челюсти, по-волчьи перекинул тушу за спину и рванул подальше от каравана. Он шѐл привычным экономным намѐтом. С него хватит! Домой!

– Пусть знают! – думал он, ощущая, как горячей кровью зайца заполняется пасть – Пусть знают!

Светопреставление

Да, чтобы не забыть — в субботу конец света

Всю ночь мы с Анатолием имели занятие: во сне вместе со спальниками ползли по склону, выехав из палатки. Просыпались, возвращались на место и снова выползали наружу. В конце-концов сбили кол на выходе из палатки, частично обрушили её и ползли уже с ней вместе. Хорошо хоть пропасти вблизи не оказалось, а то отправились бы в свободный полѐт.

Исчезновение Барона каюр объяснил просто: мы приближаемся к самым мощным, временно окаменевшим, богам. Очень сильным и очень строгим. Старый Барон – большой грешник, много покурлесил в своей жизни. Знает: отвечать придѐтся. Силу чувствует. Вот и слинял. Пѐс самостоятельный, спокойно в тайге проживѐт и без особых проблем до Бетенкѐса доберѐтся. А Граф молодой ещё, не успел гадостей натворить. И не предан он нам вовсе, тоже при случае на сторону свалит. Просто он самостоятельности боится, пропадѐт один, вот и жмѐтся к нам.

– Выходит, ваши боги пекутся о моральном облике и людей и домашних животных?

– Да! Внимательно за лошадьми следить надо. Особенно – за твоим. Тот ещё кадр. Свободолюбив слишком... Гонора много, высокомерен.

– А мы как? Мы хорошие люди? С точки зрения кигиляхов. Или плохие? Как-то мне не хочется, чтоб меня наказывали. Может я тут посижу, или, как Барон, домой потянусь?

– Поздно уже. Мы в зоне их влияния. Убежать не удастся: догонят...

– Проверим сегодня, кто из нас якутским богам мил, а кто нет, – задумчиво сказала АС.

Далее – по стандарту: покушали, чем Бог послал, собрали лагерь, и двинулись на восток, вдоль гряды. Сначала по границе леса, по лугам, болотам, всегда неожиданным (Как держится на высоте вода? Почему бы ей не стечь с долину? Я бы на её месте обязательно так сделал), кустарникам, кедрачу и зарослям карликовой берѐзкой (ерник, по-русски, редкая гадость). Двигались с трудом, лошади вчера сильно побились. Копыта у них мощные, но не кованые и потому скользят, особенно по мху на валунах.

Часа через два маршрут круто повернул вверх. Дела пошли хуже. Подъѐм по распадку, переходящему в ущелье. По дну тѐк быстрый ручей, пока маловодный, но с порогами, которые нужно как-то миновать. Мы петляли, как зайцы, переходя с одного берега на другой и обратно. Долго шли прямо по руслу, временами купаясь в воде водопадов.

За каждым спуском есть подъѐм.

Сатера карабкался почти вертикально, седло съезжало ему на круп, а я – ещё дальше. Где-то на стенке конь каюра заскользил вниз, сбил вьючных лошадей, те Сатэру и мерина АС. Мы связались в плотный клубок и покатались по склону, пересчитывая ребрами все камни, и успокоились в пруду, образованном на ручье завалом. Я, каюр и АС оказались под лошадьми, а под нами – Граф, который завопил нечеловеческим голосом. Лошади лежали на спинах, дрыгали ногами, канаты-арканы опутывали их и не давали встать. За всем этим с интересом наблюдал Анатолий, мимо которого этот вал прокатился. Он мог гордиться: нас кигиляхи за грехи наказали, а его – нет. Теперь он – святой.

У нас было занятие: выбирались из-под лошадей, извлекали придавленного Графа, ставили на ноги лошадей, седлали их, собирали вьюки и разбросанные по всей округе вещи. Вьючить не стали, челноком вверх-вниз подняли на край плато груз, лошади поднялись сами. Навьючили их, расселись по сёдлам и двинулись дальше.

Жарко, мокрая одежда сохнет прямо на нас.

Боги, видимо, удовлетворились наказанием, так что путь хотя и ввёл наверх, но уже терпимо: без скал и водопадов. В прямой видимости перед нами предстали мощные кигиляхи.

Мы расслабились.

Афонас Николаевич, Анастасия Семёновна, пёс Барон, глухарь, таймень и яранга Петра.

Анастасия Семёновна

Если кто не понял – это я.

И тут боги решили продемонстрировать своё истинное отношение к нам.

Лошадь спереди кусается, а сзади лягается. Это я освоил. И довольно скоро.

Отряд двигался по хребту. Видимость была во все стороны хорошая. Но не долго. Вскоре обнаружилось, что со всех сторон, с распадков, ущелий долин на нас снизу наступают облака. Если бы облака и тучи сгущались над нами, как это имеет место в приличной Европе, я бы не удивился. Понятно, что тучи в небе и где-то над тобой. Но тут они подо мной. Облака наступали в удивительно быстром темпе, причём не монотонно, а скачками. Казалось их, как мячик, пинает кто-то ногой, и они скачут всё выше и выше.

Через полчаса мы были в густом тумане, а потом – в центре тучи. Грозовой тучи. Началось светопредставление. Да такое, какое никогда ни до ни после не встречал.

А встречал я их немало. Весь мир исчез во мгле, кроме ушей Сатэры ничего не видно. Для начала прошёл вихрь и чуть не сдул нас с хребта. Потом второй, третий. Я лишился кепки и капюшон штормовки разлетелся в клочья. Пошёл дождик, в том смысле, что где-то высоко взорвал цистерну и

потоки воды обрушились на нас водопадом. Кто-то пробил в небе дыру, а небо в этих краях – море-океан. Мгновенно промокли труссы.

Проходы между скалами, то широкие, то узкие. Местами можно укрыться от дождя.

Но это были ещё цветочки. Началась гроза. Всем грозам-гроза. Вертикальные фракталы вбивались в скалы, испуская слепящий свет и дикий грохот. Обычно гром запаздывает за молнией. Здесь же свет и грохот шли одновременно. Радость в том, что если видишь и слышишь, то, значит, молния мимо тебя просвистела. Уже хорошо. Перевернул ружьё дулом вниз, как у каюра, а то точит над ухом, как громоотвод – молнию притягивает. Вертикальные молнии – это ещё привычно. Я такие и на даче видел. Но сейчас в основном они были горизонтальными! Более того, некоторые из них шли снизу вверх. В какой-то момент мы увидели великолепный фейерверк: мощный останец был атакован молниями со всех сторон: Зевс Громовержец, но не испускающий молнии, а отмахивающийся от них. Под канонаду дикой силы.

Погоду люблю наблюдать, но не люблю участвовать.

Между тем, мы продолжали путь. А что нам ещё оставалось?! Вступили на каменное поле и приблизились к крепостной стене первого кигиляха.

Под навесом можно развести костёр.

Скалы то расходились и тогда мы шли, как по каньону, преодолевая потоки воды внизу и ливень сверху, то сходились, так что лошади продирались, царапая по камням вьюками, а я

пару раз треснулся о скалы коленями. Проникли внутрь замка. Довольно вздыбленную

площадку окружали высокие, но сильно разрушенные стены. Ветра здесь не было. Молнии не залетали: они били по внешним стенам и башням. В нескольких местах нависали плиты, были и небольшие пещеры. Можно было как-то укрыться от дождя.

Расседлали и развьючили лошадей. Отвели их в некое подобие укрытия, посадив на арканы. Перемещаться они могли, но большого смысла в этом не было: травы нет, лишь местами меж глыб пробиваются хилые кустики. Так что особо не растолстеешь, придётся попоститься.

Они это поняли, сбились вместе, понуро опустив головы.

Мы же под одним навесом развели костёр. Для чего собрали какие-то свёрнутые в спираль сухие остатки деревьев, непонятно как попавшие сюда. Под другой скалой, в сухом углу я натянул палатку в виде тента. У меня оказалось два дюбеля. Конечно, лучше, если б их было больше. Ну, что есть. Разложили мокрые спальники, на них постелили брезент. Второй брезент использовали как одеяло. Одно на всех.

Было сыро и холодно. Сухого ничего не осталось, одежду сушили на себе. И немного на хилом костре. Ужин готовить не стали. Разогрели тушёнку и употребили с галетами. Собрали остатки спирта и моей самогонки, смешали, поделили по братски и выпили.

И я пошёл – попил, поел,

– Не полегчало.

Бил озноб.

Серьёзно занялись чаем. Точнее – чифирем.

Я вкусил его впервые.

Чифир или **чифирь** — напиток, получаемый вывариванием высококонцентрированной заварки чая. Обладает психоактивным действием, в некотором роде является наркотическим средством, вызывающим зависимость.

По ситуации, технология была упрощена: в пол-литровую кружку насыпали пачку грузинского чая и кипятили. Точнее, ждали момент подъёма заварки и снимали с огня; как только она опускалась, снова ставили на огонь. Так – три раза. После финального чаепада жидкость сцедили, накрыв кружку миской. Напиток оказался необычайно горьким.

Жизнь, она вообще, блядь, не малина, и чифир в ней горький (сибирская мудрость).

Сахара в нём не было. Чёрный, как чернила. Пить – два глотка, не больше. Потом перерыв, затем снова два глотка. Сидели мы на корточках, курили и вели неспешный разговор. Точно, как зеки.

Люблю, скучаю, пришли курить и чаю.

Слегка тошнило. Но нам стало весело. Мы ощупывали себя, демонстрировали синяки и ссадины. Я предположил, что у меня рёбра сломаны. Все хохотали. Вспомнили кучу-малу в ручье.

Религия Айыы

Бога не видел никто никогда.

Постепенно возбуждение спало. Мы сидели, прижавшись друг к другу, следя за угасающим костром. Спать не хотелось, крепкий чай обещал бессонницу, да, собственно, и спать было негде.

Я вновь попросил Афонаса рассказать о верованиях якутов, о религии Айыы. С этим я приставал к нему не раз, он отнекивался, но тут слегка плесканул информацией.

Оказывается, существуют три мира: Верхний, Средний и Нижний. В центре (тут, неподалёку) находится Мировое Дерево (Аал Луук Мас – Великое Гигантское Дерево – символ триединства мира), корни которого уходят в Нижний (Подземный) мир, приют тёмных враждебных сил (Абаасы), крона растёт в Среднем мире, где живут люди (ну, и мы с вами, естественно), а ветви устремлены в небо, где обитают божества Верхнего мира – Айыы, прародители народа Саха. К сожалению, не все они добры к людям. Например, человек огненной воды выпить хочет, а они не дают, мешают всячески, лишают кайфа,

вредители. К тому же постоянно требуют жертвоприношений, хорошо хоть не кровавых, молочное что-нибудь, но его тоже где-то взять надо.

Злые духи – Абаасы живут во всех трёх мирах, живут своими племенами и родами, управляют своим хозяйством. Подчиняются «великому господину» – богу Улу тойону, который сумел заложить в человеке злое начало, отождествляемое с нечистотами. Они же противники айыы. Эти духи невидимы простым глазом. Если они показываются человеку, то принимают любой облик, т.к. объединяют в себе все страхи и пороки людей. Чаще всего появляются в виде огня, человеческого силуэта (ростом с лиственницу), каменно-железного чудовища и т.п.

Абаасы подбивают людей на плохие поступки, преступления, внушают страхи, насылают на них беды и болезни, могут лишить рассудка. Питаются душами людей и животных. Если человек не дожил до 70-и лет, значит его душу украли абаасы. Верхние и нижние абаасы в средний мир проникают через корни мирового дерева. Из людей им противостоит только шаман. Его задача выяснить, какие именно абаасы причинили болезнь, потом вступить с ними в борьбу, либо принести в жертву абаасам подходящего животного, душу которого выгодно обменять на душу больного. Важное средство защиты от злых духов – колючие кусты шиповника. Убить духов абаасы невозможно, поскольку они не являются живыми. Умерев человек отправляется в мир смерти (нижний мир). Духи абаасы могут уйти сами или их изгоняют в нижний мир, но потом они возвращаются обратно, правда в другом облики и в момент, когда человек их не ждёт. Потомки абаасы, в отличие от настоящих, древних, ничем не отличаются от людей, кроме физических уродств (обычно это половинчатые люди: одна рука, нога, глаз), скверным характером и склонностью к людоедству. Их создали древние абаасы для того, чтобы они совращали людей – творение “айыы” (добрых духов). Они смертны, и даже иногда могут вновь перевоплотиться в человека, если какая-либо часть тела попадёт в руки родных умершего.

Они подвержены всем человеческим страстям и воюют с людьми из-за женщин.

Особняком от всех божеств нижнего мира стоит нейтральное божество Кыдай Бахсы. Абаасы его боятся. Он – глава одного из восьми родов подземных божеств, покровительствующий кузнецам. Он никому не причиняет вреда, кроме тех, кто вредит кузнецу.

Духи Абаасы

Духи абаасы среднего мира причиняют незначительный вред людям и всему живому. Средний мир представляется одноярусным, кроме абаасы в нём обитают и другие духи и боги, в основном нейтральные духи природы иччи, а также духи юёр – не нашедшие упокоения души умерших.

Хороших, плохих или нейтральных богов, духов, чудовищ, богатырей у якутов оказалось великое множество, запомнить их невозможно. Я и не пытался.

Для иллюстрации разборок между богами, духами и людьми, каюр привёл одну байку. Она, конечно, теперь широко известна, но тогда произвела на меня впечатление.

Девушка-хвощинка и дочь восьминогого абаасы

Жила давным-давно маленькая старушка Бэйбэрикэн. Было у неё пять коров. Эти коровы паслись в широком поле. Пошла однажды старушка искать своих коров и нашла красивую пятисуставную хвощ-траву.

– Возьму эту траву, отнесу домой, пусть она станет моим ребенком, – сказала старуха.

Она бережно выкопала хвощ-траву, с корнем вытащила, ни корешка, ни веточки не повредила, домой принесла, на подушку положила, одеялом укрыла. И пошла доить коров. Вдруг слышит: в юрте тонко звякнули бубенчики, а потом напёрсток упал. Старушка вскочила, молоко пролила, вбежала в юрту, отвернула одеяло – на подушке хвощ-трава лежит, все как было, трава травой. Вышла старушка, села доить корову – опять звон: тонко звякнули бубенчики, а потом иголка упала. Старушка опять вскочила, опять молоко пролила, вбежала в юрту, отвернула одеяло – на подушке хвощ-трава лежит, как прежде.

– Что же это звякало? – подумала старушка, – Не для того же звон был, чтобы я молоко опрокидывала!

И опять ушла доить коров. И опять вскоре услышала звон: тонко звякнули бубенчики, а потом ножницы упали. Старушка в третий раз вскочила, пролила молоко, вбежала в юрту, а там на одеяле сидит красавица: лицо её как белый мрамор, глаза как халцедон, брови как два чёрных соболя, которые лежат, касаясь друг друга лапками; сквозь платье видно тело, сквозь тело видны кости, сквозь кости виден костный мозг, который переливается, будто ртуть. Обрадовалась старушка Бэйбэрикэн, сказала:

– Теперь у меня есть дочь!

Стали они жить вдвоём, вместе доили коров.

Однажды в тех местах охотился удалой Харжит-Берген, сын Хан-Харах-тойона. Увидел он белку, выстрелил – не попал. Погнался за белкой. Стрелял в неё с утра до захода солнца, а попасть не мог. Вот белка взлетела на лиственницу возле юрты старушки Бэйбэрикэн. Удалой охотник опять выстрелил. Стрела упала в дымник юрты. Харжит-Берген закричал:

– Эй, старуха! Вынеси стрелу!

Нет ответа. Ещё громче закричал охотник:

– Выходи, старуха! Я — Харжит-Берген, сын Хан-Харах-тойона! Я жду стрелу!

Опять нет ответа. Забегала кровь у него во лбу, зарумянилась кровь у него в щеках, вскипела кровь у него в носу; пришла с затылка упрямая мысль, пришла с виска сердитая мысль, влетел он в старухин дом! А когда влетел – увидел красавицу, краше которой нет на свете: лицо её как белый мрамор, глаза как халцедон, брови как два чёрных соболя, которые лежат, касаясь друг друга лапками. Сквозь платье видно тело, сквозь тело видны кости, сквозь кости виден костный мозг; когда ест она чёрное — будто ласточка в горле шевелится, когда ест белое — будто бабочка в горле трепещет. Харжит-Берген остолбенел и долго не мог прийти в себя. Выбежал из юрты, вскочил на коня и поскакал домой.

– Отец, мать! – закричал он дома. – Я видел в юрте старушки Бэйбэрикэн, которая пасёт пять коров, несказанную красавицу! Посватайте мне эту девушку!

Отец его, тойон Хан-Харах, послал к старушке девять всадников на девяти рыжих конях. Как ветер прилетели к старушке всадники, вбежали в юрту. И все остолбенели, увидев красавицу. А когда пришли в себя, тихонько вышли. Остался один, самый старший.

– Старуха Бэйбэрикэн, отдай эту девушку, твою дочь, сыну нашего владыки, сыну Хан-Харах-тойона, – сказал он.

– Отдам, – ответила старушка, – Но сначала спроси согласия у девушки.

– Пойду за него, – сказала девушка.

– Тогда давайте калым, – сказала старушка, – Как наполните все моё поле лошадьми и коровами, так и забирайте девушку.

Посыльные вернулись к тойону. Все рассказали. Тойон приказал наполнить старушкино поле лошадьми и коровами. Люди пригнали их. И привели чубарую говорящую лошадь под серебряным седлом, в сбруе, украшенной серебром. К седлу была привязана серебряная плётка. Харжит-Берген бережно вывел невесту из юрты, посадил её на чубарую лошадь и повёз домой. По дороге он сказал:

– В лесу у меня стоят самострелы на лисиц. Пойду проверю. А ты поезжай одна. Доедешь до развилки двух дорог. У одной дороги на дереве висит чёрная соболья шкура. У другой – бурая медвежья. Поезжай туда, где висит чёрная соболья шкура.

Сказал так и скрылся в лесу. Красавица испугалась. Но делать нечего, поехала одна. А как доехала до развилки, так и забыла всё, что наказал жених. Направилась туда, где висела медвежья шкура. Вот она въехала в тёмный лес и скоро добралась до железной юрты. Там жила дочь восьминогого Аджарай-Бёге-абаасы, одноногая колдунья. Когда девушка подъехала к юрте, дочь абаасы выскочила ей навстречу. Она была в железной одежде, на одной кручёной ноге, с одной кручёной рукой, которая росла из-под груди, с одним мутным страшным глазом, который торчал в середине лба, с длинным чёрным языком, который свисал до пояса. Дочь абаасы сдернула красавицу с лошади, сорвала кожу с её головы и лица, прилепила к своей голове, к своему лицу. Весь красивый наряд с девушки сняла, сама невестой оделась, потом вскочила на чубарую лошадь и поскакала к дворцу Хан-Харах-тойона. Жених догнал её у самого дома. Он ни о чём не догадался. Все родственники жениха вышли встречать невесту. Девять братьев Харжит-Бергена подбежали к золотой коновязи справа, чтобы принять повод лошади. Восемь сестер подошли к золотой коновязи слева, чтобы привязать лошадь. Но невеста почему-то привязала свою лошадь к ободранному стволу ивы, к которому старуха скотница Симяхсин обычно привязывала пестрого шелудивого быка. Все, кто встречал невесту, огорчились. У девушек были наготове суровые нитки. У парней были наготове луки и стрелы. Во дворце тойона шептались:

– Как заговорит красавица – изо рта у нее посыплются драгоценные красные бусинки. Где пройдет красавица – по следам её побегут гладкие чёрные соболи.

Вот для этих драгоценных красных бусинок, чтобы их подбирать да нанизывать, девушки принесли суровые нитки. Вот для этих чёрных гладких соболей, чтобы их стрелять-подстреливать, парни приготовили острые стрелы.

Невеста заговорила. Изо рта у неё посыпались вонючие зеленые лягушки. Девушкам стало тошно. Невеста пошла во дворец. По следам её побежали худые рыжие горностаи. Парни опустили луки, нахмурились. Как велит обычай, от коновязи до дверей дворца была постлана зелёная трава; невесте дали три верхушки молодых лиственниц. По зелёной траве вошла она в дом и тремя верхушками молодых лиственниц разожгла огонь в очаге. И начался свадебный пир. Кончили пировать – начали жить.

А маленькая старушка Бэйбэрикэн опять пошла в поле искать своих коров. И опять на том же месте нашла пятисуставную хвощ-траву. Выросла она ещё краше прежней. Старушка бережно её выкопала, не повредила ни корешка, ни веточки, домой принесла, на подушку положила, одеялом укрыла. И пошла доить коров. Только начала доить – в юрте звон раздался: тонко звякнули бубенчики, потом ножницы упали. Старушка вскочила, вбежала в юрту, а там на одеяле сидит её дочь-красавица.

– Что случилось, милая? – спросила старушка. Девушка рассказала: – Мой жених Харжит-Берген повёз меня к себе домой. По дороге сказал: «Я проверю самострелы на лисиц, а ты поезжай одна. Поезжай по дороге, где повешена соболья шкура, а туда, где медвежья, не сворачивай». Я забыла его наказ, поехала не туда и достигла железной юрты. Оттуда выскочила дочь восьминогого абаасы, сорвала с моего лица кожу, налепила себе на лицо, оделась в мою одежду, приняла мой вид, приехала во дворец Хан-Харах-тойона, стала женой моего жениха, удалого Харжит-Бергена. А мое тело собаки растащили. Серая собака отнесла моё сердце на твоё поле, и я снова проросла хвощ-травой. Видно, не суждено мне умереть, видно, суждено мне иметь потомство. Но дочь абаасы разбила мою

судьбу, забрала моего жениха... Какой он теперь? Ведь её дух впитался в его кровь. Доведется ли мне снова его увидеть?

– Увидишь своего Харжит-Бергена, — сказала старушка. — А пока живи у меня.

В это время говорящая чубарая лошадь сказала Хан-Харах-тойону:

– Дочь восьминоного абаасы убила мою хозяйку, приняла ее вид, стала твоей невесткой, живёт в твоём дворце. А моя хозяйка ожила, снова проросла хвощ-травой, снова стала дочерью старушки Бэйбэрикэн. Злую дочь абаасы надо привязать к хвосту дикой лошади и пустить в степь. Сына твоего, удалого Харжит-Бергена, надо очистить от духа абаасы. Для этого надо его продержать тридцать дней в стремнине холодной реки, а потом тридцать дней сушить на вершине высокой сосны, чтобы продули его ветры севера и ветры юга. После этого он может пойти к старухе Бэйбэрикэн за своей невестой.

Старик тойон плакал, пока слушал лошадь. А потом поспешил к сыну. Когда он вбежал во дворец, дочь абаасы нахмурилась, лицо её потемнело. Старик сказал:

— Сын! Поведай мне: где ты взял, откуда привёз свою жену?

– Я привёз дочь маленькой старушки Бэйбэрикэн, — ответил Харжит-Берген.

– На какой лошади ты её привёз? — спросил старик.

– Я привёз её на говорящей чубарой лошади, — ответил Харжит-Берген.

Старик тойон говорит:

– Эта лошадь рассказала мне, что невесту твою убила дочь восьминоного абаасы, приняла её вид и стала твоей женой. А девушка ожила и снова живёт у старушки Бэйбэрикэн. Дочь абаасы надо привязать к хвосту дикой лошади и пустить в степь. Тебя надо очистить от духа абаасы, а для этого надо тебя продержать тридцать дней в стремнине холодной реки, а потом тридцать дней сушить на вершине высокой сосны. После этого ты можешь пойти к маленькой старушке за своей невестой. Услышал эти слова Харжит-Берген, разгневался, как еще никогда не гневался.

Схватил он за ногу злую дочь восьминоного абаасы, выволок её из дворца, привязал к хвосту дикого коня. Конь поскакал в степь, злую дочь абаасы разбил копытами на куски. Куски эти превратились в змей, червей, насекомых, которые ползают по земле до сих пор. Харжит-Бергена омыли в холодной быстрине, просушили на высокой сосне и привезли домой чуть живого. Удалой охотник отдохнул, пришёл в себя и поспешил к юрте маленькой старушки Бэйбэрикэн. Увидела его старушка, выскочила навстречу, обрадовалась. По обычаю, она от коновязи до юрты постлала зелёной травы. Заколола свою лучшую корову, стала готовить свадебный пир. А красавица подошла к Харжит-Бергену и заплакала:

– Зачем ты приехал, зачем пришёл ко мне? Ты позволил злой дочери восьминоного абаасы сорвать с меня тонкую кожу, пролить мою алую кровь, позволил серым собакам растащить моё белое тело. Что ты после этого здесь ищешь? Девушек на свете больше, чем окуней, женщин больше, чем хариусов. Среди них и найдёшь себе жену. А я за тебя не пойду.

– Я не отдавал тебя дочери восьминоного абаасы, — сказал Харжит-Берген. — Я не отдавал тебя серым псам. Я не говорил тебе: поезжай к железной юрте.

Старушка Бэйбэрикэн села между девушкой и охотником, смахнула слёзы из обоих глаз на обе стороны и сказала:

– Пропавший нашёлся, умерший поднялся. Надо радоваться свиданию! Обнимите друг друга! Никто не может меня послушаться!

Девушка тихо сказала:

– Мама, я тебя не слушаю. Я всё забуду.

Харжит-Берген вскочил, запрыгал от радости, начал обнимать-целовать красавицу. На дворе стояла наготове говорящая чубарая лошадь под серебряным седлом, в сбруе, украшенной серебром. К седлу была привязана серебряная плётка. Красавицу одели-нарядили и отправились в путь. Все родственники жениха вышли встречать невесту. Девять братьев Харжит-Бергена подбежали к золотой коновязи справа, чтобы принять

повод лошади. Восемь сестёр подошли к коновязи слева, чтобы привязать лошадь. Во дворце шептались:

– Как заговорит красавица – изо рта у неё посыплются драгоценные красные бусинки. Где пройдёт красавица – по следам её побегут гладкие черные соболи.

Заночевали мы, как оказалось, перед дверью в новый мир.

Братья и сестры готовились к встрече красавицы. Сестры нитки сучили, так старались, что кожу с ладоней посдирали. Братья стрелы делали, так старались, что кожу с пальцев посрывали. Приехали жених с невестой. Парни приняли поводья, девушки привязали лошадей к золотой коновязи. Харжит-Берген невесту осторожно снял с лошади. Заговорила красавица – изо рта у неё посыпались драгоценные красные бусинки. Девушки начали их подбирать да на нитки нанизывать. Пошла красавица ко дворцу – по следам её побежали гладкие чёрные соболи. Парни начали стрелять соболей. От коновязи до дверей дворца была постлана зеленая трава. Невесте дали, как велит обычай,

три верхушки молодых лиственниц. Вошла она в дом, тремя верхушками лиственниц разожгла огонь в очаге. И начался свадебный пир. Гости были из ближних и дальних земель. Были тут и певцы, и плясуны. Удальцы состязались в борьбе и в стрельбе. Семь дней длился пир, и гости разъехались по домам. Харжит-Берген с молодой красавицей стали жить дружно и счастливо. А потомки их и по сей день на нашей земле живут.

Слушали мы слушали и всем захотелось по-большому. Болели животы. Разбрелись кто куда по делу. В антисанитарных условиях и под дождём.

В конце концов угомонились. Улеглись в вповалку и накрылись брезентом. Заснул я в хорошем настроении. Под монотонный шум дождя.

Гроза ушла.

Богам третировать нас надоело.

Олонхо

Солнечные поводья олонхо.

Монотонный гул то ли барабанов, то ли бубен разбудил меня. Я выбрался из груды тел и брезента на свежий воздух. Несмотря на то, что по часам была ночь, ярко светило солнце. На небе – ни облачка. Светопреставления как не бывало.

При свете дня оказалось, что мы заночевали у окна, точнее сказать – у двери в какой-то новый мир. Я заглянул в него. В пределах стен "замка" на довольно крутом склоне располагалось некое подобие из каменного амфитеатра. По нему бродили и рассаживались люди. В основном якуты, среди которых я заметил советских диссидентов из Бетенкёса, были дамы Таптал и Феклана, около которых увивался Стиляга (надо будет прибить при случае). Обнаружились и знакомые европейцы из Батагая: врач, у которого были на вечеринке, анархист, кочегар-ученый, филолог – зав. пекарней, Настасья Филипповна, неразлучная с Оксаной Тарасовной и примкнувшим к ней Михаилом Семёновичем. Почти весь знакомый Батагай и Бетенкёс. Некоторых видел первый раз, не иначе как члены райкома комсомола, молодые сотрудники НКВД, а может и партии, в

костюмах и при галстуках. В сторонке переминались с ноги на ногу урки ("*Уродись я с такою мордою, я б одел на неё штаны*", как воспел этих ребят Анчаров). Мелькнула Нюра, но, похоже, мне показалось.

На площадке перед амфитеатром группа мужчин шаманского типа в белых одеждах от души била колотушками по большим бубнам.

Готовилось что-то интересное.

Я пролез в скальный пролом и стал пробираться к мужикам, толпившимся вокруг врача. За разъяснениями. Но добраться до них не успел. Сначала пахло знакомой вонью, а потом из-за очередной скалы появился и бич Прокопий, спец по якутскому эпосу, местным богам и шаманам. Знания переполняли его, и чтоб не лопнуть, нужно на кого-то их немедля выплеснуть.

Лучшей кандидатуры, чем я, ему не найти за тысячу вёрст в округе.

Он подхватил меня, поволол вниз, ближе к сцене. Я хотел сохранить некое расстояние – просто чтоб дышать свежим, не отравленным перегаром, воздухом. Но это не удалось, мы втиснулись в щель, образованную скалами и, тесно прижались друг к другу, стали смотреть представление.

Олонхо называется.

Олонхо — древнейшее эпическое искусство якутов.

На сцене (стёсанная ледником базальтовая плита, с задником из выстроившихся плотными рядами многоэтажных кигиляхов) верхом на лёгкой табуретке из тальника расположился мужичёк в распахнутой шубе мехом во внутрь. Это – олонхосут. Он наклонился вперёд, положил ногу на ногу и, придерживая правой рукой слегка склонённую набок голову (левая покоилась на коленях), запел. Глаза закрыты, чтоб отрешиться от окружающей среды, пальцем заткнуто ухо, чтоб звонче раздавалось в мозгу собственное пение, под такт которого он мерно покачивался. Богатая мимика, жестикация, то речь, то пение, постоянно меняющиеся интонации – все средства выражения были задействованы. Диалоги героев он передавал скороговоркой (очень быстро и четко) – с выразительной дикцией, так что каждое слово доходило до нас (если бы я ещё и якутский знал!), а арии исполнял как оперный певец, с хорошо поставленным голосом, с динамическими оттенками и нюансами. Только пение было горловым, нашим певцам недоступным. Но и как европеец он тоже мог. Голос то шёл монотонно, то вибрировал. Он был то мужским, то женским.

Никакого инструментального сопровождения не было. А капелла!

Временами олонхосут имитировал движение по кругу, как будто плыл по морям; забрасывал ногу на ногу, одной рукой держась за колено, другой за затылок, так что табурет представлял для него колесо, с помощью которого он переходил из одного мира в другой; вставал и сопровождал повествование жестикацией и движением туловища. При передаче напряженных событий или экспансивных героев олонхосут делался подвижнее, повороты лица становились резче; а при передаче событий мирной жизни, при обращении к героине или к духу земли движения корпусом были плавными и замедленными. Особенно энергично он двигался при запеве предбоевых песен, при передаче гнева богатыря. Богатырь из злых духов в начале боя, уверенный в себе, поёт грубым басом в залихватски быстром темпе, а в момент поражения голос его, оставаясь таким же грубым, принимает более ровный оттенок, ритм пения замедляется, голос становится протяжнее и ниже; мощным баритоном поёт боевую песню хороший богатырь; тонким высоким голосом плачется плененная красавица, слышатся страстные куплеты плохой девки, шепелявит нехороший парень Сорук Боллур, причитает старушка.

Странно, я, естественно, ни черта не понимаю в якутском искусстве, но тут предомной стали вставать яркие образы, я вполне врубился в сюжет. Конечно шёпот бича-переводчика что-то прояснял, но я бы мог обойтись и без него. Здесь нет сольного пения какого-то гусяра или бандуриста, нет якутского Гомера. Здесь театр – реалистический

театр, но с брехтовским началом, абсурдом, и сюрреализмом. Не ожидал от местных племён такого темперамента.

Татр этот был не светским, а религиозным, в том смысле, что чётко следовал религии Айыы. Местом действия были все три мира. Чтец взмахнул руками и я предстал перед Мировом деревом во всей реальности. В его средней части прародители людей (племя Айыы аймага) боролись за установление счастливой и богатой жизни в этом мире.

Пришлось им нелегко, так и нам не сладко.

Потомки божеств Айыы были посланы из Верхнего мира в Среднее. Посланы, а не высланы, как в еврейской Библии. Задача – заселить Средний мир раз уж так вышло, что возникла Земля. Люди из племени "айыы аймага" (т.е. родичи айыы) – первые жители нашей планеты. Якуты произошли от них, а не от мифических дарвинских обезьян. И не из глины сделаны. В Среднем мире всегда есть богатырь, предназначенный для борьбы со злыми чудовищами, для защиты справедливости и своей мирной жизни. Но он постоянно отвлекается. Стоит ему приметить симпатичную девушку, как её какая-нибудь сволочь тут же умыкнёт. В местных краях эта сволочь – абаасы. Богатырь, естественно, так это дело оставить не может и лезет в драку. Силы, однако, не равны, злые духи кому хочешь башку оторвут. Вот тут-то на помощь и приходят божества Верхнего мира. Справедливость устанавливается, зло наказывается.

Хэппи энд!

Вот и Эр Соготох – сильный, умный, красивый, настоящий богатырь ещё не знает с кем бы ему и за что подраться. А если ты не дерёшься, то какой же ты герой?! Так, Илья Муромец на печи. Эр с печи слез и обратился к духу-хозяйке Среднего мира, обитающей в священном дереве. Та его просветила, что происхождение у него божественное, а высокое предназначение – стать родоначальником племени ураангхай саха. Вот это да! Цель достойная. Дело в даль не откладая, Герой отправился за суженой, перебил всех встретившихся на пути Абаасы нижнего мира, отбил себе жену, и стал родоначальником не только племени, а целого народа. Процветающего народа.

Сюжет понятен. Интересна реакция слушателей. Они, конечно, сюжет знали, причём намного лучше меня. Но слушали, смотрели и активно реагировали на исполнение. Они участвовали в действии. Олонхосут деформировал энерго-информационное поле окружения, всё пространство стягивал на себя. Мужик, конечно, был талантлив: чётко передавал драматизм, динамизм действия, проявление конфликта. Перевоплощаться он умел.

Все это хорошо, однако, шёл второй час, третий, четвертый. А действие не кончалось. Олонхосут был неутомим. Как мне попутно объяснил мой бич, объём олонхо достигает сорока тысяч стихотворных строк, при этом встречаются произведения, доходящие до двадцати и более тысяч строк. Илиада и Одиссея в сквозном исполнении. Бывает, что олонхо поётся семь суток (дней и ночей).

Пожалуй, это перебор. Кто послабже – тот не выдерживает.

Одновременно хотелось есть и в сортир.

Перелезая через глыбы валунов, прочно занятых зрителями, мы покинули театр одного актёра.

Уже на выходе столкнулся я с двумя якутами – знакомыми по Бетенкёсу. Один – старик, известный нам как Иван Иванович Иванов, борец за превращение Якутии в семнадцатую республику СССР. Одет он был в традиционную якутскую одежду, способную выдержать грозу и ливень. Второй, средних лет Дьяакып Дьогурдэнович Тотонов, представился мне как Денис Давидович. Он был в тёмно-синем костюме, в белой рубашке и строгом галстуке. Как депутат Верховного Совета. Он когда-то и был им, но выгнали и сослали в Бетенкёс. За противодействие генеральной линии партии: кукуруза в Якутии ему не нравилась. Философствовал много.

Обсудили олонхо. Всем понравилось, но до конца досидеть здоровья не хватило.

– Мы сохранили своих богов, знаем и своих предков, – задумчиво сказал Иваныч, – а вы, русские, своих уничтожили.

– В каком это смысле? – не понял я.

– В прямом! У вас были мощные боги: Перун, Велес, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Сварог и другие.

– Масленица, Ярила, Кострома, Коляда, Купала, – добавил Денис.

– Это не боги! Это культ умирающего и воскресающего божества, средоточие сил плодородия и плодовитости.

– У нас в соседях была русская деревня, там по весне танцевала Кострома в хороводе. Девушка молодая, в белые простыни закутанная. Потом Кострому хоронили. Не девушку, а чучело соломенное, после чествования и оплакивания его сжигали, а остатки разбрасывали по полям. Энергию плодородия предавали земле.

– Довольно жестокое представление, у нас такого нет.

Я слушал с интересом, информация новая. Кострома – это город, а не тётка. Похоже, что в якутской мифологии я разбираюсь лучше, чем в славянской.

– Я, однако, о другом хотел сказать, – продолжал старик, – мы знаем, от каких богов якуты произошли, а ты знаешь, от каких появился?

– Нет! – честно признался я.

– Вы, русские, произошли от Дажьбога – бога солнца, что замыкает зиму и открывает весну. Покровитель свадеб он. Предок всех русских людей от князя до земледельца. И что вы с ним сделали?

– Что? – поинтересовался я.

– Вы его уничтожили! И его, и Перуна – главного бога – и всех остальных. А так же тех, кто им сохранил верность. Море крови пролили. Ради чего? Ради чуждого вам бога, ради бога другого народа, скотоводов, ради религии, изгнанной из страны её породившей. Зачем вы это сделали? Ваши боги отвернулись от вас. Да, Христос придал вам силы, вы повоевали нас, но это не будет вечно. Мы остались верны своим богам, они нам помогут. Якутия будет свободной страной. И процветающей!

– Нельзя сказать, что русские сильно верующие. Церквей в Сибири почти нет, а в революцию наш народ – богоносец перебил всех попов и прочих служителей культа. Случится новая заваруха – новых перебьёт, утопит и повесит.

Разговор пошёл куда-то не туда. Я, конечно, атеист, до любых богов мне дела нет, но как-то неприятно всё это слышать. Тем более, что с богами здесь что-то не так: якуты все крещённые. В отличие от меня.

Мы расстались и я пошел искать чего бы пожрать.

Пёс на жёрдочке

Любознательный сапёр

Побрёл я к месту стоянки, переживая увиденное и услышанное. Всё же насколько бедна христианская традиция: либо рай, либо ад. Перспективы твои зависят от апостола Петра: понравишься ему – в рай, не понравишься – в ад. А как надо поступать, чтоб понравится? Свечки Богу достаточно? Раскаяние после кучи грехов его удовлетворит? Так сначала надо от души нагрешить, чтобы потом исправиться. Боги на людей похожи, равно как и черти. Правда бес с рогами, хвостом и копытами. Фантазия у славян бедная. У якутов богаче. Мира не два, а три: верхний, средний, нижний. Человек курсирует между ними, иногда, безнаказанно, иногда с проблемами. Везде боги, духи (старые, невидимые, а если видимые то с семиэтажный дом каменно-железного чудовища, в виде лиственницы или огня – пожара таёжного и новые, видимые, калеки одноглазые, без рук или без ног). Вы можете представить себе восьминогую Аббасу? Я нет. А ведь он может встать передо мною на узкой тропе. С девушкой – хвощинкой как-то проще. Мне кажется, что с ней я уже общался.

Вот какие фильмы снимать надо. Это вам не убогость сценаристов Голливуда! В космос летать не надо...

Вышел к лагерю и удивился. Лиственница крупных для здешних краёв размеров, оказалась аккуратной спиленной где-то на высоте 2,5 м. На срезе, на котором с трудом уменьшались четыре лапы, стояла наша собака. Увидев меня Граф жалобно тьякнул:

– Смотри что делается! Снимай!!

– А какого хера ты туда залез?! И, главное, как?

Кругом россыпи камней, шибко не разбежишься, прыгать высоко, срез небольшой, стоять не удобно. Я понимаю, героический петух, взлетел, уселся на жердь, и кукарекает. То ли кур собирает, то ли о приближении врагов предупреждает, то ли просто выпендривается. А ты-то чего? Что бы скулить?

Пёс отчаянно тьякнул. Пришлось собирать вьючные ящики, ставить их на попа и снимать болезного. Пирамида наша рухнула, но приземлились довольно благополучно: сильно никто не пострадал. Я отряхнулся и продолжил путь.

– Граф, пошли поищем, может кто что подаст.

Пёс не отвечал, радостно вертелся вокруг своей оси, вцепившись в хвост. Как маленький.

– Ладно, сиди голодный.

Не сделал я и двадцати шагов, как возник Граф, миновал меня по кустам, раздражённо глянув: путаются тут всякие под ногами, и исчез вдали.

Нас влёт запах.

Обед

Жрать захочешь, приходи

И в пещеру войди,

Хобот мамонта вместе сжуём.

Наши зубы остры,

Не погаснут костры,

Эту ночь проведем мы вдвоём.

Спустились мы с Графом в довольно широкий распадок, промытый быстрым ручьём. Он создавал постоянный звуковой фон, настолько сильный, что при разговоре приходилось форсировать голос. Среди осыпей, скал, кустов и редких деревьев копошились люди. Много людей. Горели костры, вращались вертела с туловищами крупных животных, надо полагать оленьих, дымили походные мангалы. Плотный запах горелого мяса. Слюнки текут – кушать хочется.

Олений день выдался. Хороший для нас и плохой для оленей.

В нижней части распадка шёл забой оленей. Пастух отвязывал один конец аркана, сплетённого из грив и хвостов лошадей, подтаскивал оленя к себе, несколько человек хватались за рога, один из них дважды бил якутским ножом животное в левый бок, прямо в сердце. Через несколько секунд олень медленно оседал, и через минуту выпускал дух. Довольно гуманно.

Затем мужики делали нечто странное: под оленя подкладывали несколько веточек ивы, чтобы напоить его водой: в первую очередь рану, а затем губы. Только после этого приступали к разделке. Начинали её со шкуры на ногах, которую отделяли резкими ударами кулака. Топор при работе с мясом не используется, только нож. Поэтому большие кости варят целиком, для чего требуется большой котёл. Далее шкура растягивается для просушки и на неё кладется оленья голова. Самым ценным (деликатесом) являются глаза, мозг, язык и ноздри. Глаза надрезают и потихоньку высасывают. Рога очищают от тонкой шкуры, также идущей в пищу. Она обжаривается в костре и поедается, будучи нарезанной на маленькие кусочки, точно так же как и оленьи губы. Язык едят сырым, предварительно засыпав солью.

Единственно правильным способом приготовления оленины якуты считают варку. Оленина готовится быстро. Котелок наполовину заполняют небольшими кусочками мяса (берут из грудинки), заливают водой, и варят минут 10. Суп из оленины не похож на суп из говядины. Он густой и наваристый (странно, оленина – мясо постное). Запах божественный. Похлёбку сразу же съедают: с огня особенно хорошо идёт. Я так и сделал. Жаль специй нет: перца, лаврового листа или луковицы какой.

Оленина похожа на говядину, но полезней: богата витаминами *A, B, C* (от цинги помогает), холестерина нет, металлы всякие содержит (калий, медь, селен, магний), не знаю, правда, кому и зачем они нужны. Разве что для стимуляции половых функций. Но мне, вроде, пока не надо.

Суп-супом, а голод-голодом. Якуты угостили меня строганиной из оленины, её они готовили заранее, сильно заморозив. Костей нет, пластинки тонкие (2 мм), ширина 3 см, длина 10 см. Берёшь пластинку ножом срезаешь тонкую стружку, держишь её рукой (вилки почему-то нет), обмакиваешь в соль и ешь. Вкусно и питательно, сырое мясо быстро переваривается. Дали мне попробовать язык, отваренный в рассоле костный мозг, желудок, набитый какими-то ягодами и травами.

Жаль, что мало.

Оставив якутов, пошёл знакомиться с европейской кухней. Мужики суетились вокруг вертела, на который была насажена туша небольшого оленя. Готовить его сложно. Нужны большие количества углей, мощный и равномерный жар, но без открытого огня. Для этого завели запасной костёр, в котором горели толстые брёвна. Время от времени выгребались горячие угли и переносились под вертел. Вертел не торопясь вращали, следя за тем, чтобы мясо пропекалось в глубину и не горело сверху. Понял я, что тут ждать нечего: они часа три проваландаются, а мне не терпится.

Поступил так, как и вы поступили бы на моём месте: направился искать знакомых дам. Неразлучные Настасья Филипповна и Оксана Тарасовна хлопотали вокруг походного мангала. Не забывая переругиваться, они готовили печень. Каждая на своей сковородке. Я их осчастливил своей дегустацией. Печень НФ мне понравилась, тётка – зануда-занудой, а готовить умеет. А у ОТ – сплошная халтура. Даже с голодухи жрать не будешь.

У старой подруги Вари, которую однажды спас от йодной решётки, отведал мозги (оленьи) в молочном соусе. Вот это вещь! Варенька зарывала их в муку и обжаривала с двух сторон, добавляла нарезанные тонкими ломтиками отварные грибы (где взяла?!), затем смазывала сковородку жиром, наливала немного молочного соуса (!), клала обжаренные мозги и грибы, закрывала крышкой и запекала в углях. Ел я прямо со сковородки, вместе с неизвестными мне кислыми ягодами и сметаной. Объеденье! Вот на ком жениться надо...

Однако надо заняться чем-то серьёзным и самостоятельным: стейк, шашлык, барбекю или как это называется. Подошёл к мужикам, сидевшим и стоящим вокруг костра. Люди серьёзные, у них технология. Нарезаешь себе большой кусок мяса (грамм 300), резать, кстати, надо только поперёк волокон, и хорошо отбиваешь его на камне обухом топора, смазываешь маслом, посыпаешь солью, перцем (если выпросишь у коллег), перетёртыми ягодами можжевельника (Варя дала), насаживаешь на вертел и суёшь в костёр. У меня в лагере был шомпол для чистки ружья, его бы и использовать как вертел, но было лень за ним бежать. Поэтому нарезал палку из багульника, нанизал на неё мясо и кусочки сала, и сунул в угли. Палка не замедлила сгореть, так что пришлось добывать новую. Мясо жарилось долго, я его медленно вращал для равномерного обжаривания и изредка извлекал для диагностики. Терпения не было ни у меня, ни у Графа. Поэтому прожаривал верхний слой, срезал его, остужал, ел сам и бросал собаке, которая исходила слюною и повизгивала. Стейк (или это шашлык?) был полусырым и с кровью, но шёл хорошо, как у англичан. Недожаренное мясо возвращал в костёр и процесс продолжался. Кто-то пожертвовал тубик с томатной пастой. Век благодарен буду.

Через пару часов голод был утолён, жрать стали в три горла. До предельной насыщенности.

Сыт по горло - есть хочу.

Отвали мы с Графом от костра, постелили одну телогрейку, накрылись другой и задремли в обнимку.

Сиеста – дело святое!

Камлание

*Жизнь непредсказуема,
и в ней всякое может произойти,
даже самое невероятное, то,
что и представить себе не можешь.*

Проснулся я потому, что замёрз и отлежал руку. Она была, как ватная. Не хорошо! Вдруг драться придётся...

Граф меня покинул. Оперев передние лапы на остывший мангал он обнюхивал кучку застывшего пепла на нём. Грустил о прошлом, в котором в кое веки веков удалось нажраться от пуза. Неповторимым прошлом.

Где-то рядом несколько мужиков, сидя на корточках с кружками чая в руках, спорили о кибернетике, синергетике и генетике. Я сходу включился в тему, но слова сказать мне не дали. Солировал мало знакомый мне дядька. Его я однажды мельком видел: он жаловался на свою судьбу. Шёл по посёлку, поравнялся с берёзой, схватил булыжник и запустил в неё. В ствол не попал, но зато убил ребёнка, игравшего рядом. Дамы ему сочувствовали: из-за неосторожности человек пострадал. Хотя какого хрена он запустил булыжник в берёзу, я так и не понял. Но по слухам сел он не за это, а за журналистскую деятельность. Был внештатным селькором, писал письма-заметки в районную, а то и в областную газету. Критической направленности. Молодой партиец борется с недостатками. Пока он критиковал соседей, доярок и работу машинно-тракторной станции всё было хорошо, его даже поощряли и обещали сделать собкором. Но когда он перешёл на председателя колхоза, парторга и на районное начальство, старые партийцы его немедленно посадили. По политической статье. Сначала сел он не на долго, но в лагере, как человек честный и не терпевший несправедливости, исхитрился послать на волю маляву с критикой лагерных порядков. Лагерь распустили, начальника расстреляли, а ему добавили 6 лет, каковые он честно отсидел. Почему-то он предпочитал считаться уголовником, а не политиком. Причины, наверно, были...

– Любить водку, халяву, революции и быть мудаком – этого еще не достаточно, чтобы называться русским, – заявил он.

Я открыл рот, чтобы поинтересоваться, а что должно быть достаточно. Но тут загудели барабаны, бубны и ещё что-то громкое. Мы снялись и полезли вверх в театр Олонхо. Двигались мы с бомжом Иннокентием, который временно отказался от проекта струнной железной дороги и теперь развивал идею внедрения в Верхоянском крае солнечной энергетики на кремниевых или германиевых пластинах. Трудности, связанные с полугодовой полярной ночью, когда солнца нет, а мороз, наоборот, есть, и требуется много энергии, чтобы согреться, его не смущали. И он был прав, безумные идеи осуществляются.

Спектакль Олонхо в зале кигиляхов окончился, готовилось нечто новое. Мы пошли занимать места.

Количество зрителей явно увеличилось, мелькали знакомые лица, но появилось много якутов и якуток, которых я до сих пор не встречал, – они перебирались ближе к "сцене" на которой горел ясным пламенем большой костёр. Среди европейских зрителей выделялась Лия, которую я заметил на светском рауте и которую посчитал за роковую женщину, почти вамп. Вся в чёрном с грацией пантеры (пантеру живьём я никогда не видел, но представление имею) она подплыла к углублению в скале, выложенному

медвежьими шкурами, неся себя как нечто изысканное, неповторимое, бесценное. С лёгкостью и непринуждённостью, не размахивая руками и лишь слегка сгибая ноги в коленях, села она на трон, с прямой спиной, ни на что не облакачиваясь. Закурила тонкую сигарету в длинном мундштуке. Никакой агрессивности. Спокойствие, достоинство, холодность. Длинные распущенные волосы, брюки облегли привлекательную попу и длинные, чувственные ноги. Довольно яркая красно-коричневая помада (явно не моего производства) подчеркивала выразительность лица и глубину карих глаз. Говорила она низким, мягко вибрирующим голосом, который сам по себе был обольстительным, околдовывал, завораживал и возбуждал.

Она вела себя как королева: приветствовала знакомых, мужчины ей кланялись издали, или подходили и целовали её руку, дамы чмокали в щёчку. Я тогда не читал "Мастер и Маргарита" Булгакова, но мне почему-то показалась, что она – царица балла на Лысой горе. У нас Вальпургиева ночь 30-го апреля, а здесь (климат другой) – 30-го июня.

Ад на Земле находится в Верхоянье. От православного он отличается тем, что попадают сюда как грешники, так и праведники. Специального отбора нет, равно как апостола Петра на входе. Ведьмы здесь живут постоянно (не все по своей воле), не надо прилетать на свиньях. Их спускают по Яне из Якутска. Гора не совсем лысая (скалы на ней торчат, как петушиные гребни), но зато изолирована от внешнего мира. Хорошее место для шабаша, но не только ведьм – ещё и чертей. Не уж-то будет бал Сатаны?

Надо отдать должное Лие: она не блистала красотой, но обладала мощной сексуальной харизмой. Взгляд гипнотический, холодно-недоступный и страстный. Строптивая, ленива, лукава, порочна, независима, естественна, сексуальна, умна и находчива одновременно. Легкая полуулыбка означает и да, и нет. Женщина-загадка – магнит для мужчин. Но не для меня. Женщины в возрасте мне неинтересны. А роковых я просто боюсь. Держусь от них в стороне.

Деньги, семья и прочие буржуазные радости, доставляемые мужчиной, ей не нужны. Нужен сам мужчина, что бы он её безумно любил и пребывал в полной капитуляции. Но поиграв, поиграв, она выбросит его, как надоевшую игрушку. Сама она никогда никого не любила, хотя периодически испытывала страсть, мужчин ненавидела и всегда мстила. Не всегда за дело. Она ценила и любила себя, хотя это не демонстрировала, предпочитая оставаться для окружающих загадкой, ни при каких обстоятельствах не показывая, что ей некомфортно, либо она страдает. Мужчин вокруг неё всегда было много, но выглядела она одинокой.

Да! Я роковая женщина. Может — очарую, соблазню и брошу, а может хуже — очарую, возбужу и не дам!

Работала она когда-то психологом, подрабатывая оккультными науками. Сейчас – распространитель займов, подписывает служащих на облигации Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР, на облигации 3% внутреннего займа, на лотерейные билеты. Способность очаровывать здесь полезна.

Сама она из бывших (дворян то есть). В студенческие годы в неё был влюблён молодой горячий боец 2-ой Конной армии. Удивлённый привычками подруги, стрельнул из револьвера в неё, потом в себя. Ожог ей бедро (хотя целил в сердце), а с собой покончил удачно. Несколько раз была замужем. Мужья ей не доверяли и дико ревновали. Она же хотела им блага: старалась сделать крупным начальником, на худой конец – профессором. Будь под каблуком, а там хоть Совет Министров возглавляй. Но почему-то больше вредила, чем помогала. В Москве она держала салон, в котором бывали поэты, художники, музыканты, артисты, церковники, военные, чиновники и даже инженеры. Пили, спорили. Она всё записывала и передавала в органы. Сообщала то, что было, ничего не добавляла от себя, ни на кого не клеветала. За это её ценили. Иногда кто-то из посетителей навсегда исчезал, а бывало, что и весь салон куда-то девался, включая её мужа. Правда, однажды она возмутилась нежданной потерей супруга, бросилась по верхам и в конце концов отбила его. Он вышел на свободу, оправданный по всем статьям.

Тут же развёлся: не понравились ему её записки о нём, отрывки из которых зачитывал следователь. На фронте он погиб сразу. Она снова вышла замуж. Мужа вскоре забрали и расстреляли, но и она пострадала – отправили в лагерь как ЧСИР» – член семьи изменника родины. Пять лет лагерей, ссылка и вот она у нас – украшение бала. Впрочем, батагайские женщины, ненавидящие её, утверждали, что она тайно родила сына, убила его и закопала в Измайловском парке. Но это зря... Клевета!

Сейчас вокруг неё хлопотал и, видимо, охранял от излишне активных домогательств, невзрачный мужичёк. Не понятно, что она в нём нашла? Разве что глаза умные и лоб крутой.

*По небу х**ня летала
Серебристого металла.
Очень много в наши дни
Неопознанной х**ни.*

На стене замка за сценой появилась многоэтажное изображение прекрасной тунгуски, в национальной одежде, с многочисленными украшениями и с аномально толстой и аномально длинной чёрной косой, стекающей меж грудей. Синильга (снег в переводе) подняла руку, поприветствовала нас, и дала сигнал: "Начинай!"

Появился шаман. Интересно, почему его так называют? Одни говорят это от *са* – знать и *ман* – суффикс привязанности (асиман – любитель женщин, а бекман – любитель ручьев), тогда шаман – любитель знаний (Я тоже любитель знаний, стало быть – шаман, надо будет аспирантам сказать при случае), другие говорят, что шаман означает "возбужденный, испуганный человек", а учёные утверждают, что всё идёт от санскритского *шраман* – странствующий отшельник, духовный подвижник-аскет. Как его не называй, но шаман – избранник духов, видит иную, особую реальность и путешествует в ней. Мне бы так!

На нашем шамане при первом явлении был плащ с фигуркой стилизованного двуглавого орла, но он его сбросил и остался в кафтане с нагрудником, штанах, заправленных в сапоги и с головным убором типа корона. Не надо было кончать два курса МГУ, чтобы понять, что прикид символизирует птицу, но не простую, а чистую, небесную. Ясно, что только надев такой костюм, можно летать и выполнять обязанности посредника между миром людей и миром духов. Вид птицы ему придавала бахрому из длинных и тонких кожаных полос, свисающая с подола, рукавов и короны. Она шла вниз

Однако, я отвлёкся.

Сидеть с вонючими этнографами, изобретателями и философами мне расхотелось. Подкатился к Таптал Кромберг и Феклане Сансар, уселся меж них (*среди двух роз сидит Барбос*), проигнорировав шипение Стиляги.

Слегка стемнело. Бредущее по горизонту солнце закатилось за очередную гору. Длинные аномально чёрные тени накрыли сцену и потянулись к нам в зал. Горели костры. Красное и чёрное. Они были вспомогательными. Главный костер зажжёт шаман позже.

Шаман.

К нашим скалам потянулись облака. Некоторые светились изнутри, меняли окраску. Они явно тяготели к Кигилям, прикреплялись к ним. Из одного азростата выпал малиновый колпак с кисточкой. Тут же возникший гном, прыгнул на камень, ловко подхватил колпак, надел его и вновь стал невидимым.

двумя полосами по краям груди. Бахрома на кафтане – это перья. Ленточки – волосы: древние символы змей – передают большую магическую силу.

Камлание.

Двигался и пританцовывал он как летящая птица. Многочисленные касюнки – серебряные и медные украшения – на кафтане в виде птиц, рыб и животных изображали духов – помощников шамана и самого шамана, когда он в образе гагары плывёт по мировой реке, или в виде орла сражается со злыми духами. Но не всегда он летает к высшим небесным духам, приходится ему спускаться и в мрачный нижний мир, дорога в который пролегает через море бед и несчастий. Вот тут-то и необходим образ медведя. Понятно, что в нижний мир лучше всего спускаться верхом на мишке. Посреди спины кафтана, среди висящих колец,

представляющих "солнце", был просверленный кружок, представляющий Землю с её центральным отверстием, через которое шаман попадает в Преисподнюю. На спине – полумесяц и цепь, символ силы и выносливости шамана.

Понятно, что металлические бляхи служат для защиты от ударов злых духов. Вешат они килограмм десять. При пляске шамана пластины издают адский шум, а так как имеют душу, то не ржавеют. Вдоль руки они уложены в виде прутьев, изображающих кости этой руки. По сторонам грудной клетки пришиты узкие пластинки, представляющие рёбра; несколько выше большие округлые бляшки демонстрируют женские груди, печень, сердце и другие внутренние органы. Есть ещё маленькая лодочка – дух бешенства. Она-то зачем?!

При камлании шаман превращается в птицу, из птицы в животное, знакомит зрителей со вселенной, осмысливает и моделирует мир. Три шаманские ипостаси – человек, птица, животное, их отражение в костюме, выражают идею мироустройства. Есть соответствие между космическими сферами (верхний, средний и нижний миры), между тремя классами существ, обитающих на ярусах мирового дерева, и их изображениями на одеянии шамана. Наглядная карта вселенной и пути шамана по ней.

Шаманский костер рисует причудливые образы.

В руках шаман держал бубен и колотушку. Бубен имел овальную форму (продольный диаметр сантиметров 60) с девятью резонансными бугорками (деревянные столбики с натянутыми на них жильными нитями). В обечайке вырезаны резонаторные щели, посредством которых полости резонаторов сообщаются с полостью бубна. Насколько я знаю, обод бубна

полости резонаторов сообщаются с полостью бубна. Насколько я знаю, обод бубна

изготавливается из священного дерева, которое специально выбирают духи. От лиственницы осторожно отщепляют необходимые куски, а само дерево продолжает расти. Если оно засохнет, то шаман умрёт. Обечайка обтянута коровьей шкурой. Внутри бубна на четырёх ремнях прикреплена деревянная крестовина. Рисунков нет. Колотил он колотушкой из сердцевины лиственницы, одна сторона которой обшита шкурой оленёнка, а к другой (вогнутой) прикреплено несколько колечек. На ручке – изображение головы медведя. Звук громкий, продолжительный и медленно затухающий.

Бубен одновременно шаманский конь и защита; колотушка – плеть-погонялка и оружие шамана.

Танцуя, шаман направился к костру, обложенному по кругу камнями. Огонь – основная стихия, с которой он работает. Прежде чем что-то начать нужно пообщаться с духом огня, выразить почитание и покормить его. Топливом служат прямые ветки. Из них шаман соорудил шалаш в форме чума. Некоторые продукты (молоко в пиале, зерно, варёную говядину без косточек, сахар, лепёшку, сало чёрношапочного сурка, белый конский волос) положил прямо в костёр, другие разложил по периметру. Добавил несколько веток можжевельника, рододендрона, багульника и поджог. Началось окуривание одежды шамана, бубна, колотушки. Огонь давал стелящийся кустарник, но потом ярко вспыхнул костёр. Шаман брал пучки багульника, поджигал их над костром и дымищими ветками слегка постёгивал свою атрибутику. Нагрел бубен над огнём для придания ему звонкости и очищения.

Очистившись энергией огня от духовной скверны, шаман ударил в бубен. Камлание началось.

Огонь то вспыхивал и возносился к небесам, то затухал. Пламя металось в разные стороны, приобретая различные формы, то пугающие, то карикатурные, то животных, то людей. Дым то шёл вверх, то окуривал нас. Костер нёс информацию не только дымом и огнём. Он разговаривал, издавал звуки, предупреждающие об опасностях, о недовольстве и угрозах хозяйки данной местности.

Шаман сел, три раза громко зевнул и три раза сильно ударил в бубен. Затем, ритмично покачивая головой, с пением обратился к местным духам, присутствующим вокруг нас с просьбой удалиться. Закончив очищение близлежащей территории от незваных гостей, шаман обратился к духу-хозяину огня и сообщил ему, что расстается с родной стороной и отправляется к злым существам, и просит охранять его.

Почти все якуты закрыли глаза, некоторые встали, другие опустили на колени. Я же смотрел во все глаза и видел, как сила огня очищает человека от разрушительных психологических и энергетических программ (сглазы, порчи, наговоры, привороты) и наполняет позитивной силой, уверенностью и волей.

Шаман начал обряд с обращения к Высшим Силам Небес – Аар Айыы. Обращаясь к каждому из двенадцати Аар Айыы, он по три раза вверх брызгал кумыс длиной (больше метра), разрисованной обрядовыми узорами, неглубокой, но с тремя углублениями посередине деревянной ложкой. Стоял лицом к восточному Небу, изредка поворачиваясь к северо-востоку и юго-востоку. Обратившись к Аар Айыы, шаман от имени народа попросил их благосклонности, чтобы они ниспослали людям благодать, плодородие земли и скота, божеского света, благословения и много ещё чего. Затем он благословил всех нас и в нашем лице – народ.

После обращения к Духу огня, он перешёл к Духу Матери-Земли, духам растений, к Духу охоты, к духу Вод – тоже попросил их благосклонности. Эти духи не Небесные боги, они – Земные добрые духи, без которых человек жить не может. Задабривание огня и есть обращение к Земным добрым духам. Покончив с этим, он начал призывать духов-помощников. Те долго кочевряжились, возмущённо интересовались, зачем их потревожили, после некоторого препирательства шаман уговорил их придти. Пригласив помощников, он сделал вид, что не может оторваться от подстилки. Один помощник трижды высек над ним огонь огнём, а другой сломал три лучинки под его коленом.

Шаман встал, держа бубен, подошёл к костру произнёс заклинание бубну, назначив его ездовым животным. Бубен грохотал, шаман трижды поворачивался вокруг себя, каждый раз, оказываясь спиной к огню, он подражал ржанию лошади и лягал ногой назад, опрокидывая вниз разных земляных червей и гадов, образ которых приняли злые духи. Постепенно он начал впадать в транс, не забывая демонстрировать своё могущество. Например, он колотушкой протыкал небо и тут же начинал падать снег, однажды он даже отрезал себе голову и положил рядом с собой. Потом всё же вернул её на место.

Он прыгнул на бубен и нанося оглушительные удары по его бокам закрутился волчком. Хрипя и взвизгивая шаман поскакал по Верхнему, Среднему и Нижнему мирам, встречая злых духов, приносящих беды и добрых духов, посылающих удачу, беседуя с духами земли, рек, озёр, выпрашивая у них богатство и радость.

Пение не прерывалось ни на минуту, при вдохе шамана его подхватывали помощники. Оно реализовало связь между людьми и существами потустороннего мира, и эта нить не должна обрываться. Не прекращая петь и стучать в бубен шаман перешёл к иступлённой пляске. Он подпрыгивал, сильно вращал туловище, тряс плечами. Колокольчики на спине и сталкивающиеся железяки фиксировали ритм. Ритмические движения шамана, сначала довольно случайные, приобрели сексуальную направленность. Он совершал половой акт с невидимой женщиной, в огне и дыму.

Я посмотрел вокруг. Зрители занялись сексом. В таком коллективном мероприятии мне ещё не приходилось участвовать. С непривычки не понял, как им это удалось технически: зрители камлания как были в плащах, телогрейках, кожинках, энцефалитках и брюках, так в них и оставались. И мужчины и женщины. Раздеваться и разбрасывать по сторонам лишнюю одежду никто не стал. Вечная мерзлота и скалы снизу и тучи комаров сверху диктовали Камасутру.

Пойте, пойте, хвалите, валитесь в объятия, Целовайтесь, никто не дрожи!

Принцип конформизма: *попал в монастырь – молись, как скажут.*

Легко сказать...

Рыцарский турнир

— *А что это за звуки, вон там?*

— *спросила Алиса, кивнув на весьма укромные заросли какой-то симпатичной растительности на краю сада.*

— *А это чудеса, – равнодушно пояснил Чеширский Кот.*

— *И.. И что же они там делают?*

— *поинтересовалась девочка, неминуемо краснея.*

— *Как и положено, – Кот зевнул.*

— *Случаются...*

То ли из-за ритмичного бубна и звона колокольчиков с бляшками, то ли от прямого гипноза впавшего в транс шамана, то ли от наглядных примеров, но почувствовал я гигантскую половую силу. Потянуло на подвиги. Схватил под руку Таптал. Вполне своевременно: её уже тянул к себе Стиляга-тунеядец. Не, ребята, мы так не договаривались! Это – дама моего сердца. На данный момент. Выходи на серенаду!

Рыцарский турнир, есть рыцарский турнир. Кто бы спорил!

Классика!

Ристалище наше, конечно, далеко от стандарта. Песком площадка не посыпана, не утрамбована, да и самой площадки нет, не говоря уж о деревянном барьере. Камни кругом, некоторые – острые. Судей и оруженосцев тоже нет, но есть цель – противник. Если проиграет – всё его станет моим. Включая даму.

Схватил я Стилягу за куртку и резко развернул к себе. Он отпрянул, выпустил Таптал, выхватил нож весьма бандитского вида, взмахнул высоко поднятой рукой, явно собираясь вонзить свой нож в моё сердце. Две ошибки. Никогда не демонстрируйте

оружие, не пугайте врага. Не предупреждайте его об опасности. "*Кто опасён, тот спасён*", – говорит Даль. Противники – они разные. Могут убить вас вашим же оружием. Это – во-первых. А во-вторых, не пытайтесь ударить ножом сверху вниз в грудь. Это в кино хорошо смотрится. А на практике от такого удара легко защититься, машинально протяни руки, и всё – удар не пройдёт. Бить надо снизу, пряча лезвие в ладони, от бедра и в живот. От такого выпада трудно защититься.

Не бей по рожге, себе дорожке.

– Испугал ежа голой жопой, – пришло мне на ум, – на химика руку поднял!

Что ж, у него своё оружие, а у меня – своё.

Я быстро схватил за ухо Стилягу. Он отвёл руку с ножом далеко себе за спину, что есть сил запахнулся и нанес мощный удар, но его рука ударилась о мою, нож вылетел и со звоном покатился по камням, сверкнув и исчезнув в какой-то щели.

Тому, кто выступает с открытым забралом, легче заткнуть рот.

Крепко держа одной рукой рыцаря за ухо, второй извлёк из-за пазухи баллончик, вставил трубку в полуоткрытый от усердия рот врага и нажал на пипочку. Сжатый газ пошёл в глотку. Смесь ксенона с кислородом. Ксеноновый наркоз называется. Хорошая вещь. Отключка немедленная, полчаса гарантии, приход в себя быстрый, без всяких последствий (тошноты, рвоты или ещё чего противного). Сердечникам рекомендуется, и всем, кому обычный наркоз (эфир, хлороформ, закись азота) противопоказан. Но дорого, однако. Я диоксид урана долго облучал нейтронами в ядерном реакторе, потом выделял газообразные продукты деления урана, извлекал мембранами из смеси ксенон. Затем дожидался распада его радиоактивных изотопов. Смешал с кислородом (чтобы пациент не задохнулся) в нужной пропорции, сжал смесь и заправил её в газовый баллончик. Чувствовал – пригодится. И вот, применил по делу.

Эффект ожидаем. Стиляга мгновенно потерял сознание. Он бы грохнулся и расшиб голову о камни, но мы его подхватили и разложили по камням с максимальным комфортом.

А мне достался приз.

*Пора приниматься за баб,
ведь бабы – последнее дело.*

Приз

*Даму можно считать прекрасной,
если у неё есть платочек,
и балкон для махания с него.*

*В случае отсутствия платков и балконов,
любую Даму можно считать Прекрасной.*

Я привлёк Таптал к себе, она дернулась прочь,

В свободной стране девушка может и передумать.

Но, видимо, вспомнила, что по рыцарскому уставу, дама принадлежит победителю в схватке, если та велась не на жизнь, а на смерть. А она велась. Под покровом темноты владелица замка сама спускалась к триумфатору и проводила с ним ночь. Барон не возражал (что делать, если драться не умеешь?), потом воспитывал ребёнка, как своего. Так улучшались гены аристократов. Таптал знала и другое правило: нужно подарить рыцарю часть своей одежды. Лучше всего – рукав платья. Платья не было, а от дублёнки рукав просто так не оторвёшь. Сила нужна не малая. Она сдёрнула с себя шейный платок, набросила мне на лицо и поцеловала сквозь него. Затем повернулась ко мне спиной и встала на четвереньки. Сильно меня озадачив.

Что делать – не понятно. С таким поведением дамы я ещё не встречался.

У меня, конечно, был сексуальный опыт: две подруги с двумя событиями с каждой. Но они были девственницами, сами ни в чём не разбирались, и, повинувшись инстинкту, откидывались на спину и раздвигали ноги: классическая европейская позиция, женщина

снизу. На это нашего интеллекта хватало. Даже опытная Варенька занималась со мной сексом именно так. Может это вообще признак белой женщины?!

Однако, надо было что-то делать: подруга ждала.

В принципе, я всю жизнь провёл в сельской местности в окружении собак и знал, что кобель всегда сзади. Это понятно: только при такой позиции дама не может укунить кавалера. Но чтобы мужчина и женщина? Я и представить не мог, что женщина способна к сексу, находясь к нему спиной. Мне казалось это физиологически невозможно.

Кинул взгляд на окрестности. Делай, как все! Все женщины стояли, как собачки, кто на коленях и локтях, а кто на ногах и вытянутых руках. Все мужчины были сзади, демонстрируя, что так заниматься сексом можно и нужно. Потому, сообразил я, что ни женщину, ни мужчину нельзя класть на землю: скалы-камни комфорта не дают, а вечная мерзлота ведёт к радикулиту, воспалению седалищного нерва, болезням почек, циститу или ещё к чему-то не менее противному. Дошло!

Однако до дамы надо как-то добраться. Дублёнку её скинули совместными усилиями. Но дальше дело не пошло. Она была полностью одета. Рабочий комбинезон неизвестной конструкции. Широкие штаны, заправленные в высокие сапоги, плавно и непрерывно переходили в рубашку-жилет (не знаю, как точно называется). Много карманов, чем-то заполненных, вдоль бедра – длинный нож, костяную ручку которого удерживал кожаный ремешок. Всё это великолепие было перепопоясано широким ремнем, через плечи шла португеза, хотя пистолета не было. Укороченную кожаную куртку лётчика-истребителя и пояс я удалил без труда, расстегнул манжеты. И всё! Ни пуговиц, ни молний, ни каких-либо иных застёжек не оказалось. Каким образом она оделась, и как будет раздеваться не понятно. Ящерица натянула кожу. А снимать как? В порыве страсти я попытался разорвать одежду. Не тут-то было! Ткань оказалась прочной – чёртова кожа какая-то. Её не то, что я или рыцарь средневековый, медведь когтями не разорвёт.

Дело зашло в тупик.

Я стал переминаться с ноги на ногу и попискивать.

Комары обсели член, торчащий наружу сквозь расстёгнутую ширинку.

Таптал спасла ситуацию. Она просунула руку себе в промежность и отстегнула клапан. Появилось немного белого тела и две дырочки. Нижнего белья не оказалось. Дама твёрдо охватила рукой моего младшего брата, направила в нужную пещеру и вращая корпусом насадила себя на него. Я попытался дотянуться до груди, чтобы помассировать их. Ничего не вышло. Она стояла на вытянутых ногах на довольно шатком камне, наклонившись вперёд и упираясь вытянутыми руками в выступ скалы. Я ухватился за её бедра и предпринимал усилия, чтобы не завалить всю конструкцию. Она не стала дожидаться моей инициативы – всё делала сама. Расслабилась, пенис легко проник в норку, она резко сжала влагалище и я засомневался, смогу ли извлечь своё достоинство обратно. Возвратно-поступательные движения, вращения попоны в одну и другую стороны, непрерывные сжимания и разжимания половинок. Бывает танец живота, здесь был танец попоны. Естественно, всё быстро кончилось. Вырвалась сперма, я попытался выйти из дамы (только беременности не хватало!), выполняя обычную просьбу подруги, но она плотно удержала член и вобрала в себя всё. Тут случилось ещё нечто странное, она задрожала, часто задышала, шея у неё покраснела, от неё пахнуло жаром, по ногам прошли судороги. Мышцы влагалища стали ритмично сокращаться, волна сжатий пошла один раз, другой. Она громко закричала, то ли от боли, то ли от восторга. Это был женский оргазм (о возможности которого я не подозревал). Гордость, что не только сам получил разрядку, но и доставил удовольствие женщине, переполнила меня.

Таптал развернулась, поцеловала меня в губы, и бросилась помогать Стиляге, который пришёл себя и пытался сесть. Вокруг него хлопотала Феклана.

Я завернулся в дублёнку подруги, откатился в сторону, проложил между камнем и головой ватник и заснул.

День хлопотный выдался.

Оглавление

<i>По зимнику летом</i>	1#
<i>Капсе</i>	3#
<i>Командировка</i>	3#
<i>Троцкист</i>	6#
<i>Переправа</i>	7#
<i>Феликс Дзержинский</i>	9#
<i>Первый привал</i>	10#
<i>На природе</i>	16#
<i>Студент – ковбой</i>	21#
<i>Забота</i>	22#
<i>Капканы</i>	27#
<i>Гора Кихилях</i>	29#
<i>Туостах</i>	30#
<i>Добыча образцов</i>	33#
<i>Цирк</i>	35#
<i>Тайга пустой?</i>	37#
<i>Радист</i>	37#
<i>Первая охота</i>	39#
<i>Дежурный по лагерю</i>	40#
<i>Гурманы</i>	44#
<i>Бремя белого человека</i>	45#
<i>Общее дело</i>	47#
<i>Поиск базальтов</i>	48#
<i>Горная страна Черского</i>	51#
<i>Туостахская впадина</i>	55#
<i>Портянки</i>	56#
<i>Муравейник</i>	57#
<i>Тест</i>	61#
<i>Гуси</i>	62#
<i>Кигиляхи</i>	63#
<i>Левый Кисилях</i>	66#
<i>Легенды</i>	69#
<i>Национальный вопрос</i>	73#
<i>Меж хребтами</i>	74#
<i>Конфликт поколений</i>	75#
<i>Светопреставление</i>	76#
<i>Религия Айыы</i>	81#
<i>Девушка-хвоцинка и дочь восьминогого абаасы</i>	83#
<i>Олонхо</i>	86#
<i>Пёс на жёрдочке</i>	89#
<i>Обед</i>	90#
<i>Камлание</i>	92#
<i>Рыцарский турнир</i>	97#
<i>Приз</i>	98#

Игорь Н. Бекман

ВЕРХОЯНСКАЯ САГА
или
КАНИКУЛЫ В АДУ
или
КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Часть 4.

Идти пришлось прямо по руслу реки.

Разбор полётов

*Когда Амнон овладел своей сестрой Тамар.
И сразу же «возненавидел её чрезвычайно,
и стала эта ненависть сильнее любви, которой любил он её,
и сказал ей Амнон: “Встань и уйди!”»*

Тора

Проснулся я не сразу. С трудом вернулся в реальность. Она оказалась лучше, чем ожидал. Лежал я в палатке, в своём спальнике, под марлевым пологом. Анатолия не было, но было понятно, что он ночевал рядом. Палатка была натянута и стояла ровно. Вход слегка приоткрыт, играет солнце. Жарко и даже душно.

Интересно, как я сюда попал?

Помнится вчера после бурного дня я заночевал в скалах и в мехах Тапталы. Что? Я так обеспамятствовал, что меня извлекли из камней, перенесли, раздели, запаковали в спальник, а я пребывал в виде трупа? Верится с трудом. По крайней мере раньше ничего подобного со мной не случалось.

Голова болит, сознание смутное.

Выполз я из палатки. Вся наша экспедиция, включая Графа и лошадей на заднем плане была в полном составе.

– Явление Христа народу! Те же и коллектор, почти геолог, – прокомментировала моё появление Анастасия Семёновна, – умой морду лица, оно сильно помято.

Она взяла котелок и стала маленькой струйкой лить воду на мои подставленные ладони. Процедура пошла на пользу. Полегчало. Сел к костру, взял лепёшку, помазал её топлёным маслом, кружкой зачерпнул в ведре чай.

– А ты бурный, однако, – сказал Анатолий, – по всей палатке хулиганил, чуть меня на улицу не выкинул, пришлось мне самому эвакуироваться.

– Чефир это – заметил Афонас Николаевич, – бывает с непривычки.

– Да, зря напоили, – заметила АС.

– Так это был сон? Галлюцинации?! – подумал я, – а всё так явственно помнится. Пить меньше надо. Хотя, конечно, надо. Чтоб жизнь пресной не казалась.

Кто пьян, да умён — два уголья в том

Позавтракав и помыв посуду (с водой туго, приходится набирать из луж, оставленных дождём) пошёл осматривать вчерашнее ристалище, т.е. место рыцарского турнира. Пролез в знакомую щель в скале и огляделся. Высокие останцы сплошной стеной охраняли территорию замка. Россыпи камней образовывали крутой склон – амфитеатр. Покрыты они были лишайниками и толстыми слоями мхов, проросли кустарниками, местами листовыми, а местами кедром. Девственная, ничем не нарушенная природа. Место, куда не вступала нога человека. Лишь несколько облаков, по-прежнему были прикреплены к скале над "сценой", но и они отцеплялись от неё и отходили. Странно, что уходили они не случайным образом, а целенаправленно, иногда против ветра.

Никаких людей вчера здесь, конечно, не было. Значит приснилось.

Сунул руку в задний карман брюк и вынул платок. Тот самый, которым одарила меня Таптал за победу в турнире. А откуда он взялся, если всё – мечты, сны и фантазии чефирные?

Надо продолжить исследования. Продрался я через колючие кусты к месту, где случился поединок (драка) со Стилягой. Пошарил вокруг, сунул руку в одну расщелину, в другую, третью и вытащил его бандитский нож. Опасное оружие. В умелых руках, а не у разгильдяев. Всё по кодексу рыцарских боёв: оружие побеждённого досталось победителю.

Выбрался на сцену. Она была отнюдь не такой ровной как казалась издали вчера. Кругом выступы скал и довольно острые. Заросли не только кустов, но и небольших деревьев. Никаких следов костра или бурной деятельности шамана. Тихо и дико...

Сел я на более-менее подходящий камень и стал думать. Я пока не учёный, я только учусь, но анализировать факты могу.

Что мы имеем?

- 1) Место действия то же, что вчера; только одичало немного.
- 2) Член и яйца опухли от комариных укусов, что свидетельствует, что они довольно долго находились на свежем воздухе, чего до сих пор не случалось.
- 3) Шейный платок Таптан; сам собой в кармане моих брюк оказаться не мог. Гарантирую: ещё недавно там пребывали мой носовой платок и расчёска.
- 4) Нож Стиляги. Как он мог оказаться меж камней, если сюда не вступала нога человека?
- 5) Облака меж кигеляхов движутся так, как будто ими управляют пилоты.

Вчерашние события имеют явно материалистическую природу. Они имели место.

Это с одной стороны.

Другие факты:

- 1) Засыпал я в одном интерьере, а проснулся в другом.

2) Никто из экспедиции никаких олонхо, шаманских камланий, рыцарского турнира, всеобщего секса не видел, не слышал, не участвовал. А наблюдали лишь коллектора с непривычки принявшего на грудь лишнюю дозу чефира.

3) Место действия пребывает в девственно диком виде. Следов присутствия человека не обнаружено.

События – чистая фантазия, сон сексуально озабоченного...

Выводы, противоречащие друг другу. Не хуже антиномий Зенона.

Посидел я немного, почесал в затылке и вернулся в лагерь.

Легко мы всем изумлены,

Но угодить на нас не можно.

Послевкусие

...Любви невольной, бескорыстной

Невинно предалась она...

Что ж грудь моя теперь полна

Тоской и скукой ненавистной?..

На жертву прихоти моей

Гляжу, упившись наслаждением,

С неодолимым отвращеньем:

Так безрасчетный дуралей,

Вотще решаешь на злое дело,

Зарезав нищего в лесу,

Бранит ободранное тело; –

Так на продажную красу,

Насытясь ею торопливо,

Разврат косится боязливо...

АС с Анатолием ушли добывать образцы, Афонас возился с посудой у костра. У нас ещё были остатки дичи и рыбы, из которых он и пытался соорудить обед-ужин. Я занялся костром. Стал готовить щепочки, испытывая нож Стиляги в деле. Рубил им полешки. Одно рубиться отказалось. Наставил на торец елового сучковатого полешка нож и легонько ударил по нему обухом топора. Нож раскололся как стекло.

"Всем всё прощу", – говорил плотник умирая, – "но еловому сучку – никогда.

Перекаливают местные кузнецы сталь, сильно перекаливают. Сталь становится твёрдой, но хрупкой. Остался у меня нож – мечта сапожника. Я им зачищал провода, резал шкуры, очищал заготовку удочки от мелких веток. Но драться им было уже нельзя.

Поставил радиорубку, полазил по скалам, натянул антенну, включил рацию. Визг и шум, ошметки морзянки. Связи нет никакой: ни ближней, ни дальней. А надо бы – давно с базой не общались. Снова полазил по скалам, натянул антенну в другом направлении. Никакого эффекта. Странно, мы ведь не в низине какой, мы на макушке горы. Связь должна быть отличной, а её нет вообще. Недаром якуты скопления кигиляхов считают местом сакральным. Тут не захочешь, а сам мистиком станешь.

Сел размышлять о смысле жизни. Если игры с Таптал действительно имели место, то как к этому относиться? Мер предохранения мы не принимали. Надеюсь, она здорова. А если кто родится? Выйдет, как в песне туристской: *взрастают под чужими именами, посеянные нами семена*. Впрочем, моя ли это забота? Если секс – не повод для знакомства, то тем более не повод размышлять о последствиях.

С Кромберг всё получилось удачно. Но у меня начало расти странное беспокойство. Без видимой причины. Тогда я не знал, что у психологов есть понятие "грусть после близости", что ещё античный врач Гален констатировал: "После сношения все животные грустны, кроме петухов и женщин". Не знал, но стал таким. Тут ещё и Демокрита вспомнил: *совокупление – кратковременный припадок эпилепсии*, после него возникает чувство презрения, омерзения и стыда, к себе и подруге.

Вот и Оноре де Бальзак писал: *женщина – хорошо накрытый стол, на который мужчина по-разному смотрит до еды и после*. После застолья наступает похмелье.

Посткоитальная грусть по-научному.

Чтобы отвлечься достал первый том Саги о Форсайтах, изрядно подмоченный (а ведь был в полиэтилене), стал сушить постранично, а заодно и читать.

Он оставил жену в гостиной — она сидела на диване, сложив руки на коленях, и, очевидно, ждала, когда он уйдёт. В этом не было ничего необычного. В сущности говоря, так случалось ежедневно. Он не мог понять, почему Ирэн так плохо относится к нему. Ведь он как будто не пьяница! Разве он влез в долги, играет в карты, несдержан на язык, груб; разве он заводит предосудительные знакомства; проводит ночи вне дома? Совсем наоборот! Глубоко затаённая неприязнь, которую Сомс чувствовал в Ирэн по отношению к себе, оставалась для него загадкой и служила источником сильнейшего раздражения. То, что её замужество было ошибкой и она не любила его, Сомса, старалась полюбить и не смогла, — все это, разумеется, не причина. Тот, кто способен представить себе такую нелепую причину для объяснения её натянутых отношений с мужем, не может называться Форсайтом.

И поэтому Сомсу приходилось во всё винить жену. Никогда в жизни не встречал он женщины, которая бы так влекла к себе. Где бы они ни появлялись вместе. Сомс неизменно замечал, как все мужчины тянулись к Ирэн: взгляды, движения, голос выдавали их; окружённая таким вниманием, она держалась безукоризненно. Мысль о том, что Ирэн была одной из тех женщин, не часто встречающихся в англо-саксонской расе, которые рождены любить и быть любимыми, для которых без любви нет жизни, разумеется, ни разу не пришла ему в голову. Он смотрел на её обаяние как на часть той ценности, которую она собой представляла, будучи его вещью, но это наводило на мысль, что Ирэн могла не только получать, но и дарить; а ему она ничего не дарила! «Но зачем же тогда было выходить за меня замуж?» непрестанно думал Сомс. Он уже забыл время своего сватовства — те полтора года, когда он осаждал и преследовал Ирэн, измышляя всяческие способы, чтобы развлечь её, поднося подарки, раз за разом делая ей предложение и отваживая других поклонников своим постоянным присутствием. Он уже забыл тот день, когда, умело воспользовавшись приступом отвращения, которое вызывала у неё домашняя обстановка, он увенчал свои старания успехом. Если Сомс и помнил что-нибудь, так только ту капризную грацию, с которой золотоволосая темноглазая девушка обращалась с ним. И, разумеется, он не помнил выражения её лица — выражения отчуждённости, покорности и мольбы, — когда в один прекрасный день она сдалась и сказала, что будет его женой.

Это было то настоящее пылкое поклонение, столь превозносимое и писателями и простыми смертными, когда влюблённый, сумев наконец сделать металл податливым, получает награду за свои труды и вступает в жизнь счастливую, как звон свадебных колоколов.

Долго читать не удалось. АС потребовала, чтобы я занялся связью серьёзно. Обмен информацией надо осуществить, к тому же батареи садятся, можем вообще без связи остаться. Это правда, батареи активно садились, даже при выключенной рации. Из-за сырости, надо полагать.

Собрал рацию во выючник, поймал зазевавшегося конягу и переместил радиостанцию на 3 км дальше от останцов и метров на 100 ниже. Растянул антенну меж деревьев. Без проблем связался с базой. Чудеса!

АС провела переговоры. Я получил несколько радиogramм, одну для Анатолия. Мне ничего нет. Да и откуда?!

Свернул всё, вернулся к родным кигелляхам.

Бунт в МГУ

Всевышний уважал меня, куда бунтовать я мог,

Когда ж я пал к его ногам, он мною пренебрёг.

Передал радиogramму Анатолию: "Папа вернулся". Текст, вроде, нейтральный, даже радостный. Но Анатолий изменился в лице, сжал кулаки и заскрежетал зубами. Отшвырнул нагой рюкзак и ударился в бега. Через час вернулся с мрачной мордой и с нежеланием с нами общаться.

А нам не очень-то и хотелось. Завтра в поход, надо собираться: рассортировать, промаркировать и упаковать образцы, проверить оружие, оценить запасы продовольствия. Починить разорванные выючники. Дел много.

Посуетились, посуетились и уселись ужинать

Разговор был нейтральный – детали быта, да наши перспективы. Но Анатолию было невмозгалу. Известие его взволновало и требовало обсуждения. Вообще-то он не был склонен к общению. Я мало, что о нём знал. Хотя слышал, что где-то в начале 50-х он учился на физфаке МГУ, а потом то ли его выгнали, то ли сам ушёл. С тех пор ездит рабочим по экспедициям. Дома ему не сидится.

Теперь он нам напомнил о студенческом бунте 1951 на физфаке. Этот бунт я знал хорошо, наблюдал подготовку к нему.

Тут, пожалуй, стоит что-то сказать о себе.

Родился я 7-го июля 1941 года в г. Москве, как положено – в роддоме акушера Григория Грауэрмана на Арбате. Шла война, немец наступал. Он покусился на мою жизнь, сбросив бомбу на ресторан Прага, в двух шагах от роддома. Но, во-первых, промахнулся метров на 30, а, во-вторых, я накануне оттуда смылся. Меня вывезли из Москвы по Ярославской дороге, единственной в то время ещё не перекрытой. Недалеко – на 27-ой километр. Временно поселили в посёлке Клязьма, в летней даче, к зимнему проживанию не приспособленной. Готовились мы либо отступить вместе с армией, либо уходить в леса, в партизаны (отец, как работник Райисполкома, как подпоручик царской армии и как командир в Гражданскую войну (красный барон) готовил базы в Пушкинском районе). Но немец отступил и мы 20 лет прожили в Клязьме, ул. Пироговская 8, недалеко от станции.

Дом был большой, с верандой и пристройкой, украшенный затейливой резьбой и кокошником, но старый и ветхий, продуваемый всеми ветрами и пробиваемый морозом. Так что первое время мы всей семьё (включая собак и кошку) зимовали в одной маленькой комнате.

Отец мой, потомственный дворянин в 12-том поколении, помещик, окончил юридический факультет Московского университета в 1916 и пошёл вольноопределяющим на фронт. После 1-ой и 2-ой и Гражданской войн он никакой юридической деятельностью не занимался, не желая участвовать в тройках, а работал плановиком в небольшой фабрике в Мамонтовке, можно сказать – артели. Никакие достижения советского строя его не интересовали, тем более – политика. В жизни у него были две страсти: женщины и лошади. Именно ими он и занимался, изредка со сворой собак гоняя зайцев по колхозным полям, как по своему поместью. Но в мое время он был стар (я родился, когда ему исполнился 51 год), поэтому обычно восседал в кресле, покрытом медвежьей шкурой, под развесистыми оленьими рогами, чистил очередное охотничье ружьё и предавался воспоминаниям о своей бурной молодости. Быт его не волновал.

Жизнь разорившегося мелкопоместного дворянина в эпоху развитого социализма: чады-домочадцы, приживалки, няни (пухленькие домработницы), жена, сын – барчук (это – я), старшая дочь от другого брака, внучка, собаки, кошка, кролики и куры.

Мать моя тянула всё семейство. Её отец был провизором, директором больницы в Сарапуле, владел аптекой и аптечным магазином, мать её (наполовину немка) была первой в России женщиной-фармацевтом. Моя мать в детства помогала в производстве лекарств родителям, окончила химико-фармацевтический техникум и одно время работала провизором в аптеке. Потом в силу разных обстоятельств переквалифицировалась в химика-аналитика. Во время войны и два года после неё не

работала – сидела со мной. В отличие от безалаберного мужа, она была аккуратна, точна во всех действиях и надёжна. Обед она готовила так, как будто проводила химический синтез: сверялась с методикой, записанной в специальном блокноте, взвешивала и отмеряла компоненты. И не просто так, а с высокой точностью.

Наш большой дом стоял на большом участке, поросшем вековыми соснами. Постепенно пространство стало заполняться, и к моему времени представляло собой непроходимые заросли яблонь, груш, слив, вишен, сирени, роз, шиповника, смородины, крыжовника, малины, крапивы и бурьяна всех сортов и видов. Был и сарай – большой, но практически незаметный из-за буйства окружающей его растительности.

Я был поздним ребенком. Обо мне заботились, я находился под постоянным надзором шести теток. Во двор выходил одетым как капуста, нагнуться не мог, не то что попрыгать посреди лужи. Естественно, что уже на ранних годах жизни научился убегать от опеки. Я проделывал дырки в заборе и утекал купаться на речки (Уча – в одну сторону, Клязьма – в другую) или в леса-рощи. Залезал я на макушки корабельных сосен (до сих пор не понимаю, как это мне удавалось) и долго сидел там весь в мечтах. Хорошим местом был чердак, пыльный, заполненный всяким хламом, типа сломанного ломберного столика из красного дерева с потайным отделением. Но главное – книги, журналы, газеты. Некоторые – дореволюционные, ещё с ятью. Приятно было достать старую Ниву с прекрасными рисунками и картинками и читать про Сисиля Родса, борца за алмазы в Южной Африке. Часами разглядывал я старинные книги по химии, сначала – иллюстрации – не какие-то формальные схемы приборов, а рисунки самих приборов (прекрасная графика), потом уже тексты, а затем уже химические формулы.

Химия завораживала и притягивала.

Собственно она и привела меня в сарай. Сарай имел форму буквы Г, в одной секции хранились дрова, а в другой люк в подвал – бетонированное бомбоубежище. В этой секции я и устроил химическую лабораторию. По производству взрывчатых веществ, естественно. Свой седьмой день рождения я встретил взрывом пня, который взлетел довольно высоко и эффектно вращаясь улетел куда-то за забор. Пока тетки визжали и охали, Андрей Ефимович, друг отца и когда-то комиссар всей Сибири, уважительно пожал мне руку и сказал: Профессором будешь! Так и вышло. Правда, что ему стоило сказать: Академиком будешь? Стал бы я академиком, а так пришлось ограничиться профессором, хорошо хоть – МГУ.

Лабораторию свою я активно развивал, пополняя её оборудованием и реактивами. Мать никакого участия в этом не принимала, никогда ничего с работы не приносила и ничего мне не позволяла там брать. Я действовал самостоятельно. Интересно, что толчок к активной деятельности дала не мать-химик, а отец – гуманитарий. Он обратил моё внимание, что селитру в чёрном порохе можно заменить на бертолетову соль ($KClO_3$, калиевая соль хлорноватой кислоты, если кто не знает). Эта информация определила всю мою жизнь. Я взял няню Валю за руку и, мотивируя тем, что мне срочно нужен слабый антисептик для полоскания горла (ей, кстати, тоже пригодится, немного отсыплю) пошёл в аптеку, где мы приобрели 3 кг этой соли, которой хватило на много изделий.

Вскоре мне сказочно повезло, весенний разлив сделал передвижение по клязьминским улицам практически невозможным и кто-то для облегчения ситуации выкинул кровать, чтобы по ней форсировать лужи. Я немедленно ознакомился с устройством. Спинка кроватей была собрана из трубок, но не круглых, а с прямоугольным сечением. Стенки трубок были необычайно тонкими и легко вскрывались ножом и даже отвёрткой. А внутри трубка была залита серой. Представляете! Чистая кристаллическая элементарная сера красивого жёлтого цвета. За всю мою жизнь не пришлось мне найти более ценного клада.

Для чёрного пороха у меня теперь было всё: бертолетова соль, сера и уголь (из печки после сжигания берёзовых поленьев). Было чем заряжать самодельные пистолеты, ружья и даже пушки, уж не говоря о минах и ракетах различной конструкции. Лишь много

позже, где-то в девятом классе перешёл я на бездымный порох, динамит и гексоген. Начл работы по созданию атомной бомбы оригинальной конструкции.

В августе 1948 мать поступила на работу в МГУ, на химический факультет, в 232-ю недавно организованную на кафедре неорганической химии радиохимическую лабораторию. Я прибыл в МГУ уже в солидном возрасте: 7 лет и два месяца. Мы подошли к старому зданию, зашли во двор и поднялись на второй этаж. Нас встретила доцент КБ, будущая моя шефиня, и повела показывать лабораторию и студенческий практикум. Лаборатория мне не понравилась – моя оборудована лучше. Но на выходе мне показали роскошный противопожарный стенд. Я восхитился! Там была сверкающая медная каска, багор, топор странной конструкции и много ещё чего интересного и полезного. Так что понял: стану радиохимиком, и, естественно, профессором. А кем же ещё?!

Потом уже я облазил и обследовал все подвалы, склады и чердаки в округе. Многократно бывал в светёлке (деревянный сруб во дворе) в котором в смрадном дыму сероводорода аналитики вели свои анализы, роскошный морг, набитый трупами и, конечно, научные помойки (свалки). Чего там только не было: конденсаторы, из которых знающие люди (я себя имею ввиду) добывали алюминиевую фольгу для украшения ёлок, пакеты с нафталином для имитации снега, парафин для свечек, магний для фейерверков, множество реактивов в банках с надписями и изображениями черепов с костями (с цианистым калием, к примеру), ампулы с хлористым титаном для дымовых завес, кислоты, щелочи, фильтры, колбы, реторты, бюксы, тигли, воронки, печки – всего не перечислить. Там я обзавелся цейсовским микроскопом, аналитическими весами, спиртовыми горелками и даже счётчиком Гейгера. Но со стволами было туго. За ними приходилось ездить в аэропорт Внуково, по Киевской дороге до Катмаров (теперь Лесной Городок), а там на кукушке прямо до свалки. Вот там действительно удавалось вооружиться.

В младших классах оставлять меня было не с кем и, если в школе был карантин, или мы туда не ходили из-за морозов, то мать меня забирала с собой на работу. Я бродил, бродил, уставал и забирался на огромный подоконник в курилке, иногда читая, а в основном слушая разговоры мужиков которые тут толпились. Так я приобщился к общественно-политической жизни Университета. И даже страны.

Итак, 1953 год, начало лета, мне ещё не исполнилось 12 лет и я на подоконнике университетского сортира.

В те времена дилемма физики-лирики была сдвинута в сторону физики. Физик – это почётно: человек, приближённый к тайнам природы, покоритель атома, ядра и Вселенной. Взрыв советской атомной бомбы в августе 1949 сильно тому способствовал. Поэтому физфак – элитный факультет, конкурс на него огромен. Тем более, что он уже начал переезд в новый большой и прекрасно оборудованный корпус на Ленинских горах. Собирался переезжать и химфак, так что в старом здании МГУ пребывать мне оставалось не долго.

Буквально полгода назад в стране боролись с космополитизмом, мочили евреев по всем направлениям. Естественно, МГУ не остался в стороне. Евреев больше всего было на мехмате, что кстати, обеспечивало факультету ведущее место в мире. Лучше подготовленные, более развитые, способные, трудолюбивые и целеустремлённые евреи не позволяли конкурировать с ними не имеющим семейных традиций научной работы, малообразованных и в лучшие времена, а теперь подрастерявших на фронтах войны свои знания, мальчикам из рабочих и крестьянских семей, комсомольцев и коммунистов. Конечно, такое терпеть было нельзя! Шёл процесс удаления евреев с мехмата, но их было много, математиками они были сильными и процесс затягивался. Лишь в 60-х от них удалось отделаться. Кто-то рассеялся по разным институтам, но большинство слиняло за границу, где и расцвело. Математика в МГУ прекратила существование. Бездарей, в наше время заполняющих факультет, математиками назвать никак нельзя.

В активной деятельности всегда есть свои передовики. В университете этим занимался начальник отдела кадров Игнатий Кириллович Крутов. Был он из Сибири и, вроде, окончил в Гражданскую войну какой-то факультет Иркутского университета. Его отец, Кирилл Митрофанович, железнодорожник-стрелочник, вступил в РСДРП задолго до революции, организовывал стачки, распространял листовки. Однажды хорошо помог В.М.Молотову. Того в 1915 сослали в Иркутскую губернию, в село Манзурка, что на реке Манзурке, притоке Лены (200 км севернее Иркутска). Кирилл помог ему бежать. Когда один крестьянин подвёз ВМ на подводе до Иркутска, КМ достал паспорт на имя Самуила Марковича Брауде и отправил в Москву по железной дороге. Молотов легко сошёл за еврея, благополучно добрался до Питера, где вскоре принял участие в революционных событиях.

Когда Молотов стал председателем СНК СССР, Кирилл написал ему письмо, в котором рекомендовал ему в сотрудники своего сына – активного (даже суперактивного) комсомольца. Молотов вызвал ИК в Москву. Вскоре туда перебрался и его отец, который принял участие в организации Мосдачтреста (нужны были дачи для высокопоставленных чиновников), но в основном выискивал недовольных Советской властью, писал на них доносы в Органы, после чего те бесследно исчезали. Надо сказать, что он был объективен: писал не только на посторонних, но и на сына и на невестку, и на всех родственников. Молотов их перехватывал и не давал ходу. Но сын панически боялся отца. Так что все были рады, когда старый романтик, наконец, умер и успокоился на кладбище.

Игнатий Кириллович стал работать у Молотова референтом. И то, что Молотов представил 372 расстрельного списка высших парт- и госаппаратчиков (абсолютный рекорд, это выше, чем у Сталина, выше, чем у генерального секретаря компартии Украины С.В. Косиора (у того всего 5, за что его самого расстреляли в 39-м) большая заслуга Игнатия. В 1939 Молотов пришёл в Министерство иностранных дел и Игнатий помог ему известить практически всё прежнее руководство Министерства (правда, кроме Литвинова, его потом убрали потом, тихо, без скандала). Во время войны Крутов трудился в СМЕРШЕ, чем он там занимался не известно, говорили, что он отправил на расстрел пару тысяч бандеровцев из Львова и десятков тысяч украинцев сослал в Сибирь. Но это так, слухи.

После войны опять работал с Молотовым, всё шло хорошо, но однажды уборщица нашла урну, заполненную письмами. Письмами трудящихся, которые даже не распечатывали, не читали и на которые не отвечали. Просто выбросили! Возник скандал: за такие дела тогда по головке не гладили. Стало ясно: Крутов и его отдел со своими обязанностями не справляется. Дело запахло керосином. Можно снова оказаться в Сибири, а то и на том свете. Всё же удалось это дело спустить на тормозах, он покинул Молотова, и стал начальником отдела кадров МГУ. Пришлось исправлять кадровый состав и в этой организации. Он был председателем комиссии по распределению, и следил, чтобы никто из избранного богом народа не попадал в аспирантуру и тем более – на работу в Университет. Отсылал их куда подальше.

На физфаке с евреями было проще, чем на мехмате. Об этом самостоятельно позаботились деканы-физики. В описываемые времена евреев на физфаке практически не осталось. Но их выгоняли не только потому, что они были евреями. Дело в том, что многие из представителей древнейшей нации участвовали в атомном проекте СССР. Ну, участвуйте и участвуйте, кто вам мешает?! Но они не только сами участвовали, они вовлекали в это дело других. А вот этого не надо! Я из кожи лез, учился, работал денно и ношно, боролся за место под солнцем, зубами науку грыз. Родился в маленьком городке под Рязанью, жил в бараке. Теперь – в Москве, обитаю почти в центре, перевёз сюда жену, детей, тещу, есть дача. И что, всё это бросать, ехать на Ангару в ядерный центр, жить в вагончике, без семьи, готовить оружие массового уничтожения? Всю жизнь мечтал! Сотрудники Университета больше всего боялись, что кто-то узнает об их успехах в науке, признает их специалистами, причём нужными стране специалистами. Если кто из этих

профессоров-академиков узнает, то немедленно известит И.В. Курчатова. Тот вызовет спеца и предложит отправиться в тайгу лет этак на 10, без права выезда и свидания семьей. Физики МГУ считали, что Курчатова как учёный и инженер – пустое место. Его задача – посещение НКВД, чтение отчётов разведки и пересказ основных результатов сотрудникам, поражённых его умом и образованностью. Была у него и ещё задача – подбор сотрудников для ядерных центров и закрытых городов. Курчатова беседовал со спецом, и если тот отказывался от перспектив райской жизни, то следовал звонок Берии, тот забирал к спеца к себе. После избиения с выбиванием зубов и ломки ребер спец был согласен заниматься экстракцией или, скажем, дозиметрией в любой точке Советского Союза. Это не соответствовало действительности, но у нас много делается под руководством слухов и сплетен. Администрация факультета ориентировалась именно на них. Я с интересом следил в курилке за дебатами по этому вопросу. В МГУ считали, что чем реже этот завлаб и его ребята будут встречать в дела факультета, тем лучше для нас. Пришлось Курчатову с Берией организовывать Физтех, МИФИ и ряд других институтов, в которых и готовить для себя специалистов.

Но к весне ситуация в стране изменилась, и довольно круто. В марте умер Сталин и как раз сегодня объявили об аресте куратора атомного проекта, маршала Л.П. Берия. Так что курилка гудела – было о чём поговорить. Ибо в кои веки раз в воздухе повеяло свободой. На повестке дня – освобождение от последствий тоталитарной политики. Начали в верхах, а мы поддержим здесь. Закончим осенью.

Но это уже происходило в новом здании МГУ, там я был разлучён с физфаком, так что имею отрывочные сведения. Изложу, как запомнил.

Начну с того, что на физфаке давно шла идеологическая борьба за истинную физику. В ходе её декан физфака философ Б.М. Гессен и его заместитель А.О. Апиринов были расстреляны в 1937, но дискуссия о физическом идеализме продолжалась. Было, что обсудить и осудить: квантовая механика, эйнштейновская теория относительности, модель расширяющейся Вселенной. Все читали "Материализм и эмпириокритицизм" В.И. Ленина и знали, что всё это – проявления махизма, субъективного идеализма, и т.п. Вражеские измышления! Подрыв научной теории марксизма-ленинизма. Консерваторы – А. Максимов, Э. Кольман, В. Миткевич, Н. Кастерин, А. Тимирязев и др., противостояли физикам "академической школы": С. Вавилов, И. Тамм, В. Фок, Я. Френкель, Л. Ландау...

В годы войны было два физических факультета и при них два НИФИ (Научно-исследовательский институт физики) – в Москве и в эвакуации. Физфак вернулся в 1943 и тут оказалось, что в НИФИ и физфаке укрепилось положение профессоров старшего поколения, малоактивных научных сотрудников. После возвращения из эвакуации не смогли занять свои места в университете И.Е. Тамм и Г.С. Ландсберг. В 1945-46 ушли с факультета М.А. Леонтович, один из крупнейших учёных СССР и С.Э. Хайкин, один из лучших лекторов по курсу общей физики, В.А. Фок, заведующий кафедрой теоретической физики, декан физфака 1947-48 С.Т. Конобеевский, писавший в письме к Сталину о противостоянии между "академическими" физиками и группой преподавателей физфака. В результате к началу 50-х годов на физфаке МГУ обрела силу группировка, выступавшая с критикой новейших достижений физики и использовавшая методы политического шантажа для захвата должностей и административных позиций.

В 1948 деканом физического факультета МГУ и директором НИФИ стал А.А. Соколов и сразу начал подготовку к проведению "всесоюзного идеологического" совещания по физике, которое должно было стать аналогом знаменитой сессии ВАСХНИЛ по биологии. Задачи совещания: "полное выкорчёвывание космополитизма, являющегося теоретической основой всех идеологических извращений в отечественной физике". Большинство физиков, обвинявшихся в "идеализме", были ведущими специалистами в области квантовой теории и ядерной физики (Френкель, Тамм, Фок, Леонтович, Ландау, Лифшиц и др.). Совещание было все-таки отменено: в правительстве

решили, что его проведение помешает реализации атомного проекта. В 1949 как раз была взорвана наша первая атомная бомба, и нужно работать, а не философствовать.

Университетские физики не отступили от своих попыток покончить с засильем космополитов. В ЦК КПСС и другие инстанции направлялись письма, посвященные деятельности "антипартийной группы физиков" (Мандельштам, Капица, Иоффе и др.), дезорганизующих работу советских физиков уже 30 лет. В итоге П.Л. Капица был в 1950 отстранен от чтения лекций на физико-техническом факультете МГУ, а А.Ф. Иоффе – от выполнения обязанностей директора ЛФТИ.

В 40-е годы появились новые физические вузы, специализирующиеся на подготовке кадров для атомного проекта. Это МИФИ, образованный из ММИ (Московский механический институт), и физико-технический факультет МГУ (с 1951 – Московский физико-технический институт). МФТИ возник при активной поддержке П.Л. Капицы. С осени 1947 в нём начали учить студентов по специальной программе Капицы-Ландау. На самом физфаке был создан независимый Научно-исследовательский институт ядерной физики (НИФИ-2). Однако для работ по атомному проекту требовалось увеличение числа специалистов. В 1949 на базе кафедры строения вещества было создано Отделение строения вещества (потом "Отделение ядерной физики") в составе пяти кафедр. Во главе Отделения (ОСВ) встал Д.В. Скобельцын. Ежегодно ОСВ выпускало сто человек. Отбор студентов на ОСВ проводили специальные комиссии, которые имели в своём составе работников "органов", и хорошо успевающих студентов зачисляли на ОСВ, не считаясь с их пожеланиями. Студенты ОСВ пользовались большими льготами. Числясь со второго курса в "спецгруппах", они получали стипендию даже в том случае, если на очередной сессии имели "тройки", хотя студент "простой" группы в этом случае стипендии лишался. Стипендия у студентов спецгрупп была в полтора раза выше обычной. Однако, секретность и сопровождающая её подозрительность мешали созданию на кафедрах ОСВ обстановки, характерной для научных школ, где между учителями и учениками возникают творческие контакты. Лекции, контрольные работы, отчёты о практических занятиях и даже тетрадки для самостоятельной работы при подготовке к экзаменам сдавались в спецотдел и на следующем занятии выдавались снова. Жизнь Отделения подчинялась строгому регламенту и находилась под прямым контролем спецотдела (филиала КГБ).

Руководитель НИФИ-2 и ОСВ Д.В. Скобельцын, одновременно работавший в ФИАНе, был также представителем СССР в ООН по вопросам ядерной политики. Это обеспечило ему определённую независимость. С 1946 Скобельцын входил в Научно-технический комитет экспертов советского атомного проекта.

Когда в начале 1950 Капицу отстранили от преподавания на физико-техническом факультете, там расформировали три группы ядерной специализации. Физико-технический факультет МГУ был преобразован в Московский Физико-Технический Институт (МФТИ), в котором не нашлось места для кафедры или факультета строения вещества. Студенты пяти курсов специальности "Строение вещества" Физтеха были переведены на физфак МГУ. Практически все они оказались на ОСВ, лишь некоторые – в МИФИ. Контингент Физтеха украсил собою ряды студентов ОСВ. "Физтехи" скептически отнеслись к порядкам, утвердившимся на физфаке, в частности к отсутствию среди лекторов известных учёных.

Среди студентов того времени было много демобилизованных солдат и офицеров, прошедших войну, людей уже сложившихся и мужественных. У них был другой подход к жизни, слова о критике и самокритике они воспринимали всерьёз. Ребята были более самостоятельными, "не пасовали" при столкновениях с руководством факультета и профессурой. Будучи, в основном, членами партии, они могли влиять на политические события. Они понимали "руководящую роль партии" как свою собственную функцию. Все это отличало их поколение от школьников – выпускников тех лет. Именно ядерщики и дипломники институтов АН вместе с участниками войны и составили ядро "бунтарей".

На бунт студентов-физиков подтолкнули два обстоятельства. Первое – изменение политики в стране после смерти Сталина и ареста Берия в сторону "оттепели". Второе – переезд физфака из старого здания на Моховой в только что (осенью 1953) открывшийся Университет на Ленинских горах. Это был перелом в судьбе физфака не только в связи с атомным проектом, но и в связи с потребностью в радиофизиках, а она оказалась также очень большой: необходима была разработка систем автоматического регулирования для ракетной техники. Резко возросла потребность в кадрах. Физфак получил новое великолепное учебное здание, 20% площадей которого отдавались по проекту ОСВ и НИФИ-2; прекрасное общежитие с комнатами на одного-двух человек, с клубом, спортзалами, бассейном и гигантскими столовыми. До этого студенты жили в общежитии на Стромынке по 10 человек в комнате. Для студентов, привыкшим к тяжёлым условиям послевоенного быта, это был фантастический прорыв в новый прекрасный мир. Они были уверены, что и в науке настанет прогресс. Отсюда их бескомпромиссность, нетерпимость ко всем явлениям, которые мешали жить и учиться по-новому.

Осенью 1953 делегаты IV Отчётно-перевыборной конференции комсомольской организации физфака выразили свое недоверие к руководству и партийной организации факультета и приняли решение направить в ЦК партии официальное письмо, критикующее местные порядки. Это стало абсолютно неожиданным поступком для руководства МГУ. При этом комсомол действовал в строгом формальном соответствии с нормами Устава, но в резком противоречии с существовавшими традициями. За такими обращениями в сталинское время неизбежно последовали бы суровые кары, включавшие обвинение в аполитичности, исключение зачинщиков из комсомола, удаление их с факультета и даже возможный арест.

Уже на первом заседании Конференции, в котором участвовало 400 делегатов, представлявших 2500 комсомольцев факультета, в выступлениях представителей курсов зазвучала острая критика состояния дел на факультете. Выступающие указывали на то, что уровень преподавания физики, особенно теоретической, катастрофически отстаёт от современного. Критически обсуждалась работа конкретных лекторов и преподавателей, низкий уровень многих курсов, в том числе общественных дисциплин – основ марксизма, философии, политэкономии, диамата. Назывались фамилии слабых преподавателей – консерваторов.

Студенты внесли предложение написать письмо в ЦК партии. При этом основным аргументом студентов, требовавших изменения ситуации на факультете, была важность атомных работ, которые не велись на факультете. Партийные и административные руководители факультета выступили против написания письма. Они выдвигали комсомольцам встречные обвинения в "политической незрелости" и "безответственности". Однако их аргументацией делегаты конференции пренебрегли.

Конференция выдвинула проект решения: "...признать работу бюро ВЛКСМ неудовлетворительной и создать комиссию по подготовке письма в ЦК партии".

Партбюро физфака начало активную обработку делегатов и членов комиссии с целью ввести дело в более привычное русло. Предлагалось заменить письмо в ЦК партии письмами в узком комсомола МГУ, в партком или ректорат МГУ, в крайнем варианте в ЦК ВЛКСМ или в газету "Правда". Однако, члены комиссии понимали, что только ЦК партии мог решать волнующие студентов проблемы.

На втором заседании конференции закулисная борьба вокруг письма была повторена публично с участием представителей парткома МГУ и ректората. Главным оппонентом письму был проректор (химик) Г.Д. Вовченко. Несмотря на откровенный нажим на студентов, в особенности, на тех из них, кто был членом партии, текст был принят и Письмо отвезено в ЦК партии. Ждали долго, ответа не было. Только летом 1954 в "Правде" появилась статья член-корр. АН С.Л. Соболева о физфаке МГУ с критикой политики администрации и уровня преподавания на факультете.

Момент обращения студентов в ЦК партии с требованием кардинальных перемен на физфаке МГУ оказался удачным, поскольку в стране встала проблема подготовки научных кадров в связи с развитием работ по атомному и ракетному проектам. В декабре 1953 Г.М. Маленкову и Н.С Хрущеву было направлено письмо, подписанное многими министрами и академиками, в котором был дан анализ положения на физическом факультете и предлагались меры по исправлению ситуации. Назывались противники обучения студентов основам современной физики: декан физфака, его оба заместителя и группа профессоров, а так же поддерживающие их в ректорате проректора Вовченко и Саличев, зав.отделом кадров Крутов. Эта группа мешает ректору МГУ академику И.Г. Петровскому привлечь к профессорско-преподавательской работе крупных ученых.

В декабре 1953 по решению ЦК КПСС создана комиссия под руководством "атомного" министра В.М. Малышева с целью проверки подготовки научных кадров на физфаке МГУ. Она в августе 1954 приняла решения, резко изменившие положение на факультете: освобожден от должности декан А.А. Соколов, на его место назначен В.С. Фурсов, научный руководитель реактора "АБ" и первый секретарь парткома Лаборатории N2 (теперь Курчатовский институт).

В результате ситуация на физфаке МГУ стала кардинально меняться.

С осени 1954 для всех отделений начали читать курсы Арцимович, Леонтович, Кикоин, Ландау, Лукьянов, Шальников и многие другие учёные, работающие в атомном и ракетном проектах. Тем самым было расчищено поле для развития новой физики, ликвидирована опасность рецидивов "лысенковского" переворота в физике. Ушли в прошлое политические обвинения, начался период творческого подъёма в физике и биофизике.

Это с одной стороны, а с другой шли преследования инициаторов письма в ЦК. Всем вlepили выговоры по партийной линии, никого не оставили в аспирантуре. Продолжал борьбу и Крутов. Он доложил ЦК, что дед ректора И.Г. Петровского был – и это суцая правда – купцом-миллионщиком. Казалось бы – сто процентный вариант. Ведь Игнатий Кириллович за свою жизнь сам (не говоря уже об отце) написал сотню таких писем, и всегда реакция была положительной: человек исчезал, а автора письма хвалили и поощряли. Но история сделала поворот. Кто не следит – промахнётся. Да, ещё год назад это было модно. А теперь – нет. Секретарь ЦК тов. П.Н. Пospelов (потом академик) вызвал доносчика вместе с Иваном Георгиевичем и задал ему вопрос: "Скажите товарищ Крутов, если бы дед ИГ был сейчас жив, пользовался бы он избирательным правом?" Тот, в недоумении кивнул. "В таком случае я Вас больше не задерживаю". И тов. Крутов незаметно исчез из МГУ. Приказа об его увольнении не было.

Всё это в общих чертах я знал, но особо не интересовался. Шёл переезд на химфак, сортиров там было много, но подоконники мраморные, неудобные. Курилок нет, нет и дискуссионных клубов. К тому же строился отдельный корпус Радиохимии, он переключил на себя моё внимание.

А зачем я вообще вспомнил о студенческом бунте на физфаке и начальнике отдела кадров МГУ? Потому, ребята, я это вам рассказываю, что товарищ Крутов – отец нашего Анатолия, зовут которого по паспорту Герман Игнатьевич Крутов.

Важное обстоятельство для нашего разговора.

*Наш Павлик Морозов
Дрессированный бунтарь*

Я, конечно, знал, как зовут нашего рабочего и знал о событиях в МГУ. Но как-то всё это у меня в голове не совмещалось. Теперь срослось: Анатолий – сын юдофоба и кагебиста Крутова, и внук старого коммуниста, подпольщика, романтика и доносчика Кирилла Митрофановича.

Надо быть осторожным – яблоко от яблони далеко не падает.

Теперь я узнал продолжение истории о бунте.

Игнат Кириллович сильно переживал своё поражение. Но не только из-за увязлённого самолюбия. Крах терпела Марксистско-ленинская идеология классовой борьбы, диктатуры пролетариата, торжества социализма в стране и мире, та что вела его по жизни, как истинного большевика, та что оправдывала его активную деятельность. Жалко было МГУ, жалко страну. Развалят её скоро, если начнут играть в такие игры.

Три дня он пил беспробудно, потом ещё пару раз вернулся домой пьяный, дал пощёчину жене, запустил в Анатолия настольной лампой, выгнал домработницу. Семейная жизнь превратилась в ад. Сыну это не нравилось.

Надо сказать, что Анатолий всегда не любил отца. В принципе, дело обычное: Эдипов комплекс, борьба за мать, то да сё. Но у него всё это было утрировано. Мало того, что дурную идеологию вдалбливали в школе и университете, что она лилась из радио-телевидения, так ещё и дома от неё спастись было нельзя. Даже поесть спокойно. Вообще ничего нельзя: читать Достоевского, Есенина, Апулея, нельзя плясать рок-энд-ролл или наряжаться стилигой (не очень то и хотелось, но это уже не твоя забота), пить-гулять. Боролся он за свой суверенитет и свободу мыследеятельности – ничего странного.

Но теперь повеяли новые времена, Анатолий, студент 2-го курса физфака, принял активное участие в студенческом бунте. И по собственному почину и в пику отцу. Бунт удался, но в осеннюю сессию он схлопотал две двойки. Конечно, было не до учёбы, он многое пропустил, не врубился. Но дело не в этом. Одну двойку вкатил физик-консерватор (чтоб меньше болтал на собраниях), а другую – математик, явно по наводке отца, чтоб проучить сына. Короче, отчислили. Другим давали пересдать, а ему нет. Декана-то ещё не сняли, он тоже припомнил ему политическую активность.

Короче, оказались Анатолий с Игнатом в одной квартире нос к носу. И мать между ними. Надо было что-то делать.

В принципе, Анатолий знал, что Игнат какой-то начальник, равнодушный, постоянно с кем-то борющийся. Он был не против, когда в их коммунальной квартире по наводке отца выселили семью (главу её посадили), а комнату отдали ему, когда расстреляли строителей Днепрогесса, а им передали хорошую дачу на огромном участке, к тому же недалеко от Москвы, не протестовал и против антиеврейских выпадов отца. Его эдипов комплекс также не был силён и с возрастом уже проходил. То что оба они оказались вне МГУ не хорошо, но не ужасно. Может всё бы и устаканилось, но повернулся случай.

Мать собрала бумаги отца и послала Анатолия на помойку выбрасывать. Сам не зная зачем, пока спускался с четвёртого этажа без лифта, стал он открывать папки и читать бумаги. Они оказались важными. Там была переписка с Абакумовым Виктором Семёновичем, генерал-полковником (заместитель наркома обороны, начальник Главного управления контрразведки "СМЕРШ", министр государственной безопасности СССР). И.К. делился материалами, накопившимися у Молотова, на наркома авиационной промышленности, командующего ВВС и других генералов, призывал к немедленному аресту А. Ахматовой. Но это ладно, это пусть. Абакумов за всё ответил. Он ведь не ленился сам избивать подсудимых, ну так и его страшно пытали, выставили на мороз, сделали полным инвалидом. А уж потом (1951) расстреляли. Привлекли внимание Анатолия рекомендации Игнатия Константиновича, направленные Берии: вывести войска из Австрии, уйти из ГДР, объединив Германии и много ещё чего, затрагивающие интересы СССР. Это уже было предательство, измена Родине. Анатолий возмутился по настоящему. Разобрал бумаги, запаковал в конверт, добавил пояснительную записку и отправил в Органы. Через неделю отца арестовали, началось следствие и суд. Всё длилось года полтора и суд его оправдал! Игнатий вернулся домой опустившимся и с глухой ненавистью к сыну – новому Павлику Морозову.

Жизнь снова превратилась в ад. Анатолий передумал поступать куда-либо и удрал в экспедицию. Понравилось, стал ездить регулярно. Однако зимовать приходилось дома в Москве. Отец несколько пришёл в себя, устроился на работу (в первый отдел) в

Министерство нефтяной промышленности СССР. С сыном не разговаривал и в целом обстановка в семье была напряжённой.

Так продолжалось до лета 1957, когда "антипартийная группа" (Молотов, Каганович, Маленков и др.) попыталась сместить Хрущёва. Не удалось. Сместили их самих. Шло следствие, прошли обыски и у старых подвижников Молотова. Нашли какие-то компрометирующие бумаги. ИК снова арестовали, но сажать не стали, а выслали в Казахстан, в Караганду.

А вот теперь папа вернулся. Не ждали!

Мы молчали. Сказать тут, собственно, нечего. Лично я Павлика Морозова терпеть не могу. И его последователей тоже. Но коллег же не выбираешь, кто есть, с тем и работаешь.

– Не хорошо это, – сказал Афонас.

– Что не хорошо?

– Против отца идти нельзя. Тем более – гадости замышлять.

– Ладно! Завтра в поход, пошли спать.

Гнев богов

И вот тебя настигнул гнев Богов

Утром Анатолий занялся костром и завтраком, а я отправился помогать Афонасу ловить лошадей. Они разбрелись довольно широко по склону и пришлось долго собирать табун. Опять удивил Граф: вместо того, чтобы принимать участие в загоне, он встал на спину коня и гарцевал, как наездник. Правда морда выражала просьбу: сними меня отсюда. Опять возник вопрос: зачем ты туда залез и как это тебе удалось. Но не стал спрашивать, просто снял и пустил бегать.

Я освобождал Сатэру от пут и седлал его, когда раздался крик раненного зверя с последующим матом. Мы бросились к костру. Там на коряге сидел Анатолий, подняв окровавленную ногу. Он рубил мокрый упругий валежник, прижимая его ногой, топор соскользнул и вонзился ему в ступню, без труда прорубив сапог. Рана серьёзная, задета кость.

Афонас сокрушённо качал головой. Мечь богов. Не терпят они плохих людей. С дурными замыслами которые, зло готовящие. Не надо было вчера обсуждать проблему отцов и детей.

Рану промыли марганцовкой, посыпали смесью угля и стрептоцида, перевязали. Каюр убил чёрного дятла, разрезал на куски и велел прикладывать к ране. Однако ясно, что продолжать экспедицию Анатолий не может. И оставлять его здесь нельзя. После совещания приняли предложение каюра двигаться, как предполагали, на восток, но взять несколько южнее. Там на одном из правых притоков Туастаха есть яранга, в которой живёт рыбак-охотник-отшельник Пётр. Неизвестно, там ли он сейчас, но в любом случае в зимнике всегда есть еда и дрова, есть крыша, так что Анатолий сможет подождать пока мы посетим хребты вдоль Индигирки и вернёмся за ним.

Собрали шмотки, завьючили лошадей (камней уже много, вес большой), с трудом водрузили Крутова в седло и отправились в путь.

Опять жара и опять комары. Жуткое сочетание, доложу я вам. Я полагал, что с лошадьми самое трудное – преодоление рек и болот, и штурм скал, осыпей и перевалов. Ничего подобного! Кони не хотят идти вниз. Мы достигли края глубокого ущелья и, изображая серпантин, стали спускаться по каменистым кручам к очередной речке. Навьюченные лошади тормозили, как могли, еле удерживались от скольжения в пропасть. Вьюки и седла сползали им на шею, а то и на голову. Мы спешили. Одна лошадь не удержалась на обрыве и отправилась в полёт. Я уже простился с ней. Но нет! Упала она удачно, мы с трудом, но всё же вытащили её и она встала в строй. Однако ящики с пробами разбились вдребезги и все пробы пришлось бросить. Пол горы было сухо, но потом потоки воды от куда-то сверху стали догонять и перегонять нас. Камни скользкие.

В лощинах потоки грязи увлекали наш караван куда-то вниз. Лошади падали, брыкались в болотной жиже. Не только я, но и все остальные, включая раненого, периодически вылетали из седла.

Вниз ступеней не считают.

Всё же потеряли высоту и спустились к безымянной речке, текущей на юг. Здесь был лесок, дрова и вода. Перекусили. Дали передохнуть лошадям. Хотя, конечно, под вьюком особо не отдохнёшь. Тронулись дальше. Несколько раз карабкались вверх и скатывались вниз, пересекали речки и распадки, и, наконец, под вечер (а теперь в этих краях уже настали вечера) оказались на крутом берегу довольно широкой и быстрой речки. Там стоял зимник в виде классической якутской юрты с завалинкой, лазом-дверью и ярангой, из которой клубился дымок. Располагалась она на опушке леса, на северной части поляны, и, следовательно, была защищена от холодных северных ветров.

Хозяин Пётр был на месте. Он приветствовал нас, сообщив, что для встречи с нами специально вернулся. Кто-то как-то ему сообщил. Хотя он был в тайге и на охоте, а мобильников тогда не было.

Нас приветствовал Пётр, не святой и не апостол.

Мы развьючивали и рассёдлывали лошадей, когда из юрты вышла Нюра и тоже нас приветствовала. Выглядела она совсем не старушкой, но всё же старше меня. Я уставился на киллершу.

– Привет Нюра. Не ожидал! Скрываешься здесь от милиции?

– От какой-то милиции? И почему скрываюсь? Я в отпуске, решила Петра навестить, курево ему доставила.

– Ну как же Нюра! – начал я осторожно, ты помогала мне в тире пристреливать ружья, потом сама стреляла в кое-кого...

– Господь с тобой! Я выстрелов боюсь, и воюю только с котом.

– Не обращай внимание, – вмешалась АС, – Игорь недавно перебрал чифиря, так ему теперь всюду чудеса чудятся.

– Что-то я не видел, чтобы ты к своему ружью когда прикасался, – вмешался Анатолий, – месяц под бильярдом просидел как сыч, или как пёс в конуре. Лучше б радиостанцию наладил.

– Действительно, – не промолчал Афонас, – бросил бы свою книжку дурную, пошёл бы со мной на охоту.

Я сел на завалинку и задумался. Это что же получается, господа хорошие.

Самогонка, тир, напалм, губная помада, кумыс, холодный огонь, невидимые чернила и ещё много чего химического – ничего не было? Равно как глухаря, медведя, олонхо и шаманов. Может и Таптал не было? Всё это цифирь и мое воображение?! Похоже на то. Когда четыре независимых человека говорят, что у тебя лоб в саже, надо не рассуждать, а пойти и умыться. Если тебе рассказывают, как ты себя вёл, значит так оно и было. Это с одной стороны. С идеалистической. А с другой стороны я материалист и у меня есть материальные доказательства: самогон собственного состава во фляжке, огрызок губной помады, явно не заводского производства, рукоятка ножа Стиляги с обломанным лезвием, шейный платок с кружевами, подушечка с глухаринными перьями, наконец. Откуда всё это взялось?

Тут-то и стал я идеалистом. Субъективным!

Субъективный идеализм.

Мы не можем логически доказать существование внешнего мира.

Более того, Вы не можете логически доказать,

что я сейчас разговариваю с Вами или что я нахожусь здесь.

Но Вы знаете, что я здесь, и ни один субъективный идеалист не сможет убедить Вас в противоположном.

А. Эйнштейн

До сих пор я считал себя материалистом. Так я объявлял на семинарах по диалектическому материализму. Совершенно искренне. Действительно: есть мозг, он явно материален, а в нём возникает мысль, штука нематериальная, пощупать её нельзя. Ежам ясно: материя первична, идея вторична. А тут получается, что всё, что я наблюдаю, всё, что чувствую, с чем борюсь, и в чём участвую – это мой собственный мир, мои идеи и представления. Самого же мира нет. Да и материи нет.

Покопавшись в своих скудных знаниях, я обнаружил кое-какие сведения об идеализме: субъективном и объективном. Всё затеял ирландский епископ Джордж Беркли, который в начале 18-го века заявил: понятие материи ложно; никакой материи нет, а есть ощущения; материализм – тупиковое направление в философии ибо материалисты не способны доказать первичность материи по отношению к идее; наоборот, первичность идеи легко доказуема – перед изготовлением любой вещи существует её идеал, замысел в уме человека; единственная очевидная реальность есть сознание человека. Потом субъективный идеализм развивали многие философы (каждый по своему), которых идиотами никак не назовёшь: Фихте, Мах, Юм, Кант, Ницше Шпенглер, Сартр, Ясперс и множество других. Вот и я становлюсь идеалистом. А что делать? Жизнь заставляет.

Похоже, нет никакой реальности вне моей воли и моего сознания. Мир, в котором я живу и – совокупность ощущений, переживаний, настроений и действий самого меня и только меня. Только я реален, а всё остальное – продукт моего сознания. Мне сейчас холодно, а есть ли сейчас холод в окружающей среде, я не знаю. Да и знать не хочу. Может кому жарко, а кому в самый раз. Дон Кихот ощущал себя рыцарем, а то что кому-то этот рыцарь казался ветряной мельницей, это его проблемы. Каждый видит то, что видит. На самом деле, конечно нет ни рыцаря, ни мельницы. Ничего материального нет. А идея есть! Думаю и Мюнхгаузен с этим согласится: он и себя за волосы вытаскивал, и на ядре летал, и на Луну лазил. Что было, то было.

Так что всё что я делал, я действительно делал: и спирт гнал, и бандитов взрывал, химичил, и охотился, и зазевавшуюся тётку трахал. Весь мир есть, пока я жив, умру – и ничего не будет. Ничего!

Успокоился и пошёл в юрту перекусить, чем Бог послал.

Суэта на новом местожительстве. Это преодолеем. Но завтра 7-е июля – великий день. Его провести надо достойно.

Завтра у меня день рождения: 20 лет исполняется! Старость наступает...

Во-вторых, завтра – наш, славянский, великий праздник День Ивана Купала. В-третьих христианский праздник – рождение Иоанна Предтечи (Крестителя). Родились мы с ним в один день, правда в разные годы. Провидцы мы: в моём гороскопе сказано, что я очень умный человек, но умом не пользуюсь, ибо не успеваю: интуиция срабатывает раньше. Причём интуиция у меня доходит до ясновидения. Наверно и у Иоанна так было.

Если со мной и крестителем можно подождать до завтра, то Иваном Купала нужно заняться немедленно, поскольку ночь на Ивана Купала важнее самого дня Купалы.

Вечер накануне Ивана Купала

На Ивана на Купала

Красна девица гадала.

Где-то в детстве с замиранием сердца слушал я исполнении отца рассказ Гоголя "Вечер накануне Ивана Купала". Пляшущие на стенах тени от коптилки вызывали дрожь в коленках, заставляли зарываться в одеяла-подушки. Хоть и предупреждал дядю, что *бреше, сучый москаль*, а всё равно было страшно. Живо представлял я тёмную ночь, глубокий овраг, в который *бережно* спустился работник Петр Безродный, в серой свитке, *в которой было больше дыр, чем у иного жида в кармане золотых*, подстрекаемый Басаврюком (дьяволом, прикинувшимся казаком), стремясь найти клад с золотом и посватать у Терентия Коржа его дочь Пидорку.

...Дикой бурьян чернел кругом и глушил всё своею густотою. Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, всё чудных, всё невиданных; тут же и простые листья папоротника. Глядь – краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле чудно! Движется и становится всё больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрепетало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя...

....Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках. Басаврюк ударил кулаком, и стена зашаталась. Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им. „Не бесись, не бесись, старая чертовка!“ проговорил Басаврюк, приправив таким словом, что добрый человек и уши бы заткнул. Глядь, вместо кошки, старуха с лицом сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи. „Славная красавица!“ подумал Петро, и мурашки пошли по спине его. Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, вспрыскивая какую-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пена показалась на губах. „Бросай!“ сказала она, отдавая цветок ему. Петро подбросил, и, что за чудо? цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плывал по воздуху; наконец, потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. „Здесь!“ глухо прохрипела старуха; а Басаврюк, подавая ему заступ, примолвил: „копай здесь, Петро. Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось“. – Петро, поплевав в руки, схватил заступ, надавил ногою и выворотил землю, в другой, в третий, еще раз... что-то твердое!.. Заступ звенит и нейдет далее. Тут глаза его ясно начали различать небольшой, окованный железом, сундук. Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю, и всё, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем. „Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!“ сказала ведьма и подвела к нему дитя, лет шести, накрытое белую простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему

голову. Остолбенел Петро. Малость, отрезать ни за что, ни про что человеку голову, да еще и безвинному ребенку! В сердцах, сдернул он простыню, накрывавшую его голову, и что же? Перед ним стоял Ивась. И ручонки сложило бедное дитя накрест; и головку повесило... Как бешенный, подскочил с ножом к ведьме Петро и уже занес было руку... „А что ты обещал за девушку?..“ грянул Басаврюк и словно пулю посадил ему в спину. Ведьма топнула ногою: синее пламя выхватилось из земли; середина её вся осветилась и стала как будто из хрусталя вылита; и всё, что ни было под землю, сделалось видимо, как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудами были навалены под тем самым местом, где они стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи... Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... Всё пошло кругом в голове его! Собравши все силы, бросился бежать он. Всё покрылось перед ним красным цветом. Деревья все в крови казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились ему в глаза. Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мёртвый сон схватил его.

Женился он на своей Пидорке (*поляку дали под нос дулю*). Но счастья не вышло. На следующий день после Купалы превратился Пётр в пепел, а Пидорка ушла в монастырь.

Очень поучительная история. Вот и ищи сегодня ночью клады! Без чёрта и Бабы-Яги не обойтись. А их здесь вроде нет. Или я ошибаюсь? Да и с чёртом связываться – себе дороже.

Насколько я знаю, это день называется по-разному: *Иванов день, Купальская ночь, Купала, Колосок, Ярилин день, Ярило, Кокуй, Праздник летнего солнцеворота, Иван-травник, Иван добрый, любовный, цветной, чистоплотный, Сонцекрес, Купайло, Лада и как-то ещё.*

Ну, с летним солнцеворотом сейчас туго: католики празднуют 24 июня, православные – 7 июля. Всё – перелёт. Солнцестояние теперь 21 июня. Впрочем, не важно, всё равно в день Ивана Купалы природа достигает наивысшего расцвета и действует с всеоживляющей силой.

Ночь на Ивана Купалу следует заполнить обрядами: вода, огонь и травы. Не понятен порядок действий: сначала прыгать через костры, а потом купаться, или сначала искупаться, а потом лезть в огонь и дым. Вопрос важный, ответа мы не знали. Поскольку праздник чистоплотный, то решили действовать по схеме: помыться-искупаться – попрыгать через костёр – опять искупаться. Глядишь и ночь пройдёт.

Сказано – сделано.

Баня по чёрному

*В бане моются только ленивые,
кому от грязи чесаться лень.*

Оставив Анатолия страдать в юрте, мы (я с каюром и Петром, АС и Нюра) разошлись по округе собирать дрова и хворост.

Я пошёл по берегу речки вверх по течению. Собирал плавник. Нельзя сказать, что его много (видимо, Петр подобрал, что лежало в свободном доступе). Но всё же что-то полезное попадалось, иногда – целые деревья, частично утопленные в воде. Достиг притока, пошёл вдоль него. Здесь ситуация была перспективней. Орудя топором добыл довольно много горючего материала. Несколькими рейсами перетащил к зимнику.

Ниже зимника, ближе к воде, но всё таки на обрыве (чтоб не снесло в половодье) стояла небольшая, можно сказать – миниатюрная баня. На одного человека. Топилась она по-чёрному, т.е. не было ни дымохода, ни какой-либо иной специальной дыры для выхода дыма. Окон нет, так что внутри темно. Но есть керосиновая лампа типа шахтёрской. Деревянные стены покрыты густым слоем копоти, лучше к ним не прислоняться. Сажа, однако, – элемент полезный и необходимый. Она улучшает тепловые свойства бани, хорошо поглощает неприятные запахи, особенно запахи пота. Важно, что копятся потолок и стены, а пол и лавки остаются чистыми. Дым тоже полезен, т.к. обладает ценными дезинфицирующими свойствами; в нём фенол, формальдегид и уксусная кислота

– средства борьбы с бактериями и микробами. Эти вещества в лёгкие человека не попадают, т.к. баня сначала топится, и только потом, после нагрева, используется. К этому моменту дым успевает улетучиться через стены. Условия стерильные, не удивительно, что именно здесь бабы рожают детей. Причём якутки - стоя на корточках.

Печь в бане была сложена из камней.

В углу – очаг из крупных камней, их много, кто-то добыл и притащил. Наружные "паровые" камни подобраны с умом: имеют малый коэффициент расширения,

хорошую огнестойкость и большую теплопроводность. Здесь преобладали перидотит тёмного цвета, базальт и гранит. Гранита было немного – он крошится под воздействием воды и жара, зато даёт качественный пар. Мрамора и известняка нет, ибо они быстро превратятся в известь. Не было и кремния: он трескается и стреляет при воздействии водой. Камни были почти без трещин и пор. На низ печи были уложены крупные камни, а чем выше – тем мельче. Понятно: между отдельными камнями должны оставаться щели для выхода пламени. Гладкие булыжники имели округлую форму. В центре очага замурован гравием чугун с водой. Воды немного, но на помывку должно хватить. Недалеко от очага – скамейка, на которую можно присесть, но лечь не удастся. Пол из полубрёвен наклонён к центру бани – сток воды. Предбанника не было, раздеваться-одеваться надо на свежем воздухе, благо вход в баню со стороны реки, и из зимника не видно, кто там бегаёт нагишом. Под баней – небольшой залив реки, течения в нём нет, а дно несколько углублено, так что выглядит, как бочка с водой.

Начал я эту баню топить. Хорошо бы берёзовыми поленьями, да где их взять? Заталкивал в печь всё, что придётся. Что-то горело хорошо, а что-то нет. Дым мгновенно заполнил баню и кислорода в ней не осталось. Задохаясь и кашляя вылетел я из бани, как пробка из бутылки. Захлопнул дверь и посмотрел на дела рук своих. Казалось, в бане полыхал пожар, дым, на удивление чёрный (можно было подумать, что топлю углём) валит из всех щелей, которых оказалось много. Временами строение исчезало – было лишь облако дыма. Постепенно потоки его ослабли, я набрал полные лёгкие воздуха (они у меня большие, не даром когда-то стеклодувом работал) и ворвался в баню. Она было полна дымом, а печь погасла, ничего не успев нагреть. Пришлось начинать снова. На всё – пара минут и несколько секунд. Выскочил на воздух, хватая его всей грудью. Знал бы, что буду бани топить – противогаз бы изготовил. А так пришлось повторять опробованную процедуру несколько раз. Часа через два изнурительной и вредной для здоровья работы, температура достигла нужного уровня: находясь в бане я сильно потел. Дрова догорали, когда я начал проветривать помещение.

Прошло немного времени и, вроде, можно мыться. Я уже начал раздеваться, когда появились дамы и заявили, что пойдут первыми. Якобы мужики такие грязные, что испоганят всю баню и дамам вовек не отмыться. То же мне чистюли! Ещё неизвестно, кто тут чистый, а кто нечистый.

Удалился я делать большой костёр на берегу реки. Анастасия Семёновна пошла первой. Сделала она это зря. Вскоре Нюра вытащила её в полуобмороченном состоянии. В печи ещё оставались тлеющие дрова и когда АС залила их водой, начал интенсивно выделяться угарный газ. Она и угорела. Понадобились большие усилия, чтобы привести её в чувства.

Нюра учла ошибки и выкинула из топки угли и золу. Быстро помылась и позвала меня. Была она раздетой, но завёрнутой в полотенце, так что ничего интересного разглядеть не удалось, разве что татуировку на плече в виде французской лилии. Прямо как у Миледи в "Трёх мушкетёрах" Дюма. Она не дала себя долго рассматривать, вручила где-то раздобытый веник и запихнула в баню. Разделся я в бане и выкинул одежду наружу. Баня была проветрена, стены окатаны водой. На полу стояли два ведра с холодной водой. Зачерпнул кружкой воду и плесканул на раскалённые камни, вырвалась струя пара. Повторил операцию. Открыл дверь и выпустил первый пар. Давление воздуха внутри парилки возросло и вынесло наружу избыток летучих бактерицидных веществ раздражающих глаза и дыхание. Опаривание бани закончено, можно мыться. Воздух ароматный и свежий. Приятно пахло влажное нагретое дерево. Правда, пар горчил. Не сильно, но всё же. Глаза щипало, появился кашель. Это от того, что топил не берёзой. Ну, что есть, то есть. Поддал пара и стал мыться. Как и дальние предки мылся я собственным потом, веником, зольным щелоком и дождевой водой. В ведро с водой, бросил пару раскалённых камней, чтобы она чуть согрелась. Слегка перемазался в саже, но всё же вымылся. Угарный газ присутствовал, пора сваливать.

Тело парит, здоровье дарит!

Банник.

Но тут возник банник. Голый маленький старик с длинной бородой, тощий, но мускулистый. В грубой форме он потребовал жертв. Где я их возьму? У меня и мыла нет. Сошлись на венике. Кинул ему, а сам выскочил наружу.

Слишком активно. Поскользнулся и съехал на попе с кручи в залив. Весь распаренный влетел в реку. Вода обожгла. Говорят, такие купания избавляют от депрессии. Не знаю, не успел понять. Со всей возможной скоростью покинул я купель. Надеюсь, очистился водным крещением от всех грехов одним махом.

Я окроплю вас чистой водой, и вы очиститесь// Книга пророка Иезекииля

Бросился по склону вверх за одеждой. Нюра меня перехватила. Она сняла с себя полотенце, и стала им сушить меня. Растёрла мне грудь и спину, вытерла моё достоинство. В других обстоятельствах оно бы немедленно бы встало, но сейчас почему-то решительно отказалось это делать. Мы с младшим братом не всегда в ладу: то он хочет, а я нет, то наоборот, я хочу, а он нет. Но теперь мы оба ничего не хотели. Не понятно почему.

Сели мы с Нюрой брёвнышко, прижались друг к другу, завернувшись в одно полотенце и стали греться на ещё жарком солнышке.

Ну, как брат и сестра!

Очищение огнём

*Мы тебе спалим,
мы тебе утопим;
ты к нам боле не вертайся.*

Ближе к закату (в нашем его понимании) стало холодать, мы вспомнили о костре. Водой грехи смыли, теперь пора очиститься огнём.

Ещё до бани мы общими усилиями у кромки воды навалили кучу плавника, стволов деревьев, корней и кустов. Будущий костёр. В него воткнули шест, на который водрузили неизвестно откуда взявшийся конский череп.

Проблема в том, как зажечь всё это великолепиие. Спичками или химически нельзя. Можно только древним способом – трением дерева о дерево.

Нюра изготовила символ ведьмы. Мы его сожгли.

За это дело взялся каюр; я – на подхвате. Он разрубил сухое полено из довольно мягкого дерева, ножом проделал в нём углубление и канавку вдоль полена. Затем из ивового прута и пояса от ветровки изготовил лук. Тетива была закреплена внатяг от одного конца ветки лука до другого. Взял палку из твёрдого дерева толщиной 2 см и длиной 25 см, один конец заострил, а другой закруглил. Получилось сверло. В канавку насыпал сухую траву, труху из дупла дерева, мелко нарезанную бересту и что-то ещё горючее. Обернул "сверло" тетивой и вставил его в углубление. Удерживая сверло в вертикальном положении и прижимая сверху камнем, Афонас начал играть на скрипке, двигая лук вперёд-назад, приводя сверло во вращение. Понемногу он увеличил нажим и ускорил движение лука. Трут начал дымиться. Я стал подкладывать горючий материал и потихоньку дул на него. Немного совместных усилий и пламя вспыхнуло. Перенёс его в костёр. Валежник загорелся.

Анатолий приковывлял на свежеизготовленном костыле и сел на камень неподалёку.

Нюра плела венок из неизвестных мне цветов.

Костёр разбушевался, конский череп упал и сгорел.

Мы бросили в костёр изготовленный из прутьев символ ведьмы и посмотрели, как он горит.

Костёр на Ивана Купала горит ярко.

Пора нам веселиться, петь, плясать, водить хороводы, играть в горелки. Но главное – прыгать через огонь. С хороводами и горелками как-

то не сложилось. Каюр прыгать категорически отказался, а АС один раз прыгнула (если бы она это не сделала, то было бы ясно, что она – ведьма; в чём ей пока признаваться не хотелось). Пламя стало спадать и старшее поколение удалилось. Мы же продолжали прыгать, и с места и с разбега, каждый отдельно и вместе, взявшись за руки. Сначала в одежде, затем полностью нагими. С каждым прыжком порча с Нюры спадала и она молодела, так что вскоре стало видно, что она года на два меня старше. Не больше. Фигуристое тело её было разукрашено. Помимо татуировки лилии на руке, у нее было клеймо в виде семиконечного креста, сантиметра на два углублённое в правую грудь. Кусок левой груди был откусан, как при операции, видимо кто-то нанес ей в сердце удар ножом, но взял несколько правее и она осталась жива. Поперёк нижней части живота шёл

длинный шрам, задрапированной татуировкой: колючая ветка розы с распустившимся цветком. На попе тоже что-то было, но тогда ещё не разглядел что.

Местная русалка оказалась брюнеткой.

Чем выше прыгнешь, тем счастливей будешь. Взлетел я ввысь, перелетел через костёр и плюхнулся в реку. Немедленно показалась молодая русалка с распущенными длинными волосами. Глаза её излучали тьму Она отрезала меня от берега, стала весело плескаться, прижиматься ко мне огромными грудями и щекотать. Красивая, стерва, в моём вкусе. Я и моё достоинство среагировали синхронно: к сексу готовы! Опять же интересно, как этим делом русалки занимаются, где у них соответствующий орган и как он доступен. Рыбий хвост не мешает? Мы взялись за руки и она повлекла меня в омут. С удовольствием последовал за ней.

Но тут кто-то схватил меня за ногу и выкинул, как сома, на берег. Нюра выхватила из волос булавку и уколола русалку; та с воплем бросилась в воду, исчезла из вида, хотя голос её ещё долго доносился издалека. Нюра выбралась на берег, навалилась на меня, вдавив в гальку.

– Дурак ты! Чуть не погиб! Рано ещё: профессором отслужи сначала.

Некоторое время мы лежали в обнимку. Затем сели и я стал наблюдать за её гаданием. Она бросила венок в воду, тот поплыл, достиг середины реки и скрылся за поворотом.

– Будет мне счастье, долгая жизнь и замужество. Не знаю только, что-то одно из этих прелестей, или всё сразу.

На этой радостной ноте, мы встали, оделись и полезли на обрыв к яранге.

Ох, судьба твоя- кручина.

Вся судьба твоя сейчас

На одном венке вместилась...

На одном венке спаслась

Ночь на Ивана Купала

*В чародейскую ночь на Ивана Купала
Оживают все травы, деревья, цветы,
Для магического и колдовского бала
Выбираются ведьмы из темноты!*

Старики организовали собственный костёр у кромки обрыва, не такой большой, как на берегу, но зато жаркий. Сидели около него и грелись, ибо заметно похолодало: относительно дневной температура упала в два раза. Климат тут континентальный. Вокруг огня порхали мотыльки. Ведьмы, надо полагать. АС сортировала собранные цветы и травы.

При нашем появлении все засуетились. Пора было идти в лес искать цветущий папоротник, а затем и клад. Анатолий и Афонас остались у костра, а мы: я, АС, Пётр и Нюра двинулись в тайгу. Проходя мимо лошадей, заметили, что они сбились в кучку, о чем-то возбуждённо переговариваются, громко ржут. Нервничают. В лесотундре нас встретил гомон: все друг с другом разговаривали. Из деревьев болтали только карликовые берёзы, переговариваясь шурша листьями. Трава что-то внушала цветам, а бурундуки – евражкам. Языки разные, говорят все сразу, трудно понять о чём. Деревья мешали идти, поскольку непрерывно перемещались с места на место, создавая клубы по интересам. Хорошо хоть, что их было мало.

В ночь на Ивана Купала папоротник зацвёл.

Долго искали папоротник. Он в здешних краях встречается редко. Всё же нашли подходящий кустик. Он начинал цвести (ботаники утверждают, что папоротник цвести не может; врут, как все учёные). Из цветка выскользнул огонёк. Он сделал несколько кругов вокруг кустика и заскользил куда-то невысоко над землёй. Мы рванули за ним. Огонёк двигался довольно быстро, но иногда тормозил и топтался на месте в задумчивости, потом резко менял направление и скользил дальше. После двух километров кросса по пересечённой местности мы стали задыхаться. К счастью огонёк тормознул и завис над муравейником.

Я лопатой стал разгребать кучу. Она была полна золота, золотого песка. Муравьи постарались. Мы набрали несколько кружек. Я продолжал копать и дошёл до мерзлоты. Металл звякнул о металл. Мы затаили дыхание. Яростные удары лопатой, маленькие комочки земли летели как от взрыва. Наконец, предмет был извлечён на свет и осмотрен. Им оказался карданный вал! Насколько я могу судить, от Москвича. Как он сюда попал, интересно?

Раз мне явился огонёк, то теперь я стану прозорливым, буду понимать язык животных, видеть все клады, как бы глубоко в земле они ни находились, а также входить беспрепятственно в сокровищницы, приложив папоротник к запорам и замкам (они будут рассыпаться перед ним), владеть нечистыми духами, повелевать землей и водой, становиться невидимым и принимать любое обличье. Зачем мне все эти радости, не знаю. Но пусть будут, может когда и пригодятся.

Несколько разочарованные, но с золотом мы вернулись к яранге.

Там царил ажиотаж. Шла борьба с ведьмами и прочей нечистой силой.

Каждый знает, что в купальскую ночь нельзя спать, т.к. в это время оживает, выходит из своих тёмных мест, и проказит всякая нечисть: домовые, водяные, лешие, русалки, оборотни, кикиморы, вампиры. Домовой опасен тем, что катается на лошади, пока её не замучает. Правда в якутской яранге домовых, похоже, нет. А вот ведьмы в окрестностях есть. Они крадут лошадей, чтобы поехать на них на Лысую гору (оттуда лошадь уже не воротится). Недаром наши кони так волновались.

Нечисть следует отвратить.

Анатолий боролся с ней в юрте. Он втыкал ножи в стол, в дверь, в окно. Внутри никто не проник, но кто-то подпёр дверь снаружи бревном и он не мог выйти. Одновременно кто-то заткнул трубу и дым повалил внутрь помещения.

Афонас выхватывал из купального костра головешки и, размахивая ими над головой, кружил вокруг табуна.

Мы сходу включились борьбу. Выпустили Анатолия, открыли трубу и проветрили зимник. Нюра взяла катушку ниток и протянула их по границе нашей территории. Я укладывал крапиву поперёк троп, ведущих к нам, посыпал их муравьями. Жаль, отвар из муравьёв не успел приготовить. АС выбрала из своей коллекции нужные травы: плакун траву, обезвреживающие чары колдунов и изгоняющие бесов (из кого их гнать будем?);

Петров-крест (вроде как горох, но без стручков, нужен его корень); чертогон – трава (её втыкают в трещину над дверью и под крышей – для изгнания чертей); кашка (клевер), особенно с тремя листьями (трилистник, символ Троицы, а также варягов). Зелень эта защищает от болезней и эпидемий, сглаза и порчи; от колдунов и ведьм, нечистой силы, «ходячих» покойников; от стихийных молний, урагана, пожара; от змей и хищных зверей, насекомых-вредителей.

Распределили мы эти травы по юрте и близлежащей территории. Но бесчинства продолжались. Поленица аккуратно сложенных запасённых на зиму дров сама собой развалилась, причём поленья запрыгали по всей округе, намереваясь уйти обратно в лес. Тазик с бражкой, что я поставил на пеньке для прохождения важного процесса кто-то вылакал. Один конец верёвки, на котором наши дамы развесили сушиться только что постиранное бельё, сам собой отвязался и начал перемещаться во всех плоскостях. Наконец, Пётр получил мощный удар под зад, так что пролетел несколько метров вперёд. Терпение его лопнуло. Он схватил огромный дрын и запустил его чуть ниже вихляющего кончика бельевой верёвки.

– Ай, ай, ай, сволочь какая!

В воздухе материализовался гномовский колпак, который после краткого полёта оказался на земле, затем и сам гном, потиравший шишку на затылке.

– Чего швыряешься?

– А ты чего, старый хрен, хулиганишь?

– Уж пошутить нельзя?!

Старичок сверкнул нахальными глазками и медленно приблизился к Петру. Протянув руку, представился:

– Вацлав, гном-изгнанник.

– Слышал о тебе. Хулиган мелкий. Другого места не нашёл?

– Так больше никто в наших краях день Ивана Купала не отмечает. А бесчинства в этот день – святое дело, можно сказать – сакральное.

– Ладно, кончай.

– Так я только начал! – Вацлав прыгнул за колпаком.

Но кто-то схватил его за ухо и поднял в воздух.

Прекрасная тунгуска Синильга предстала пред нами во всей красе. Была она ростом метра четыре, так что гном болтал ногами и что-то верещал на довольно большой высоте.

– Ребята! – воскликнула она.

Из небытия возникли гномы. Их было, как положено, семь. Кто катался на двери, кто сидел на крыше, играясь с трубой, кто разваливал поленицу.

– Домой!

Гномы разом надели колпаки и стали невидимы. Лишь Вацлав торжественно плыл в воздухе, исчезая в дали. Его колпак достался нам, как трофей.

Синильга сделала нам ручкой и, сев на облако, удалилась.

Ночь (если сумрак можно назвать этим словом) кончилась. Появившееся солнце играло: переливалось разными цветами, мигало, а, иногда, и останавливалось. В какой-то

момент образовалось три солнца: среднее наше, а остальное его братья – обычно светят в другое время и над другими землями. Теперь, вот, нам посветили...

Стало теплеть. Надо поспать после трудов праведных.

Мы забились в юрту. Тесно и душно в ней, зато комаров нет.

Бакен в зимнике

*На могучей реке, полновластной,
с неустанным теченьем воды,
жили бакены — белый и красный,
охраняя суда от беды.*

В зимнике было светло. Сначала – от костра в яранге, но когда он погас, то всё равно можно книгу читать (было бы желание). Сначала я решил, что это солнце нам светит. Но нет, свет из окна почти не поступал. Свет исходил из угла зимника, мешал заснуть. Не поленился, слез с полатей и пошёл посмотреть. Горела электрическая лампочка. Самая настоящая электрическая лампочка (лампочка Ильича), маленькая, как от автомобильной фары, но настоящая. Горела она постоянно, выключателя не было. У Петра есть аккумулятор он его беспечно сажает? Или где-то у него электростанция поблизости? Пока она себя ни как не проявляла. Присмотревшись, обнаружил, что это бакен, который, видимо, украли на Яне-реке и затащили сюда. Знак радиоактивности объяснил постоянное свечение: имеет место радиоизотопный источник энергии. Интересно! Это уже по моей части.

А что за источник? Явно не докритический ядерный реактор – габариты не те. Может РИТЭГ (радиоизотопный термоэлектрический генератор), использующий тепловую энергию, выделяющуюся при естественном распаде радиоактивных изотопов и преобразующий её в электроэнергию с помощью термогенератора. Энергию на советских РИТЭГах получают из изотопа стронций-90 (он дешёв в производстве, β -излучатель с довольно большим периодом полураспада, 29 лет). Но как раз медленный распад требует больших удельных активностей изотопа, что, совместно с высокопроникающим рентгеновским излучением, возникающем при торможении электронов в материале капсулы, заставляют использовать мощную защиту. РИТЭГ ставят на маяки, или на стационарные метеостанции. Весит РИТЭГ не менее полу-тонны. Кто его сюда затащить сможет? Да он и в лаз зимника не пролезет. Следовательно, мы имеем дело с полониевым источником. Изотоп полоний-210 – хороший источник тепла: $1 \text{ см}^3 \text{ }^{210}\text{Po}$ выделяет 1320 Вт тепла. Это много. Проволока из полония расплавится и испарится, поэтому его используют в виде сплава со свинцом. Полоний-210 испускает α -частицы, которые поглощаются фольгой. Поэтому защиты не надо. Её и не ставят. Забывая при этом, что ^{210}Po является хоть и слабым, но всё же гамма-излучателем. Вот и сейчас, мой радиометр показал, что от источника идёт излучение с экспозиционной дозой где-то на уровне предельно допустимой.

Хотел было предупредить Петра, но передумал. Период полураспада = 138,4 сут (т.е. несколько больше 4 месяцев) – как раз на летнюю навигацию хватает. Пока бакен изготовили, пока завезли, установили на реке, украли и приволокли сюда, считай, время больше периода полураспада прошло, активность уже в два раза упала, если не больше, через квартал одна четверть останется. Радиационная опасность спадает, а она и так не смертельна.

Не стал впадать в радиофобию.

А ребята, конечно, ушлые. Сообразили, что если утащить с реки бакен, створный знак или небольшой маяк, установленный в безлюдке, то можно получить бесплатный источник света – в условиях полярной ночи вещь полезная, и даже необходимая. Странно, что на Адыче и Яне ещё какое-то навигационное оборудование осталось. Это – от неграмотности населения. Ничего, скоро просекут, и мы будем иметь полоний во всех зимниках, юртах и ярангах в округе. Одна радость: распадается он....

День рождения

*Что сделать с человеком,
который первым стал праздновать
день рождения?
Убить — мало.*

Марк Твен

Сегодня у меня и Иоанна Крестителя день рождения. Опять же День пастуха в Казахстане. Надо отметить.

Где-то в полдень мы пробудились, оделись в чистые одежды (пусть и не глаженные) и умылись. Я на берегу реки (заодно – зарядку сделал, ради праздника). Нюра же черпала росу: она таскала полотенце по траве, выжимала его в тазик и полученной водой умывалась. Молодела на глазах. Если так пойдёт дальше, то я возьму её за руку и поведу в детский сад.

Позавтракали. Потом разбрелись кто куда, заниматься своими делами.

Анастасия Семёновна продолжила сбор трав, цветов и корней: Купала – травник ведь.

Иванов день пришёл, траву собирать пошёл.

Дело это тонкое: одни цветы надо собирать вечером накануне Ивана Купала, другие ночью, третьи – днём. И найти их непросто, тем более – за Полярным Кругом. Заговоры надо знать. Вот и АС бродила по окрестностям, бормоча что-то себе под нос. Травы к ней шли. Не простые, а с волшебными исцеляющими силами. Чернобыль – трава для здоровья, зяблица – от бессонницы, расперстыице, порошком которой присыпают больные места на теле (порезы, нарывы, опухоли), мария-магдалина – от тоски (*От злой тоски не матерись, сегодня ты без спирта пьян...*), травы «дивий сил», «богородская» и другие, уж не знаю от чего.

«От злой тоски не матерись, сегодня ты без спирта пьян...»), травы «дивий сил», «богородская» и другие, уж не знаю от чего.

Иван-да-марья: инцест.

Но, конечно, главный цветок – иван-да-марья, символизирующий магический союз огня и воды. Ну, и символ инцеста: близнецы – брат и сестра – которые вступили в запретные любовные отношения, были наказаны превращением в цветок. Сорванный в Купальную ночь

этот цветок необходимо вложить во все углы дома. Брат с сестрой будут разговаривать, это и спугнут воров. Непонятно только, кто собрался грабить юрту Петра. АС добыла муравьиное масло. Никогда о таком не слышал. Не удивительно, я ведь с реальным миром не знаком. А у масла этого исключительные целительные свойствами, что и решила проверить АС на Анатолии.

Нюра продолжила плетение венков. Испытывала разные материалы (берёза, багульник, папоротник, цветы и травы, собранные АС), тип плетения и форму, меняя её от круглой и овальной. Потом совершала обряды: просовывала сквозь него голову, руку или какой-либо предмет полезный, переливала сквозь него жидкости, пила, умывалась, смотрела вдаль. Старается стать красивой. Венками украсила ель, что росла на краю поляны. Вокруг неё надо бы водить хороводы, но все были при деле и от хороводов решительно отказались.

Анатолий достал клык какого-то доисторического чудовища, наверно, мамонта, и начал вырезать из него рукоятку ножа.

Я высыпал из кружек добытый в муравейнике песок. Никого золота не оказалось: труха и песок обыкновенный. Пошёл посмотреть на клад. Муравейник был разорён, муравьи суетились, восстанавливая порушенное. Рядом валялся карданный вал от Москвича. Всё же кто его сюда приволок и закопал? Не иначе, как пришельцы. Но не уж-то они на Москвичах ездят?

Чудеса есть чудеса.

Перетащил рацию к себе в палатку, антенну натянул между юртой и украшенной Ньюрой елью, продев провод сквозь венок. Сработало! Связь с базой установилась быстро. Сообщил о происшествии с Анатолием, наши планы, получил ценные указания. Связь оборвалась, лампочки на рации погасли: батареи сели окончательно.

Пора заняться обедом. Давно сидим на консервах. А у Петра запасы большие. У него в холодильнике (дыра, продолбленная в жиле льда на обрыве) были тушки зайцев, разных птиц (ошипанных или нет) и рыб – всех видов и размеров. Была икра, тоже разная. И самое интересное – ягоды. Кстати, славяне на день Ивана Купала приносят в жертву предкам именно ягоды. В Европах – первые созревшие (вишня, земляника). Ну, а мы – мороженные. Если боги не захотят – сами съедим. Как закусь.

Обедом занимался Пётр с нашими дамами. Должны были сварить «обетную кашу», но не сварили. Не из чего было...

Я сел на завалинку принимать подарки. Их, однако, не было. Увы!

Трапезу устроили в юрте. На свежем воздухе комары достали, да и того гляди солнечный удар получишь на этом Крайнем Севере. С трудом, но уселись на свёрнутых спальниках вокруг низкого столика. В яранге горел костёр. Не сильно, но чтоб тепло было. Я сидел в энцефалитке, Каюр разделся до пояса, блеснул наколками (меня привлекла химическая формула тестостерона у него под лопаткой; сидел, видимо, с ним хороший химик, а я обновил свои знания). Петр был в майке, Анатолий остался в офицерской голубой рубашке, АС – в тенниске, а Ньюра – в длинном роскошном платье, из-под которого выглядывали носки кирзовых сапог. На спине Петра была татуировка в виде песочных часов в рамка обвитой каким-то колючим вьюном, внизу рядом – роза с четырьмя листочками. При случае, надо будет поинтересоваться, чтобы это значило.

Тут я осчастливил всех: достал запотевшую бутылку водки. Настоящей! Столичной! Все сделали: Ах! И было отчего. Трудно представить, что я пережил, сколько преодолел трудностей и соблазнов, чтобы сохранить это сокровище. Качественная водка, купленная в московском ГУМе. Подлинник!

Ну, раз уж я поставил, то выпили за моё здоровье. Двадцать лет – это не шутка, это – начало зрелости, а может быть и старости. Всё же давно я живу на этом свете...

На втором тосте вспомнили о втором имениннике Иоанне Крестителе, что родился в этот день у престарелых родителей – праведных Захарии (священник) и Елисаветы..

Собственно крестителем (в смысле обращения в христианскую веру) он никогда не был. Крест – символ жизни и богов у египтян, бог небес в Вавилоне, солнца в Ассирии никак не ассоциируется с Христом, который ещё жив-здоров и не распят на нём. А о христианстве, как религии, тогда никто и не помышлял. Много позже христиане утверждали, что они принадлежат христианской вере, потому что крест есть знамение спасительных Христовых страданий. Для ясности на кресте и пишут – ИНЦИ: Иисус назарянин, царь иудейский. Хотя когда он царём стал я с так и не понял...

Иоанн не был каким-то диссидентом и действовал он в рамках иудейских верований, не отходя от правил Закона. Прозвище у него было купатель (погружатель). Он купал евреев в водах Иордана (по близости других хороших источников воды не было). Купал всех, кто желал путём ритуального омовения, принести покаяние избавиться от грехов и начать с нуля новую духовную жизнь. В рамках иудаизма, естественно.

Много веков спустя язычники славяне, ничего не зная об еврейских привычках, тоже совершали в открытых водоёмах (реки, озёра) ритуальное омовение, очищение. Причём в день летнего солнцестояния. Когда день Ивана Купала неожиданно совпал с днём

рождения Иоанна Купателя (по-русски – Крестителя), язычники и христиане стали отмечать этот день вместе. Уже много позже через погружение (крещение) человек стал признаваться членом Церкви. В крещении человек умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Святого Духа в жизнь духовную. Он не только смывает с себя все прежние грехи, но умирает для греха: Впрочем, у иудеев существовал и существует обряд омовения в микве, обеспечивающий не только вступление прозелита в иудаизм, но и очищение от ритуальной нечистоты.

По христианской традиции после рождения Христа день начинает увеличиваться, а после рождения Иоанна – уменьшаться. Как сказал Иоанн: *«Ему должно расти, а мне уменьшаться»*.

Важное значение Иоанна Предтечи состоит в том, что купая евреев в водах Иордана и проповедуя им грядущего Мессию он однажды указал на одного раввина (своего родственника, на полгода моложе), пришедшего откреститься от своих грехов (хотя, по определению, их не имел) как именно на такого Мессию (Христос – перевод еврейского слова Мессия на греческий язык):

«вот Агнец Божий, Который берёт [на Себя] грех мира. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идёт Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. Я не знал Его; но для того пришёл крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю».

И крестил его.

Во время крещения

«отверзлось небо, и Дух Святый нисшёл на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Моё благоволение!»

Так, при участии Иоанна всенародно было засвидетельствовано мессианское предназначение Иисуса.

Всё этом мы наперебой, в основном, правда Пётр, пытались объяснить каюру. Но тот не впечатлился, похоже он это и так знал.

– Не понял, зачем вам русским, которые и так в день Ивана Купалы избавлялись водой от грехов, понадобились проповеди далекого от вас еврея, который указал вам как на бога на другого еврея? – спросил Афонас Николаевич недоумённо.

Мы стали объяснять ему, что Бог только один и именно он сотворил Вселенную и человека. Попытались развить идею Троицы как Бога в трёх ипостасях (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух), единых по своей божественной природе. Тут мы несколько сами запутались. Бедный Афонас лишь головой мотал. У нас единый бог всё время троился. Мы говорили: Бог – абсолютно совершенный Дух, не только в абсолютном разуме и всемогуществе, но и абсолютной благодати и любви.

– Бог есть любовь, Бог есть любовь, – несколько раз повторила Анастасия Семёновна.

"Христианство – учение об абсолютной ценности человеческой личности как бессмертного, духовного существа, созданного Богом по своему образу и подобию, о равенстве всех людей в их отношениях к Богу, все предназначены к вечному блаженному бытию в соединении с Богом, у всех для этого есть – свободная воля и божественная благодать, об идеальном назначении человека, заключающемся в бесконечном, всестороннем, духовном усовершенствовании, о полном господстве духовного начала над материей, о воскресении плоти, о Богочеловеке – воплотившемся и вочеловечившемся для спасения людей от греха, проклятия и смерти".

Бог вочеловечился, чтобы человек обожился

Христианство стремится к гармонии материи и духа..

– Гармония! Любовь! О чём вы говорите?! – сокрушённо реагировал Афонас Николаевич на наш пьяный бред, – что полезного несёте вы себе и народам? Вы – единобожники – следовательно просвещённые, культурные, передовые и высоко моральные люди. А у нас – язычников – морали, конечно нет, мы люди тёмные, вы нас детей природы облагораживаете. Бремя белого человека на себе несёте? Аж надорвались! А может всё наоборот? Может у нас гармония, любовь и моральность? Может вам

полезно перейти в нашу веру или хотя бы вернуться к вашим настоящим, славянским и нормандским богам? Богам викингов.

– До вашего появления здесь, – продолжал каюр, – мы жили бедно, но в справедливости, поклонялись нашим богам и они помогали нам, давали рыбу, зверя, пастбища для выпаса лошадей, коров, овец, мы чтити предков, растили детей, помогали бедным. У нас не было сирот, мы были гостеприимны, любого гостя встречали радостно. Вы пришли и что? Согнали нас с пастбищ, распахав всю землю, леса истребили, пушного зверя перебили, а другого разогнали, реки отравили, всё, что было в наших землях выкопали и увезли, оставив нам сплошное разорение, сначала уничтожили защитников наших и лекарей – шаманов, потом – деловых людей, а затем уж весь народ. Вы прислали сюда человеческое отребье, его и нас загнали в шахты, добывать какие-то руды, нам не нужные. Да, они тут в основном передохли. Это ваше дело! Но вы ведь и мой народ частично расстреляли, частично уморили в шахтах работой, а вне шахт – голодом. Я десять лет провел в лагерях. С какой стати? За что? Нет семьи. Это вы называете христианской любовью, гармонией материи и духа? Вы сами вечно пьяные и нас споили. Мы были нормальными людьми, а стали такими же подлецами и мерзавцами, как вы. Почему? Потому, что мы, как и вы – крещённые. Христиане мы с вами. Братья по вере...

Афонас встал и, слегка шатаясь, покинул помещение.

– Не надо было ему водки наливать, – сказал Пётр.

На этом торжественная часть кончилась.

Мы ещё немного поспали, протрезвели и стали собираться. Завтра – радиальный рейс с возвращением за Анатолием. Но, похоже, дальний. Запаковали, распаковали и снова запаковали мешки и ящики с камнями, свернули рацию, сложили ненужные вещи, всё покрыли брезентом и завалили булыжниками. Пусть здесь полежит, нас подождёт.

Занялся художественной штопкой носков, портянок и обгоревшей штанины. Получилось идеально.

Уже в палатке на сон грядущий почитал Сагу. С собой не буду брать, не до проблем английской буржуазии сейчас.

Деловитая натура Сомса восставала против тёмного предсказания, что Ирэн предназначена не для него. Он женился на этой женщине, завоевал её, сделал своей собственностью, и то, что теперь ему не дано ничего другого, как только владеть её телом (да владел ли он им? Теперь и это начинало казаться сомнительным), шло вразрез с самым основным законом, законом собственности. Спроси кто-нибудь Сомса, хочет ли он владеть её душой, вопрос показался бы ему и смешным и сентиментальным. На самом же деле он хотел этого, а пророчество гласило, что ему никогда не добиться такой власти. Она всегда была молчалива, пассивна, всегда относилась к нему с грациозной сдержанностью, словно боясь, что он может истолковать какое-нибудь её слово, жест или знак как проявление любви. И Сомс задавал себе вопрос: неужели это никогда не кончится? Взгляды Сомса, как и взгляды многих его сверстников, складывались не без влияния литературы (а Сомс был большим любителем романов); он твёрдо верил, что время может сгладить всё. В конце концов мужья всегда завоёвывают любовь своих жён. Даже в тех случаях, которые кончались трагически — такие книги Сомс недолюбливал, — жена всегда умирала со словами горького раскаяния на устах, а если умирал муж — весьма неприятно! — она бросалась на его труп, обливаясь горькими слезами.

Вокруг вспыхивали зарницы, они были видны даже через стены и крышу палатки. В день Ивана Купалы гуляли грозовые духи, метая молнии, соединяя небо и землю. Дождя не было.

Под канонаду я и заснул.

*От судьбы не уйдёшь
Больше всех рискует тот,*

кто не рискует

Утром встали рано, быстро позавтракали, оседлали лошадей, простились с Петром, Анатолием и Нюрой и отправились в путь. Экспедиция уменьшилась на одного человека и две лошади. Граф некоторое время сопровождал нас, но потом подумал, подумал и решил вернуться в юрту. Так оно надёжнее. Остались мы втроём.

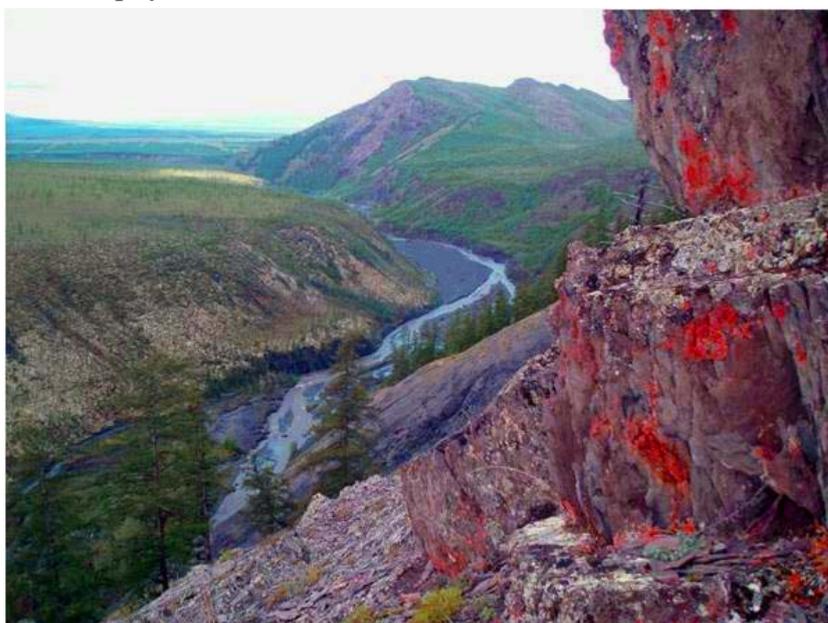
Описывать маршрут уже скучно. Всё то же самое: редколесье, горки, подъёмы, спуски, жара и комары. Сначала идёшь прямо по реке, скользя по камням, потом – прямо в гору, на какой-нибудь очередной хребет, где разбиваешь глыбы гранита на мелкие кусочки.

Где-то в полдень взобрались мы на хребет Курундя, что с северо-востока обрамляет Туостахскую впадину. С гор открывался замечательный вид на саму впадину и на реку Туостах с её многочисленными протоками, а в другую сторону – на ряды хребтов, отделяющих нас от Колымской низменности.

Сделали привал, и мы с АС прошли по хребту (3 часа туда и три обратно), набрали образцов. Попутно подстрелил горную куропатку. Перевалили через хребет и спустились к верхней части реки Няннели, уходящей на северо-запад к Яне.

Вид на далёкую Индигирку.

Полюбовался видом на реку, в которой мне ещё предстояло купаться.

Казалось бы: абсолютная безлюдка, не могла здесь ступить нога человека. Однако вступала. В нашу эру, хотя и давно. На берегу стоял зимник типа сарай. Он же – овин. Крыша активно колосилась, двери не было. Внутри – разгром: ни полатей, ни печи, ни пола. Зато и комаров нет. Разбили внутри помещения две палатки (одну – Афонасу и одну нам с АС на двоих). Приготовились ночевать.

Мы с Афонасом прошлись вдоль берега, интересуясь как тут насчёт рыбы. Каюр немедленно нашёл в прибрежных зарослях лодку-веточку и спустил её на воду.

Тут я совершил воспетый потом народом подвиг.

Никогда не знаешь, где тебя настигнет слава. Меня она застала тут.

Разбили палатки в зимнике типа сарай.

Лето, в горах таял снег и Няннели имела вид широкой и бурной горной реки.

В тот момент, когда каюр начал спускать лодку, зашуршала осока и выскочила утка. Она пробежала пешком по воде и пошла на взлёт. Не мешкая, я сбросил с плеча

ружье и, не целясь, врезал по ней. Та дала свечку и упала в воду, аккуратно по центру реки. Течение понесло её вниз. Я бросился к лодке, сильно оттолкнул её от берега и прыгнул вслед. Акробат! Лодка быстро удалялась от берега, стремясь к каменистому порогу. Веточка была узка и длинна. Изготовлена она из трёх досок: одна лежит плоско, а две других стоят вертикально. Вот между ними и заклинилась моя задница. Но беда не в этом. Проблема – в весле. Длинное, двухлопастное весло (как у байдарки) лежало на дне лодки. Вот на него-то и я, не подумав, и уселся.

Порог приближался. Надо было что-то предпринимать. Я завертелся, как карась на сковороде, пытаюсь вытащить из-под себя весло. Веточка для таких маневров не предназначена. С третьей попытки она перевернулась, выкинув меня в водную стихию. Одет же я был хорошо: двое штанов, энцефалитка, свитер, телогрейка и кирзовые сапоги. За плечами висел карабин, а грудь перепоясывали крест накрест патронташи. Как у матроса Железняк. Гранат на поясе, правда, не было – лишь ножи-кинжалы. Все это мешало плыть, да к тому же стало стремительно намокать и утяжеляться. Возникла реальная перспектива Ермака в Иртыше. Меня, однако, это не смутило, я одной рукой вцепился в лодку, другой – в весло. Развернувшись, бешено заработал ногами. Сапоги оказались эффективным двигателем. Катамаран устремился к берегу. Скоро его вынесло на отмель. Я подхватил транспортное средство и пошел обратно к каюру.

Всё это время каюр молился своим богам. Якуты, родившись и прожив всю жизнь на берегах рек, плавать не умеют. Да и как тут научишься – вода-то холодная! Поэтому они рассчитывают только на потустороннюю силу. Если человек хороший, и богу реки понравился, то тот его возьмет к себе. Ну и хорошо! У богов утопленник не пропадет, будет кайфовать на том свете. Но если человек богу не приглянулся, он выкинет его обратно. Это то же хорошо, хоронить в мерзлоте не надо.

От меня боги отказались, удалили из реки, вернув весло и лодку, что указывало на их определенное сочувствие.

Кому быть повешенным, тот не утонет!

История эта получила широкую огласку в узких кругах якутского общества верховьянского края. Долго ещё рассказывали, как некто голубоглазый схватил под одну мышку лодку, под другую – весло и со всем этим пошел по воде, яко по-суху. И когда я через несколько лет опять попал в эти края, меня почитали, как святого, передавали от юрты к юрте, от чума к чуму, от яранги к яранге, и везде я закусывал строганиной.

Но в тот день утиной охоты мои приключения не кончились купанием. Выбравшись на берег, я обнаружил, что в заплыв пустился с часами. Теперь они были полны водой и, естественно, встали. Я вылил из них воду и положил сушить на крышку ведра, висящего на костре. Варился суп из добытой утки. Когда АС стала разливать суп по нашим мискам, то в половнике оказались мои часы, вместе с металлическим браслетом. Оказывается всё это время они кипятились вместе с уткой. Пришлось теперь выливать суп из часов. Сушил их на брёвнышке и костра. Они высохли и пошли! Вот, что такое "Побед", что такое советское производство. Они мне потом служили лет десять, пережив не одно купание.

Приключенья продолжались и ночью. Где-то на рассвете АС разбудила меня некоторым подвыванием. Я приоткрыл один глаз. В раскрытую щель входа в палатку, виднелся чайник, на нём – кружка Анастасии Семеновны. Опершись на край кружки, на задних лапах стоял рыжий облезлый горноста́й и нагло хлебал остатки чая. Не вступая в дискуссии, я поднял одной рукой двустволку, навёл её и спустил курки. Грохот, чёрный дым.

Когда дым рассеялся на столе не было ни горноста́я, ни кружки, ни чайника. Я заснул снова. Больше не будили.

На хребте Хадаранья

Передо мной пространство в чистом виде.

Переночевав, мы форсировали Няннели, и стали взбираться на хребет Хадаранья. Задача: пройти его весь, спуститься на юг и перебраться на хребет Тас-Хаяхта и добраться до Чемалгийского хребта (подняться с севера на юг точно до Северного полярного круга).

Хребет Хадаранья длинный и довольно высокий, некоторые вершины 2200–2500 м (кто их мерил, не знаю). Много снега, который теперь активно таял, небольшие ледники, больших, вроде, нет. На перевалах – болота. Почему отсюда вода не скатывается вниз – не знаю. По меркам Тибета высота может и не большая, но подниматься надо практически от нуля, а три тысячи метров вверх есть три тысячи. Лезешь в небо целый день. Каменные осыпи и хаотические нагромождения скал. Голые неприкаемые места, без птиц и животных.

Лишь жалкий вереск да лишайник росли на утесах. Широкое плато, обрамленное двумя горными цепями. Ни лиственниц, ни кедровника, даже ерника – карликовой берёзки – не росло. Горные осыпи, мертвый седой гранит, белый ягель – олений мох.

Мы с Анастасией Семёновной поставили палатку на границе леса.

К вечеру на что-то высокое забрались и встали лагерем. Выяснилось, что расстояние от кромки лесов и альпийских лугов до вершины хребта, по которому нам бродить, большое. Сплошные

альпийских лугов до вершины хребта, по которому нам бродить, большое. Сплошные

снега и курумники. Лошадей кормить нечем. Посовещавшись, решили, что каюр спустится вниз, поднимется по долине реки к её истоку, заберётся на перевал, где встретит нас в дальнем конце этого горного массива. Через шесть дней, когда мы пройдем по всему хребту Хадаранья до самой южной его оконечности.

Каюр удалился и мы с Анастасией Семеновной остались одни и стали жить в одной тесной, но лёгкой палатке. Сначала мы ходили в радиальные маршруты, каждый раз возвращаясь в базовый лагерь. Дело непростое: в скалах и курумниках запросто можно пройти в двух метрах от палатки и не заметить её. Несколько раз мы так и сделали, плутая

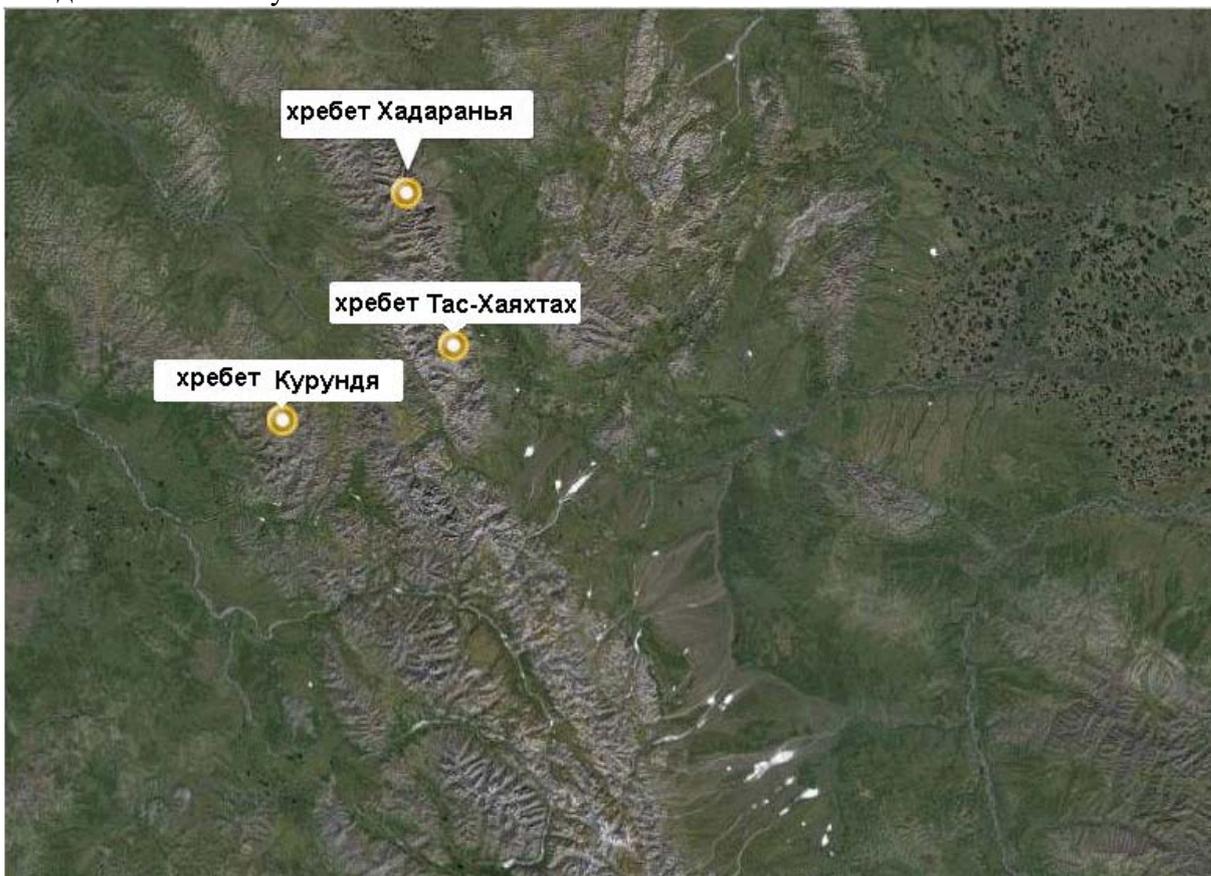

в попытках найти свой дом. Оказалась, что АС патологически не умеет ориентироваться. Кончилось тем, что я отобрал у неё компас, карты, аэрофотоснимки и уже сам брал азимуты и прокладывал маршруты.

На хребте было ещё много снега, но он уже таял.

В этот момент в моём мироощущении произошли кардинальные изменения,

можно сказать – революция. До сих пор я был студентом и рабочим, относясь к начальству по принципу "пусть думают вожди". Мне по фигу цели и задачи экспедиции. Я всегда готов сачкануть.

Хребты, по которым мне пришлось гулять: водораздел рек Яна и Индигирка.

Теперь же я ощутил себя начальником экспедиции и её научным руководителем. И, главное, Шефом. Стал им на всю жизнь. Я участвовал в 21-ой экспедиции, из которых в

18-ти был одновременно и начальником и научным руководителем. У меня 43 дипломника, 20 аспирантов, 6 докторантов. Все звали меня Шефом; я им и был. Но стал я им вовсе не тогда, когда закончил Университет, и не тогда, когда защитил кандидатскую диссертацию. Нет! Я им стал на хребте Хадаранья, когда каюр оставил нас вдвоём с АС.

С этого момента до конца поля я – неформальный начальник нашей экспедиции. А потом и многих других. Уже формальный.

Один пацан стал капитаном в пятнадцать лет, я – лишь в двадцать. Ну, хоть так.

АС не стала возражать, мы существовали мирно. Теперь я намечал, куда и когда нам пойти, где какие брать пробы, какие описывать обнажения.

Мы постепенно приближались к южной части хребта.

Но тут подверглись неспровоцированному нападению медведей.

Медведи

Природа-мать дала медведю силу –

Быка способен лапами задрать,

Мозгами же заметно обделила –

Хватает лишь на то, чтоб жрать и спать

По хребту Хадаранья мы с Анастасией Семеновной бродили вдвоём. Рабочий Анатолий засадил себе в ногу топор, и его бросили в какой-то юрте. Каюр пас лошадей в долине Няннели и сюда к курумникам – лишайникам не поднимался. Я был молод – силён, но выносливости не хватало. Таскать пробы по сорок килограмм было тяжело. В конце рабочего дня я бросал всё и уползал в спальник. Хорошо, если успевал снять кирзовые сапоги. И тут же засыпал, причём крепко.

«Ночью» меня кто-то начинал, как бревно, катать по палатке.

– Игорь! Игорь!

– Что случилось? – вопрошал я спросонок.

– Медведь!

– И что?!

– Прогони его.

Тихо матерясь, я расстёгивал три ряда пуговиц, развязывал какие-то тесёмки, выпутывался из вкладыша, ватного спальника и чехла, долго боролся с марлевым пологом, расстёгивал палатку и выбирался наружу. Светло, как днём, с горы видно хорошо. Никого не было. Обойдя палатку, пописав и постреляв для остротки, возвращался в тепло и снова дрых.

– Ох, Игорь, – говорила на утро Анастасия Семеновна, – сегодня не спала ни минуты. Хищники мерещились. Но поняла в чем дело: едим горох, вот в животе и урчит!

Надо сказать, что медведи действительно были в наличии. Но нос к носу мы с ними тут не встречались. Они себе не враги, чуяли нас на большом расстоянии и всегда уходили. Но в один прекрасный момент, вернувшись из похода, мы нашли палатку полностью снесенной и разорванной. Все, что можно съесть, было съедено (даже в упаковке). Банки с тушёнкой и сгущёнкой оказались сплюснутыми и скрученными гигантской силой. А их содержимое высосано. Вот это не хорошо, нам то же кушать надо.

Собрали мы манатки и со всей возможной скоростью двинулись к противоположному концу хребта Хадаранья, туда, куда должен был выйти Афонас с лошадьми. Идти было трудно, перевалов практически не было, приходилось штурмовать вершины. На них снег и лёд, а у нас альпинистского оборудования нет. Скользили и падали. Груз постепенно увеличивался – попутно собирали образцы гранита. Рюкзак мой уже весил под 50 кг. От земли я его оторвать не мог. Приходилось водружать его на камень, просовывать руки в лямки, так и вставать. Яровский рюкзак оказался прочным. Брести трудно: сказывалась высота – нехватка кислорода. Сердце билось где-то в горле. Через каждые 100 метров приходилось садиться, откидываться и отдыхать, не снимая рюкзака.

Всё же через два дня мы достигли нужного места.

В принципе, если переходить на режим Великого Поста, то еды на оставшиеся четыре дня нам бы хватило. Мы экономили, но что-то ели. Ходили в радиальные маршруты.

Но утром третьего дня я сидел на скале и в бинокль осматривал долину, по которой к нам должен был подняться Афонас и доставить продукты. У нас был штиль, но, судя по

колыхающимся кронам деревьев, в долине дул ветер, превращая распадки в аэродинамические трубы.

*Горит тайга на склоне века,
Горят березы и трава.
Смола-слеза стекает в пекло.
Пылая, корчится тайга.*

Вдали, при входе в ущелье, появился дымок, он усилился, возникли языки пламени, образовался огненный вал. Он покотился по направлению к нам со скоростью курьерского поезда. Низовой пожар тайги! Незабываемое зрелище, доложу я вам. Горела трава (когда она успела

вырасти и высохнуть?!), снизу вверх факелами вспыхивали одиноко стоящие лиственницы и ели. Красное и чёрное: огонь и дым.

*Из дымного рассвета солнца шар
Выкатывает зарево пожара.
От пала сонный горизонт устал,
В тисках огня протуберанца жало!*

Непосредственно нам пожар не угрожал: у нас тут камень, снег и лёд. Они не горят. Однако, понятно, что каюру с караваном здесь не пройти. Да и жив ли он? Не вошёл ли он в эту долину? Так или иначе, но через два дня сюда он не прибудет. А когда - неизвестно. Будет ли он ждать пока всё в долине погаснет, или найдёт обходной путь – не ясно. Но всё требует время. А время не ждёт: кушать хочется.

Голодного веселья не наблюдал.

Доложил АС о пожаре. Она жарила блины, из муки, смешанной усилиями медведя с киселём. Они были ярко малинового цвета. Посмотрев на них, Анастасия Семёновна залилась хохотом, долгим хохотом. Женскую истерику я наблюдал впервые и несколько опешил. В какой-то момент мне захотелось её пристрелить. Что б не мучилась. Но сдержался. Она попила воды из ближайшей лужи и успокоилась. Обсудили ситуацию. Продуктов на двоих не хватит, но один сможет продержаться. Поэтому АС починит палатку и останется здесь с остатками продуктов, а я пойду, пройду по следующему хребту (Тас-Хаяхта), соберу образцы и вернусь (план экспедиции надо выполнять). А там будет видно: если каюр не появится – скатимся в долину, там, небось, всё погаснет, и как-нибудь доберёмся до Петра. Мне же без дамы сподручней – пробежусь по хребту взад-вперёд по-быстрому. Пищу добуду охотой.

Дела в даль не откладывая, собрал я рюкзак: свитер, плащ, кое-что из аптечки, дозиметр, патроны, котелок. Из продуктов – банка сгущёнки и пачка галет. Оружие – десятизарядный карабин Симонова на крупного зверя и мелкашка (пятизарядная мелкокалиберная винтовка ТОЗ-9, (ТОЗ – тульский оружейный завод)) на зверя мелкого и на птицу. Карабин 4 кг (с патронами) да и мелкашка 3 кг, всего 7 – уже вес. Дроб брать не стал: вещь полезная, но весь арсенал мне не унести, да и АС нужно какое-то оружие

оставить. У неё, правда, есть пистолет, но с её близорукостью в кого она попадёт? Разве что себе в колено.

Собрался и пошёл.

Быть, или не быть? (Гамлет)

Была, не была! (Русский)

Хребет Тас-Хаяхта

*Если можешь взобраться на гору,
не оставайся в долине.*

Бодро шёл я по гребню очередного хребта. Водораздел Яны и Индигирки. Прекрасные виды слева и справа.

Красота, как обещание счастья.

Впереди выступал суровый и мощный Момский хребет с возвышающейся над ним горой Победа (3147 м). Большая река Индигирка, пересекала Абыйскую низменность переходящую в бесконечную колымскую низменность. Довольно хорошо было видно Алазейское нагорье. Где-то на юго-востоке культурный центр Среднеколымск, но мне туда не надо.

На хребте Тас-Хаяхта я нашёл много интересных минералов, в основном - борсодержащих.

Вид как с самолёта, дух захватывает. И абсолютная тишина, даже в ушах кровь стучит.

Хребет Тас-Хаяхта уже кончился.

Время от времени, я отбивал кусок приглянувшегося камня и складывал его в рюкзак. Помимо привычных гранитов встречались другие интересные минералы:

везувиан, везувиан с хризотилом, вонсенит, индерит, людвигит, ольшанскит, перцевит, суанит, флюоборит и др. В них много полезного: магний, алюминий, бор, фтор. Может, когда пригодится.

Хотелось кушать. В какой-то момент повезло. Поперечным курсом пролетела стая горных куропаток и села клевать меж камней какие-то ягоды. Я схватил мелкашку и стал пригнувшись пробираться к ним, прячась за камнями. Пока все чего-то клевали, одна птица сидела на высоком камне, вертела головой, осматривая окрестности. Заметив меня она издала короткий крик, стая поднялась и перелетела на другое место. Пришлось начинать сначала. Снова пополз я к ним. Теперь – с повышенной осторожностью. На этот раз удалось приблизиться на расстояние выстрела. Птицы были хорошо видны, некоторые довольно близко. Но ясно, что надо убрать сторожа, хотя он был от меня дальше всех.

Затаив дыхание, я тщательно прицелился. Выстрел практически беззвучен. Сторож исчез. Дальше – дело техники, точнее – меткости охотника. Я расстрелял всю обойму. Хорошая вещь мелкашка – стреляет тихо, лишь когда промахнёшься противно свистит отрекошетившая от камней пуля. Пошёл посмотреть на результат: три тушки. Три попадания из пяти – не плохой результат для начинающего стрелка. Есть пища!

На камне сидел сторож.

Какой-никакой, а наступал вечер. Ночью идти опасно, устал я и есть хочу.

Потеряв высоту спустился к кромке кустов. В небольшом ручье набрал воду. Нарубил кинжалом корней и веток кедрача, хоть и плохое топливо, но хорошо, что оно есть. Устроился под скалой. Ощипал две куропатки, запалил костёр, повесил на него котелок с птицами и стал ждать пока сварится. Жаль соль забыл, ничего, съем и так.

Время шло, а куропатки оставались сырыми. Костер периодически гас из-за нехватки дров, приходилось бродить в их поисках и начинать сначала. Сказывалась высота (2500 м): здесь вода кипит при температуре существенно меньше 100°C, вот суп и не варится.

Жду, жду, уж небо потемнело, а пищи всё нет и нет. Слюнки текут, живот урчит.

Тупо смотрел я на огонь и на горящие дрова. И родилась у меня теория горящего полена.

Теория горящего полена

Пламя — извечный источник тепла

Возле костра согреваешь ладони

В целом, процессы понятны. Дерево горит, потому, что при больших температурах идёт химическая реакция окисления древесины кислородом воздуха. При этом выделяется тепло, причём по цепному механизму: чем больше тепла, тем лучше горит; чем лучше горит – тем больше тепла. Положительная обратная связь. Огонь сам себя распространяет, и пока все не сожжет, не утихнет. Экзотермическая реакция потому что. Любая реакция окисления – экзотермична, т.е. сопровождается выделением тепла. Это понятно.

Да, но если реакция идёт самопроизвольно, сама себя ускоряет, то почему тогда не горят дрова, сложенные в поленицы. Поленица в костре прекрасно горит, а та же поленица в сарае – нет. Несмотря на свободный доступ кислорода. Почему? Это происходит потому, что реакция горения пороговая! Чтобы она пошла, дереву надо сообщить тепло, его следует нагреть до определенной температуры: ниже критической температуры горения нет, а выше – полено вспыхнет и понеслось...

Я не боюсь огня... я знаю, что с ним делать.

Я сунул очередной сухой корень в огонь. Загореться он не захотел, хотя пламя его окружало. Лишь спустя какое-то время по полену стали бегать синенькие огоньки: пробежит – исчезнет, снова пробежит – и снова исчезнет. Но перестали бегать и они. На какой-то момент корень остался целым и невредимым. Не долго. Внезапно вспыхнул весь ясным огнем.

Горящее полено.

– Первый этап – зона неустойчивого горения, – понял я, – корень прогревался, охлаждение превышало нагрев. Работала (окислялась) лишь поверхность. Потом объём прогрелся, основной порог реакции был преодолен, нагрев превысил охлаждение, пошёл цепной процесс. Древесина на поверхности обуглилась, слой угля стал расти внутрь, количество нетронутой древесины уменьшаться. Кислород диффундировал внутрь уже через рыхлый слой угля, а на встречу ему шёл поток углекислого газа – продукта реакции. Кинетика горения теперь определялась скоростью диффузии кислорода к границе контакта дерево-уголь. Сама же граница двинулась внутрь.

– Кинетика стягивающейся пластины, – сформулировал я.

Тогда у меня ещё было важное свойство: я мог держать в уме сразу несколько страниц текста. Я видел их, как картинку, мог писать формулы, править их, рисовать графики. Этим свойством и воспользовался – стал быстро писать в уме исходные уравнения.

Согласно классическому уравнению теплопроводности распределение температуры по толщине (дощечка толщиной H) при прогреве древесины описывается уравнением:

$$\frac{\partial T(x,t)}{\partial t} = \frac{\kappa}{c\rho} \frac{\partial^2 T(x,t)}{\partial x^2}$$

$T(x,t)$ – температура, t – время, κ – теплоемкость, c – удельная теплоемкость, ρ – плотность дерева.

Учтём источник тепла:

$$\frac{\partial T}{\partial t} + \frac{q}{c\rho} \frac{\partial \omega}{\partial t} = \frac{\kappa}{c\rho} \frac{\partial^2 T}{\partial x^2}$$

q – теплота, выделяемая при сгорании 1 грамма горючего вещества, $\omega(x,t)$ – вес горючих продуктов, содержащихся в 1 см³ дерева.

Скорость горения определяется кинетикой необратимой химической реакции 1-го порядка:

$$\frac{\partial \omega}{\partial t} = -k\omega$$

k – константа скорости необратимой химической реакции (окисления) 1-го порядка.

Условия задачи: при $t=0$, $\omega=\omega_0$, а при $t \rightarrow \infty$, $\omega=0$.

Будем полагать, что константа скорости реакции зависит от температуры по закону Аррениуса:

$$k=k_0 e^{-E/RT}$$

где E – энергия активации реакции горения, R – газовая постоянная, T – температура в градусах Кельвина, К

Таким образом

$$\frac{\partial \omega}{\partial t} = -k_0 \omega e^{-\frac{E}{RT}}$$

С учётом химической реакции окисления:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = \frac{\kappa}{c\rho} \frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{k_0 q \omega}{c\rho} e^{-\frac{E}{RT}}$$

Будем решать это уравнение при следующих краевых условиях: $T=const$ для $x=0$, $x=2L$, при $t=0$; $\omega=const=\omega_0$ для $0 < x < 2L$ при $t=0$

Граничные условия предполагают, что источник тепла находится с двух сторон пластины.

Скорость, с которой теплота поступает в дерево, определяется теплопроводностью

$$-\kappa \frac{\partial T}{\partial x} = H(T_S) \text{ для } x=0, x=2L, t>0$$

T_S – температура поверхности полена, $H(T_S)$ – эмпирическая функция температуры, определяющая скорость переноса теплоты от пламени к дереву.

Нагрев осуществляется как за счёт теплопроводности (поток тепла пропорционален разности температур поверхности и в нагреваемом участке полена, т.е. $T_f - T_S$), так и за счёт теплоиспускания (радиационный нагрев за вычетом радиационных потерь с поверхности), пропорционального разности $T_f^4 - T_S^4$.

Условия:

- 1) при $x=0$ и $x=H=2L$, $H(T_S) = \alpha(T_f - T_S) + \sigma(\eta T_f^4 - T_S^4)$; α – некоторая константа, T_f – температура пламени, η – эмиссионная способность пламени, σ – константа Стефана.
- 2) при $x=L$, $t>0$, $\frac{\partial T}{\partial t} = 0$.

Полученные уравнения являются нелинейными их решать надо численно. В уме это сделать сложно, но можно. Расчёты показали, что на начальной стадии нагрева температура поверхности доски быстро увеличивается, но потом становится постоянной. Температура в центре полена некоторое время почти не меняется, затем линейно увеличивается во времени (прогрев за счёт теплопроводности), но в некоторый момент скачкообразно увеличивается (подход фронта горения, т.е. границы раздела древесина – уголь), после чего температура снова достигает постоянного значения. При некоторой температуре начинается экзотермическая реакция. Поверхность полена начинает обугливаться. При малых временах слой горящего дерева не изменяется во времени; затем скорость движения зоны горения увеличивается, и быстро распространяется по доске.

Временные зависимости потока газообразного продукта горения (CO_2) для пластин различной толщины представлены на рисунке. Видно, что зависимости $J(t)$ представляют собой пики с пологим передним и крутым конечным фронтом. Чем толще полено, тем меньше амплитуда пика, тем он шире и тем больше он сдвинут к большим временам. Важно, что для пластины конкретной толщины, график потока продуктов горения, удаляемых из бревна, $J(t)$ представляет собой не один пик, а два: сначала возникает небольшой пик, затем потока продуктов нет вообще (горение прекращается), а уже потом следует мощный пик газовой выделения. Два пика выделения газообразных продуктов горения не всегда хорошо разделены, по мультиплетность пика $J(t)$ всегда присутствует.

Соответствие теоретических расчётов эксперименту я неоднократно наблюдал в реальности. Белое полено лижут языки пламени от горящего хвороста, вскоре по поверхности дерева начинают бегать синие огоньки (неустойчивое горение), потом они исчезают и полено на какой-то момент предстает в исходном виде, а затем вдруг вспыхивает всё сразу и быстро сгорает.

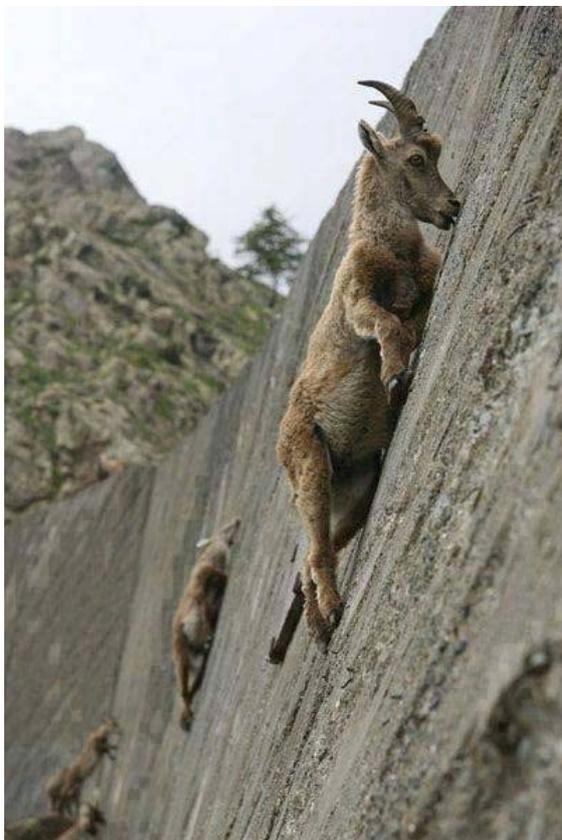
Я остался доволен теорией. Она сыграла важную роль в моей жизни: неоднократно использовал при описании многих объектов: окисление металлов, горение толковой шашки, полиморфные превращения в кристаллах, горение твердого ракетного топлива, промерзание грунта и много ещё чего. Ну, и в лекциях-учебниках, конечно, тоже.

Ученого спросили: как он все это помнит?
– Я не помню, – отвечал он, – я забыть не могу!

Горный козёл

Carpe diem! – пользуйся мгновеньем.

Пока разбирался в теории горения, куропатки сварились. Хоть и без соли, но хорошо пошли.

Почти фазаны!

А вот ночевал я без удовольствия: ни палатки, ни спальника. Высота большая, довольно холодно. Надел на себя всё, что было, завернулся в плащ. Сапог снимать не стал. Спал полусидя, облокотившись на рюкзак.

Встал, как побитый, пососал косточки птичек, допил бульон, собрался и пошёл.

Шёл (в том смысле, что скакал с камня на камень) целый день практически не останавливаясь. Продвинулся довольно далеко, конец хребта был близок.

И я стою теперь – один, как голый пень среди долин.

Виды, конечно, замечательные: и на гору и с горы. Как говорил Виктор Гюго о Соборе Парижской Богоматери: *вид собора и вид с собора.*

На скале паслись козлы.

Вечером начал тормозить, присматриваясь, где заночевать. К большому своему удивлению прямо на отвесной скале увидел впечатанного в неё козла. Даже

несколько коз и козлов. Что они нашли на ней съедобного? Как залезли сюда и куда путь держат. Паслись бы там, где я. Тут место ровное и травка меж камнями есть. Зачем на отвесные скалы лезть? Жизнью рисковать...

Немедленно проснулся охотничий азарт. Аж дух захватило. Жаль, что ближайший козёл от меня далеко – метров 350, попасть будет трудно. Но можно: цель в зоне поражения. Шанс есть. Ползти, как за куропатками, не стал. Встал на колено и положил карабин на подходящий камень, как на бруствер. Стрелять с упора надёжней. Стал целиться. Мешал штык – тянул дуло вниз. Однако приспособился. Не дыша, медленно потянул собачку. Раздался выстрел: дым и грохот. Отдача сильно ударила в плечо и отвлекла от цели. Когда присмотрелся – скала была пуста: ни моего козла, ни его сородичей.

И что теперь? Где добыча?!

Посмотрел вниз. Добыча где-то там (не мог же я промахнуться!), но не видна. Далеко!

Не хочется, но придётся терять высоту. Легко сказать! Оставив все вещи, стал спускаться по мелким лоцинкам, держась в сторонке от скального обрыва. Ободрал всё, что можно: руки, ноги, задницу и даже спину. И головой пару раз о камни стукнулся. Голова, конечно, не самое слабое место, но всё же...

Вода близка, да гора склизка.

Достиг места, где по моим расчётам должно было находиться тело козла. Однако, его там не было. Куда же оно делось? Конечно стрелял с большого расстояния, но я –

Ворошиловский стрелок! Почти... Из карабина, правда, в первый раз стреляю. Ну и что?! Я же тщательно целился, и прицельную планку на деление 4 установил.

Стал активно шуровать по кустам и курумникам. Вправо, влево, вверх, вниз. Без толку. Посидел, подумал, подумал и сообразил. Тут был ручей, правда он несколько в стороне, но если козёл перед смертью сделал прыжок, то вполне мог в ручей свалиться. Пошёл смотреть. Ничего полезного не было. Ручей был не таким маленьким, каким казался сверху. Это скорее было начало реки. Снега таяли и вода бурным потоком и грохотом стремилась к Индигирке. Пошёл по руслу, мешали завалы, пороги и небольшие водопады. Сильно промок и замёрз. Шёл, шёл и нашёл! На крутом повороте козла выбросило на берег. Он был мёртв.

Чтобы добыть мясо нужно освежевать тушу. Интересно, как? Я, что – всю жизнь этим занимался? Или имею какое-то представление? Нет! Даже как снимать шкуру не знаю. Да и зачем она мне? Вот череп с рогами я бы взял. Разместил бы потом на стене прихожей московской квартиры. Все бы вешали на рога свои шляпы и интересовались: откуда такое великолепие? А я бы небрежно объяснял: да, вот, добыл однажды горного козла на хребте Тас-Хаяхта, что в Верхоянском крае на северо-востоке Сибири. Все бы меня уважали, как ни как, а материальное доказательство моих подвигов. А то: Мюнхгаузен, Мюнхгаузен...

Однако было ясно, что ни рога, ни копыта мне не светят. Не унести. И даже не отделить от туловища – тут топор мясника нужен. Хорошо, что у меня с собой якутский нож, каюр одолжил. Перерезал горло и подождал пока сольётся кровь. Обычно при свеживании тушу подвешивают. А как я её подвешу, если нет ни верёвки, ни дерева? Сделал разрез по кругу ноги и немного к животу, подрезал, одной рукой тянул вниз, а другой вклинил нож между тушей и шкурой, так и продвигался до головы. От шкуры кое-как избавился, но живот испарывать не стал, всё равно во внутренностях ничего не понимаю. Стал ломтями отрезать мясо. Кости старался не брать. Набрал килограмм 8. Хватит, больше не унести. Промыл в ручье, завернул в штормовку и потащил всё наверх.

Сложная задача. По осыпям, курумникам, скалам и снегу карабкался к леднику, соскальзывая, падая вниз и снова вверх. Весь исцарапался, на одежду вообще больно было смотреть, мне её не заштопать. Но залез! И мясо не потерял.

Сильно вспотел, одежда мокрая и дырявая, снег, ветерок. Меня била дрожь..

Удачно, что ещё до начала охоты присмотрел нечто вроде пещеры с нависающим над ней большим камнем. Перенёс под защиту рюкзак и мясо, сделал несколько рейсов за дровами. Усилий много, топлива мало. Но на кружку чая хватило. Мясо и оставшуюся куропатку готовить не стал. Попил горячего, закусил галетами со сгущённой. Пост есть пост.

Немного согрелся у костра и отключился.

Болезнь

*Я, верно, болен: на сердце туман,
Мне скучно все, и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.*

Проснулся от того, что кто-то, сопя и тявкая, возился в моих вещах. Оказалось писец, не будь дурак, покусился на моё мясо. Не целясь, запустил к нему камнем. Он сбежал. Посмотрел на белый свет и обнаружил, что он мне не мил. Глаза слезились, из меня шёл жар, текли сопли, возник кашель. Озноб, тело трясло. Все симптомы сразу. Но главное, я не мог двинуть ни ногой, ни рукой.

Похоже, я заболел. Только этого не хватало!

Одежда ещё мокрая, костёр погас, да и дров нет.

На момент отключился.

Сердобольная Нюра, потрогала лоб, поставила градусник. Увидев, что 39,7 сокрушённо покачала головой. Подняла мне голову и дала выпить какого-то сильно горячего отвара. Выдала большую тряпку как носовой платок и удалилась.

Чучуна.

*Значит, в наш всеведающий век
Существует все-таки последний
Полузверь и получеловек.*

Возник снежный человек, йети по нашему. Чучуна не был высотой с лиственницу, но метра 3 в нём было. Морда обезьянья, впрочем, и у соотечественников я встречал нечто подобное. Сложение плотное и мускулистое, руки длинные, шея короткая, массивная нижняя челюсть, бёдра короткие. Всё тело покрыто густыми волосами рыжего цвета с проседью. Лицо тёмное. На голове длинные волосы. Усы и борода редкие и короткие. Насколько я знаю, он должен быть вооружён простым луком со стрелами, копьём и ножом из плохого железа. Но этот дядька (а то, что это был именно мужик сомнений не было) оружия не имел.

Он решительно отправился ко мне.

– Интересно, – подумалось мне, – на каком языке он говорит. И говорит ли вообще.

Он выглядит недурно

И супер, без пяти.

К нему же, ведь, Культурно,

Нам нужно подойти!

Плевать на то, что Снежный,

Не страшно, что Большой.

Он, может, очень Нежный

С Прекрасною Душой!

Берегиня

Берегиня –

больше, чем жена...

Берегиня –

больше чем подруга...

Берегиня –

это Полнота

с Пустотою

связанная туго...

В этот раз с якутским Снежным человеком познакомиться не удалось.

Из облака материализовалась Синильга – сестра Алконоса, покровительница тех, кто всегда в пути. Она действительно была высокого роста – с двухэтажный дом. Появилась как тунгуска с шаманским бубном, но стала меняться, сначала превратилась в якутку обычного роста в традиционной одежде, затем в холодную и жестокую Снежную королеву, потом в святую Люсию с подсвечником на голове, снежную бабу, то голую, то одетую, в Хозяйку медной горы (малахитницу, каменную девку, горный дух, владелицу земных богатств, хранительницу секретов высокого мастерства, прекрасную женщину с косой и лентами из тонкой позвякивающей меди, в платье из «шелкового малахита»), в Золотую бабу с чашей на коленях и ожерельем на шее, в брюнетистую Белоснежку Диснея, в Снегурочку (бледнолицую блондинку, одетую в бело-голубую шубку с меховой

опушкой, меховую шапку, рукавички), в Госпожу с хлыстом, рабыню в кандалах, обнажённую Одалиску из гарема и, наконец, в мою няню Валю в сарафане. Как положено, даму сопровождали семь гномов. Все они держали колпаки в руках и потому были видимы.

и. Ольга Шинильга «АЭРО» глянцевый журнал «Серебряный» № 203-205-83 м.07.14.17 м.61-83-80

Синильга предстала предо мной в разных образах.

Синильга махнула ручкой и чучуна исчез.

Она склонилось надо мной и поцеловала в лоб своими ледяными губами. Повеяло холодом.

Я снова отключился.

Лечение

*Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.*

Очнулся я в богатом чуме. По крайней мере, если судить по помещению, хотя смотреть на белый свет не хотелось. Лежал я на кровати, под балдахином, на матрасе с простынёй, накрыт ватным одеялом с пододеяльником. Голова на двух подушках в наволочках с кружевами. В комнате светло – большие окна. Топилась печь и было тепло, мне даже показалось – жарко.

Очнулся я в богатом чуме.

Здоровья, однако, не было: то знобило, то бросало в жар. Кашель – как в коклюше.

Заметив, что я

очнулся, Синильга в прикиде сестры милосердия 1-ой Мировой войны, направилась ко мне, пощупала лоб, поправила подушки, так что я расположился удобнее.

– Будем лечиться, – сказала она строго.

Вид у нее был русской бабы из-под Рязани. Лицо в веснушках.

Она стала медленно раздеваться. Всё же есть разница, раздевается ли женщина просто так, или для тебя. Она раздевалась специально для меня и мне было хорошо даже сквозь горячечный туман. Чем-то её тело напоминало снежную бабу: крутые бёдра, обширная попа, большие груди (у тёток они под номерами, я в этом не разбираюсь), торчащие соски, поперёк живота – татуировка в виде ветки боярышника и длинные, ниже

талии густые, белые (почти седые) волосы, которые она распустила и расчесала. Зрелая женщина бальзаковского возраста. Это вам не тинэйджер Снегурочка, всегда плясать готовая. Синильга – дама солидная, умелая, знающая себе цену.

– Начнём с массажа.

Это меня насторожило: а чем кончим? Хорошо бы массажем и ограничиться.

В комнате стало темно, но практически сразу загорелись свечи и свечки, светильники с эфирными маслами, ароматные палочки. Зазвучала нежная мелодия.

Совершенно обнажившись, она сдёрнула одеяло и я предстал перед ней в чём мать родила (интересно, почему, если женщина, то обнажённая, а, если мужик, то голый?). Она стала целовать всё моё тело, лизать его, кое-что сосать, ласкать языком, мягкой кисточкой, перышками, волосяными веточками щётками, ворсинками меха, меховой перчаткой, шёлковым шарфом, нежно прикасаться пальцами, слегка царапать ногтями, покусывать, щекотать кончиками своих длинных волос. Лёгкие дуновения охлаждали кожу.

Она черпала воду из таза, сжимала его в руке и он превращался в лёд. Руки и тело у неё было холодным, можно сказать – ледяным. Температура тела у неё была явно ниже нуля градусов Цельсия. Это понятно: будь температура выше, Синильга растает. Странно, что она в жаркой комнате не тает, как это случилось со Снегурочкой под действием лучей весеннего Солнца. Видимо у неё внутри работает холодильная установка, как в наших телах печка, поддерживающая температуру тела при 36,6°C (почему при такой?!) вне зависимости от температуры окружающей среды.

Она повернула меня на живот, начала водить по спине кусочками льда, собирать медленными и аккуратными движениями языка капельки воды, которые остались от тающего льда. Затем перевернула меня на спину и проделала то же самое, но теперь уже на груди, животе. Сопровождала свои действия легкими поцелуями, водила по телу языком, покусывала губы, подбородок, ягодицы и бёдра. Прикосновение льда к моей пылающей жаром коже действовало возбуждающе. Особенно чувствительными к ледяным ласкам оказались внутренняя сторона ног, области, близкие к паху, область рук в области подмышек, грудь, живот и лицо, но особенно – соски, которые она нежно посасывала и покусывала. К счастью, не сильно. Действовала она только губами, языком и иногда зубами, руки использовала только для раскатывания кусочков льда по моему телу. Между ног она щекотала просняной веточкой, называя её сакурой (Почему сакурой? Это ведь вишня японская, отнюдь не просо). Иногда она использовала замороженный сок, медленно слизывая сладкие капли с кожи, чередуя широкие плавные движения языка с нежными дразнящими покусываниями. Особенно приятным было таяние льда между горячими стенками ануса.

Я закрыл глаза, расслабился и предался неге.

Несколько обеспокоился, когда она занялась моим достоинством: не простудить бы и не отморозить. Органы важные, ещё пригодятся. И не только для меня... Но она лёд не стала использовать, ограничилась губами и языком. Сначала она покрыла восставший из небытия пенис поцелуями, затем касалась его кончиком языка, но потом неожиданно проглотила его целиком. Тут я не на шутку испугался: не откусила бы (с неё станется). Но младшего брата удалось извлечь невредимым. Физический разряд, подобно электрическому, достиг каких-то сокровенных глубин моего желания. Сладкая дрожь и упоение. Представил, что упал в рыхлый ворох влажных от росы, нежнейших лепестков вишни.

Впал в счастливую медитацию.

Но не на долго.

Синильга испарилась, вместо неё появились гномы. Их было семь (что у них привычка такая дурная везде являться всемером?). Одеты они были в кожаные брюки и кожаные сапоги, но мускулистые торсы обнажены. Они потёрли ладони, и принялись за массаж моего болезного тела.

Мало мне не показалось.

Мужики были мощными. Даром, что низкорослые. Они стянули меня с постели, сбросили на покрытый ковром помост и стали меня мять руками, ногами, задницами и телами. Массаж головы, лица, шеи, шейно-воротниковой зоны, шейно-грудного отдела позвоночника, грудной клетки, позвоночника, пояснично-крестовой области, тазобедренных суставов, поясницы, мышц передней брюшной стенки, рук, ног, плечевых суставов, кистей, стоп и голени, простаты, яиц и пениса шёл одновременно. В отличие от Синильги руки у них были тёплыми, даже горячими. Они использовали ароматические масла, кремы и, насколько я мог судить, коньяки. Мяли, крутили, сжимали, растягивали и ломали, надавливали большими пальцами рук.

Было от чего прибалдеть. Я так и сделал.

Полчаса пытки и я был оставлен на помосте и покрыт пледом. Медленно приходил я в себя. Жив ли я? И если жив, то не оторвали ли у меня что-то ценное сбесившиеся гномы? Болело всё тело в целом, и каждая косточка и каждая мышца отдельно. Зато грипп прошёл. Полностью! Ни температуры, ни озноба, ни кашля, ни соплей.

Вылечили!

В гостях

В центре комнаты раздался лёгкий взрыв со вспышкой света – фирменный выход Синильги (Дурная привычка! Стучаться надо. И входить в дверь, а не пугать внезапным появлением в огне и дыме горячей серы) в традиционном виде тунгуски с толстой косой. Как и положено, она ударилась оземь (тоже мне Василиса прекрасная!) и превратилась в мою няню Валю. Ту что вырастила меня и преподавала первые уроки секса, научила грамотно обращаться с любимым предметом, по крайней мере, чтобы этот предмет без спроса не беременел.

Маленькая, пухленькая хохотушка Валя в деревенском сарафане, начала, напевая и приговаривая, хлопотать по хозяйству. Зазвенели ложки-плошки. Она извлекла меня из-под пледа и усадила в деревянную кадку с тёплой водой. Не успел я ойкнуть, как оказался с намыленной головой, с щиплющим мылом в глазах и натёртой спиной. Окачала ведром холодной водой, сухо вытерла и одела в свободную домашнюю одежду.

Вскоре, вооружённый большой деревянной ложкой, расписанной под Хохлому, я уничтожал овсяную кашу с мёдом и запивал парным молоком. Болтали с Валей о погоде.

Вдруг она опять ударилась оземь, опять напугав внезапностью. Надо будет попросить эту вечно преобразующуюся тётку трансформироваться спокойней и умерить звуковые и световые эффекты. Не надо резких перемен...

На этот раз она эволюционировала в строгую Хозяйку Медной Горы.

– Собирайся! – приказала она, – пойдёшь на экскурсию.

Я переоделся в форменный мундир студента МГРИ 1950-х годов (на снимке – Д. С. Даев; меня не сфотографировали, но выглядел я не хуже).

Хозяйка прикоснулась к моей рубашке палочкой и я оказался одет в студенческую форму геолога, т.е. в форму студента МГРИ (Московский Геологоразведочный Институт, его здание в мои времена было смежным со старым зданием МГУ, откуда я мог наблюдать за геологами и завидовать их форме). Теперь я выглядел как настоящий геолог, а то – энцефалитка, штормовка, кирзовые сапоги... Тьфу!

Мы покинули юрту и вышли в свет.

Свет был ярким: солнце, голубое небо. Скалы и склоны покрыты снегом, в распадках – сугробы. Воздух разреженный, на подъёме дышать трудно. Видимо, мы на

приличной высоте. Ветерок довольно холодный. Пожалел о фирменной шинели, положенной горным работникам. Тут и замёрзнуть не долго.

Подошли к отвесной стене типа торт Наполеон: слои осадочных пород разных эпох. Скала раздвинулась, мы вошли внутрь и оказались в небольшом помещении, освещаемом лампами дневного света. Там, перед большой трубой, уходящей куда-то в темноту, стояли капсулы, внешне напоминающие большие куриные яйца. Крышка яйца открылась, внутри оказалось удобное ложе, на котором я и расположился. Крышка закрылась и мы куда-то понеслись. Сначала мощное ускорение вдавило меня в койку, затем движение стало равномерным и я улёгся поудобнее.

– Пневмопочта, – решил я.

Движение шло в полной тишине. Похоже в трубе был вакуум и какие-то магнитные поля предотвращали контакты капсулы со стенками трубы. Летающий гроб Магомета. Судя по возникающей время от времени искусственной гравитации, наш путь изредка менял направление как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях.

Мы стали тормозить, отрицательное ускорение заставило меня scomпоноваться, чтобы какой-либо член случайно не повредился. Капсула остановилась, крышка отскочила, я выбрался наружу и оказался в небольшой комнате, в которой царил полумрак. Однако впереди был проход, в дальнем конце которого было светло. Пошёл туда. Большой зал, стены где-то далеко и имеют вид гор со снежными вершинами, потолка нет, вместо него – небо, точно такое, как при выходе из юрты. Периодически возникал ветерок и доносил смешанный запах кипрея и багульника. Холодно не было. Всё указывало на то, что мы на свежем воздухе где-то в горах. Это – с одной стороны, а с другой – я очевидно был в помещении и, надо полагать, в глубине горы.

В этом противоречии сходу разобраться не удалось.

На пути попало удобное кресло. Расположился в нём, чтобы осмотреться.

Стало теплеть, настала жара, запахло свежескошенным сеном. Я начал раздеваться, но погода испортилась, небо покрыли тучи, сверкнули зарницы, донёсся гром, пошёл дождь, перешёл в ливень. Грянула гроза. Молнии ударили в скалы рядом со мной, грохот рвал ушные перепонки. Запахло озоном (как на ускорителе). Дождь перешёл в град размером с хороший горох. Интересно: я был в центре бури, но на меня не падало ни капли. Я – майский жук, накрытый стаканом. Стенки его невидимы, но непроницаемы для компонентов окружающей среды. Однако я мог выставить какую-нибудь свою конечность за стенки убежища, мог даже слезь с кресла и пойти, но контакта с осадками не было, на меня ничего не падало, ни капель дождя, на градин, ни снега. Ладони хватали воздух. Обыкновенный воздух.

Представление кончилось, небо прояснилось.

Минутная гроза умчалась далеко.

Меж туч, разорванных порывом краткой бури,

Мелькнула бирюза сверкающей лазури.

Погода стала улучшать, пахнул свежий воздух.

Пронесшейся грозой полон воздух.

Все ожило, все дышит, как в раю.

Всем роспуском кистей лилогогроздых

Сирень вбирает свежести струю.

Стало хорошо, но не на долго. Со всех сторон обступили горы, одна превратилась в вулкан, который не замедлил рыкнуть. В небо ударил столб дыма и пепла, потекла раскалённая лава, что-то загорелось. Вновь возникли молнии и гром. Запахло горячей серой. Началось землетрясение. Горы зашатались, с неба посыпались каменные бомбы. Кресло моё превратилось в взбесившуюся лошадь. Я скакал на нём, как ковбой на диком мустанге. Но без седла...

Дикая природа исчезла и я оказался во дворце, в колонном зале Дома Союзов, который хорошо знал по детским новогодним ёлкам. В зале шли танцы. Что-то классическое. Звучал полонез Агинского "Прощание с родиной". Но и зал исчез. Площадь

полна народа. С яркими речами выступают Керенский, Троцкий, Ленин, что-то тихо, но со значением, говорит с акцентом Сталин. Воодушевлённая толпа направилась ко мне, протягивая руки. Некоторые я попытался пожать, но сжал опять лишь воздух.

Теперь я оказался внутри церкви, небольшой, видимо деревенской. Было душно, пахло ладаном и коптящими свечами. Сам собой летал гроб, из которого пыталась выбраться Панночка, попеременно представляясь, то древней старухой, то девицей. Став ведьмой, она, явно с дурными намерениями, попыталась прорваться внутрь моего стакана. Слабо ей! Невидимые стенки были непроницаемыми. Возникли чудовища различного вида и все почему-то хотели со мной разобраться, хотя я не бурсак и на ведьме никогда не скакал (и ведьма на мне не скакала). Немного подождал и дождался. Возник Вий, как вы знаете, гном с железным лицом и веками до земли. Нечисть подняла ему веки. Но я учёл ошибку Хома Брута: не стал смотреть Вию в глаза. Даже демонстративно отвернулся. Голос петуха огласил начало дня. Нечисть, кинулась вон, застревая в окнах и дверях.

Вскоре попал в современную довольно большую комнату, типичную для старой московской квартиры. В соседнем кресле с прямой спиной, параллельной спинке кресла, сидела Хозяйка Медной Горы. С видом строгой учительницы.

– Как тебе шоу? – спросила она.

– Впечатляет! Что это было?

– 4D – представление.

– Почему 4D?

– Потому, что столько степеней свободы использовано.

– Ну, положим! Частица пребывает в семимерном фазовом пространстве: три координаты, три импульса и время, т.е. у неё 7 степеней свободы.

– Не умничай! Здесь использовалась 3D-графика, которая реализована лазерами, мазерами, голографией. Волновые процессы, свет, оптический диапазон, интерференция, дифракция – я слабо в этом разбираюсь. В основном – это оптические иллюзии, виртуальная реальность. А ещё одно D – звуки, тряска и движение всего и вся, порывы ветра, нагрев-охлаждение аудитории, запахи.

– Как землю трясти более или менее понятно. А как вы запахи создаёте, как обеспечиваете их быструю смену? Тоже оптикой!

– Я знаю, но не скажу! Пошли на экскурсию.

Мы встали и пошли.

Экскурсия

Шли мы по какому-то хребтику. Шли быстро, потому как холодно. Все распадки завалены снегом, но снег не глубокий. Ледников нет. Довольно сухо, осадков, видимо, мало. На тундро-степях паслись мамонты, шерстистые (я бы сказал – длинношерстные) носороги, гигантские большерогие олени, пещерные медведи и ещё какие-то доисторические животные, любители ледниковых периодов. Что-то такое видел на картинах в Зоологическом музее МГУ, что на Большой Никитской, но что – не помню. Знал бы, что встречу, лучше бы подготовился.

– Можно тут кого подстрелить? – спросил я.

– Охота запрещена, – сухо заметила Хозяйка.

– Жаль! Хорошо бы сразиться с какой-нибудь кинжалозубой кошкой или побегать за гигантским носорогом (или от него)...

Немного пути и мы в тёплом климате. Тут не было такой влажной и жаркой атмосферы, в которой я однажды (много позже) пребывал в тропической Африке. Сухо, похоже на летнее Средиземное море. Лес, однако, был другим. Папоротники в виде деревьев с толщиной ствола 2 метра и высотой 40 м. Кора толстая, листья рассечены. По лесам бродили динозавры, то ли хищники, то ли травоядные, издали не разберёшь. Охотиться на них не хотелось. Да они, поди, и не съедобны. Пресмыкающиеся, они же рептилии. Гадость!

Дышать было трудно. В атмосфере полно парниковых газов, особенно CO₂, кислорода маловато. Какие там 21%, пятнадцати не наберёшь...

Мезозой есть мезозой. Что с него взять?!

Помнишь мезозойскую культуру,

Мы с тобой сидели под скалой,

Ты мою разодранную шкуру

Зашивала каменной иглой.

Я сидел, небритый и немывый,

Нечленораздельно бормотал.

В этот день топор из неолита

Я на хобот мамонта сменял.

В какой-то момент на противоположном склоне стало хорошо видно трёхэтажное дерево якутов. Его ярусы чётко прослеживались: нижний с противными богами-вредителями и умершими людьми, средний с живыми людьми и потомками разных богов, вредных и полезных, и верхний со справедливыми богами и героями, пришедшими за инструкциями. Издали всё напоминало гигантский муравейник: множество живых существ пребывало в движении, на первый взгляд – в беспорядочном, но приводящем к упорядоченным структурам. С другой стороны – двухэтажное христианское здание: на первом этаже, полуподвале и подвале – различные круги Ада, откуда доносились стоны грешников и команды чертей, на втором – рай, по которому бродили человекообразные существа, не отбрасывая теней... Ни в Аду, ни в Раю строек не было. Обитатели просто существовали. Всем было скучно.

Наконец, прибыли в современный климат средней полосы. Июльское утро на Клязьме. Вот это – то что надо. Для меня – всегда бы так, но Хозяйка чувствовала себя не комфортно. Она представила меня гному Вацлаву, бывшему чешскому князю, с которым мы уже корешились на зимнике Петра.

После чего удалилась. Экскурсоводом стал Вацлав.

Вы забрались на невысокий холм, под которым на поляне располагался большой куб.

– Знаешь ли ты что-то об вычислительных устройствах?

– Конечно, – сказал я, – электронно-счётные машины, БЭСМ-6, к примеру, целый этаж занимает в МГУ. С помощью перфокарт считает и довольно бодро. "Наири" на химфаке в коридоре стоит, Рейнметалл есть на кафедре.

– Мы теперь термин электронно-счётные машины не употребляем, для вычислительных устройств электроны не нужны, без них обходимся. Равно как без электронных ламп и полупроводников. Наши системы совсем на других принципах работают. Поэтому мы их называем компьютерами. Принцип действия обсуждать не будем, всё равно не поймёшь. Компьютеры обладают на много порядков большим быстродействием, оперативной и долговременной памятью, чем известные тебе машины. При этом они малогабаритны. Несколько тысячи БЭСМ размещаются в дамских часиках.

– И что? У вас у каждого – такой компьютер? На руке, дома, на работе?

– Везде!

– Как я понимаю, компьютер – это арифмометр с мотором. Глупая машина, с таким же интеллектом, как консервный нож.

– Не скажи! Смотря какой компьютер. Но дело не в нём, как таковом. Важно, что компьютеры объединены в сеть, работают совместно, накапливая и распространяя информацию, поддерживая и страхуя друг друга и даже воспроизводя себе подобных. Компьютерный разум объединён с человеческим, реализована ноосфера – сфера разума Земли и Космоса.

– Опасное дело! Катаклизм какой – и нет вашего разума. Как жить будете?

– Сеть разрушить нельзя, уничтожение любого компонента или обширной части сети не приведёт к потере информации или снижению эффективности системы. Даже полное уничтожение земного шара, исчезновение нашей планеты не вызовет каких-то

заметных сбоев. Система ведь космическая, она объединяет все разумные планеты Млечного Пути. Она многократно дублирована. Это – многомерная сеть!

Говорят: рукописи не горят. Горят, и ещё как! Древних книг практически не осталось. Тексты утеряны, т.к. разрушились их носители: папирусы, бумаги, глиняные таблички, пергаменты, пальмовые листья, верёвочки с узелками, камни, скалы... У нас же конкретных носителей нет. Любой текст, попавший в сеть (мы всё используем для её названия древний термин Интернет), остаётся в ней вечно. Он всегда будет доступен для любого желающего. И не только текст. Хранятся все творения человека (сам человек и всё живое, но об этом – потом) хранятся вечно: формула, рисунок, фильм, музыка, изобретения, мечты и верованья, народы и цивилизации....

– Куб на поляне – это что?

– Это наглядное представление географической и геологической информации. Можешь посмотреть рельеф любой интересующей тебя местности, а также растительность, постройки, животных её населяющих. Можешь пробираться в глубь земли, изучая её геологию и геохимию. Тебя какой район интересует?

– Хребет Тас-Хаяхта, естественно.

– Ок!

Тут же поверхность куба вздыбилась и появился горный хребет. Надо полагать Тас-Хаяхта, хотя раньше с высоты птичьего полёта его не видел. А теперь осмотрел всего изгибы, горки, ущелья, распадки; зона лесов, лесо-тундры, курумники, снега и небольшие ледники – всё, как доктор прописал.

– Как же ты скомандовал? Ни дисплея, ни перфокарт, ни магнитных лент.

– Они не нужны. Приказ дал не я, а ты. Датчики звука зафиксировали твой приказ, расшифровали его, переслали в компьютер, тот включил 3D-принтер, который и воссоздал горный пейзаж.

– Какой принтер? Электрическая пишущая машинка?

– Нет! 3D принтер печатает из подходящего материала (любого – неорганического, органического, живого) материала требуемое изделие: статуэтку, пистолет, орган человека, тело гнома целиком и т.п. В данном случае – модель горного хребта.

– Датчики реагируют только на речь?

– Они реагируют на всё! Не хочешь говорить, можешь написать (на любом языке - это не важно), но можешь отдать приказ мысленно. Машина его выполнит. Только мыслить надо чётко, иначе компьютер, а с ним и принтер пойдут в разнос.

– Менять масштаб можно?

– Конечно!

Я представил себе скалы, на которых недавно ночевал. Они тут же появились. На почти вертикальных стенках паслись горные козлы, к ним подбиралась большая кошка, снежный барс, наверно. В небе парил орёл. Кедрачи и заросли карликовой берёзки присутствовали. Одиноким медведь брёл к своей медведице. Вернул хребет. Подумал о грунте и почве, тут же флора и фауна исчезли, убрался снежный покров и ледники. Остались кигиляхи, курумники, осыпи каменные и песчаные, скудная почва с тончайшими слоями гумуса, вечная мерзлота с вкраплениями льда. Каждый компонент был окрашен в свой цвет. Контрастная картина хорошо читалась. Захотелось сфотографировать, чтобы представить в отчёт. Но фотоаппарата не было. Дал новую команду, и появилась картина минералогического состава: стало видно как распределены базальты, разные виды гранитов, кварц, местами сланцы и песчаник. Ещё команда – и всё вокруг запестрело химическими элементами, каждый из которых светился своим светом. В путанице было трудно разобраться. Попросил уточнить. Алмазов нет, но скопления некоторых полудрагоценных камней встречаются в довольно больших количествах. Просматриваются выходы оловянных руд совместно с полиметаллами. Есть бор и сурьма. Из радиоактивных элементов – везде калий-40, тория практически нет, уран рассеян, но в одном ущелье образует крупное, возможно, промышленное, месторождение. Здесь можно

строить рудник. В ряде мест били источники минеральной воды, в основном – радоновые. Типа алтайских:

*Белокуриха река быстрое течение,
а радон без мужика это не лечение*

По некоторым берегам ручьев наблюдались россыпи золотосодержащего песка. Богатые россыпи. Коренных месторождений, однако, мало, хотя есть и кварцевые жилы с золотыми самородками, и коллоидное золото.

Важно знать геологическое строение наших гор. Пошли разрезы: сначала вдоль хребта до основания, затем – вертикальные срезы по меридиану, по широте, горизонтальные срезы – долька за долькой, пока не срезали хребет до основания. Очень интересно, но некоторые образования трудно проследить. Например, как извивается в пространстве рудоносная порода. Поэтому дал команду: удалять всё лишнее и показывать скопления. Получилось! Наглядно были представлены рудные залежи золота, урана, олова, сурьмы, ртути, серебра и вольфрама. Даже каменный уголь и тот здесь нашёлся. Кстати, и пещеры есть, хотя не должны быть. Напоследок проследил гидросистему: откуда какие воды берутся и куда текут.

Впечатлило! Жаль, что мало запомнил. Система информационная, всех геологов можно разогнать и все экспедиционные отряды распустить. Экономия! Добычу полезных ископаемых без проблем организовать. Был бы капитализм – с такой информацией стал бы миллиардером. А так! Если кому сказать, налетят, гору сроят, всю природу испакостят. Кому от этого будет польза – не ясно.

Хотел сделать разрез на большие глубины. Пора бы понять из чего состоит ядро Земли, какова его форма и размеры, но Вацлав тянул меня дальше. Надо было продолжать экскурсию.

Бессмертие

В лекторий шли мы долго, по трудному маршруту: карабкались вверх, катились вниз, поворачивали то вправо, то влево, открывали-закрывали тяжёлые двери и люки. Окружение всё время менялось. То мы шли по горному хребту, то пробивались сквозь джунгли, скользили по леднику, преодолевали песчаные лагуны, шли по воде, аки по суху, временами подпрыгивали и немного летали. Видимо, это была виртуальная реальность, но неотличима от реальной реальности.

Молодцы гномы! Нам бы так...

По дороге мы обсуждали проблему описания внутренних структур объектов без их разрушения. Начали с геологических сред, потом перешли к диагностике материалов (конструкционных и функциональных) и, в конце-концов, добрались до биологических систем. Речь шла о томографии: восстановлении объёмного изображения объекта по его проекциям. Оказалась, что здесь развита техническая, геологическая, медицинская и какие-то ещё томографии. Базируются они на измерении полей: электрических, магнитных, гравитационных, звуковых и ультразвуковых, ионизирующей радиации (рентгеновская томография, томография на гамма-, нейтронном и на аннигиляционном излучениях и т.п.), иногда для решения конкретных задач используются мезоны, нейтрино и, особенно, антинейтрино.

Геология, спелеология, материаловедение это хорошо, но меня больше интересовала медицина: болеть лично мне, и лечить надо меня. Оказалось для человека эта задача решена. Современная диагностика позволяет обнаружить возникновение любых новообразований в организме, дать им полную характеристику и определить способы их устранения, если оно необходимо. Это же относится к любым патологиям типа камней в почках, переломов, вывихов, растяжений, воспалений. Динамические системы контроля чётко локализуют патологию в пространстве, выдают форму и состав и позволяют проследить эволюцию патологии во времени. Кроме того, контролируется миграция и диффузия разнообразных веществ сквозь биологические мембраны,

сопровождающиеся разнообразными химическими реакциями и биологическими эффектами. Исходя из результатов диагностики, рекомендуют методы терапии и хирургии. Все что можно лечить без вмешательства в организм – лечат (например, лекарствами, радиофармпрепаратами, воздействием излучений). В запущенных случаях разбирают организм на отдельные части (иногда – полностью), заменяют вышедший из строя орган на новый (его заранее печатают на 3D-принтере), аналогично смене сгоревшего стартера на автомобиле, и снова собирают организм.

– Если это так, – заметил я, то человек будет бессмертен: печатай запчасти, меняй, , что полетело, – организм будет постоянно, как новенький.

– Да, это возможно. И мы это используем на практике, некоторые живут вечно именно в своем собственном теле. Но массово применять такую технологию нельзя. Скоро на Земле в год будет умирать почти миллиард человек. Куда их девать, куда их селить и чем кормить. Они же и размножаться будут! Это невозможно, ресурсов нет. Поэтому мы делим умерших людей (так же как и представителей флоры-фауны) на три категории: некоторых оставляем в их собственном теле (клоны), других переводим в тела гномов (ресурсо- и энергосберегающие), а основную массу – к виртуальное (по-вашему – в компьютерное) пространство. Но ни один человек после смерти не погибает абсолютно. Он в той или иной форме продолжает существовать. Даже, если они выведены из обращения (архивированы), то при необходимости их можно вернуть к жизни.

Послушай лекцию, потом что-то покажу.

Надо сказать, что пока мы шли, я сильно устал и запыхался. С удовольствием уселся в кресло, которое тут же приняло форму моего тела и постаралось доставить мне максимум комфорта. В одной руке оказалась бутылочка с охлажденной минеральной водой, в другой – пластмассовый стаканчик.

Началась лекция. Лектора не видно, но говорит он на хорошем русском языке с московским акцентом. Экрана, доски с мелом или с плакатами-стендами нет. Всё, что он говорит материализуется в воздухе непосредственно передо мной. Оно было объёмным, перемещалось, вращалось, демонстрируя себя в разных проекциях, играло цветом, звуком и запахом.

Интересная тема: бессмертие человека.

Для представителей одноклеточных организмов на Земле – это не проблема. Некоторые многоклеточные организмы потенциально бессмертны – в смысле способности к неограниченно долгому индивидуальному существованию, если оно не будет прервано катаклизмом. Примеры: морские актинии и пресноводные гидры, некоторые рыбы и пресмыкающиеся, особенно те, чьё тело способно к неограниченному росту. Но это не столько бессмертие, сколько замедленное старение.

А человеку в его обычном теле ещё предстоит дожить до долголетия, не говоря уж о бессмертии личности.

Но сначала определим понятия, чтоб не запутаться.

***Смерть** (гибель) — прекращение, полная остановка биологических и физиологических процессов жизнедеятельности организма. Явления, чаще всего вызывающие смерть, — старение, недоедание, болезни, самоубийство и несчастные случаи. Вскоре после смерти тела живых организмов начинают разлагаться.*

***Бессмертие** — жизнь в физической или духовной форме, не прекращающаяся неопределённо (или сколько угодно) долгое время.*

Идея бессмертия встречается у всех древних народов. У одних это призрачное существование в царстве теней, у других – переселение душ, у третьих – бестелесное, внефизическое существование души. Материалистический подход отрицает существование души, поэтому материализм, после некоторого расцвета, как философская концепция, скончался. Бессмертие можно обеспечить воскресением мёртвых (смерть, как сон), либо уничтожением смерти, как явления.

Однако, кому нужно бессмертие в виде полутрупа, парализованного, слепого, страдающего от всяческих болей, перманентно несчастного в любви, в работе, в творчестве?

Хотелось бы не просто жить долго, а быть вечно молодым, здоровым и счастливым. Для этого нужен эликсир молодости — амброзия, омолаживающая человеческий организм и продлевающая его жизнь до бесконечности. Поискам эликсира молодости занимались алхимики. Понятно, что золото, чрезвычайно стойкий (благородный) металл, таит в себе субстанцию, делающую его вечным. Нужно выделить эту субстанцию и найти способ ввода её в организм человека. Клеопатра выпила такой напиток. Увы, вскоре покончила с собой, подорвав эксперимент. Врач папы Бонифация VIII смешал золото, жемчуг, сапфиры, изумруды, рубины, топазы, белый и красный кораллы, слоновую кость, сандаловое дерево, сердце оленя, корень алоэ, мускус и амбру. Дал порошок папе, тот почему-то умер. Придворный алхимик приготовил для китайского императора Сюань-цзуна (VIII век) препарат, который кипятил в течение года. После месяца приёма «эликсира молодости» император скончался.

Тут как-то с бессмертием не сложилось.

Другое дело – исторические хроники.

В официальных документах одного индийского княжества Патиал утверждается, что Тапасвиджи прожил 186 лет (1770—1956). Он был раджой, но по достижении 50 лет удалился в Гималаи, стал отшельником и йогом. Тапасвиджи рассказал о встрече со стариком, не говорившем ни на одном из современных языков и знавшем только санскрит. Вон он прожил 5 тысяч лет. Ну, в Индии и не такие чудеса встречаются...

Считается, что каждый человек стремится к бессмертию. Но так ли это? И является ли бессмертием такой уж прелестной целью, к которой надо стремиться?

Народ в своих сказках обычно награждает бессмертием отрицательные персонажи. Достаточно вспомнить Кощея Бессмертного, этого колдуна сверхъестественной силы (если несколько вёдер воды выпьет), спеца по похищению красавиц. Многие мечтают отправить его на тот свет. Трудно это, хотя и возможно. Бессмертие вообще может стать проклятием. Вспомним вечного жида. Иисус Христос брёл, спотыкаясь под тяжестью креста на Голгофу попросил прислониться к стене попавшегося ему на пути дома ремесленника, чтобы отдохнуть, но Агасфер отказал ему и даже оттолкнул. За что был справедливо осуждён на скитание по земле (правда, не вечного, а до Второго пришествия, которое, правда, откладывается). Хотя с тех пор Агасфер много чем занимался и много чего натворил (одно его предложение императору Нерону сжечь Рим, чтобы удовлетворить жажду жизни, развлечений и наслаждения последнего, чего стоит), но конца его бессмертным приключениям не видно, хотя, говорят, они ему надоели.

Кстати, кроме Агасфера, Иисус, и других приговорил в бесконечной жизни за неуважительное к себе отношение: кузнец, ковавший гвозди для Христа обречён вечно ковать их, Иуда Искариот – скитаться, раб первосвященника Кайафы Малх, участвовавший в аресте Иисуса в Гефсиманском саду (ему апостол Пётр не поленился отсечь ухо; Христос такую активность ученика осудил и вернул ухо на место) обязан безостановочно ходить в подземном каменном склепе вокруг столба. Каина не понятно кто приговорил к мучительной длинной жизни, пока его не замочил слепой потомок. Надо сказать, что и Прометей, без остановки терзаемый хищной птицей, и Сизиф, без усталости волокущий на гору камень, и поэт-миннезингер Тангейзер, вечно сидящий в гроте Венеры внутри горы Гейзельберг, вряд ли довольны своим бессмертием. А нравятся вам отвратительные бессмертные старики – струльдбруги, описанные Д. Свифтом, которые помнят лишь события первых 80 лет жизни? Бессмертием недовольны не только люди: Летучему голландцу поди надоело шляться по морю. Мечтает затонуть.

Есть и положительные примеры. Например, Картафилос – привратник Пилата – вовсе не вечный скиталец, а лишь вечно живущий; ибо крещён и ведёт святую жизнь.

Всё это – беспокойное бессмертие, у буддистов другой подход. Освобождение! Нирвана – прекращение всех желаний. В принципе, каждый достигнуть может. Без медицины и эликсиров. Но какие-то усилия надо предпринять. Хотя бы следовать тем явлениям, которые постоянны, избегая того, что разрушается.

Однако бессмертие без чувств и осязаний, тоже вещь спорная. К примеру, Бердяев обожествлял «половую любовь», под которой понимал секс. «С полом и любовью связана тайна индивидуальности и бессмертия».

Может оно и так...

Человек верит в бессмертие души просто для того, чтобы оставаться человеком. Смерть – самый глубокий и значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни. Лишь факт смерти ставит вопрос о смысле жизни. Все мы умрём. Догмат бессмертия души – и утешительная, и ужасная идея. Если бы одни умирали, а другие нет, умирать было бы досадно. Если я живу вечно, у меня на всё найдётся время, но будет ли настроение этим всем заниматься, или хотя бы чем-то конкретным? Мужик жаждет бессмертия, но не знает, что будут делать, если в воскресенье пойдет дождь. Лапу сосать?

Бессмертен тот, кто не забыт. Бессмертны математики.

Люди не хотят жить вечно. Они не хотят умирать.

Никто из людей не родился бессмертным, и, если бы это с кем случилось, он не был бы счастлив. Бессмертие индивиду не нужно, а обществу вредно. Смерть наполняет людей возвышенными чувствами и делает жизнь ценной. Ощущая себя существами недолговечными, люди ведут себя соответственно, ибо каждое деяние может быть последним. У смертных всё имеет ценность. У Бессмертных всякий поступок или мысль – отголосок других, которые уже случались в прошлом, или предвестие тех, что станут повторяться. Смертный боится ошибаться, а бессмертный нет – не получился каменный топор, ничего! через 500 лет изготовлю бронзовый, а если опять фигня, то через 1000 лет куплю в магазине стальной... Вот любимых хоронить одну за другой, это да, это печально. Даже знать, что твоя подруга умрет такого-то числа, а ты будешь дальше жить в полном одиночестве, и то не приятно.

Современный человек, мечтая о бессмертии, борется лишь за продление жизни по возможности в здоровом теле (проблема старения на повестке дня). Уповает на достижения науки. Тут тебе и биомедицинские технологии, стволовые клетки и генная инженерия, гормональная терапия, трансплантология, криобиология и др. Путь этот не слишком перспективен. Многие (далеко не все) проживут 100 лет. Но не более того...

Но здоровое тело – это далеко не всё. Знания твои устарели и тебя попёрли с работы, внуки-правнуки маются без жилья и ждут, когда помрешь, освободишь квартиру и дашь насладиться наследством. Не нужен ты никому. Предки, подруги, друзья – все, кто тебя любил, кто с тобой дружил, с кем ты работал – давно в могиле. А если нет – то какой кайф от общения со старыми клячами, живущими представлениями позапрошлого века?

Если бы в лесу деревья не будут умирать, то что это будет за лес? А если комар будет жить вечно? Или клоп? Никакого развития биоразнообразия не захочешь.

Человек должен иметь возможность жить сколь угодно долго. Сколько ему угодно, а не кому-то ещё. Он хочет жить до тех пор, пока это дело ему не надоеет, умереть в тот момент, в который желание жить пропадёт, исчезнуть из физического, духовного и информационного пространства. Если он возжелает стать абсолютно бессмертным, то должен определить в какой форме ему приятней существовать, а затем уж по желанию переходить от одной формы бессмертия к другой (из физической формы в духовную, и наоборот). В вопросах смерти и бессмертия у индивида должна быть полная свобода.

На Земле бессмертие людей, животных, растений и прочей живности невозможно по простой причине: нет жизненного пространства. Пространства, достаточного, чтобы разместить всех желающих. Постоянно расширяющегося пространства.

Но в Космосе такое организовать можно. Или в компьютере, или в сети компьютеров.

Естественно, биологическое бессмертие сложноорганизованных многоклеточных живых существ, в том числе человека, организовать трудно. Но и бессмертие в духовной форме, подразумевающее вечное существование индивидуальной воли, обеспечение всего комплекса составляющих индивидуальной личности, дело непростое.

Начнём с простейшей формы искусственного интеллекта. Возьмём сознание индивида и перенесём его на неорганический, неорганический или биоорганический носитель. Но будет ли это полноценной заменой? Это ведь копия индивидуальности, а не сама индивидуальность.

Одно время человечество начало мечтать об электронном человеке (*E*-человеке), это было связано с тем, что вычислительные системы работали на электронном принципе. Современные космические компьютеры никаких электронов не используют, они работают на излучениях: на дифракции и интерференции оптических или рентгеновских волн, а иногда и более жёстких (таких, как гама-излучение). Используются энергетические поля. Тебе это не понять. Да и не интересно. Поэтому, не вдаваясь в подробности работы компьютера, будем называть такого человека *K*-человеком, хотя компьютерная стадия – промежуточная, *K*-человек обитает совместно с другими *K*-животными и *K*-растениями, птицами, рыбами и прочей живностью в пространстве информационных сетей, в сфере Космического Разума, поэтому его надо называть *I*-человеком. Но не будем придирааться, как сложилось, так сложилось.

На первом этапе, физики и схоласты-философы полагали, что если пересчитать в конкретном человеке все его нейроны и переписать их в компьютер, то человек станет бессмертным. Ибо человек как личность – это всего лишь память, программы, привычки, приобретенные или выработанные им при жизни. Мозг – биологический логический прибор для обработки информации. Перезаписав перед смертью подобную информацию на долговременный хранитель, человек продолжит свое существование в новом компьютерном облике.

Схоласты, пытающиеся свести биологические процессы, в том числе – мышление к физическим и химическим процессам (что, естественно, невозможно) утверждают, что человек – это информация, записанная в его мозгу, т.е. некоторый СОФТВЕР (*software* от *soft* - мягкий и *ware* - изделие, продукт) – компьютерная программа, в которой реализуется алгоритм действий, и которая временно располагается в материальной части, ХАРДВЕРЕ (*hardware* от *hard* жесткий твердый и *ware* изделие, продукт, конструктивная, материальная часть компьютера, железо), которая имеет вид человеческого тела. Поскольку софтвер легко переписывается с одного хардвера на другой, то мы всегда можем перекачать информацию с человека на любой другой носитель, способный существовать вечно, например, в сеть Интернет, или в постоянно обновляющееся тело гнома – биологического носителя, способного к физическим действиям (сексу, убийству, чревоугодничеству и т.п.), или на какую-нибудь деталь счётно-вычислительной машины, изготовленную из сверхпрочного материала, или поместить в тело робота, предназначенного для выполнения физической работы.

Мозг человека – логический прибор, перерабатывающий информацию, поступающую с датчиков, которых у него не очень много: глаза, уши, кожа, желудок и кое что ещё, и которые переправляют выработанные после анализа информации приказы на исполнительные органы: руки, ноги и кое что ещё. Компьютерного человека можно снабдить большим арсеналом датчиков, так что он будет видеть сквозь стены, туман, на сотни километров, общаться с коллегами на огромных расстояниях, а благодаря дистанционной связи с исполнительными органами получит возможность активно воздействовать на внешний мир. Уничтожить его нельзя, поскольку в случае катастрофы его всегда можно восстановить в материальном виде, поскольку информация о нем хранится на вечном носителе.

К-человек, говорят они, при телесной организации сможет выбрать свой облик по своему желанию и изменять его при случае. Он не будет нуждаться в пище, жилище, воздухе, экологически чистой среде, сможет путешествовать по всему Космосу, посещая разные планеты, иные звездные системы и галактики, сможет легко (без жён и подруг) размножаться (индивид, переписав свой мозг в другой компьютер, может создать свой дубль, повторить себя и притом неограниченное число раз), сможет мгновенно приобретать любые знания, будет способен говорить на любом языке. Компьютерные люди будут непрерывно общаться друг с другом, образовывать сообщества, национальные колонии, торговать и воевать друг с другом.

Так мечтают сейчас некоторые обитатели Земли. Они не знают, что во Вселенной попытки создания К-человека и К-общества предпринимались уже неоднократно. Но ничего ценного из этого не получилось. Ни на Земле, ни на других обитаемых планетах. Везде, где существовал интеллект, способный к развитию и размножению, научный прогресс приводил к краху и полному уничтожению системы.

Если говорить о Земле, то людей на неё заселяли неоднократно. Возникшие цивилизации в той или иной мере развивались, наблюдался научно-технический прогресс, но всегда кончалось одним и тем же: мировая война с полным уничтожением всего и вся – людей, животных, растений, любых экосистем, с итогом сильного повреждения рельефа планеты, его внутренней структуры, и, естественно, климата. Даже магнитные полюса менялись местами, кислород в атмосфере сгорал полностью, а вся вода испарялась. Сразу после катаклизма засеять новую жизнь было невозможно. Планета излучала мощную радиацию, её поверхность была покрыта сильнейшими отравляющими веществами (моря иприта, к примеру), везде – патогенные вирусы и микробы. Приходилось долго и нудно приводить планету в порядок. Иногда менять параметры её орбиты вокруг Солнца, угол наклона оси вращения, скорость вращения, добавлять или убирать спутники. Работы много. Поэтому за миллион лет проведения таких экспериментов на Земле сменились 12 цивилизаций, сейчас – тринадцатая, но и она уже двинулась к своему концу. Надо этот процесс замедлить, по крайней мере до того, как мы восстановим цивилизацию на Марсе, уничтоженную там предыдущей гражданской войной.

Одна из предыдущих цивилизаций (не на Земле, на другой планете, какой – неважно) приступила к созданию компьютерного разума, компьютерного человека и компьютерного общества. Дело пошло. Мощные компьютеры, их сеть и программы были созданы быстро, информация в голове человека прочитана, скопирована и перенесена на неуничтожаемые носители. Естественно, что на первых порах это была трудоёмкая работа. Поэтому подобной операции подвергались лишь люди с аномально сильно развитым интеллектом. Попав в сеть, они стали обмениваться информацией, накапливать и развивать её. Число К-людей быстро увеличивалось, их способности и знания резко выросли, так что в конце концов была создана ноосфера, т.е. сфера разума. Она полностью оторвалась от носителей (как текст Войны и Мира ныне оторван от бумажной книги). Коллективному разуму удалось облегчить процесс перехода человеческого разума в компьютерную сеть, так что любому человеку после смерти уже предлагается (и раньше и сейчас) бессмертное существование в той или иной форме. Естественно, руководит процессом не апостол Пётр, а некоторая контора – Чистилище. Человеку объясняют особенности компьютерного бытия и спрашивают его согласия на переход в К-общество.

Если вспомнить историю, то на этом пути трудности возникли незамедлительно.

Первый испытываемый побродил в гордом одиночестве по компьютерному Раю и тут же начал качать права. Дайте сюда растений, животных, птиц, рыб и всю привычную биоту, включая тараканов. Соскучился! Дали. Хотя одно дело – переписать на компьютер мыследеятельность человека, а другое – строение и мысли, муравья или лягушки. Оглядев компьютерное пространство, человек потребовал себе в друзья приятеля, с которым ему бы хотелось общаться. Начали ему искать подходящего друга. Не нашли. Посоветовавшись, подсунули ему женщину. Чтоб жизнь раем не казалась. Женщина тут же потребовала

секса. При разработке нужного алгоритма чуть все компьютеры не сгорели, но всё же удалось организовать им виртуальный секс. Они родили двух сыновей, но как только те подросли, один убил другого. Снова паре пришлось заниматься половой жизнью (в компьютерном виде это сложно, но можно) и рожать (тоже не просто). Потомки получились так себе, учиться, развивать культуру, науку и технику не пожелали, пили и дрались. Пришлось их уничтожить, оставив одно семейство. Но и его потомки оказались далеки от идеала.

Некоторые утверждают: *Бессмертие – это голубая, вековая, самая большая мечта и самое большое желание любого человека.* Эксперимент это не подтверждают. Чуть ли не каждый второй отказывается от такого заманчивого предложения. Скучно им в Раю, видите ли. И вообще жизнь надоела. Много самоубийц, не желающих продолжать существование в каком-либо виде, есть разочарованные в каком-либо существовании, бессмертие им глубоко противно. Есть мастера, которые устали и им нужно отдохнуть. Им снится покой и воля. Кто-то принципиально не хочет учиться и развивать интеллект, кому-то даром не нужно тело культуриста или морда красавца (красавицы). Есть любители болеть, да так, чтобы о них все заботились и утешали. Есть просто любители страдать. Диктаторы потребовали для своего счастья раболепных подданных, палачи – жертв, садисты – мазохистов, учителя – учеников, пьяницы – водку, воры – богатеев, султаны – гарем, дон-жуаны и казановы – дам, проститутки – клиентов, начальники – подчинённых, цари – тюрьмы и виселицы, врачи – больных, гурманы – изысканных блюд, российские интеллигенты – неизвестно чего, но всего сразу, и т.д. и т.п. Экологисты требовали начать охрану окружающей среды, военные и политики – начать войну, моралисты – соблюдения всех библейских заповедей, революционеры – бомб (и сатрапа, которого можно ими забросать). А иначе им жизнь – не в жизнь. Предпочли умереть, чем лезть в компьютер.

Но многие соглашались, причём без предварительных условий.

Всех таких приняли. Тут-то и началось. За десять тысяч лет в компьютере собрались неандертальцы, алхимики, рыцари, компьютерщики, лесорубы, лётчики, извозчики, космонавты, палачи, гадалки, учёные, писатели, художники, служители культов всех времён и народов. Единого коллектива не получилось. Кучковаться стали. Объединяться по расовому, национальному, религиозному, профессиональному признаку. Всякие масоны, адвентисты седьмого дня, йоги, спартаковцы, любители пива и т.п. Но это пусть, это ладно. Хуже, что они устроили в компьютере набор государств, в каждом организовали борьбу за власть, бунты, перевороты, революции, гражданские войны, а затем и межгосударственные войны переросшие в мировые. Если люди каменного века дерутся палками, то 19-го пушками, а 20-го за ядерное оружие взялись. Лучшие умы стали быстро повышать свои знания и умения и всю свою бессмертную жизнь посвятили созданию эффективных методов уничтожения всех и вся. И преуспели в этом. Начали присматриваться к Солнцу (как к потенциальной водородной бомбе), и провели предварительные работы по уничтожению его и, следовательно, всех планет, включая Землю. Ещё немного и они уничтожили бы всё К-сообщество.

Всемирный Разум вовремя спохватился. И прикрыл это безудержное развитие науки и стимулированную им страсть к разрушению.

Теперь всех нежелающих жить вечно мы архивируем. Спят тихо, но если кто потребует, того немедленно оживляем. Например, прачка прожила банальную жизнь, умерла, никто её не помнит. Но вдруг кому-то понадобилось стирать кружева, а секрет утерян. Её пробуждают, она учит, что и как надо делать, потом засыпает снова. С активными деятелями сложнее. Всех поступивших на всякий случай лишают дополнительных датчиков и рабочих механизмов. Пиши, читай, рисуй, смотри. Впитывай знания, развивай интеллект. Философствуй. Но никаких действий. Идеи есть? Держи при себе! Цензура проверит: нет ли чего опасного. Если нет – допустит в сеть, а если есть, то нет. Из вредоносного сайта ничего не выйдет наружу, дурь умрёт там, где родилась. Так что в

компьютерном раю свободы теперь нет. Но если кто проявил себя разумным К-человеком и хочет действовать, его интеллект размещают в теле робота, изготовленного из металла, полимера, стекла или керамики. Для питания роботов используют изотопные источники тока, малогабаритные ядерные или термоядерные реакторы, системы утилизации солнечной энергии. Роботы трудятся по созданию оборудования и инструментов для гномов, помогают им в делах праведных.

Термин "гном" (от греч. *знание*) ввёл алхимик Парацельс в 16-ом веке. Он полагал, что гном – это дух земли, первоэлемент, способный двигаться сквозь земную твердь с такой же лёгкостью, как люди перемещаются в пространстве.

В отличие от робота, наш Гном создан из биологического материала, подобного материалу тела человека, состоящего из углерода, водорода, кислорода и азота. Производят гномов по одному лекалу на трёхмерном принтере из предварительно выращенных тканей. Тела у всех гномов идентичны, но лица, волосы и некоторые другие признаки разнообразны, с тем, чтобы даже при беглом взгляде легко отличать одного гнома от другого. По росту гном существенно ниже человека (раньше стандарт был 40 см, теперь – 45 см), но сильнее его раза в полтора. Небольшой рост гнома связан с тем, что он часто работает на планетах, на которых сила тяжести больше, чем на Земле. Все гномы бородаты. Славятся богатством и мастерством. Надев колпак гном невидим для человека. Гномы обеспечивают межпланетное перемещение других гномов, клонов, роботов и различных грузов. Прибыв на планету Земля, они путешествуют на облаке, которое твои современники классифицируют как неопознанный летающий объект, НЛО, считая, что это космическое изделие, хотя оно имеет земное происхождение. Но в основном гномы

трудятся под землёй, исправляя геологические повреждения, возникшие в войнах прошлых цивилизаций. Когда-то они выходили к людям, общались с ними, помогали, учили уму-разуму. Но дело не пошло: люди использовали полученные знания во вред и себе и другим. Теперь это запрещено, некоторые гномы запрет нарушают, проникают человеческое общество, помогают (в роли ангела-хранителя, изредка за небольшое вознаграждение) или мешают ему (в роли демона - соблазнителя, или мелкого хулигана, любителя подухариться). Ну и отвечают за это по всей строгости Космического Закона.

У нас Белоснежка работает тренером гномов по сексу.

Как и человек, гном может быть или мужчиной или женщиной (других вариантов не предусмотрено). Гномы ростом не вышли, но члены у них большие, мужики завидуют, женщинам нравится и при случае они охотно вступают с гномами в половые связи. Тем более, что они – профессионалы в сексе: тренер у них – Белоснежка. Она обычно играет с семьёй гномов сразу, т.к. только так получает удовольствие. Если женщина беременеет от гнома, тот всегда находит и оплачивает акушерку. Но, контакты гном-женщина ограничены, поскольку теперь гномов редко допускают до человеческого общества. Среди гномов встречаются геи, но большинство женится на своих подругах – гномихак (гномках).

Женщины-гномы мало отличаются от мужчин. У людей есть легенда, что гномихи бородаты, поэтому их нельзя отличить от гномов. Это – клевета. Просто люди их никогда не видели, потому и врут. Даже мнение, что у женщин-гномов есть бакенбарды, не соответствует действительности. Надо сказать, что если гномы мужчины на взгляд

человека вполне безобразны, то гномки весьма красивы. Они любят танцевать и танцуют сальс (нечто вроде мамбо). Заняты они семьей и от дома далеко не отлучаются.

Для К-человека перейти в тело гнома трудно – конкурс большой, нужно пройти несколько кастингов, требуется одобрение специальной комиссии.

Ещё труднее стать клоном.

Клонироваются только личности с исключительным интеллектом или уникальные специалисты. Обычно – это инкарнации знаменитых личностей. Примеры: Ньютон, Эйнштейн, Резерфорд, Окуджава, художники Босх, Гойя, Дали, Врубель и многие другие.

Клон в переводе с английского – веточка, побег. Это потому, что фруктовые растения размножают вегетативным способом. Этот термин перенесли на любого потомка почти идентичного предку. Процесс назвали клонированием.

Клонирование — получение нескольких генетически идентичных организмов путём бесполого размножения.

Клонирование человека в виде гнома состоит в создании эмбриона, последующего выращивания организма (либо подобного исходному, либо преобразованному по требованию копируемого предка или исходя из требований будущего использования, определяемого регулирующим органом) и зачатки в мозг необходимой программы действий, объёма знаний, навыков и моральных качеств (либо идентичных предку, либо модифицированных). Здесь возникает проблема идентичности. Дело в том, что химические процессы как в биологической, так и не в биологической системе квантованы. Как известно, главное ограничение квантовой механики – соотношение неопределённости Гейзенберга. Эта неопределённость не позволяет достигнуть абсолютной идентичности индивида и его клона. Тела предка и потомка полностью не совпадают. Ситуация напоминает близнецов: они похожи, но мать их как-то различает. Следовательно, разница есть. Ещё сложнее добиться идентичного клонирования сознания. Из-за неконтролируемых флуктуаций, бывают случаи кардинального отклонения способов мышления и нравственных устоев нового человека от старого. Это снижает практическую ценность клонирования. Особенно, если последовательным клонированием создается цепочка потомков: внуки, правнуки, праправнуки и т.п. Чем дальше потомок отстоит от предка, тем больше вероятность аномалий.

При создании биологических объектов, т.е. систем, способных воспроизвести самоё себя, помимо считывания информации мозга, приходится считывать информацию с ДНК и РНК. ДНК – основа хромосом – постоянная память клетки, обеспечивающая наследственность. Если хромосома – хранилище информации, то ДНК – отдельный информационный массив из этого хранилища. Массив очень большой и хорошо защищённый. При считывании информации возникают проблемы, причём на каждой стадии многоступенчатого процесса. При считывании информации спираль ДНК разворачивают и разрезают вдоль оси, потом копируют каждую одиночную последовательность ДНК, получая РНК. По частям – генам. Образовавшийся матричный мРНК-предшественник превращают в форму матричной (информационной) мРНК, пригодную для трансляции, т.е. синтеза белка. (Если ДНК – полный набор чертежей для изготовления белков, находящийся на хранении в сейфе директора завода, то мРНК – временная рабочая копия чертежа, выдаваемая в сборочный цех. ДНК не содержит чертежи *взрослого* организма, это «рецепт» по его изготовлению). Считывающим аппаратом является рибосома – логическая машина клетки, превращающая последовательность нуклеотидов мРНК в белок, или копию, или набор химических команд. Обмен информацией внутри клетки осуществляют химические соединения: ферменты, гормоны, блокаторы, активаторы, и др. Их роль следует зафиксировать, превратить в алгоритмы и передать на реализацию 3D-принтера. При этом следует учитывать, что информации с ДНК и РНК – абсолютные противоположности, т.к. получают контактным копированием (как позитив и негатив). Для того, чтобы получить

полную копию информации ДНК, необходимо процесс копирования повторить дважды: позитив – негатив – позитив. Возня!

Биологический материал ограничен и малодоступен, операция клонирования сложна и трудоёмка. Поэтому к ней прибегаем в исключительных случаях. Клонировуются выдающиеся учёные – экспериментаторы (теоретики прекрасно существуют в компьютере, биологические тела им не нужны), художники – новаторы, экспериментаторы и инженеры, работающие в масштабе человека, лётчики, автомобильные гонщики, матери-героини, готовые рожать без усталости, хирурги, массажистки, проститутки и знаменитые куртизанки, гимнастки, балерины, фокусники, химики-синтетика, ветеринары – все, кто имеет дело с предметами, аппаратурой, живыми организмами... Большинство из них уже умерло, их приходится реконструировать, но из-за частичной потери информации возникают существенные ошибки. Иногда рождаются полные бездарности и идиоты. Идёт брак, такие организмы приходится отбраковывать. Как в Спарте...

Из ныне живущих клонируем в основном властителей, политиков, и прочих лиц повышенного риска (военных, бандитов, активных террористов, деятелей МЧС, пожарников и т.п.). Обычно оригиналы мы забираем к себе (в дальнейшем они служат эталонами, по которым мы их тиражируем при необходимости), а на тронах восседают их клоны. Можно сто раз убить Гитлера и сжечь его труп. Это не важно, он тут у нас. Кстати, можешь с ним пообщаться, равно как с Лениным, Сталиным, Марксом, Кромвелем, Маратом, Робеспьером, Наполеоном, Мао Цзэдуном, Мата Хари, Сонькой, Золотой Ручкой, даже с Хрущёвым и Кастро – они у нас, у вас они есть, но это – клоны.

Мы клонируем не только людей. У нас находятся представители всех без исключения биологических видов, существующих, или существовавших на Земле. Но это далеко не всё! Мы создаём точные копии персонажей легенд и сказок. При случае поинтересуйся. У нас есть Кощей, Баба Яга, Илья Муромец, Василисы (либо Прекрасная, либо Премудрая, совпадение в одном организме невозможно), Колобок, Конёк-Горбунок, Буратино с Мальвиной, Жар-птица, Алконост, Сирин, Гамаюн, Стратим, Финист, Царевна-Лебедь, Эльфы, Титании... Всех не перечислишь. В больших количествах представлены Снежные Человеки (Йети, Чучуна), Снегурочки, Синильги, Снежные Королевы, Хозяйки Медных гор, Русалки, Сирены. С некоторым ты уже знаком. Есть и экзотика: черти, абаасы, кикиморы, шишиморы, домовые, лешие, водяные, банники, вампиры, оборотни, шишиги, нежити, и прочая нечисть. Живут они в резервациях, заповедниках, заказниках. Иногда вырываются на волю, пугают честных людей.

Естественно, что Космический Разум много внимания уделяет математическому моделированию и теоретическим разработкам различных аспектов Ноосферы с целью прогноза её эволюции, и разработки оптимальных способов реализации эффективного развития. Но этого оказалось мало. В Мире есть порядок, но есть и случайность, неопределённость, флуктуации, которые мешают внедрению нововведений в жизнь, мешают прогрессу. Приходится прибегать к физическому моделированию. Иногда на Земле, но чаще на какой-нибудь другой подходящей планете, воссоздаётся общество, политическое устройство, техническое и хозяйственное состояние, и даже климат какого-либо исторического этапа. Например, детально восстанавливается жизнь на Земле во второй половине 18-го века, с основным акцентом на Францию. Цель моделирования – обязательна ли Великая Французская Революция? Могут ли какие-то случайные флуктуации предотвратить эти события или повернуть их совершенно в другое русло. Если бы мошенничество с ожерельем Марии Антуанетты не было раскрыто и раздуто, при штурме Бастилии пошёл мощный ливень и разогнал толпу, если бы Шарлотте Корде не хватило здоровья зарезать Марата, то что стало бы с французской революцией?! Мы уже десяток раз провели физическое моделирование этих событий. Полной идентичности не удалось достигнуть ни разу. Два раза всё развивалось почти по стандартному сценарию (хотя и встречались заметные локальные отклонения), в остальных случаях судьба

Франции и мира в целом кардинально отличалась от того, что происходило в Европе на самом деле в конце 18-го – начале 19-го веков.

Поэт писал:

*Несильный насморк в день сраженья
И головная боль с утра
Определяют поражение
Наполеона и Петра*

*Подумаешь, какая малость
Способна гения сгубить!
Но гением владеет вялость
И, значит, гению не быть.*

*Нужны спокойствие и сила,
Чтобы бесстрастная рука
Легко в пространстве ощутила
Нить, уходящую в века.*

Мы сейчас как раз прорабатывает вариант отсутствия насморка у Наполеона в начале битвы при Ватерлоо. Смог бы он выиграть это сражение, если бы был в форме. К каким бы последствиям это привело? История не имеет сослагательного наклонения. Но их физическое моделирование теперь возможно, и необходимо для вывода объективных законов социальных процессов, слабо подверженных флуктуациям.

Таким образом, человек после смерти может пребывать в четырёх видах: в архивированном (пассивном) состоянии, как К-человек (в активной компьютерной форме), как гном (индивид Космоса) и как клон (копия известного какого-либо человека, по возможности, идентичная или как-то направленно модифицированная).

Как развитая цивилизация, мы могли бы тиражировать идеальных людей (общественно активных, нравственных, умных, умелых и добрых) и периодически запускать их в человеческое общество. Но еврикой мы не занимаемся. Дураки, подлецы и мерзавцы нам интересны не менее, чем умные и благородные. Важна самопроизвольная эволюция развитие человеческого общества, развитие его наук и производств, течение прогресса до полного уничтожения цивилизации руками её деятелей. Естественно, мы могли бы поработить земную цивилизацию, превратить людей в рабов. Это, однако, мы никогда не сделаем. Вы ведь то же можете уничтожить комаров, клопов, разрушить муравейники. Но вы этого не делаете. Вы даже такого хищника, как амурский тигр уберегаете от браконьеров и создаёте ради него заповедник. Потому, что вы понимаете главное требование экологии: сохраняй биоразнообразие. Вот и мы так: *каждой твари по паре.*

На этом вводная кончилась.

А я тут причём?! Зачем мне это всё рассказали? Просто так, или от меня что-то хотят?

В гостях у Вацлава

Появился, как всегда весёлый и жизнерадостный Вацлав, и повёл к себе знакомиться с жизнью простых гномов и его собственным семейством. Я, естественно, знал что у гномов нет знати: любой член общества обладает абсолютно равными правами. Не согласен! Лично я всегда полагал и полагаю, что успешное общество возможно только при наличии в нём аристократии. С интеллигентами, да мещанами каши не сваришь. Аристократы (по рождению или аристократы духа) необходимы для создания прочного государства. Без национальной аристократии выходят чехии и латвии. Гномы попробовали сыграть на равенстве – ничего не вышло, получилось бездуховное общество технократов и образованцев. Паровую машину и порох они изобрели, но ноосферу – нет ли. Даже без чиновников они обойтись не смогли, выбирают их на все уровни (и мужчин и женщин – мечта феминистки), присваивают им различные титулы. Впрочем, они руководят только в конторах и только в рабочее время. В основном же заняты любимым

делом – изобретательством. Правитель у гномов зовётся Верховным Технарем. В моё время им был гном Тесла. Колдуны среди гномов есть, но их мало: колдовство не одобряется. Между собой они говорят на гномском языке, но со мной – по-русски.

Мы шли по деревне. Ни один дом не был похож на другой. Какой-то лабиринт улочек, проулочек и тупиков. Цеха, склады, конторы, жильё всех видов и размеров. Дома забиты под завязку. В небольшом живут до 20 гномов, переполняя теремок. Жители общительны, дарят друг другу подарки, приглашают прохожих, угощают их. Как известно, гномы помешаны на разработке радикально-новых технологий и на создании инженерных чудес. Это чувствовалось. Деревня была полностью автоматизирована, бродили механические петухи и курицы (уж не знаю, какие они несли яйца), нектар с цветков собирали металлические пчёлы. Механизмы полезные, но как я понял, гномы основные усилия тратят на обход законов времени, пространства, физики, химии, биологии. И здравого смысла.

Дом Вацлава одновременно служил ему мастерской. Бардак полный. Везде валяются инструменты, приборы, детали каких-то конструкций и заготовок. Кучи книг, журналов, газет и листков с напечатанным или рукописным текстом. Смятые и порванные. Хозяин, похоже давно не мылся и не переодевался, волосы торчат во все стороны. Вот уже несколько дней, как он не ел – состоял в творческом поиске. По дому сновали роботы: прислуга и подмастерья. Вацлав работал над важной проблемой: создание таблеток еды. У него были патрончики с шариками, типа гомеопатических лекарств, разного цвета: зелёные (завтрак), синие (обед) и красные (ужин). Я попробовал все три типа, но не наелся, наоборот, есть захотелось с удвоенной силой. Видимо таблетированная пища ещё далека от совершенства. Другое дело капли: вино, коньяк, водка. Мне дали три капли ликёра и я захмелел. Каждый гном сам варит себе пищу. Тут каждый изобретатель проявляет себя в полную силу. Получается чёрт знает что. Попробовал, но есть не смог. Так и ходил голодный.

Вацлав работает с двумя напарниками. Один отвечает за новые заговоры и заклятья, работает над прямой и обратной трансформациями лягушки в красавицу. Дугой создаёт гуманитарное оружие, т.е. оружие, которое уничтожает только человека, не портя окружающую среду. Примером является рой керамических комаров, которые атакуют со всех сторон человека и своим мощным ядом убивает его. Есть и шмели, несущие напалм, выжигающий кислород в помещении. Морда у этого второго напарника вся искорёжена (пострадал при испытаниях). Руки тоже нет – неосторожное обращение с новой взрывчаткой на основе соединений инертных газов. Гномы не хуже меня: обожают что-нибудь взорвать. Но за техникой безопасности особо не следят.

Когда начало темнеть, гномы устроили вечеринку. Играла весёлая музыка, был яркий и громкий фейерверк, все пели и плясали. Появилась Белоснежка в длинном платье и декольте. Я танцевал с ней. Любовь гномов к дружбе и жизни лучше всего проявляется на этих празднованиях, где есть всё: громкая музыка, яркие огни фейерверка и оригинальные песни. Праздник продолжался до тех пор, пока от усталости не упал последний гном.

Наука и техника

Утром Вацлав повёл меня осматривать научные лаборатории.

Пока шли, я поинтересовался почему они в гномов вселяют обычные души, а не отбирают умных и способных. Он объяснил, то талантов и гениев тиражировать ни к чему. Совместно они работать не смогут. Есть корневой закон. Если совместно трудятся 4 человека, то 2 работают во всю мощь, а два сачкуют, т.е. продукт выдаёт 50% трудящихся, если работает 9, то эффективны 3, а если 100, то 10, т.е. эффективность 10%. Но это не значит, что 90 не нужны. Они нужны, ибо без них активные закиснут. Балласт не должен состоять из гениев – нужны середнячки. Мы производим всяких, хотя умные и умелые имеют преимущества.

Второй вопрос: как сказывается греховная жизнь на загробной карьере. Ну, там ад или рай. Если я праведник и безгрешен (за всю жизнь ни одну библейскую заповедь не нарушил), то могу я выбрать форму существования, которое хочется, или нет? А если грешил и не каялся, то, значит, буду архивирован, как минимум, а как максимум буду страдать, например, как жертва палача. Вацлав объяснил, что грехи – это чисто человеческое понятие, чтобы держать индивида в узде, иначе забалует. Нас интересуют умственные способности (высокий коэффициент интеллекта, *IQ*), способность учиться и профессиональные навыки. Грубо говоря преимущество имеют целеустремлённые умные мастера. Нравственность нас не важна – в компьютере негде развернуться. Им исполнительных механизмов не даём.

В дороге успел задать ещё один вопрос: каковы отношения гномов с гоблинами, троллями и ограми? Почему они нам не встретились?

– Гоблины – наши ближайшие родственники, они, как и мы, живут под землёй. Но они не переносят солнечного света. А нам без разницы: мы и день и ночь любим. В отличие от нас они довольно высоки (некоторые экземпляры доходят до двух метров. Для подземной жизни это неудобно, приходится ходить на четвереньках. Гоблины уникально уродливы. Это заметно даже когда они превращаются в людей: длинные уши, страшные, похожие на кошачьи, глаза, и длинные когти на руках. Уши они прячут под шапку, когти — в перчатки, а вот глаза им никак не скрыть, поэтому узнать их можно по глазам. Народ этот довольно примитивен и постепенно вымирает. Небольшие колонии гоблинов живут к нас в заповедниках.

Что касается огров, то они когда-то существовали, сейчас в природе их нет. Мы по кельтским легендам изготовили несколько экземпляров, но неизвестно насколько они соответствуют реальным. Это — безобразные и злобные великаны (высота до 40 м). Людоеды, отдающие предпочтение маленьким детям. Живут на болоте, но могут и в лесу. Обладают огромной силой. Интеллекта нет. Охотиться с дубинами у нас не на кого, младенцев им не даём. Поэтому они сидят в болоте и из костей, которые мы им поставляем, изготавливают талисманы и сувениры. Разговаривать они не могут – мычат, чего-то выкрикивают, руками машут.

А тролли да! Это серьёзно.

Они – представители совершенно иной цивилизации. Ведь в Космосе существуют разные живые общества, тела членов которых базируются на разной элементной основе. Есть протонная цивилизация (на водороде), углеродная (люди, гномы, гоблины), на железе, кремнии и даже эфире. Тролли – это жизнь на базе кремния. Тело тролля имеет природу камня, т.к. он рождается из скалы. Точнее, составляющая их материя – кремнеорганика. Тролль живёт в темноте, на солнце он каменеет, поэтому охотится только ночью. Питается мясом. Часто пожирает людей. Рост у них разный: зависит от местожительства. Рост пещерных троллей до 8 м, лесных 0,5 м. Существа они довольно уродливые, характерный признак – очень большой нос. Обитают в горах, лесах и под мостами. Горный тролль с виду похож на гору или гигантский валун, поросший мхом и вереском, а иногда и деревьями. У него обычно одна голова, но может быть и несколько: 5 – 10, а то и больше. Тролли под мостами отличны от обычных: могут превращаться в людей (если встретишь кого с огромным носом, ни в коем случае не пожимай ему руку: раздавит и оторвёт). Такие тролли не боятся солнечного света, не едят людей, уважают деньги, падки на человеческих женщин (видят в них не еду). Красавицы любят чудовищ и рожают от них детей. Кстати, у троллей есть дурная привычка: они проникают в человеческие семьи, похищают новорождённых детей и подменяют их своими младенцами. Как кукушки! В отличие от мужчин, женщины-тролли (троллины) очень красивы. Раньше соврацали рыцарей, теперь рыцарей нет, но они иногда совершают рейды в южные страны, похищают мужиков и используют их как сексуальных рабов. К сожалению, среди них встречаются профессиональные убийцы. Тролли довольно глупы. Дело в том, что у кремнийорганических существ, мышление зависит от температуры

окружающей среды. Кремнийорганический мозг плохо работает при нормальной температуре, при сильном охлаждении тролли проявляют сверхвысокий интеллект. Тролли-великаны враждуют с богами и людьми. Они свирепы, жестоки и упрямы. Основной борец с ними — бог Тор (бог грома и бури), специализация которого – защита людей от великанов и чудовищ. Он своим раскалённым до красна молотом ополовинил популяцию троллей. На Земле их практически не осталось. Есть небольшие колонии в резервациях, но в основном их переселили на другие планеты, причём на одной из них они начали активно размножаться и их цивилизация процветает.

Шли мы шли, и пришли на строительство нового ускорителя. Свойство бозона Хиггса изучать собрались. Я полагал, что Космический Разум их уже знает. Занялись бы лучше кварками. Говорят, они есть, но я в это не верю.

На стройке суетились гномы. Муравейник какой-то. Прорабом был Лаврентий Берия, а автором проекта – Капица, который наблюдал за строительством сквозь большое стекло, прохаживался и напевал:

Трудно жить на свете

Пионеру Пете:

Бьёт его по роже

Пионер Серёжа.

Не понял, чего он это? Королёв трудился над каким-то антигравитационным двигателем в другом крыле здания и ни к кому не приставал и по роже не бил.

Зашли попить кофейку в местную столовую (вечером – кафе). За соседним столиком Ньютон спорил с профессором МГУ Фоменко по актуальной теме: когда жил Аристотель: 2300 лет, как утверждают историки-профаны, или всего 230 лет тому назад. Резерфорд ругал футболиста Бора и его квантовую теорию. Менделеев разъяснял Ландау элементное строение эфира. Демокрит критиковал Лейбница за идею производных, дифференциальных уравнений и за изгнание им атомизма из математики, предсказывал тупик на этом пути всему естествознанию, призывал к развитию дискретной математики, как эффективной альтернативы непрерывному подходу. Все галдели, никто никого не слушал. Между ними сновали цыганки и гадали на научные темы.

Кофе – так себе. В профессорской столовой МГУ готовят лучше.

Покинули кафе. Мне бы хотелось посмотреть работы по термояду (получилось ли что на Токамаках?) и по холодному термоядерному синтезу. Но Вацлав потащил меня смотреть физическое моделирование Октябрьской революции и Гражданской войны в России. Интересно, если бы мосты в Питере не развели и Аврора не подошла к Эрмитажу, то что бы вышло. Наследовал бы я свои имения в Белоруссии, Польше и Финляндии, или нет, и растранижил бы их мой отец на женщин, как собирался или нет.

Долго шли по коридорам, лестницам, мостам и туннелям, катались вверх-вниз на лифтах. По дороге поинтересовался почему здесь столько женщин: помимо Бабы Яги есть злые волшебницы, колдуньи, ведьмы всякие (Наина, Гингема, Бастинда и прочие), Белоснежка, Снегурочка, Синильга, Хозяйка Медной Горы, Снежная Королева.

– Мы все уважаем Синильгу. Она нас в своём краю приютила:

Не бродяги не пропойцы за столом семи морей

Вы пропойте, вы пропойте

Славу женщине моей

По поводу всяких ведьм Вацлав высказался в том смысле, что перекося особо нет, тут есть и нечисть мужского пола, просто я ещё с этими ребятами ещё не общался. А остальные по делу: Хозяйка Медной Горы наблюдает за горными работами гномов, иногда вмешивается и в работы людей (горняков и шахтёров), особенно если речь идёт о добыче редких минералов, полудрагоценных и драгоценных камней. Белоснежка тренирует гномов по технике грамотного секса. Тунгуска Синильга – королева Якутии и всей Восточной Сибири. Сейчас грустит, не может простить, что люди убили её суженного. Теперь мстит человечеству. Знакомится с мужиками, соблазняет, затаскивает постель. Тело у неё ледяное, пенис, попав во влагилице, замерзает, мужик погибает. Она

тебе тоже предложит, но ты откажись. Снегурочка - натура влюбчивая, жаждет любви, но беда: начнёт обниматься с любимым и сразу тает. Остаётся одна лужица. Ну, а Снежная Королева правит всем Севером, мы в её владениях, она и командует.

Ещё на подходе, я встретил Сесилия Родца – африканского алмазного миллионера и авантюриста, расспросил его Кимберли. Разговор получился интересным. Потом поделюсь, сейчас не хочу отвлекаться). Хотел ещё попасть в мир якутской мифологии, раз уж я в этих краях путешествую. Не вышло!

Только мы приняли участие в эксперименте по Октябрьской революции, как возникла запыхавшаяся Снегурочка и объявила, что меня требует к себе Снежная Королева.

У Снежной Королевы

Сели всей компанией на облако и полетели к местному начальству. Было сыро. Ковёр-самолет, кое-как уложенный на облако, трепетал краями и всё время норовил выскочить из-под меня. Хотелось пристегнуться, но не к чему. В ухо дует, заряды дождя и снега в морду. Приземлились, облачились в шубы-шапки-валенки-рукавицы и в санях, запряжённых оленями, понеслись в морозную даль по глубокому снегу. Тряслись на ухабах пару часов и, наконец, лихо тормознули у дворца Снежной Королевы. Точнее, не у самого дворца, а у подножья горы, в виде пика, на вершине которого и располагался ледяной замок. Множество башен, то ли сосулков, то ли минаретов, то ли фаллических символов, тянулись вверх. По извилистому серпантину долго пёрли в гору, глотая морозный воздух. Стены замка, из прозрачного льда, светились изнутри различными цветами, которые мерцали, меняя положение и окраску. Вокруг замка – северное сияние. Вот это красиво!

Ворота распахнулись сами собой. Никто нас не встречал. Широкая лестница привела нас к дверям из морёного дуба. Они распахнулись и мы вошли в тронный зал. Он был пуст. Сесть было не куда. Мы стояли. Было время осмотреться. Шапки из вежливости мы сняли, но они бы не помешали: температура в помещении была явно ниже нуля. Хорошо хоть ветра не было.

Замок-дворец Снежной Королевы располагался на вершине горного пика.

Ветерком пахнуло, когда появилась Снежная Королева. Она, звеня украшениями-ледышками, проскользнула к трону и утвердилась на нём в виде глыбы льда.

"Она была так прелестна, так нежна, вся из ослепительно белого льда и все же живая!" – так описывает Ганс Христиан Андерсен свою героиню. Ну, не знаю, не знаю. Она, конечно из льда и живая, не столько прелестна, сколько красива классической строгой красотой. Впрочем, на любителя. Но нежна? Точно – нет! Никакой нежности не наблюдалось. От неё веяло холодом и смертью. Девственница, небось. Вряд ли кто решится с ней переспать, да и она не станет сексом заниматься – растает ведь, не хуже Снегурочки. Ей не до этих глупостей. Глаза её сверкают, но это лёд, холодное сердце и каменная душа. Красота замороженная. То же мне повелительница снега, буранов и льда!

Несчастливая баба, в сущности. Гордится своим ледяным (т.е. правильным) разумом. А он нужен кому?! Лучше бы засмеялась и в пляс пустилась.

Снежная Королева, однако, веселиться не стала, строго посмотрела на меня и произнесла речь:

– Как Вы уже, вероятно, догадались, Вы являетесь клоном, конкретно — реинкорнацией немецкого поэта, государственного деятеля, мыслителя и естествоиспытателя Иоганна Вольфганга фон Гёте. У Вас — его способ мышления, нравственность и работоспособность. Не первый раз Вы командуетесь в человеческую цивилизацию. Раньше Ваша деятельность была успешна, иначе бы Вас давно заархивировали в Мировом Компьютере. Но времена меняются. Гёте жил в эпоху положительных перемен, когда требовалась новая философия, новая наука, новая литература, новая культура, новые идеи (политические и хозяйственные) и даже новая религия. Он во всём принял участие и стал знаменит. Заслуженно! Вы же идёте в эпоху отрицательных перемен. Вы будете свидетелем крушения великой идеи, развала мощной империи, на месте которой возникнут враждующие халифаты со злыми сатрапами во главе. Возродится религиозный фанатизм без религиозного чувства. На радость народа воцарятся воры, бездарности и клерикалы. Зваться они будут либералами и демократами, но это — враньё. Всё, что создано в предыдущую эпоху будет разграблено, растащено и промотано. Никаких в прорывов в живописи, музыке, театре, кино не произойдёт: одно пережёвывание старого. Образование будет практически уничтожено: алгебру, геометрию, тригонометрию в школе преподавать не будут — закона божья вполне достаточно. Что такое биссектриса и как извлечь корень из девяти никому знать не надо. Развитие науки не будет остановлено, но резко замедлится. И это правильно. Развитие науки и особенно техники в 20-ом веке шло быстро. Слишком быстро. Намного быстрее развития сознания человека, быстрее приспособления его менталитета к новому миру. Человек как был хищником, бесхвостой обезьяной, готовой съесть себе подобного, так и остался. Но теперь он — обезьяна с гранатой! Он готов уничтожить и себя, и себе подобных, и весь мир вокруг себя. Таков финал развития человеческого разума неизбежен. Но его надо отстрочить. Рано ещё, время коллапса придёт позже.

Твоя задача не столько развивать науку, сколько тормозить её развитие. Нельзя допускать создание направлений двойного назначения и, тем более, военного. Важно, чтобы учёные как можно дольше верили в теорию относительности, квантовую механику, кварки, чёрные дыры, нейтронные звёзды, термоядерный синтез с гигантским выигрышем энергии т.п. — во всё то, что не имеет никакого отношения к реальности. Чем дольше они будут заниматься этой антинаучной чушью, тем лучше. Настоящего оружия на этом пути не создашь. Занимайся наукой, создавай методики, аппаратуру, решай уравнения, двигай теорию диффузии, издавай монографии и учебники, пиши рассказы, т.е. будь активным, преодолевай козни бездарных машек и наташек, недоразвитых крокодилов и всяких "эффективных менеджеров". Но так, чтобы после тебя ничего ни осталось. Энтропия в мире не должна измениться. Ты исчезнешь без следа. Это трудно, но можно. Справишься! Счастливого пути!

Пятясь, чтобы не повернуться к Королеве задом, мы покинули зал, спустились по лестнице, а затем скатились по ледяному склону к оленям, ожидавшим нас у подножья горы.

Сiesta

Проснулся я с явным неудовольствием. Весь скрюченный, согнутый и заваленный снегом я сполз по склону и теперь был впечатан в скалу над пропастью. Как горный козёл! Стал разминать затёкшие члены и чуть не отправился в свободный полёт. Аккуратно, аккуратно, как змея вернулся я в свое укрытие под скалой. Там имело место некое разорение. Сука песец, прогрыз мою штормовку, в которой было завёрнутое козлиное

мясо и уволок заметный кусок. Всё утащить оказалось ему не под силу. Мне ещё килограмм пять осталось. Но всё равно: встречу – пристрелю гада.

Собрал разбросанные шмотки, мясо, оружие, образцы и пошел искать АС. Жаждалась, небось. Шлялся я аномально долго. Не померла ли она от голода, часом?

Не столько пошёл, сколько побрёл. Сказывалась высота и недавняя болезнь. Вроде здоров, а последствия сказываются: шатает и все члены, как замороженные. А надо ещё сообразить, куда идти. Где это АС сейчас обитает? Ни карты, ни фотосъемок, ни компаса. Гуляй себе! Горы сложного рельефа, провалы, пропасти, обвалы, ледники, снежники и неожиданные болота на вершине. Всё обходить надо, а троп нет. Не то что деревья, кустика нет. Каменно-снежная пустыня без ориентиров.

*Ах, где мой дом, весь сотканный из света,
На тайных окнах – синий габардин*

Не то, что габардин, брезентовую палатку, порванную медведем, найти бы.

Как ни странно, но нашёл. Скатился в какую-то щель и точно упал на нашу палатку.

Анастасия Семёновна крайне удивилась моему появлению.

– Что так быстро? За сутки смотался туда и обратно! По всему хребту? Ты что – орёл?! Походил вокруг палатки и вернулся? Что в отчёте писать будем?

Я представил ей образцы пород и минералов явно не местного происхождения, пообещал показать фото долины Индигирки, которое можно сделать только с противоположного конца нашего хребта, достал остатки козла. Она удивилась, успокоилась и стала готовить мясо, ворча, что чая нет. Я спустился к кромке леса, добыл дров (горючего материала), принёс котелок воды. Мы сварили нечто съедобное и плотно пообедали. Заползли в палатку и спальники и с чувством исполненного долга заснули.

Сиеста!

Жизнь прекрасна, когда в ней нет места подвигу!

Масоны

*И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.*

Проснулся я от восторженного лая Графа, который ворвался в палатку и теперь плясал на мне, облизывая мои уши, нос, губы – всё, до чего смог дотянуться. Всё же приятно, когда кто-то рад встречи с тобой. Каюр развьючивал лошадей с доброй улыбкой героя – прорвался-таки сквозь горящую тайгу. Сатэра тоже был мне рад.

Хорошо оказаться в дружеской компании.

*Ах было б только с кем,
Ах, было б только с кем,
Ах, было б только с кем поговорить!*

Обсудили перспективы. Спускаться пока нельзя – тайга в долине догорает, но ещё горит. Не то что работать – караваном идти опасно. Да и здесь дела не сделаны.

Каюр с лошадьми спустился до леса на противоположном склоне хребта. Провизии у нас на несколько дней. Стали мы с АС бродить по окрестностям, я бил камни, начальница сортировала их, упаковывала в мешочки и маркировала их. Потом всё это упаковывали во вьючники. На третий день собрались и начали спуск.

Сначала двигались по скалам, осыпям, снежникам, курумникам. Потом пошли тянувшиеся на десятки километров массивы сухих исковерканных лиственниц. Пересекли кладбище поваленных, изломанных, гниющих стволов и пней. Сквозь черный пепел старых пожарищ пробивалась крапива да лоснится пегий лишайник. Вошли в недавно горевший лес. Чёрные, обугленные деревья, чёрная земля. Не птиц, не зверя. Местами из земли валит дым и даже трудно было дышать. Увы! Болота не сгорели. И мы опять в них купались. Этот процесс я уже неоднократно описывал, повторяться не буду. Безрадостное путешествие. Ноги, руки не переломали – уже хорошо.

Через несколько часов сползли до реки, прошли вниз по течению и свернули направо, уже в свою долину. Короткое северное лето было в разгаре. Всё спешило созреть и плодоносить. Травы, деревья, волчья ягода, жимолость и шиповник наливались солнцем. Воздух прозрачен и настоян на кедровой смоле. Переливалось знойное марево, дымился таежный гнус, в реке и протоках плескалась рыба. Лошадь вскидывала головой, дергала поводья, спотыкалась о корневища. Пошли вверх, последовательно преодолели нескольких распадков и достигли зимника Петра.

Петр, Анатолий и Нина были на месте. Встретили нас радостно.

– Будь готов! – отдала салют Нина.

– Всегда готов! – отвечал я несколько удивлённый: с чего эта она детство вспомнила? В волосах у ней притаился маленький голубой цветок незабудки.

Началась обычная суэта развьючки лошадей и собственного устройства. Явно готовился праздничный обед в честь нашего благополучного спуска с гор. Я стал открывать лаз в юрту и с удивлением прочёл надпись на дверной коробке, выжженную, видимо лучами Солнца, сконцентрированными увеличительным стеклом: "*Ordo ab Chao*". Ну, что! С этим согласен – порядок из хаоса, свобода мать порядка, хаос – порядка отец, детерминированный хаос и т.д. и т.п. Слыхал уже я это в здешних краях. Сильно не удивился – много чего на стенах зимников читать приходилось, причём на разных языках. Странно, что раньше не видел этой надписи, ведь несколько дней здесь жил, ходил туда - сюда.

Но когда вошёл и стал закрывать дверь увидел на ней нечто ещё более занимательное. По притолоке шла надпись: *Lux e tenebris*. Почему-то сразу вспомнились *Deus Meumque Jus, Virtus Junxit Mors Non Separabit, Fiat Lux et Lux fit, Liberte, Egalite, Fraternite!*, как вы знаете, это – по латыни: свет из тьмы; Бог и моё право; что добродетель соединила, то смерть не разлучит; да будет Свет и стал Свет; свобода, равенство и братство. Лозунги масонов. Понятно, масон какой-то сюда забрёл, пока нас не было и следы оставил. И Нину заразил, иначе с чего она вспомнила основной лозунг масонов: Будь готов! И незабудкой украсилась. Хорошо хоть пионерский галстук не повязала и без пятиконечной звезды обошлась. А то я бы сразу понял, что она масонка.

На двери под надписью *Lux e tenebris* был изображён треугольник, внутри которого помещался открытый глаз – Лучезарная дельта. Это, положим, стянуто у христианства, в котором этот знак – символ «Всевидающего ока» провидения, а треугольник символизирует Троицу. Вы, наверное, выдели его на главный портике Казанского собора в Питере, глаз в пирамиде есть над иконой Божьей Матери Исаакиевского собора, он же расположен прямо посреди обелиска погибшим во время Первой мировой войны в Москве, в Одессе – на одном из домов на улице Княжеской, на памятнике погибшим казакам в Полтаве, на кресте всевидящий глаз над входом храма Преображения Господня в Киеве. В Риге на зданиях 17 века целый ряд масонских символов. Присутствует он и на иконах американских правоохранителей, независимо от штата и чина (угольник и циркуль – символ перепланировки мира). Ну, и, конечно все вы видели его на пирамиде американского доллара и надпись «Новый порядок навеки». Светящееся око напоминает масону о всепроникновении Творца (Великий Архитектор Вселенной наблюдает за трудами вольных каменщиков). Это знак просвещённости (принцип сознания).

Естественно, на двери присутствовали: отвес — символ стремления к совершенству, уровень — символ равенства, наугольник — символ уравниваемости и примирения неизменного стремления к совершенству с реально достижимым, символ земного, циркуль — символ умеренности и благоразумия, а также стремления к высшему и духовному, мастерок — символ укрепления братских связей.

Я похвалил неизвестного мастера (беглого бандита, небось) за его прекрасную работу и обернулся, посмотреть накрыт ли стол, поскольку пора было пожрать. Тут я удивился ещё сильнее. В юрте стояли колонны (не иначе, от Храма Соломона сбежали). То же понятно: Мудрость, Сила, Красота — кардинальные добродетели. Пол (я как-то не

замечал, что он вообще есть, ибо раньше он был покрыт слоем шелухи кедровых орехов) стал мозаичным как шахматная доска, перемежающиеся белые и черные клетки (символ взаимопроникновения света и тьмы, доброго и злого начал в мире).

В мире – может быть, а в юрте зачем?!

В некотором смятении духа, посмотрел на избранное общество, готовое к трапезе. Трое сидели на нарах: Нина с незабудкой, АС с веткой акации, Анатолий – без знаков различия, в гимнастёрке. Каюра не было. Пётр, чисто выбритый, без каких-либо следов бороды и усов, придававших ему дикий вид, стоял. На нём был запон – фартук из кожи ягненка – знак чести, отражающий чистоту помыслов и невинность поведения. Оторочка у фартука была голубой (голубой цвет символизирует совершенство, истину, добрую волю, всемирное братство, верность). На руках – белые кожаные перчатки с отворотами, достигающими почти до локтей (белое – символ чистоты, чистых рук). Перед ним на столе располагались кучки мела, угля и глины: свобода, рвение, усердие, соответственно.

На двери юрты красовался масонский символ, с буквой G (геометрия) в центре.

Он провёл рукой по лбу, ладонью внутрь. Каждый присутствующий (кроме меня) взялся за ухо пальцами, поддерживая локоть свободной рукой. Продемонстрировали, что они – свои.

- Снег идет! – предупредила АС Петра.

Я машинально посмотрел в окно. Никакого снега не было. Только тут в памяти всплыло, что кодовая фраза означает: "Среди нас профан!" Профан - это я.

– Однако! – подумал я – мало того, что в горячечном бреду мне приснились компьютерные люди, гномы, фригидные бабы с ледяным телом, так

что я чуть член не отморозил, так ещё и масоны лекции читать будут! Действительно, в Верхоянском крае не соскучишься.

Пётр, не предложив мне сесть, начал речь.

Оглавление

<i>Разбор полётов</i>	1#
<i>Послевкусие</i>	3#
<i>Бунт в МГУ</i>	4#
<i>Наш Павлик Морозов</i>	12#
<i>Гнев богов</i>	14#
<i>Субъективный идеализм</i>	16#
<i>Вечер накануне Ивана Купала</i>	17#
<i>Баня по чёрному</i>	18#
<i>Очищение огнём</i>	21#
<i>Ночь на Ивана Купала</i>	22#
<i>Бакен в зимнике</i>	25#
<i>День рождения</i>	26#
<i>От судьбы не уйдёшь</i>	29#
<i>На хребте Хадаранья</i>	32#
<i>Медведи</i>	34#
<i>Хребет Тас-Хаяхта</i>	36#
<i>Теория горящего полена</i>	37#
<i>Горный козёл</i>	40#
<i>Болезнь</i>	41#
<i>Чучуна</i>	42#
<i>Берегиня</i>	42#
<i>Лечение</i>	44#
<i>В гостях</i>	46#
<i>Экскурсия</i>	48#
<i>Бессмертие</i>	51#
<i>В гостях у Вацлава</i>	61#
<i>Наука и техника</i>	62#
<i>У Снежной Королевы</i>	65#
<i>Сиеста</i>	66#
<i>Масоны</i>	67#